АГАТА

КРИСТИ

Лора Томпсон

Английская тайна

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Агата Кристи. Королева детектива. Любимая писательница миллионов. Женщина, чья жизнь была окутана не меньшей тайной, чем сюжеты ее захватывающих романов.

В своей увлекательной книге Лора Томпсон рассказывает об эдвардианской Англии, в которой выросла Агата Кристи, о ее друзьях, близких, мужьях и дочери, но прежде всего отвечает на многие вопросы, которые по сей день мучают биографов и поклонников писательницы.

- Лора Томпсон
  - ДОМ В ТОРКИ
  - ЮНАЯ МИСС МИЛЛЕР
  - МУЖ
  - РЕБЕНОК
  - ТАЙНЫЙ ВРАГ
  - ОХОТА
  - ВТОРОЙ МУЖ
  - ВОЙНА
  - АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО
  - НА СКЛОНЕ ЛЕТ
  - ДУХ, ДОСТАВШИЙСЯ ОТ БОГА
  - ПРОИЗВЕДЕНИЯ АГАТЫ КРИСТИ
  - ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149

- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193

- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237

- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281

- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325

- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369

- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413

- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457

- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501

- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545

- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554

Лора Томпсон
Агата Кристи. Английская тайна

Винни, моему другу,
1992–2006

Единственное, чего люди не забывают никогда, — это то, что не было разгадано. Ничто не живет так долго, как тайна.

Д. Фаулз. Башня из черного дерева

ДОМ В ТОРКИ

С пяти до двенадцати лет у меня была замечательно счастливая жизнь.

Из письма А. Кристи (1973)

Помню я и еще одно — как Роберт сказал, что на крестинах Руперта Сент-Лу не было злых фей. Я потом спросила его, что он имел в виду, и он ответил: «Ну, если не было ни одной злой феи — откуда же взяться биографии?»

Мэри Вестмакотт (псевдоним Агаты Кристи). Роза и тис

В Торки подъем по Бартон-роуд крут, а наверху ничего нет. Когда-то там стоял дом, в котором родилась Агата Кристи. Теперь его можно воскресить только в воображении.

Всю жизнь Агата Кристи была влюблена в свое детство, и местом действия ее детских грез всегда оставался их родовой дом Эшфилд. До конца дней своих она продолжала видеть его во сне. Когда в 1960 году, через двадцать лет после продажи дома (быть может, это был знак, что детство наконец кончилось?), дом разрушили, она плакала, как дитя.

Поднимаясь по этой дороге, трудно представить себе прошлое: слишком уж мало здесь от него осталось. Бартон-роуд находится за пределами собственно города, однако это не защитило ее от английской современности: аляповатые здания колледжа, склад оптового магазина розничных и импортных товаров, школа и квартал муниципальных жилых домов обрамляют холм, который вел когда-то к Эшфилду. Приблизительно на том месте, где находился дом Агаты, теперь стоит несколько особняков. Минующая их тропа ведет к потайному треугольнику земли, огороженному каменной стеной; не здесь ли проходила в свое время граница сада? Возможно. А вот тут, в прохладном затененном углу вокруг старого пня, вероятно, располагалось Собачье кладбище, где под маленькими надгробиями были похоронены домашние любимцы семьи, в том

числе йоркширский терьер Тони — первая собака Агаты.

Но когда, глядя на этот укромный уголок Торки, слыша скрипучие крики чаек, которые были знакомы Агате так же хорошо, как звучание собственного имени, следуя по не изменившемуся с тех пор «фарватеру» Бартон-роуд, включаешь воображение, то начинаешь почти реально ощущать, как сама Агата идет по дороге вверх или вниз, и ветер треплет ее волосы, и грудь ее вздымается от радости: ребенком она идет за руку с няней; позднее — одна, затянутая в украшенный кружевами корсет, с волочащимся по земле, набухшим от грязи краем подола. Только представьте себе: взойти на такой холм в корсете! Именно сюда ее будущий муж Арчи Кристи притарахтел на своем мотоцикле в поисках рассудительной стройной девушки, в которую влюбился на танцевальном вечере близ Эксетера; сидя за чаем с матерью Агаты, он ждал, когда она вернется из дома напротив, куда отправилась поиграть в бадминтон, — из Руклендза, одного из немногочисленных соседних домов, живших, как и ее собственный, в состоянии расслабленной дремы. Тогда это был ее мир. То были годы эдвардианской безмятежности. В легком мареве одно долгое лето сменяло другое; тень на сбегающие по склонам холма лужайки отбрасывали лишь чайные столики, крокетные воротца да мягко свисающие поля шляп художников-любителей. Воздух был напоен сладким ароматом роз, и чувствовать себя счастливой было совсем не трудно. Агата Кристи на всю жизнь сохранила в памяти душевное состояние тех лет, которые всегда пребывали с нею.

С верхней точки Бартон-роуд открывается вид на Торки — на семь его набегающих волнами холмов и широко раскинувшуюся дугу залива, за которым мерцает бликами море. Примерно эта же картина — отчасти доступная и нам, отчасти хранящая свои тайны — представала взору Агаты, и она любила ее настолько, что, совершая в 1920-х кругосветное путешествие с Арчи, писала матери: «Южная Африка такая же, как все истинно прекрасные места на Земле, точь-в-точь как Торки».

Того города больше не существует. Торки поры Агатиной юности имел свою завершенную форму: это был изысканно красивый самодостаточный уголок, прочерченный полукружьями и террасами, с огромными пастельных цветов виллами посреди деревьев и холмов, со своими ритуалами, внутренней структурой отношений и провинциальной безыскусностью. Это был морской курорт для мягкого восстановления здоровья, из тех городков, куда люди приезжали, заручившись рекомендательными письмами. Летом местные газеты каждую неделю публиковали списки прибывших отдыхающих; про эти списки говорили, что

читаются они как «Готский альманах».[1] Семьи местных жителей принадлежали к тому же социальному кругу, что и семья Агаты: средний класс, тяготеющий к высшему. Такую однородность населения трудно переоценить. Все, что окружало Агату, было надежным и стабильным. Внутри этой стабильности, однако, свобода ее воображения не была ограничена ничем.

Но могла ли она даже в буйном своем воображении представить себе Торки двадцать первого века? В послевоенные годы Агата испытывала почтительный ужас перед социальными переменами; в некотором смысле она была такой же реалисткой в отношении окружающей жизни, как ее мисс Марпл — пожилая дама-детектив, которая всегда ждет худшего и никогда не обманывается в своих ожиданиях. Однако Агата была еще и глубоко верующим человеком — верующим в Бога и человеческую природу. Так могла ли она предвидеть тот исполненный ликования прорыв, который совершит Англия и от которого разорвется сердце ее малой родины?

Одна из самых красивых улиц Торки, Флит-уок, сверкает теперь огненными витринами магазинов; гордый Стрэнд оккупировали любители выпить, в распахнутых на груди рубашках; здание, бывшее с 1851 года ратушей, ныне занимает филиал компании «Теско»; старый банк с его бледно-золотистым каменным фасадом превратился в кафе-бар «Бэнкс»; элегантный прибрежный Павильон постройки 1912 года стал торговым моллом; пальмы чахнут перед входом в ночной клуб «Мамбо»; тихие кремовые виллы рекламируют свободные для продажи помещения и китайскую кухню; по Хайер-Юнион-стрит, где отец Агаты покупал фарфор для Эшфилда, шныряют торговцы наркотиками и бездомные… Приметы современности изуродовали былые благородные формы, перемены, происшедшие в Англии, здесь особенно очевидны, потому что Торки — место для удовольствий, а удовольствия — это то, что теперь лучше всего нас характеризует. Агата тоже ценила удовольствия: обожала удобства, неспешность, праздность. Но другой символ веры мисс Марпл — то, что «новый мир ничем не отличается от старого» и «человеческие существа остались такими же, какими были всегда»,[2] — вызывал у нее сомнения, когда она видела жаждущих острых ощущений курортников, рыгающих на жаре гамбургерами и размахивающих бутылками, как пиками. Она начала сомневаться в будущем в одной из своих последних книг, «Пассажир из Франкфурта», которую написала, приближаясь к восьмидесяти.

«Что за мир теперь настал!.. Все направлено лишь на

то, чтобы пощекотать нервы. Дисциплина? Сдержанность? Они больше ни во что не ставятся. Ничто не имеет значения, кроме острых ощущений.

И какой мир… может это породить в будущем?»

Это породило сегодняшнюю Англию: пресыщенную, ожесточенную, испорченную. Это породило общество, лишенное какого бы то ни было представления о порядке, о причинах и следствиях, об истории. И Агата это предвидела, хотя не верила до конца, что такое время и впрямь придет: «Неужели это Англия? Неужели Англия действительно такая? Чувствуется — нет, еще нет, но может стать».[3] Тем не менее «Пассажир из Франкфурта» в целом кончается утверждением «надежды», «веры» и «доброты». Так что двадцать первый век наверняка бы шокировал и огорчил Агату. Она оплакивала бы город, в котором мечтала, любила, бегала по склонам холма с любимым песиком Тони, где отдала свою невинность Арчибальду Кристи, где стала писательницей. А пуще всего ее опечалила бы унылость нынешних англичан, ибо для нее жизнь была священным даром.

В сегодняшнем Торки Агата повсюду — в витринах магазинов, в музее… И в то же время — нигде. Того, чем была она сама, что сформировало ее, более не существует. Лишь изредка, на миг, мелькнет образ девочки в белом платье, вприпрыжку бегущей по испещренным солнечными бликами улицам и лелеющей в голове кучу тайн. Но нет тайны большей, чем эта: в Англии, явно склонной разрушить все то, во что она верила и что собой воплощала, Агата Кристи остается неизменно популярной. Такой парадокс наверняка заинтриговал бы ее.

Затем она бы задумалась об обеде, о саде и снова уединилась в мире своей фантазии.

Именно в нем она прожила большую часть детства: в мире воображения, пребывавшем внутри Эшфилда. Они были нераздельны. Каждый уголок, каждая тень этого дома были для нее волшебны. Она любила его и с детской непосредственностью, и с осознанностью взрослого человека, интуитивно чувствуя грусть, коей окрашена эта любовь, и понимая, что счастье не вечно и что именно это делает его ощущение столь острым. У нее было чутье на печальные события и необычная для ребенка способность к обобщению. Даже погруженная в теплую неподвижность казавшихся нескончаемыми летних сезонов, она предчувствовала их конец и каждый момент непреложно запечатлевала в памяти.

«Нет большей Радости, чем Радость, к нам снисходящая во

сне…» — писала взрослая Агата,[4] несомненно, вспоминая, сколь благословен был Эшфилд видениями, приходившими к ней в снах:

> «…навевающие мечты поля у подножья сада… потайные комнаты в собственном доме. Иногда ты попадал в них через кладовую, иногда — совершенно неожиданно — из папиного кабинета. Они постоянно присутствовали в доме, хотя ты порой надолго забывал о них. И каждый раз испытывал потом восторженный трепет узнавания. Честно признаться, они всегда оказывались совершенно другими. Но удивительная радость тайной находки оставалась неизменной…»

Это из опубликованного в 1934 году романа «Неоконченный портрет» — одного из шести опубликованных под псевдонимом Мэри Вестмакотт. Он почти так же биографичен, как «Автобиография», которая вышла в свет уже после ее смерти. В этих книгах воспроизводится много одинаковых детских историй, однако «Неоконченный портрет» кажется более близким к реальности того времени, когда он был создан. И написан он с ощущением острой тоски, пронизанной любовью, которую она испытывала к прошлому, вырванному из нее за восемь лет до того, так что раны еще продолжали кровоточить, орошая страницы.

Агата никогда не утрачивала способности смотреть на мир глазами ребенка («…в течение долгих-долгих лет, когда ты все еще была ребенком, каковым останешься навсегда…» — писал ее второй муж, Макс Мэллоуэн, в августе 1930 года). Она сохранила не только собственно воспоминания, но и живое ощущение давних событий. Ничто никогда не было для нее живее, чем память. Герой первого написанного под псевдонимом Мэри Вестмакотт романа («Хлеб великанов»,[5] 1930), Вернон Дейр, — мужчина, но большая часть его ранних лет списана с жизни самой Агаты.

> «Пришла новая няня — худая бледнолицая девушка с глазами навыкате. Ее имя было Изабелл, но все звали ее Сьюзен, поскольку это ей больше подходило. Вернон был немало озадачен и попросил няню объяснить — почему.
>
> — Есть люди, которые, когда они нарекают своих детей, любят обезьянничать: использовать имена высокопоставленных персон.
>
> Слово „обезьянничать“ отвлекло внимание Вернона.

Обезьянничают мартышки. Люди что, крестят своих детей в зоопарке?»

Так же как Агата, Вернон грезил наяву; вот и эта фантазия расцвела в бескрайнем саду Эшфилда:

> «Мистер Грин был подобен Богу, потому что его нельзя было увидеть, но для Вернона он был абсолютно реален… Самым замечательным в мистере Грине было то, что он играл — обожал играть. Какую бы игру ни придумал Вернон, это была игра, в которую любил играть мистер Грин. Было в нем и еще кое-что. Например, он имел сто детей. И еще троих… Они носили самые прекрасные имена, какие знал Вернон: Пудель, Белка и Дерево.
>
> Возможно, Вернон был одиноким маленьким мальчиком, но он об этом не знал, потому что для игр у него были мистер Грин, Пудель, Белка и Дерево».

Агата никогда не чувствовала себя одинокой. Такая мысль даже не могла прийти ей в голову. Она ценила уединенность, которая давала ей простор для иных жизней. Оберегала она также и свои тайны; услышав, как ее няня рассказывает горничной об одной из игр, в которые сама с собой играет девочка («Она представляет, будто она котенок и играет с другими котятами»), Агата расстроилась «до глубины души». Она тайно творила доброе волшебство в своем доме. Тайна — надежный страж волшебства, и с детской фотографии Агаты на нас смотрит лицо, скрывающее множество тайн: упрямая маленькая девочка-фея сидит на плетеном стуле в своем зачарованном саду.

> «Я знала в нем каждое дерево и каждому приписывала особую роль…»[6]

И всю свою жизнь она видела Эшфилд теми, детскими глазами. В ее детективном романе «Лощина» описан дом, Эйнсквик, который для персонажей книги являет собой воплощение утраченного счастья и который окружен садом, полным деревьев из Эшфилда.

> «Была у нас магнолия, которая почти полностью закрывала одно из окон и в дневное время наполняла комнату золотисто-зеленым светом. Выглянув в другое окно, можно было увидеть лужайку, посреди которой, словно часовой, стояла высокая веллингтония. А справа

— большой лесной темно-пунцовый бук.
О, Эйнсквик, Эйнсквик…»

Что представлял собой Эшфилд? Большой дом, удобный, но не роскошный, с великолепной лужайкой, простирающейся до небольшого лесочка. Дом для семьи. На фотографиях, пожелтевших от времени и утративших резкость, видно, что он постепенно гармонично разрастался. Частично двух-, частично трехэтажный, он имел несколько дымоходов, большие окна, доходившие на первом этаже до самой земли, и крыльцо, затененное вьющимися растениями. Оранжерея, где росли даже пальмы, в те времена была не чем иным, как душной теплицей. Имелась также отдельная небольшая теплица, «которую называли, уж не знаю почему, Кей-Кей» — в ней жила лошадка-качалка по имени Матильда и маленький расписной конек с тележкой, которого звали Трулав. О них Агата написала в своей последней книге «Врата судьбы», в которой она позволяет приемам детективной литературы уйти не прощаясь и свободно, как дух, перемещается в прошлое. Как и все ее последние произведения, эта книга была наговорена ею на диктофон;[7] голос Агаты в этом коротком отрывке кажется надтреснутым и дрожит от волнения при воспоминании. Она описывает Матильду как «одинокую и покинутую», с выпавшей гривой и оторванным ухом, но когда герой книги садится на нее, она начинает скакать резво, как в былые времена. «Она просто застоялась, правда?» — «Да, она просто застоялась».

За несколько лет до написания «Врат судьбы» Агата получила письмо от старой подруги по Торки. «Наши сады, твой и мой, были волшебными уголками… Как печально, что Бартон-роуд так изменилась и что на месте Эшфилда построены эти дома».[8] И тем не менее при всем его очаровании Эшфилд не шел ни в какое сравнение с домом, который Агата позднее обустроила для себя в Девоне. Белое георгианское совершенство Гринвея, словно светлый драгоценный камень сиявшего над рекой Дарт, было в реальности таким же волшебным, как та греза, которой стал для Агаты Эшфилд. И как бы ни любила Агата дом своего детства, она всегда смотрела за его пределы. «Больше всего на свете, — писала она в „Автобиографии“, — я хотела в один прекрасный день стать леди Агатой». Это подразумевало и не имеющее ничего общего со снобизмом желание иметь дом своей мечты, который маячил где-то на периферии ее воображения. «Нечто, чего ты желаешь так сильно, что даже точно не можешь себе представить», — написала она об этом идеальном доме в одном из последних своих романов, «Ночной тьме». «Это было для меня самым важным.

Забавно, что дом может так много значить».

В романе «Хлеб великанов» маленький мальчик живет не в Эшфилде, он наследник Эбботе-Пьюиссант — усадьбы несказанной старинной красоты. В другом романе Вестмакотт, «Роза и тис», героиня, Изабелла, словно составляет единое целое со своим домом, замком Сент-Лу, «средневековым, суровым и аскетичным». Агата мечтала проникнуть в подобный мир и стать там своей. Гринвей в какой-то мере помог ей осуществить эту мечту, но не в смысле сходства с Изабеллой. Для этого она была слишком прочно привязана к среднему классу и слишком рассудительна. Тот же склад ума, который позволил ей придумать замок Сент-Лу, всегда оберегал ее от того, чтобы утратить связь с реальностью.

Без сомнения, ее внутренний мир не развивался бы столь свободно, родись она в другой семье. Быть может, он и вовсе не сформировался бы. Но Миллеры из Торки были отнюдь не так консервативны, как можно было предположить по внешним приметам, и семейная атмосфера, давая Агате ощущение абсолютной защищенности, в то же время позволяла существовать обособленно, что представляло собой идеальные условия для развития ее индивидуальности.

Агата Мэри Кларисса была младшей из троих детей в семье. Она родилась 15 сентября 1890 года, через одиннадцать лет после Маргарет (Мэдж) и через десять после брата, Луи Монтанта (Монти). Ее отец, Фредерик, был слишком джентльменом, чтобы вмешиваться во внутреннюю жизнь своих детей. Кларисса, их мать, чье любопытство было не в пример сильнее, инстинктивно проявляла мудрость, всегда зная, насколько глубоко можно обнаружить свой интерес. Клара — так ее называли — напоминала няню Вернона из «Хлеба великанов», с которой «он мог говорить о Пуделе, Белке, Дереве, о мистере Грине и сотне его детей. И вместо того чтобы сказать: „Что за *странная* игра!“ — няня Фрэнсис только спрашивала, были ли эти сто детей девочками или мальчиками…»

Клара была человеком незаурядным, а ее влияние на Агату — выражалось ли оно в невмешательстве или, напротив, во вмешательстве — было почти безграничным. Утонченная маленькая женщина с почти черными глазами умной птицы, она являлась центром эшфилдской вселенной, тем человеком, благодаря которому мир воображения становился и возможен, и безопасен. Вероятно, именно она была главной любовью в жизни Агаты.

Написанный через восемь лет после смерти Клары

«Неоконченный портрет» есть реквием по этой любви, гимн безвозвратной утраты. Агата дает себе полную волю в этой книге. «О, мама, мама!..» — восклицает героиня в тоске по матери, которая всего лишь уехала за границу на отдых, но страдание восьмилетней Селии — это и страдание сорокалетней Агаты, по-прежнему тоскующей по ушедшей навсегда Кларе.

> «По вечерам, после того как Сьюзен мыла Селию (героиня, чьим прототипом является Агата) в ванне, мама заходила в детскую, чтобы „подоткнуть одеяльце“ на ночь. Селия называла это „маминым подтыканием“ и старалась всю ночь спать в одном положении, чтобы „мамино подтыкание“ сохранилось до утра».

Клара понимала дочь почти без слов — разумеется, по мнению самой Агаты, которая вспоминает ее «испытующий, просвечивающий насквозь, внимательный взгляд». Это подтверждается историей, рассказанной и в «Неоконченном портрете», и в «Автобиографии». Эпизод имел место во Франции в 1896 году, где Агата провела некоторое время с родителями. Гид, желая сделать ей приятное, приколол живую бабочку к ее соломенной шляпе.

> «Селия почувствовала себя несчастной. Она ощущала биение крылышек бабочки о свою шляпу. Бабочка ведь была живая — живая! — и насажена на булавку! Селии стало нехорошо. Крупные слезы покатились по ее щекам.
>
> Наконец это заметил отец.
>
> — Что случилось, крошка?
>
> Селия затрясла головой. Рыдания усиливались… Как она могла сказать, что случилось? Это страшно обидело бы гида. Ведь он хотел доставить ей радость. Он поймал бабочку специально для нее и так гордился тем, что придумал приколоть ее девочке на шляпку. Как бы она посмела сказать, что ей это неприятно? А без этого никто ничего не поймет! На ветру крылышки бабочки затрепетали сильнее, чем прежде…
>
> Мама бы поняла. Но маме она тоже не могла объяснить. Все смотрели на нее — ожидали, что она что-нибудь скажет. Чудовищная боль сдавила ей грудь. Она безмолвно бросила горестный взгляд на мать. „Помоги мне, — говорил этот взгляд. — О, помоги же мне“.
>
> Мириам (Клара) лишь мельком взглянула на нее в ответ и сказала:
>
> — Мне кажется, ей не нравится, что у нее на шляпе

бабочка. Кто ее туда приколол?»

У Клары внутренняя жизнь тоже била ключом. Но у нее, в отличие от Агаты, она была порождена скорее чувством неуверенности, чем защищенности.

Клара родилась в 1854 году в семье обаятельного армейского капитана Фредерика Бомера. В тридцатишестилетнем возрасте тот влюбился в прелестную девушку Мэри Энн Уэст, которой не исполнилось тогда еще и семнадцати. После двенадцати лет брака, имея четверых детей, капитан Бомер, служивший тогда в Джерси, погиб, упав с лошади, и оставил Мэри Энн молодой и едва ли не нищей вдовой. Почти в то же время ее старшая сестра Маргарет вступила в менее романтичный, зато гораздо более выгодный брак со вдовцом-американцем, на много лет старше ее, Натаниэлем Фрэри Миллером. Мэри Энн находилась в чудовищно стесненных обстоятельствах, и Маргарет предложила взять одного из ее четверых детей на воспитание. Ей отдали Клару — единственную среди них девочку, — которой было девять лет.

Агату завораживала относившаяся к началу девятнадцатого века история сестер Уэст, сирот, воспитанных родственниками по фамилии Кесли на ферме в Суссексе. Девочкой она слышала кучу рассказов о своих предках. Она обожала истории про «семейство Кесли с фермы Примстед» и про богатых кузин Краудер, которым Уэсты завидовали, потому что у тех «всегда были настоящие кружева на панталонах».[9] Особенно живо она представляла себе историю Мэри Энн и капитана Фредерика. Быть может, потому, что она стала для нее трогательным идеалом супружеской верности. В 1944 году она по-своему пересказала ее в письме к своему второму мужу Максу Мэллоуэну:

> «[Моя бабушка] вышла замуж в шестнадцать лет за красавца — армейского офицера, который был на двадцать лет старше ее. („Говорят, что ты слишком молода для брака со мной, Полли“. — „Я завтра же сбегу с тобой, если мне не позволят выйти за тебя замуж“.)
>
> Она была на редкость очаровательна — люди на улицах останавливались, засматриваясь на нее. Оставшись почти совсем без денег, она была вынуждена зарабатывать шитьем и вышивкой, чтобы растить и учить детей. По меньшей мере три офицера — братья ее мужа по оружию — делали ей предложение, причем двое из них были весьма обеспеченными людьми. С материальной точки зрения это было бы для нее выходом. Но она всем отказала — и, разумеется, никогда не имела любовника — и до семидесяти лет упорно

повторяла, что завещает похоронить себя в Джерси, рядом с мужем…»[10]

Однако трое ее сыновей — Гарри, Эрнест и Фредерик — настояли на том, чтобы Мэри Энн погребли в Англии, — так они могли навещать ее могилу. Что думала по этому поводу ее дочь, неизвестно. Это теперь принято свободно критиковать родителей, Кларе же — в некотором роде типичной представительнице своей эпохи — и в голову не могло прийти осуждать мать за то, что она отдала ее. Она была замкнутой маленькой девочкой, любившей, как и Агата, уединение, но в отличие от той — одинокой; она бродила по дому своего хворого дяди, прижимая к груди любимую книжку — «Король золотой реки». Клара очень страдала оттого, что ее отдали. Тем не менее она всегда вела себя по отношению к Мэри Энн безукоризненно корректно. Когда ей было двадцать с небольшим, она написала стихотворение «Матери», исполненное любви без тени упрека: «Любовь — это ангел… стерегущий дорогу на небеса». Впрочем, оно могло было быть посвящено кому угодно. Стихотворение, посвященное тетушке Маргарет, несколько более личное — в нем, как положено, отдается должное «достойной женщине, любимой всеми…».

В «Автобиографии» Агата пишет, что едва ли Мэри Энн можно осуждать за то, что она сделала. Скорее всего она отдала Клару лишь потому, что считала: девочке необходима посторонняя поддержка в жизни, а мальчики сами могут стать творцами своей судьбы. Тем не менее Клара всегда считала, что мать просто любила ее меньше. Она была слишком чувствительной натурой, чтобы безболезненно пережить отлучение.

> «Думаю, нанесенная ей обида, горькое чувство отринутости наложили отпечаток на всю ее жизнь. Она потеряла уверенность в себе и стала сомневаться в чувствах окружающих. Тетя, щедрая, веселая, не имела, однако, никакого представления о чувствах ребенка. Мама получила все так называемые преимущества благополучного дома и хорошее образование. Что она утратила и чего ничто не могло ей заменить, так это беспечную жизнь с братьями в родном доме…»

Эта тема вновь и вновь возникает в произведениях Агаты — необходимость для ребенка расти в родном окружении и урон, который ему наносят, отдавая на воспитание (или, как в «Горе невинным», продавая за сотню фунтов: *«Унижение, боль — он никогда не сможет их забыть»*). На этой мысли основаны сюжеты

«Мышеловки» и романа «И, треснув, зеркало звенит»; этой темы Агата касается и во многих других произведениях, неизменно относясь к ней с исключительной серьезностью. Натура Агаты была такова, что чувства Клары она переживала как свои собственные. Ее любовь к матери исполнена такой силы, что много лет спустя, когда она писала монолог женщины — одного из персонажей романа «Миссис Макгинти с жизнью рассталась», то ощущала Кларину боль едва ли не мучительнее, чем сама Клара:

> «Однажды я прочла в газете письмо некой женщины… Очень глупое письмо. В нем спрашивалось, что лучше: отдать своего ребенка на усыновление кому-нибудь, кто сможет обеспечить ему все жизненные преимущества… или держать его при себе, несмотря на то что ты не можешь предоставить ему никаких благ. Я считаю это глупостью — настоящей глупостью. Если вы можете просто прокормить ребенка, то это все, что имеет значение.
>
> …Мне ли этого не знать… Моя мать рассталась со мной, и у меня появились все блага, как это принято называть. Но мне всегда — всегда, всегда! — было больно сознавать, что на самом деле я не была желанной дочерью, что моя мать смогла отдать меня… Я со своими детьми не расстанусь — ни за какие земные блага!»

Это, разумеется, мысли самой Агаты, Клара никогда не выражала их вслух. Но нет никаких сомнений, что пережитое в детстве оставило в ее душе глубокий след, особенно это сказалось на отношениях с дочерьми.

Сыграло это свою роль и в ее браке. У Маргарет и ее мужа своих детей не было, но Натаниэль имел сына от первого брака, его звали Фредерик. Он был на восемь лет старше Клары — истинный ньюйоркец, хотя получил образование в Швейцарии, обладал французской практичностью, английской благовоспитанностью и был вхож в «Юнион клаб» — клуб для избранных. Он напоминал американца из «Эры невинности», то есть всей душой стремился к пресловутому европеизму, но все равно оставался американцем до мозга костей и обладал внутренней раскрепощенностью — открытостью, вольностью речей, самоиронией, не свойственными викторианскому миру. Агата гордилась тем, что в ней течет и американская кровь, и, уже в преклонных годах приехав в Нью-Йорк, решительно настояла на том, чтобы посетить в Бруклине могилы родственников — Миллеров, пусть они никогда и не встречались.

Она и сама имела более открытый склад ума и характер, чем позволяли принятые в Торки правила: в ее крови, в ее легких словно было больше кислорода.

Состояние Миллеры сделали в Америке, но имели деловые интересы и в Манчестере. Поэтому после женитьбы Натаниэль и Маргарет поселились в Чешире, где Фредерик — любящий сын — навещал их, принося с собой легкий флер космополитизма и совершенно ослепляя грустную маленькую Клару.

То, что ей в 1878 году предстояло выйти за него замуж, — это целая история, настоящий роман, вполне могущий соперничать с историей замужества Мэри Энн Бомер, разве что был легкий налет покровительства в том, как Фредерик, отказавшись от других увлечений (в том числе и от ухаживаний за будущей матерью Уинстона Черчилля), сделал предложение своей преданной кузине, чье сердце покорил еще несколькими годами ранее, неосмотрительно похвалив ее «красивые глаза». Угадываете тень Сони из «Дяди Вани»? «Когда девушка некрасива, то ей говорят: „У вас прекрасные глаза, у вас прекрасные волосы…“» Клара не была красавицей и отвергла первое предложение Фредерика, потому что считала себя «скучной». Но у нее был незаурядный характер — куда более сильный, чем у ее очаровательного мужа, — и это в конце концов уравняло их в браке.

После их помолвки, однако, Клара написала стихотворение «К Ф. А. М.» (Фредерику Алве Миллеру), из которого видно, какой страстной, волнующей благодарностью к нему была она преисполнена.

> Господи милосердный, молитву прими мою и мольбу:
> Дай мне сил разделить с ним достойно и жизнь, и судьбу.[11]

Звучит в стихотворении и странная нотка страха: «Храни его от всех пороков и искушенья силы злой». Клара, разумеется, знала, каким повесой был ее муж в прошлом («Влюблялся быстро он и страстно, беспечно связи прерывал»), и опасалась повторения его эскапад. В своих стихотворениях, каллиграфическим почерком вписанных в «Альбом», купленный в универмаге «Уайтлиз», она постоянно возвращается к теме ожидания предательства:

> Неужели любовь — это только девичьи мечты?
> Из мечтаний и грез моих, видимо, создан и ты.
> Неужели — о Боже! — ты тот самый Прекрасный Герой,

Что увлек мое сердце и сделал своею женой?

На самом деле нет никаких оснований сомневаться, что Фредерик — который иногда вносил небольшие поправки в ее стихотворения, прекрасно отдавая себе, впрочем, отчет в том, что стихи имеют под собой серьезное основание, — был абсолютно преданным мужем. Но утраченная в детстве уверенность в себе научила Клару всегда ждать худшего; в этом она была полной противоположностью Агате, чье счастливое детство оставило ее ни к чему такому не подготовленной. «Есть мудрые люди — они никогда не ждут, что станут счастливыми. Я ждала…» — напишет она позднее в «Лощине».

Счастливое детство Агаты в значительной мере покоилось на уверенности в том, что брак ее родителей безоблачен и прочен. Однако в «Неоконченном портрете» она демонстрирует более глубокое понимание жизни, чем то, какое было у нее в те времена. «Разве не мудрее всегда немного перестраховываться? Ведь роз без шипов не бывает», — говорит Мириам своей дочери. И дальше:

> «— Селия, никогда не оставляй мужа одного надолго. Помни: мужчина склонен забывать…
>
> — Папа никогда и не посмотрел бы ни на кого, кроме тебя.
>
> Мать задумчиво ответила:
>
> — Возможно. Но я всегда оставалась начеку. Была у нас горничная, крупная красивая девица, тот самый тип, который, как я слышала, нравится твоему отцу. Как-то она подавала ему молоток и гвозди и эдак невзначай положила ладонь ему на руку. Я это видела. Твой отец почти ничего не заметил — разве что удивился немного… Но я уволила девушку тотчас же».

Между тем Фредерик был непоколебимо уверен в себе, как это свойственно представителям его класса, который был чуточку повыше того, к которому принадлежала Клара (девушка из романа «Миссис Макгинти с жизнью рассталась» тоже получает возможность выйти замуж за джентльмена благодаря тому, что ее удочерили). Нельзя сказать, что он был таким уж красавцем: на фотографиях мы видим грузного бородатого мужчину, который выглядит старше своих лет, с полуприкрытыми сонными глазами, унаследованными Агатой. Но, похоже, его любили все, кто был с ним знаком. В «Автобиографии» Агата признает, что счастливая атмосфера царила в Эшфилде в значительной мере благодаря ее

отцу.

Никогда в жизни он ничего не делал. В молодости был светским львом, в зрелом возрасте стал свободным джентльменом. «Унаследовав от отца вполне приличное состояние, он никогда не занимался бизнесом, — говорится в рекомендательном письме, посланном „Юнион клаб“ американскому послу, когда Агате исполнилось восемнадцать лет и настала пора выводить ее в свет. — Самое меньшее, что я могу сказать, так это то, что готов охарактеризовать его в самых лестных выражениях и уверен, что его дочь, мисс Агата Миллер, вне всякого сомнения, достойна быть представленной».

Несмотря на то что Агата боготворила свою деятельную, умную мать, она испытывала непреодолимое восхищение непринужденным обаянием отца. Он представлял собой тот тип людей, к которому она сама себя интуитивно причисляла, хотя, повзрослев, не обладала ни его общительностью, ни его даром наслаждаться праздностью. Но в интервью, напечатанном в «Санди телеграф» 10 мая 1964 года, она сказала: «Не понимаю, почему считается *правильным* с нравственной точки зрения непременно работать. Мой отец был вполне состоятелен и никогда в жизни пальцем о палец не ударил, но он был замечательным человеком».

Любил он и подурачиться, хотя, безусловно, отнюдь не был человеком недалеким. Он отлично знал цену окружавшим его людям, но не в его характере было демонстрировать им что-либо, кроме фасада «милейшего человека». Несомненно из самых добрых побуждений, он сочинил несколько легенд о своей семье, в частности — об интуитивном даре проникновения его дочери в суть человеческой натуры. Эти истории свидетельствуют, что писателем он был куда более даровитым, чем Клара. Сказки, которые рассказывала дочери перед сном Клара, искрились воображением, но Агату расстраивало и одновременно изумляло то, что Клара категорически не могла вспомнить на следующий день, о чем рассказывала накануне, и просто придумывала новую историю. А вот ее весьма натужные писания глубоко увязали в викторианских условностях («Итак, я была мертва! Значит, то был мой дух, обладавший сознанием…»[12]).

Рассказ Фредерика «Помолвка Генри» — это вариация на тему его собственных ухаживаний за Кларой. Генри — денди, дамского угодника — боготворит Мэриан, «девушка высоких принципов, глубоко верующая» и — так же как Клара — начисто лишенная чувства юмора. «Генри был страстно влюблен, но со свойственной ему беспечностью не спешил задавать сакраментальный вопрос. В конце концов и впрямь: куда было

торопиться?»

Только в тридцать два года Фредерик отказался наконец от своей разгульной жизни и сделал предложение. Генри так и не женился на Мэриан, предпочтя сказать ей, что влюбился в другую девушку, «чьи изящные маленькие ручки волновали его и вызывали восхищение. У Мэриан руки были прекрасной формы, но… великоваты». Разумеется, после этого Мэриан благородно расторгла их помолвку. «Она держалась великолепно, и он всегда будет вспоминать о ней как об одной из самых прелестных женщин, каких ему довелось встретить в жизни. Собственная фраза ему понравилась…» Фредерик, в отличие от равнодушного Генри, был человеком добросердечным, но в рассказе различим намек на те же подтексты, какие пронизывают Кларины стихи.

Под внешней жизнерадостностью в Кларе постоянно жила тревога. Ее сжигал тот же огонь истового благочестия, что и монахиню на картине Холмена Ханта.[13] Фредерик шел по жизни легко, весело. Действие другого его рассказа, «Зачем Дженкинс давал обед», происходит в некоем нью-йоркском клубе, в привычном для Фредерика окружении. «Тост „За женщин, да благословит их Господь!“ провозглашался двадцать семь раз». Герой рассказа обладает обаянием самого Фредерика, что тоже подтверждает осознанность сходства автора с персонажем.

> «Джимми до последней монеты тратил свой ежегодный доход и немного сверх того с полнейшим пренебрежением к будущему. Товарищи по клубу обожали его… Одна из его „возлюбленных“ сказала о нем: как жаль, что денег у него больше, чем мозгов. Когда кто-то из так называемых друзей, как это обычно бывает, довел ее высказывание до его сведения, молодой человек с завидным чувством юмора заметил, что дама абсолютно права, и тотчас отправил ей дорогущий букет роз… Хотя героическим персонажем его и не назовешь, Джимми, несомненно, был человеком доброжелательным и приятным».

Как и Джимми, Фредерик проматывал свое наследство. И делал это скорее из лени, нежели из сознательного расточительства. Быть может, вернись он в Америку с Кларой, как собирался сделать после женитьбы, было бы кому надзирать за управлением его инвестициями и имуществом. Но случилось по-другому. Вместо этого после долгого медового месяца, проведенного в Швейцарии, молодожены Миллеры поселились на модном курорте Торки, где в январе 1879 года родилась Мэдж. Следом — в июне 1880-го, во время их поездки в Нью-Йорк, — на

свет появился Монти, после чего Клара вернулась в Англию, в то время как Фредерик остался «присматривать за делами». Приехав к ней в Торки на год или около того, как он предполагал, Фредерик обнаружил, что она купила Эшфилд за две тысячи фунтов стерлингов, оставленных ей дядюшкой Натаниэлем. Это было самым удачным вложением миллеровского наследства, гораздо более разумным, чем все, что когда-либо делал с ним Фредерик. Кроме того, со стороны Клары это было смелым и самостоятельным поступком, который сразу же превратил ее в равноправного партнера.

Фредерик послал ко всем чертям Нью-Йорк и, далеко не достигнув еще сорока, с удовольствием принял образ жизни человека средних лет. К этому его в значительной мере подвиг Торки. В викторианскую эпоху это было даже более рафинированное место, чем во времена Агатиной юности: тогда еще не существовало традиции совместных купаний, прогулок по Принсес-Гарденс, концертов, устраивавшихся позднее в Павильоне. Город был наводнен благовоспитанными богачами и просто состоятельными людьми, нуждавшимися в поправке здоровья (Наполеон III приезжал сюда лечиться и останавливался в отеле «Империал»; Элизабет Барретт-Браунинг[14] принимала ванны в «Бас-Хаусе» на Виктория-Пэрад). Некоторым он казался слишком претенциозным. «Торки — это место, через которое хочется протанцевать в одних очках, — писал Редьярд Киплинг, которого трудно заподозрить в богемности. — Виллы, аккуратно подстриженные кустарники, толстые старые дамы с респираторами на лицах, в огромных ландо…»

Но Фредерику все это подходило идеально. У него было родовое гнездо и дети, которых он обожал по-викториански безудержно: «Благослови тебя Господь, моя милая, — писал он Агате из Нью-Йорка в 1896 году. — Я знаю, что ты прекрасна, моя горячо любимая девочка…» В дополнение к этому его жизнь складывалась из обильных трапез, посещений Королевского яхт-клуба «Торби» и походов по магазинам: толстые пачки счетов свидетельствуют о легкости, с какой он тратил доходы, которые считал неиссякаемыми. Между тем, как понятно теперь, деньги утекали; выписанные изысканным почерком чеки рисуют весьма прихотливый портрет Фредерика. Одетый с иголочки, чисто выбритый джентльмен, каждый день с обаятельной улыбкой следующий по улицам в клуб, не способный противостоять искушению заглянуть в «Донохью» или в Музей изящных искусств на Виктория-Пэрад. Бывая в Лондоне, он сорил деньгами с такой же широтой. Сохранилось много счетов из ювелирных магазинов, в том числе один на 810 фунтов стерлингов. Он покупал также

хорошую мебель (пять чиппендейловских стульев красного дерева, приобретенных на Юнион-стрит) и гораздо менее хорошую живопись: множество картин маслом загромождали стены Эшфилда, хотя сами комнаты были просторными и элегантными. Местному художнику Н. Дж. Х. Бэрду заказали портреты Фредерика, троих его детей, собаки Монти и няни Агаты; эти портреты до сих пор висят в Гринвее. Особой художественной ценности они не имеют; «Все вы выглядите так, словно не мылись несколько недель!» — таков был вердикт Клары, и сама она позировать, разумеется, отказалась, хотя портрет Нянюшки, как называли в семье Агатину няню, не лишен некоторого мягкого фламандского колорита. «Думаю, что это очень милая живопись, — писала Агата в 1967 году в ответ на письмо дамы, составлявшей каталог работ Бэрда. — Мой отец всегда очень высоко ценил его картины».[15]

Так, неторопливо, вальяжно, в темпе largo, шествовал по жизни Фредерик, царственный персонаж местной истории со своей сакс-кобургской внешностью и несокрушимым добродушием. Они с Кларой часто устраивали для друзей щедрые званые обеды. Фредерик участвовал в благотворительных представлениях любительского драмкружка — в частности, по словам местной газеты, «был очень сердечно принят» в роли Феликса Фьюмера в «Смеющейся гиене» — и являлся официальным секретарем соревнований крикетного клуба, чье поле примыкало к Бартон-роуд сразу за Эшфилдом. В 1943 году Агата получила письмо, которое начиналось так:

> «Когда десять лет назад мои родители жили в Торки вблизи стадиона крикетного клуба, для меня не было и не могло быть места лучше на всей Земле. Я чту память о нем…
>
> Как хорошо я помню мистера Миллера! И его схожесть — по крайней мере в моем представлении — с королем Эдуардом!.. Он имел обыкновение выходить на поле со впечатляюще аристократическим видом. Как сейчас вижу: я лежу на маленьком пригорке неподалеку от табло, на верхушке которого полощется тонкий красно-бело-черный флаг клуба…»[16]

Наверняка Агата тоже это помнила. Она часто сопровождала Фредерика на крикетные матчи: «Я чрезвычайно гордилась тем, что мне позволяли помогать отцу в судействе, и относилась к этому очень серьезно». Он также занимался с ней математикой, которую она очень любила («Мне кажется, что в цифрах есть нечто божественное», — говорит персонаж «Каникул в

Лимстоке»), программа обучения была максимально приближена к официальной образовательной программе. Имея за плечами опыт обучения Мэдж в брайтонской школе, впоследствии преобразованной в Роудин-скул[17] (Монти учился в Харроу[18]), Клара решила Агату в школу *не* посылать и не учить ее читать до восьми лет. Ничего не вышло: к четырем годам Агата научилась читать сама. «Боюсь, мисс Агата умеет читать, мэм», — виновато призналась Кларе Нянюшка.

Трудно сказать, почему Клара пришла к подобной теории. Ее решения порой представлялись спонтанными, однако чаще всего оказывались верными — например когда она купила Эшфилд или когда, спустя много лет, предостерегала Агату от первого замужества, с Арчи. Она хорошо разбиралась в людях, и это придавало ей мудрости. Кроме того, говорили, что она обладает иррациональной способностью «ясновидения» (в детстве она «увидела», как горит ферма Примстед; вскоре это случилось на самом деле). Порой это заставляло ее делать глупости. Удерживать умную и развитую девочку от чтения было нелепостью, тем более в таком набитом книгами доме, как Эшфилд. Среди счетов Фредерика немало от «Эндрю Айрдейла, книготорговца с Флит-стрит», у которого он купил — помимо многого прочего — сорок семь выпусков «Корнхилл мэгазин» за четыре фунта (журналы по-прежнему находятся в гринвейской библиотеке), полное собрание сочинений Джордж Элиот за пять фунтов и «Французскую классику» по двенадцать шиллингов за том. Невероятно, чтобы Агату можно было держать отрезанной от этого мира. Ее стремление проникнуть в него было столь велико, что она научилась сопоставлять написание слов детской книги «Ангел любви» миссис Л. Т. Мид («вульгарной», по мнению Клары), которую ей читали особенно часто, с их звучанием. С этого момента она читала всё и вся: миссис Моулсворт, Эдит Несбит,[19] Фрэнсис Ходжсон Бернетт, Ветхозаветные истории, «Великие исторические события», своего обожаемого Диккенса и, позднее, Бальзака и Золя, которые, по мнению Клары, открывали неприглядные стороны жизни (впрочем, юная Агата была слишком невинна, чтобы видеть в литературе реальную жизнь; по ней, литература была совершенно отдельной реальностью). Принято считать, что Агата так никогда и не освоила орфографию и грамматику из-за нетрадиционного способа, каким она научилась читать. Но это преувеличение. В письмах видно, что изредка она порой действительно пишет слова неправильно — «феномин», «мегламания», — но в своих детективных сочинениях она проявляла себя как ярая поборница грамотности. «Это я, — говорит у нее мисс Марпл, — позволила себе нарушить правила

грамматики в виде исключения».[20]

В действительности Агата немного училась грамматике в торкийском заведении для благородных девиц, которым руководила мисс Гайер, — лет с тринадцати она посещала его два раза в неделю. В решении не посылать Агату в обычную школу ничего из ряда вон выходящего не было, хотя странно, что при этом ей не нанимали гувернанток. Не исключено, что Клара, прекрасно сознававшая всю меру ее дочерней привязанности, предпочитала ни с кем ею не делиться. Вероятно, ее попытка удержать Агату от чтения была средством контроля. А может, Клара просто хотела попробовать что-нибудь отличное от того, что делала со старшей дочерью. Само то, что Мэдж послали в школу-пансион, было неожиданно, а уж когда возникла идея, что хорошо бы ей продолжить образование в Гертоне,[21] Фредерик деликатно, но решительно топнул ногой. («У нее на лбу написано, что она окончила Гертон». В романе Вестмакотт «Бремя любви» эта реплика звучит как оскорбление.) Агата, напротив, вне дома серьезно училась только музыке. Отец и Мэдж занимались с ней письмом, Клара знакомила с наиболее интересными историческими событиями. В остальном Агата была предоставлена самой себе.

Вероятно, это способствовало становлению ее индивидуальности. Агата была из тех самоучек, которые продолжают учиться и читать всю жизнь и чей интеллект, таким образом, развивается наиболее соответствующим им самим образом. Став взрослой, она испытывала почтительное уважение к «академическим мозгам»; ее второй муж, Макс Мэллоуэн, был археологом, получившим образование в Оксфорде, прекрасно знал классику, и это восхищало ее в нем и в его друзьях. Тем не менее она обладала врожденной уверенностью в собственном, менее традиционном образе мышления. Сборник ее рассказов «Подвиги Геракла» воспроизводит двенадцать античных мифов в «опрощенной», как она это в шутку называла, форме ее собственных детективных историй, которые призван разгадать Эркюль (Геракл) Пуаро: например, Нимейский лев у нее — это похищенный комнатный пекинес. И Пуаро между делом, безо всякого пиетета отпускает весьма проницательное замечание относительно греческой мифологии:

> «Возьмите этого Геракла — этого героя! Тоже мне герой! Кто он такой, как не здоровенный детина недалекого ума с преступными наклонностями!.. Вся эта античность его, откровенно говоря, шокировала. У всех этих богов и богинь кличек было — как у нынешних

преступников. Пьянки, разврат, кровосмешение, насилие, грабеж, убийства, интриги — juge d'instruction (судебный следователь) с ними бы не соскучился. Ни тебе достойной семейной жизни, ни порядка, ни системы».

Разумеется, сама Агата так не думала, но не без удовольствия вложила это рассуждение в уста своего героя. Не получив «систематического образования», она была начисто лишена «пунктиков» относительно неприкасаемости тех или иных идей и предметов.

Мысль ее текла свободно, потому что у нее были хорошие мозги и она творчески впитывала все: мир Эшфилда, мир Торки, собственной семьи, слуг, общепринятых ритуалов и тайн, лежавших за пределами этих миров, как хранящая свои секреты синева моря вдали.

В детстве она была защищена системой установлений и определенностью. Она жила в окружении, которое У. Х. Оден описывал как идеальное место упокоения для детективной литературы: «Состояние благодати, в котором эстетика и этика сливаются воедино».[22] Доброта была разлита вокруг, в любви ее родителей, в любви Бога, к которому Агата относилась очень серьезно, настолько серьезно, что тревожилась о спасении души своего отца, который позволял себе по воскресеньям играть в саду в крокет. Домашний уклад был столь эффективным и благопристойным, что требовал соответствующих моральных принципов. Слуги — она всегда это честно признавала — делали состояние благодати легче достижимым.

Без Нянюшки, поварихи Джейн и горничных[23] Эшфилд не мог бы сохранять атмосферу упорядоченного досуга. Джейн была поистине великолепна в своей невозмутимости. Ей постоянно приходилось готовить человек на восемь, но она при этом не выражала никаких признаков беспокойства, разве что иногда «чуть-чуть разрумянивалась»; Агата, бывало, прыгала вокруг нее в надежде на горстку изюма или карамельное печенье — хрустящее, горячее, только-только из печи: «Никогда в жизни не едала больше такого печенья, какое пекла Джейн». Еда служила якорем, который удерживал на месте дневной распорядок. По воскресеньям семейный обед мог состоять из «необъятного куска запеченного накануне мяса, домашнего вишневого торта с кремом, огромного блюда сыра и, наконец, десерта, который подавался на праздничных десертных тарелочках». Меню званого обеда на десять человек «начиналось с супа-пюре или бульона — на выбор, затем подавали вареный палтус или филе морского

языка. За ними следовали шербет, седло барашка и — весьма неожиданно — омар под майонезом. На сладкое — пудинг „Дипломат“ и русская шарлотка. И в заключение — десерт. Все это приготовляла одна Джейн».[24] Агата всегда любила вкусно поесть, но до тридцати с лишним лет оставалась очень худой.

Слуги были, так сказать, архитекторами Эшфилда. Они плели узор повседневной жизни Агаты и, как она сама пишет в «Автобиографии», «вносили в нее самые яркие и сочные краски… Если бы я вдруг оказалась теперешним ребенком, то, быть может, сильнее всего тосковала бы по отсутствию [sic] слуг». Современному миру не понять ее отношения к ним, которое было свободно от всякого чувства вины и сомнений. «Слуги знали свое место, как тогда говорили, но осознание своего места означало не подобострастие, а гордость — гордость профессионалов».

Хорошую прислугу ценили высоко. «Никогда не понимала, почему считается, что быть прислугой унизительно, а работать в магазине — значит быть независимой и важной. Работая продавщицей, приходится мириться с гораздо большим высокомерием, чем… в доме приличных хозяев», — говорит в «Лощине» Мидж, которая вынуждена зарабатывать на жизнь продажей одежды. Агата считала, что из нее самой вышла бы хорошая горничная, прислуживающая за столом (те должны были обладать высоким ростом); в какой-то момент даже серьезно об этом подумывала. Это случилось во время кругосветного путешествия с Арчи, когда у них почти не осталось денег.

Плохие слуги, напротив, никаким уважением не пользовались. Если служанка, подающая на стол, плохо справлялась с работой, ее называли «недоразумением, состоящим из аденоидов и плохого произношения». Такое отношение de haut en bas (свысока) в последние годы несколько подпортило репутацию Агаты. «Удивительное это животное — хороший слуга», — вскользь, с явным презрением бросает персонаж из «И никого не стало», и наши либеральные сердца начинают трепетать от негодования, как у неврастеничных пожилых дам.

Но все отнюдь не так просто. Например, «испуганная крольчиха» Глэдис из «Кармана, полного ржи» — явно дурной пример Агатиного вялого снобизма — на самом деле один из центральных персонажей, наиболее существенных для развития сюжета, и автор относится к ней с искренним сочувствием. «Боюсь, жизнь жестока, — говорит мисс Марпл. — Никто по-настоящему не знает, что делать с такими вот Глэдис. Они обожают ходить в кино и все такое, но всегда мечтают о несбыточном, о том, чего с ними ни при каких обстоятельствах не может случиться. Наверное, в некотором роде это дарит им

минуты счастья. Но все кончается разочарованием…»

Сказано умно и справедливо, и все же из-за стереотипа, созданного самой Агатой, мы отвергаем это как высокомерие. Агата нередко использовала хорошо знакомый стереотип, чтобы потом опрокинуть наши ожидания. Это был один из ее самых хитроумных трюков. В сущности, это было больше чем трюк: таким неожиданным способом она обнаруживала свою незаурядную интуицию, свое несколько усталое понимание человеческой природы.

В романе «Карман, полный ржи» мисс Марпл знает — это более чем догадка — время смерти Глэдис, потому что, будь она жива, «она бы, разумеется, уже подала второй чай в гостиную». Этим косвенно отдается должное важной роли слуг в поддержании того уклада, который они же и создавали как в доме Агаты, так и в ее детективных историях.

Всю жизнь она придавала большое значение упорядоченности быта. В романе «В 4.50 из Паддингтона» (1957) она создала персонаж по имени Люси Айлсбарроу — выпускница Оксфорда; та обретает богатство, став идеальной прислугой. «Пользуясь представившимся временем, Люси отскребла кухонный стол, что давно собиралась сделать… Потом начистила серебро до блеска. Приготовила обед, вымыла посуду, прибрала… Выставила на поднос чайный сервиз, сандвичи, хлеб, масло, накрыла все влажной салфеткой, чтобы не заветрилось». Это литания, гимн жесткому и вдохновенному ритуалу, фантазия, в которой повседневное становится возвышенным.

Утрата слуг в послевоенное время изменила природу мира Агаты. Ее книги стали менее упорядоченными — что совсем не обязательно пошло им во вред, — и появился постоянный тоскливый рефрен: как все изменилось теперь, когда «нет больше слуг… разве что приходящие работницы».[25] Можно представить себе нынешнюю реакцию на подобные высказывания (и теперь существует множество слуг, но мало людей, столь же честных, как Агата, в своем отношении к ним). И опять же ее взгляд на эту сферу несколько более сложен — во всяком случае тогда, когда она хочет, чтобы он таковым был. Например, в «Лощине» есть персонаж по имени Дэвид Энкателл — молодой человек с левацкими загибами, презирающий собственную семью за привилегии. В очаровательно лаконичной сцене он изливает на Мидж свои политические взгляды, утверждая, что она куда лучше понимала бы классовую борьбу, принадлежи она к рабочему классу.

«— А я и есть рабочая. Именно поэтому для меня так

важны удобства. Кровать, убирающаяся в стену, пуховые подушки, утренний чай, поданный в постель, фаянсовая ванна, полная горячей воды с изысканными ароматными солями. Мягкое кресло, в котором почти утопаешь…

Мидж сделала паузу в своем перечислении.

— Рабочие, — сказал Дэвид, — должны все это иметь.

— Согласна с вами на все сто процентов, — сердечно согласилась Мидж».

Но детство Агаты выпало на то время, когда ребенок из семьи ее круга был защищен порядком, и этот порядок доставлял ей наслаждение. Она обожала тихую суету кухни и накрахмаленность своих муслиновых платьев почти так же, как любила мечтать о реке, якобы сверкающей в конце эшфилдского сада, к которой она едет на собственной ослепительно белой верховой лошади. Позднее она так же любила свою Люси Айлсбарроу, абсолютно земную и в то же время похожую на фею, орудующую щеткой как волшебной палочкой, которая превращает дом в царство упорядоченной красоты. При всех причудах ее воображения, Агату всегда завораживала власть надежной обыденности.

В детстве у нее в ушах фоном всегда звучали обычные женские разговоры, и это тоже восхищало ее. Она выуживала из них отдельные фразы, воспринимавшиеся ею как музыка; их смысл доходил до нее лишь отдаленно, гораздо больше она любила просто их звучание. «Я еще не закончила, Флоренс». — «Простите, миссис Роу», — слышала она каждый раз, когда кто-нибудь из слуг вставал из-за стола раньше, чем Джейн заканчивала свою трапезу. Этот обмен репликами звучал у Агаты в ушах всю жизнь. Ей нравились благопристойные перепалки между Мэри Энн Бомер и Маргарет Миллер (которую она всегда называла бабушкой, хотя на самом деле Маргарет приходилась ей двоюродной бабкой): «Вздор, Маргарет, никогда в жизни не слышала подобной чуши!» — «Нет, Мэри, позволь все же сказать тебе…», — а особенно — легкие иронические подтексты, коими изобиловала спокойная речь Маргарет: «Такая милая женщина. Полковник Л. — старый друг ее мужа, который попросил его позаботиться о ней. В этом, разумеется, нет ничего предосудительного. *Это* все понимают».[26] Агата копила подобные фразы, так же как Маргарет, у себя дома, в Илинге, набивала чуланы «финиками, консервированными фруктами, инжиром, французским черносливом, вишнями, анхеликой, пакетами с изюмом и сабзой, фунтами масла и мешками сахара,

чая и муки», а постельные шкафы — отрезами бархата и шелка.

Когда родители путешествовали (Клара считала своим долгом сопровождать Фредерика), Агату отправляли в большой дом, куда Маргарет — Бабушка-Тетушка — переехала из Чешира, став богатой вдовой. Мэри Энн, или Бабушка Би (Бомер), жила в Бейсуотере. Отношения между сестрами были своеобразными. В преклонном возрасте они стали очень близки — обе статуарные, исполненные чувства собственного достоинства, облаченные в облегающие черные шелка, — однако разница в социальном статусе бросалась в глаза. Маргарет была более самоуверенной, Мэри Энн ее словно бы оттеняла. Маргарет помогала сестре деньгами, которые давала ей «в оплату» услуг, которые та оказывала ей, делая покупки в магазинах «Арми энд нейви» в Виктории: в Илинг Мэри Энн всегда ехала, нагруженная всевозможными пуговицами, лентами, отрезами тканей. Все это подвергалось строгой оценке, обсуждалось и оплачивалось из толстого кошелька Маргарет, испускавшего золотое сияние. Как писала в «Автобиографии» Агата, для сестер «Арми энд нейви» был «пупом земли». Иногда она сопровождала сестер в магазин и в «Отеле „Бертрам“», книге, написанной ею в уже собственном преклонном возрасте, — вложила в уста мисс Марпл следующее воспоминание:

> «Мисс Марпл мысленно обратилась к временам, когда тетушка Хелен, в маленькой шляпке и накидке, которую называла „своей мантильей из черного поплина“, разыскивала в бакалейном отделе знакомого продавца и удобно устраивалась на стуле. Затем, напомнив, что в течение следующего часа никто не должен никуда торопиться, тетушка Хелен начинала вдумчиво набирать всевозможные бакалейные товары, которые следовало запасти впрок… Проведя, таким образом, утро с большой приятностью для себя, она, бывало, игриво, как было принято в те времена, спрашивала: „Ну а теперь, что думает наша маленькая девочка насчет легкого второго завтрака?“… После этого они покупали полфунта сливок для кофе и отправлялись на дневной спектакль или концерт в четырехколесном экипаже».

Эти ритуалы, которые Агата воспринимала как должное, отвечали ее собственным устремлениям. Они воплощали здоровую женскую надежность — эквивалент домашнего порядка. Такими же были ее отношения с Нянюшкой («Выше Няни был только Бог»[27]), хотя Нянюшка обращалась с Агатой как с

ребенком, и это отчасти лишало их отношения житейской практичности. Клара со своей стороны была слишком творческой и переменчивой натурой, чтобы обладать здоровым женским инстинктом никогда не сомневаться в себе, каким обладала Маргарет Миллер. «Всегда предполагай в людях худшее»; «Джентльмен нуждается во внимании и трехразовом питании»; «Никогда не садись в купе, если кроме тебя в нем едет только один мужчина»; «Мотовство до нужды доведет»; «Джентльмены любят хорошую фигуру»; «Женщина всегда должна иметь пятьдесят фунтов в пятифунтовых банкнотах на экстренный случай»; «Джентльмены бывают очень обходительными, но ни одному из них нельзя доверять». Так безапелляционно излагала свое жизненное кредо Маргарет, сидя с безупречно прямой спиной в окружении прочной мебели красного дерева у себя в Илинге, когда нашептывала советы Кларе («Никогда нельзя оставлять мужа одного надолго»), разговаривала с молодым человеком, обрюхатившим служанку («Ну, знаете ли вы, как правильно поступить в этой ситуации с Харриет?»), болтала со своими приятелями-мужчинами за чаем («Надеюсь, ваша жена не будет возражать? Мне бы не хотелось стать причиной неприятностей!»). А когда она уверенным голосом исключительно здраво рассуждала о тайнах, те начинали казаться туманными и уютными, что производило на Агату неотразимое впечатление.

Эта размеренная речь принадлежала миру, являвшемуся полной противоположностью миру сверкающей реки и белой лошади. Но несмотря ни на что, и он обладал своей особой красотой. Агата никогда не повторяла ничего из услышанного, сколь бы интересным оно ни было, и в этом она совершенно не походила на «остальных членов семьи, которые — все без исключения — были говорунами-экстравертами».[28] Она же, напротив, ко всему прислушивалась, все впитывала, даже не понимая — быть может, чего-то она так никогда до конца и не поняла, — но позволяя всему оседать у нее в голове, образуя некий рисунок.

И наставал момент, когда мисс Марпл, сидевшая в детстве со своей тетушкой Хелен в магазине «Арми энд нейви», сама превращалась в вариацию этой тетушки: мудрую, сострадательную, твердо привязанную к реальности. Это не Агата, Агата не была привязана к реальности. Как большинство писателей, в книгах она представала более сильной личностью, нежели в жизни. Но она постоянно испытывала потребность воссоздавать женщин своего детства, утверждая сохраненную с младых ногтей веру в их всеведение. Мисс Марпл — наиболее характерный пример, но есть и другие: мисс Персхаус из «Загадки

Ситтафорда» («Ненавижу слюнтяек!») или мисс Пибоди из «Немого свидетеля» («Не тот тип молодого человека, о котором я могла бы мечтать, когда была юной девушкой. Что ж, Терезе виднее. Она экспериментирует — я буду наготове»)… А также леди Лора Уистабл из романа «Дочь есть дочь» (написанного под псевдонимом Вестмакотт), которая представляет собой не столько персонаж, сколько великолепный рупор идей. Истинная причина ее присутствия в романе состоит в том, что Агата получает от нее удовольствие. «Я старомодна, — говорит дама, попыхивая сигарой. — Я предпочитаю, чтобы мужчина знал себя и верил в Бога»; «На самом деле никто не способен разрушить чужую жизнь. Не надо драматизировать и упиваться собственным горем»; «Половина всех несчастий происходит из-за того, что люди прикидываются лучшими и более утонченными, чем они есть на самом деле»; «Чем меньше людей тебя любит, тем меньше тебе придется страдать». Никто, конечно, не изъясняется так, как леди Лора, однако художественная правда в этом образе есть, потому что для Агаты эта женщина реальна. Она подлинный дух женской уверенности в себе, транслирующий мысли своего создателя голосом, потребность слышать который Агата сохранила навсегда.

Агата росла в условиях матриархата. Сила была на женской стороне, которую представляли Клара, Маргарет, умная сестрица Мэдж, Нянюшка и повариха Джейн. У отца и брата Агаты шансов не было. Фредерик не придавал этому ровным счетом никакого значения; Монти, разумеется, придавал.

Агата никогда не была феминисткой, прекрасно знала цену женщинам и считала, что феминизм только девальвирует истинное значение женщины, — это видно из интервью, которое она дала одному итальянскому журналу в 1962 году. Ее спросили: почему так получилось, что женщины сейчас играют более активную роль в общественной жизни? Ответ оказался совсем не тот, какой от нее ожидали услышать: «Вероятно, это произошло из-за того, что женщины по глупости сдали привилегированные позиции, кои завоевали наконец после многих веков развития цивилизации. Примитивные женщины постоянно и тяжело работают. Кажется, мы вознамерились вернуться в прежнее положение добровольно, либо поддавшись на уговоры, и лишить себя радостей досуга и творческого мышления, а также возможности создавать благоприятную атмосферу в доме».[29]

Агата была уверена, что женственность обладает собственной внутренней силой, не имеющей никакого отношения к мужчинам: «Несомненно, мы — привилегированный пол». Однако, как и во

многих других вопросах, взгляды ее были переменчивы, сложны и не лишены добросовестных сомнений. В детективном романе «Смерть приходит в конце», действие которого разворачивается в Древнем Египте, она пишет о «насыщенных, разнообразных шумах в кухне»:

> «…скрипучий голос старой Изы, решительные интонации Сатипи и приглушенное, но настойчивое контральто Кайт. Хаос женских голосов — болтовня, смех, горестные сетования, брань, восклицания… И вдруг Ренисенб почувствовала, что задыхается в этом шумном женском обществе. Целый дом крикливых вздорных женщин, никогда не закрывающих рта, вечно ссорящихся, занятых вместо дела пустыми разговорами.
>
> И Хей, Хей в лодке, собранный, сосредоточенный на одном — вовремя поразить копьем рыбу».

Женское сообщество в этой книге представлено как некая властная сила: «В конце концов, что такое мужчины? Они необходимы для продолжения рода — вот и все. Сила расы — в женщинах», — говорит Кайт. Но в то же время эта сила ограничена и ограничивает. Есть иное, более трудное счастье — когда женщина может, взрослея, не утрачивать детской непосредственности.

> «Ренисенб взяла себе в обычай почти каждый день подниматься наверх к гробнице… Обхватив одно колено руками, она садилась в тени у входа в грот — обитель Хори — и устремляла взор на полосу зеленых полей, туда, где сверкали воды Нила, сначала бледно-голубые, потом в дымке, желтовато-коричневые, а дальше — кремово-розовые».

Во время путешествий на Восток, которые предпринимала со своим вторым мужем, Агата тоже любила созерцать тамошние неземные пейзажи и в эти мгновения обретала желанный, едва ли не тревожащий душу покой — в некотором роде повторение того, что испытывала в детстве, когда предавалась грезам в эшфилдском саду. «Счастливая ты, Ренисенб, — говорит внучке ее старая мудрая бабка Иза. — Ты нашла такое счастье, какое живет у человека в его собственном сердце. Для большинства женщин оно состоит в чем-то малозначительном и будничном… Их счастье складывается из повседневных забот, нанизанных одна на другую словно бусинки на нитку».

Для Клары, женщины, с которой Агата всегда была наиболее

близка, счастье означало нечто неуловимое. Она любила свой дом, хотя была слишком неугомонна, чтобы довольствоваться только домом. Она стремилась к творческому самовыражению, обладая, в сущности, весьма скромными способностями (даже вышивки ее были посредственны). Ее духовный мир был сколь глубок, столь и беспокоен, словно она сознавала его значимость, но не совсем понимала, что с ним делать. Она металась от одной религии к другой, то серьезно подумывая об обращении к римско-католической церкви, то флиртуя с унитством, христианской наукой и зороастризмом. Она была счастлива в семье: пусть спокойная джентльменская привязанность Фредерика не всегда соответствовала глубине ее любви, пусть Монти был «трудным» ребенком, зато Мэдж и Агата оказались далеко не заурядными девочками, чьи творческие достижения давали выход и собственным устремлениям Клары. Но самыми тесными узами она была связана с младшей дочерью. В «Неоконченном портрете» Агата признавалась, что унаследовала от матери «опасную силу привязанности». В течение долгого времени Агата и Клара были друг для друга единственным источником беззаветной любви и преданности.

«Рецепты для Агаты» — написано на первой странице тетради круглым ученическим почерком Клары.

> «*Пулярка под сливками:* Выбери хорошую жирную курицу-молодку… *Яйца по-монте-кристовски… Грибы а-ля Генрих IV… Бабушкин сливовый пудинг… Соус для салата,* два желтка сваренных вкрутую яиц растереть в пасту без комочков, добавить полную чайную ложку горчицы домашнего приготовления, соль и щепотку кайенского перца. Потом — чайную ложку уксуса. Перемешав, добавить 2 полные столовые ложки хорошего растительного масла, снова тщательно перемешать и влить 2 полные столовые ложки сливок…
>
> *Меню пятничного ужина,* морской язык, запеченные голуби, жареный картофель и салат, пирог с вишнями, ликер-крем…»

Какие мечты пробуждали в Агате эти старательно переписанные рецепты? Какой виделась ей идеальная жизнь — такой же упорядоченной и исполненной добродушия, как ее детство? Минуло сто лет, тетрадка с рецептами, написанными материнской рукой, по-прежнему лежит на высоком красивом комоде в Гринвее, в комнате наверху, где когда-то была спальня Агаты. Эта тетрадь хранится там в зеленой кожаной шкатулке с

вытисненной на ней надписью «Кларисса Миллер» вместе с массой других вещиц: бумажником из золотистого материала с вышивкой «Фредерику от Клариссы», в котором лежит долларовая бумажка; кошельком с вышитыми на нем переплетенными инициалами Ф и К и словами: «Храни его как мою печать на сердце твоем, ибо любовь сильна, как смерть»; конвертом с кусочком грушевого мыла, которое любил Фредерик (оно до сих пор сохраняет едва уловимый аромат); альбомом со стихами Клары; цветком эдельвейса, сорванным в Швейцарии во время их медового месяца и засушенным между страницами письма, адресованного Ф. А. М.; ее брачным свидетельством; зеленым мешочком с письмами; программкой Актового дня школы Харроу, датированной 1894 годом; детской фотографией Агаты, сидящей на плетеной скамейке под маленькой пальмой; детской фотографией Фредерика, очень похожего на Агату; фотографией самой Клары в вышитом платье за обеденным столом в Эшфилде; письмом, присланным Агате из Илинга («Моя милая крошка-детка, боюсь, тебе там очень холодно, ведь Эшфилд засыпан снегом… Дорогая моя маленькая дочурка, мама скучает по своей сладкой горошинке и мечтает снова оказаться рядом и поцеловать ее. Тетушка-Бабушка шлет тебе привет и просит передать, что очень любит тебя… Попроси Джейн, чтобы она купила куропатку и приготовила ее тебе в горшочке на завтрак или полдник»); письмом Агате в Лондон от Мэдж («Мой дорогой маленький цыпленок, как ты там? Надеюсь, ты ведешь себя в высшей степени достойно и не забываешь меня»); письмом от Фредерика Агате в Илинг, датированным 15 июня 1894 года:

> «Как я мечтаю снова увидеть тебя и нашу дорогую мамочку. Эшфилд выглядит очаровательно, и я думаю, что тебе понравится твоя комната с новой мебелью и обоями. Скот,[30] когда я говорю с ним о тебе, делается очень грустным и, кажется, хочет сказать: „Неужели моя маленькая хозяйка никогда не вернется?! Я так скучаю по нашим прогулкам с ней и с няней“. Я слышал, что бабушка хочет заказать твой портрет. Думаю, это прекрасная идея, и хочу, чтобы ты обняла бабушку своими маленькими ручками и поцеловала ее за меня. Ты всегда должна быть с ней вежлива и добра, и мне приятно думать, что ты…»

Как много кроется за всем этим, сколько чувства вложено в эти письма и как сильно желание сохранить память в этих конвертах, миниатюрных ящичках и тисненых шкатулках! Каждая вещица в них до сих пор дышит той любовью, которая и научила

Агату беречь память о былом.

В шкафах и комодах Гринвея есть и многое другое. Крестильные платья лежат, словно мягкие снежные сугробы. Свидетельства о рождении: Клары, родившейся в Белфасте, Агаты, родившейся в Эшфилде, дочери Агаты — Розалинды, тоже родившейся в Эшфилде. Заключенное в рамку меню свадебного обеда Клары и Фредерика, состоявшегося 11 апреля 1878 года на Пэлас-Гарденс-террас. Счет, помеченный 17 июня 1940 года: «За продажу Эшфилда, Бартон-роуд, Торки — 240 000 фунтов. За мебель и оборудование — 21 фунт 19 шиллингов 6 пенсов».

Ящики и ящики фотографий: Эшфилд; ферма Примстед — дом детства Маргарет и Мэри Энн; Клара с Тони, собачкой Агаты; Маргарет Миллер, царственно восседающая в трехколесном автомобиле; Монти в костюме кучера, сидящий в игрушечной упряжке Трулава; Мэдж-подросток в длинной юбке — умное лицо, уверенный взгляд, улыбка; Агата с подружкой в саду, обеим лет по семь, очаровательно выглядывают из-за спинок плетеных стульев. Белый веер в длинном узком футляре, подаренный Маргарет Фредериком. Альбом для аппликаций, который принадлежал Мэдж, — она вклеивала в него кое-какие бальные карточки с приглашениями на танец и вырезки с изображением тележек, полных цветов: «Швейцария, 1878 год. Память о мамином свадебном путешествии». Кларин экземпляр «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, на форзаце которого Агата написала: «Кому дано лишить нас Христовой любви?»

А в другой кожаной шкатулке — «Альбом признаний», в который каждый член семьи вписывал ответы на целый список вопросов: самая важная, с вашей точки зрения, добродетель; ваш любимый цвет, герой, героиня; ваше состояние души в данный момент и тому подобное. Этот альбом дает простор воображению. Тонкие странички, исписанные наклонными почерками, собирают Миллеров в эшфилдской гостиной. Сквозь высокие окна, доходящие до земли, мы видим семейство в его волшебно-замкнутом мире: еловые шишки потрескивают в очаге, а они потягивают шерри-бренди и обдумывают свои ответы. Женщины этого семейства — искренние, возвышенные — относились к игре в признания чрезвычайно серьезно. В 1871 году Маргарет Миллер написала, что из человеческих добродетелей она выше всего ценит самоотречение; что главная черта ее характера — упрямство, а на вопрос: «Если бы вы были не вы, кем бы вы хотели стать?» — ответила: «Человеком, который лучше меня». Мэри Энн Бомер отказалась откровенничать на эту тему. «Я никому не завидую», — ответила она. Основную черту своего характера определила как «стремление к предусмотрительности»,

а состояние души как «тревожное». Ее представление о несчастье — «быть в долгах». Ее герой, аккуратно выписала она, «Натаниэль Фрэри Миллер» — зять, на чьи деньги была воспитана Клара.

Между тем Клара, тогда семнадцатилетняя девушка, описала состояние своей души как «мечту о длинном платье», хотя ей некуда было бы его надеть, поскольку, несмотря на свое богатство, Маргарет не планировала в том сезоне выводить приемную дочь в свет. Не исключено, что Клара делала смутный намек на свою тетку и мать, когда писала, что основная черта ее характера — «горячая любовь к детям». Ее представление о счастье — «всегда поступать правильно». Недостаток, который она более всего склонна прощать, — скрытность; свою собственную скрытность она ясно продемонстрировала на тех страницах.

Какими же благочестивыми созданиями были эти женщины! И какими типично викторианскими были их вкусы: любовь к Мендельсону, Ландсиру, принцу Альберту и «мисс Найтингейл», нетерпимость к «обману и аффектации». Фредерик, естественно, относился к игре гораздо более легкомысленно. В 1872 году он написал — быть может, «подмигивая» кузине Кларе, — что основная черта его характера — «любовь к ничегонеделанию», а больше всего ненавидит он «рано вставать». Состояние души в данный момент? «Чрезвычайно комфортное, благодарю вас».

Агата впервые участвовала в этой игре семи лет от роду. Некоторые ее ответы абсолютно самостоятельны. Самое нелюбимое занятие? «Лежать в постели и не спать». Кем бы она хотела быть, если бы не была собой? «Феей». А вот когда она писала, что счастье для нее — «быть хорошей», ее герой и героиня — это «мама» и «папа», а любимый художник — семейный портретист «Бэрд», ее серьезный взгляд наверняка искал одобрения.

Конечно, и это она писала искренне. Тем не менее это была «публичная» Агата, всегда утаивавшая какую-то часть себя истинной: маленькая девочка, которая хочет угодить тем, кто ее окружает, и заслужить их одобрительные кивки. «Серьезная маленькая девочка, — как она писала в „Неоконченном портрете“, — которая много думала о Боге, была послушной, безгрешной и… — увы! — несомненно, резонеркой».

Агата сурова к себе, но, вероятно, она понимала, что ее детская религиозность была не совсем подлинной: просто для ее вымышленного мира было существенно важно, чтобы она была чиста и одеждой, и душой. Ей нравилось представлять себя хорошей девочкой, героиней некоего викторианского романа, с перепоясанной лентой талией, с любимым обручем и книгой

библейских историй на тумбочке у кровати. Ей нравилось верить в святость долга. Таковы были времена, в которые она жила, и окружение, в котором она росла. Но такова же была и ее собственная натура.

Свои воображаемые странствия она всегда совершала по стране добродетели; нравственность, надежность и счастье были связаны для нее воедино. Если Агата будет хорошей, с ней все будет в порядке. А если все с ней будет в порядке, она будет счастлива. И так все оно и было; увы, к горькому сожалению, так не могло продолжаться вечно: чудесный уклад детства защищал ее слишком надежно, чтобы уберечь от разочарований в будущем. Она была спрятана от душевных невзгод так же тщательно и предусмотрительно, как Кларин эдельвейс между книжными страницами. В самой глубине души она понимала это, даже будучи семилетней девочкой. Счастье ее было безоблачным, тем не менее в «Альбоме признаний», отвечая на вопрос, что есть горе в ее представлении, она написала: «Это если кто-то, кого я люблю, покинет меня». Она страдала, даже когда родители ненадолго уезжали в Нью-Йорк («Дом, в котором есть мама… О, мама, мама!..»). И она постоянно опасалась чего-то плохого.

Героиня «Спящего убийства» видит в ночных кошмарах, как в местах, которые Агата знала и любила — например в эшфилдской гостиной с чайным столом, — появляется безрукий призрак с глазами убийцы. Поначалу Убийца имел реальный человеческий облик. Он носил французский военный мундир и припудренный парик с заплетенной косичкой. Потом сон изменился.

> «Сначала это мог быть приятный сон: то ли пикник, то ли вечеринка [писала она в „Неоконченном портрете“]… Но вдруг, в самый разгар веселья, в душу начинало закрадываться странное ощущение. Будто что-то происходило… Но что? Да что же — конечно, это Убийца снова был здесь. Но являлся он не в собственном обличье. Он надевал личину одного из гостей…
>
> И самое страшное заключалось в том, что он мог оказаться любым из них… Это могла быть мама, или Нянюшка, или кто-то, с кем ты только что говорила. Ты вглядывалась в мамино лицо — разумеется, это была мама, — а потом замечала холодный стальной блеск в ее голубых глазах, а из рукава маминого платья — о ужас! — торчал этот жуткий обрубок. Это была не мама — это был Убийца…»

Агате было одиннадцать лет, когда в доме своей мачехи в Илинге умер ее отец. «Больничная сиделка вышла из комнаты и

сказала Бабушке, поднимавшейся по лестнице: „Все кончено“».

В зеленом ридикюле, хранящемся внутри кожаной шкатулки, Клара держала письма, отправленные и полученные в год смерти мужа. «Дорогой папочка, мне так жаль, что ты все еще болеешь, мы по тебе очень скучаем, — писала ему Агата в начале 1901 года. — На днях Джейн позволила мне помогать ей печь печенье на кухне, я была очень рада. Я испекла несколько с кишмишем и несколько — с имбирем. А к чаю мне дали девонширских сливок!»

В мае Клара отправилась в Илинг с Агатой, которая хворала. Фредерик к тому времени был уже серьезно болен, но как истинный джентльмен думал о других. «Я очень расстроился, узнав сегодня утром из твоего письма, что Агата чувствует себя не так хорошо, как хотелось бы… Мэдж пригласила на завтра десять подружек поиграть в пинг-понг и очень важничает по этому поводу… Я отлично держусь».[31]

Между тем в течение всего 1901 года он вел записи своих «сердечных приступов». С июня по сентябрь он насчитал их тридцать: «Легкий приступ. Спокойной ночи» — типичная запись. Клара наверняка увидела этот список только после смерти мужа, потому что он не хотел ее тревожить. В октябре он писал ей из своего клуба «Уиндэм», что на Сент-Джеймс-сквер, о визите к лондонскому специалисту: «Сегодня утром был у Сэнсома, и он сказал мне почти то же самое, что и в прошлый раз. Он уверен, что мое сердечное недомогание связано скорее с нервами, чем с чем бы то ни было другим… Два последние дня я чувствую себя намного лучше… Бог даст, я теперь покончу с врачами». В некотором смысле так оно и случилось: спустя месяц Фредерик скончался. Ему было пятьдесят пять лет. Он жил тогда в Илинге, чтобы быть поближе к Лондону, где надеялся найти работу.

Финансовые заботы, коими он так долго пренебрегал, сыграли свою роль в его ранней смерти. Его сердце и его состояние убывали параллельно, и он не знал, что с этим делать. «Писем из Америки не было с момента моего возвращения оттуда; хотелось бы верить, что это хороший знак»,[32] — писал он Кларе.

К тому времени не оставалось ничего иного, кроме как смириться с тем, что нью-йоркская недвижимость требует для своего содержания куда больше средств, чем дает дохода, что один доверительный собственник, распоряжавшийся ею, попал в сумасшедший дом, а другой застрелился и что смутные подозрения в растрате ими миллеровских денег отнюдь не безосновательны. Еще в 1896 году, когда приближение катастрофы впервые стало очевидно, Фредерик предпринял кое-

какие меры. Сдав Эшфилд внаем, он с женой и дочерьми отправился на год во Францию. Это был обычный способ экономии для попавших в стесненные обстоятельства людей их сословия. Тогда, в отличие от нынешних времен, жить в отелях на континенте было дешевле, чем содержать большой дом в Англии, а для участия в светской жизни всегда можно было запастись рекомендательными письмами. Первые полгода Миллеры провели в По, который считался целебным местом благодаря чистому горному воздуху. Потом переехали в Котрэ — тоже в Пиренеях, потом в Париж и, наконец, в Бретань. Агата была слишком поглощена впечатлениями, чтобы скучать по Эшфилду. К тому же, если мама была рядом, она чувствовала себя счастливой везде. Между тем во Франции она вовсе не жила в воображаемом мире: сразу же по приезде ее постигло некоторое разочарование, ибо здесь все оказалось в общем так же, как и в других местах. Она мечтала увидеть горы, но… «Меня ждало одно из самых тяжелых разочарований в жизни, этого чувства я никогда не забуду. Где же эти громады, взмывающие вверх, вверх, вверх, до самого неба, ввысь над моей головой за пределами видимого или постижимого?»[33]

Пришлось довольствоваться жизнью в царстве реальности и впервые за семь своих лет вести себя как любой нормальный подвижный ребенок. Она легко находила друзей и «почувствовала вкус к проказам», вместе с подругами они разыгрывали постояльцев отеля, прячась, например, под лестницей с павлиньими перьями, которыми щекотали ноги спускавшихся по ней людей. Она научилась плавать — и плавание на всю жизнь стало для нее одним из самых любимых удовольствий. Она наблюдала за женским расцветом своей сестры Мэдж, увлеклась нелюдимым мальчиком-лифтером и несказанно томилась, когда приходилось провести день «в полосатой блузке с воротником и при галстуке». Она полюбила юную Мари Сиже, которую Клара сманила из ателье, где та работала, чтобы сделать Агатиной компаньонкой, призванной ненавязчиво, в разговорах обучать девочку французскому. Как большинство решений Клары, это оказалось весьма удачным.

Агата не осознавала тогда реальной причины переезда семьи во Францию. Но по «Неоконченному портрету» видно, что и в то время она понимала больше, чем отдавала себе в том отчет. В книге есть эпизод встречи ее родителей с друзьями из Англии, Грантами, в отеле:

> «Селия услышала, как мистер Грант говорил ее матери: „Я был поражен, увидев старину Джона

(Фредерика), но он сказал мне, что чувствует себя гораздо лучше с тех пор, как приехал сюда“.

Позднее Селия спросила у матери: „Мама, папа что, болен?“

Мама с некоторым смущением ответила: „Нет. Разумеется, нет. Теперь он в полном порядке. Просто в Англии было сыро и дождливо“.

Селия обрадовалась, что отец уже не болен. Да он вообще-то и не был, подумала она, — он же не лежал в постели, не чихал, у него не было приступов разлития желчи. Кашлял немного, но это оттого, что он так много курит. Селия это знала, потому что так сказал ей сам отец».

Франция оказала благоприятное воздействие на Фредерика, тем не менее беспечальные времена для него миновали. В «Альбоме признаний» он написал, что его представление о несчастье — это «чувство вины»; стало быть, он страдал от сознания, что оставляет любимую семью столь скудно обеспеченной, что все промотал из-за своей джентльменской беспечности, что Кларе придется продать чиппендейловскую и шератоновскую мебель, купленную им в порыве расточительства, и, возможно, расстаться даже с самим Эшфилдом. Утешало лишь то, что Клара ни в малейшей степени не была склонна к упрекам. Она считала незаслуженным счастьем быть женой Фредерика. В том же «Альбоме признаний» он так описал свое представление о счастье — «быть беззаветно любимым». О таком счастье мечтают многие, Фредерику оно было даровано, и он это знал. «Ни у одного мужчины никогда не было такой жены, как ты», — написал он Кларе незадолго до своей кончины.

Спустя более ста лет это письмо по-прежнему лежит в ее кожаной шкатулке вместе с регламентом процедуры похорон Фредерика и засушенными листьями с кладбища в Илинге, где он погребен. «Я не могу больше видеть тебя воочию, душа моя, но я вижу тебя мысленно, и взор мой черпает утешение в твоем лице», — написала Клара на конверте с кусочком грушевого мыла, которым пользовался ее муж.

С тех пор на протяжении двадцати пяти лет, вплоть до смерти Клары, Агата была смыслом жизни своей матери. «Вы должны жить ради ваших детей — помните это, моя дорогая», — сказала сиделка, ухаживавшая за Фредериком, а впоследствии и за Кларой. «Да, я должна жить ради моих детей. Мне не нужно об этом напоминать, я знаю это сама». Но на самом деле жила она

главным образом ради Агаты. Мэдж уже собиралась замуж, Монти со своим полком пребывал за границей, впрочем, Агата с ее глубокими, но не выплескивающимися наружу чувствами, с ее тайным воображением, с ее обожающими полуприкрытыми глазами, с ее безмятежной верой в торжество любви, которую ей тем не менее приходилось постоянно искать, всегда была для Клары чем-то особенным. Как и в Кларе, в ней жил страх утраты, хотя до смерти Фредерика утрат она не знала. Именно с Агатой Клара обрела ту неразрывную связь, которой у нее никогда не было с собственной матерью. Их взаимное притяжение было мощным, как ток высокого напряжения. Любовь к матери всегда оставалась светом, озарявшим Агату изнутри, и в последние годы он порой слепил ее.

«Моя бабушка была опасной женщиной, — скажет дочь Агаты Розалинда много лет спустя. — Сильной и опасной. Моей матери даже в голову не приходило, что она может быть не права».[34]

Смерть отца не означала для Агаты конца идиллии. В «Неоконченном портрете» героиня получает по одному письму от каждого из родителей, уехавших за границу и оставивших ее с бабушкой в Илинге. «Два дорогих, дорогих письма», — пишет Агата. Но по-настоящему Селия страдает, читая именно материнское письмо: «Домой, она хотела домой. И чтобы там была мама…»

Агата горячо любила отца, но могла обходиться без него, если Клара была рядом. Но пока отец не умер, она безукоризненно контролировала себя и соблюдала декорум. А тут вдруг, в одночасье, ее жизнь утратила стабильность. «Я покинула мир детства… чтобы вступить в границы мира реальности», который сулил много грубого и опасного. Как благовоспитанная викторианская девочка, она пошла в спальню к матери, чтобы сказать ей, что папе теперь хорошо, потому что он на небесах. Не хочет же Клара, чтобы он покинул рай и вернулся на землю. «Да, да, хочу! — закричала Клара. — Я бы сделала все, что только возможно, чтобы он вернулся, ни перед чем не остановилась бы. Я хочу, чтобы он был *здесь,* в этом мире, *со мной!*» Клара сходила с ума от горя, к тому же и сама начала болеть. У нее сдавало сердце, она не расставалась с sal-volatile (нюхательной солью), и около года Агата по нескольку раз за ночь подходила к двери ее спальни и прислушивалась, дышит ли она; иногда девочка стояла так часами, пока изнутри не доносился какой-нибудь звук.

На свой лад, по-доброму, но без всякой тонкости, Маргарет Миллер старалась разделить с Кларой свое собственное горе от смерти пасынка. В «Неоконченном портрете» описано, как она за завтраком читает письма-соболезнования:

«— Мистер Кларк истинно добрый человек, — говорила она бывало, шмыгая носом по ходу чтения. — Мириам, ты должна это послушать. Это поможет тебе. Он так прекрасно рассуждает о том, что наши мертвые навсегда остаются с нами.

И Мириам, неожиданно очнувшись от прострации, кричала:

— Нет! Нет!»

Теткино участие было последним, чего она хотела. Фредерик принадлежат ей и только ей («Я могла бы с радостью умереть за тебя», — написала она ему в 1877 году. Но как объяснишь Маргарет, что она действительно это имела в виду?). Брешь, пробитая в семье с уходом Фредерика, нарушила баланс, благодаря которому она существовала; исчезли выдержка и легкость, кои придавал Фредерик этому клубку непростых женских характеров. Всю жизнь Клара была благодарна Маргарет. «Не сомневаюсь, что тебе очень, очень хорошо с твоей дорогой бабушкой», — писала она Агате в Илинг в 1897 году. «Милая моя малышка Агата, какое счастье, что у тебя есть еще один дом — дом твоей дорогой бабушки. Ты должна очень любить ее и быть с ней добра». Но сама Клара не любила Маргарет, и Маргарет по-настоящему никогда не любила Клару, а после смерти Фредерика матриархат очень скоро и напористо заявил свои права. Зачастую Клара не могла сдержать чувства обиды по отношению как к матери, отказавшейся от нее, так и к тетке, предложившей ее забрать.

«Селия гадала, действительно ли бабушка любила маму и любила ли мама бабушку. Она не совсем даже понимала, что заставило ее размышлять об этом». На самом деле это было следствием отцовской смерти, всколыхнувшей чувства, которые не обязательно имели отношение к печали о нем. Это были уже эмоции взрослого человека, противоречивые и необъяснимые с точки зрения логики.

Неудивительно, что Агата укрылась в воображаемом мире, который создавала сама: на этот раз она придумала себе школу, в которой учились девочки.

«Первой в ней появилась Этельред Смит, которая была высокой, с очень темными волосами и очень, очень умной… Потом — Анни Браун, лучшая подруга Этель… Потом — Изабелла Салливан, рыжая, с карими глазами, очень красивая. Она была богатой гордячкой, неприятной, всегда считала, что должна выигрывать у Этель в крокет, но Селия неизменно заботилась о том,

чтобы этого не случилось, хотя порой сознавала, что поступает несправедливо, намеренно заставляя Изабеллу пропускать мячи…»[35]

Среди семи сочиненных Агатой девочек была одна, характер которой ей никак не удавалось ухватить: это Сью де Верт, светловолосая, с бледно-голубыми глазами, «на редкость бесцветная» как внешне, так и внутренне. В то время как между другими девочками складывались определенные отношения, они болтали, играли друг с другом и имели вполне определенное прошлое и будущее (например, Элси Грин выросла в страшной нищете, а сестре Сью, Вере де Верт, предстояло стать одной из всемирно знаменитых красавиц), Сью оставалась среди них всего лишь наблюдательницей.

И в преклонные годы Агата иногда вспоминала своих девочек и думала о них. «Даже теперь порой, доставая платье из гардероба, я говорю себе: „Да, оно идеально подошло бы Элси — ее цветом всегда был зеленый…“ Я сама посмеиваюсь над собой в такие минуты, но „девочки“ по-прежнему со мной, хотя, в отличие от меня, ничуть не состарились».[36]

ЮНАЯ МИСС МИЛЛЕР

Пьеретта танцует на траве,
Весело, ах как весело!

А. Кристи. Маска из Италии (1907)

Где человек будет в следующем году или еще через год? Как замечательно, что он не может этого знать.

Из записей А. Кристи (1973)

После смерти мужа Клара оказалась перед фактом, что Эшфилд придется продать. Ее дети — особенно Агата — мыслили менее реалистично. Они не видели писем от управляющего нью-йоркской собственностью Фредерика Огаста Монтанта,[37] в котором тот разъяснял, что денег практически не осталось. У Клары не было ничего, кроме крохотного дохода от «Х. Б. Чафлинз», фирмы, в которой Натаниэль Миллер состоял партнером. Содержать такой большой дом, как Эшфилд, означало постоянно находиться в чрезвычайно стесненных обстоятельствах. «Держаться за него дальше было неразумно, теперь я это понимаю», — писала Агата в «Автобиографии». Тем не менее она умоляла мать не продавать дом, и Клара пошла навстречу желанию дочери:

«— О, мамочка, давай никогда не будем его продавать…

— Хорошо, милая. В конце концов, это счастливый дом».

Потеряв мужа, женщина порой обнаруживает, что дети, которые должны были бы помогать ей справиться с утратой, поступают как раз наоборот. Они отнимают у нее законное право хотеть думать только о себе. Но невозможно было заботиться о Кларе лучше, чем это делала Агата, хотя в силу детского эгоизма она была настроена поставить все на своем и вынудить мать подчиниться. Для Агаты продолжать жить в Эшфилде означало считать, что ничто не изменилось, но для Клары изменилось все. Дом был полон воспоминаний, зато лишился слишком многого. Если бы она изменила свою жизнь, на что недолгое время

надеялась (она лелеяла мечту о маленьком уютном домике в Эксетере), возможно, другими оказались бы и ее отношения с дочерью.

Но вероятно, в глубине души она и сама этого не хотела. Клара тоже страстно любила Эшфилд — в конце концов, это был ее собственный дом — и тем, что оставалась в нем, выражала свою преданность Фредерику. Купленные им картины по-прежнему теснились на стенах; в воздухе — пусть только в воображении — все еще витал запах его сигарет, пробиваясь сквозь аромат цветов. Клара отчасти повторила судьбу собственной матери, Мэри Энн, которая после смерти капитана Бомера даже не взглянула ни на одного мужчину. Но в другом отношении она совсем не походила на мать: оставшись вдовой, она весь смысл жизни сосредоточила в дочери.

Внешне Эшфилд, конечно, изменился: опустел, обветшал. Штат прислуги был сокращен до «двух молодых недорогих горничных»; впрочем, Джейн, повариха, отказалась покинуть хозяйку. «Я слишком долго у вас прожила», — сказала она. А когда ей все же пришлось уехать, чтобы смотреть за домом своего брата, она при прощании даже проронила две слезы, скатившиеся по ее щекам. Джейн никак не могла освоиться с переменой статуса семьи, наступившей вследствие теперешней Клариной бедности. Одним из самых больших удовольствий для нее всегда было позвонить по телефону и низким девонширским голосом сделать заказ в магазине: «Шесть лангустов, *самок* лангуста», — а потом сооружать блюда для гурмана Фредерика, который любил после еды зайти на кухню, чтобы лично похвалить и поблагодарить Джейн. Теперь она, испытывая невероятные мучения, вынуждена была в больших количествах отправлять в мусорное ведро остатки выпечки и готовить примитивные макароны с сыром всего на двоих. Кларе постоянно приходилось напоминать ей о новом положении вещей, но в нежелании Джейн смириться с ним было даже нечто величественное. Она напоминала служанку Доркас из первого детективного романа Агаты «Таинственное происшествие в Стайлсе» с ее обращенными к Пуаро сетованиями по поводу утраты былого великолепия хозяйской усадьбы:

> «— У нас их было пять [садовников] до войны, когда дом содержался как полагается дому джентльмена. Если бы вы могли его тогда видеть, сэр! Достойное было зрелище. А теперь здесь только старик Мэннинг да эта соплячка Уильям — новомодная женщина-садовница в бриджах и тому подобных тряпках. О, что за ужасные

времена!

— Хорошие времена настанут снова, Доркас. По крайней мере мы на это надеемся…»

Для Клары лучшие времена теперь сосредоточились в ее зеленой кожаной шкатулке, вместилище памяти. Здесь хранилось все: радостные визиты молодого Фредерика в дом Миллеров; то чудо, которым стало для нее его предложение; их прогулки рука об руку по нью-йоркским улицам; его последнее письмо к ней. Сидя у камина в классной комнате наверху или расставляя по всему дому «огромные букеты белых цветов на длинных ножках» из собственного сада, Клара рассказывала Агате истории из своей жизни.

И так они снова обретали равновесие, мать и дочь, в своем любимом Эшфилде.

В конце Бартон-роуд Агата сворачивала и тенистыми аллеями спускалась к серой викторианской церкви Всех Святых, где ее крестили, чтобы помолиться за отца. Она была набожной девочкой, «твердо и безоговорочно правоверной». По дороге к церкви она проходила по Вэнситтарт-роуд (это имя — Элеанор Вэнситтарт — она впоследствии, много лет спустя, дала одному из персонажей своего детективного романа «Кошка среди голубей»). Эльза Диттишэм, полковник Лускомб, Джон Кристоу, Жан Инстоу и Милдред Стрит тоже обязаны своими именами названиям мест, которые она помнила со своего девонширского детства.

Сочинять она начала, когда была еще девочкой. Самое раннее ее стихотворение аккуратно вписано в тетрадку и датировано апрелем 1901 года.

Крошечка Примула
Опять в слезах уснула:
Не нравится, не нравится
Ей голубое платьице!..

В той же тетради есть стихотворение о ее коте — «Ода Христофору Колумбу», — написанное сразу после смерти отца.

Шерстка щеточкой — кис-кис,
Мы тебя назвали Крис.
А мечтаешь ты, прохвост,
Про пушистый длинный хвост.

Одно ее стихотворение даже напечатали в илингской газете.

Это была первая публикация Агаты.

После этого ее стихи печатались в «Поэтическом обозрении», однако более громкий писательский успех в раннем возрасте имела ее сестра Мэдж, обнаружившая куда более яркие способности. До замужества в 1902 году несколько ее рассказов — «Рассказы ни о чем» — опубликовал журнал «Ярмарка тщеславия». «Нет никаких сомнений, что Мэдж была самой талантливой в нашей семье», — писала Агата в «Автобиографии». Обеих девочек поощряли к писательству, точнее, к самовыражению в любой форме, какая окажется им близка. В то же время и речи не шло о том, что это может отрицательно сказаться на их женственности. В этом смысле Клара показала себя более просвещенной, чем многие сегодняшние дамы, с которых вполне сталось бы счесть, будто успех Мэдж в «Ярмарке тщеславия» может насторожить — «отпугнуть» — потенциальных мужей.

Один из парадоксов семейного воспитания чаще, чем кажется, состоит в том, что родители стараются обращаться со своими детьми противоположно тому, как обращались с ними самими. В Кларе игнорировали индивидуальность, впечатлительность ее натуры в процессе воспитания не принималась в расчет. И теперь сама она всматривалась в личности своих дочерей словно в свете мощного прожектора. Она делала все, чтобы проникнуться их устремлениями, и верила, что для них нет ничего невозможного. Для заурядной девочки она, вероятно, оказалась бы ужасной матерью. Но каждая из ее дочерей была яркой искоркой (про Мэдж можно даже сказать — лучезарной), и Клара раздувала их изо всех сил. Сильное влияние Клары, ее возвышенный литературный стиль тяжелой печатью лежат на стихах, которые Агата сочиняла лет в тринадцать.

Бродил ли ты в полуденном лесу?
Ступал ли ты по золотым коврам осенним?
Слыхал ли ты, как падает листва и тихо шелестит от вздоха ветра?
Оплакал ли несовершенство мира?
Считал ли дни, отпущенные Небом?..

Мэдж проявляла гораздо больше свободы в поведении и всегда была самостоятельна в мыслях. Она походила на Фредерика ничуть не меньше, чем на мать: такая же полуамериканка с трезвым и гибким умом и пренебрежением к условностям. В отличие от Агаты она не испытывала никакой

потребности вести себя «как хорошая девочка», и никто ее за это не осуждал. Мэдж — это Бесс Сэджвик из «Отеля „Бертрам“», нетерпеливая, предприимчивая, властная, в то время как Агата — это дочь Бесс, Эльвира — тихая, уступчивая, бесконечно сомневающаяся. Посланная в Париж «завершать» образование, Мэдж, подначиваемая подружками, не задумываясь выпрыгнула из окна и приземлилась точно в середине чайного стола, вокруг которого сидело достопочтенное семейство. Как отец, она играла в любительских спектаклях и обожала переодевания — так, однажды она вышла к гостю в облачении греческого священника. Вероятно, это подсказало Агате идею, которую она часто использует в своих книгах: актерская профессия автоматически делает человека мастером по части изменения внешности («Для актера — детская забава сделать себе грим и исполнить роль Педро Моралеса…»[38]). Уже в зрелые годы Мэдж могла спуститься к семейному обеду в полном крикетном обмундировании. Как и у ее матери, в натуре Мэдж была некая неугомонность, но достаточная — избыточная? — уверенность в себе означала, что в юности это качество благополучно нашло выход в самоиронии и творчестве.

Она обладала особым магнетизмом, была сексуальна и проворна, как лисица. Не красавица, но это не имело никакого значения: она была личностью. Агату она затмевала, и в юности та представляла собой для нее благодарную «аудиторию», перед которой Мэдж могла демонстрировать новые наряды и щеголять своими поклонниками, а также вызывать ее бурный смех остроумными репликами в сторону. «Агата ужасно несообразительна!» — любила повторять Мэдж, но всегда с любовью: она обожала свою молчаливую младшую сестренку. В 1903 году Агата во второй раз появляется на страницах «Альбома признаний» и называет в качестве своих героинь «маму и Мэдж».

Становясь старше, однако, она начала испытывать ревность. «Я буду в бешенстве, если ее инсценируют раньше, чем меня!»[39] — писала Агата матери в 1922 году, когда была уже довольно известной писательницей, но Мэдж без предупреждения и без видимых усилий написала пьесу, да к тому же играючи нашла для нее продюсера в Уэст-Энде.

Кроме того, в то время Мэдж была гораздо богаче Агаты. Брак Мэдж с Джеймсом Уоттсом — одним из многих претендентов, вызвавшим ее интерес демонстративным безразличием, — был таким же выгодным, как в свое время брак ее тезки — бабушки. Джеймс был наследником Эбни-Холла — огромной викторианской усадьбы неподалеку от Манчестера, в которой останавливался принц Альберт и которую Агата использовала как

место действия в нескольких своих книгах. В романе «После похорон» современная молодая повариха называет этот дом «настоящим древним мавзолеем» и жалуется на «невероятные размеры кухни, судомойни и кладовой». «Только чтобы обойти их все, нужно не меньше дня», — говорит она. В «Игре зеркал» Эбни — или, как в книге, Стоунгейтс — высмеивается как «некий готический монстр… лучших викторианских времен эпохи ватерклозетов». На самом деле дом производил чрезвычайно величественное впечатление, в чем Агата прекрасно отдавала себе отчет.

В детстве она любила гостить в этом поместье, тогда еще принадлежавшем родителям Джеймса Уоттса («Ну, о чем призадумалось наше мечтательное дитя?» — спрашивал ее, бывало, сэр Джеймс). О доме таких размеров, как Эбни, она сама мечтала: это был совершенно отдельный мир, в котором текла своя жизнь; мир, казавшийся бесконечным из-за «огромного количества комнат, переходов, неожиданно возникавших ступенек, черных лестниц, парадных лестниц, альковов, ниш».[40] Хотя Агата любила солнечный свет и свежий воздух, она была покорена стигийским обликом Эбни, укутанного от пола до потолка в парчовые шторы и настенные ковры. Комнаты были темными и производили впечатление богатства и монументальности: зеленая шелковая обивка стен в гостиной, деревянные панели, расписанные вермильоном и ультрамарином, дубовая мебель, напоминающая миниатюрные боевые корабли. В доме царил волшебный дух пучин, тайников, секретов. Сама его массивность казалась не вполне реальной. В «Игре зеркал» Стоунгейтс уподоблен театральной декорации, хотя «эта иллюзия существовала в восприятии зрителя, а не в самой конфигурации здания».

После замужества Мэдж Клара с Агатой всегда проводили Рождество в семье Уоттс. Позднее Агата вспоминала лопающиеся от подарков подвешенные чулки, заваленные дарами стулья, столовую, мерцающую в зыбком пламени свечей, нескончаемое изобилие еды — суп из лангустов, запеченная индейка, отварная индейка, говяжий филей, сливовый пудинг, пирог с миндалем и изюмом, трюфели, виноград, апельсины, сливы, консервированные фрукты… Это было миром прошлого, снова воплощенным в жизнь. Рождественский образ Эбни — с его изобилием, его английскостью, его диккенсовским сочетанием призрачного света и мрака пучины — Агата пыталась воссоздавать всю жизнь.

Мэдж стала хозяйкой замка Эбни, когда Джеймс Уоттс унаследовал основанный его дедом бизнес, связанный с

экспортом. Джеймс, по выражению второго мужа Агаты Макса, «испытывал странное почтение к деньгам как символу мужского достоинства»,[41] хотя, когда Агата впервые увидела его в 1901 году, он был робким студентом последнего курса Оксфорда без каких бы то ни было плутократических наклонностей. «Он сразу очаровал меня, — написала Агата в „Автобиографии“. — Он был добр ко мне и всегда относился совершенно серьезно, не позволял себе глупых шуток и не обращался как с маленькой девочкой». Двадцать пять лет спустя именно он (правда, эту честь оспаривал также лорд Маунтбаттен) подарил ей идею едва ли не самого знаменитого ее романа «Убийство Роджера Экройда». Сдержанность Джеймса сближала его с Агатой, но делала неподходящим мужем для экстравертки Мэдж. Со временем он стал с трудом переносить многие привычки супруги — например его раздражала ее любовь к лицедейству, — ей же, в свою очередь, в нем не хватало огня. «Думаю, хозяева Эбни не слишком счастливое семейство», — писала Агата в 1930 году.[42]

В «Автобиографии» Агата задается вопросом, «продолжала ли бы Мэдж писать, если бы не вышла замуж» (вероятно, то, что она вышла-таки замуж, было для Агаты большим облегчением)? Мэдж принадлежала к той породе женщин, которые в наши дни предпочитают оставаться незамужними, — скорее всего ей бы это подошло лучше всего. Возможно, будь жив Фредерик, она не стала бы женой Джеймса Уоттса, потому что Фредерику он не нравился. Но Мэдж и Агата получили в наследство всего по сто фунтов годового дохода от имущества Миллеров. В 1910 году это было не совсем уж пустяком, однако мысль о том, что Мэдж найдет надежное пристанище под крышей Эбни, была для Клары утешением, и воспротивиться такой перспективе она не смогла, поскольку в вопросе о деньгах была реалисткой. По собственному опыту она с детства знала, какой ущерб может нанести их недостаток. Поэтому она поощряла молодую пару не затягивать со свадьбой, и — хотя сама Мэдж считала это излишней торопливостью — брак был заключен через девять месяцев после смерти Фредерика. «Мама уверяла, и, думаю, в этом была доля правды, что с течением времени, когда они с Мэдж сблизятся еще теснее, расставаться станет труднее».[43]

В промежутке между смертью Фредерика и замужеством Мэдж отношения Клары со старшей дочерью приобрели глубину сокровенности. Они вместе отправились на три недели на юг Франции, оставив Агату одну в Эшфилде. Она не возражала; «формально она стала хозяйкой дома»,[44] наслаждалась этой ролью, заказывая Джейн, что приготовить ей на обед, и смутно сознавала, что для только что овдовевшей женщины взрослая

дочь — более подходящая компания, чем добродетельная девочка, невразумительно блеющая что-то про рай. Если бы Мэдж не вышла замуж так скоро, вероятно, отношения Агаты с Кларой сложились бы в значительной мере по-иному. Но случилось так, как случилось, и начиная с 1902 года до конца жизни Клары Агата была для нее главной дочерью.

Агата сделала Мэдж персонажем рассказа «Дом красоты»,[45] написанного в 1908 году, и некоторых других своих ранних рассказов, которые были опубликованы позднее. Аллегра Керр очаровывает героя, Джона. «Она была потрясающе деловитой. Ее деловитость, казалось ему, была скорее продуманной, нежели естественной. Но за всем этим крылось что-то еще. Прерывистые, капризные вспышки — словно таинственный блуждающий огонь, который в старину заманивал мужчин в болота». Она с легкостью отбивает Джона у своей младшей подруги Мейзи, которая в него влюблена. «Ты злая, Аллегра», — говорит ей Мейзи. «Зато умею будоражить, дорогая моя», — отвечает та.

В «Неоконченном портрете» есть персонаж, отчасти списанный с Монти, но нет списанного с Мэдж. Сестра Селии Джой умирает в юности. Видимо, Агата не желала, чтобы в книгу вторгалась доминирующая индивидуальность Мэдж с ее собственными взаимоотношениями с матерью, с умением очень многое делать лучше героини: флиртовать, шутить, рассказывать истории, рисовать, лицедействовать, сочинять. Когда пьеса Мэдж «Претендент» была принята к постановке — в 1924 году она шла на сцене Королевского театра на Шафтсбери-авеню, — Агате положено было выражать восторг по этому поводу, она и выражала. Но равновесие их отношений, восстановившееся было за предыдущие четыре года благодаря литературным успехам Агаты, снова нарушилось. Трудно найти неревнивого автора, тем более — неревнивую сестру. У Агаты появилось ощущение, что Мэдж, всего на секунду небрежно нажав мыском туфли на педаль акселератора, вмиг обошла ее на несколько миль.

Она-то считала, что Мэдж у нее под контролем — пополневшая в талии мать уже взрослого сына (Джек родился в 1903 году), запертая в своем мрачном поместье, в то время как ее «такая несообразительная» сестра срывает рукоплескания публики. Но ей следовало помнить, что в возрасте восемнадцати лет, играя в «признания», ее сестра на вопрос: «Каково ваше представление о счастье?» — ответила: «Быть успешной». И от этого представления Мэдж, как выяснилось, еще не отказалась.

С каким блаженным ликованием она растравляла эту Агатину рану, пока шли репетиции «Претендента»! Сюжет пьесы был основан на реальной истории сэра Чарлза Тишборна — эдакого

Мартина Герра[46] времен королевы Виктории, — который в 1870-х годах претендовал на титул баронета и вынужден был подвергнуться суду, чтобы доказать подлинность своей личности. Мэдж наслаждалась прихотливыми поворотами собственного сюжета — она выписывала его хитросплетения с куда большей легкостью и небрежностью, чем это сделала бы Агата. «Неопытные драматурги склонны к чрезмерной расточительности в отношении собственных сюжетов», — отмечал автор благожелательной в целом рецензии в «Таймс». Пробиться на профессиональную сцену — незаурядное достижение для драматурга-любителя. Для Клары это стало в некотором роде триумфом, ибо именно она вселила в Мэдж уверенность, что та может написать пьесу для фешенебельного уэст-эндского театра, и сама Мэдж упивалась каждой минутой своего успеха. Когда-то она написала в «Альбоме признаний», что Лондон — это место, где ей больше всего хотелось бы жить. В сорокапятилетнем возрасте она наконец попала туда, поселилась в роскошном районе Мейфэр, в «Гарден клаб», каждое утро являлась в театр, вооруженная своей снисходительной самоуверенностью, и ошарашивала ею режиссера Бэйзила Дина. Привычный к капризам актеров и невротическим выходкам авторов, тот был до полусмерти зачарован непоколебимым величием «миссис Уоттс». Во всяком случае, так она преподносила это своим родным.

> «Мои Два Самых Дорогих [писала она мужу и сыну в Эбни], все идет настолько хорошо, что, по мнению Бэйзила Дина, спектакль может быть выпущен раньше, чем предполагалось… Я сочла, что конец третьего акта „слабоват“, — всегда так считала. Мне захотелось, чтобы у Фэй Комптон здесь был монолог, спросила об этом у Б. Д., и он ответил: „Делайте все, что сочтете нужным; стоит вам захотеть — и вы напишете его потрясающе. В любом случае, что бы вы ни сделали, я — за“. Удивлены? Да, я опять за машинкой!
>
> …Я решила снова переехать в „Браунз“ [отель]. Сказала, что апартаменты нужны мне не с 16-го, а с 11-го. Оказалось, что все забронировано, но стоило мне упомянуть пьесу, как они чуть с ума не сошли и сказали: „Ну конечно! Мы предоставим вам апартаменты, кто бы на них ни претендовал!“ В такие моменты чувствуешь себя всесильной. Надеюсь, я не кажусь вам слишком самодовольной?..»

Агата жила тогда в Саннингдейле, неподалеку от Лондона, поэтому Мэдж иногда приезжала к ней на выходные: «Вчера, в

воскресенье, ездила в Саннингдейл, но была такой усталой, что то и дело уходила поспать!» Вполне вероятно, сама она была в то время весьма утомительна, особенно для Агаты, которая, по словам Мэдж, «безумно хотела побывать на репетиции» (не исключено, чтобы взбодрить себя, убедившись, что «Претендент» не шедевр). По тону писем Мэдж можно догадаться, как она должна была раздражать сестру. «Писала и печатала всю ночь… Б. Д. вернулся минут через пять, схватил меня за руку и сказал: „Господи! Вы настоящая писательница — это потрясающе!“ Вот так. Он теперь считает меня почти гением… Они не могут без меня обходиться».

Это было любимое и, надо сказать, провокационное выражение Мэдж. Оно могло как раздражать до безумия, так и очаровывать. То, что она была единственной в семье женщиной, обладавшей таким же врожденным чувством юмора, как ее отец, видно из письма, в котором она рассказывает об актрисе Лотти Венн, которая была назначена в «Претенденте» на роль аристократки, обладая на самом деле манерами официантки, кои ей стоило больших усилий скрывать. «Сегодня я занималась ужасной работой — нужно было (по распоряжению Б. Д.) объяснить Лотти Венн, что в этой роли нельзя быть вульгарной. „Разумеется, как герцогиня я не могу делать некоторые вещи…“ До ужаса довольна, что будет играть герцогиню».

Вот как описала Мэдж их встречу:

> «Дорогая мисс Венн, я так *рада с Вами* познакомиться! Безумно боюсь, что все, кто придут в театр только для того, чтобы увидеть *вас,* будут страшно разочарованы. Они не хотят видеть *мою* герцогиню, они хотят видеть *вас.* Им нужна их „Лотти“…
>
> Я: Я не держусь за свой текст. Вы *должны* просто вжиться в роль. Дать себе волю. Быть свободной.
>
> Мисс Венн: Ну а как же ж, герцогиня ж, вы ж понимаете…
>
> …Я еле удержалась от смеха».

Агата бы так не написала. Глубоко внутри она, должно быть, понимала, что такое прямое выплескивание собственной индивидуальности неуместно для настоящего писателя, и догадывалась, что стоит за постоянными насмешками Мэдж. «Я всегда подозревал, — говорит персонаж ее позднего романа „Роза и тис“, написанного под псевдонимом Вестмакотт, — что чувство юмора — это своего рода светский талант, которым мы, цивилизованные люди, пользуемся как страховкой от крушения иллюзий. Мы сознательно делаем усилие, чтобы видеть вещи

смешными, просто потому, что подозреваем: на самом деле они неудовлетворительны». Тем не менее, несмотря ни на что, Мэдж всегда удавалось заставить Агату чувствовать себя «до смешного бесцветной» — такой, как ее воображаемый двойник Сью де Верте. «Моя тетушка была интереснее, чем мама, — сказала дочь Агаты Розалинда.[47] — Она была такая забавная. Жаль, схоронила себя отчасти в Манчестере».

После того как «Претендент» сошел со своей недлинной дистанции, Мэдж вернулась в просторный склепоподобный дом Уоттсов. Она написала еще две пьесы, но они не увидели света рампы. Зато теперь Агата начала завоевывать Уэст-Энд и достигла там выдающегося успеха. Казалось бы, это специфическое соперничество решилось в ее пользу, и все же в самой Мэдж и в ее «Претенденте» были те свежесть и легкость самовыражения, которые Агате никогда не давались.

Например, Мэдж с непринужденной легкостью, несколькими мазками рисует в пьесе портрет персонажа по имени Чарлз Клегхорн. «Медяшки я не принимаю в расчет, никогда не принимал», — говорит он, швыряя на сцену какую-то мелочь. Дело тут не в мастерстве Мэдж, это было просто умелое, хотя и завуалированное, но точное воспроизведение характера ее брата Монти.

Монти никогда не принимал в расчет мелочи, а по правде говоря, и многое другое, более существенное — или умело притворялся. Он был безнадежен. То, что он вырос в условиях матриархата, навсегда подавило его личность. «Должен сказать, это заставляет чувствовать себя полным идиотом», — говорит Юстас Леонидис, юноша из «Кривого домишки», живущий в семье, полной властных женщин. Монти сознательно избрал для себя такую линию поведения — это был стиль, типичный для выпускника Харроу, — но ощущение собственной неполноценности укоренилось в нем так же, как в Юстасе. Юстас парализован инфантилизмом, и этим объясняются и его «уязвленная мужская гордость», и способность совершить убийство. «Чем больше я думаю, тем больше мне кажется, что это мог быть именно Юстас… Он ведь не совсем нормален». В случае Монти речь не шла о клиническом безумии, но и он страдал от некоего духовного паралича.

Нормальный человек мог бы расцвести или по крайней мере благополучно выжить среди всех этих женщин, поскольку недостатка в любви к себе не испытывал бы. Фредерик обожал Монти как единственного сына. «Думаю, в действительности Монти был его любимцем», — писала Агата в «Автобиографии». Но из-за слишком малой разницы в возрасте с блистательной

Мэдж он начал свой жизненный путь, если можно так выразиться, не с той ноги. И дальше продолжал хромать по жизни беспечно, без веры в себя, к тому же ему часто изменяла удача. По окончании Харроу — где он держал белых мышей («мистера и миссис Уискерз») и не держал никаких экзаменов — его надеялись пристроить к банковскому делу, но это оказалось ему не по зубам; тогда его отправили в Дарт осваивать кораблестроение. Эта затея тоже потерпела крах. Когда в 1899 году разразилась Вторая бурская война, он добровольцем записался в армию и, получив офицерское звание в Восточном Суррее, был направлен в Индию. Армейская жизнь подходила ему больше, чем что бы то ни было другое. Но когда Монти вышел в отставку году в 1910-м, стало очевидно, что он совершенно не приспособлен к жизни.

Достигнув совершеннолетия после смерти отца, Монти в мгновение ока промотал ту невеликую сумму, которая досталась ему от миллеровского состояния, и влез в такие отчаянные долги, что сбежал от них сначала в Кению, потом в Уганду, откуда засыпал Мэдж письмами с просьбой помочь ему в осуществлении строительства грузового судна, которое, согласно его планам, должно было курсировать по озеру Виктория. И «Батенга» была построена, на деньги Уоттсов («Мой зять был вне себя», — писала позднее Агата), но к тому времени, когда корабль (с роскошной отделкой интерьера черным деревом и слоновой костью) сошел со стапеля, началась Первая мировая война. Монти за бесценок продал его и вступил в Африканский полк королевских стрелков. Он едва избежал трибунала, когда вопреки приказу самовольно расположил свой обоз, запряженный мулами, в месте, которое считал идеальным для боя. Пока он пререкался с вышестоящим командиром, нагрянули немцы, и часть Монти одержала над ними триумфальную победу. Этот эпизод стал широко известен в армии под названием «битва Миллера».

Потом Монти ранили в руку, рана оказалась инфицирована, и он вернулся в Эшфилд со своим африканским слугой Шебани. Считалось, что он приехал домой умирать. На самом деле его возвращение «чуть не доконало нашу мать», как писала Агата в «Автобиографии». Монти мог, например, потребовать, чтобы его кормили в четыре часа утра, если такая блажь приходила ему в голову, и стрелял в окно из револьвера, не слишком заботясь, есть там люди или нет. Тихая-мирная Бартон-роуд такого еще не видела. «Какая-то глупая старая дева, вихляясь, шла по дороге. Я не выдержал и выстрелил…» Его эксцентричные эскапады ставили всех в жутко неловкое положение и не только утомляли, но и пугали; терпеть их дальше становилось невыносимо. Агата и

Мэдж, тревожась за мать, которая мечтала о возвращении сына, но теперь так же горячо желала, чтобы он уехал, в начале 1920 года купили за восемьсот фунтов стерлингов коттедж в Дартмуре, в местечке Троули, где Монти поселился с шестидесятипятилетней экономкой миссис Тейлор, крашеной блондинкой, имевшей тринадцать детей. Несколько лет спустя миссис Тейлор умерла по дороге на юг Франции, куда отправилась вместе с Монти, решившим сменить место жительства. Там для них были сняты — опять же сестрами — апартаменты. Несмотря на холодную ярость мужа, Мэдж отправилась в Марсель, чтобы сделать что-нибудь для брата, который жалобно писал, что совсем ослабел и, одинокий, лежит в больнице. Присматривавшая за ним сиделка Шарлотта стала последней женщиной, не устоявшей перед его обаянием и умением вызывать сочувствие. По приезде Мэдж обнаружила, что брат уже перебрался в квартиру сиделки. С ней он и жил вплоть до 1929 года, пока не скончался от удара совершенно внезапно, сидя в кафе на берегу моря.

В некотором смысле его смерть была облегчением для сестер. Тем не менее Агата испытывала чувство вины перед Монти; ее преследовала мысль о его безалаберно сложившейся жизни, хотя, вероятно, он был не так несчастлив, как она себе представляла. Время от времени она посылала деньги на поддержание его могилы в Марселе и неукоснительно пеклась о том, чтобы у надгробия всегда были свежие цветы в День перемирия.[48] «Можете быть уверены, что за могилой хорошо ухаживают», — писал ей в 1936 году один из восточносуррейских однополчан Монти.

Было ли бы это важно для самого Монти? Он вырос, окруженный любовью, но ни поощряющие заботы родителей, ни ответственность, с какой относились к нему сестры, в итоге никакого эффекта не возымели. Ничто не могло восполнить пробелы. Быть может, именно поэтому, отвечая в 1897 году на вопросы в «Альбоме признаний», он написал, что достоинство, которое он ценит превыше всего, — это цельность. Ее ему всегда не хватало, хотя у него были другие достоинства. Он обладал таким же обаянием, как его отец (правда, ему недоставало отцовского чувства юмора и у него совсем не было его умения правильно оценивать нравственную сторону тех или иных поступков), и отнюдь не был лишен способности к самокритике. На вопрос, кем бы он был, если бы не был самим собой, он ответил: «Человеком, лучшим, чем я».

Главными чертами своего характера он назвал «проказливость, упрямство, склонность увлекаться, а также

изводить заботами себя и других, говорить на жаргоне и поддаваться вспышкам раздражительности». Его представление о несчастье — «работать и занимать деньги». Своими героями он назвал фениев,[49] а героинями — Маргарет Миллер («бабулю») и Клару. Тогдашнее состояние души он описал так: «Вот это да!!» Трогательные высказывания — не то что твердые и решительные ответы его сестры Мэдж. И фотография, на которой он сидит в расписной тележке Трулава, одетый в кучерской костюм, — это шутка, которую могла бы придумать и Мэдж, только она выглядела бы лихо и уверенно, между тем у Монти вид получился просто глупый. На другой фотографии он в мундире сидит на бамбуковой скамейке в эшфилдском саду, закинув ноги на колени двух молодых людей, расположившихся справа и слева от него; его взгляд полон неосмысленной жажды жизни. На последнем снимке Монти запечатлен возле коттеджа в Дартмуре: опирается на трость, одет в халат, но при галстуке и в примятой шляпе, с губы свисает сигарета. Он выглядит беспутным сверх всякой меры — эдакий лорд Лукан,[50] найденный старым и больным, — и тем не менее сохраняет хоть и припорошенный пеплом, но неистребимый шарм.

Агата всегда тонко чувствовала обаяние брата и, находясь под влиянием его чар, пыталась постичь их природу. Ребенком, когда Монти пренебрежительно дразнил ее тощим цыпленком, она считала его неотразимо очаровательным («он был самым красивым из всех Миллеров»). Повзрослев, поняла, что мужчина может быть слабым, но тем не менее неотразимым. В своем последнем вестмакоттовском романе «Бремя любви» она описала девушку, влюбленную именно в такого мужчину.

> «Она все еще была в восторге от того, что замужем за Генри, но начинала понимать, что этот брак имеет свои недостатки. Генри к тому времени сменил уже три места службы. Ему, в общем, никогда не составляло труда найти работу — он имел широкий круг влиятельных друзей, — но, похоже, он был совершенно не в состоянии удержаться на ней. Либо он уставал от нее и бросал, либо его увольняли. К тому же деньги утекали у него, как вода сквозь пальцы, и он с легкостью брал кредиты. В его представлении улаживать финансовые дела означало брать в долг…»

В детстве Монти выдавали карманные деньги на неделю вперед, но он тратил их тотчас же. «В один из последующих дней недели он вдруг заталкивал мою сестру в магазин, быстро заказывал любимых сладостей на три пенни, после чего смотрел

на сестру — мол, попробуй не заплатить. Мэдж, для которой мнение окружающих значило чрезвычайно много, всегда платила, но, естественно, приходила в ярость… А Монти только безмятежно улыбался ей и угощал конфеткой».[51]

Двадцать лет спустя, когда Монти брал деньги у Джеймса Уоттса на постройку корабля, он тоже мог не задумываясь потратить их на то, чтобы устроиться в роскошном отеле на Джермин-стрит, купить себе шелковые пижамы или деревце-бонсай для гостиничного номера. Чтобы успокоить Мэдж, немалую часть денег ее мужа он тратил на подарки ей и водил обедать в «Беркли». Это был тот же самый трюк, которым он пользовался в детстве, и Агата впоследствии написала о том, какое печальное зрелище являет собой «взрослый мужчина с психикой ребенка… Повзрослев, от ребячества надо избавляться…»; «Да… мужчина-ребенок — самое страшное, что может быть на свете».[52]

Агата многому научилась у Монти. Ее большие, словно чуть хмурые глаза вобрали в себя улыбчивую взволнованность отца, смятенное неверие матери в собственные силы, любопытствующую презрительность Мэдж. Даже когда Монти бывал вдалеке от дома — и предполагалось, что проблема с ним «решена», — Агата явственно ощущала его безвольное присутствие, которое омрачало жизнь семьи и было источником вечной тревоги. Она понимала его — насколько это было возможно. Он делился с ней своими размышлениями о человеческой натуре; помогал трезво и мудро смотреть на ее детективные сочинения.

«В военные времена подобные люди становятся героями. Но в мирные… да, в мирные они чаще всего кончают в тюрьме. Они любят азарт, они не могут бежать по прямой, и они ни в грош не ставят общество — а в конце концов и самое человеческую жизнь». Эта цитата из романа «Берег удачи» не совсем точно характеризует Монти; тот не был преступником и был способен на привязанность. Но он принадлежал к тому типу людей, которых Агата часто описывала в своих книгах — именно они порой становились у нее убийцами, — людей, которые могли бы многого достичь в жизни, если бы не их необъяснимая внутренняя обреченность на ошибки. «Чуть-чуть иное сочетание генов, — писала она о Монти в „Автобиографии“, — и он мог бы стать выдающимся человеком». Дэвид Хантер из «Берега удачи», Филипп Ломбард из «И никого не стало»,[53] Майк Роджерс из «Ночной тьмы», Чарлз Арандейл из «Немого свидетеля», Майкл Рафиэл из «Немезиды», Леонард Воул из «Свидетеля обвинения», Жако Аргайл из «Горя невинным» — все они имеют в характере

что-то от Монти.

Особенно интересен в этом смысле Жако Аргайл. Он один из пятерых приемных детей Рейчел и Лео Аргайл. Всех пятерых воспитывали совершенно одинаково и были уверены, что они станут дружными маленькими Аргайлами, составляющими сплоченную семью. Однако они остались совершенно разными, не похожими друг на друга, верными своей наследственности и корням. Несмотря на всю любовь и внимание, которые изливались на него в изобилии, Жако вырос падким на соблазны и бессовестным.

> «…Жако, вот уж истинно человеческое существо. Был ли Жако, выражаясь словами кальвинистской доктрины, „сосудом, обреченным быть разбитым“? Жизнь даровала ему все возможности, не так ли? Тем не менее — во всяком случае, так считал доктор Макмастер — ему на роду было написано пойти по кривой дорожке. Никакое окружение не могло ему помочь и спасти его. Неужели это правда? Лео Аргайл говорил о нем со снисходительностью и жалостью. Как он там выразился? „Неудача природы“…»

Так думала и Агата о Монти: она верила в предопределенность судьбы («…где сам я собой оставался в духе, который от Бога достался?») и не сомневалась, что ее брат, как и Жако Аргайл, изначально был лишен шанса на спасение. Современную точку зрения, будто воспитание кует характер, она не разделяла. Разумеется, она понимала, что обстоятельства имеют значение: она сама была продуктом определенного выбора из имевшихся вероятностей, который наложил на ее характер тот, а не иной отпечаток. «Характер, *mon cher,* не остается неизменным. Он может крепнуть. А может и портиться», — говорит Эркюль Пуаро в «Береге удачи». Однако дальше в том же романе он замечает: «Трагедия жизни состоит в том, что люди не меняются». Он часто повторяет это, как мантру. В романе «Карты на столе» он отказывается поверить признанию в убийстве, ибо догадывается, что оно ложно, и говорит: «Я прав. Я должен быть прав. Я и хотел бы поверить, что вы убили мистера Шайтану, но вы не могли убить его тем способом, какой описываете. Никто не волен делать то, что несвойственно его характеру!»

Пуаро оглашает убеждения своей создательницы. Агата была непоколебимо уверена, что основа человеческого характера неизменна, пусть она порой и неизвестна самому человеку. «Что на самом деле представляет собой человек, становится очевидным лишь тогда, когда настает час испытания, — то есть в

момент, когда он встает на ноги или падает».[54]

Монти падал, и это было неизбежно. Только врожденное обаяние помогало ему подниматься. В «Игре зеркал» Агата обратилась к получившей распространение после войны теме веры в силу филантропии, якобы позволяющей изменить жизнь людей, — отчасти из-за Монти она считала это убеждение неверным. Действие книги сосредоточено вокруг школы для малолетних правонарушителей, которой руководит некто Льюис Серрокоулд — «еще один человек с идеалами!», пытающийся исправлять покалеченных обществом детей с помощью психиатрии и образования. Льюис был «увлечен той же идеей — улучшать жизнь других. Но, знаете, на самом деле никто не может этого сделать, кроме вас самих».

Мисс Марпл говорит ему о вере в общественное перевоспитание: «Мне кажется, что порой человек может, знаете ли, перестараться… Я имею в виду молодых людей с хорошей наследственностью, благоразумно воспитанных в пристойном доме, обладающих силой воли, отвагой и способных преуспеть в жизни, — что ж, они действительно, когда доходит до дела, становятся людьми, в которых страна нуждается. Не сочтите, что я не ценю… истинного сострадания. Разумеется, человек должен быть сострадательным, но…»

«Одни рождаются, чтобы быть счастливыми, другие — чтобы не быть счастливыми», — написал сам Монти в 1924 году. В конце концов, если все остальные члены его семьи имели способности к писательству, почему бы и ему их не иметь? Почему бы и ему не сочинять рассказы, как это делали его умные сестры? Живя в дартмурском доме, он исписывал тетрадь страница за страницей. «Наконец я нашел понимание, достаточное, чтобы осуществить свой проект. Подождите — и вы увидите. Все случится так просто, что вы удивитесь: и зачем это нужно — читать и учиться, учиться и читать?..»

В тетради есть несколько начатых стихотворений, пьес и рассказов, обычно — всего по несколько строк. Один рассказ, «Черная слоновая кость», открывается эпизодом, в котором он, Монти, раненный, лежит где-то в Африке. Его слуга дает ему «две маленькие коричневые таблетки. „Что это?“ — спросил я. „Опиум… он вам поможет“». Говорили, будто Монти был наркоманом.[55] Хотя никаких внешних подтверждений тому нет, его собственные слова дают основание предположить, что в какой-то момент жизни он действительно употреблял наркотики. Не в последнюю очередь в пользу этого предположения свидетельствует многое из того, что он пишет, — его писания

зачастую напоминают запечатленные на бумаге галлюцинации.

> Прекрасная Мечта
> Может осуществиться у каждого,
> Но лучше всего, если бы она осуществилась у меня…
> О, приди, о, приди,
> О, уйди, это игра, я говорю, что я вымечтал
> Мечту, я говорю, говорю, говорю,
> Что сегодня или завтра печаль уйдет…

И тем не менее в этом бессмысленном бормотании — отчаянный поиск смысла и порядка.

> «Давно уже я не чувствовал такой неудовлетворенности своим образом жизни [писал он в Дартмуре]. Мне кажется, что все мы лишь следуем за исполнителем главной роли, а вовсе не повинуемся собственным склонностям, связанные бедностью, не в состоянии помочь себе сами, но личность так много значит; многие ли из нас могут назвать себя личностями в этом мире? Очень немногие…
>
> Завтра я начинаю поиск свободы, настоящего счастья и своего „я“. *Завтра*».

Приблизительно в то же время, когда внезапно умер Монти, Агата опубликовала цикл рассказов «Таинственный мистер Кин». В одном из них, «Человек из моря», есть пассаж о «собаке с сомнительной репутацией». Собака, всю жизнь бродившая по городским улицам на юге Испании,

> «стояла посреди дороги, зевая и потягиваясь на солнце. Навыгибавшись и напотягивавшись всласть, до экстаза, пес… осмотрелся в поисках чего-нибудь еще хорошего, что могла предложить ему жизнь.
>
> И тут, безо всякого предупреждения, какая-то развалюха выехала из-за угла, врезалась прямо в него, сбила и поехала дальше, даже не заметив.
>
> Пес поднялся на ноги… с немым укором в затуманившихся глазах и опрокинулся навзничь».

Какой же долгий путь — путь, на котором ее самое «сбили с ног», — проделала Агата от очаровательной девочки, жившей в Эшфилде и писавшей трогательные стихи вроде вот этого, «Ma Ville Chérie», в котором вспоминала о своей жизни во Франции с

родителями:

> О страна моего сердца,
> о тебе лишь думаю я,
> о По, мой дорогой город,
> к тебе устремляется мое сердце.

Когда Агата писала это, она еще пребывала в идиллическом состоянии; смерть отца, окружающая жизнь почти не касались ее. Высокая, стройная, с водопадом волос, насквозь просвечиваемым лучами солнца, как вода в Торкийском заливе, она принадлежала миру грез, созданному ею самой. Подруга детства Аделаида Росс писала Агате в 1966 году:

> «Я помню твои чудесные светлые длинные волосы. Я удивилась, когда ты вспомнила наш танцкласс. Теперь я тоже его припоминаю, и большое зеркало на стене, в которое я смотрела на себя в свой шестой день рождения… И тебя я помню — в прелестном гофрированном шелковом платье; я безнадежно мечтала о таком же ослепительном наряде. Ты была похожа на морскую нимфу с этими твоими струящимися золотыми волосами».

В годы, последовавшие за уходом Фредерика, Агата зажила куда более бурной светской жизнью, хотя это никоим образом не повлияло на ее становившуюся все более тесной близость с матерью. Она посещала танцевальный класс, где была «одной из избранных» в своих гофрированных-плиссированных платьях; два раза в неделю ходила в школу мисс Гайер; заводила друзей. Сестра Джеймса Уоттса Нэн, с которой она познакомилась на свадьбе Мэдж, стала ее близкой подругой на всю жизнь (короткое время в нее был влюблен Монти). Рядом жили пять сестер Хаксли — «эти девицы Хаксли», — которые гуляли по торкийскому Стрэнду, взявшись за руки, запрокидывая головы от смеха, и — что вменялось им как самый страшный грех — без перчаток! А также сестры Луси, жившие в очаровательном полукружье Хескет-Кресент[56] и «говорившие небрежно, глотая слова, что казалось мне высшим шиком». Вверх-вниз по семи холмам, овеваемые свежим морским бризом, ходили девочки в корсетах, изящно придерживая шляпы одной рукой. Они были беззаботны. Особенно сестры Луси — их вообще ничто не трогало. «Зачем волноваться, Агги?» Торкийские барышни ели что хотели: девонширские сливки, нугу, — пили дорогие чаи — все это они

покупали в лавках на берегу. А набранные граммы спускали длительными прогулками, игрой в теннис, катанием на роликах по молу и плаванием в специально отведенных для дам купальнях. Они ездили на Торкийскую регату, на ярмарку, устраивавшуюся на набережной — с кокосовым тиром и пышными фейерверками, — на пикники со знаменитым фисташковым мороженым, мускатным виноградом и сочными теплыми нектаринами. Казалось, солнце никогда не заходило для этих сильных здоровых животных, «резвившихся, как молодые кобылки на лугу».[57] «Мы точно знали, что впереди нас ждет только счастье… мы верили в жизнь и получали от нее удовольствие».[58] То была волшебная атмосфера, защищенная системой незыблемых установлений, надежная, как купальная кабинка, которая спускала Агату в ее черном купальнике из альпаки к морю, когда ей приходила охота поплавать и почувствовать себя свободной.

«Я помню Вас как мисс Миллер, — читаем в письме, написанном Агате в 1970 году мужчиной, знавшим ее в своем раннем детстве. — Мисс Бидон из усадьбы Копторн я тоже помню, и помню, как был потрясен однажды, услышав, что она говорит Вам: „Приходи к нам на чай“. Я подумал тогда: как это чудесно — вот так, просто, пригласить кого-то на чай, не заручившись заранее маминым разрешением».

Агата все это обожала, у нее был дар наслаждаться жизнью («все, что она делала, доставляло ей удовольствие»[59]), и мать поощряла ее к этому. «Я хотела, чтобы ты веселилась, чтобы у тебя были красивые наряды и чтобы ты упивалась естественными радостями молодости», — говорит она устами Мириам в «Неоконченном портрете». Клара была счастлива, что из маленького угрюмого кокона, каким была Агата в детстве, с легкостью выпорхнула привлекательная бабочка. Тем не менее ее не оставляла мысль, которую Агата также приписала Мириам, чьим прототипом была ее мать. Когда Селия отвергает сделанное ей брачное предложение, «в глубине души Мириам, невзирая на огорчение и опасения за будущее Селии, радостно запела маленькая тонкая струнка: „Она пока еще не покинет меня. Она пока еще не покинет меня…“».

После смерти мужа у Клары не было жизни за пределами семьи; овдовев, она оказалась на обочине, хотя главной причиной тому был недостаток денег. Агату ничуть не смущало то, что она везде должна была ходить пешком или подкрашивать свои шляпы вместо того, чтобы покупать новые, — так жили большинство ее подруг. Ни одна из девочек, с которыми она общалась в Торки, не была «богатой», все они были просто «обеспеченными» и вели

себя с соответствующим достоинством и не вульгарным снобизмом (в «Автобиографии» Агата описывает сестер Луси, умевших незлобиво посмеяться над «неаристократическими ногами» местного учителя танцев[60]). Но для такой женщины, как Клара, деньги означали статус. Ее самооценка не была низкой, как у ее матери, но не было у нее и непоколебимой уверенности в своем социальном положении, как у Маргарет Миллер. Разумеется, бедность — понятие относительное. Клара жила в большом доме, имела слуг, время от времени ей помогал зять, так что она не испытывала нужды в прямом смысле этого слова. Тем не менее она хотела продать принадлежавший Миллерам участок земли на Гринвудском кладбище в Нью-Йорке, за который приходилось платить всего около тридцати долларов в год, объясняя это тем, что «едва ли кто-нибудь из членов семьи когда-либо окажется в Америке, а вот в чрезвычайно стесненных финансовых обстоятельствах они пребывают уже сейчас». Деньги были ее всегдашней заботой, и их недостаток изменил ее образ жизни. Она уже не могла оказывать прежнего гостеприимства — приготовление щедрого застолья пробило бы серьезную брешь в ее бюджете, — а следовательно, не могла рассчитывать и на ответные приглашения. Она настолько ослабла здоровьем, что хождение по безжалостным торкийским холмам стало ей не под силу, а такси она не могла себе позволить. Хотя голова ее по-прежнему безудержно генерировала идеи, жизнь оставалась инертной и в центре ее была Агата. В «Неоконченном портрете» авторитет сильной материнской личности завораживает дочь до гипнотической покорности.

> «Вечера, проведенные матерью и дочерью вдвоем, были самым счастливым временем. Они ужинали рано, в семь, а потом поднимались, бывало, в классную комнату, где Селия садилась вышивать, а мама — читать ей. Чтение вслух усыпляло Мириам. Голос ее слабел, речь становилась невнятной, голова начинала клониться на грудь…»

Клара читала дочери Скотта и Диккенса, опуская фрагменты, казавшиеся ей утомительными («Все эти описания… — говорила она о „Мармионе“ Вальтера Скотта, — больно их много»). Она могла сорвать дочь в одну минуту, чтобы ехать в Эксетер смотреть сэра Генри Ирвинга в его последнем спектакле «Беккет». Невзирая на то что Клара неумолимо слабела физически, для Агаты она оставалась прежней: импульсивной, чарующей, рассекающей жизнь, словно корабль — волны. «Селия думала о матери… представляя ее миниатюрное энергичное лицо,

маленькие кисти и ступни, изящные уши, тонкий, с горбинкой нос. Ее мама! О! Во всем свете не было больше такой, как ее мама!»

Когда Агате исполнилось пятнадцать, Клара сдала Эшфилд на зиму и увезла дочь в Париж. Они остановились в отеле «Йена», и Клара принялась искать пансион, где Агата могла бы продолжить свое сомнительное образование. «Для моей матери опробовать школы было все равно что опробовать рестораны». Сначала Агата была отправлена в школу мадемуазель Т., где когда-то училась Мэдж, затем в Отей, в школу мисс Хогг, после — в школу мисс Драйден, располагавшуюся возле Триумфальной арки. Это были школы, в которых учились девочки вроде Агаты, а если им не удавалось впоследствии выйти замуж, они руководили такими школами.

Агата провела в Париже почти два года и в конце концов начала чувствовать себя там вполне счастливой, хотя, когда Клара первый раз уехала в Англию, она ужасно страдала — столько же от тоски по Кларе, сколько и из жалости к себе, ведь, в сущности, они с матерью были единым целым. Иногда ей казалось, что мать — она, а Клара — дитя, которое она страстно желала защитить. «Если она надевала блузку, сшитую для нее матерью, глаза ее наполнялись слезами, потому что она вспоминала, как мама строчила ее». Ее любовь была окрашена болезненным осознанием маминой ранимости, страдания, таящегося в глубине ее неукротимой натуры. Агата обладала настолько чувствительным воображением, что была способна стать Кларой — во всяком случае, поверить в это: вот она одна сидит в Эшфилде, в классной комнате, задремав над «Николасом Никльби», очки съехали на кончик носа, огонь затухает в камине у нее за спиной…

И все же врожденное жизнелюбие Агаты в юности всегда брало верх. Пастельно-медовые краски Парижа начинали очаровывать ее. Там у нее появились первые взрослые наряды, в том числе жемчужно-серое крепдешиновое «полувечернее платье», которое пришлось щедро украсить оборками ввиду недостаточной пышности груди. Она видела на сцене Сару Бернар и Режан в «Комеди Франсез». В оперу ее водили американские друзья ее деда — их дочь пела там Маргариту в «Фаусте». Она брала уроки рисования, писала диктанты по-французски («Vou, qui parlez si bien français, vous avez fait vingt-cinq fautes!»[61]), училась танцевать и держать себя в обществе («А теперь предположим, что вы собираетесь присесть рядом с пожилой замужней дамой. Как вы это сделаете?»). Она ела пирожные в кондитерской Рюмпельмейера — «знаменитые пирожные с

кремом и каштановой глазурью, калорийность и вред которых ни с чем не сравнимы». Она влюбилась в служащего гостиничной администрации, «высокого и тощего, как глист», и воображала себе самые невероятные романтические ситуации, связанные с ним. Позднее она познакомилась с молодым человеком по имени Руди, полуамериканцем-полуфранцузом, с которым каталась на коньках в Ледовом дворце. С того самого момента «я покинула мир своих воображаемых героев… Я не влюбилась в Руди — может статься, и влюбилась бы, если бы мы встречались чаще, но я вдруг оказалась во власти новых ощущений».[62]

Все это было восхитительно, то была жизнь, о которой мечтала любая нормальная, здоровая, привлекательная девушка. Но случилась и утрата. В конце парижского эпизода «Автобиографии» Агата написала — в почти деловом тоне: «Прежде чем я оставила Париж, развеялся один из моих снов». Она имела в виду мечту о музыке. Дело в том, что во время ее пребывания во Франции «именно музыка по-настоящему заполняла ее жизнь». Пока юная мисс Миллер с восторгом предавалась примеркам и юношеским увлечениям, ее чистая поэтическая душа парила в вышине.

«Все чище и чище, выше и выше — каждая новая волна поднималась над предыдущей…» — так писала она о музыке в одном из самых ранних рассказов, «Зов крыльев».[63] «Это была странная мелодия — строго говоря, это была даже не мелодия, а лишь одна музыкальная фраза, чем-то напоминающая медленное чередование звуков в партии скрипок из „Риенци“;[64] повторяемая вновь и вновь, переходящая от одной тональности к другой, от созвучия к созвучию, она делалась все полнее, достигая с каждым разом все большей свободы и раскованности…»

Музыка была для Агаты квинтэссенцией божественного. Ноты, звуки делали невыразимое реальным, цельным, осязаемым. Недолгое время она верила, что сможет поселиться в этом мире. Она напоминала девочку, мечтающую танцевать в «Лебедином озере», ступить на землю аквамарина и кисеи; более страстной мечты у таких девочек впоследствии уже и не бывает. В шестидесятитрехлетнем возрасте Агата в последний раз играла в «признания» — в гринвейской гостиной с прекрасным «Стейнвеем» в углу — и на вопрос: «Кем бы вы хотели быть, если бы не стали тем, кем стали?» — ответила: «Оперной певицей». Писательство оказалось ее профессией потому, что она не смогла стать музыкантом.

В Париже она усердно училась игре на фортепьяно у педагога

Карла Фюрстера (занималась, как правило, по семь часов не вставая со стула). Однако к концу своего пребывания, на отчетном концерте, так разнервничалась, что с треском провалилась. «Чтобы быть артистом, нужно суметь отгородиться от мира, а если вы чувствуете, что он здесь, слушает вас, тогда вы должны воспринимать это как стимул» — так вспоминала она в «Неоконченном портрете» вердикт Фюрстера. «Но мадемуазель Селия, она будет выкладываться до конца даже для аудитории, состоящей из одного-двух человек, а лучше всего будет играть для себя самой, за закрытой дверью».

Пению Агату учил один из лучших тогдашних парижских профессоров, месье Буэ. У нее было прекрасное чистое сопрано, которое загадочным образом (в отличие от игры на фортепьяно) на публике приобретало особую силу: когда она пела, внешний мир действительно становился стимулом, и так было всегда, с тех самых пор как она с триумфом исполнила партию полковника Ферфакса в «Телохранителе короля», которого они вместе с сестрами Хаксли ставили в Торки, — «то был один из моих звездных часов».

После полугода занятий с Буэ ей разрешили петь арии: «Te Gélida Manina» («Твоя холодная ручка») из «Богемы» и виртуозную «Vissi d'arte» («Принадлежа искусству») из «Тоски». Вернувшись в Англию, она продолжила занятия и часто по просьбе гостей пела на званых вечерах и местных концертах. Позднее, после того как они с Мэдж в 1909 году услышали «Кольцо Нибелунгов» в «Ковент-Гардене», мечта о карьере певицы — она представляла себя Изольдой — по-настоящему овладела ею. Ничто не казалось ей столь волшебно-манящим, как возможность проникнуть в самое сердце музыки, передать голосом зов крыльев («Я видела их — крылья!.. Различала их цвет! Цвет крыльев…»). Что-то глубоко внутри побуждало Агату вырваться из собственной оболочки, из своего воображаемого мира, из одиночества — и выйти на сцену.

Вагнера она будет любить всю жизнь: его музыка — в центре ее позднего романа «Пассажир из Франкфурта». Но когда в 1909 году американский друг их семьи, имевший отношение к «Метрополитен-опера», согласился прослушать ее, ей было очень мягко сказано, что голос у нее исключительно концертный. Хорошо поставленный, красивый, но недостаточно сильный.

«Итак, я оставила честолюбивые мечты, — писала она в „Автобиографии“, — и заявила маме, что она может отныне сэкономить деньги на моих уроках пения. Я могла петь сколько душе угодно, но не было никакого смысла продолжать учиться пению. На самом деле я никогда не верила,[65] что мой сон может

стать явью, но сознавать, что такой сон у тебя был и доставлял тебе радость, приятно, если, конечно, не терять рассудка».

Здравомыслящая, мудрая реалистка Агата: ее представление о несчастье, согласно записи в «Альбоме признаний», сделанной в 1903 году, — «мечтать о несбыточном». И она искренне верила в это. Но вот что она при этом чувствовала? Персонажу романа «Хлеб великанов» Джейн Хардинг принадлежат следующие слова: «Я притворялась, что мне это безразлично, но мне не было… не было безразлично! Я обожала петь. Обожала, обожала, обожала… Ах, эта восхитительная праздничная песня Сольвейг! Никогда больше я не спою ее».

Джейн — обладательница прелестного, но слишком слабого для оперы сопрано, она тем не менее продолжает петь и тем самым окончательно срывает голос.

Джейн терпит неудачу в том, чего ей больше всего хочется, но, оказавшись перед лицом несчастья, остается великолепной: «Знаете, это всегда была азартная игра — я никогда не обладала достаточно сильным голосом. И я ставила его на кон. До сих пор выигрывала, теперь — проиграла. Что ж, так тому и быть! Нужно играть по-честному, не передергивая…» Индивидуальность Агаты была другой, ей такой кураж не был свойствен, но она всегда восхищалась им как ничем иным. Тем не менее в Джейн есть нечто и от потаенной Агаты: «серебристый тонкий голос» Джейн в роли Сольвейг из «Пер Гюнта» «непрерывно взмывал выше, все выше, до последней, самой последней ноты, которая была ему суждена, — неправдоподобно высокой и чистой…». А потом ее голос «смолк, дитя мое. Смолк навечно».

Джейн в высшей степени великодушна: начисто лишена эгоизма и, быть может, оттого неудачлива — и как женщина, и как актриса. Она жертвует голосом ради мужчины, Вернона Дейра, который в детстве играл с Пуделем, Белкой и Деревом, а повзрослев, стал музыкантом; он хочет, чтобы Джейн пела в его первой опере, и она, любя его, соглашается. Но Вернер влюбляется в Нелл Верекер, непостоянную светловолосую красавицу с обликом нимфы и мещанской душой. У Нелл нет талантов, разве что талант завлекать мужчин, но даже если бы какой-нибудь талант у нее нашелся, она ничем не рискнула бы ради него. Она лишь малая частица Агаты. Большая часть Агаты — это Вернон, который, пережив нервный срыв, посвящает свою жизнь искусству.

В детстве он боялся стоявшего в доме рояля — «зверя», как он представлял его себе, с ужасными белыми зубами, но это оттого, что он всеми силами противился его мощному зову. Повзрослев, он однажды слышит слова: «Этой ночью душа твоя будет

востребована от тебя», — и понимает — он должен отдать жизнь музыке:

> «Я не мог больше убегать… музыка — самое прекрасное, что есть в мире…
>
> В ней так много всего, что нужно знать, чему следует научиться. Я не хочу играть — отнюдь. Но я хочу знать обо всех инструментах, какие только существуют. На что они способны, каковы их возможности и каков предел этих возможностей. И о нотах тоже. Существуют ноты, которые они не используют, — ноты, которые они должны использовать. Я знаю, что они есть…»

Более-менее регулярно Агата начала писать ближе к двадцати годам, хотя писательство никогда не занимало ее так, как музыка. Оно не обладало способностью расширять мир до четвертого измерения — то есть тем, чего искал Вернер Дейр и что так интересовало Агату в «Хлебе великанов». Музыка и бесконечность, музыка и тайна, музыка и искусство — все это сливалось для нее в единое целое: музыка вбирала в себя все. О Верноне Дейре она писала:

> «Он называл музыку видением, потому что она казалась ему чем-то большим, чем звук.[66] Он видел и слышал ее одновременно — завитки и спирали звуков, восходящие, нисходящие, возвратные.
>
> …Он бросался к бумаге, быстро корябал лихорадочной скорописью похожие на иероглифы ноты. Впереди у него были годы работы, но он знал, что никогда больше не поймать ему снова этого первого мгновения свежести и чистоты видения.
>
> Это должно быть так — и вот так: вся тяжесть металла — медь — вся медь мира.
>
> И эти новые хрустальные звуки… звенящие, чистые.
>
> Он был счастлив».

Так «Зов крыльев» повествовал о нематериальной власти звука, а первая «полнометражная» книга Агаты, «Дом красоты», изнутри воспроизводила мир ее снов, те места, которые она придумала в детстве и куда уносила ее музыка. «Он стоял на пороге Дома. Ничто не нарушало абсолютной тишины. Он вставил в замок ключ и повернул его. Подождал мгновение, чтобы ощутить во всей полноте невыразимую, приносящую наслаждение радость…»

Клара посоветовала Агате писать рассказы, «как Мэдж», и с восемнадцати лет она начала выстукивать их на машинке сестры, подписывая разными псевдонимами: Мак Миллер, Натаниэль Миллер, Сидни Уэст. В отличие от Мэдж, однако, ей не удавалось ничего опубликовать. Должно быть, это бесило ее. Она знала, что пишет не хуже Мэдж. В «Автобиографии» она утверждает, что в то время была начисто лишена честолюбия — и впрямь, в основном ее занимали тогда танцы и домашние вечеринки, — но творческая натура Агаты и склонность к состязательности не давали покоя. Ее жизнь была прелестно-обычной. Ее воображение — буйным и безудержным.

Я хожу где хочу,
Я танцую — лечу,
Я веселый твой друг Арлекин.
И толпе невдомек,
Что — всегда одинок —
В ночь уходит один Арлекин…[67]

Фотографии того периода дают представление о светской жизни Агаты: регата в Торки; театрализованный вечер неподалеку от Кокингтон-Корт (Агата в костюме цыганки, «Сестра Анна»); сбор охотников на лис в Южном Девоне; домашняя вечеринка в Торп-Арч-Холле по случаю донкастерского Сент-Леджера;[68] еще одна — в Литлгрин-Хаусе,[69] в Питерсфилде, по случаю Сент-Леджера на ипподроме «Гудвуд». Все сведения аккуратно вписаны в альбом рядом со снимками, с которых самоуверенно улыбается Агата. Она была чрезвычайно привлекательной девушкой. Не блестящей, но обладающей обаянием собственного достоинства — отчасти потому, что по крайней мере в светской жизни она не находилась в тени Мэдж. Несмотря на римский нос и полуприкрытые серые глаза (лицом Агата очень походила на отца), она излучала грациозную женственность, нравилась мужчинам и обращалась с ними легко и естественно.

«Она считала само собой разумеющимся, что она хорошенькая, и действительно была хорошенькой: высокая, стройная, изящная, с очень светлыми льняными волосами и по-скандинавски белой кожей, с нежным цветом лица».[70]

Безусловно, Клара говорила ей, как она хороша в этих развевающихся юбках, с копной белокурых волос — таких длинных, что она садилась на них, если они были распущены, — уложенных в замысловатую прическу. Но Агата и сама считала себя красивой. «Я была очаровательной девушкой». Она была Селией, собирающейся на маскарад, Маргаритой из «Фауста»,

Нелл Веркер в лунном свете с «каскадом достойных принцессы золотых волос». Она была Пьереттой в блузке с воротничком-стойкой, Фетидой в великолепных ботинках на кожаных пуговках, Изольдой — с завитыми на щипцы локонами. Несмотря на строгий код эдвардианского костюма, в собственном представлении она всегда была существом раскованным, свободным и воздушным. Воспоминания о том, как она некогда выглядела, преследовали ее потом всю жизнь.

> «Золотисто-зеленый свет, ласковый воздух — с ними пришло ощущение учащенности пульса, волнения в крови, внезапного нетерпения.
>
> Через рощу к нему приближалась девушка — девушка со светлыми блестящими волосами и нежно-розовой кожей.
>
> „Как красива, — подумал он. — Как несказанно красива“».[71]

Итак, нимфа, танцуя, шествовала сквозь мир своей безопасной юности и уверенно смотрела в счастливое будущее. Что ждало ее там? Это было очевидно. Она встретит мужчину — «своего Суженого», — и они замечательно заживут вместе: она будет готовить или заказывать кухарке блюда по рецептам, которые мама записала для нее в тетрадь; они родят ребенка и оденут его в ее собственные крестильные кружева; они создадут собственный, но подобный Эшфилду мир.

> Грустный Пьеро при луне
> Поет о любви ко мне…
> Годы уйдут, как волны,
> Но вечен морской прибой.
> Голос Пьеро, как огонь очага,
> Будет всегда со мной.

Только такое будущее и могла сознательно придумать себе Агата. И именно его держа в голове, она танцевала, наряжалась и пела после ужина (иногда — большому плюшевому медведю: «Единственное, чем могу оправдаться, так это то, что все девочки делают нечто в этом роде»[72]). Она ждала часа, чтобы исполнить свое женское предназначение, то самое, о котором женщины — в большинстве своем — грезят до сих пор.

«Я не сидела за столом и не писала, — скажет она много позднее.[73] — Я встречалась с молодыми людьми и вышивала огромные букеты клематисов на подушках… Мы много

занимались в те дни всякой творческой работой; быть может, поэтому у нас не было потребности делать карьеру. Когда мне было шестнадцать или семнадцать лет, только финансовая несостоятельность могла выманить девушку во внешний мир. Думаю, мы тогда больше веселились. Теперь девушки вынуждены заботиться о том, чтобы сдать экзамены повышенного уровня в средней школе… Романтические увлечения значили для нас очень много. Одно сменяло другое, мы ходили на танцы, и в твоей власти было записать в бальной карточке три танца за одним молодым человеком и только два — за другим; при этом ты чувствовала себя на вершине блаженства. Ты была маленькой женщиной, весьма привлекательной, и все они должны были ублажать тебя» («Коломбина — у моего очага! Она моя! Она моя! Коломбина!»).

«Люди предпринимали массу усилий, чтобы что-то устроить. Когда тебя приглашали на домашнюю вечеринку, там непременно было три или четыре молодых человека и очаровательные девушки — чтобы все они могли прекрасно провести время… Пусть и не разрешалось танцевать с одним и тем же молодым человеком более трех раз, было так весело заполучить его». Протанцевать более трех раз с одним и тем же партнером считалось «фривольностью» («но мы умудрялись!»[74]). Невинность была непреложным установлением того мира, и мужчины предпочитали, чтобы так оно и было; они дорожили чистотой девушек, которые могли стать их женами. «То, что ты женщина, само по себе делало тебя ценностью…»[75] Мужчины заводили романы с замужними дамами или с «подружками» в Лондоне. Агата была так же далека от самой мысли о том, что у нее могут быть интимные отношения с кем бы то ни было, кроме будущего мужа, как от опасения подхватить чуму.

Она и ее подруги были надежно ограждены — и Агата признавала это необходимым — от собственной уязвимости. «В старину существовал и телохранители, — писала она в романе 1969 года „Вечеринка в Хэллоуин“. — За девушками присматривали люди. Матери не сводили с них глаз…» Между тем Агата вовсе не была такой уж несведущей. Всю жизнь она слышала перешептывания своих бабушек. Знакомая девочка отправилась погостить к подруге и, будучи настолько наивной, что, даже не поняв, что произошло, забеременела от негодяя — отца этой подруги. Приятель Агаты был шокирован, когда юная девушка — на вид совершенно приличная — пригласила его провести с ней час в отеле, прежде чем он сопроводит ее на танцы. «Я много раз так делала», — сказала она.

Вероятно, Агата не была бы так шокирована, как тот молодой человек: ко времени, когда осознала важность непорочности, она не была ханжой и понимала, что ценность непорочности неразрывно связана с ценностью секса. Позднее она также поняла, что невинность не сводится к девственности и что светская мораль может таить в себе немало грязи. Джейн Хардинг в «Хлебе великанов» спит с Верноном, Нелл выходит за него замуж, и тем не менее нет никаких сомнений, что душа у Джейн куда чище.

Но Джейн принадлежит полусвету. Во времена юности Агаты таких проступков открыто не признавали. Грехи прятали за шторами, которые слуги вытряхивали каждое утро, скрывали внутри структуры, жесткой, как корсет, выставляя напоказ лишь обязательные улыбки за традиционным чаем. Все это Агата начала постигать, когда писала свой первый роман «Снег над пустыней» (1909). Его сюжет — перипетии любовной, точнее, интимной жизни, и он безгранично далек от рассказов и стихов Агаты, основанных на авторских фантазиях; этот роман зиждется скорее на наблюдениях, нежели на воображении, и впервые демонстрирует: она начинает по-настоящему осознавать, что в реальности значит быть писателем.

Из-за бедности и слабого здоровья Клара решила устроить первый светский сезон дочери не в Лондоне, а в Каире. Именно там Агата почерпнула материал для «Снега над пустыней». Хорошенькая, но слишком стеснительная девушка («…она танцует превосходно. Теперь вам остается научить ее говорить», — сказал Кларе красавец капитан, проводив Агату после танца к матери) на самом деле все замечала — от ее внимания не ускользал ни один трюк, ни малейший нюанс интимного и светского свойства того ronde (хоровода), который велся вокруг нее. Медленно, но беспощадно-неотвратимо она постигала механизмы и мотивы человеческих поступков, с восхищением сознавая их предсказуемость.

Отдыхая на Родосе, наблюдая за колебаниями гостиничной жизни, Эркюль Пуаро приходит к тому же заключению, какое за много лет до того сделала сама Агата:

> «— Человеческая природа воспроизводит себя куда чаще, чем можно себе представить. В море, — добавил он задумчиво, — несравнимо больше разнообразия.
>
> Сара повернула к нему голову и спросила:
>
> — Вы полагаете, что человеческие существа склонны наследовать некие модели поведения? Стереотипы?
>
> — Precisement! — именно так».[76]

Агате чрезвычайно понравились три месяца, проведенные в отеле «Гезира». В те времена Каир был популярным — и недорогим — местом паломничества для людей ее класса. Она вклеила в свой альбом множество фотографий, сделанных во время пребывания там и, как обычно, аккуратно снабженных подписями: «Поло», «Каирские скачки», «Пикник в пустыне», «Миссис Эпплтон, герцог Коннот, лорд Филдинг». Окружавшая ее экзотика, которая впоследствии будет воспламенять воображение, в то время не трогала ее ни в малейшей степени. Для нее тогда Каир был то же, что Торки, только с пирамидами, эдакий Кенсингтон-на-песках. Как говорит персонаж «Снега над пустыней» леди Чарминстер: «Египет (светский, не туристский Египет с его мумиями, гробницами и пирамидами, а наш Египет…)».

В течение зимнего сезона танцы устраивались пять раз в неделю, и Агата — невозмутимо блистая в переливчатом бледно-розовом атласном платье, сшитом портнихой из Леванта, — познакомилась более чем с тридцатью мужчинами. «Каир как Каир ничего для меня тогда не значил — девушки от восемнадцати до двадцати одного года редко думали о чем-то, кроме молодых людей, и это было правильно!»[77] Учитывая, как, по ее собственным словам, была она поглощена развлечениями, удивительно, сколь многое ей удалось заметить. Агата, обладавшая безошибочным музыкальным слухом, привыкла за свою предыдущую жизнь к женским пересудам, из которых выуживала и запоминала, откладывая на будущее, массу восхитительных выражений, — совсем как мисс Марпл, «которая была большой мастерицей выразительных интонаций», поскольку «много чего наслушалась в своей жизни».[78] Начало романа «Снег над пустыней» демонстрирует, с какой легкостью Агата воспроизводит то, что слышала в Египте:

> «— Розамунда, — сказала леди Чарминстер, — удивительная девица! — Затем, опасаясь, что не отдала должное себе, добавила с воодушевлением: — Ее невозможно ни игнорировать, ни объяснить!
>
> Это следовало понимать в безоговорочно положительном смысле. Леди Чарминстер подумала, что высказалась удачно, как никогда, — кратко и ясно. Это было одно из тех сжатых изречений, которые имеют выразительность эпиграммы, основываясь в то же время на некоторой доле правды…
>
> Разумеется, нигде, кроме как в Каире, размышляла леди Чарминстер, она не сидела бы рядом с Кони

Энселл, но Египет — в светском смысле — был весьма ограниченным местом».

«Снег над пустыней» — комедия нравов, абсолютно житейская история, и хотя композиция книги безнадежно беспорядочна — два замысла насильственно сведены в единое целое, — с точки зрения создания характеров роман безупречен. Вот что — помимо прочего — Агата умела делать как писательница: постигать людей. Розамунда Воган — один из первых созданных ею образов, и он вполне достоин быть центральным персонажем рассказа Скотта Фицджеральда — стареющая красавица, незамужняя, обладающая редким качеством, которое способно озадачить, оттолкнуть, но и очаровать: «Что бы ни случилось, она из всего могла извлечь удовольствие».

Агата наблюдала в Каире прототип этой девушки — «в моем представлении, не такой уж девушки, потому что ей должно было быть около тридцати»,[79] — которая каждый вечер после танцев ужинала в обществе одних и тех же двух мужчин, сидя между ними и помыкая ими как рабами. «Когда-нибудь ей все же придется сделать выбор между ними», — услышала как-то Агата. Точно так могла сказать Маргарет Миллер, и это послужило для Агаты толчком к написанию романа и созданию образа Розамунды, а также навело на мысль, которую она будет развивать потом всю жизнь.

То, как Розамунда заставляет двух своих поклонников проявить себя с худшей стороны, станет впоследствии повторяющимся мотивом многих ее детективных романов. В Розамунде она начала прозревать то, что проявится потом, например, в Арлене Маршалл из «Зла под солнцем» или Валентине Чантри из «Родосского треугольника». Эти женщины не могут существовать без мужского поклонения. По этой причине их находят опасными. Интуиция подсказывала Агате, что на самом деле такие женщины сами уязвимы: они скорее добыча, чем хищники. В Розамунде — которая к концу романа оказывается обреченной, эдакой femme fatale, роковой женщиной, которую должны убить, — исток убеждения, на котором зиждутся детективные сочинения Агаты: характер предопределяет судьбу жертвы. Именно это всегда интересовало ее: суть человеческой натуры в чистом виде, сосредоточенная в акте убийства.

Впоследствии Агата не любила «Снег над пустыней», отвергнутый издателями. «Героиня получилась у меня глухой», — всегда говорила она об этой книге, словно это каким-то образом делало несостоятельным все предприятие. Поощряемая Кларой,

для которой то, что Агата написала роман, было событием и волнующим, и само собой разумеющимся (в конце концов, не было ничего такого, чего не могли бы сделать ее дочери), Агата послала рукопись жившему в Торки по соседству с ними писателю Идену Филпотсу. Тот ответил с деликатностью, проявив проницательность: «У Вас явный дар писать диалоги», — и отослал Агату со своей рекомендацией к собственному литературному агенту Хьюджесу Мэсси, чье литературное агентство впоследствии сколотит огромное состояние на ее произведениях. Но сам Мэсси, которого Агата посетила в Лондоне, посоветовал ей навсегда забыть о «Снеге над пустыней».

Было бы разумнее порекомендовать ей переписать книгу, потому что та была отнюдь не бездарна. Почти в каждом персонаже есть некое проникновение в сущность или хотя бы высказывание, которые делают их живыми: Агата умела увидеть человека почти так же хорошо, как услышать его, а прежде всего у нее был дар интуитивного постижения. Стервозная маленькая Хайясинт, например, готовая отдать все за внимание любого каирского мужчины, у нее «умна, очень умна, настолько умна, что ни один мужчина никогда в жизни не догадался бы об этом». Когда один из ее «объектов», Тони, сообщает ей, что в Египет едет его невеста, она серьезно задумывается. «Интересно, помешает ли она мне?» — таков, вероятно, был смысл ее девичьих размышлений. Быстро рассмотрев все стороны этого запутанного вопроса, она повернулась к Фаркару и с очаровательнейшей, скромнейшей улыбкой проворковала: «Вы не находите, что этот закат прекрасен?» А вот как описана первая после нескольких месяцев разлуки встреча полуглухой героини Меланси с ее женихом Тони:

> «Все было так не похоже на то, что она себе представляла, но оказалось гораздо приятнее — о да, гораздо приятнее! Она мысленно подчеркнула этот факт: все оказалось много естественнее, проще — и радостнее.
>
> — Это просто божественно! — вздохнул Тони, восхищенно глядя на невесту с набитым снетками ртом.
>
> — Я была так расстроена и одинока, когда ты не пришел сегодня утром, — пробормотала Меланси.
>
> — Бедная девочка! — растроганно сказал Тони с явным одобрением. „Очень мило со стороны Меланси — и очень правильно“, — подумал он…»

Потом Меланси влюбляется в другого мужчину, и книга, пока неуверенно, начинает углубляться на территорию, которую Агате предстоит осваивать в романах, написанных позднее под

псевдонимом Мэри Вестмакотт, — на территорию неразрешимых тайн человеческой души.

«Ощущение живого дыхания мужчины, только что покинувшего ее, вытеснило все прочее… Меланси оглянулась вокруг… Розовый сад был прекрасен, как всегда, но теперь она смотрела на него другими глазами. На смену миру грез пришел мир теплых живых реалий…

Всем сердцем Меланси чувствовала, что окружавший ее трепетный, чувственный мир ей остро необходим. Вдали она услышала голоса. Они показались ей исполненными дружеского человеческого зова. Ее радость была безраздельной и била через край».

До поры это не были еще чувства самой Агаты — тогда, в Каире, она ни в кого не влюбилась и не влюбится в течение последующих трех лет. Но она уже знала, как это бывает, — во всяком случае, описала точно.

> «Меланси приподняла свисающую розу и прижала к щеке. Не потому, что та была прекрасна, а потому, что она была живая».

МУЖ

Вам кажется, что вы восхищаетесь нравственными качествами, но на самом деле, влюбившись, вы возвращаетесь в примитивное состояние, в котором имеют значение лишь физические ощущения.

А. Кристи. Человек в коричневом костюме

…его увидев, она в него влюбилась той любовью, которая ее судьбою стала.

А. Теннисон. Королевские идиллии

Агбрук-Хаус, неподалеку от Эксетера, — одно из знаменитых девонских зданий, дом фантастической красоты. При дневном свете камень, из которого он построен, светится изысканно-розовым светом, ночью здание вы глядит бесплотно-призрачным. Именно здесь 12 октября 1912 года Агата Миллер впервые встретила Арчи Кристи: он подошел и попросил ее записать за ним три танца в ее бальной карточке. Протанцевав с ней два, попросил еще о трех. Карточка Агаты была уже заполнена, но она сдалась, После того как Арчи предложил ей отказать другим партнерам, продемонстрировав то, что она истолковала как необычайное и восхитительное пренебрежение светскими условностями.

Арчи было двадцать три года, он был старше Агаты на год. Он обладал «решительными манерами и имел вид человека, умеющего добиться своего». Он был высок, строен, силен и излучал тот непостижимый магнетизм, перед которым не может устоять ни одна женщина. Он тоже влюбился. У него не было ни денег, чтобы обустроить дом, ни перспектив на ближайшее будущее, но с первой же встречи он твердо решил завоевать Агату.

Ко времени их знакомства он был младшим лейтенантом Королевской полевой артиллерии, жаждущим продвижения по службе. Выбор военной профессии тоже был определен: он мечтал

о карьере пилота. Арчи не видел в самолетах ничего романтического, но своим трезвым умом, с практицизмом, который был столь чужд Агате, что она сочла его магически-захватывающим, он просчитал: за авиацией будущее, — и пожелал сыграть в нем свою роль. Поэтому, заплатив семьдесят пять фунтов, он прошел курс пилотажа в Солсбери-Плейн и за три месяца до встречи с Агатой стал двести сорок пятым профессиональным пилотом Британии. Все это он описал в тетради, куда заносил важные факты своей жизни. Записи вел кратко и четко: «16 июля. Получил аттестат Королевского аэроклуба после месяца обучения на самолете „Bristol Box Kite“ во время отпуска. Подал прошение о вступлении в Королевскую авиацию сухопутных войск и вернулся в Эксетер».

Арчи был одним из нескольких офицеров эксетерского гарнизона, приглашенных на танцевальный вечер в Агбрук хозяевами, лордом и леди Клиффорд Чадли; Агата получила приглашение через друзей Клиффордов. Она собиралась повидаться там с другим воином, Артуром Гриффитсом, с которым у нее завязался легкий флирт в Торп-Арч-Холле, но тот не смог присутствовать, однако в письме предложил ей познакомиться с его другом Кристи, отличным танцором, который скрасит ей вечер.

«12 октября: был на танцевальном вечере у лорда Клиффорда Чадли», — записал Арчи в своей тетради. Вскоре после того вечера, проведенного среди розовых каменных арок и освещенных луной балконов, он уже с ревом мчался на своем мотоцикле по Бартон-роуд. Клара усадила его пить чай; он ждал. Через дорогу, в Руклендзе, Агата играла в бадминтон с сыном хозяев дома, тоже очарованным ею. Последние беззаботные часы своей жизни она провела, практикуясь в танцевальных па («Кажется, мы разучивали танго»); потом позвонила ее мать и велела возвращаться домой. Агате не хотелось уходить. «Здесь один из твоих поклонников», — сказала Клара, толком не разобравшая его имени. Как бы ни хотелось Агате снова увидеть Арчи Кристи (как бы это могло произойти, в те-то времена?), она и на миг не могла представить себе, что это был именно он. Сколько же усилий ему пришлось приложить, чтобы разыскать ее! Когда она вошла в гостиную, он встал и пробормотал нечто бессвязное насчет того, что, мол, «случайно оказался по соседству». Его оставили ужинать.

В последующие дни они несколько раз встречались, испытывая все возрастающую неловкость в силу тогдашних своеобразных обычаев. Арчи пригласил Агату на концерт в Эксетер, а после концерта — выпить чаю, но Клара заявила, что ее

дочь не может принять приглашение на чай в отеле с малознакомым мужчиной, поэтому он позвал и Клару; смягчившись, та позволила ему угостить ее дочь — без сопровождения старших — чаем в буфете эксетерского вокзала. В первых числах 1913 года Агата пригласила Арчи на новогодний бал, где он «не произнес ни слова». Спустя два дня, 4 января, в «судовом журнале» Арчи появилась запись о том, что он «ездил в Эшфилд, Торки, и посетил концерт в Павильоне». В тот вечер исполняли Агатиного любимого Вагнера. Павильон — новенькое бело-зеленое здание на набережной — был только-только открыт. Они с Арчи сидели рядом, освещенные проникавшим сквозь купол дневным светом, и слушали музыку, касаясь друг друга рукавам и. Потом, у нее дома, они поднялись в классную комнату, чтобы, как сообщает Агата в «Автобиографии», «помузицировать на фортепьяно»; в какой-то момент Арчи повернулся к ней и с неожиданной горячностью сказал: «Вы должны выйти за меня замуж, вы должны выйти за меня замуж!» Разумеется, она не была удивлена, несмотря на деланное изумление. Он сказал ей, что принял это решение в первый же вечер, в Агбруке. Через два дня ему предстояло уезжать на тренировочные полеты в Солсбери-Плейн в составе Королевской авиации сухопутных войск, но прежде он желал получить ответ от Агаты. Она от ответа уклонилась, но на следующий день заявила Кларе: «Мама, прости, но я должна сказать тебе. Арчи Кристи сделал мне предложение, и я хочу принять его, ужасно хочу». Свадьба не могла состояться еще почти два года — проволочки и отмены, вызванные противодействием Клары, недостатком средств, разразившейся войной, ретроспективно воспринимаются как ясные указания судьбы на то, что она не должна была состояться вовсе. Однако страстное желание быть вместе только возрастало с обеих сторон. Каждый раз после разрыва воссоединение становилось все слаще: взаимная зависимость друг от друга росла, и крепла вера в то, что это любовь навек.

Когда Арчи попросил ее руки, Агата была помолвлена с другим человеком. Это препятствие он отмел с легкостью, с какой горничная прихлопывает муху. Агате не было еще и двадцати, когда ей начали делать многочисленные предложения. Ее милая, безмятежная, но уверенная в себе женственность делала ее чрезвычайно привлекательной для мужчин — как сексуально, так и в плане матримониальных перспектив. «Ты очаровательна (сколько бы ни плоила волосы), и у тебя идеальный характер, какой я только могу себе представить», — писал ей Арчи в 1914 году, и таково было почти общее мнение о ней. Позднее она говорила своему второму мужу, что лишена дара понимать

мужчин. «У меня никогда не будет правильного… олимпийского отношения к мужскому полу», — написала она в 1930 году. Однако в девичестве, прежде чем жизнь ее столь кардинально переменилась, ее вел абсолютно естественный женский инстинкт. Так же как в Нелл Верекер из «Хлеба великанов», в ней удачно сочетались невинность и искушенность. Агате очень нравились мужчины, в целом она предпочитала их женщинам и умела это показать, что, в свою очередь, нравилось им.

Первые два предложения она получила от мужчин, с которыми познакомилась в Каире. Один сделал его через ее мать: «Знаешь, что капитан Хибберд хотел жениться на тебе?» — сказала Агате Клара, когда они возвращались домой на корабле. Она отказала ему от имени дочери — такое «самоуправство» даже у Агаты вызвало неодобрение. «Я думаю, мама, что ты могла бы позволить решать такие вещи мне самой». Клара согласилась, но все еще надеялась — до некоторой степени — контролировать события.

До предложения Арчи сколько-нибудь стоящих она получила три. Первое — от мужчины, с которым познакомилась в 1911 году, когда гостила в Уорвикшире с Ролстон-Патриками, «великими охотниками», которые — что в те времена было совершенно необычно — имели машину (впервые Агата увидела автомобили в конце девятнадцатого века, когда ездила с родителями в Париж; «Монти был бы в восторге!» — сказала тогда Клара). Она по-дамски сидела в седле, когда ей представили некоего полковника Болтона Флетчера, мужчину лет тридцати пяти. В тот вечер на маскараде она была в костюме Элейн, теннисоновской «лилеи замка Астолат», — в белом платье и жемчужной шапочке; этот костюм идеально отвечал ее обаянию «принцессы стародавних времен». Разумеется, это разбудило во Флетчере рыцаря, и он прямиком перешел к действию. Он преследовал Агату так же неотступно, как впоследствии будет это делать Арчи, только на его стороне было куда больше денег и опыта. Он засыпал ее экстравагантными подарками и любовными письмами. «Теоретически он знал о женщинах очень много» — такое суждение выскажет она о мужчине подобного типа в своем вестмакоттовском романе «Дочь есть дочь».

Флетчер называл Агату «идеальной Элейн», и такой хотела видеть себя она сама: сидящей «в своем покое на вершине башни», как сказано у Теннисона, расчесывающей длинные светлые волосы и мечтающей о Ланселоте. Она была польщена, гордилась собой и размышляла: уж не любовь ли это? На самом деле ей еще предстояло пройти свой путь до любви. Когда — отдаленное эхо современных нравов — Флетчер сделал ей

предложение уже на третьем свидании, она «ощутила бурю эмоций»; они не имели никакого отношения к конкретному человеку, только к его опытности. «Когда вы говорите, что не испытываете ко мне никаких чувств, — мягко сказал он, — вы лжете».[80] Агата чувствовала волнение, которое не могла объяснить; она была смущена и прельщена. Так же как и Клара. Отчасти той нравилась идея, что у ее дочери будет муж, который гораздо старше ее, умудрен жизнью, знает, как обращаться с женщиной, и, кроме всего прочего, богат. «Я молилась, чтобы тебе встретился добрый человек, который подарит тебе хороший дом и сделает счастливой… У нас так мало денег», — говорит мать Селии в «Неоконченном портрете». Но Клара чувствовала смятение и сопротивление Агаты, и другая половина ее души испытывала облегчение. Агата попросила Флетчера подождать полгода. Когда по окончании этого срока тот прислал телеграмму, требуя окончательного ответа на свое предложение, ее рука почти непроизвольно вывела: «Нет», — после чего Агата уснула, как уставшая девочка.

Она никогда не жалела, что отказала Болтону Флетчеру, хотя позднее думала иногда, что этот брак мог бы оказаться удачным. В детективном романе «Драма в трех актах» есть персонаж, юная Мими Литтон-Гор, которая влюблена в человека гораздо старше ее. «Девушек всегда привлекают мужчины среднего возраста с интересным прошлым». Суть их отношений — преклонение перед героем, с одной стороны, и восхищение молодостью — с другой, однако это вовсе не означает, что такой брак поддерживать труднее, нежели брак между внешне равными партнерами или брак, в котором партнеры, казалось бы, лишены иллюзий. «Леди Мэри, вы ведь не желаете, чтобы ваша дочь вышла замуж за человека вдвое ее старше?» — говорит один из персонажей матери Мими. Ответ леди Мэри его удивил: «Возможно, это было бы даже лучше… В этом возрасте мужчины обычно не совершают безумств, грехи молодости позади, их уже не нужно опасаться…»

Ни безумств, ни грехов не числилось и за Уилфредом Пири, следующим претендентом на руку Агаты. Просто он был страшным занудой — «молодым и чрезвычайно серьезно относившимся к жизни», как написала она в «Неоконченном портрете» о Джиме, чьим прототипом был Уилфред Пири. «Он обладал незаурядной силой воли, читал книги на эту тему и давал читать их Селии. Он вообще обожал давать читать книги. Интересовался он также теософией, биметаллизмом, экономикой и христианской наукой. Селия нравилась ему, потому что очень внимательно его слушала, читала все, что он ей давал, и делала неглупые замечания».

В детстве Агата хотела доставить удовольствие близким своими ответами в «Альбоме признаний», поэтому изъявляла желание «жить в окружении детей» и высказывала ненависть к «аффектации и вульгарности». Теперь, соглашаясь выйти замуж за Уилфреда, она делала то же самое. Всю жизнь она высоко чтила долг («Ей предстояло решить проблему — проблему ее собственного будущего поведения; и странным, быть может, образом задача эта представлялась ей… делом долга»[81]). Это был вопрос воспитания, смены поколений. Но сложность Агатиной натуры состояла в том, что угождение другим — что еще более причудливо — было для нее средством внутреннего бегства. Пусть она делала то, чего от нее хотели, чего ждали, но кто мог догадаться, какие тайные мысли прятала она при этом за фасадом?

Всерьез Уилфред как мужчина ей не нравился. Целоваться с ним было смертельно скучно, а ее бабушка, неподражаемая Маргарет, презирала его за увлечение теософией, а также за то, что он не пил и не курил. («Он был безукоризненно вежлив, очень официален и, на ее вкус, безумно скучен… В ее голове вдруг промелькнула мысль: „В дни нашей молодости женихи были получше“».[82]) Но будущее с ним обещало и надежность, и, как ни странно, свободу. Семья Пири издавна дружила с семьей Миллер; мать Уилфреда и Агата давно обожали друг друга. Более того, Уилфред был младшим лейтенантом Королевского флота, а это означало долгие отсутствия, во время которых Агата могла жить в Эшфилде. В сущности, ей вообще редко пришлось бы покидать родимый дом, и ее отношения с Кларой могли оставаться почти неизменными. «Дочь есть дочь всю жизнь», — писала Агата — Мэри Вестмакотт; именно этого хотела Клара: чтобы Агата, перейдя во взрослый мир, оставалась ее ребенком. Агата тоже желала этого, почти безоговорочно.

Поэтому Клара жаждала, чтобы этот брак состоялся, а Агата так же жаждала доставить радость матери, но настал день, когда она поняла, что не сможет этого сделать. Истинная причина крылась в ее поэтических представлениях о любви и предназначении, в томлении по «неизвестному рыцарю», который ворвется в ее жизнь и заставит обо всем забыть. Предлог же появился, когда Уилфред позвонил ей, сообщил, что его пригласили присоединиться к экспедиции, которая отправлялась в Южную Америку на поиски исчезнувших сокровищ, и спросил, не возражает ли она. Ему отчаянно хотелось поехать, не в последнюю очередь потому, что два медиума, которых он регулярно посещал в Портсмуте, заявили, что он должен это сделать. «Они предсказали, что он непременно откроет там город,

которого никто не видел со времен инков».

Казалось бы, Агата должна была относиться к подобным вещам серьезно. Ее ранние рассказы полны привидений, чудес, предзнаменований: «Дом красоты» с описанным в нем видением волшебного дома, в котором «жила Тень нечистой силы»; «Зов крыльев», в котором силой музыки тело воспаряет, «освободившись от своих оков». Но для Агаты сверхъестественное было лишь средством выразить свое понимание необъяснимого, а не чем-то заслуживающим доверия само по себе. Вот ее мать воспринимала такие вещи чрезвычайно серьезно, и Агата, конечно, старалась ей подражать: она читала Эдгара Аллана По и Мэй Синклер[83] и до некоторой степени находилась под их влиянием. И тем не менее было в Агате — в конце концов, она же внучка Маргарет Миллер — неистребимое здравомыслие, которое подсказывало ей, что все это полная чепуха. В отличие от Клары она не была склонна к мистицизму. Сверхъестественное было напрочь отделено от грез и тайн, которые владели ее воображением. Хотя она осознавала силу воздействия на психику необъяснимых явлений и использовала их в своих писаниях, но чем дальше, тем все более — вопреки собственной природе. В юности она написала нечто, что сама называла «страшной историей о сеансе». Позднее из этого сюжета родился детективный роман «Загадка Ситтафорда», в котором поначалу чувствуется вера в спиритизм и верчение столов, но на деле все оборачивается дымовой завесой: «сеанс» оказывается подстроенным ради сугубо практических целей — чтобы обеспечить алиби одному из присутствующих; читатель, воспринявший его поначалу совершенно серьезно, оказывается одураченным.

Той Агате, которая могла написать это, или «Виллу „Белый конь“», или «Немого свидетеля», или рассказ «Мотив и возможность»[84] — произведения, исполненные скептического взгляда на сверхъестественное, — Уилфред Пири должен был казаться безнадежно глупым. День, когда он отбыл в Южную Америку, описан в «Неоконченном портрете»:

> «Каким восхитительным может быть августовское утро…
>
> Никогда еще, подумала Селия, она не чувствовала себя такой счастливой. Ее охватила старая, хорошо знакомая „боль“. Было так чудесно… так чудесно… до боли…
>
> О дивный, дивный мир!..
>
> — Ты выглядишь очень счастливой, Селия.

— Я действительно счастлива. Сегодня такой восхитительный день.

— Но дело ведь не только в этом… — тихо сказала ей мать. — А еще и в том, что Джим уехал, правда?»

Однако это было не просто благословенное освобождение от необходимости изображать интерес к теософии. Речь шла о более глубинных чувствах девушки, гораздо более свободолюбивой, нежели большинство ее сверстниц, девушки, сознававшей жизнь за пределами общепринятых границ, где замужество еще не вершина счастья; девушки, для которой наивысшее удовольствие состояло не в удовлетворенности достигнутым, исполнении желания или знании, а в чувствах, витающих за пределами этих привычных вещей. Тот миг, когда Арчи встал при ее появлении в эшфилдской гостиной; воспоминание о том, как он, держа в руке ее бальную карточку, небрежно указывал натри имени («Вычеркните этого… и этого…»); видение полного решимости найти Эшфилд Арчи, мчащегося на мотоцикле вверх по холму, где она ходила каждый день, — в некотором роде то были сладкие грезы, коим не суждено было осуществиться.

«— На самом деле я пока вообще ни за кого не хочу выходить замуж.

— Дорогая, как ты права! Ведь потом все бывает не совсем так, как думаешь, правда?»[85]

И тем не менее Агата хотела выйти замуж, и поэтому приняла предложение Реджи Луси. Майор артиллерии, старший брат девочек, с которыми она давно, хотя и поверхностно, дружила («Агги, мы давно заметили, что Реджи положил на тебя глаз»), разделял их легкое отношение к жизни. Опоздали на поезд? Ну и что? Придет следующий. Какой смысл волноваться? Если кому-то не дается гольф, как, например, Агате, несмотря на все старания Реджи научить ее, какая беда? Можно же просто получать удовольствие от махания клюшками. Агату завораживала такая легкость, ей самой несвойственная, и она чувствовала себя с Реджи непринужденно, что вовсе не мешало чувственному влечению. Они могли оживленно болтать друг с другом, потом помолчать, снова поболтать — «именно так мне нравилось поддерживать разговор». Понравилось ей и то, как он сделал предложение: «На твоем счету немало скальпов, так ведь, Агата? Что ж, можешь в любой момент присовокупить к своей коллекции и мой». Такая идиома была ей близка, да и ее мать чувствовала, что Реджи — то, что нужно. «Полагаю, это будет счастливый брак, — сказала она. Потом добавила: — Ему нужно было бы

сказать это чуть раньше, чтобы вы могли сразу пожениться».

Как всегда, Клара зрила в корень. Реджи сделал Агате предложение во время своего десятидневного отпуска, после которого, как было известно, ему предстояло провести вдали от Девона довольно долгое время — как выяснилось впоследствии, целых два года, — и он настаивал, чтобы все это время она считала себя свободной. Такая постановка вопроса — столь отличная от раздражающей настойчивости Болтона Флетчера — ей тоже нравилась, хотя немного задевала (разве мужчина не должен быть более настойчив, более ревнив?) и немного пугала. Будто она знала, что вскоре появится некто другой, что она предпочтет этого пока неизвестного Реджи и что это будет ошибкой.

> «Эркюль Пуаро мягко сказал:
>
> — …Разве возможно не принимать факты? Она любила Родерика Уэлмена. Ну и что из того? С вами она могла стать счастлива».[86]

В «Неоконченном портрете» Агата много размышляет о Реджи — Питере, как он там назван, — о последствиях того, что он поступил легкомысленно, не женившись на ней сразу, как она его умоляла. Женщинам свойственно вспоминать мужчин своей юности и строить предположения: не упустили ли они того, с которым были бы наиболее счастливы, но у Агаты в данном случае были к тому реальные основания. Почему Реджи тогда притормозил? Да из-за своего характера: он тоже обладал свойственной всем Луси склонностью к laissez-aller[87] и по скромности и великодушию полагал, что не имеет права лишать Агату возможности принимать другие предложения. Тем не менее «Питер», когда Селия сообщает ему, что собирается замуж за «Дермота», как назван в романе Арчи Кристи, пишет ей письмо («Это было так похоже на Питера. Так похоже, что Селия расплакалась, читая письмо»):

> «Не вини себя, Селия. Это целиком моя вина… Правда состоит в том, что в нем ты увидела твердость характера, которой мне недостает. Мне следовало послушаться тебя, когда ты настаивала, чтобы мы поженились… Он, твой Дермот, лучше меня…»

Агата не считала, что Арчи лучше, чем Реджи. В ранних письмах к своему второму мужу, написанных незадолго до «Неоконченного портрета», она снова и снова благодарит его за «доброту» — качество, которым Реджи обладал в избытке в

отличие от Арчи. «Не заботливый, — сказала об Арчи Клара. — Безжалостный». К тому же у него не было денег, о чем тоже с горечью говорится в письме «Питера»: «И вот ты влюбилась в человека, который беднее меня».

Арчи имел восемьдесят фунтов в год и никаких видов на фамильное наследство. Сто фунтов Агатиного годового дохода между тем должны были перейти к Кларе. Нью-йоркские Чафлины, партнером которых был отец Фредерика, в конце концов рухнули в 1913 году, унеся и маленький доход Клары (Маргарет Миллер незадолго до того изъяла из их дела свои деньги). Мистер Чафлин гарантировал Кларе триста фунтов в год из своих личных средств, что — с помощью Агаты и Мэдж — позволяло ей оставаться в Эшфилде; к тому времени Клара уже была решительно настроена сохранить дом, иррационально видя в нем волшебную защиту от перемен.

Разумеется, Агата хотела отдать свои деньги на поддержание Эшфилда, но она находилась в сложном положении: без ее дохода брак с Арчи казался невозможным. «Я сказала Арчи, что никогда не смогу выйти за него, что мы должны забыть друг друга, — писала она в „Автобиографии“. — Он и слушать не хотел. Он собирался заработать деньги так или иначе. Мы должны пожениться, и, вероятно, он даже сможет помогать моей матери. Он вселил в меня надежду и заставил почувствовать уверенность. Мы снова помолвились».

Были случаи, когда, наоборот, Арчи говорил, что их брак невозможен, и Агате удавалось его уговорить. Клара же постоянно была против: денег не хватит, говорила она, вот и все. На самом деле ее дурные предчувствия простирались глубже, но это был ее самый убедительный аргумент, против которого Агате было труднее всего возразить; хоть мать и дочь относились друг к другу с прежней сердечностью — пусть и несколько подостывшей, — Клара оставалась непреклонной.

Не касаясь ее более сложных эмоций, нужно сказать, что ей наверняка было горько видеть, как Агата одного за другим отвергает подходящих женихов, предпочитая им нищего пилота. Само по себе замужество было событием нормальным, но Арчи ни в коем случае нельзя было назвать нормальным выбором. Мэдж, при всей своей «дерзости», поступила гораздо осмотрительнее, приняв предложение Джеймса Уоттса; для Агаты же было куда менее рискованно остановиться на богатом Болтоне Флетчере, бесстрастном Уилфреде Пири или добром Реджи Луси. Служба в Королевском стрелковом полку в ожидании продвижения казалась почти смехотворно ненадежной перспективой. Существовала и менее очевидная загвоздка. Пири и Луси были

друзьями семьи, Флетчер — другом друзей, Кристи же Миллерам были неизвестны, и если бы не военная карьера Арчи, он едва ли попал бы в орбиту Агатиных женихов: она принадлежала к несколько более высокому социальному классу. Клара, которая сама вышла замуж за человека, занимавшего более высокое положение в социальной иерархии, прекрасно могла себе представить встречу между своим покойным мужем, рафинированным Фредериком, и матерью Арчи — ирландкой Эллен, известной под именем Пег.

Пег удачно вышла замуж за судью, работавшего в аппарате государственной службы в Индии (Арчи родился в Мюрри[88]), когда ее муж погиб, упав с лошади, обосновалась в Англии, где жизнь для нее была нелегка. На рубеже веков, когда Миллеры в окружении слуг жили в Эшфилде, Пег с Кэмпбеллом, братом Арчи, снимала квартиру в Бристоле,[89] Арчи находился в приготовительной школе в Годалминге. Пег была хороша собой — как и ее сыновья — и впоследствии вышла замуж за некоего Уильяма Хемсли, который стал ее спасением: он был добр, надежен и — что оказалось самым полезным — являлся директором Клифтон-колледжа, где впоследствии Арчи возглавил школу. Но все это было весьма далеко от мира «Юнион клаб» на нью-йоркской Пятой авеню, где Фредерик чувствовал себя как дома.

Конечно же, Арчи был джентльменом. Однако поведение Пег — смесь сентиментальности, неприязни и ревности, несомненно, должно было смутить Агату. Забавно, что Кэмпбелл Кристи предупредил ее о том, что его мать «опасна», аналогично тому, как позднее выскажется о Кларе ее внучка. Между двумя этими женщинами и впрямь существовало сходство. Пег была такой же властной матерью, как Клара, и так же, хотя и не столь настойчиво, возражала против брака Арчи с Агатой. Различие же — которое в глазах Агаты было основополагающим между леди и не леди и которое она никогда не пыталась затушевать, — состояло в том, что Клара своих чувств напоказ не выставляла. Пег же не скрывала ничего. Это было совершенно новым опытом для Агаты. Она помнила, как ее мать после смерти Фредерика лишь на короткий миг утратила контроль над собой, но декорум был тут же восстановлен, поскольку Клара считала это принципиальным, и Агата всю жизнь ценила способность «поддерживать фасад». «Помню, как моя дорогая мама[90] говорила мне, что воспитанная дама на людях должна всегда держать себя в руках, сколько бы воли она ни давала себе в одиночестве», — заметила на этот счет мисс Марпл.[91]

Арчи не обращал никакого внимания на свою мать и ее

причуды. «В силу темперамента, — писала Агата в „Автобиографии“, — его не особо интересовало, что она думает обо мне, а я — о ней. Он вообще обладал счастливой способностью идти по жизни, ни в малейшей мере не обращая внимания на то, что думают окружающие о нем или о его близких: он всегда был поглощен лишь тем, чего хотел он сам».

А в 1913 году он хотел Агату. Этот красивый и загадочный мужчина хотел ее так страстно, что требовал, чтобы она вышла за него немедленно, без проволочек, не ища ничьего одобрения, кроме их собственного.

Для Агаты это было «судьбой»: ее женской судьбой. Воспитанная в атмосфере, позволявшей ей искать любую форму самовыражения по собственному выбору, она ждала лишь замужества. Таково было ее воспитание, правильность которого она не намеревалась ставить под сомнение. Девушки ее круга не предназначены для карьеры. У них есть мужья. Ее отец пришел в ужас при мысли, что его очаровательная жизнерадостная Мэдж окажется среди унылых «синих чулков» Гиртона, и жена не стала ему перечить: осторожность, с которой ей самой пришлось пройти через ранний этап своей жизни, сделала ее в определенном смысле глубоко консервативной. Она желала счастья дочерям, а в ее понимании это означало замужество. Агата тоже в это верила, или верила, что верит. В романе «Зло под солнцем» Пуаро обсуждает этот вопрос с Розамундой Дарнли, успешным дизайнером женской одежды:

> «— Выйти замуж, родить детей — обычная судьба для женщины. Только одна из сотни, а может, и из тысячи, может сделать себе имя и завоевать положение, как вы.
>
> Розамунда улыбнулась в ответ:
>
> — И тем не менее я все равно не более чем несчастная старая дева!»

Книга кончается тем, что Розамунда с радостью отказывается от своего бизнеса ради любви. И Агата, несмотря на свои выдающиеся достижения, всегда будет считать, что карьера — мужское дело («У мужчин мозги для этого гораздо лучше устроены, чем у женщин, вы не думаете?»[92] — типичное для нее замечание) и что истинное предназначение женщины лежит в сфере личного. «То, что я преуспела в качестве жены, позволяет мне чувствовать, что в конце концов я не стала неудачницей в этой жизни», — писала она второму мужу, Максу, в 1943 году.

Итак, в девичестве она никогда не роптала против

ограничений, которые наклады вала жизнь в ее кругу: условностей, корсетов, требования говорить тихо или петь, когда хочется, своему плюшевому мишке. В отличие от своей почти современницы Дороти Ли Сэйерс, которая в то время, когда Агата выходила на рынок невест, жевала интеллектуальную жвачку за чашкой какао в Сомервилле, Агата не имела желания вырваться на волю. Воображение ее было безграничным, но творческий огонь горел в жаровне удовлетворенности. В Агате не было ничего от «новой женщины» в духе Бернарда Шоу, решительно шагающей в будущее гендерного равенства, и, несмотря на всю свою любовь к романам Мэй Синклер, она не разделяла ее феминистских взглядов. Агата исключительно далека от бунтарства девушек, подобных Вере Бриттен (учившейся в Оксфорде вместе с Сэйерс), чей «Завет юности» пышет гневом против традиционного доминирования мужчин в тогдашнем обществе.

Это правда, что Агате нравился мужской мир. Она понимала его — за исключением политики; позднее, успешная и самодостаточная, она будет жить в нем, и все же ей всегда нравилось оставаться женщиной, и она никогда не чувствовала себя притесняемой из-за принадлежности к женскому полу. В конце концов, ведь она выросла в матриархате и понимала — как, быть может, не понимали «более умные» девочки, — что женская сила может оказывать себя очень по-разному и что Маргарет Миллер, властвующая в своем домашнем мире, обладала по меньшей мере такой же силой, как женщина, вращающаяся в публичных кругах. Знала она также, что женщине, чтобы быть сильной, не нужно выглядеть таковой. В «Занавесе» суровая молодая женщина-ученый Джудит презирает хрупкую миниатюрную миссис Франклин за ее женские ухищрения. «Она очень глупая женщина», — припечатывает Джудит. Но Пуаро мудро возражает ей: «Она пользуется своими маленькими серыми клеточками тем способом, дитя мое, который вам совершенно неизвестен». Агата никогда не презирала женский пол, даже в самых глупых его проявлениях, хотя иногда испытывала к нему жалость. Всю жизнь она ценила то, чем и сама когда-то обладала и что потом утратила: красоту, физическую привлекательность, естественное обаяние. «Что хорошего в такой женщине?» — говорит один из персонажей «Причуды» о пустоголовой красотке леди Стаббс. И снова Пуаро встает на защиту женщины: «Растению нужны не только корни, но и цветы…»

Агата всегда защищала право на досуг — «Что вы без него?» — и считала, что разумные женщины заслуживают его, если умеют все хорошо организовать и управляют домом

повелительным мановением перста, а своими мужчинами — с помощью кроткой улыбки. Но внутри ее таилось глубокое противоречие: высоко ценя ничегонеделание, она стала маниакально трудолюбивой. На самом деле она искренне уважала работающих женщин. Не тех, кто марширует, размахивая феминистским флагом, как политическая деятельница леди Уэстхолм в «Свидании со смертью», заявляющая: «Если чему-то предстоит свершиться, помяните мое слово, свершат это женщины». Нет, Агата обожала таких слуг, как кухарка Джейн, которая не моргнув глазом могла приготовить обед из пяти перемен; бедных девушек вроде Мидж из «Лощины», день за днем надрывающихся в каком-нибудь ужасном магазине одежды; обедневших дам наподобие мисс Карнаби из «Авгиевых конюшен», которая служила компаньонкой («Я отнюдь не умна, и профессии у меня нет, и старею я — и так боюсь будущего…»); женщин, ищущих работу, особенно учительниц. В своем оксфордском «Обеде в честь бывших выпускников» Дороти Ли Сэйерс дала понять, что жизнь тяготеет к целибату. Агате это было чуждо. Но и таких женщин она всегда описывала с абсолютным уважением: «Жизнь мисс Уильямс была ей интересна, — пишет она о гувернантке из „Пяти поросят“. — Она обладала огромным интеллектуальным и моральным преимуществом строгого викторианского воспитания… она исполняла свой долг на том участке жизненного пути, куда Господь пожелал призвать ее, и уверенность в том, что это воля Божья, заковывала ее в доспехи, делающие неуязвимой для пращей и стрел зла, для недовольства и сожалений».

Позднее, в «Кошке среди голубей», появилась школьная директриса мисс Балстроуд, исполненная «космополитического апломба». Когда в ее школе происходит убийство, она встречает известие о нем стоически, сидя «невозмутимо и неподвижно, между тем как дело всей ее жизни рушилось вокруг нее». Вариации на тему того же персонажа появляются в «Третьей девушке», в «Вечеринке в Хэллоуин» и в конце концов в «Немезиде» — в лице обреченной мисс Темпл. «Красивая женщина и личность. Да, остается лишь горько сожалеть, подумала мисс Марпл, очень горько сожалеть, если миру суждено потерять Элизабет Темпл».

У Агаты не было учителей, подобных этим женщинам. Но одна из них была ее другом. Эйлин Моррис совсем не походила на очаровательных и беззаботных Луси. Непринужденная в общении и невозмутимая одинокая женщина, которая жила в доме на берегу моря с пятью своими тетушками-девственницами, она была на несколько лет старше Агаты, но году к 1909-му их

разница в возрасте перестала быть существенной и они сблизились. В Гринвее хранится экземпляр одного из стихотворений Эйлин, «Проклятье королеве», которое не отмечено большими художественными достоинствами, однако свидетельствует о незаурядном интеллекте автора. Это Эйлин посоветовала Агате послать свое стихотворение в «Поэтическое обозрение», которому она сама продала несколько вещей — в том числе стихотворные произведения в жанре комедии дель арте — за гинею.

«Эйлин была человеком простым, но обладала выдающимся умом».[93] Ее брат служил директором школы, однако именно Эйлин стала прототипом одной из Агатиных умных, тонких, энергичных учительниц. «Она была первым встретившимся мне человеком, с которым я могла обсуждать идеи». У самой Агаты был иной склад ума, более переменчивый и разбросанный; хотя она и имела твердые убеждения, в ее писательской власти было подвергать их сомнению. Она не доверяла концепциям, теориям и идеологиям, придерживаясь того мнения, что человеческая натура в них не укладывается, но с Эйлин любила поговорить на эти темы. Вероятно, именно благодаря непривычной свободе, которую предполагала их дружба, появился этот монолог в первом романе Агаты «Снег над пустыней». Розамунда Воган, которая привыкла измерять собственную значимость исключительно по мужской шкале ценностей, вдруг начинает говорить новым и абсолютно честным женским голосом:

> «Кажется, общепринятое мнение состоит в том, что каждая женщина старается дорасти до идеального представления о ней мужчины и что она должна быть благодарна ему за подобную идеализацию. В этом нет ни грана правды! Женщина как минимум презирает всякого, кто не способен разглядеть ее такой, какая она есть!.. О! Она устала, ей надоело, ее тошнит от того, что ею восхищаются за несуществующие, воображаемые качества!
>
> Я не помесь ангела с сестрой милосердия. Как я могу уважать того, кто так обо мне думает? У меня есть кое-какие достоинства. Почему бы не восхищаться ими?»

Подобные мысли смутно бродили в голове девятнадцатилетней Агаты, когда она танцевала в своих розовых платьях, флиртуя, как того требовали приличия, с партнером, однако где-то в глубине души она ощущала желание иной жизни, истинного освобождения. Но в юности она была слишком счастлива, чтобы придавать этому значение. Она не испытывала

потребности «быть самой собой» в современном смысле выражения. «Ты очаровательна, интересна и мила для всех, — писал ей Арчи, и это было именно то, что она хотела услышать. — Ты очаровательна и совершенна во всех смыслах». Если он так считал, потому что Агата сумела предстать перед ним как недостижимый идеал, то и хорошо; она знала, что он не написал бы такого девушке, которая выглядит и говорит, как Эйлин Моррис. Агата наслаждалась своей исключительной привлекательностью, своим женским успехом, несмотря на соблазн более мощного интеллекта Эйлин.

Ирония состоит в том, что карьеру сделала не Эйлин, а Агата, — и это несмотря на отсутствие официального образования, безразличие к идее равенства полов и полную удовлетворенность своим status quo. Но именно Агатино пренебрежение к общепринятому мнению о том, каким должен быть ее образ мыслей, позволило ей в конце концов проявить такой удивительный и уникальный талант.

Разумеется, она наблюдала, слушала и впитывала. Она испытывала влияние сильных личностей: матери, Мэдж, Эйлин. Ее ранние работы несут на себе печать тех авторов, которых она читала: По, Синклер, Д. Г. Лоуренс.[94] «Я пробовала все, как все».[95] Тем не менее в определенном смысле Агата обладала защитой от посторонних влияний. Всю жизнь она игнорировала — если не считать отдельных частных случаев — любые советы относительно ее сочинений. Она с редким упорством доверяла лишь собственной интуиции.

Быть может, Агата и сама не совсем понимала, что делает: почему она, веселая молодая девушка, ведущая жизнь, полную бесконечных удовольствий, в то же время ищет уединения, чтобы писать рассказы, стихи и даже роман; почему, будучи без ума влюбленной в молодого человека, за которого мечтала выйти замуж, она честолюбиво стремится опубликовать написанное? Для нее самой в этом не было никакого противоречия. В наши дни женщины разрываются между работой и частной жизнью, между личным и общественным, между индивидуальностью и биологией. Агате такое даже в голову не могло бы прийти. В ней было простодушие, которое помогало разрешать собственные сомнения.

Однако в письме Идена Филпотса, так благосклонно отозвавшегося о «Снеге над пустыней», содержался намек на конфликты, которые могли возникнуть в будущем. Агата показала ему свой следующий рассказ, «Коль так ты непреклонна», названный цитатой из «Ланселота и Элейн» («Королевские идиллии» Теннисона). Рассказ не сохранился, но произвел на

Филпотса такое впечатление, что он удостоил Агату удивительным письмом:

> «Что касается Вашей работы, то все идет более чем хорошо, и если жизнь Ваша сложится так, что в ней будет место для искусства, и если Вам достанет смелости вступить в эту трудную борьбу и найти в ней свое место, то Вы победите, ибо способностей у Вас для этого достаточно. Я никогда не делаю предсказаний, однако считаю: коль Вы так пишете сейчас, то можете пойти далеко. Впрочем, из очень многих людей жизнь выбивает желание заниматься искусством, и в будущем обстоятельства могут повести Вас не по трудной его стезе, а по какой-нибудь другой. Покойная миссис Крейджи[96] была едва ли не единственной известной мне женщиной, которая всегда упорно занималась литературой, потому что ей это нравилось. Впрочем, и обстоятельства жизни сложились так, что подтолкнули ее к этому».[97]

Предсказание Филпотса было знаменательным, хотя и не совсем в том смысле, какой он в него вкладывал. Блаженное состояние, в котором жизнь и искусство сосуществуют, в конце концов действительно наступило для Агаты, когда весь ее мир словно перевернулся в 1926 году. Потом они разделились. Мечты и восторги воображения больше никогда не вплетались в ее жизнь — только в книги. Как Вернон Дейр из ее первого романа «Хлеб великанов» или Перл Крейджи, чей брак потерпел сокрушительное фиаско, Агата вступила на «трудную стезю искусства». Ей определенно предстояло стать писательницей и случайно — работающей и самостоятельно обеспечивающей себя женщиной, ведущей жизнь, несравнимо отличную от той, к какой она была подготовлена спокойным камерным воспитанием.

Девушка, мечтавшая выйти замуж за Арчи Кристи, ничего подобного не ожидала — ни сном ни духом. «У меня было нормальное безмятежное представление о семейной жизни», — сказала она в интервью почти шестьдесят лет спустя. И в «Автобиографии» она описывает свою влюбленность в Арчи очень просто: молодая девушка, такая же, как любая другая, в поисках пары находит Своего Мужчину — милая и вполне заурядная история.

Но тонкая витиеватая проза «Неоконченного портрета» показывает, что Арчи затронул более глубокие струны в ее душе. Он во всех смыслах оказался осуществившейся мечтой Агаты, он

воплощал в жизни ее несбыточные грезы: «Нечто, чего ты желаешь так страстно, что даже не можешь толком понять, что же это такое».[98] Он олицетворял неведомое, тайное, свободное. Она влюбилась в него, потому что чувствовала: жизнь, жизнь с ним, будет похожа на музыкальную пьесу или стихотворение. Она, Агата, станет Изольдой, Элейн («…поцеловал Элейн, как мы ребенка… и на пол перед ним упала дева»[99]).

Разумом она стремилась к обычной семейной жизни, с домашними заботами и маминой «книгой кулинарных рецептов»; но в ее артистической душе все это вытеснялось экстраординарностью личности самого Арчи. Какой контраст между упорядоченным утренним столом — аккуратно сложенная «Таймс» с традиционными авторскими колонками на первой полосе, начищенный серебряный чайник, оксфордский джем «Купер» — и сидящим за ним мужчиной; между безукоризненно заправленными свежими льняными простынями — и той тайной, которая происходит между ним и ею. Неуловимо романтичный облик этого высокого гибкого человека; лежащая на нем печать неотвратимой опасности; непривычная прямота его желания, столь непохожая на практичную настойчивость опытного Болтона Флетчера, — все это будоражило Агатино воображение, в сущности, ничуть не повзрослевшее. Несмотря на ее женское влечение к Арчи, в ней оставалось нечто неистребимо детское. «Тогда она щит отнесла к себе и погрузилась в мир своих фантазий», «…в своем покое на вершине башни».[100]

Клара хорошо знала характер дочери и интуитивно догадывалась, что увидела в Арчи Агата. «Этот молодой человек… Мне он не нравится», — размышляет героиня, чьим прототипом является Клара, в «Неоконченном портрете». В действительности было не совсем так, но мощная мужская притягательность Арчи тревожила Клару, ибо — в отличие от Агаты — она понимала, что другие женщины тоже будут ее ощущать («Он привлекателен для женщин, Селия, помни об этом…»). Как бы ни мечтала она о счастливом браке для дочери, такая привязанность страшила ее. Одно дело — Реджи Луси, совсем другое — Арчи; этот внушал ей страх: и за Агату, и за себя.

Ей сразу стало все понятно, как только он объявился в Эшфилде на своем мотоцикле. «Она не сказала себе, что все это ни к чему не приведет. Напротив, она была убеждена, что уже видит тени, отбрасываемые вспять предстоящими событиями».[101] То, что внушало ей тревогу, было в некотором роде продиктовано эгоизмом. Ей было страшно и больно оказаться отодвинутой на второй план в сердце Агаты. Она поняла, что у

Арчи такой же сильный характер, как у нее самой, к тому же на его стороне — преимущество интимного влечения дочери. Тем не менее упорное противодействие их браку свидетельствует о том, что она уверенно рассчитывала одержать победу. То, что Агата шла наперекор совету Клары, было необычно, невиданно, но желание дочери оказалось столь пылким, что при всей любви к матери она ее почти игнорировала. Чувство вины, которое она при этом испытывала, время от времени давало о себе знать, как, например, тогда, когда она порвала с Арчи из-за прогрессирующей слепоты Клары. Однако Арчи не составило труда снова уговорить ее бесконечными заверениями в том, что все будет хорошо. Клара могла лишь наблюдать за всем этим со стороны и надеяться, что проволочки охладят их страсть.

Ее дурные предчувствия основывались не только на ревности и даже не на бедности Арчи. Никто не знал Агату лучше Клары, а она прекрасно отдавала себе отчет в наивности дочери, ее детской вере в любовь, ее «опасной привязчивости» и боялась, что душевная щедрость Агаты окажется востребованной только в пределах ее собственного воображения. Была ли Клара права? «Никогда нельзя считать ошибкой то, что вы вышли замуж за человека, за которого хотели выйти, — даже если потом пришлось об этом пожалеть»,[102] — напишет впоследствии Агата, но это куда легче высказать, нежели пережить. Писала она нечто подобное и в письме к своему второму мужу: «Голая любовь — довольно идиотическое явление, освященное природой, но способное принести массу несчастий».[103] По своему обыкновению, она честно сомневалась: в течение многих лет после того, как ее брак распался, Агата-писательница продолжала копаться в этой тайне.

Конечно, она могла бы избежать очень многих страданий, если бы позволила Кларе взять верх над Арчи. Но в этом случае она лишила бы себя другого бесценного опыта. В своем последнем вестмакоттовском романе «Бремя любви» она описывает, как любящая и стремящаяся защитить героиню, Ширли, старшая сестра Лора использует все свое влияние, чтобы отговорить ее от брака с человеком, который наверняка причинит ей боль. Однако Ширли не мыслит себе жизни без этой любви, какие бы мучения она ей ни сулила. «Я считаю его крайне эгоистичным и… и безжалостным», — говорит Лора своему мудрому старому другу мистеру Бэлдоку. «Нисколько не сомневаюсь, что вы правы», — отвечает тот.

> «— Ну так что же тогда?
> — Все так, но она любит этого парня, Лора. Она

очень сильно любит его. Можно сказать, с ума по нему сходит. Молодой Генри — не ваш герой, честно признаться, и не мой тоже, но нет никаких сомнений, что для Ширли он — ее герой…»

Позднее Ширли обвиняет Лору в ревности: «Ты не хочешь, чтобы я вообще любила кого-то, кроме тебя». А по поводу Лориного суждения о безжалостности Генри говорит: «В том числе и это привлекает меня в нем». Агата никогда бы не сказала — и даже не подумала — ничего подобного в то время, но в романах, написанных под псевдонимом Вестмакотт, она, как всегда, проявляет тонкую проницательность, обнажающую подоплеку явлений, понимание, в некотором роде лежащее за пределами знания. «Не бойся насчет Генри, — говорит Ширли сестре. — Он любит меня». Безусловно, в 1913 году и сама Агата верила, что Арчи любит ее; да так оно и было, хотя сорок лет спустя она осознала, что его любовь была не так проста. «Любовь? — подумала Лора. — Что такое любовь?» Это не неизменная данность, как полагала некогда Агата, а одержимость друг другом двух самостоятельных личностей с разной — как бы ни была сильна их взаимная «любовь» — способностью чувствовать.

Между тем Клара упрямо надеялась, что «это не любовь, а только вспышка первая любви», как говорит Ланселот в ответ на признание Элейн. Опять же, могла ли она оказаться права? Элейн умирает от любви, но это абсурдно: она совсем не знала Ланселота и не могла по-настоящему любить его. Здравый смысл должен был пробиться сквозь морок и подсказать, что это все «иллюзия — ничего, кроме иллюзии, — как напишет впоследствии „Мэри Вестмакотт“. — Иллюзия, порожденная взаимным влечением между женщиной и мужчиной. Соблазн природы, вожделение природы и самый искусный обман…»[104]

Но Элейн обладала такой мощью воображения, что для нее то было любовью. И сила воздействия поэтического мира Теннисона такова, что веришь: все было неизбежно, юношеская страсть должна была показать свою роковую силу. Так случилось и в 1913 году, когда противодействие их браку, разрыв и воссоединение сделали любовь Агаты и Арчи еще более необходимой и бесценной для них, и в следующем, когда из-за сгустившегося в воздухе предвестья смерти, ужасного и почти завораживавшего, любовь настолько обволокла душу Агаты, что она ни за что не согласилась бы освободиться от нее.

Итак, то была любовь. «Я действительно люблю тебя, — писал

Агате Арчи 4 апреля 1917 года. — Никто не сможет мне тебя заменить. Никогда не покидай меня, милая, люби меня всегда». Его письма хранились в Гринвее, в комоде, в одной из кожаных шкатулок, помеченных инициалами Агаты. Там же лежали тетрадь, в которой Арчи записывал важные события своей жизни, значок пилота Королевских воздушных сил и открытка с обратным адресом «3-я эскадрилья, Незерэйвон, Уилтшир», на которой он написал: «Мисс Миллер в память о Рождестве 1912 года». В той же шкатулке покоилась фотография Арчи в военной форме, на обороте которой Агата написала: «Да минуют тебя всякое зло и всякая напасть…»

Разразившаяся война — как написала впоследствии Агата в «Неоконченном портрете» — стала «для большинства женщин их личной судьбой». Агата не заметила, как упал занавес, закрывший тот мир, который она знала: с крокетом на лужайках, тенями, которые замысловатые шляпки отбрасывали на чайные столы под открытым небом, с воздухом, напоенным ароматом роз. Она просто знала, что мужчина, которого она любит, отправляется во Францию и может никогда оттуда не вернуться. Когда тронулся поезд, на котором они с Кларой 3 августа поехали в Солсбери, чтобы попрощаться с Арчи — через девять дней ему предстояло отбыть во Францию, — для Агаты закончилось знойное, пылкое лето 1914 года.

> «Дермот в форме цвета хаки — другой Дермот, порывистый и дерзкий, с безумным взглядом. Никто ничего не знает об этой новой войне — это война, с которой может не вернуться никто… Новые орудия уничтожения. Авиация… Об авиации никто ничего не знает…
>
> Селия и Дермот напоминали двух детей, в страхе прильнувших друг к другу».[105]

Обычный маршрут Агатиной жизни пролегал от окна ее эшфилдской спальни вниз по крутой Бартон-роуд к сверкающему Торкийскому заливу. На высоких каблуках она бодро шагала на пикники, домашние вечеринки и празднества по случаю бегов. Она бродила по залитым солнцем садам и темным лесам своего воображения. За этими пределами для нее ничто не существовало, да ей ничего другого и не было нужно. Она расточала улыбки, плоила волосы, танцевала, мечтала, и жизнь была тем, что непосредственно ее окружало. Борьба за предоставление женщинам избирательного права, создание лейбористской партии, Ллойд Джордж с его Народным бюджетом, Парламентский акт, сделавший палату лордов, в сущности,

бессильной, маневры великих имперских держав, напоминающие движение неуклюжих шахматных фигур на необъятной мировой доске, — все это проходило мимо нее. «Убийство эрцгерцога, „военная истерия“ в газетах — подобные вещи едва ли доходили до ее сознания».[106] Тем не менее, памятуя затравленный взгляд отца, который она замечала в его глазах, когда семья вернулась из Франции в конце XIX века, Агата ощущала некоторые признаки того, что общество меняется, что оно больше не будет принадлежать праздным, безмятежным и «неучаствующим». Но в политике она была совершенно несведуща. Мир воспринимала скорее интуитивно. «Ни одна цивилизованная страна не будет воевать» — таково было широко распространенное в то время мнение, как писала она в «Автобиографии». Однако совершенно неожиданно цивилизованные страны развязали-таки войну, и Агата, чья жизнь до того момента была заботливо укутана в пеленки, оказалась выброшена, как камень в реку, в жесткий новый мир.

Вестмакоттовские романы, как обычно, многое обнажают — в частности страх, который она испытывала тогда, не умея его выразить. «О Боже, сделай так, чтобы он вернулся ко мне…»[107] Между тем «Автобиография» свидетельствует о том, что Агата была способна прямо смотреть фактам в глаза. В ней описано душераздирающее прощание с Арчи в Солсбери: «Помню, в тот вечер, отправившись в постель, я плакала, плакала и думала, что никогда не смогу перестать». Однако вслед за этим она переходит к описанию своих безотлагательных и энергичных усилий поступить на службу в ДМО — Добровольческий медицинский отряд Торки. Создается впечатление, что девушка приняла перемены в своей жизни с ходу, без сомнений и жалоб. Это ощущение усиливается, когда читаешь запись интервью, которое Агата уже в преклонном возрасте дала Имперскому военному музею. «Я подумала: что ж, ладно, вступлю в ДМО. И принялась вышивать этот узор… Я была тогда помолвлена с молодым человеком, который впоследствии стал моим первым мужем, а его только что приняли в Королевские военно-воздушные силы (тогда еще — Королевский воздушный флот сухопутных войск)… так что я, знаете ли, ощущала себя полностью вовлеченной в события и желала в них участвовать».

Более чем пятидесятилетняя временная дистанция добавила объективности Агатиным воспоминаниям о войне. Тем не менее она описывает свои сестринские обязанности в госпитале исключительно реалистично, по-деловому; трудно представить себе, что эта девушка только что вышла из безупречно защищенного мира и, почти полностью избавившись от суетности

глупых веселых вечеринок, уверенно шагнула в пахнущие смертью госпитальные палаты. Разумеется, повести себя по-другому ей и в голову не пришло бы. Чему быть, того не миновать. Лишь Мэри Вестмакотт она позволила выплакаться в знак протеста.

Рассказывая, например, в интервью Имперскому военному музею о том, как впервые ассистировала хирургу во время операции, она вспоминает, как «начала дрожать всем телом. Тогда сестра Андерсон вывела меня из операционной и сказала: „Послушай меня. Что на самом деле привело тебя сейчас в полуобморочное состояние, так это запах эфира, — тут ничего не поделаешь, так он действует. Но человек ко всему в жизни привыкает. Смотри куда-нибудь в сторону — например на чьи-нибудь ноги. И к концу операции все будет в порядке“». То же и с ампутациями. «Я присутствовала на нескольких… Если где-то рядом лежали ампутированные конечности — ноги или руки, — самые младшие девушки-помощницы должны были брать их, уносить вниз и бросать в печь». Одну из таких девочек, которой было всего одиннадцать, стошнило (хотя «в конце она вполне пришла в себя»). Агата помогла ей «вымыть пол и сама сунула ампутированную конечность в печь. Сколько самых неожиданных вещей приходится делать в госпитале». Характер Агаты был так многогранен, что, несмотря на свою крайнюю чувствительность, она сумела должным образом исполнять обязанности медсестры — была квалифицированна, благоразумна, добра, беспристрастна, и ей нравилось то, что она делала. После войны она говорила, что очень хотела бы вообще стать медсестрой, и, возможно, стала бы, не выйди замуж — «я была бы хорошей медсестрой».[108] И опять мы видим: она отнюдь не страдала неуверенностью в себе и разочарованностью — в отличие от Веры Бриттен, которая в «Испытании юностью» описывает работу в ДМО как нечто бессмысленно ужасное по самой своей сути: пустая трата собственной жизни на ухаживание за молодыми людьми, чьи жизни загублены зря. Агата, напротив, находила «большое удовлетворение» в работе медсестры и выполняла ее с улыбкой. Она даже находила в ней забавные моменты, например когда помогала молодым раненым писать любовные письма своим подружкам — «обычно у каждого их было по три» — или когда ее посылали сопровождать больных в рентгеновский кабинет, находившийся в другом госпитале, на противоположном конце города. «Мне говорили: „Не своди глаз со своего маленького стада, когда вы выйдете за ворота. Ты же понимаешь, что они будут искать, да?“ Я не понимала: „А что они будут искать? Один из них хотел купить туфли“. — „Уж не по соседству

ли это с „Козерогом и компасом“?“ — „Да, кажется, там действительно есть рядом пивная!“ Они очень быстро узнавали обо всех местах, где есть пабы…»[109]

Если ее и терзал творившийся вокруг ужас, вид прекрасных юношей, лишившихся рук и ног, грязь, кровь и гной, то она об этом не говорила. Она наверняка была потрясена, не в последнюю очередь и потому, что соприкоснулась с мужской плотью, будучи юной девственницей, когда ее знакомство с мужским телом ограничивалось репродукциями микеланджеловского Давида. В одночасье ей пришлось переключиться на судна («существовали такие специальные штуки, которые надо было подсовывать для этого»), обмывание лежачих раненых, а поскольку у нее был жених, считалось нормальным, что ей поручали самые мучительные процедуры. «Говорили: „Лучше это сделать тебе, ты ведь замужем“. Я отвечала: „Нет, я еще не замужем“, — но мне возражали: „Все равно лучше это сделать тебе“». Между тем тогда, в конце лета 1914 года, едва ли можно было найти более наивную девушку, чем Агата. Она легко справилась с внезапным переходом в реальность и неким загадочным образом осталась не затронута ею.

> «Оробевшая Стелла стояла возле Сестры [читаем в отрывке раннего, неоконченного романа]. В только что выскобленных руках она держала кучку стерилизованных бинтов… Интересно, каково это, иметь близкого человека там, на фронте? Наверняка у большинства девушек там кто-то был. Сама она составляла одно из немногих исключений. Когда разразилась война, она училась музыке в Париже… Стелла была существом одиноким. В основном ее душа варилась сама в себе. Девушка много читала и много размышляла. Она была серьезна — той трогательной нешуточной серьезностью, какая бывает свойственна юности».

Несмотря на все, что довелось увидеть и перечувствовать, Агата по-прежнему жила в мечтах. В «Неоконченном портрете» «она» не работает в ДМО, а дома ухаживает за бабушкой (Маргарет Миллер, почти полностью потеряв зрение, переехала в Эшфилд) и вспоминает воображаемых друзей своего детства: «Но как не думать о Дермоте, который — там? В отчаянии она повыдавала замуж всех своих Девочек: Изабеллу — за богатого еврея; Элизу — за исследователя-путешественника; Эллу сделала школьной учительницей…»

Разумеется, сама Агата сильно повзрослела. Каждый день она

пешком отправлялась в госпиталь, располагавшийся в старой ратуше; каждый день узнавала о кончине кого-нибудь из своих бывших партнеров по танцам; каждый день думала, не станет ли он последним для Арчи, и каждый день возвращалась обратно, проделывая долгий одинокий путь в Эшфилд либо отягощенная грустными мыслями, либо вконец изнуренная своими «пьяненькими» солдатами. «Моей бабушке это не нравилось. „Никуда негоже, — сказала она. — Должен быть кто-то, кто будет встречать и провожать тебя“. Я ответила: „Там нет для этого свободных людей…“»[110]

То было отчаянное для Агаты время, однако она не ощущала его как бесповоротно отчаянное. В конце концов оно минует, и ее мир будет восстановлен. Не тот мир, который вокруг — этот, она понимала, изменится, — но ее мир. Пока она молода и мила, пока Арчи пишет письма, исполненные любви и обожания, пока Эшфилд в безопасности и остается домом Клары, жизнь будет пьесой, которую Агата разыгрывает сама. Агата была как Нелл Верекер из «Хлеба великанов», которая вступает в ДМО, но остается все той же «Нелл — Нелл с золотистыми волосами и обаятельной улыбкой».

Нелл выходит замуж за Вернона Дейра, как только начинается война.

> «Многие девушки так поступали — отбросив все сомнения, выходили замуж за мужчину, который им нравился, как бы беден он ни был. После войны все как-нибудь наладится. Таково было общее отношение. Но на самом деле за этим скрывался жуткий тайный страх, что потом их больше некому уже будет выбрать и оценить. Сплошь и рядом слышалось вызывающее: „А, не важно, что случится, по крайней мере можно будет сказать, что у меня хоть что-то было…“»

Вот и Агата вышла замуж за Арчи в рождественский сочельник 1914 года. Это был его первый отпуск, и Агата заявила Кларе, что, по ее мнению, самое время ей выйти за него замуж. Клара, безусловно понимая, что контроль за ситуацией ускользает из ее рук ввиду сложившихся обстоятельств — она, например, поддержала желание Агаты вступить в ДМО, — сказала, что на месте Агаты чувствовала бы то же самое. Но на сей раз воспротивился Арчи. Он бравировал — Агата не понимала, что таков был его способ справляться со страхом, — и потчевал ее распространенной тогда среди летчиков точкой зрения на женитьбу: «Пока ты один, все в порядке, но если ты рискуешь оставить после себя молодую вдову, да еще и, вероятно,

ждущую ребенка, ты поступаешь эгоистично и неправильно». Агате это не нравилось. Так же как не понравился ей рождественский подарок Арчи: не кольцо и даже не просто какое-нибудь украшение, а шикарный, но безличный дорожный несессер, который она несколько истерично отказалась принять. Но вечером 23 декабря все снова переменилось. Арчи решительно вошел в ее спальню в бристольском доме Пег Хемсли, куда они приехали, чтобы встретить Рождество, и заявил, что они должны пожениться на следующий день. «Я передумал». Такая внезапная решимость и то, как в одночасье он сменил точку зрения на прямо противоположную той, которую столь же уверенно защищал еще накануне, немного напугали Агату. «Но… но ты ведь был настроен так решительно». — «Какое это имеет значение? Я передумал».

Следующий день был полон волнений и нервозности: шла беспорядочная атака на судьбу. Все считали, что свадьба невозможна. Пег, в ужасе заламывая руки, кричала, что никто не согласится обвенчать их без предварительного оглашения, но это лишь укрепило Агату и Арчи в их решимости. В конце концов их обвенчали в местной приходской церкви, взяв восемь фунтов за свидетельство. Агата была в обычном платье. На органе играл музыкант, который случайно в этот момент репетировал в церкви. Свидетелем стал приятель, тоже по невероятно счастливой случайности проходивший мимо. «Все это нас обоих страшно смешило», — написала Агата об этой странной свадьбе. Кларе она о ней сообщила только тогда, когда все свершилось. Новость была принята к сведению, как и следовало ожидать. Учитывая бурную реакцию Пег, было решено, что Рождество — после единственной ночи медового месяца — Агата и Арчи проведут в Эшфилде. Был уже поздний вечер, когда они прибыли в Торки на поезде. Агата, неся свой новый дорожный несессер в одной руке, а другой держась за Арчи, прошагала несколько ярдов от вокзала до «Гранд-отеля», возвышавшегося над приморским бульваром и глядевшего на спокойный темный залив.

Они приятно провели Рождество с Кларой и Мэдж (которая была в ярости от сногсшибательной новости — «Ты совершенно бесчувственна!» — сказала она Агате). В День подарков[111] Агата отправилась в Лондон с Арчи, чтобы попрощаться там с ним на предстоявшие полгода, после чего вернулась в госпиталь, где пациенты, как принято, начали поддразнивать новобрачную. «Проходя мимо небольшой группы солдат, я услышала: „Похоже, мисс Миллер неплохо встретила праздник — успела выйти замуж за офицера военно-воздушных сил“».[112]

Арчи вернулся во Францию. Его дневник фиксирует все его передвижения за время войны: «2 августа. Первый день мобилизации. Ужин в Солсбери 3-го и 4-го». Далее: «21 декабря. Убыл в первый отпуск. 24-го — в Бристоль, потом — в Торки. 26-го вернулся в Лондон. 30-го отправился в штаб Первого авиакрыла». Это был «видимый» Арчи, который «любит одним беглым взглядом определять, где он находится в каждый данный момент», — как майор Деспард из романа «Карты на столе», который за бриджевым столом досконально ведет учет всех своих ходов. Но был и другой Арчи — ранимый и детски непосредственный, тот, который тронул сердце Агаты и вызвал в нем если и не материнские, то гораздо более сложные и поэтические чувства, нежели просто влюбленность. Позднее он написал ей:

> «Вот я и вернулся. Поездка на поезде прошла нормально. Я лежал, подремывая, в своем углу… Сюда прибыл около пяти, выпил чашку чаю в деревенском доме — и вот я снова лицом к лицу с войной. Чувствую себя слабым, как котенок, после ужина сразу лягу спать.
>
> Уверен, ты даже представить себе не можешь, милая моя, как я люблю твою манеру приободрять меня, — особенно чудесно это было вчера. Если бы у меня не было тебя, я чувствовал бы себя совершенно сломленным.
>
> Пиши чаще. Как было бы замечательно, если бы я получил письмо от тебя уже сегодня».[113]

В «Хлебе великанов» Нелл всю войну носит письма Вернона на груди: «…химический карандаш отпечатался у нее на коже». Так и слова Арчи сквозь до хруста накрахмаленную униформу Добровольческого медицинского отряда проникали Агате глубоко под кожу. «Как восхитительно, как непередаваемо восхитительно быть любимой!» И Арчи действительно любил ее: «Я очень сильно люблю тебя, слишком сильно — сильнее, чем когда бы то ни было, — чтобы рисковать жизнью, ибо смерть для меня означает разлуку с тобой». Он любил ее непоколебимую безмятежность, ее нежный голос, ее длинные светлые волосы, ее цветущий вид и стройную фигуру. Он любил то, как она брала его за руки, когда он протягивал их к ней, словно потерявшийся маленький мальчик. Он чувствовал, что она знает и понимает того Арчи, который таился за фасадом директора клифтонской школы или блестящего офицера-летчика; она знала, что у него слабый желудок и слабые нервы, знала, что ему нужно и чего он боится, и всегда была готова прийти ему на помощь.

По письмам довоенного периода видно, насколько ранима натура Арчи. «Мой дорогой Ангел, — писал он в марте 1914 года со своей летной базы в Незерэйвоне, — твое письмо и фиалки очень утешили меня, хотя внутренне я все еще подавлен — несмотря на то что пришлось ограничиться тоником, поскольку ты выпила последние капли последней бутылки джина. Сколько в тебе отваги и мужества…» И чуть позднее: «Что мне нужно больше всего, так это чтобы ты написала мне, что у тебя все в порядке и ты не тревожишься из-за моих полетов». Конечно, Арчи старался приободрить себя самого, убедить себя, что *ему* не о чем беспокоиться. Но беспокоиться, несомненно, было о чем: на фотографиях видно, что его биплан конструкции Коуди ненадежен как карточный домик, который впоследствии часто будет строить Пуаро в моменты раздумий, однако прагматик, сидевший в Арчи, несмотря на это, был по-прежнему нацелен на карьеру пилота.

> «Скорее ради тебя, чем ради себя самого, я не рискую и совершенно уверен, что со мной ничего плохого не может случиться. А тому бедолаге, который погиб, было опасно летать на любой машине. Он ужасно не хотел лететь на „коуди“, но не смог отказаться, когда попросили, — не хватило моральной смелости. Мне страшно жаль его семью, настолько жаль, что я готов уйти из авиации, если ты очень уж переживаешь из-за этого, но я знаю, что мне ничто не грозит, — со мной всегда святой Христофор».

Пока не началась война, Агата, как известно из «Автобиографии», не слишком волновалась из-за профессии Арчи. «Летать было опасно, но разве не опасно охотиться? Я перевидала немало людей, сломавших себе шею на охоте». Это вполне могло быть правдой — Агата весьма трезво относилась к физическому риску и считала, что подвергать себя риску даже аристократично. Ей нравилось представлять себе Арчи бесшабашным удальцом. Это было здорово, так, как и должно быть. «Готовность рисковать — вот что больше всего восхищало ее в Дермоте, — писала она в „Неоконченном портрете“. — Он не боялся жизни». Ей всегда была ненавистна буржуазная доктрина «Безопасность превыше всего» («С моей точки зрения, лучше бы уж все те люди, которые тратят жизнь на то, чтобы не попасть под автобус, действительно попали под него и перестали путаться под ногами. Они ни на что не годны»[114]). И эту теорию она применяла к женщинам — лучшим из них, — равно как к мужчинам. Она сама совершила полет на аэроплане во время выставки 1911 года, когда

аэропланы «падали каждый день». В ее книгах, особенно ранних, полно девушек, демонстрирующих отвагу, чтобы не показать страх. «Она замешкалась всего на мгновение, потом, храбро тряхнув головой, как это делали ее предки — участники крестовых походов — перед боем, ринулась вперед…»[115]

Но несмотря на это, по письмам Арчи видно, что Агата *тревожилась* из-за его полетов, да и как могло быть иначе? «В настоящее время для меня здесь нет самолета (не кричи „ура“ и никаким иным способом не выражай радости по этому поводу, потому что теперь я должен быть более осторожен, чем когда бы то ни было), — писал он ей из Незерэйвона, а дальше делился собственной тревогой за нее: — Пожалуйста, береги себя. Ты не любишь, когда тебе это говорят, знаю, но ты так дорога мне, что даже мысль о том, что ты можешь быть больна, несчастлива или нуждаться в чем-то, что не имеешь возможности достать, для меня невыносима». Надо сказать, Арчи терпеть не мог несчастий, о чем честно предупреждал ее с самого начала их отношений: «Они для меня все портят». Именно поэтому Клара со страхом предполагала в нем недостаток чуткости и безжалостность.

«Но по отношению ко мне он не был безжалостным», — говорит Селия в «Неоконченном портрете», размышляя о том, как несправедлива к Дермоту ее мать. «Он был молод, не уверен в себе, без памяти влюблен, и Селия была его первой любовью», — сказано там же.

Первый после женитьбы отпуск Арчи — в его дневнике отмечено: «Июль 1915-го. Лондон», — естественно, принес разочарование. Слишком большие ожидания, возлагавшиеся на слишком короткий отрезок времени, не дали возможности расслабиться. «Это было похоже на какой-то причудливый горячечный сон», — писала Агата об аналогичной ситуации в «Хлебе великанов».

> «В каком-то смысле они оказались друг для друга незнакомцами. Он не церемонился, когда она заговаривала о Франции. Но это было нормально — все было нормально. Шутить на эту тему и не желать относиться к ней серьезно казалось в порядке вещей… Когда он спрашивал ее о том, как жила она, единственное, о чем она могла поведать ему, это госпитальные новости, а ее работа ему не нравилась. Он умолял ее уйти из госпиталя. „Это грязная работа. Мне нестерпимо думать, что ты ею занимаешься…“»

Отношение Арчи не полностью с этим совпадало. До такой степени он не вмешивался в дела Агаты. Но вероятно, и ему

хотелось представлять ее себе воплощением лелеемой мечты о доме; мечты, не затронутой войной: девушкой с открытой душой, которая прислала ему в начале года шутливый «Алфавит 1915»:

> «А — Ангел, по натуре и по имени, а также Арчибальд, муж Ангела.
>
> Е — Его купания!!! Самое важное для него дело…
>
> Ж — Жизнелюбие этой замечательной пары, супругов Арчибальд Кристи, которые имеют честь приветствовать вас!»

Арчи не уступал Агате в бесшабашном отсутствии колебаний и сомнений. В 1916 году он прислал ей ее характеристику, составленную Всезнающим, как он сам себя назвал:

> «Нрав добрый и ласковый.
>
> Любит животных, исключая червей и майских жуков, и людей, исключая мужей (в принципе).
>
> Обычно ленива, но может мобилизоваться и проявлять недюжинную энергию.
>
> Тяжеловата в ногах и во взгляде, на гору взбирается с одышкой.
>
> Исключительно умна, обладает художественным вкусом.
>
> Чужда условностям и любознательна.
>
> Хорошее лицо, особенно волосы; хорошая фигура и великолепная кожа.
>
> Мастерица подольщаться.
>
> Дикарка, но, если поймать и приручить, может стать любящей и преданной женой».

Ко времени своего первого отпуска Арчи был откомандирован в Королевскую полевую артиллерию и повышен в звании до капитана. Из-за синусита, который издавна мучил его и в полетах причинял нестерпимую боль, он в конце концов вынужден был отказаться от карьеры пилота. Позднее его перевели в военную администрацию, где он обнаружил большие организаторские способности: вот как он описывал себя в этой должности в письме от 1917 года:

> «…вчера был прикован к телефону до 11 часов вечера, вследствие чего настроение испортилось. Я приговорил человека к 28 дням „распятия“, как это называет „Дейли миррор“, — это когда человека привязывают к дереву и подвергают иным наказаниям и

лишениям за то, что он отказался выполнить некую работу, самовольно покинул расположение части или симулировал болезнь.

Единственный человек, который мне дорог сегодня, это ты. Я по-настоящему люблю тебя… Никогда не покидай и всегда люби меня, милая».

Теперь, когда Арчи больше не летал. Агата меньше тревожилась за него и, быть может, была благодарна его синуситу, считая, что он спас ему жизнь. Но, как написал один военный историк: «Война 1914–1918 годов была артиллерийской войной: артиллерия побеждала в бою, артиллерия наносила самый большой урон живой силе, причиняла самые страшные ранения и порождала самый сильный страх».[116] А Арчи, как свидетельствует его послужной список, был храбрым солдатом. Тетрадь фиксирует его «Продвижения и пр.» — например то, что он четырежды упомянут в донесениях (генералом сэром Джоном Френчем в октябре 1914 года), получил орден «За выдающиеся заслуги», орден Святого Станислава 3-й степени («Такой красивый, что я сама не отказалась бы носить его», — писала Агата) и закончил войну полковником.

Иными словами, он честно выполнил свой долги нахлебался. Но по возвращении домой в сентябре 1918 года — чуть раньше окончания войны, поскольку был назначен в министерство военно-воздушных сил, — Арчи был жив, здоров и внешне нисколько не изменился. Для Агаты это было просто чудом («О, как рукоплещут верные жены, когда на побывке встречают мужей».) Ей не было необходимости — да и не хотелось — задумываться глубоко. Лишь после Второй мировой войны, затронувшей ее гораздо меньше, она по-настоящему осознала, чем в действительности была Первая для таких людей, как Арчи. В романах «Берег удачи», «В 4.50 из Паддингтона» и вестмакоттовском «Роза и тис» она пристально рассматривает проблему послевоенной жизни солдата. Терзаемый душевными муками Дэвид Хантер, потерянный мальчик Брайан Истли, очаровательный прагматик Джон Гэбриэл — все эти образы были созданы после 1945-го, и в каждом из них есть что-то от Арчи: все они знают, каково это: ложиться и вставать с мыслью о смерти, постоянно чувствовать ее интимную близость, словно она жена, — а потом вернуться в мир, который с благодарностью ждет твоего возвращения, вернуться к себе самому, прежнему. Только позднее Агата поняла, какое чудовищное напряжение несли в себе эти мужчины, а в 1918 году она лишь смутно догадывалась об этом.

Созданный ею в «Таинственном происшествии в Стайлсе» персонаж — капитан Гастингс — демобилизован по ранению, но, по сути, война присутствует в романе лишь где-то на заднем плане. Агата писала его в 1916 году, в промежутках между работой в госпитале и приездами Арчи в отпуск. То, что даже тогда она испытывала потребность писать, само по себе великая загадка, вызывающая восхищение. Тем не менее эта почти совершенная вещь явилась почти из ниоткуда.

Впрочем, до некоторой степени это объяснимо. Агата писала практически всю жизнь. К тому времени она уже закончила роман «Снег над пустыней», в котором просматриваются особенности ее будущих детективных сочинений (несмотря на слабую композицию, что было плохим предзнаменованием). Агата обожала «Тайну желтой комнаты» Гастона Леру, «Убийство на улице Морг» Эдгара Аллана По, рассказы Лебланка об Арсене Люпене и, разумеется, Конан Дойла. В начале XX века детективный жанр был в моде, поэтому не так уж трудно представить себе, что умная девочка могла захотеть испытать себя в нем. А кроме того, существовал «фактор Мэдж» — вечный раздражитель для честолюбия Агаты. Согласно ее «Автобиографии», сестры обсуждали незадолго до того опубликованную «Тайну желтой комнаты» и Агата сказала, что хотела бы написать детективный рассказ, на что Мэдж ответила, что тоже подумывает об этом, однако не верит, что Агата преуспеет в своем начинании. «И все же мне хотелось бы попробовать». — «Спорим, что у тебя ничего не выйдет».

Роман Леру появился в 1908 году, так что если на самом деле это он заронил семя в душу Агаты, то потребовалось восемь лет, чтобы оно проросло и цветок расцвел. Но весьма вероятно, что главным импульсом послужило желание сделать то, чего не сможет сделать Мэдж: как это было бы приятно!

Потом была работа в торкийской аптеке, подтолкнувшая Агатино воображение в новом, вполне конкретном направлении. В 1916 году, оправившись после тяжелой инфлюэнцы и вернувшись на работу, она обнаружила, что при госпитале открыта аптека, одной из руководительниц которой является ее подруга Эйлин Моррис. Казалось весьма разумным перейти туда: при жалованье шестнадцать фунтов в год рабочий день там был короче, чем в госпитальных палатах, а у Агаты хватало домашних обязанностей (бабушка требовала больших забот, а в доме теперь оставались лишь две престарелые служанки). Вообще-то сама Агата предпочитала работу медсестры аптечному делу. Когда доходило до химии, то по сравнению с Эйлин, обладавшей

научно организованным складом ума, Агата чувствовала себя не совсем состоятельной: в 1917 году она получила лишь «удовлетворительно» на экзамене по практической фармакологии, который сдавала в Лондонском обществе аптекарей.

Но при том что принципы провизорской работы казались ей трудными для понимания, а практика утомительно-монотонной, было в этой профессии нечто, что по-своему привлекало ее. Ее интересовали люди. Она сразу же заметила, что врачи выписывают лекарства скорее в соответствии с собственными идеями, нежели с индивидуальными нуждами пациентов (в ее книгах доктора зачастую описываются отнюдь не лестно: слишком много она их перевидала, чтобы восхищаться ими).[117] Агату ужаснул, хотя по-своему и восхитил самонадеянный коротышка фармацевт из Торки, который у нее на глазах в несколько раз превысил дозу токсичного ингредиента, содержавшегося в рецепте. Агата понимала: он ни за что не сознается. И что было делать ей, начинающей практикантке, в подобной ситуации? «Я была ничтожнейшим новичком, а он — лучшим в городе фармацевтом. Не могла же я сказать ему: „Мистер П., вы ошиблись…“ Фармацевт мистер П. был из тех людей, которые не совершают ошибок…» В конце концов Агата сделала вид, что споткнулась, перевернула лоток с опасно токсичными свечами, которые по ошибке изготовил мистер П., и — будто случайно — растоптала их. «Ничего-ничего, девочка», — сказал фармацевт, по своей чудовищной привычке «ласково» похлопав ее по плечу («Мне приходилось терпеть это, потому что я была ученицей», — написала Агата в «Автобиографии» — весьма интересное замечание). Этот человек, носивший в кармане кусочек кураре, чтобы чувствовать себя могущественным, более сорока лет спустя возник на страницах ее книги «Вилла „Белая лошадь“» в образе химика мистера Осборна.

Что еще ее завораживало, так это яды: красивые бутылочки, скрупулезная точность дозировки, потенциальная угроза, таившаяся в этом внешнем порядке. В основе романа «Таинственное происшествие в Стайлсе» — метод убийства. Его Агата наверняка позаимствовала из своей аптечной практики — больше неоткуда, — поскольку роман полностью зиждется на знании ядов. Развязка «Стайлса» невозможна без этого знания; читатель может догадаться, кто преступник, но доказать его вину без знания свойств стрихнина и бромида нельзя. Так что первый детективный роман Агаты был в некотором смысле ее единственным «мошенничеством». Ново всех остальных отношениях он был так типичен, так интуитивно отмечен ее

своеобразным талантом, так почти совершенен, что «мошенничество» прошло незамеченным.

С самого начала Агата осознала действенность принципа, который впоследствии использовала с неизменным успехом: отвести подозрения от одного персонажа так решительно, чтобы читатель не принимал его или ее всерьез до тех пор, пока, к своему удивлению, не обнаружит, что это и есть преступник. Агата пользовалась этим приемом виртуозно, как никто до нее, — с исключительной логикой и свободой: убийца отсутствует на месте преступления (как в «Стайлсе») или кажется возможной жертвой, он может являться самим рассказчиком, или человеком, лишенным дееспособности из-за огнестрельной раны, или ребенком, или полицейским; ключ же к разгадке заключается в том благословенном элементе обыденности, который сообщает орудию убийства иллюзию реальности. То, что Агата обладала даром придумывать неожиданные сюжетные повороты, бесспорно. Сам жанр оказывал магический эффект на ее способность конструировать их, хотя достигалось это не без серьезной работы, которая интересовала ее не меньше, чем сражение с замысловатыми математическими уравнениями, которые она решала в детстве с отцом.

Но сюжет для Агаты означал в первую очередь выявление сущности характеров. Он не существовал в вакууме. Недостаточно того, чтобы муж попал под подозрение, потому что был дурным человеком, и чтобы его пришлось исключить из числа подозреваемых, потому что у него было несокрушимое алиби. Что лежит у Агаты в основе развязки, так это характер: правда о мужчинах, которые женятся на престарелых богатых вдовах. Ее всегда прежде всего привлекали люди. «Человеческая натура. В этом, полагаю, заключен истинный ответ на вопрос о том, почему меня заинтересовало это дело», — скажет позднее Пуаро.[118]

Клара, разумеется, нисколько не удивилась, когда Агата сообщила ей, чем занимается. Почему бы и не детективный роман? Есть ли на свете что-либо, что было бы не под силу ее девочкам? Именно Клара убедила Агату взять отпуск на две недели и отправиться в Дартмур, чтобы там, в тишине, закончить работу. Агата писала каждое утро, а днем безмятежно бродила по тамошним пустошам, перевоплощаясь то в одного, то в другого персонажа и вслух бормоча диалоги между ними. Это на всю жизнь вошло у нее в привычку. «Моя сестра время от времени, бывало, говорила мне: „Ты выглядишь настоящей идиоткой, когда идешь по улице и разговариваешь сама с собой“», — вспоминала Агата в 1974 году в одной беседе.[119] «Когда начинаешь

обдумывать будущую книгу, нет ничего лучше, чем делать это во время долгой прогулки. „Таинственное происшествие в Стайлсе“ я сочинила, прогуливаясь и разговаривая на ходу… Нельзя начинать писать, пока ты не придумал персонажей и они не стали для тебя реальными людьми. Для других — не обязательно, для тебя — непременно, чтобы ты могла прогуливаться с ними в саду».

Главным среди персонажей «Стайлса» — впоследствии он станет центральным в биографии Агаты, в некотором роде «дополнительным мужем», тоже требовательным, правда, по-другому — был Эркюль Пуаро: загадочный бельгиец с его фанатичной аккуратностью, большой яйцевидной головой и чернильно-черными усами. Нереальный, невероятный, однако непостижимым образом абсолютно живой с того самого момента, как он впервые ворвался на страницы книги, обладающий не поддающимся объяснению литературным качеством тесной связи с читателем, он стал воплощением писательской интуиции Агаты, интуиции, не замутненной рациональными соображениями; интуиции, которой нельзя научиться; интуиции, не имеющей ничего общего с анализом. Она и сама не могла толком объяснить, как ей удалось создать это экстравагантное маленькое существо. В «Автобиографии» она пыталась, довольно беспомощно, описать мыслительные процессы, которые привели к созданию образа Пуаро: «Я вспомнила наших бельгийских беженцев… Почему бы не сделать моего детектива бельгийцем? — пришло мне в голову… Так или иначе, я остановилась на детективе-бельгийце… Геркулес… Пусть будет Эркюль Пуаро. Ну и славно, и решено, и слава богу».

Вполне вероятно, что мысль ее так и текла на самом деле, но все равно непонятно, почему она текла именно так, почему Агата отвергла прочие соображения и остановилась на этих. В конце концов, творчество — это тайна. Куда менее творческой была модель отношений между Пуаро и его другом капитаном Гастингсом. Это прямая калька отношений Холмса и Ватсона — откровенное безобидное «воровство» со стороны Агаты. Но Пуаро сам по себе напоминает Холмса лишь яркостью индивидуальности. Оба персонажа похожи на карандашные рисунки сказочного персонажа: всегда остаются сами собой и всегда узнаваемы.[120] Можно и дальше пытаться разгадывать происхождение этого образа, но это же, в конце концов, не имеет никакого смысла.

Безусловно, сделать Пуаро иностранцем, как Дюпен у По или Рулетабиль у Леру, заставила Агату мода. Говорили, что он — прямое подражание Эркюлю Попо Мэри Беллок-Лаундес.[121] В

имени действительно вроде бы содержится намек, однако персонажи совершенно не похожи друг на друга. Куда больше Пуаро напоминает тщеславного Эжена Вальмона — героя рассказов, написанных в начале двадцатого века; некий претендент на звание будущего биографа, который в 1960-е годы вежливо, но назойливо осаждал Агату, высказал это предположение (будто образ Пуаро мог отчасти быть вдохновлен персонажем Роберта Бара) ей самой, на что она ответила: «Думаю, в нем нет ничего от Вальмона…» Кто-то даже многозначительно толковал физический облик Пуаро как Сатану в обличье денди (на самом деле Агата, любившая поесть, дала ему имя по созвучию с французским словом poireau — лук-порей). В этом и во многих других отношениях все это напоминало легкое помешательство, которое обычно царит вокруг знаменитости, достигшей такого величия, как Пуаро. Странность же и прелесть факта состояла в том, что и сама создательница образа не могла толком понять, как он у нее получился: счастливое стечение чего-то услышанного ею, прочитанного, хранившегося в памяти и придуманного, всего, что смешалось и пригрезилось Агате на путях ее жизни: среди пузырьков с лекарствами в торкийской аптеке, на холмистых дорогах Эшфилда, на просторах девонширских пустошей.

И хотя образ Пуаро развивался, приобретая глубину там, где и когда это было нужно Агате, суть его характера никогда существенно не менялась. Вот он: аккуратный джентльмен, семенящий по теннисному корту в эссекском Стайлсе (графстве, о котором Агата почти ничего не знала), уверенный в себе всегда и безоговорочно, хотя на начальном этапе для самоутверждения ему требовался беспомощный Гастингс.

> — «В этой комнате мы обнаружили, — говорил он, деловито продолжая писать, — шесть интересных фактов. Мне их перечислить или вы это сделаете?
>
> — О, лучше вы, — поспешно ответил я…»

Или:

> «— Это, безусловно, любопытно, — согласился я, — хотя и не так уж важно; едва ли это следует принимать во внимание.
>
> У Пуаро вырвался стон.
>
> — Чему я вас всегда учил? Во внимание следует принимать все. Если факт не укладывается в гипотезу, значит, гипотезу можно отвергнуть».

В том эпизоде книги, где Пуаро дрожащими руками «машинально» тянется к паре подсвечников — в которых была поспешно спрятана важнейшая улика, поэтому-то они и стояли криво, — заключена суть метода Агаты Кристи. Это не просто ключ к разгадке: разгадка является исключительно результатом одержимости Пуаро симметрией. Уже в первом своем литературном опыте Агата поняла — или интуитивно почувствовала, — что разгадка, основанная на особенностях характера персонажа, имеет двойную ценность. Она также придала Пуаро весьма обаятельную «бесполость», которая позволяет ему проявлять почти женскую мудрость при объективности, на которую женщины редко бывают способны. Вот, например, что он отвечает на рассуждения Гастингса, которые ведут того к безнадежно неверному выводу:

> «— Я точно знаю, что он не только не влюблен в нее, но и определенно испытывает к ней неприязнь.
>
> — Кто вам это сказал, mon ami?
>
> — Сама Синтия.
>
> — La pauvre petite! Бедная малышка! И она была этим огорчена?
>
> — Она сказала, что ей это совершенно безразлично.
>
> — Тогда это ей определенно небезразлично, — заметил Пуаро. — Таковы уж они — женщины, les femmes!»

Первоначальное окончание книги — взволнованным почерком наспех записанное карандашом в одной из многочисленных Агатиных тетрадей, которые хранятся в Гринвее, — выдает наивность, которую она до того момента так великолепно маскировала: быть может, в этом отрывке она в последний раз возвращается на любительскую территорию «Снега над пустыней», описывая сцену в суде, где Пуаро излагает полную картину убийства, блестяще оперируя уликами. «Господин судья, температура воздуха в тот день составляла 86 градусов в тени»; «Прочтите это, господин судья, потому что это — письмо от убийцы…». Весь эпизод, который позднее появится в «Стайлсе» в отредактированной версии, написан в виде диалога между Пуаро и судьей, безупречно отшлифован и абсолютно невозможен в жизни. «Думаю, сцену в суде я полностью выдумала; в реальности она не могла происходить так, как я ее описала», — признается Агата гораздо позже.[122]

Впрочем, это незначительный недостаток. Во всем остальном книга была сделана с исключительной изощренностью, не в последнюю очередь это касалось и остроумного описания тоски

супружеских отношений. Не испытывая необходимости в морализаторстве и даже в комментариях, Агата вывела на страницах «Стайлса» супружескую пару — Джона и Мэри Кавендиш, чья былая любовь друг к другу рушится из-за его интрижки с очаровательной деревенской цыганкой и ее унылого флирта с доктором Бауэрстейном («Мне надоело, что этот парень здесь околачивается. К тому же он польский еврей», — говорит Джон, на что Мэри отвечает: «Небольшая примесь еврейской крови — это не так уж плохо. На ней, как на дрожжах, всходит бесстрастная глупость обычного англичанина»). Сам Гастингс тоже немного влюблен в миссис Кавендиш, из-за чего не выносит Бауэрстейна, и упорно ищет встреч с замужней женщиной. Это тоже представлено как вполне нормальное поведение. Двадцать лет беспрерывных житейских нашептываний Маргарет Миллер, которые слышала Агата, сделали свое дело. Но Агата — как многие писатели до и после нее — в своем искусстве оказалась более проницательна, чем в жизни, и гораздо четче видела не глазами, а интуитивным зрением.

Согласно «Автобиографии», она показала «Таинственное происшествие в Стайлсе» Арчи, которому роман очень понравился, и он посоветовал ей отправить его издателю. Они, как пишет Агата, не виделись два года после его первого, неудачного отпуска в июле 1915-го, когда он так нервничал, а она была так напряжена. На этот раз было сплошное счастье. Они отправились на неделю в Нью-Форест. «Мы бродили по лесу, и между нами возникла своего рода дружба, которой мы прежде не знали». Арчи сказал, что хочет пройти по тропе, ведущей к «Ничейной земле». Так они и поступили. Тропа привела их в сад, полный яблок, которые они ели, расхаживая между деревьями.

> «Повсюду вокруг нее и внизу были деревья, деревья, чья листва меняла свой цвет с золотистого на коричневый. В лучах яркого осеннего солнца мир вокруг казался неправдоподобно золотым и великолепным.
>
> Генриетта подумала: „Я люблю осень. Она настолько богаче весны“.
>
> Ее внезапно пронзило острое ощущение счастья и очарования мира, идущее от ее собственного острого восхищения этим миром.
>
> „Я никогда больше не буду так счастлива, как в этот миг, — подумала она. — Никогда“.
>
> Она постояла с минуту, глядя на этот золотой мир, который, казалось, плыл и растворялся в себе самом,

подернутый дымкой и расплывчатый в своей красе».[123]

На самом деле Агата запомнила неправильно. Как явствует из дневника Арчи, в Нью-Форесте они отдыхали в октябре 1915 года, когда она еще даже не начинала писать «Стайлс» и не было их двухлетнего расставания во время войны. Тем не менее именно так она запомнила эту особую неделю. «Одна из самых странных на свете вещей — это то, как работает человеческая память. Человек, наверное, отбирает, что запоминать. Должно быть, есть в человеке что-то, что делает этот выбор».[124]

РЕБЕНОК

Любить кого-то, — сказала я, — всегда означает взваливать на этого человека почти невыносимое бремя.

М. Вестмакотт. Роза и тис

Любовь — это реальность в мире воображения.

Цитата из Талейрана, которую Агата выписала на листке бумаги и хранила всю жизнь

Осенью 1918 года Арчи вернулся с фронта, чтобы занять пост в министерстве авиации, и у Агаты началась настоящая семейная жизнь. С момента их знакомства муж оставался для Агаты созданием ее фантазии, шесть лет они прожили вдали друг от друга, так что ее представление о браке было «чрезвычайно ограниченным», как она сама написала в «Неоконченном портрете». «Когда люди любят друг друга, они счастливы. Несчастливыми браки — а она, разумеется, знала, что таких немало, — бывают тогда, когда люди друг друга не любят».

В книге описаны короткие благословенные месяцы накануне перемирия. «Селия и Дермот были так счастливы вместе». Их жизнь была исполнена дотоле неведомого им восторга молодости. Они осваивали свой новый мир съемных квартир и узаконенной страсти, как двое детей, резвящихся в саду. «Супружеская жизнь была для них игрой, и они играли в нее с энтузиазмом». После ужина они «сидели перед камином, прежде чем отправиться спать, Дермот — с чашкой „Овалтина“, Селия — с чашкой „Боврила“,[125] и это было их самое счастливое время. Прежде немного боявшаяся — как признавалась себе Селия — незнакомца, таившегося в муже, она обрела теперь в нем идеального спутника жизни. Он не демонстрировал этого, но она знала, что он любит ее. Иногда он прижимал ее к себе и бормотал: „Селия, ты такая красивая… такая красивая. Обещай, что будешь красивой всегда“».

«Ты бы любил меня точно так же, если бы это было не так», — отвечала она.

Совместная супружеская жизнь началась в Лондоне. Как

только Арчи вернулся в Англию, Агата с охотничьей страстью принялась искать дом. В двадцативосьмилетнем возрасте она наконец оставила Эшфилд, сменив его на квартиру за две с половиной гинеи в неделю в Сент-Джонс-Вуд, на Нортуик-террас, где стояла кровать «с огромными, просто-таки железными комьями в матрасе». Хотя денег у четы Кристи было совсем мало, им даже в голову не приходило обойтись без прислуги: за Арчи ухаживал его денщик Бартлет, а общее руководство хозяйством осуществляла миссис Вудз, которая «серьезно относилась к приготовлению еды» и выдавала советы. Она была одной из тех всезнающих и уверенных в себе женщин, которым Агата никогда не умела противиться. «Торговец рыбой опять надул вас, милая», — говорила миссис Вудз никогда в жизни не покупавшей прежде продуктов Агате, когда та возвращалась со своей дамской корзиночкой из второсортного гастрономического магазина.

Однако Агата быстро училась. Ей нравилось учиться: она получала удовольствие, бегая по магазинам в поисках свежей рыбы и сочных апельсинов, с энтузиазмом брала уроки стенографии и счетоводства (что могло когда-нибудь зачем-нибудь пригодиться); ей нравилось быть женой. Даже бедность была забавна. В некотором роде. Агата представляла себя и Арчи парой, весьма похожей на ту, которую впоследствии описала в своем втором романе «Тайный враг» — герои в конце книги женятся. Томми — отставной солдат, Таппенс — бывшая сотрудница Добровольческого медицинского отряда. Их жизнерадостность не умаляет даже тот факт, что он безработный, а она, чей внешний вид являет собой «отважную потугу на элегантность», вынуждена удовлетворять свой «вызывающе хороший аппетит» обедами, состоящими из плюшек.

Так или иначе, в 1918 году Агата и не помышляла о том, чтобы написать вторую книгу, поскольку первая — «Таинственное происшествие в Стайлсе» — была с порога отвергнута. Несколько издателей, в том числе «Метуэн», а также «Ходдер энд Стаутон», [126] вернули ей рукопись. Как они потом рвали на себе волосы, можно лишь воображать, хотя кто-то из них, вероятно, уже тогда, невзирая на все несовершенства текста, увидел и взял на заметку незаурядное умение молодой женщины плести сюжет и делать его исключительно доходчивым и увлекательным, но обманчивая простота книг Агаты Кристи навсегда останется причиной, по которой ее недооценивали. В «Автобиографии» она признавалась, что «не рассчитывала на успех», и в своей обычной манере слегка иронизировала над своим сочинительством. И это было искренно: всерьез она думала о себе лишь как о любительнице, которая время от времени писала что-нибудь, что захватывало ее

воображение, — музыкальную пьеску, стихотворение, детективный рассказ. Тем не менее, что касается «Стайлса», сдаваться она не собиралась и в конце концов отправила рукопись Джону Лейну в «Бодли хед».

Но прежде всего, и это всегда оставалось главным, она была женой Арчи. Джентльмены, как ее учили всю жизнь, требуют немалых забот. На исходе войны положение с продовольствием было тяжелым (в «Автобиографии» Агата вспоминает, как удивился Арчи, увидев, с какой жадностью она набросилась на принесенный им в пайке огромный говяжий окорок), однако она очень старалась воспроизводить в меру возможностей деликатесы, рецепты которых содержались в Клариной «кулинарной книге» («апельсин и лимон положить на горячие ломтики бекона, который должен быть к тому времени готов…»). Агата посещала кулинарные курсы и училась готовить для мужа. К несчастью, длинный тощий Арчи не мог даже смотреть на Агатину стряпню, когда приходил из министерства, и приготовленное ею пышное суфле медленно оседало, потому что Арчи страдал желудочными болями, от которых корчился, катаясь по кровати, а потом вдруг требовал светлой патоки. Сама Агата всегда была здоровой, и подобная хрупкость даже трогала ее в Арчи, но формы, какие та принимала, озадачивали ее. С Уайтхолла он неизменно приходил домой в одном и том же состоянии. Послевоенная реальность оказалась тем, к чему Агата не была подготовлена.

Вдали от Торки она чувствовала себя немного потерянной. Почти все, кого она знала, жили в Девоне, а ее единственная лондонская подруга — Нэн Уоттс, невестка Мэдж, которая в 1912 году вышла замуж за Хьюго Поллока, к тому времени покинувшего ее, — была настолько богаче, что их общение казалось невозможным, хотя в конце концов Агата все же навестила Нэн в ее доме в Челси.[127] Не то чтобы Агата так уж нуждалась в друзьях. Она была не из тех женщин, которые обожают часами сидеть и болтать с другими женами. Несмотря на то что ей нравилось играть в создание семейного очага, «она презирала „женщин-семьянинок“ (в чем сама призналась в „Неоконченном портрете“), целиком поглощенных детьми, слугами и домашним хозяйством». Ей требовалось, чтобы Арчи был товарищем, его дружба была для нее бесценна и казалась волшебством. Но он работал днями напролет, а ей эти дни надо было чем-то заполнять. Агата всегда любила, чтобы у нее было достаточно неторопливо текущего свободного времени. В этом пространстве покоя и тишины оживало ее воображение. Но размышлять и фантазировать она привыкла в пределах

эшфилдского ландшафта с его холмами, окруженными морем, а не на хмурых после войны улицах района Сент-Джонс-Вуд.[128]

Теперь Лондон был совсем не тот, каким она помнила его по детству, когда навещала своих бабушек в Бейсуотере и Илинге. Тогда она, как «Джейн Марпл, бело-розовая любознательная девочка», катила по его улицам в четырехколесном экипаже и глазела на фарфор, выставленный в витринах «Арми энд нейви». Теперь Агата не выглядывала больше из-за оконных шторок. Даже ходить по улицам пешком и посещать магазины было для нее в новинку. Необычностью поражали также безликость, анонимность людских толп, грубые голоса. Торкийская жизнь была теплой, привычной, упорядоченной; там Агата знала всех или по крайней мере знала людей, которые знали остальных; там она была «мисс Агатой», «мисс Миллер» со всеми вытекающими последствиями. «Миссис Кристи» стала кем-то другим, ей самой неизвестным, половиной пары, но в то же время — как замужняя женщина — и самостоятельной личностью. Свобода нервировала. Позднее Агата описала день, когда было объявлено об окончании войны: после урока стенографии она

> «…вышла на улицу и побрела словно в тумане. И здесь меня поджидало самое невероятное зрелище. До сих пор вспоминаю его даже с каким-то страхом. Повсюду на улицах танцевали женщины… Страшноватое впечатление. Если бы возле этих женщин появились немцы, женщины наверняка разорвали бы их на куски. Некоторые из них, помнится, шатались и вопили — полагаю, они действительно были пьяны, но **казались** пьяными все».[129]

Бесконтрольность всегда пугала Агату. Не испытав до той поры мертвенного холода, который сковывает человека, когда контроль оказывается абсолютным, непроницаемым, она ненавидела ее, пожалуй, больше всего. Во время войны, когда приходилось одной по вечерам возвращаться из госпиталя, ей доводилось сталкиваться с разнузданным поведением пьяных солдат. Но тогда она шла домой, в Эшфилд, и, миновав садовые ворота, оказывалась в безопасности.

В начале супружеской жизни Агата очень скучала по дому. Несмотря на то что была безумно влюблена и относилась к замужеству как к великому приключению («чертовски увлекательному спорту», как выражается Томми в «Тайном враге»), она тосковала по своему «милому дому», своему «гнезду». Ей снились «березы… и трава, растущая… растущая под ее щекой»,[130] пока она лежит в саду, восхитительно праздная, а в

голове у нее роятся всевозможные мысли, картины вероятного будущего и воображаемые миры. «Я действительно была немного одинока» — так описывает она свои тогдашние ощущения в «Автобиографии». И только в «Неоконченном портрете» — как обычно — она бродит по фантастическому ландшафту памяти, прикасаясь к более глубинным смыслам.

После заключения перемирия они с Арчи вернулись в Эшфилд. «Было восхитительно снова оказаться дома. Дом выглядел намного прекраснее, чем она помнила, и был таким чистым — обеденные скатерти без единого пятнышка, до блеска начищенные серебряные приборы и сверкающие бокалы. Сколько же на свете такого, чего человек не замечает, воспринимая как само собой разумеющееся!»[131] Агата напоминала школьницу, приехавшую домой на каникулы: сидя на краю маминой кровати, возбужденно рассказывала о своей лондонской жизни, о миссис Вудз и говяжьем окороке из пайка; одиночество же представлялось ей в тот момент чем-то незначительным и далеким. Возможно, она никогда не была более счастлива, чем тогда, пребывая вместе с мужем, к которому испытывала глубокую, тревожную страсть, в месте, бывшем для нее святая святых.

В тот период она писала стихи. В 1924 году они были опубликованы в сборнике «Дорогой снов» вместе с более ранними, такими как «Маска из Италии» — юношеской стихотворной вариацией на темы персонажей комедии дель арте. Среди более поздних стихотворений была и «Секвенция», которая начиналась так:

Любовь приходит в сердце, как Весна,
Вселяя в нас благоговейный трепет
И клейких почек раскрывая свитки.
Но стоит только холоду дохнуть,
Повеять ветру от лугов просторных —
И цвет осыплется…
И только у земли
Цветы простые, робкие цветы
Жить продолжают незаметно.

Именно там, в Эшфилде, Агата обнаружила, что беременна. 1919 год принес массу забот, начавшись с поиска нового дома, достаточно просторного для ребенка, няни и служанки. Проявив обычную решительность, Арчи ушел со службы. Еще недавно честолюбиво жаждавший повышения, он резко изменил точку

зрения на прямо противоположную, заявив, что в Королевских военно-воздушных силах у него нет будущего и что ему следует сменить Уайтхолл на Сити. Кроме всего прочего, он хотел зарабатывать деньги. Безусловно, он стремился доказать, что Клара была не права. Отношения с тещей складывались у него идеально («Мириам сказала себе, что была неоправданно недружелюбна и подозрительна», — писала за мать Агата в «Неоконченном портрете»), но какой мужчина смог бы простить столь жесткое сопротивление его ухаживаниям за Агатой, какое проявила она.

Если Арчи что-то втемяшивал себе в голову, то рано или поздно этого добивался. Он поступил мудро, не подав в отставку, пока не нашел новую работу, но нашел он ее довольно быстро, у человека, которого описал как «толстого и желтого» (вроде финансиста мистера Робинсона, фигурирующего в нескольких книгах Агаты), — с жалованьем пятьсот фунтов в год. Вместе с его восемьюдесятью фунтами и Агатиной сотней[132] это делало их финансовое положение удовлетворительным. С жильем в то время было туго, однако в конце концов им удалось снять за девяносто фунтов в год квартиру с четырьмя спальнями в Эдисон-меншн, дом 96, неподалеку от Холланд-парка. Квартира была просторной и светлой, как и мечтала Агата, которая с восторгом окунулась в обустройство ее для своей новой семьи. Декорирование домов впоследствии станет ее страстью, но уже тогда она точно знала, чего хочет: бледные обои в гостиной, темный потолок, расписанный цветами боярышника, — «я думала, что под ним буду чувствовать себя так, словно сижу в саду под деревом».[133] И, вооружившись красками и кистью, она с энтузиазмом принялась осуществлять задуманное. Арендованная квартира в западном Кенсингтоне не Эшфилд; еще меньше она напоминала Эбни-Холл с его роскошными коврами и обитыми зеленым штофом стенами (зато Арчи был несравнимо более привлекательным, чем Джеймс Уоттс, а брак Агаты — куда более браком по любви, чем брак Мэдж). «Мы были самой заурядной супружеской парой, но очень счастливой», — писала Агата не без гордости. Они вели предельно скромную лондонскую жизнь: автобусы и трамваи, привычная суета, время от времени — поездки в Хаммерсмит, во Дворец танцев. Деньги тратились на то, что казалось естественным: взять такси или иметь более одного вечернего платья было немыслимо, зато так же невозможно было жить без прислуги и бесценных часов отдыха, которые та позволяла иметь. Так шла жизнь, и она их вполне устраивала. «Мы были счастливы. Наша жизнь казалась нам прекрасно устроенной».[134]

Любовь!
И лето…
И покой.
Покоя сердце —
Этот трепет…

Между тем Арчи не хотел ребенка. В «Автобиографии» Агата пишет, что он был решительно настроен на девочку и они обсуждали только женские имена. «Мы яростно спорили», — невзначай роняет она. В «Неоконченном портрете» их разговоры о ее беременности более эксцентричны и смысл их более глубок. «Мне ненавистно даже думать о противном мальчишке… Я буду его колотить». Или: «Не хочу никакого ребенка. Ты будешь все время думать о нем, а не обо мне. Это характерно для женщин. Они погрязают в домашних делах и только и делают, что возятся с ребенком. Они совершенно забывают о мужьях». И вот еще: «Я этого не перенесу. Это ведь я сам сотворил с тобой. А мог предотвратить. Ты ведь можешь даже умереть».

Все девять месяцев Агату страшно тошнило. «Тошнота — это девочки, — сказала миссис Вудз. — От мальчиков бывают головокружения и обмороки». Быть может, втайне Агата даже радовалась, что ее тошнит: ей ведь так хотелось угодить Арчи. В течение всей беременности он был чрезвычайно добр с ней, хотя вообще-то ненавидел, когда кто-то рядом с ним болел; однажды она обнаружила у себя на подушке чрезвычайно дорогой деликатес — лобстера, это Арчи хотел возбудить в ней аппетит. Она набросилась на этого лобстера (они всегда были ее любимым лакомством) и съела его с таким наслаждением, что даже не была огорчена, когда потом ее вывернуло наизнанку.

В «Автобиографии» Агата пишет, что беременность «вызывала в ней трепет» — нормальное, здоровое состояние, — хотя тут же признается, что и очень пугала. Приободрял тот факт, что ребенок должен был появиться на свет в Эшфилде. Разумный доктор из Торки (а не один из тех, с кем она работала в добровольческом отряде, — «об этих я слишком много знала») сказал, что ей не о чем беспокоиться. Смерть при родах в те времена была весьма вероятна, но Агата отличалась отменным здоровьем и природа должна была сделать свое дело.

Однако в «Неоконченном портрете» Селия страшно нервничает и отвратительно себя чувствует. Большую часть беременности она проводит, неподвижно лежа в кресле, между тем как ненависть Дермота к собственному еще не рожденному ребенку волнами прокатывается над ней.

«— Я только что представил себе, как врач говорит мне: „Мы не можем спасти и мать, и ребенка“. А я отвечаю: „Рубите ребенка на куски“.

— Дермот, как это жестоко».

Селию до глубины души трогает то, что она принимает за тревогу Дермота о ней. Она не понимает, что на самом деле он просто боится. Переменам он предпочитает постоянство и желает, чтобы Селия всегда заботилась о нем больше, чем о ребенке. Ему нужно, чтобы она держала его за руки и утишала боль его жутких воспоминаний. Вот почему у него вызывает негодование мысль о ребенке, а может, и сама Селия, которая допустила, чтобы он в ней рос.

Между тем Селия знает, что «никакой ребенок не вытеснит Дермота из ее сердца». В это время она страшно тоскует по матери, по тому, что все еще считает своим домом, но решительно настроена оставаться с мужем в Лондоне. Она тоже боится, что может умереть, и «не хочет терять ни минуты из того времени, которое ей отпущено провести с Дермотом… Как бы худо ей ни было, она любила Дермота — любила больше, чем когда бы то ни было». Тем временем Дермот ждет, когда к ней вернется ее неземная юная красота и она вновь станет той девушкой, в которую он когда-то влюбился.

«— Посмотри на Глэдис Купер. У нее двое детей, а она также прекрасна, как и прежде. Для меня большое утешение думать об этом.

— Дермот, мне бы не хотелось, чтобы ты так заклинивался на красоте. Меня… меня это пугает.

— Но почему? Ты будешь красива еще многие, многие, многие годы…»

Наконец настало время перебираться в Эшфилд. Ребенок должен был появиться на свет пятого августа; Агата, которую не переставало тошнить, отправилась с Арчи в Торки. Дома их встретили Клара и патронажная сестра, которую наняли и в качестве акушерки. «Мама и сестра Пембертон являли собой воплощение Женщин при исполнении Священного обряда Рождества: счастливые и озабоченные, преисполненные сознания собственной значимости, они бегали туда-сюда с простынями и приводили все в состояние полной готовности». Агата, о которой в этой суматохе словно бы и забыли, ждала посвящения в материнство не то чтобы будучи не готовой к нему, но чувствуя себя так, будто все это происходит не в реальности. Вечером того дня, когда ждали родов,[135] они с Арчи, держась за руки,

слонялись по ее обожаемому саду, и ей казалось, что так будет всегда, до конца ее жизни.

> «Акушерка позвала из дома:
> — Пора уже вам возвращаться, дорогая.
> — Иду».

На следующее утро, когда ей на руки положили новорожденную дочь, она — как написала впоследствии — «решительно начала играть роль молодой матери, но на самом деле вовсе не ощущала себя ни женой, ни матерью. Она чувствовала себя как девочка, вернувшаяся после волнующей, но утомительной вечеринки».

Такова сущность героини «Неоконченного портрета»: она проживает взрослую жизнь, оставаясь ребенком. Она углубляется в жизнь лишь в собственном воображении: живет так, словно она одна из придуманных ею самой Девочек, та, которой суждено выйти замуж за загадочного мужчину, с которым она будет вечно счастлива. Это не значит, что жизнь не задевала ее. Напротив, ее уязвимость была обусловлена именно отрешенностью от реальности.

Гораздо позднее, в романе «Роза и тис», Агата задумается над разницей между людьми, реально проживающими собственную жизнь, и теми, кто — подобно Селии — лишь наблюдает за своей жизнью со стороны.

> «Я смутно припомнил: ребенок осторожно и неуверенно спускается по длинному лестничному маршу, и услышал слабое эхо собственного голоса, важно произносящего: „Это Хью, он спускается по лестнице…“ Позднее ребенок научается говорить о себе „я“, но куда-то туда, глубоко внутрь, это „я“ не проникает. Он продолжает думать о себе не как о некоем „я“, а как о наблюдателе. Он видит себя со стороны в самых разных ситуациях. Я видел Хью утешающим Дженнифер, Хью, который был для Дженнифер всем миром, Хью, мечтавшим сделать Дженнифер счастливой…»

Потом Хью — персонаж, от чьего имени ведется повествование в «Розе и тисе», — начинает размышлять о знакомых людях, которые точно так же смотрят на себя как на персонажей ими самими сочиняемой драмы чувств: влюбляются в тех, к кому испытывают иллюзорное влечение, проявляют доброту по отношению к людям, которые на самом деле им почти

безразличны, — словом, играют в жизнь.

А в заключение он вспоминает о своей сводной сестре Терезе, мудрой, отважной и не желающей отрываться от действительности, несмотря на свою молодость. «Вот Тереза выходит замуж за Роберта, вот Тереза… Нет, не так. Просто Тереза, подумал я, взрослая, она научилась говорить о себе: „Я“».

Агата не умела говорить «я» и знала, что не умеет, вот почему эта мысль так занимает ее в «Розе и тисе». В 1919 году она родила ребенка, нашла квартиру для своей маленькой семьи, декорировала ее по своему вкусу, провела массу собеседований с претендентками на роль няни, нашла среди них умелую молодую женщину по имени Джесси Суоннел — она создала взрослый мир, чтобы жить в нем с Арчи. И тем не менее на все это она взирала сквозь вуаль, столь волшебно покрывавшую все ее детство. Вот Агата готовит обед для мужа. Вот Агата улыбается своей дочурке Розалинде. Вот Агата рассылает благодарственные письма: «Миссис Арчибальд Кристи почтительно благодарит за внимание и поздравления». Вот Агата пешком поднимается на четвертый этаж к себе домой…

Но только лежа в своей постели в Эшфилде, поручив дочь попечению няни и держа за руку маму, сидящую на краю кровати, она становилась «я».

> «— Мама, не уходи.
>
> — Нет, дорогая, я не уйду, буду сидеть с тобой, пока ты не заснешь».

Быть может, писатель вообще не умеет говорить «я»; быть может, научившись этому, он перестает быть писателем. Но в 1919 году Агата и думать забыла о писательстве. Как сама признавалась гораздо позднее, она «утратила всякую надежду увидеть свою книгу опубликованной».[136] Письмо из «Бодли хед» с приглашением прийти в редакцию, чтобы обсудить вопрос публикации «Таинственного происшествия в Стайлсе», словно бы свалилось с неба. Оно пришло вскоре после рождения Розалинды.

И вот спустя полтора года после отсылки рукописи привлекательная молодая мать, благовоспитанная дама, ничуть не похожая на человека, знающего свойства стрихнина и бромидов, сидит напротив Джона Лейна, самого что ни на есть настоящего издателя, который, «со своей короткой седой бородкой и посверкивающими голубыми глазами, показался мне похожим на старомодного капитана корабля»,[137] и тот говорит ей, что ее рукопись «может — я подчеркиваю: лишь может — иметь перспективу». Сцену в суде, разумеется, придется снять, а также переписать еще кое-что. Тогда публикация может

состояться.

В отношении Агаты Джон Лейн оказался весьма дальновиден, распознав талант и не упустив случай, который шел в руки. Заставив ее чувствовать себя благодарной и подчеркнув необходимость поправок в рукописи, он связал ее договором, обязывавшим автора отдать издательству «Бодли хед» следующие пять книг за гонорар, лишь немного превышающий тот, что был назначен за «Стайлс», а он составлял десять процентов от продажи всех англоязычных изданий тиража чуть более двух тысяч экземпляров. Агата и внимания не обратила на этот «крючок», поскольку даже в мыслях не имела написать еще пять книг. Позднее она сказала: «Вот так началась моя долгая карьера», — но тогда ей это и в голову не приходило. Ее жизнью теперь были Арчи и Розалинда. Она была женой, матерью и имела дом на плечах. Что же касается писательства, то она оставалась любительницей, для собственного удовольствия сочинявшей время от времени то, что захочется. В тот вечер чета Кристи отметила ее долю удачи поездкой во Дворец танцев, а на следующий день Агата, вернувшись к своим обязанностям, отправилась в парк гулять с Розалиндой.

Агате не особо нравились длинные прогулки с коляской почти через весь Кенсингтон. Они были утомительны, к тому же, «придя на место, невозможно было спокойно посидеть и отдохнуть, отрешившись от всех забот».[138] Но она гордилась Розалиндой — прелестной темноволосой девчушкой, внешне очень похожей на Арчи. Имя было почерпнуто из «Как вам это понравится» (позднее из этой же пьесы Агата взяла и имя для «себя» — Селия) по обоюдному согласию супругов, хотя до рождения дочери Агата хотела назвать ее Мартой в честь американской матушки своего отца, в то время как Арчи, любитель «Королевских идиллий», склонялся к Инид или Элейн. Но Розалинда не была «лилией замка Астолат», живущей в мире собственных фантазий. Она была практична, прагматична, и у нее почти полностью отсутствовало воображение. Подобно своей шекспировской тезке она обладала мужской силой характера; по сути, она была дочерью своего отца. И Арчи, ничуть не интересовавшийся Розалиндой, пока та пребывала в младенческом возрасте («Когда она научится говорить и ходить, рискну предположить, что она мне понравится», — говорит Дермот в «Неоконченном портрете»), оказался привязанным к этому умному и сдержанному существу, чьи удовольствия были связаны только с реальностью.

Розалинда с самого начала умела говорить о себе «я» и всегда принимала жизнь такой, какова она есть. У нее не было ни

нужды, ни желания мечтать об иных мирах. Это восхищало Агату, но и приводило в замешательство. В «Неоконченном портрете» она мечтает о том дне, когда привезет «Джуди»[139] домой, к своей матери, и «Джуди будет играть в саду, придумывая игры про принцесс и драконов, а Селия — читать ей старые волшебные сказки из книг, хранящихся в книжном шкафу ее собственной детской комнаты…». Однако, когда она при возит Джуди домой, никаких игр на воображение не происходит:

> «Джуди не умела воображать себя кем бы то ни было. Когда Селия рассказывала ей, как она сама представляла в детстве, будто лужайка — это море, а обруч — бегемот, Джуди лишь недоуменно взирала на нее и отвечала: „Но ведь это трава. А обруч — колесо. Как же на нем можно скакать?“
>
> Было настолько очевидно, что дочь думает, будто Селия была в детстве довольно глупой девочкой, что Селия сама смущалась».

Несмотря на все свое восхищение жизнерадостной внучкой Джуди, мать Селии смотрела на нее не так, как на дочь: «Она не ты, драгоценная моя…»

Так же думала и Клара об Агате: между ними царило абсолютное взаимопонимание и безусловное приятие. Клара любила «глупую девочку» в своей дочери. И она не хотела, чтобы та вышла замуж за Арчи, отчасти потому, что подозревала: он будет безжалостен по отношению к Агатиной «глупости». Но в то же время она желала видеть Агату счастливой, что означало необходимость смириться с ее выбором.

Теперь, после рождения Розалинды, Клара старалась давать Агате полезные советы — как удержать мужа. Она предупреждала, чтобы Агата не оставляла Арчи одного, чтобы он всегда был для нее на первом месте и чувствовал себя главным человеком в ее жизни. «Помни, мужчинам свойственно забывать…» Она повторяла слова Маргарет Миллер, не сомневаясь, что в них нет цинизма — только здравый смысл. Агата тоже знала это, но не считала нужным применять к собственной жизни. Не то чтобы Клара ожидала, что их брак окажется неудачным, — просто действовала в интересах Агаты, понимая, что «опасная чрезмерная привязчивость дочери» требует такой же ответной преданности. Агата не была достаточно зрелой женщиной и реалисткой, чтобы жить в формальном семейном союзе, как Мэдж. Агате требовалась любовь.

В «Неоконченном портрете» мать идет еще дальше: наставляет Селию ставить Дермота выше, чем Джуди, и говорит,

что в семейной жизни порой приходится — она и сама прошла через это — делать выбор между любовью к детям и любовью к мужу. «Ты так любишь Дермота, а дети отнимают жену у мужчины. Предполагается, что они должны теснее связывать супругов, но на самом деле это не так… нет, не так». За героиней, произносящей эти слова в романе, стоит Клара, но это и точка зрения самой Агаты. Какая горькая ирония: рождения ребенка боялся Арчи, а бояться надо было Агате.

У Агаты уже имелись кровные привязанности в жизни: муж и мать. Она бы никогда не призналась в этом, но на ребенка у нее оставалось слишком мало душевных сил. Она вышла замуж за человека, которого страстно любила; подобно Каролине Крейл из романа «Пять поросят», она имела незаурядно привлекательного мужа и маленькую дочь, которой неизбежно предстояло занять второе место в ее сердце. В романе гувернантка мисс Уильямс говорит: «Миссис Крейл полностью существовала внутри оболочки своего мужа. Она, можно сказать, жила только в нем и для него». К ребенку Крейлы относятся с любовью, но, продолжает мисс Уильямс, ребенок в такой семье «воспринимается родителями как не совсем реальное существо». Хотя неспособность Арчи полностью смириться с беременностью жены и ее безволием недостаточно осмыслена в «Автобиографии», в «Неоконченном портрете» она очевидна. Позднее, разумеется, Арчи изменил свое отношение. Розалинда стала для него преданным другом, усердно сопя, девочка чистила его клюшки для гольфа. Юмор у нее был такой же сдержанный, как у него. Арчи называл ее «безупречной».

Но Агате не нужен был безупречный ребенок: она сама была безупречной для Клары и так любила быть дочерью («Дочь остается дочерью всю жизнь…»), что не находила настоящего удовлетворения в роли матери. Так же как реакцией Клары на детскую отверженность стало превращение во властную мать-собственницу, сыгравшую в жизни Агаты и Мэдж весьма существенную роль, реакцией Агаты на безмерную материнскую любовь стала ее отстраненность от собственной дочери. Могла ли она рассчитывать когда-нибудь чудом наладить с ней такую же идеальную близость, какая была у нее с Кларой? И хотела ли она этого? Независимость характера Розалинды, нелюбовь к ласкам и презрение к играм «на воображение» были для Агаты почти облегчением. Они исключали необходимость с ее стороны пытаться копировать отношения, которые существовали между ней и Кларой, что в любом случае было бы невозможно. Вместо этого Агата могла с любовью взирать на Розалинду издали, убеждая себя, что они с ней просто разные. Между тем Розалинда

укреплялась в своей независимости, равно как Агата — в своей объективности. Возможно, с сыном все было бы иначе, но Арчи, как известно, не хотел сына.

Ребенок, писала Агата в «Автобиографии», «он твой и в то же время — каким-то мистическим образом — незнакомец… Он — как неведомое растение, которое ты принес домой, высадил и ждешь не дождешься увидеть, что из него вырастет». Это существенно противоречит современному взгляду, предполагающему, будто развитие ребенка подконтрольно родителям, взгляду, который отвергла бы даже Клара Миллер, оказывавшая столь сильное влияние на своих дочерей. Она слишком хорошо понимала, как важно предоставить ребенку возможность самостоятельно осваивать пространство его собственного воображения.

Агата же была куда более склонна к невмешательству. «Многие дети, я бы сказала, большинство детей, страдают от чрезмерного родительского внимания, — говорит мисс Уильямс в „Пяти поросятах“, — от избытка любви, избытка опеки… Лучшее, что могут сделать для ребенка родители, я в этом уверена, это проявлять по отношению к нему то, что я называю здоровым пренебрежением».

Таково было вполне осознанное мнение Агаты. В ней самой не было ничего от сентиментальной матери, хотя в силу своей близости с Кларой она могла проявлять сентиментальность по отношению к себе. Ее особенность состояла в том, что, будучи влюбленной в собственное детство, она могла вполне трезво смотреть на детей в целом и на свою дочь в частности. В тринадцатилетнем возрасте она написала в «Альбоме признаний», будто мечтает «жить в окружении детей и кошек». В зрелом возрасте она верила — или по крайней мере писала так в «Автобиографии», — что честная мать должна относиться к своим отпрыскам так, как это делают кошки: удовлетвориться тем, что произвела их на свет, выкормила, а потом вернуться к собственной жизни. «Так ли уж естественно продолжать заботиться о своем потомстве после того, как оно выросло и вышло в мир? Животные так не поступают».[140] В «Каникулах в Лимстоке» есть персонаж, которого не любит собственная мать. «Просто матери не могут сказать, что им не нужны их дети, и уйти. Или съесть их. Кошки пожирают котят, которых не любят. Чрезвычайно разумно, я считаю. Никакой пустой траты времени и неприятностей. Но человеческие матери вынуждены пестовать своих детей…»

Эта мысль, несколько даже вызывающе, рефреном проходит через многие книги Агаты. «Множество матерей не любят своих

детей», — пишет она в «Каникулах в Лимстоке». А в «Кривом домишке»: «Это случается снова и снова: мать не любит одного из своих детей». Агата настойчиво отказывается придерживаться ортодоксального взгляда, который высказывает персонаж «Вечеринки в Хэллоуин»: «Я люблю всех детей. Большинство людей их любят». Но Агата солидарна с Эркюлем Пуаро, который отвечает: «О, здесь я с вами не соглашусь. Некоторых детей я нахожу *в высшей степени* неприятными».

Персонаж, любящий «всех детей», оказывается на поверку убийцей двенадцатилетней девочки: засовывает ее головой в бадью, наполненную водой. Агата Кристи никогда не затушевывает того факта, что детей убивают, иногда даже собственные матери. «Была такая миссис Грин, знаете ли, она похоронила пятерых детей — и каждый из них был застрахован. Естественно, возникли подозрения».[141] И дети тоже могут убивать. В книгах Агаты есть два ребенка-убийцы, ребенок, подозреваемый в убийстве, и — в «Загадке Эндхауса» — ребенок, который радостно сообщает капитану Гастингсу: «Я видел, как режут свинью. Мне понравилось».

Иными словами, Агата решительно отказывалась видеть в детях существа, отличные от взрослых: характер ребенка формируется в раннем возрасте и потом практически не меняется, ребенок может быть как мерзким, так и прелестным. «Мы остаемся такими же, какими были в трехлетнем, шестилетнем, десятилетнем или двадцатилетием возрасте», — написала она в «Автобиографии». Если ребенок очарователен, как Миранда Батлер из «Вечеринки в Хэллоуин», и она, и Пуаро так и говорят. Но если нет — то нет. Флер, сквозь который Агата смотрела на себя в юности, рассеялся, когда она взглянула на других детей; ее точка зрения на материнство как таковое всегда оставалась напрочь отделенной от чувств, которые она испытывала к Кларе. Образцовое материнство у Агаты Кристи имеет такую же зыбкую основу, как в пьесах Шекспира. «Джулия вполне заурядный ребенок, — говорит мать Джулии Апджон в „Кошке среди голубей“, беседуя с учительницей женской школы, где учится ее дочь. — Я, правда, думаю, что у нее неплохие мозги, но рискну предположить, что матери всегда так думают о своих детях, не правда ли?» — «Матери, — мрачно ответила мисс Балстроуд, — бывают разные!»

Мать Джули и Апджон как раз принадлежит к тем немногим матерям, которых Агата одобряет. «Мама поехала в Анатолию на автобусе», — сообщает Джулия мисс Балстроуд. «Девочка произнесла это так, словно сообщала, что ее мать села на тридцать седьмой автобус, идущий до „Маршалл энд

Снелгроув“», между тем как миссис Апджон отправилась в долгое восточное турне. Это очень похоже на то, что впоследствии будет делать сама Агата («Когда ты собираешься домой?» — безо всяких эмоций спрашивает десятилетняя Розалинда в письме из интерната). Миссис Апджон представлена у Агаты как абсолютно нормальный, освежающе здоровый контраст тем матерям, которые занимают угрожающе большое место в жизни своих детей. «Я считаю: когда дети выросли, следует отделиться от них, вычеркнуть себя из их жизни, незаметно исчезнуть, заставить их забыть нас», — говорит некая дама, персонаж «Кривого домишки». Агата дает понять, что воззрения этой дамы пусть и экстремальны, но отнюдь не неприемлемы, ибо семью, описанную в «Кривом домишке», губит именно удушающая близость взаимоотношений.

«Материнство безжалостно!» — написала она в романе «Н или М?», и интонация здесь не так уж далека от той, в которой она описывает ужас, испытанный ею на улице в день празднования окончания войны, ибо материнство, с ее точки зрения, точно так же бесконтрольно, как те гуляния, лишено разумной меры, что доказывал и пример ее свекрови. Агате было ненавистно, когда биология брала верх над личностью. Беллу Тэниос из «Немого свидетеля» презирают как «отчаянно унылую женщину. Она похожа на уховертку. Преданная мать. Как и уховертки, полагаю». Герда Кристоу в «Лощине» — такая же преданная и такая же унылая. Обе они похожи на женщин, описанных в «Человеке в коричневом костюме», которые «часами говорят о себе, о своих детях, о том, как трудно достать для детей хорошее молоко… Они глупы — глупы даже в той деятельности, которую для себя избрали».

Таких персонажей немало в вестмакоттовских романах Агаты Кристи. Джоан Скьюдамор из «Разлученных весной» — «идеальная» мать, из тех, которые сегодня вызывали бы восхищение: принимает живое участие во всех аспектах жизни троих своих детей, и ни у одного из них нет шанса вырваться из ее доброжелательных когтей. «Она хотела, чтобы у ее детей было все самое лучшее, но что было лучшим для них?» Такова и Энн Прентис из романа «Дочь есть дочь», которая отвергает шанс вторично выйти замуж только потому, что ее дочери Саре не нравится претендент. Энн приносит эту жертву, но при этом ее переполняет злоба:

> «— За что ты ненавидишь меня, мама?..
>
> — Я отдала тебе всю жизнь, пожертвовала всем, что было мне дорого. Ты была моей дочерью, моей кровью и

плотью. Я выбрала тебя.

— И с тех пор возненавидела».

Женщины, которые приносят свою жизнь в жертву детям, не понимают, как говорит бесконечно мудрая (и бездетная) Дейм Лора Уистабл из романа «Дочь есть дочь», что жертва — это не просто жест. Это нечто, «с чем придется жить потом день за днем, всю жизнь. А это ведет только к несчастью. Поэтому лучше выбрать отстраненность». «Матери — порождение дьявола! Зачем они тучей нависают над своими детьми? Почему думают, что все о них знают? Они не знают. Не знают!»[142] Быть может, самый показательный в этом смысле пример — Рейчел Аргайл из «Горя невинным». Терзаемая собственной бездетностью, она усыновляет пятерых детей в попытке воплотить свои мечты. «Миссис Аргайл была ослеплена безудержным материнским инстинктом собственницы», — размышляет ее экономка Кристен Линдстром, которая всегда видела в этих приемных детях не невинных ангелов, не порождение материнского эгоизма, а самостоятельные личности со своими пороками и добродетелями.

> «Ей было трудно понять таких женщин, как миссис Аргайл. Сходит с ума по куче детей, которые ей даже не родные, и не обращает никакого внимания на собственного мужа, будто его и не существует вовсе!.. Эдакое живое воплощение идеи МАМА ЛУЧШЕ ЗНАЕТ. А ведь она даже и не настоящая мать! Если бы родила хоть одного ребенка, может, это добавило бы ей смирения».

Последняя фраза выдает суровое уважение Агаты к реальной сути материнства и женщинам, ее познавшим, — как, например, Ренисенб из ее «древнеегипетского» романа «Смерть приходит в конце», которая говорит о своей дочери: «Она не я, и она не Хей, она — это она. Она — Тети. Если мы любим друг друга, то останемся друзьями до конца жизни, но если любви нет, когда она вырастет, мы станем чужими. Она — Тети, а я — Ренисенб».

Что бесило Агату, так это придание излишней значимости чувствам, которыми женщины склонны широко окружать материнство, претензия на то, что исполнение биологической функции неким образом превращает их в миллионы Богородиц. А в случае с Рейчел Аргайл и того хуже — она ведь считала, что эти чувства можно купить, минуя биологию. «Я знаю кучу матерей, которые ненавидят своих дочерей, словно яд», — говорит Сара в романе «Дочь есть дочь». И ее откровенное раздражение — это и позиция самой Агаты.

Но на самом деле причина гнева лежит глубже и имеет

отношение к самой Агате. Она больше не ребенок. Она больше не может быть центром собственной жизни. А ей так этого хотелось, хотя разумом она и понимала, что это абсурдно. Так что гневалась она еще и оттого, что осознавала свой недостаток. Она не была способна стать такой матерью, какой была для нее Клара. И настоятельное требование материнской непредвзятости с ее стороны было в некотором роде попыткой самооправдания: это правильно — не позволять любви к детям ослепить тебя; это правильно — не отдавать им всю себя без остатка; это правильно — смотреть на них объективно. В этом Агата постоянно убеждала себя своими книгами. Конечно, те же книги убеждали ее и в том, что обожание, с каким относилась Клара к ней самой и к Мэдж, вредно, даже опасно, но этот парадокс не смущал Агату. Ее отношения с Кларой были идеальными. Ее отношения с Розалиндой были смесью любви, раскаяния, разочарования и ревности (ирония судьбы: ведь это Арчи боялся, что будет ревновать) — и никакой материнский инстинкт не восставал, чтобы разрешить эти противоречия. Свое эмоциональное богатство Агата никогда не могла излить на дочь непосредственно. В 1930 году она отправила из Эшфилда письмо своему второму мужу Максу, в котором было много новостей о Розалинде и… Питере — ее жесткошерстном терьере. «Питер — мой ребенок, ты же знаешь!»

Вторую книгу, «Тайный враг», Агата написала ради денег по совету Арчи. Он был не из тех мужчин, которые возражают против того, чтобы их жены писали книги, хотя в 1920 году это было весьма необычно. Он вообще не вмешивался в образ мыслей и личную жизнь Агаты; в «Неоконченном портрете» она, в сущности, призналась, что хотела, чтобы он вмешивался в них больше.

> «— Дермот, ты ничего не имеешь против того, что я люблю мечтать, придумывать, воображать нечто, что могло бы случиться, и представлять себе, как бы я повела себя, если бы это случилось?
>
> — Разумеется, не имею, если тебя это забавляет.
>
> Дермот всегда был справедлив. Сам человек независимый, он уважал чужую независимость… Беда в том, что Селии хотелось делить с ним все».

Что касается Агаты, то это не совсем так — ей уединение было необходимо. Но она нуждалась в дружеской близости Арчи и не хотела терять ее даже тогда, когда все более очевидной начала становиться тяга к независимости того самого мужчины,

который в 1913 году писал ей, как он одинок: «Я скучаю по тебе на этот раз больше, чем раньше, и чувствую себя потерянным оттого, что тебя нет рядом».

Но в «Неоконченном портрете» после рождения их ребенка Дермот, как в былые времена, робко говорит Селии в постели: «Я… я по-прежнему люблю тебя, Селия, люблю так, что даже страшно». «Любовники — да, они по-прежнему любовники», — думает Селия.

На фотографии, сделанной в конце 1919 года, в день официального введения Арчи в должность, состоявшегося в Букингемском дворце, чета Кристи запечатлена на лондонской улице. Агата — в темном костюме, Арчи — в длинном пальто, оба высокие, стройные и весьма обаятельные. Они похожи друг на друга, как бывают похожи любящие супруги, хотя идут, соблюдая дистанцию.

Пожар!
Пожар в лесу!
Пожар в моей душе!
На свете не было
Такой любви, как наша.
Экстаз…
И счастье…
Страсть…
И в сердце боль…[143]

То, что Арчи через несколько лет семейной жизни стал более сдержан, менее эмоционален, было неизбежно. Как напоминает Бабуля в «Неоконченном портрете», неразумно было бы ждать слишком многого: «Таковы уж они, мужчины».

Высказывания Маргарет Миллер, мудрое здравомыслие Агата помнила долгие годы после ее кончины, случившейся в возрасте девяноста двух лет, вскоре после рождения Розалинды; Мэри Энн Бомер умерла в 1916 году. Не то чтобы уход этих двух женщин стал для Клары большим горем, но Эшфилд без них опустел. Возможно, Арчи был прав, когда сказал Агате, что ее матери следовало бы продать дом и найти лучшее применение тем нескольким сотням фунтов, которые она унаследовала, чем тратить их на его содержание. Агату, как всегда, подобная идея привела в ужас. В «Неоконченном портрете» ее мать так же решительно настроена дом сохранить: «„Он может понадобиться тебе самой, когда меня не станет. Я хотела бы знать, что здесь ты всегда найдешь убежище“. Слово „убежище“ казалось Селии смешным, но идея когда-нибудь поселиться в этом доме с

Дермотом нравилась».

«Ну, коли так, — сказал Арчи, — почему бы тебе не написать еще одну книгу и не заработать немного денег?» Когда «Таинственное происшествие в Стайлсе» стали печатать с продолжением в «Уикли таймс», Агате заплатили двадцать пять фунтов — не состояние, но на этот раз она твердо рассчитывала получить больше, и еще больше в следующий. Агате льстило, ей было приятно и ее воодушевляло то, что муж гордится ее талантом. Джону Лейну, который желал получить новый детектив, а не комедийный боевик, «Тайный враг» не очень понравился, но книга принесла пятьдесят фунтов (включая права на публикацию в периодике) и продавалась лучше, чем «Стайлс», что доказало правоту Арчи. «Теперь, — подумала Селия, — я притворяюсь писательницей. Кажется, это даже забавнее, чем притворяться женой и матерью».

«Тайный враг» обладал качеством, отличающим почти все, что написала Агата: читабельностью. Некоторым читателям, вероятно, хотелось бы метафорически пристрелить героя и героиню, но совершенно очевидно, что Агата от них в восторге. Особенно ей нравится Таппенс, бывшая служащая Добровольческого медицинского отряда, нисколько не уступающая Томми в храбрости и смекалке, хотя мысли о феминизме никогда не приходили в голову создательнице этого образа. Таппенс — жизнерадостная прагматистка, каковой временами бывала сама Агата, по-детски жадная как до еды, так и до денег. Деньги на самом деле — главная тема книги. Их недостаток не был Агате безразличен. «Деньги, деньги, деньги! — восклицает Таппенс. — Я думаю о деньгах утром, днем и вечером! Признаюсь, во мне говорит корысть, но что поделаешь!» Агата никогда не была нищей, как Таппенс, но она влезает в кожу своей неунывающей героини — дешевая одежда, которую та носит с неким шиком, обеды в забегаловках — и разделяет ее восторг, когда та тратит неожиданно свалившиеся деньги на роскошный обед в отеле «Пиккадилли».

Тем не менее, как и Агата, Таппенс в конце концов отдает предпочтение любви. Она отвергает миллионера, чтобы выйти замуж за Томми: «Как это будет чудесно!» — восклицает она, принимая его предложение. Они родные души и таковыми останутся до последней Агатиной книги. В романе «Врата судьбы», опубликованном незадолго до смерти Агаты, Томми и Таппенс, состарившиеся, но все такие же жизнерадостные и так же любящие друг друга, переезжают в дом, заполненный эшфилдской мебелью, с миллеровской лошадкой-качалкой Матильдой, стоящей в оранжерее.

После рождения Розалинды Агата много писала. Несмотря на то что у нее была няня Джесси Суоннел и служанка Роуз, ей приходилось многое делать по дому, но она обладала счастливой способностью мгновенно отключаться от повседневных дел и окунаться в мир своих книг. Она никогда не носилась с ними и не стремилась работать методично. Она могла обдумывать сюжет во время мытья посуды и писать на кухонном столе. Единственное, что ее отвлекало, — это материнство. В «Автобиографии» она описывает чудовищное раздражение, которое испытывала, когда пыталась писать «Человека в коричневом костюме», а очередная няня, Куку, щебетала под дверью: «А сейчас, малышка, мы должны вести себя очень тихо, правда? Потому что мама работает. Маме нельзя мешать, когда она работает, мы же это знаем?» И как она сражалась с «Тайной „Голубого поезда“» на пляже, когда Розалинда постоянно требовала ее внимания («А мне нельзя постоять здесь? Я только постою. Я не буду мешать»).

Но в 1920-е годы Агата умела быстро собраться, переключиться и начать продуктивно работать: она написала романы «Тайный враг» и «Убийство на поле для гольфа», а также цикл рассказов. «К тому времени мне только-только начало приходить в голову, что, вероятно, я могла бы стать профессиональной писательницей. Но я еще не была в этом уверена. Я все еще считала, что писание книг есть всего лишь естественное продолжение вышивания диванных подушек».[144] И действительно, ее любительство выдавало себя в стиле, который, сам по себе вполне профессиональный, не был еще «фирменным» стилем Агаты Кристи. Она не чувствовала себя обязанной давать публике то, чего та от нее ждет, поскольку по-прежнему полагала, что пишет для себя. Вот почему она продолжала «пробовать то одно, то другое, как делают все».

«Убийство на поле для гольфа» так же отличалось от ее предшествующего романа, как тот — от «Стайлса». Эта книга получилась очень французской не только по месту действия, но и по интонации, которая отдает Гастоном Леру и даже кое-где Расином («Пол! Муж мой!»). Агата признавала, что написала ее в «выспренной, причудливой» манере. Кроме того, в построении сюжета она слишком близко придерживалась фактических материалов реального дела об убийстве, имевшем место во Франции, что придает роману некую нехудожественную усложненность. Особняком стоит побочный сюжет, касающийся страстных ухаживаний Гастингса за рыжеволосой акробаткой; это, впрочем, можно простить, поскольку такой поворот позволил Агате — к чему она очень стремилась — избавиться от Гастингса, отправив его наслаждаться супружеским счастьем в Аргентину.

А вот Пуаро остался восхитительно верен себе. Если в этом романе и есть какая-то оригинальность, то ею он обязан исключительно описанию мыслительного процесса Пуаро. Например, modus operandi преступника он выводит из того, что тот, в сущности, повторяет модель ранее совершенного убийства, и это подтверждает любимую теорию Пуаро: характер человека не меняется, даже если этот человек — убийца. «Убийца-англичанин, который последовательно избавляется от своих жен, топя их в ванне,[145] наглядный тому пример. Если бы он разнообразил свои методы, мог бы избегать поимки до сегодняшнего дня. Но он повиновался неотвратимому диктату человеческой природы, полагая, будто то, что удалось один раз, удастся снова, и поплатился головой за недостаток оригинальности».

А вот оригинальность образа Пуаро уже была замечена, и редактор «Скетча» заказал Агате цикл из двенадцати рассказов о нем. «Наконец и я начинала преуспевать». Да, наконец и Агата добилась такого же успеха, как Мэдж за несколько лет до того, когда «Ярмарка тщеславия» купила ее умные и забавные «Рассказы ни о чем». Теперь уже за Агатой («такой ужасно несообразительной!») охотился издатель журнала; может, она и не стремилась к успеху, но теперь, когда он настиг ее, поняла, что желала его. Как сказал в 1909 году Иден Филпотс, «даже маленькая публикация очень вдохновляет». Эти первые «пуаро»[146] были еще далеко не так хороши, как те рассказы, которые Агата создаст позднее, но знаменателен сам факт, что она сумела выстроить композицию из двенадцати сюжетов; вероятно, это оказалось полезным упражнением для шлифовки ее таланта.

Некоторые из этих рассказов были отправлены издателю из-за границы. В 1922 году Агата и Арчи предприняли замечательное турне, занявшее почти весь год: участвовали в предприятии, позднее получившем название «Имперский тур», и посетили Южную Африку, Новую Зеландию, Австралию и Канаду. Идея их совместного путешествия возникла, когда Арчи предложили должность финансового директора этого тура, целью которого была пропаганда Имперской выставки,[147] намеченной на 1924 год. Чета Кристи всегда мечтала путешествовать, но ввиду недостатка средств — в те времена не существовало дешевых авиарейсов — они с момента свадьбы смогли позволить себе лишь два коротких отпуска в Европе. Поэтому за представившийся шанс ухватились с энтузиазмом.

Разумеется, идея была рискованной («спорт!»). По возвращении Арчи почти наверняка терял работу в Сити, а вознаграждение в тысячу фунтов за исполнение обязанностей

финансового директора должно было полностью уйти на оплату расходов по содержанию Агаты и их месячного отсутствия дома. Наверное, такая восхитительно безответственная авантюра казалась бы более простительной, будь они на десять лет моложе, но Арчи до смерти хотелось поехать — на тогдашней работе он не продвинулся так, как рассчитывал, — а Агату грела мысль, что она сможет освободиться, отдохнуть от семейной жизни и побродить по неизведанным континентам рука об руку с мужем. Не поехать означало обречь себя на мучительные сожаления. Она была так похожа на героиню своего «Человека в коричневом костюме» Энн Беддингфелд, презиравшую тех «тупых» женщин, которые, несмотря на состоятельность, мечтали лишь сидеть дома и бесконечно болтать о том, «как трудно нынче достать хорошее молоко для детей». «Весь огромный прекрасный мир принадлежал им, они могли странствовать по нему сколько угодно, но вместо этого добровольно оставались в грязном, унылом Лондоне и толковали лишь о разносчиках молока и слугах!»[148]

Розалинду она поручила заботам матери и сестры. Клара горячо одобрила решение Агаты сопровождать мужа («Помни, мужчины склонны забывать…»), а Мэдж, напротив, пыталась убедить сестру в том, что ее долг остаться дома: не столько ради Розалинды, сколько ради Монти, чей приезд из Африки ожидался как раз в то время. «Ты обязана побыть с братом», — укоризненно говорила она. Возможно, сознавая, что упрек Мэдж небезоснователен, Агата расстраивалась, однако в конце концов поступила так, как хотела. 20 января 1922 года Кристи отплыли из Англии на борту «Замка Килдонан» и вернулись только спустя почти год.

Во время Имперского тура Агата накопила большую часть материала для своей следующей книги, «Человек в коричневом костюме», которую написала по возвращении. Агатина страсть к путешествиям — к новым местам, человеческим типам, ощущениям, которые безгранично раздвигают душевное пространство, — бьет в ней через край.

> «Уверена, что до конца жизни не забуду свое первое впечатление от Столовой горы [пишет она от имени Энн Беддингфелд]. У меня перехватило дыхание, и я ощутила ту странную сосущую боль внутри, какая охватывает порой, когда человек натыкается на нечто невыразимо красивое… Я сразу поняла, что нашла — пусть на краткий летучий миг — то, что искала с тех самых пор, как покинула Малый Хампели…
>
> „Это Южная Африка, — прилежно твердила я

себе. — Ты видишь мир. Это мир. Ты видишь его“».

Энн — «цыганка», как ее называют, — вариация самой Агаты. Это та девушка, которая танцует под сенью то появляющегося, то исчезающего призрака автора «Неоконченного портрета», та, что шагает по торкийским холмам, придерживая рукой шляпу и подставляя лицо свежему морскому ветру, та, которая без страха берет от жизни все возможное.

> «— Вступая в жизнь одна, практически без денег… я не могла этого сделать, Энн, а ведь я по-своему не была лишена храбрости [говорит Сюзанна, ее попутчица по морскому путешествию]. Я не могла беззаботно отправиться в путь, имея всего несколько фунтов в кармане и никакого представления о том, что делаю и куда меня это заведет.
>
> — Но в этом же вся прелесть! — воскликнула я в страшном возбуждении. — Это же придает такое восхитительное чувство предстоящего приключения!
>
> Она посмотрела на меня, покивала и улыбнулась:
>
> — Счастливая вы, Энн. На свете очень мало людей, способных испытывать такое чувство».

На корабле Энн влюбляется в мужчину, который увозит ее в Африку, и это тоже реминисценция эпизода из жизни самой Агаты. Хэрри Рейберн — это Арчи ее мечты: стройный и красивый, дерзкий едва ли не до жестокости, не способный противиться страсти перед лицом отважного цыганского духа Энн. «К черту твои французские платья, — говорит он ей. — Думаешь, я мечтаю тебя наряжать? Куда больше, черт возьми, я хочу раздевать тебя…»

Их роман — самая витальная и сексуальная любовная история, когда-либо написанная Агатой. Она исполнена энергии, радости, оптимизма и разворачивается на фоне поэтичной дикой природы Африки. В «Человеке в коричневом костюме» природа любви исследуется весьма сходно с тем, как это позднее будет сделано в вестмакоттовских романах, но в отличие от них здесь позиция любви — это сильная позиция: Энн не сомневается, что любовь сделает ее счастливой, не сомневается даже тогда, когда любовь заставляет ее страдать. Так уверена она в Хэрри.

> «— Я всегда знала, что не выйду замуж ни за кого, если не влюблюсь до безумия. Конечно же, нет на свете ничего, что радует женщину больше, чем делать то, что она не любит, ради человека, которого любит. И чем

женщина независимей, тем больше ей это нравится… Женщины любят подчиняться, но ненавидят, когда их жертва остается недооцененной. С другой стороны, мужчины на самом деле не ценят женщин, которые всегда им потакают. Когда я выйду замуж, я большую часть времени буду настоящей дьяволицей, но иногда, когда мой муж будет меньше всего этого ожидать, я буду показывать ему, что такое истинный ангел!

Хэрри откровенно рассмеялся:

— Что за жизнь у вас будет: как у кошки с собакой.

— Любовники всегда борются друг с другом, — заверила я его. — Потому что они друг друга не понимают. А к тому времени, когда научаются понимать, они больше не любят друг друга».

Энн говорит это просто ради красного словца, но для Агаты Арчи действительно оставался загадкой, она действительно не понимала его и действительно все еще очень любила.

Иди ко мне, о сердце,
Ближе, ближе…
Леса в огне
Осенних листопадов.
В порыве безрассудства
Краски жизни,
Как радость, алы![149]

Разумеется, Кристи были не то же, что Энн и Хэрри. Те, в конце книги, остаются жить в Африке, их сын-младенец счастливо ползает между ними, и страсть их ничуть не угасает. Арчи каждое утро пересекал Лондон, чтобы добраться до Сити, Агата возила детскую коляску, разговаривала с лавочниками и слугами, стучала на машинке. По выходным они садились на поезд и уезжали за город. Иногда позволяли себе партию в гольф в Ист-Кройдоне. Агата не выходила на поле с торкийских времен, когда они упражнялись с Реджи Луси, да и тогда хорошо не играла, но ей нравились прогулки и она с удовольствием наблюдала, как наслаждается игрой Арчи («По выходным Селия получала друга обратно»). Все это было очень типично и заурядно. Нормальная жизнь, под поверхностью которой, однако, кипят бурные чувства. На фотографии, сделанной в начале 1920-х, Арчи сидит на деревянной скамейке — возможно, возле дома в Эшфилде — с трубкой в правой руке. С одной стороны от него Розалинда — серьезное лицо под копной темных волос, — с другой — пес

Питер, сосредоточенно ждущий щелчка фотоаппарата. Картинка более чем банальная, но совершенно прелестная благодаря красоте снимаемых объектов. А кроме того, она дышит любовью, любовью, которая, как написала Агата в одном из своих стихотворений, «на время обычным делает чудо…».[150]

На парном снимке в той же композиции запечатлена Агата: дочь справа, собака слева. Агата очаровательна, Розалинда улыбается, как отец, Питер сверкающим взором уставился в объектив. Но к тому времени Агата выглядела уже на несколько лет старше Арчи. Вот снова она, поднимается по трапу на «Замок Килдонан», исполненная сознания важности той миссии, в которой участвует, уверенная в себе и такая светская в своей шляпке и мехах. Снимок сделан для «Таймс». И кто бы догадался по этой фотографии, какие сюжеты таятся здесь под спудом?

В «Неоконченном портрете» никакого Имперского тура нет, потому что Агата, совершавшая кругосветное путешествие, была другой Агатой: свободной, отважной и самоуверенной. Селия лишь мечтает, что, «представься ей такой шанс, она бы оставила и Дермота, и Джуди, и Обри (собаку), и все на свете, чтобы ринуться навстречу неведомому…».

В реальности Имперский тур во многом разочаровал Агату. Обычная жизнь продолжается даже в чужедальних краях, и человеческая натура там вовсе не обязательно меняется. До некоторой степени Агата зависела от работы Арчи, содержание которой — как и всего путешествия — было весьма расплывчатым. Поездку организовал некто майор Белчер, заместитель генерального директора Всебританской имперской выставки 1924 года, он же возглавил экспедицию по доминионам в целях пропаганды выставки среди политических лидеров и предпринимателей. Такая деятельность была вполне во вкусе Белчера, тем более что она, вероятно, мыслилась им и как средство собственного продвижения.

До начала путешествия Агата даже представить себе не могла, насколько обременительным станет его присутствие. Порой оно казалось невыносимым, хотя задним числом — весьма комичным. Белчер был очень современным по духу деятелем, несмотря на весь свой внешний консерватизм. Сегодня он мог бы успешно функционировать в каких-нибудь правительственных органах или с важным видом нести чушь с телеэкрана; он был прирожденным политиканом, не отягощенным чувством общественного долга, его «чувство долга» было направлено исключительно на собственное процветание. Во время Первой мировой войны он занимал придуманную им самим мифическую должность «инспектора по заготовке картофеля», которую

исполнял из рук вон плохо и с которой плавно перетек на новую — руководителя Имперского тура. Он был инфантилен, злобен и при этом загадочным образом умел расположить к себе. «Я никогда не могла избавиться, да и теперь не избавилась, от тайной симпатии к сэру Юстасу, — писала Агата о беллетризованном Белчере, которого изобразила в „Человеке в коричневом костюме“. — Да, мне стыдно, но это так».[151]

Белчеру тоже нравилась Агата, хотя это далеко не всегда бросалось в глаза. С Арчи он водил знакомство много лет — был его педагогом в тот короткий срок, когда учительствовал в Клифтоне, — и так высоко ценил его способности, что предложил должность финансового директора экспедиции (однажды в заморской газете Арчи по ошибке окрестили даже управляющим Английским банком). Название должности Арчи тоже звучало как вполне мифическое. В действительности главной его обязанностью было справляться с белчеровскими причудами и разряжать ситуации, к которым они приводили. За это он заслуживал куда большего жалованья, чем то, которое ему платили, ибо Белчер был капризен, как двухлетний ребенок. Агата между тем перевязывала Белчеру гноящуюся рану на ноге (при этом он орал на нее, как престарелый Генрих VIII), покупала ему носки и белье (денег он никогда не возвращал) и всячески, как могла, ублажала (вот когда ей пригодились навыки сиделки). Разумеется, Белчер представлял собой потрясающий материал для литературного персонажа. Хотя Агата всегда утверждала, что не выводит в своих книгах реальных людей, это было не совсем так: сэр Юстас Педлер — самый что ни на есть живой Белчер. Это Арчи предложил Агате наделить его титулом, а сам Белчер — сделать убийцей.

Агата жаждала сделать его жертвой, ибо вел он себя безобразно, что было невыносимо, особенно для человека, который, как Агата, ценил хорошее воспитание. «Мы явились в ратушу, — писала она Кларе Миллер из Мельбурна в мае 1922 года, — и вынуждены были подождать несколько минут, пока ходили за мэром. Белчер, как всегда, взорвался. Когда мэра привели и он добродушно поинтересовался у Белчера, кто он и с какой целью прибыл, я думала, что Белчера хватит удар! Он ведь всерьез мнит себя если не королем, то уж лордом Нортклиффом наверняка…» Позднее, когда во время скачек его посадили в губернаторскую ложу в окружении знати, он «сменил гнев на милость» и заурчал от снобистского удовольствия. Однако спустя еще какое-то время от его хорошего настроения снова не осталось и следа. «Я утешаюсь мыслью, что сэкономила почти двести фунтов на бесплатном железнодорожном проезде, так что пусть

он помолчит! Я теперь стараюсь разговаривать с ним только по необходимости и только холодно-вежливо!»

Все было бы ничего, если бы это не повторялось день за днем в течение почти десяти месяцев. Программа тоже была изнурительной. Два месяца, февраль и апрель, экспедиция провела в Южной Африке и в какой-то момент оказалась в гуще тамошней революции.[152] «Они размахивали красным флагом и провозглашали советское правительство», — сообщала Кларе Агата тоном, каким можно было бы описывать номер в концерте мюзик-холла. Памятуя, что страх следует презирать, она не впала в панику (в отличие от Клары, которая вполне могла запаниковать, читая ее письмо), когда в Претории миссия оказалась в ловушке. Было объявлено военное положение, взрывались бомбы, перестали ходить поезда, но Агата сокрушалась только о том, что «из-за этих беспорядков» может «не увидеть водопад (Виктория)».

Экспедиция покинула Африку в мае, отправившись в Австралию, затем на Тасманию, а в июле — в Новую Зеландию. В августе всем был предоставлен отпуск, который Агата с Арчи провели на Гавайях (это сильно разозлило Белчера, несмотря на то что поездку оплатили они сами). В сентябре и октябре миссия ездила по Канаде, проведя по два дня в Виктории, Калгари, Эдмонтоне, Реджайне, Виннипеге и Торонто. Кульминацией стало посещение Ниагарского водопада. Из Оттавы Арчи отправился дальше на север с Белчером и его секретаршей Бейтс,[153] а Агата — на юг, в Нью-Йорк, погостить у своей тети Кэсси. «30 ноября едем домой!» — писала она Кларе, так словно не могла дождаться возвращения.

В сущности, это было не столько путешествие, сколько утомительное светское действо, участием в котором приходилось платить за удовольствие. Бесконечная череда людей встречала миссию и время от времени присоединялась к ней. Агата вела для матери дневник их путешествия, и вот описание типичной недели в Южной Африке: вечер в обществе скучнейшей миссис Хайам, чей богатый муж был другом Белчера («…они привязались ко мне. Я глажу им одежду… сдаю и тасую за них, когда мы играем в карты»); днем — серфинг; осмотр музея в сопровождении его директора, который подробно рассказывал Агате о черепах первобытных людей («от питекантропов и далее»); поездка по фруктовым фермам («мне к тому времени порядком надоел вид сушеных фруктов — везде одно и то же, к тому же стояла невыносимая жара. Хайамы до того обессилели, что даже не выходили из машины»); открытие парламентской церемонии («на которую мы должны были явиться при полном параде»),

продолжившееся новыми сражениями с доской для серфинга («представляю, какое удовольствие можно получить, скользя по приливной волне в штормовую погоду»); прием в саду у архиепископа; восхождение на Столовую гору; партия в гольф пара на пару с другой супружеской четой; вечерний бридж… И так изо дня в день, изо дня в день…

Агата всегда была на редкость выносliва (сама она склонна была объяснять это тем, что в юности ничего не делала), и выносливость пригодилась ей, как никогда, в этой экспедиции, где требовалось без конца вести вежливые беседы, улыбаться, наряжаться и выказывать интерес к предметам, зачастую невыносимо скучным. «Светское общение не то, что требуется человеку каждый день», — написала она в «Автобиографии», добавив, что «порой оно может стать таким же разрушительным, как плющ, если бы он обвил тебя с головы до ног». А в этой поездке оно поглощало все ее время. Вот как она описывает, например, беседу с дамой — неустановленным членом королевской фамилии — на обеде в Доме правительства в Кейптауне: «Последовали пять чудовищных минут, во время которых мы с принцессой пытались поддержать разговор. Здесь, в Южной Африке, всем известно: максимум, на что она способна как собеседница, это: „О да…“. Потом Арчи взял принцессу на себя и успешно растормошил ее. Они с удовольствием выяснили, что оба ненавидят рано вставать и никогда не запоминают имен, при этом Арчи весело заметил: „Но вам, по роду вашей деятельности, это должно создавать массу неудобств“». Агата между тем пыталась найти общий язык с принцем, восхищаясь его «весьма дурно воспитанным силихем-терьером» и вежливо смеясь его определению оптимиста как «человека, который сбегает с чужой женой».[154]

Впоследствии Агата утверждала, что она патологически застенчива и ненавидит светские мероприятия и разговоры с незнакомыми людьми. Во время Имперского тура тем не менее подобной робости она не обнаружила, а однажды даже выступила с речью, «твердо следуя совету мистера Пекснифф: „Заботьтесь только о звучании, смысл придет сам собой“». В целом она показала себя как вполне «общественное животное». Разумеется, к тому обязывал долг. Она ведь представляла свою страну, миссию и мужа. Поэтому была предельно обаятельна, весела и благовоспитанна; приходилось — потому что за ней внимательно наблюдали. В статье кентерберийской (Южная Африка) газеты описывается «восхитительное импровизированное утреннее чаепитие», устроенное в честь Агаты: «На миссис Кристи, авторе нескольких пользующихся успехом детективных романов, поверх

марокенового платья кротового цвета была изящно накинута прелестная пестрая пелерина с воротником того же цвета, что и платье, на голове — маленькая фетровая шляпка в тон платью…»

Кроме всего прочего Агата была безмерно благодарна за то, что ее взяли в эту экспедицию, поэтому всегда оставалась исключительно любезной. Да и вообще она была человеком добродушным, не то что вечно жалующаяся миссис Хайам, — ведь еще в тринадцатилетнем возрасте Агата написала в «Альборе признаний», что постарается всегда находить «хорошее в любой ситуации». В столь долгом путешествии присутствие такого человека было большим утешением для остальных. Даже когда из-за страсти к серфингу у нее случился неврит — «я испытывала во всей руке что-то вроде сильной зубной боли», — она мужественно старалась не пропускать официальные мероприятия. «Сейчас приступы боли мучают меня гораздо реже», — писала она матери в промежутках между неизбывными ужинами, партиями в бридж и бесконечными разговорами.

Зато и вознаграждена она была за все это сполна. Агата путешествовала по миру с любимым мужчиной, и, как она сама потом напишет в «Человеке в коричневом костюме», это было восхитительно. «Мы прибыли! — сообщает она Кларе из Южной Африки 6 февраля. — Я даже не представляла себе, что здесь так много гор». Озеро Луиза было «самым прекрасным местом из всех, где мы пока побывали». Водопад Виктория оказался настолько красив, что «для меня невыносима была даже мысль об отъезде». На Замбези «мы видели улепетывавшего от нас крокодила, что нас страшно развеселило». Из Новой Зеландии: «Никогда в жизни не видела ничего красивее Уэллингтонской бухты». И так без конца. Свои восторги Агата изливала в многостраничных письмах Кларе, в которых, как прилежная школьница, старательно пыталась ничего не упустить.

> «Все австралийские пейзажи, которые я видела, немного отдают суровостью. Перспектива обычно голубовато-зеленая, иногда почти серая, а белые стволы голубых эвкалиптов производят совершенно другое впечатление; там и сям видны огромные купы деревьев, с которых была ободрана кора, они мертвы и превратились в деревья-призраки — совершенно белые, машущие белыми ветвями. Все это так… так первозданно… Если бы в таком лесу водились нимфы, их было бы невозможно разглядеть…»[155]

Агата не была мастером описаний природы, они у нее получались, как в этом письме, робкими и трогательно

старательными. Атмосферу места она умела дать почувствовать в своих книгах одной фразой, одной деталью, а вот в ее описаниях есть некая смутность, которая делает их неопределенными и слишком общими. «От природы она была на редкость ненаблюдательна», — писала она о себе в «Неоконченном портрете», и действительно, при том что ухо у нее было очень хорошее, видела она, следует признать, скорее воображением, нежели острым глазом, и, сочиняя эти письма, старалась закрепить память в словах (кроме того, она много снимала): ведь у нее едва ли был шанс когда-нибудь вернуться в эти места, а забыть их она не хотела.

И еще она хотела живыми донести их до Клары. Несмотря на материнское благословение, Агата испытывала чувство вины и пыталась смягчить угрызения совести тем, что держит Клару в курсе всего, чем занималась. Внешне это выглядело как вина перед Розалиндой — «моим маленьким Плюшевым Медвежонком», как они с Арчи называли дочь. «Я так много думаю о своей Крошке и скучаю по ней все сильнее и сильнее» — в таком духе Агата постоянно писала Кларе. «Моя детка, она такая сладкая. Умираю — хочу ее видеть. Арчи тоже». Самой дочери, в тот момент находившейся в Эбни у Мэдж (Москитика, как называла тетку Розалинда), Агата писала из Претории: «Подозреваю, что теперь ты больше всех любишь дядю Джима и тетю Москитика, но если кто-то спросит тебя „Кого ты любишь больше всех?“ — ты должна отвечать: „Мамочку!“». Это пролило елей на душу Мэдж, читавшей письмо Розалинде, поскольку та по малости лет сама читать еще не умела.

Однако, как всегда, главным образом чувства Агаты были устремлены к матери. Едва взойдя на борт «Замка Килдонан», она наспех нацарапала карандашом: «Милая мамочка, все очень удобно. Славная каюта, просторная. Мне очень нравятся мои фиалки. Береги себя, дорогая моя, *ведь я так* люблю тебя». Потом она посылала Кларе машинописные страницы своего «дневника» и массу фотографий: кенгуру, ананасовой фермы, двух чернокожих детишек, стоящих на голове, — на обороте снимка аккуратно написано: «Любимая мальчишечья забава»… Агату терзало то, что она так долго остается вдали от дома. «Если ты хочешь, чтобы я вернулась раньше, я приеду. Могу вернуться в любой момент». С ее способностью переживать материнские чувства даже более болезненно, чем свои собственные, она не могла не понимать уязвимость Клары, ее одиночество, страх старения, а потому старалась при любом удобном случае заверить Клару, что постоянно думает о ней. «Очень, очень, очень люблю тебя, бесценная моя мамочка». По прибытии в Южную Африку

Агата «купила корзиночку персиков, огромных, желтых, мы думали, что их там пять, но оказалось, что под верхними полно других — всего их было штук пятнадцать. Мы ели их в саду, обливаясь соком, и еще маленькие натальские ананасы по 50 южноафриканских центов за штуку…» «Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь. Вот уж полакомились бы мы с тобой на славу! Мамочка, милая, как это было бы чудесно».[156]

В мае она писала из Австралии, что река Тамар «в большей части своего течения очень похожа на Дарт, только пошире; вдоль обоих берегов тянутся крутые поросшие лесом склоны. Глядя на нее, я так тосковала по дому». Вероятно, так оно и было, но в то же время Агате очень хотелось сделать приятное матери. Она также уверяла мать (и Мэдж), что ее книги имеют успех: «Здесь меня ждали две пачки газетных вырезок из статей Джона Лейна, очень хороших, — писала она о „Тайном враге“. — Я и впрямь верю, что Томми и Таппенс ждет успех, так что о деньгах не тревожься».[157] Среди писем, которые Агата писала из Имперского тура, встречаются листки, имеющие отношение к скромным инвестициям, сделанным Агатой: «Китайские облигации: 4 по £2.5.0; 2 по £1.2.6…» С деньгами все еще было напряженно и тревожно. «Помни, что дома у меня на депозите лежит 200 фунтов, ты всегда можешь ими воспользоваться, если нужно, — писала матери Агата. — Очень рада, что тебе удалось достать инвалидную коляску для Монти… Чувствую себя ужасно оттого, что я так далеко, наслаждаюсь и пользуюсь всеми благами этой изобильной земли».[158]

Но Клара радовалась тому, что Агата счастлива, и с удовольствием читала ее восторженные письма. От зятя она тоже получила подарок из Гонолулу — «Кадры знаменитого фильма „Агата занимается серфингом“» — фотоальбом снимков, сделанных самим Арчи: Агата в купальном костюме (бедра чуть полноваты, но вид уверенный и привлекательный), Агата с доской для серфинга, Агата верхом на доске в море и, наконец, Агата «входит в аптеку за мороженым и содовой». На титульной странице альбома значилось: «Сценарий Арчибальда Кристи; продюсер Арчибальд Кристи; режиссер Арчибальд Кристи». Так Арчи тоже проявил заботу о Кларе («дорогой миссис Миллер»), пока они с Агатой целый месяц блаженствовали на Гавайях. Они не были там исключительно наедине друг с другом, предпочитая большую часть времени проводить в компании («лордов Суенфена и Сент-Обина», тоже членов загородного клуба, где Кристи играли в гольф), но отсутствие Белчера само по себе позволяло вволю наслаждаться свободой, плавать и заниматься серфингом. «В первые дни мы, купаясь, так обгорели, что просто умирали от

боли! Особенно Арчи…» Состояние здоровья Арчи вообще сильно ухудшилось из-за тягот путешествия и постоянных официальных мероприятий. В Гонолулу он «сильно простудился», а в Оттаве свалился с бронхитом и крапивницей в такой тяжелой форме, «… что почти кричал от боли и отчаяния. Все началось в Виннипеге: после посещения крупного элеватора он вернулся со слезящимися глазами и хлюпающим носом… Ужасно боюсь пневмонии. Весь день шел снег, а вчера поднялся дикий ветер. Нам обоим до смерти надоела эта экспедиция, и мы мечтаем вернуться домой». [159]

Арчи не хватало Агатиной стойкости. В начале путешествия, в январе, он ухаживал за Агатой, когда та жестоко страдала морской болезнью, потом вместе с ней метал на палубе кольца против четы бельгийцев («Все только и говорят: „Я слышал, вы обыграли этих даго![160] Великолепно!“»). Но по мере того как тур близился к концу, близились к концу и силы Арчи. Он не был «общественным животным».[161] Его слабым нервам и желудку требовалась передышка.

В мае миссия отправилась морем в Аделаиду. Агата написала матери, что морская болезнь мучила ее всю первую половину пути, но остаток его она «…провела довольно весело. На борту оказалось несколько молодых людей, и мы каждый вечер играли в какие-то глупые игры или танцевали, а в последние три вечера то капитан корабля, то кто-нибудь из старших офицеров устраивал для нас званый ужин, так что мы ложились не раньше трех часов ночи. Мне это очень нравилось (нужно ли говорить, что Арчи, как обычно, ровно в 10.30 покидал нас, но, к счастью, не имел ничего против того, чтобы я продолжала веселиться, хотя меня это изумляло). Кроме того, мы организовали джаз-банд, а также развлекались с огромными воздушными шарами — все молотили ими друг друга по голове…»[162]

На это Клара, конечно же, сказала бы: «Помни, Агата, мужчину нельзя надолго оставлять одного. Не игнорируй мужа. Держи его всегда на первом месте».

Как-то вечером, в Сиднее, Агата ужинала в отеле одна — Арчи был на какой-то официальной встрече, — когда к ней неожиданно подошли некий майор Белл и его сестра Юна. Вся миссия была тут же приглашена к Беллам в Квинсленд, однако сразу никто поехать не смог, так как на это время были уже запланированы другие мероприятия, поэтому решили, что Агата погостит у Беллов неделю одна, после чего мужчины к ней присоединятся. Отправились на следующий день. «Мы прибыли

около десяти часов вечера, проехав завершающие пять миль на машине, и я очутилась в доме, полном высоких энергичных девушек, жаривших омлет на открытом огне и разговаривавших все одновременно!»

Беллы, которым принадлежала солидная часть Квинсленда, «чем-то напоминали королевскую семью», как написала Кларе Агата. Сестры отнеслись к ней как к своей. Она помогала им организовывать любительский концерт, сама спела на нем, вызвав бурю оваций, и вообще от души наслаждалась их восхитительным обществом. Они напоминали ей радостно уверенных в себе сестер Луси («Они, как любят говорить Луси, „из наших“ — я в первый раз встретила здесь таких!»). И так же как в свое время у Агаты был весьма серьезный роман с Реджи Луси, теперь «роман» случился у нее с одним из братьев Белл — Фриком. «Именно Фрику я отдала свое сердце», — писала она в «Автобиографии». Много лет спустя сын Фрика Гилфорд будет проектировать для Агаты новый дизайн дома в Гринвее и станет близким другом и самой Агаты, и Розалинды.[163] «К моменту отъезда я чувствовала себя в их доме совершенно своей! И мне было очень грустно расставаться с ними. Мы покинули Брисбен на следующий день и 29-го отплыли в Новую Зеландию. Арчи страшно простудился и совершенно обессилел…»

Но, повествуя о том, как она «отдала свое сердце», или как играла в воздушные шары на палубе до трех часов утра, или как некий молодой человек, наблюдавший, как она катается на доске для серфинга, «подловил» ее своим фотоаппаратом, она не имела в виду ничего, кроме безобидного удовольствия. Для нее не существовало никого, кроме Арчи. Все ее флирты были сродни флирту Энн Беддингфелд с «сильным молчаливым» полковником Рейсом, которого Энн находила по-своему привлекательным, что ничуть не влияло на ее влечение к Хэрри Рейберну. Видимо, поэтому Агата и не обратила в Новой Зеландии никакого внимания на женщину, которая во время поездки на озеро Каньери «явно увлеклась Арчи» и настояла, чтобы он ехал в ее машине. Агата и Арчи были мужем и женой, любили друг друга — остальное не имело никакого значения.

> Что за странный звук сухой?
> Это хрустнул под ногой
> Лист увядший, побуревший…[164]

В следующей книге, «Тайна замка Чимниз», Агата снова рисует портрет веселой и страстно влюбленной четы.

«— Брак, такой брак, какой я имею в виду, был бы самым захватывающим приключением из всех возможных.

— Мне это нравится, — с готовностью ответила Вирджиния».

«Чимниз» — пожалуй, самая радостная книга, когда-либо написанная Агатой. Комический триллер, опубликованный в 1925-м, он копирует «Пленника замка Зенда» и П. Г. Вудхауса, но обладает собственной неповторимой воздушностью. Его герой Энтони Кейд — высокий, стройный, дерзкий, страстный — еще одно воплощение Арчи. Героиня, Вирджиния Ревел, умна и очаровательна, у нее «восхитительный, не поддающийся описанию рот, один уголок которого едва заметно приподнят, что принято называть „печатью Венеры“». Политик Джордж Ломакс — искусно вылепленный монолит самомнения: «Не то чтобы я приветствовал появление женщин в политике — Сент-Стивенз[165] разрушен, до основания разрушен в наши дни. Однако в своей собственной сфере женщина может творить чудеса». Владелец замка Чимниз (весьма напоминающего Эбни) — одно из тех никчемных созданий природы, чье несчастье состоит в том, что они родились с положением в обществе; его неизбывная раздражительность тонко передана в книге. «Омлет, яичница с беконом, — перечислял лорд Кейтерэм, поднимая крышку за крышкой, — почки, дичь с пряностями, морской окунь, холодный окорок, холодный фазан. Ничего этого я не люблю. Тредуэлл, будьте любезны, попросите повара сварить мне одно яйцо».

Агата не имела особой склонности к юмору — глубоко в душе она воспринимала жизнь очень серьезно, — но «Чимниз» юмором так и искрится. «Минуту-другую все молчали. Суперинтендант Бэттл потому, что был человеком опытным и знал, насколько лучше сначала дать высказаться всем остальным, если, конечно, удастся уговорить их это сделать… Джордж — потому, что имел привычку говорить только по подготовленным ему заранее материалам». Вероятно, во время своего кругосветного путешествия Агата встречала политиков типа Джорджа Ломакса на тех бесконечных официальных обедах, где присутствовала вместе с Арчи, и с немым изумлением наблюдала их одержимость желанием контролировать мир.

Сегодня «Чимниз» назвали бы снобистской книгой. Почти все ее персонажи — представители высшего класса, а те, кто к нему не принадлежит, именно так и описаны. «Мне, разумеется, знакомо ее лицо — смутно, как бывают знакомы лица гувернанток, компаньонок или людей, сидящих напротив тебя в

поезде. Это ужасно, но я никогда к ним не приглядываюсь. А вы?» И когда впервые встречает Энтони при странных обстоятельствах, Вирджиния нервничает, обращаясь к нему за помощью:

> «— Простите меня, — сказала она, — но вы… я хочу сказать…
>
> — Итон или Оксфорд, — ответил молодой человек. — Об этом вы хотели меня спросить, не так ли?
>
> — Ну, вроде того, — призналась Вирджиния».

Сочиняя «Чимниз», Агата была слишком умиротворена, чтобы интересоваться классовыми вопросами, как будет делать позднее, хотя и не в той степени, какая удовлетворила бы самолюбие наших современников. В романе «Роза и тис», действие которого разворачивается в 1945 году, когда лейбористская партия одержала победу на выборах, она будет пристально вглядываться в «старые идеи» и размышлять об их ценности («Правящий класс. Руководящий класс. Высший класс… Все эти столь ненавистные теперь определения… Однако, признайтесь, что-то в них есть»), В книге «Час ноль», написанной в 1941 году, она демонстрирует явную симпатию к молодому человеку, презираемому «превосходящим» его по общественному положению окружением, потому что он беден и живет за счет своей наружности.

> «— Вы счастливы в своем маленьком, огороженном веревкой загончике, недоступном для остального стада, и смотрите на всех свысока. Вы смотрите на таких людей, как я, так, словно мы — животные, находящиеся по ту сторону ограды!
>
> — Простите, — сказала Мэри.
>
> — Но ведь это правда, разве нет?
>
> — Нет, не совсем. Мы, возможно, глупы и нам не хватает воображения, но мы не злобны. Я сама консервативна и — как вы, наверное, считаете, быть может, поверхностно, — самодовольна. Но знаете, в душе я на самом деле обычный человек.
>
> — Вы прелестное создание, — сказал он, — но вы ничего не знаете о тех животных, которые рыскают за пределами вашего маленького мирка».

Невозможно отрицать, что Агата жила в отгороженном мире, к коему принадлежала верхняя прослойка среднего класса, в том мире, где родилась. Тон писем, которые она слала из Имперского тура, — такой же, как тон «Замка Чимниз». Гостиничный номер в Сиднее «разит затхлым духом коммивояжера»; попутчица на

пароходе, идущем в Аделаиду, «простая женщина, но забавная, когда во время маскарада она появилась в образе „весьма фривольной хористочки“, мы с трудом удержались от смеха!». Могла Агата порой мимоходом бросить и ксенофобское замечание. «Какое это было облегчение — избавиться наконец от „Голоса Австралии“», — пишет она Кларе из Уэллингтона. «Новозеландцы, оказывается, такие же люди, как англичане». В «Чимниз» она так описывает богатого банкира Исаакштейна: «… он был одет в безукоризненно правильный английский охотничий костюм, который тем не менее сидел на нем нелепо. У него было жирное желтое лицо и черные глаза — непроницаемые, как у кобры». На самом деле Исаакштейн оказывается очень симпатичным персонажем. Еще более симпатичен еврей Себастьян Ливинн в романе 1930 года «Хлеб великанов»; этот персонаж — каких немало в романах Мэри Вестмакотт — отличается уверенностью в суждениях и представляет собой попытку неповерхностного исследования феномена антисемитизма. В любом случае легковесные высказывания, типичные для «Чимниз» («Как все даго, он не умел плавать»), можно объяснить лишь тем, что каждому классу в каждую эпоху свойственны свои предрассудки: в конце двадцатого века о члене парламента от партии тори могли отозваться с таким же презрением и так же мало нарушая при этом общепринятые правила приличия, как во времена молодости Агаты Кристи — об иностранце.

В «Тайне замка Чимниз» Агата достигла такого уровня простоты, какой доступен лишь в высшей степени сложной личности. Она создала мир, в котором мечтала бы жить сама: населенный людьми, стоящими чуть выше ее самой в общественной иерархии, людьми, воспринимающими жизнь легко, — такими, о которых суперинтендант Бэттл говорит:

> «Видите ли, большинство людей всегда оглядываются на то, что подумают соседи. Но бродягам и аристократам это безразлично, они делают первое, что приходит им в голову, и им все равно, что будут думать о них другие. Я не имею в виду только тех богачей, которые ничем не занимаются… Я имею в виду всех, кто наделен этим качеством от рождения, в ком оно воспитано поколениями: для них не важно ничье мнение, кроме их собственного. Когда бы я ни сталкивался с представителями высшего класса, они всегда были одинаковы: бесстрашны, правдивы и порой удивительно глупы».

Не такова Агата. Она была не бесстрашной, не всегда правдивой и слишком много пережила, чтобы быть глупой. А еще она была застенчива до такой степени, что об аристократизме и говорить не приходится. Быть может, именно от этой своей черты она временами мечтала избавиться, чтобы быть просто женой и матерью, вести жизнь счастливой женщины и ничего более.

(Сядь поближе, о сердце мое.
Я боюсь…
Твои губы…)[166]

ТАЙНЫЙ ВРАГ

«Ллойд-банк», Торки
16 марта 1926 г.
Ежегодно выплачивать клубу «Вентворт» £8.8.
Миссис А. Кристи
Стайлс, Саннингдейл, Беркшир.

Банковское распоряжение, подписанное А. Кристи

Что знал Родди о Мэри Джеррард? Ничего. Меньше, чем ничего!..
Это была старая история — бородатый анекдот Природы!

А. Кристи. Печальный кипарис

В 1943 году Агата написала третий роман под псевдонимом Мэри Вестмакотт — «Разлученные весной». Написала его очень быстро, поскольку сюжет давно жег ее изнутри.

Главный персонаж, Джоан Скьюдамор, женщина, прожившая всю жизнь в уютно-защищенном окружении, возвращается домой, в Англию, после визита к дочери в Багдад. Из-за плохой погоды поезд застревает посреди пустыни, и она на три дня оказывается предоставленной самой себе. За время, проведенное в одиночестве, вдали от цивилизации, она осознает, что ее брак, который она всегда считала безоговорочно счастливым, фальшив: ее муж, внешне преданный и респектабельный, многие годы любит другую женщину. Только оставшись одна в пустыне, Джоан понимает это. Она прочитывает знаки, которые, казалось бы, давно были ясны. Она видит наконец то, чего не видела прежде из-за душевной слепоты и чрезмерного самодовольства.

«…Презрительный мальчишеский голос Тони:
— Неужели ты ничего не знаешь о папе?
Она не знала. Ничего не знала! Потому что — это совершенно очевидно — не хотела знать».

Когда Агата и Арчи вернулись из Имперского тура, сойдя наконец на берег в Саутгемптоне 1 декабря 1922 года, их жизнь

оказалась труднее, чем предвидел каждый из них. Они догадывались, что их ждут проблемы, но идея перемен — или «риска» — будоражила слишком сильно, чтобы отнестись к реальности здраво. И вот они снова в холодном Лондоне, усталые и разбитые. Розалинда почти не замечала их возвращения («Хочу мою тетю Москитика»), Джесси Суоннел не поладила с Кларой и была заменена надоедливой новой няней, которую прозвали Куку («А теперь, малышка…»). Эксцентричное поведение Монти привело Клару на грань срыва. А Арчи, на месте которого в Сити, разумеется, уже сидел другой человек, не мог найти работу.

Вероятно, Арчи жалел теперь о том, что согласился участвовать в злосчастной экспедиции. Агата, которая в целом была в восторге от поездки и сумела сохранить свойственное ей жизнелюбие, оставалась с ним в Лондоне, пока он день за днем рыскал в поисках службы, хотя сам Арчи предпочел бы, чтобы они с Розалиндой не видели его в столь подавленном состоянии. «Когда у меня неприятности, я становлюсь нехорош. Терпеть не могу неприятностей». Агата отказывалась уехать к матери или Мэдж, памятуя, что мужчину нельзя оставлять одного, даже если он сам этого хочет. Ей и в голову не приходило, что она может извлечь пользу из своих стенографических навыков и бухгалтерских знаний и найти работу — замужние женщины ее круга не ходили на службу, — но, поскольку теперь Кристи не могли позволить себе прислугу, ей приходилось все делать по дому самой. «Я хочу в такой трудный момент быть рядом с тобой», — говорила она Арчи, хотя болезненно воспринимала его раздражительность и меланхолию, которые ее присутствие, казалось, лишь усугубляло. Этот период она впоследствии описала в своем вестмакоттовском романе «Бремя любви», где обаятельный молодой Генри, заболев, вымещает отчаяние на жене Ширли, которая тоже ни за что не желает покинуть его.

> «— Я не хочу оставлять тебя одного.
>
> — Мне все равно, хочешь ты этого или нет. Какая мне от тебя польза?
>
> — Похоже, никакой, — хмуро ответила Ширли».

Жизнь настигала Арчи. Зарубежный вояж и дань, которую пришлось заплатить за него здоровьем, унизительные поиски работы, сознание, что теща наверняка считает его несостоятельным мужем для ее дочери, непрерывное бормотание Куку в доме, сверлящий взгляд Розалинды, улыбающееся, но озабоченное лицо жены, и подо всем этим, глубоко на дне души, неутихающая память о смерти, крови и ужасах войны. Его нервы были обнажены, как свежие раны. В роду Кристи никто не

отличался надежным душевным здоровьем. Пег была крайне неуравновешенна, а ее младшего сына Кэмпбелла нашли мертвым на кухне, заполненной газом. Мужественная внешность Арчи, его обаяние и предельный самоконтроль позволяли ему скрывать свою уязвимость. Но это дорого ему стоило. Впоследствии одна знакомая описывала его как человека, «скованного путами изнутри».[167] Агата прекрасно отдавала себе отчет в слабости мужа — и даже находила ее неотразимо привлекательной, но теперь она больше всего желала, чтобы эта слабость не выходила наружу. Она страшилась его подавленности, потому что он очень плохо справлялся с нею — почти как маленький мальчик, который капризно требует, чтобы все вмиг стало хорошо. «Терпеть не могу, когда не получаю того, чего хочу». Она молилась, чтобы он поскорее нашел работу. В конце концов предложение поступило — правда, от фирмы с сомнительной репутацией. Тем не менее «это была работа, она приносила деньги, и настроение Арчи улучшилось». Закончились вечера, когда он сидел напротив нее за столом с напряженным бледным лицом, уставившись в тарелку с несъеденным ужином, когда нельзя было включать телевизор и даже радио, чтобы не отвлекать его от печальных мыслей («…остывшие угли лежат в очаге, где когда-то пылал огонь»[168]). Агата не могла не признаться себе, что это был сущий ад. Но теперь жизнь возвращалась к нормальному счастливому состоянию, о котором она мечтала. И ее работа — которая могла успешно идти лишь при этом условии — продвигалась отлично.

Агата освободилась от «Бодли хед» и заключила договор с другим издательством, «Коллинз», на гораздо более выгодных условиях. Довольно долго она сердилась на Джона Лейна, считая, что он воспользовался ее неопытностью, когда связал договором на пять книг. Во время кругосветного путешествия она бередила себе душу этими мыслями, подогревавшимися известием о том, что рассматривается вопрос о постановке пьесы Мэдж. «Похоже, литературные агенты могут быть весьма полезными», — раздраженно писала она Кларе. По возвращении она тут же отправилась в литературное агентство Хью Мэсси, которому Иден Филпотс рекомендовал ее еще в 1909 году, и на сей раз была принята там с распростертыми объятиями новым главой Эдмундом Корком. Он и не представлял себе тогда, как ему повезло, когда Агата Кристи переступила порог его конторы на Флит-стрит, однако отнесся к ней с глубоким уважением. Эдмунд Корк был истинным джентльменом, и притом человеком прямым и открытым — с таким Агата могла вступить в деловые отношения, и он действительно вел все дела Агаты до конца ее

жизни.

При всей своей мечтательности Агата проявляла твердость, когда речь шла о продаже рукописей. Корк это приветствовал и помогал ей писать лаконичные холодные письма, призванные освободить ее от контракта с «Бодли хед».[169] Но их твердость, несомненно, шла от самой Агаты: в конце концов, она ведь была внучкой своего делового деда Натаниэля и его жены Маргарет, которая всегда подчеркивала важность денег в жизни женщины («всегда держи в надежном месте пятьдесят фунтов в пятифунтовых банкнотах; никогда не знаешь, когда они могут тебе понадобиться»). В 1924 году «Ивнинг ньюс» предложила Агате пятьсот фунтов за право публикации с продолжением «Человека в коричневом костюме». Сумма глубоко потрясла ее мужа и сестру, но, разумеется, не мать. Приблизительно с того времени Агата начала сознавать, что писательство может приносить ощутимую пользу; теперь она знала себе цену и очень редко позволяла себе писать что-либо скорее из любви, чем ради денег.

Такой взгляд на литературное творчество едва ли можно назвать специфически английским. Все, в том числе сотрудники Би-би-си, были изумлены, когда Агата решительно отказалась признать за радиостанцией право платить меньше, чем кто бы то ни было. «Подход у нее исключительно коммерческий», — было ворчливо отмечено в служебной записке от 1948 года.[170] На самом деле Би-би-си не была структурой, близкой Агате по духу; Агата никогда не любила ничего, что контролировалось государством, но к тому же ей действительно не нравилось, что они мало платят. Время от времени она сотрудничала с радио Би-би-си, но в 1932 году, в письме к агенту с отказом сочинить цикл рассказов для радиостанции, она писала: «На них в самом деле много не заработаешь. Я не прочь иногда дать им рассказ-другой, но усилия, которые требуются на то, чтобы сочинить цикл рассказов, гораздо полезнее употребить на написание двух книг. Вот и все!» Таковой ее точка зрения будет всегда. Работала она много и взамен ожидала достойного вознаграждения.

Она помнила, как ее отец потерял миллеровское состояние исключительно по своему блаженному неведению, и как бы ни восхищалась она Фредериком, его аристократической беспечности в отношении денег разделить не могла. Она всегда понимала, что деньги обладают ценностью, не ограниченной лишь эквивалентом наличности. Интуитивно Агата была капиталисткой. Она разделяла мнение банкира Аластера Бланта из «Раз, два, три, туфлю застегни», что страной следует руководить исходя из тех же экономических принципов, которые

лежат в основе ведения домашнего хозяйства. Таков был образ ее мыслей, а те, кто презирал его как мелкобуржуазный, просто впадали, по ее мнению, в мечтательный инфантилизм. «Да, но как можно мириться с существующим порядком вещей? — спрашивает Аластера Бланта племянница. — Со всем этим расточительством, неравенством и несправедливостью? Что-то же надо с этим делать!» На что Блант отвечает голосом своей создательницы: «Мы в нашей стране прекрасно справляемся с этим, Джейн, все продумано».

Джейн Оливера богата — не в последнюю очередь благодаря Аластеру Бланту, — как и представитель высшего класса Дэвид Ангкателл из «Лощины», который тоже позволяет себе роскошь презирать своих родственников за отсутствие политических принципов. «Я должна поговорить с тобой, Дэвид, чтобы ты посвятил меня во все эти новые идеи», — говорит его кузина Люси. «Насколько я понимаю, следует ненавидеть всех и в то же время предоставлять им бесплатное медицинское обслуживание и массу льгот в области образования (бедные безответные дети, которых, словно стадо, каждый день гонят в школу)…» — разъясняет социалистические идеи Дэвида Мидж Хардкасл, которая, будучи работницей, на своей шкуре испытывает то, о чем Дэвид лишь рассуждает, она-то имеет все основания возмущаться — кстати, отнюдь не так непримиримо — своими праздными родственниками, почивающими на денежных мешках, которые надежно их защищают.

Деньги — центральный сюжет книг Агаты. Они способны вытеснить все иные соображения в головах ее персонажей. По убеждению и Пуаро, и мисс Марпл, они служат главным мотивом большинства преступлений: из пятидесяти пяти крупных детективных романов Агаты убийство из корыстных побуждений является основой сюжета в тридцати шести. Но деньги любят не только убийцы, а и такие милые девушки, как Таппенс или Джейн Кливленд из «Джейн ищет работу»;[171] умные женщины вроде Люси Айлсбарроу из «В 4.50 из Паддингтона»; очаровательные старые леди, такие как Дора Баннер из «Объявлено убийство», — все они одержимы деньгами. Недостаток денег становится доминантой всей их жизни. Несмотря на то что Агата, как принято считать, сама была одержима стремлением принадлежать к привилегированным классам, она с глубоким сочувствием относилась к тем, кто находится в отчаянном положении. «Мне нередко доводилось слышать, как люди говорят: „Я бы предпочел не иметь на столе ничего, кроме цветов, чем иметь еду, но без цветов“. Вот только часто ли у таких людей не бывает еды? — говорит Дора Баннер. — Они понятия не имеют,

каково это. Никто не поймет, что значит настоящий голод, пока не испытает его сам. Хлеб, банка мясного паштета да тонкий слой маргарина… И обноски».

С того самого времени, когда миллеровское состояние как ветром сдуло, у Агаты сохранился страх нищеты. Ее пугало даже воспоминание о том, как деньги, словно песок, просыпались у отца сквозь пальцы. Впоследствии в ее жизни тоже будут финансовые проблемы, к которым она постарается относиться свысока, но которые на самом деле приводили ее в неописуемый ужас; разница лишь в том, что у нее они возникали не по ее вине. Хотя Агата и любила тратить, но к деньгам всегда относилась с безоговорочным уважением.

И именно деньги изменили ее отношение к работе. Она больше не писала только потому, что ей это нравилось. Она стала профессионалом. И вот как это произошло. В начале 1924 года Агата подписала с издательством «Коллинз» договор натри книги, в соответствии с которым получила аванс по двести фунтов за каждую; благодаря Эдмунду Корку была повышена и ставка ее гонорара. Однако ей оставалось представить еще одну книгу «Бодли хед». Этой книгой была «Тайна замка Чимниз», вышедшая в 1925 году. Джон Лейн понимал (о чем говорил Корку), что Агата предпочла «Коллинз», поскольку там ей были готовы платить куда более существенные деньги. Нов «Бодли хед» тоже не хотели терять такого автора, как Агата, поэтому и они предложили ей новый контракт, однако Агата не считала себя ничем обязанной им, памятуя, как они воспользовались ее неопытностью. Она тоже не была лишена снисходительного величия Мэдж, которая появлялась на репетициях своей пьесы «Претендент» в уэст-эндском театре с видом герцогини («Вы весьма темпераментны, миссис Уоттс!»). Обе они, в конце концов, были леди с непоколебимым чувством собственного достоинства. С самого начала во всем, что касалось ее работы, Агата была абсолютно уверена в себе. Она презирала «Бодли хед», она «твердо — хотя и деликатно — направляла все действия Эдмунда Корка»[172] и всегда настаивала на своем во всем, что касалось аннотаций и обложек ее книг (в 1922 году у нее случился конфликт с издателями из-за обложки «Убийства на поле для гольфа», на которой жертва была изображена похожей «на человека в эпилептическом припадке, а поскольку мой герой никогда в жизни эпилепсией не страдал, это показалось мне… Они устроили страшную шумиху по этому поводу»[173]).

В 1924 году Агата на собственные деньги издала книгу своих стихов «Дорогой снов» под импринтом «Джеффри Блес». Раскупалась книга ничтожно, но Агате хотелось увидеть эти стихи

напечатанными. Она наслаждалась успехом; ощущение было новым и волшебным — словно тепло неожиданно появившегося весеннего солнца. В 1924–1926 годах Агата писала рассказы — не только для «Скетч», но и для других журналов, в том числе таких как «Гранд», «Новел», «Флиннз уикпи» и «Ройял». Впоследствии эти рассказы составили сборники «Пуаро ведет следствие», «Таинственный мистер Кин» и «Тайна Листердейла». Даже ее первый рассказ, «Дом красоты», который она сочинила, когда еще подростком лежала в постели, оправляясь после болезни, был напечатан в 1926 году. Что бы она ни написала, включая созданное давным-давно, похоже, было теперь востребовано.

На деньги, полученные за «Человека в коричневом костюме», Агата купила серый «моррис-каули». Ее восторг от этого приобретения невозможно осознать в полной мере теперь, когда путешествовать стало легко; тогда же Агата никак не могла поверить, что свободно может ездить в места, куда невозможно добраться пешком или на автобусе. Много лет спустя, в «Автобиографии», она с неугасающим энтузиазмом вспоминала восхищение, которое вызвало у нее обладание тем первым автомобилем (она могла сравнить его лишь с волнением, которое испытала позднее, будучи приглашенной в Букингемский дворец на ужин самой королевой).

«Моррис» был ее машиной. Уязвляло ли это Арчи? Ничуть. Более того, именно ему принадлежала идея ее покупки и именно он учил Агату водить. С чего бы ему чувствовать себя уязвленным? Предполагалось,[174] что он должен был испытывать раздражение, потому что его якобы все больше беспокоил профессиональный успех Агаты и независимый доход, который он ей приносил, а также растущий интерес к ее персоне. Но его собственная карьера тоже была в то время на подъеме. Друг, работавший в Сити, некто Клайв Белью, пригласил его на работу в свою австралийскую фирму «Острал девелопмент лимитед», что сделало Арчи «сразу же невероятно и совершенно счастливым», как писала Агата. Теперь он занял достойное место в финансовом мире, к которому определенно тяготел. Все стало хорошо. Деньги больше не были проблемой. Агата получала хоть и нерегулярные, но значительные суммы; Арчи зарабатывал около двух тысяч в год, и, разумеется, даже Клару это должно было удовлетворять.

Но радость Арчи приносила не только новая служба. Он пристрастился к гольфу. Агата сама приобщила его к этому занятию после войны, когда они проводили выходные в Восточном Кройдоне, и с начала двадцатых на всю оставшуюся жизнь гольф стал для него образом жизни. Он играл каждые выходные, используя малейшую возможность, на любом

ближайшем поле, а после того как класс его игры вырос, перебрался в Саннингдейл. «Я мало-помалу… превращалась в то, что называют „гольфной вдовой“», — сухо заметила Агата в «Автобиографии». А в «Неоконченном портрете» она не может скрыть чувства утраты: «Раньше мы всегда проводили выходные вместе, ты и я». Он в ответ лишь терпеливо успокаивает ее:

> «— Это вовсе не значит, что я тебя не люблю. Я люблю тебя так же, как прежде. Но мужчине нужно иметь какое-то занятие, общее с другими мужчинами. И ему необходимы физические упражнения. Если бы я хотел проводить время с другими женщинами, тогда тебе было бы на что жаловаться. Но я никогда не хотел, чтобы меня беспокоила какая бы то ни было женщина, кроме тебя. Я ненавижу женщин. Я всего лишь хочу играть в почтенную игру с другими мужчинами. Думаю, ты ведешь себя неблагоразумно».

Да, возможно, она была неблагоразумна…

Проявилось это и в том, что Агата согласилась жить в Саннингдейле. Ей хотелось на время покинуть Лондон, но Арчи согласился бы переехать только в такое место, где есть хорошее поле для гольфа. Как и Энн Беддингфелд из «Человека в коричневом костюме», Агата сдалась ради собственного душевного спокойствия: «Ничто не доставляет женщине большего наслаждения, чем делать то, что она не любит, ради того, кого любит». Конечно, темные леса на границе Суррея и Беркшира не были в ее представлении идеалом природного ландшафта. Ей, выросшей в Девоне, привыкшей по утрам видеть золотисто-розовые холмы и сияние моря, Саннингдейл казался тесным и фальшивым. Но Арчи был воспитан совершенно иначе. Он никогда не жил на просторе, в обстановке спокойной величавости, и ему нравилась комфортабельная атмосфера графств, окружающих Лондон. Он прекрасно ладил с тамошней публикой — служащими из Сити, одним из которых и сам теперь стал. А для Агаты они были чужими, опасливо сходящимися друг с другом людьми, с какими ей прежде не доводилось общаться. Как же они отличались от тех семей, которые она знавала в Торки, — устраивавших веселые сборища на лужайках возле своих вилл с облупившейся краской и старой доброй мебелью!

Кристи нашли квартиру в доме под названием «Скотсвуд» — типичном для Саннингдейла эклектичном сооружении в псевдотюдоровском стиле, с портиками и полудеревянными конструкциями. Скрытый за деревьями дом стоял в конце

короткой аллеи, в глубине одной из тщательно ухоженных улиц. По вечерам, с освещенными разнокалиберными окнами, он производил причудливое впечатление. Но квартира стоила всего чуть-чуть дороже, чем Эдисон-меншн, и это решило дело. Агата принялась декорировать свой новый дом. С обычным для нее творческим энтузиазмом дизайнера по интерьеру она развешивала занавески с разными цветочными узорами: тюльпаны — в столовую, лютики и ромашки — в комнату Розалинды, синие колокольчики — в главную спальню («выбор оказался неудачным» — они выглядели «серыми и безжизненными», потому что в комнату почти не заглядывало солнце). Как маленькая девочка, в утешение себе она написала «Балладу о лесном колокольчике».

Делая все, чтобы Арчи было хорошо, она чувствовала себя счастливой. Ее снова довольный жизнью муж был тем единственным человеком, с которым она хотела быть. «С момента возвращения из кругосветного путешествия мы прошли через столько невзгод, что казалось чудом вступить в этот безмятежный период». Все было на своих местах: ее собака, ее дочь, ее работа, ее мужчина. Даже Клара, которой исполнилось семьдесят; была с нею, поскольку делила свое время между Эшфилдом и домами дочерей. Приезжая к Агате, она жила в том же «Скотсвуде», в другой квартире на том же верхнем этаже. «Выходя в сад рано утром с Обри, следовавшим за ней по пятам, Селия чувствовала, что жизнь стала почти идеальной. Не было больше грязи, пыли и тумана. Это был Дом…»

Первой книгой, которую Агата написала для «Коллинз», была книга, навсегда изменившая ее репутацию; весь 1925 год прокручивая в голове идею нового романа, она, безусловно, уже знала, что ее ждет победа. «Убийство Роджера Экройда» — высочайший образец детективного жанра. В основе романа лежит самый изящный из всех возможных приемов — рассказчик в конце концов оказывается убийцей. Этот прием не просто сюжетная функция, он ставит всю концепцию детективной литературы на каркас и создает на нем новую, ослепительно великолепную форму. Идея не была совершенно нова — Агата пробовала играть с ней и прежде, когда частично сделала рассказчиком сэра Юстаса Педлера в «Человеке в коричневом костюме». Это даже не была полностью ее собственная идея, поскольку предложили ей ее одновременно и Джеймс Уоттс («А почему бы не сделать убийцей Ватсона?»), и — в гораздо более определенной форме, что важно, — лорд Луи Маунтбаттен, который не просто подсказал прием, но и точно объяснил, как его

использовать.[175] Агата очень редко принимала советы относительно будущих сюжетов — хотя на протяжении своей писательской карьеры получала массу предложений, — но здесь поняла: вот идея, заслуживающая того, чтобы ее «присвоить». И только Агата могла воплотить ее в такой полноте. Только она обладала необходимым самоконтролем, готовностью и умением полностью самоустраниться в эпизодах, написанных «от автора», и позволить сюжету заиграть во всей своей чистоте.

«Художник — всего лишь линза, сквозь которую мы видим природу, и чем чище, чем прозрачнее эта линза, тем более совершенна картина, которую мы сквозь нее наблюдаем…» Так писал Агате Иден Филпотс еще в 1909 году. Форма, в которой Агата воплотила его совет, была, вероятно, не совсем такой, какой он от нее ожидал, поскольку видел в Агате будущую романистку в духе Флобера. Но она действительно использовала флоберовские принципы в своих детективных повествованиях. В «Роджере Экройде» она впервые обнаружила органичное для нее качество полупрозрачности письма, способность контролировать каждую фразу и при этом сохранять свободное дыхание речи. Агата ничего не навязывает и ни единым своим атомом не вклинивается между текстом и читателем. Ее слово передает точно и только то, что требуется, хотя это вовсе не означает, будто за ним не стоит ничего, кроме того, что есть на странице. Ее слово владеет тайной простоты. Оно — проводник сюжета, тоже обычно исключительно простого. А вот ее сюжеты — проводники авторского представления о персонажах, которые как раз весьма сложны.

Надо признать, что в «Роджере Экройде» персонаж еще не так важен, как это будет на пике ее творчества, в том, что написано в 1935–1950 гг. К тому времени она до конца поймет, как объединить персонаж с сюжетом и заставить сюжет безукоризненно служить выявлению сути персонажа. Например, такой роман, как «Пять поросят» — один из ее лучших, — это загадка, которая разрешается через постижение сложности человеческой натуры. Захватывающий процесс и захватывающая книга. Красота «Роджера Экройда» — иного свойства, она напоминает бриллиант, чья огранка совершенна и все грани которого сверкают. Каждая линия, каждый угол ведут к разгадке. Сюжет строится не линейно, не как история, имеющая начало, середину и конец, а как архитектурная конструкция такой формы, которая во всей своей многомерности открывается лишь в конце. Это сделано мастерски, изысканно. И хотя книга являет собой скорее остроумное математическое упражнение, нежели полнокровный роман, она тем не менее не лишена глубины.

Характер рассказчика, доктора Шеппарда, смутен, поскольку он по определению молчальник. Однако его скрытность перерастает в ощущение неискренности человека, чей исключительный самоконтроль призван скрыть чувство вины и горя, ни за что не позволяя им выдать себя. «Я давно утратил качество, которым обладал, — эластичность», — говорит он. А его сестра, которая знает о нем больше, чем ему хотелось бы, говорит Пуаро, что ее брат «жидкий как вода. Ты слабый, Джеймс… А при твоем дурном воспитании одному Богу известно, в какую беду ты мог теперь попасть». Это «ключики», они же — «правды». В конце книги Шеппард кончает самоубийством, чтобы избавить сестру от страданий. Его последние слова, когда он неожиданно переходит от высокого к низкому, суровы и при этом непритворны:

> «Не то чтобы я чувствовал свою ответственность за смерть миссис Феррарс. Ее кончина была следствием ее собственных деяний. И мне не жалко ее.
>
> Мне и себя не жалко.
>
> Что ж, пусть будет веронал.
>
> Но я хотел бы, чтобы Эркюль Пуаро никогда не отходил от дел и приехал бы сюда, чтобы выращивать кабачки».

Как Агата превратилась из любительницы, «пробующей и то, и другое, как все», в создательницу такой удивительно искусной книги? Постепенно. Благодаря уму, интуиции, уверенности в себе, куражу. Благодаря тому, что полагалась на собственные суждения о том, что позволит ей достигнуть цели в работе. Благодаря тому, что голова ее не была загромождена заимствованными идеями, а воображение работало естественным образом и настолько свободно, что она могла позволить себе ради удовольствия упражнения по его ограничению. В сущности, она находила разнообразие в том, чтобы удерживать его в границах жанра. Хотя построение детективной истории работа нелегкая, в том, чтобы соблюдать дисциплину, была особая радость. Агата руководила своим мозгом как хорошо организованным институтом. Подобно Люси Айлсбарроу из романа «В 4.50 из Паддингтона», она начищала серебро, скоблила кухонный стол, готовила испанский омлет с овощами, оставшимися от обеда, и при этом жила в мире, где до всего можно докопаться, отыскать все мотивы, разгадать все двусмысленности. Где тайны подчинялись ей.

В романе «Карман, полный ржи» Агата описала дом жертвы убийства:

> «Место, жеманно названное „Тисовой сторожкой“, было из тех грандиозных домов, какие богатые люди строят себе, а потом именуют „своими деревенскими домиками“. Да и расположено оно было отнюдь не в деревне, как понимал это слово инспектор Нил. Это было большое сооружение из красного кирпича… со слишком большим количеством портиков и несчетным числом окон с освинцованными рамами. Сад имел в высшей степени искусственный вид — распланированные клумбы, пруды и огромное количество аккуратно подстриженных тисовых кустов — в оправдание названия усадьбы».

Это воспоминание о доме в Саннингдейле, «Стайлсе», как они с Арчи переименовали его, доме, куда они переехали из «Скотсвуда» в начале 1926 года. «Тисовая сторожка» — декорация из того же пригородного пояса. «Бейдон-Хис был почти полностью заселен богатыми людьми из Сити. С ним существовала отличная железнодорожная связь, он находился всего в двадцати милях от Лондона, и туда было относительно нетрудно добраться на машине».[176] Было в нем также «три знаменитых гольфных поля». В Саннингдейле их было два, включая незадолго до того открытое клубом «Вентворт», куда Агата вступила с обязательством платить ежегодный взнос, почему и имела право играть там по выходным.

Несмотря на весь авторский самоконтроль, она не смогла избавить «Карман, полный ржи» от мрачной атмосферы, которая исходила от самого места действия и фешенебельной, вульгарной, «очень неприятной публики», которая его населяла: безжалостного деятеля из Сити, его сексуальной молодой жены, а также ее любовника тунеядца, с которым она знакомится, когда делает вид, что играет в гольф. Агата с трудом скрывает свою неприязнь к Бейдон-Хис. Такие же чувства она испытывала к Саннингдейлу тридцатью годами раньше, хотя поначалу ей доставляли огромное удовольствие прогулки среди деревьев и ощущение свежего воздуха на лице, хотя на самом деле в Саннингдейле было столько автомобилей, что воздух там можно было назвать спертым по сравнению с овеянным свежими горными ветрами Торки. Арчи предложил купить вторую машину — что-нибудь шикарное, вроде «дилейджа», поскольку их финансовое положение продолжало улучшаться. На это Агата возразила: она предпочла бы завести второго ребенка. Но Арчи, в свою очередь, ответил: у них еще куча времени (хотя Агате было уже почти тридцать пять), и вообще никто другой ему не нужен,

поскольку Розалинда — «идеальный» ребенок. Они купили «дилейдж».

Быть может, Агата надеялась, что второй ребенок — сын? — пробудит в ней материнский инстинкт, все еще дремавший. Быть может, это будет «ее» ребенок, поскольку Розалинда, безусловно, была папиной дочкой.

«Джуди такая холодная, такая независимая — совсем как Дермот».[177]

Сам факт, что Агата могла так писать о собственной дочери, показывает степень ее отстраненности. Она ведь, в конце концов, знала, что Розалинда прочтет книгу и поймет: мать считает ее «абсолютной загадкой», исполненной «гнетущего» здравого смысла и почти отталкивающей любви к «грубым» играм своего отца. Но «Неоконченный портрет» был написан словно кем-то другим, кто был не в состоянии сдержаться, невзирая на боль, стыд и возможные последствия; полускрывшись за псевдонимом, Агата испытывала непреодолимую потребность излить правду, как она ее понимала, о том времени: о своем растущем тайном отчаянии и исподволь закрадывавшемся в душу чувстве отторжения.

> «У них было множество соседей, большинство имели детей. Все были дружелюбны. Единственная трудность состояла в том, что Дермот отказывался ходить в гости.
>
> — Послушай, Селия, я приезжаю из Лондона вконец измотанным, а ты хочешь, чтобы я одевался, куда-то шел и до полуночи не мог вернуться домой и лечь спать. Я просто не могу этого делать.
>
> — Ну не каждый вечер, разумеется. Мне кажется, что раз в неделю это не так уж страшно.
>
> — Хорошо, считай, что я не желаю. Иди сама, если хочешь.
>
> — Я не могу идти одна. Здесь супругов приглашают на званые ужины вместе. И мне странно слышать, что ты не можешь никуда ходить по вечерам, — в конце концов, ты ведь еще совсем молодой человек.
>
> — Уверен, ты сможешь объяснить, почему пришла без меня.
>
> Но это было не так-то просто. В деревне, как сказала Селия, было принято приглашать супругов либо вдвоем — либо никак… Поэтому она отказывалась от приглашений и они оставались дома: Дермот читал книги по финансовым вопросам, Селия что-нибудь шила, а иногда просто сидела, стиснув пальцы…»

Разумеется, это была не вся правда, а только ее неприглядная сторона. Агата вела успешную и наполненную жизнь: читатели обожали ее книги, ее семья была здорова и благополучна, у нее как у писательницы были хорошие перспективы. Другое оставалось почти незаметным со стороны. Агата это понимала, но за всем этим стояла Селия — робкая и сомневающаяся, не способная взять свою взрослую жизнь в собственные руки; отчаянно влюбленная в Дермота, но откровенная только с матерью («Только ей она могла сказать „Я так счастлива“ без оглядки на недовольный вид Дермота при этих словах…»).

Никто и предположить не мог, что в этой уверенной в себе умной статуарной (чуточку слишком статуарной к тому времени) женщине, чьи рассказы и фотографии печатал «Скетч», чье «Убийство Роджера Экройда» должно было вот-вот выйти и вызвать как бурный восторг, так и шумную полемику (существовало мнение, будто эта книга — надувательство, хотя на самом деле Агата играла честно), сидит Селия.[178] Селия пишет всего одну книгу, не детективную, эта книга — спонтанный выброс ее могучего воображения; профессиональной писательницей она не становится, а остается мечтательной, плывущей по течению девушкой. Она не взрослеет. «Это юное существо с ее скандинавской красотой не похоже на писательницу», — думает ее издатель: Селия остается юной не только эмоционально, но и внешне.

Таково было и внутреннее самоощущение Агаты — она все еще думала о себе как о прекрасной нимфе, которая в скользящем танце проплывает через Торки и попадает прямо в объятия мужа. Она — это Джейн из «Тайного врага», девушка «с ярким румянцем на лице»; она — Энн из «Человека в коричневом костюме», «сводящая мужчин с ума»; она — Флора из «Убийства Роджера Экройда», очень похожая на юную Агату своими «истинно скандинавскими золотыми волосами». Но придумала Флору женщина, которая, не перешагнув еще порога сорокалетия, выглядела дамой средних лет. Она не стала непривлекательной — фотографии запечатлели ее обаятельную улыбку, — но утратила свою особую красоту. Молодость и легкость, которые компенсировали некоторую мужеподобность ее черт, исчезли с рождением Розалинды. Вот почему она создавала очаровательных девушек, на которых некогда была похожа, и как бы ни было ей приятно писать эти образы, они вызывали глубокую душевную боль. Между тем Арчи оставался стройным, энергичным и привлекательным, как прежде. Быть может, Агате следовало больше заботиться о том, чтобы соответствовать ему. «Надеюсь, от этой ходьбы я стану стройнее», — писала она Кларе из Италии,

где они с Арчи отдыхали в 1924 году.

Тональность писем из Италии — восторженная и беспечная — весьма напоминает тональность эпистолярного дневника, который она вела во время Имперского тура: «Мы съездили в Милан, провели там среду и двинулись дальше, в Болонью…» Так же как во время тура, Арчи там заболел, «у него поднялась температура, он слег, а я посмеивалась над ним и говорила, что это все из-за печени!». Агата сообщала, что скоро они возвращаются домой. «У Арчи на первой неделе октября „Осенний турнир“ по гольфу…»[179]

Гольф становился ее кошмаром, хотя она старательно это скрывала. Казалось бы, в сущности, пустяк; она никак не могла поверить, что он может обрести такую важность: словно ее жизнь оказалась в полной зависимости от пересчитывания проходящих мимо поездов или замеченных воздушных змеев. Однако детский оптимизм, которым Арчи пытался маскировать свою страсть, был неуместен. Его одержимость только усиливалась. Агата не имела возможности пригласить на выходные гостей из Лондона, если те не играли в гольф, в противном случае Арчи сердился из-за потерянного для игры свободного времени. Это означало, что Агата, которая в будние дни видела мужа очень мало, часто оставалась одна и по выходным. Конечно, ей было чем заняться, она все больше времени посвящала обдумыванию своих будущих сочинений. Одним из них, опубликованным в ноябре 1924 года в журнале «Гранд», был «Коттедж „Соловей“».[180] Это история женщины, Алике, которая отвергает преданного поклонника, чтобы выйти замуж за человека, о котором ничего не знает и который, как она постепенно осознает, планирует убить ее.

В один из одиноких уик-эндов Агате приходит в голову своего рода выход. Нэн Поллок, сестра Джеймса Уоттса, была в то время замужем вторично, на сей раз за неким Джорджем Коном — гольфистом. Нэн и Агата испытывали друг к другу взаимную симпатию со дня свадьбы Мэдж. Теперь они могли сидеть и болтать, пока Розалинда и Джуди (той было на три года больше, чем Розалинде) играли в саду, или даже сами немного помахать клюшками на дамском гольфном поле, после чего вместе с мужьями посидеть и выпить в клубе. Агата спиртного не употребляла, хотя официальная версия о том, будто она была трезвенницей на протяжении всей жизни, не совсем верна: во время Имперского тура она время от времени с удовольствием позволяла себе бокал бургундского. Хотя продолжала набирать вес — что, возможно, вызывало недовольство Арчи, — она предпочитала стакан сливок пополам с молоком — любимый напиток ее детства, которым они с Нэн лакомились, бывало,

когда гостили в Эбни.

К тому времени Агата гораздо лучше ладила с Нэн, чем с сестрой, хотя ей было любопытно принимать Мэдж у себя в «Скотсвуде» в 1924-м, когда шли репетиции «Претендента». Несмотря на то что Агата была уже определенно более успешной писательницей, сестра продолжала одновременно восхищать ее и вызывать чувство соперничества. Она была так самоуверенна и так ошеломляюще обаятельна! «Глава пресс-службы попросил меня об интервью, — писала она своему мужу, — а я ответила, что не желаю быть знаменитой… Единственное, что я сообщила о себе, так это то, что являюсь сестрой миссис Агаты Кристи. Оказалось, что он просто в восторге от „Стайлса“ и прочел все ее книги! Так что, вероятно, в конце концов мы станем сестричками-куколками!» Подобное непринужденное великодушие — на которое сама Агата не была способна — раздражало еще больше, поскольку словно бы предполагало, будто своей известностью Агата обязана щедрости натуры Мэдж. Разумеется, они с Арчи присутствовали на премьере «Претендента». В некотором роде это даже забавляло — то, что они с Мэдж обе стали писательницами, — особенно когда стало ясно, что «Претендент» не шедевр, как ее пытались убедить заранее. Мэдж собиралась написать пьесу об Уоррене Гастингсе, однако, несмотря на энтузиазм ее режиссера Бэйзила Дина, этого так и не случилось. Агата, однако, это запомнила. В «Разлученных весной» Джоан Скьюдамор встречает старую школьную подругу Бланш и спрашивает — с некоторым сочувствием, — написал ли в конце концов ее муж книгу об Уоррене Гастингсе. Он написал, но она так и не была опубликована.

У Арчи с Мэдж были идеально дружеские отношения, хотя к середине двадцатых он, вероятно, чувствовал, что уже сыт по горло семьей Агаты. Монти продолжал всем доставлять неприятности. По возвращении из Имперского тура Арчи нашел своему шурину квартиру и предложил доставить его туда; дело кончилось тем, что вместо этого, поддавшись на уговоры, он отвез Монти в его любимый отель на Джереми-стрит, сказав Агате: «Ты знаешь, он так убедительно говорил». После этого Агата помогла Мэдж купить Монти коттедж в Дартмуре: Джеймса Уоттса всегда раздражало, что его жена не жалела денег, чтобы решать проблемы Монти, но Агата платила собственные, поэтому Арчи возражать не мог.

Между тем Клара лишь «при сем присутствовала», несомненно, одобряя покупку коттеджа. Она не жила в Саннингдейле постоянно, поскольку у нее был Эшфилд (и Эбни), а чтобы позволить ей сохранять чувство независимости, Агата

организовала для нее возможность останавливаться у друзей и в Лондоне. Но в «Скотсвуде» Клара бывала часто и в свои преклонные лета стала — как признавала даже Агата — «трудной в общении». Арчи и всегда-то было нелегко находить с ней общий язык. Он боялся, что будет ревновать Агату к ребенку, но дело оказалось вовсе не в этом: он ревновал ее к Кларе. Преданность Агаты матери, ее почти одержимость Эшфилдом, письма, которые она писала отовсюду своей «бесценной мамочке», — все это трудно было назвать обычным поведением взрослой женщины. А обожание, с каким Клара относилась к Агате, служило дополнительным раздражителем. Разумеется, Пег Хемсли точно так же относилась к Арчи (и ее присутствие в его жизни тоже было весьма заметным, поскольку она перебралась в Суррей и жила теперь в Доркинге). Разница заключалась в том, что Арчи не обращал на мать никакого внимания, в то время как Агата пребывала под материнскими чарами. Теперь Клара принялась руководить образованием Розалинды. Она была педагогом от природы, и Розалинда хорошо воспринимала ее. «Она знает и понимает свою бабушку, и бабушка любит и понимает Розалинду», — писала Клара из Эбни в начале 1926 года. Это не было таким уж вмешательством в их жизнь, но, с точки зрения Арчи, Клара с ее нервирующей проницательностью и пронзительным взглядом занимала в ней слишком много места.

> «— Я была не права насчет Дермота (говорит мать в „Неоконченном портрете“). Когда ты выходила за него замуж, я ему не доверяла. Не думала, что он будет честным и верным… Предполагала, что у него будут другие женщины.
>
> — О, мама, Дермот ни на что и не смотрит, кроме мячей для гольфа».

На это Мириам с улыбкой отвечает:

> «— Он очень привлекателен — привлекателен для женщин, помни это, Селия…
>
> — Он страшный домосед, мама.
>
> — Да, это везение».

И правда: кроме гольфа, Арчи никуда не хотел ходить. Он любил нормальную, упорядоченную семейную жизнь, мечтал о жене, которая всегда ободрит спокойным легким прикосновением. Агатин успех не слишком его беспокоил, хотя превзошел первоначальные ожидания обоих супругов, а для Агаты Арчи по-прежнему оставался на первом месте, даже если

сам он так не думал. Только поэтому она согласилась переехать в Саннингдейл, вступить в гольф-клуб и всерьез подумывала о строительстве дома неподалеку от него, хотя в душе мечтала распрощаться с этим тесным мирком любителей джина и поселиться там, где есть простор и вольно дышится.

«Погоди-ка, — Ширли прикрыла глаза и заговорила мечтательно: — Я хотела бы жить на острове — на острове, находящемся далеко отовсюду. Я хотела бы жить в белом доме с зелеными ставнями…»[181]

Арчи знал, о чем мечтает Агата, знал, что в ней есть безыскусность, несовместимая с Саннингдейлом. Он и полюбил-то ее за эту поэтическую мечтательность, хотя понять до конца не мог. Он увидел будущее блаженство и надежность в девушке, с которой танцевал посреди розовых камней Агбрука. Какой ласковой она была, какой умиротворяющей, когда он держал ее прохладную ладонь в своих руках! И какой красивой была его Элейн, стройная в своих длинных юбках, с пышной копной волшебно прекрасных светлых волос, ниспадавших по ночам только на его глаза («Ты прекрасна и совершенна во всех отношениях»)!

Но то, что он обожал в юной девушке, теперь стало вызывать смутное отторжение. Артистизм Агатиной натуры некогда находил выражение в смелой свободе выбора; теперь в ее пылкости, жажде жизни, ребячестве появилась некая неуправляемость («Дермот терпеть не может, когда ты откровенно высказываешь то, что чувствуешь. Ему это кажется несколько неприличным»). Агата 1912 года была той же, что и Агата 1926-го, но Арчи она казалась совсем другим человеком — более шумным, более крупным, менее красивым. «Когда красота уходит, труднее становится скрывать свою глупость». (Мгновенная вспышка памяти: «Никогда не теряй своей красоты, Селия, обещаешь?»)

«Да, но теперь это осталось позади. Они достаточно долго прожили вместе, чтобы такие вещи, как красота лица, утратили свое значение. Дермот был у нее в крови, а она — у него».

«Стайлс» не представлял собой того семейного очага, о котором мечтали Агата или Арчи, но они устали от квартиры в «Скотсвуде» и чувствовали, что пора покупать дом. План построить его на землях Вентворта ни к чему не привел, хотя, согласно Агатиной «Автобиографии», Кристи «в полном восторге, бывало, гуляли летними вечерами по Вентворту, присматривая место, которое нам могло бы подойти». Ощущение чего-то таинственного и восхитительного, столь свойственное Агате,

пышным цветом расцветало во время этих прогулок, когда она представляла себе будущий дом — ее дом. Но в конце концов оказалось, что строить слишком дорого (5300 фунтов) и сложно. Легче купить готовый дом, с хорошим садом для Розалинды и расположенный неподалеку от вокзала, чтобы Арчи было удобно ездить на работу. Поиски продолжались около года, прежде чем Кристи взяли ссуду под залог, продолжая не спеша искать то, что им действительно понравится. Найти идеальный дом не удалось, и купили тот, что Агата описала в «Кармане, полном ржи»: большой, красно-кирпичный, в стиле модерн, с освинцованными оконными рамами, напоминавшими маленькие черные глазки, зато стоящий под густой сенью деревьев.

Невозможно представить себе Агату живущей в таком доме. По сравнению с Эшфилдом — легким, волшебным, уютным — «Стайлс» был монументален, как крепость. «На его внутреннюю отделку денег, видимо, не пожалели»: стены были обшиты деревянными панелями, огромное количество ванных комнат и повсюду позолота. Кристи собирались все это поменять, как только появятся деньги. А вот снаружи ничего менять не требовалось. «Стайлс» был красив, но выглядел холодным и неживым. Во время войны в рощице позади него убили женщину. Агата ненавидела этот дом, Розалинда любила — за сад, Арчи был к нему равнодушен.

«Мне жаль, что вы вселяетесь в него, — писала Агате Клара из Эшфилда. — Он кажется полным непредвиденных тревог». Главной среди них была тревога о деньгах: Кристи жили не по средствам, содержа две машины и трех слуг. Еще у них работала Шарлотта Фишер, которую наняли присматривать за Розалиндой и исполнять обязанности секретаря-машинистки для Агаты. До того у Розалинды уже была прекрасная няня мисс Уайт, известная под именем Сайт, а также оказавшаяся бесполезной швейцарская гувернантка Марсель. Розалинда к тому времени посещала саннингдейлскую школу «Оукфилд», но Агате требовалась помощь в ее воспитании. Так появилась Шарлотта, или Карло,[182] как ее стали потом называть. Дочь эдинбургского священника, молодая, чрезвычайно умная, она была, как сказала одна из ее племянниц,[183] «чудесным человеком». Кое-какими ее чертами Агата наделила Кэтрин Грей из «Тайны „Голубого поезда“», романа, который начала писать после «Убийства Роджера Экройда». Кэтрин одновременно и рассудительна, и наделена чувством веселого юмора, хотя вынуждена зарабатывать на жизнь, работая компаньонкой. Шарлотте тоже приходилось иногда служить компаньонкой Кларе, что было непросто, но она умела обращаться с пожилыми дамами исключительно терпимо и по-

доброму. Она также смогла сразу завоевать безоговорочное уважение Розалинды и, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, прекрасно ладила с Агатой. Она была из тех людей, с которыми Агата чувствовала себя комфортно. Так же как Кэтрин Грей, Шарлотта была немногословна, больше слушала, чем говорила. Она умела враз оценить человека своим беспристрастным шотландским глазом и была исключительно предана хозяйке.

«Стайлс» Агата и Арчи купили вместе. Доход Арчи был, конечно, более стабильным, но и Агата зарабатывала неплохо. Существует мнение,[184] будто Агата была прижимиста и предпочитала тратить собственные деньги исключительно на себя и своих кровных родственников, а не делить расходы с мужем. Но даже если это правда — а так оно, вероятно, и было, если судить по случаю с покупкой дома для Монти, — это ничего не значило. В 1920-е годы было принято, чтобы дом содержал мужчина; никто не ожидал, что Арчи будет вести себя по-иному, и сам он, разумеется, не взял бы денег у жены без крайней нужды.

Во всяком случае, несомненно то, что собственные заработки давали Агате ощущение независимости. У четы Кристи был общий дом и ребенок, но во всем остальном их жизни сделались совершенно раздельными. У Арчи были гольф и друзья по Сити, такие как Сэм Джеймс, улыбчивый успешный бизнесмен, живший с женой Мэдж в Хартморе, неподалеку от Годалминга. У Агаты — Нэн, Карло, ее семья. Арчи любил сидеть на месте, Агата мечтала путешествовать. В 1925 году они отправились на отдых в Котрэ, в Пиренеях, где Агата жила в детстве с родителями; ее влекли туда счастливые воспоминания о тех днях, но Арчи, конечно, эта нависавшая над ним тень семьи Агаты не позволяла наслаждаться отдыхом, да он особо и не наслаждался. Так же как на борту корабля во время Имперского тура, он ложился спать в половине одиннадцатого, а Агата продолжала бодрствовать, посещала выступления мюзик-холла в Курзале, хотя и там мысли ее наполовину были заняты мужем. На следующий год она снова захотела куда-нибудь поехать, но Арчи решительно отказался, поэтому Агата ненадолго отправилась с сестрой на Корсику. Их отношения с Мэдж нельзя было назвать идеальными, но существовала сфера, в которой у них было полное взаимопонимание и которой Агата очень дорожила. Они могли бесконечно говорить друг с другом о прошлом, о Монти, о родителях, испытывали одинаковый восторг при воспоминании о той жизни, которую вели до замужества и которую решительно изменили материнство и заботы о доме. Для обеих облегчением было разделить друг с другом тревогу о Кларе, чье здоровье в

последнее время внушало опасения.

Первые месяцы 1926 года оказались для Агаты полными изнурительных забот. Семья переезжала в «Стайлс», Агата впервые покупала дом вместе с мужем, одновременно ждала обещанной в мае публикации «Убийства Роджера Экройда» и при этом сердцем постоянно рвалась к матери в Эшфилд.

Клара написала ей в феврале почерком уже не таким ровным, однако все еще твердым:

> «Пальто очаровательно и мне как раз впору. Я не чаяла дожить до момента, когда смогу надеть его, но теперь думаю, что доживу!!! Худшее позади, и сердце мое постепенно приходит в норму…
>
> Сегодня я сняла наконец ночную рубашку, надела белье, пеньюар (твой), широко открыла оба окна, не зажигая камина, и солнце полилось в комнату. Какой славный теплый день… У меня действительно чудесный день рождения. Мисс Батлер отправилась на моторном катере в Бриксхэм весьма довольная: я попросила ее пока остаться, и, похоже, ее это обрадовало. Я еще слишком слаба, чтобы искать садовника, а она отлично ухаживает за садом…
>
> Передай мою горячую любовь и преданность Арчи и Розалинде».[185]

Письмо мгновенно перенесло Агату в детство: упругий морской воздух, врывающийся в распахнутые окна, катер, курсирующий вдоль берега между Торки и Бриксхэмом, крики чаек, расчерчивающих небо, эшфилдский сад. Как ей хотелось вернуться назад, ускользнуть, укрыться!

По возвращении с Корсики она поехала пожить у матери, заболевшей тяжелым бронхитом: «Мама выглядела такой маленькой и жалкой. И такой одинокой в своем большом доме».[186] Эшфилд по-прежнему манил Агату неотразимо, словно песнь сирены. Окаймляющий участок газон нуждался в уходе, и комнаты стали обшарпанными, но ей это было совершенно безразлично, она любила этот дом и добрую умную маленькую женщину, которая жила в нем, с какой-то чрезмерной и неутолимой страстью.

Клара сузила свое жилое пространство до двух комнат, где они с Агатой вели разговоры, как мать и дочь из «Неоконченного портрета». В нем Мириам говорит дочери, что та кажется ей счастливой: «Я так хочу, чтобы ты была счастлива, дорогая моя». Она также признается, что была несправедлива к Дермоту: «Я просто ревновала и потому не хотела замечать его достоинств». А

потом добавляет: «Никогда не оставляй мужа надолго одного, Селия. Помни: мужчины склонны забывать…»

И Агата вернулась к Арчи, в мрачный Саннингдейл. В Эшфилде ее сменила Мэдж, которая в конце марта забрала мать в Эбни. Клара опять не выходила из своей комнаты, но казалось, что худшее позади. «Дорогая Агата, все идет по-прежнему, мне немного лучше. Здесь прекрасная погода. Я представляю себе, как вы все сидите в саду и Питер, милый проказник, роет лапками ямку. Передай мою любовь Розалинде… Ставила ли ты на Джека Хорнера?»[187] — спрашивала она в конце, имея в виду победителя Грэнд нэшнл[188] 1926 года.

Клара умерла 5 апреля, вскоре после отправки этого письма; Агата в момент смерти матери направлялась поездом в Эбни, чтобы навестить ее. В «Автобиографии» она пишет, что мать мечтала вырваться из «тюрьмы» своего стареющего тела и что ее, Агату, в тот миг пронзило Кларино чувство освобождения. Она рассказывает об этом трезво, с печалью и смирением.

В «Неоконченном портрете» Агата ближе подходит к правде того времени, когда пишет о своей «маленькой изящной мамочке…», которую всю жизнь считала «восхитительно самодостаточной… И вот мама ушла… Из-под мира Селии было выбито основание».

Однако даже это ни в коей мере не передает невыносимого чувства утраты, которое — в буквальном смысле — невозможно было выразить словам и. Вот почему каждое предложение заканчивается многоточием. Она не находит слов, чтобы закончить фразу.

Ее любовь к Арчи была любовью женщины к мужчине, она любила его страстно, порой до отчаяния; как бы ни скрадывала ее эмоции внешность дамы средних лет, чувства не угасали, продолжая жечь ее изнутри.

Клара же была любовью всей ее жизни. Именно Клара наполнила душу Агаты отвагой, искренностью, разожгла в ней собственный неукротимый огонь. Воспоминания об одинокой в своем Эшфилде матери, задремавшей у камина над Диккенсом, со сползшими на кончик носа очками, пробуждали в Агате дорогие ее сердцу, горькие, нежные чувства, которые, наверное, она должна была бы перенести на своего ребенка, но которые лишь заставляли ее чувствовать ребенком себя («Люблю, люблю, люблю тебя, моя бесценная мамочка»). Без Клары она осталась словно в пустыне — одинокая и беспомощная, как Джоан Скьюдамор из «Разлученных весной». Как ей было жить без всегдашней уверенности: что бы ни случилось, она может поехать в Эшфилд и побыть с мамой? Без ощущения беспредельного

покоя, полного погружения в атмосферу ласковой родственной близости, без этого озаренного улыбкой идеального единения. Мамина рука в ее руке. Кларин проницательный взгляд, которым она видела Агату такой, какая она есть на самом деле, и которому Агата представлялась почти идеальной.

«Как чудесно быть дома… Селия любила это ощущение — будто она шаг за шагом возвращается в былую жизнь, любила радостный прилив бодрости, который омывал ее, — здесь она чувствовала, что любима… Какое это отдохновение — быть самой собой… О, милый дом!»

А что теперь было ее домом? Неужели мрачная темница «Стайлса», где Агата должна стараться быть для Розалинды — девочки с холодными глазами — тем, чем Клара была для нее самой? Или все же по-прежнему Эшфилд, где память витала в опустевших комнатах, словно аромат роз?

Агата утешалась мыслью о возвращении Арчи из Испании, куда он отправился по делам. Он знает, как она любила мать. Он поможет ей выстоять. Он заполнит ту ужасную пустоту, которая образовалась внутри и вокруг нее в этом населенном тенями доме. От Розалинды никакой пользы: хотя смерть бабушки ее и опечалила, она была слишком мала и слишком сдержанна, чтобы выказывать сострадание. Карло сочувствовала Агате в своей исполненной достоинства манере. И еще пес Питер, чьи глаза, казалось, светились тем же пониманием, какое некогда она находила у Клары. Агата не расставалась с ним, будто его теплое шерстяное тельце вместило в себя всю любовь мира. «Мой маленький дружок и любящий утешитель в несчастье»[189] — так называла она его впоследствии.

Однако по-настоящему Агате был нужен Арчи. Ее мужчина, ее любовь. Как утопающий за соломинку, она хваталась за мысль о нем, когда, облекшись в траур, стояла, застывшая, у Клариной могилы. Вера в Бога была теоретическим утешением: мол, Клара теперь со своим Создателем. Но это почти не помогало тридцатипятилетней женщине, которой просто была нужна ее мама. Она хотела, чтобы именно Клара успокоила ее, как тогда, во Франции, тридцать лет назад, когда Агата безмолвно проплакала всю дорогу домой, а Клара, только взглянув на дочь, сразу все поняла: «Думаю, ей не нравится, что у нее на шляпе приколота бабочка».

И вот Арчи вернулся. Его шаги в вестибюле «Стайлса» прозвучали для Агаты музыкой («Теперь я знаю, что воспряну! Вернусь к восторгу и любви»[190]). Она больше не одна, рядом будет человек, который поймет ее и позаботится о ней. Агата забыла об очень важном свойстве характера своего мужа: он

всегда ненавидел чужие болезни и страдания, они делали его беспомощным. Вот и теперь от растерянности он напустил на себя бодрый вид. Все хорошо? Еще нет? Ну ладно, время лечит. Он предложил Агате поехать с ним в Испанию, где у него еще остались дела, — это позволит ей развеяться. Ну как?

Ее реакцией был ужас. Ведь это равносильно тому, чтобы бросить мать, забыть ее, что отчасти Арчи действительно имел в виду. Ревность, которую он испытывал к Кларе при ее жизни, никуда не делась. Горе Агаты казалось ему избыточным, неуместным. Интересно, так же ли горевала бы она о нем?

Предложение увезти ее отдохнуть он считал лучшим, что можно придумать в этой ситуации. Больше, по его внутреннему ощущению, он ничего для жены сделать не мог.

«В конце концов Селия легла в постель, продолжая держать его за руку, которую он с облегчением отнял, как только убедился, что она крепко спит».

Позже Агата признала, что неправильно вела себя с мужем. «У нас с Арчи впереди была вся жизнь. Мы были счастливы вместе, уверены друг в друге, и ни одному из нас даже в голову не могло прийти, что мы когда-нибудь расстанемся».[191] Ей следовало поехать с ним в Испанию, а заботы об Эшфилде — который теперь переходил в ее собственность и где требовалось разобрать вещи и навести порядок, — оставить на потом. Ей следовало лучше знать натуру человека, которого она любила.

«Моя мать оставила моего отца одного, — сказала Розалинда. — А бабушка всегда говорила, что мужчину оставлять одного нельзя».[192]

Итак, Арчи вернулся в Испанию, а Агата с Розалиндой отправилась в Торки, чистить фамильный дом. С имуществом — в том состоянии, в каком оно находилось, — надо было что-то делать, предстояло решать вопрос: продавать Эшфилд или нет. Что касается «Стайлса», то его они уже решили продать (не в последнюю очередь потому, что требовались деньги). Арчи должен был временно пожить в своем клубе в Лондоне, а после того как Агата закончит дела в Эшфилде, они собирались вместе поехать отдохнуть в Италию. Об этом можно было мечтать, и это стало той новой мыслью, которую начала лелеять Агата.

Дух Эшфилда сохранился, но теперь он пробивался сквозь запах сырости и упадка. Крыша провалилась, вода капала с потолков. Дом стал печален, хотя в каждом шкафу хранилась память о счастье.

«Ни у одного мужчины не было такой жены, как ты», — читаем в письме, которое Фредерик написал Кларе незадолго до

смерти. В одном из ящиков покоился ридикюль, на котором Клара вышила сплетенные инициалы Р и С и слова «Храни меня как печать на сердце твоем, ибо любовь сильна, как смерть».

Там же лежало письмо Клары к Агате: «Милая моя маленькая девочка, мама ждет не дождется, когда снова сможет поцеловать свою любимую сладкую горошинку. Тетушка-Бабушка шлет тебе свою горячую любовь… Скажи Джейн, чтобы она купила куропатку и приготовила ее тебе в горшочке на полдник или завтрак». И еще одно, от Фредерика: «Я слышал, что бабушка собирается заказать художнику твой портрет. По-моему, чудесная идея. Пожалуйста, обними бабулю и поцелуй ее за меня. Ты всегда должна быть добра и ласкова с ней, уверен, так оно и есть…» Эти вещи и письма напоминали засушенные цветы — вроде того эдельвейса, который Клара хранила со своего медового месяца, проведенного в Швейцарии, — когда Агата доставала их, они испускали аромат любви, вначале слабый, но становившийся все более насыщенным.

Дом превратился в подобие необозримого склада. Кроме тех двух комнат, в которых жила в последнее время Клара, он был плотно набит мебелью, сундуками, книгами, чемоданами. Вещи Маргарет Миллер тоже находились здесь с тех пор, как она переехала сюда из Илинга. В старом доме, когда жизнь вокруг перестала быть основательной, как прежде, она затосковала. Здесь было ее траченное молью бархатное платье от мадам Понсеро, отрезы шелка из «Арми энд нейви», ситцы для платьев прислуги, бельевые корзины, полные зараженной долгоносиком муки, тридцать шесть огромных оплетенных бутылей домашних настоек и наливок (пять из которых украли грузчики, к великой радости Маргарет), мешки сахара и упаковки масла, припасенные для будущих рождественских застолий, да так и не пригодившиеся. Письма, газеты, старый конверт, набитый пятифунтовыми банкнотами: Маргарет неукоснительно следовала собственному совету. Бриллиантовая брошь, засунутая в чулок. Погребальный венок Натаниэля Миллера из восковых цветов. Вот что пришлось разбирать Агате.

Когда человек умирает, его вещи теряют свою соотнесенность с определенным временем и начинают жить самостоятельно. Так было с одеждой Клары, купленной в расчете на то, что она будет носить ее по выздоровлении. Или с «Альбомом признаний», полным торжественных откровений семнадцатилетней девушки. Скромные поздние дары жизни. В какие-то, теперь уже утраченные, моменты каждая из этих вещей занимала в Кларином мире очень важное место. Возможно, было бы лучше, как советовал Арчи, сжечь их все разом.

Пока Агата вынимала платье за платьем из маминого гардероба, Питер сидел рядом, дружелюбно глядя на нее. Он взмахивал своим «шнуровым» хвостом при каждом ее движении и следовал за ней по пятам, сколько бы раз она ни ходила вверх-вниз по лестнице с коробками, наполненными шляпами, одеждой, книгами. Быть может, его непоколебимое желание не отставать от нее ни на шаг даже немного надоедало, но она не могла оттолкнуть его. Розалинда помогала матери таскать коробки, а в перерывах играла в саду. Агата понимала, что должна таить свое горе от дочери, и старалась, как могла, сдерживаться. Только пес видел его.

Агата расчищала Эшфилд с упорством одержимой, каковой она в некотором роде и была. По утрам ей помогала одна горничная, днем другая, но работы словно и не убывало. Мэдж не могла покинуть Эбни до августа. Присутствие Карло было бы утешением для Агаты, но у той были свои горести: Карло вызвали в Эдинбург, поскольку ее отец, как считалось, умирал и ей надлежало быть рядом с ним. Недели проходили одна за другой, одинокие, странные. «Роджер Экройд» вышел из печати. Летний сад буйно цвел. Снаружи было тепло и светло, а Агата сидела в доме среди семейных реликвий, все глубже и глубже закапываясь в прошлое, кучами громоздившееся вокруг нее словно земля из вырытой могилы. «Быть такой счастливой и не осознавать этого! — восклицает в „Лощине“ Генриетта, думая о доме, который любила в детстве. — Ах, если бы можно было вернуться назад!»

«Но вернуться назад невозможно, — понимает она. — Это единственное, что человеку сделать не дано: вернуться назад». Зато вскоре должен приехать Арчи — как раз к седьмому дню рождения Розалинды, 5 августа, и они вместе отправятся отдыхать в Италию («Любовь! И лето…»). Агата похудела и снова стала стройной, ему это понравится, хотя в то же время она была усталой и изможденной, потому что совсем не могла есть, несмотря на интенсивную физическую работу. Порой она даже не совсем понимала, что она, собственно, делает. Собирается продавать дом? Или оставить его? Закончит ли когда-нибудь разбирать вещи? Продать Эшфилд, не разобрав их все, комната за комнатой, иные из которых не отпирали уже несколько лет, она не могла. «Еще месяца полтора — и я закончу, — писала она в „Автобиографии“. — И тогда можно будет снова начать жить». Однажды, не сумев завести машину, она сорвалась и стала безудержно рыдать. «Это обеспокоило меня». Ее тревожило также то, что Арчи время от времени не приезжал в Эшфилд на выходные, хотя знал, что она не могла посещать его в лондонском

клубе, поскольку не с кем было оставить Розалинду. Он объяснял это тем, что не может приехать из-за всеобщей забастовки, к тому же это было бы пустой тратой денег, раз они все равно скоро увидятся. Агата подозревала, что он просто не хочет пропускать свой гольф. Эта мысль ее огорчала, поэтому она гнала ее от себя, но в голове неотступно звучал голос Клары, говоривший, что Арчи может быть безжалостным. «Селия думала: он не добрый… нет, не добрый…»

«Мощная волна одиночества накрыла ее. Ей стало страшно… Каким холодным сделался мир… без мамы…»

Но потом приходили воспоминания об Арчи в Эшфилде, бесконечно милые, дорогие. Вот он пыхтит на своем мотоцикле по Бартон-роуд. Встает ей навстречу в гостиной, когда она возвращается из Рукленда, что через дорогу. Поворачивается к ней в классной комнате наверху и говорит: «Вы должны выйти за меня замуж, вы должны!» Вот они бродят по саду, рука в руке, накануне рождения Розалинды, и он целует ее под ночным летним небом, перед тем как акушерка окликает ее и велит возвращаться в дом.

С той ночи прошло ровно семь лет, почти день в день, и вот Арчи вернулся в Эшфилд. Мэдж к тому времени уже приехала — она должна была присматривать за Розалиндой, пока они с Арчи будут в Италии, — и ее появление немного подняло дух Агаты. Когда Арчи вошел в дом, она заворачивала подарки для Розалинды ко дню рождения. Лишь взглянув на него, она поняла: что-то не так. Было похоже, что кто-то чужой вселился в него и смотрит на нее через его глаза. Он был похож на Убийцу из Агатиных детских ночных кошмаров, который явился в Эшфилд, притворившись на сей раз ее любимым, а на самом деле был чужаком, вознамерившимся кого-то убить. «Арчи какой-то странный — он не болен?» — спросила Мэдж. Может быть, подумала Агата. Вероятно, это даже рак. А может, стряслась беда на работе. Уж не с деньгами ли это связано? Потому что выглядел он почти как преступник, прячущий взгляд.

Оказалось, дело вовсе не в этом.

Арчи сообщил Агате, что не предпринял ничего, чтобы организовать их отдых в Италии. Она ответила — ерунда, может, это даже к лучшему, что они останутся в Англии.

Нет, не то.

— Помнишь ту брюнетку, которая была секретаршей у Белчера? Однажды они с Белчером гостили у нас на выходных примерно с год назад, и в Лондоне мы потом раза два с ней виделись. — Агата не помнила имени брюнетки, хотя понимала, о ком он говорит. — Нэнси Нил. Пока я жил этим летом в Лондоне

один, мы с ней встречались. Довольно часто.

— Ну и что? — спросила Агата. — Почему бы и нет?

Она испытала невероятное облегчение оттого, что это оказался не рак, не растрата, не что-то иное, что могло угрожать их с Арчи будущему. Всего лишь флирт. Конечно, это не то, чего она ожидала от своего серьезного мужа, которому всегда безоговорочно доверяла («Дермот и не смотрит ни на что, кроме мячей для гольфа»), но ведь бабушка предупреждала, что мужчины способны на подобные вещи, особенно когда остаются одни. Как же права была Маргарет! И как гадко со стороны Арчи флиртовать с какой-то девицей, когда жена, с которой он прожил двенадцать лет, переживает такой ад в душе! Но ведь известно, что он органически не переносит, когда кто-то рядом болен или несчастен. Она должна простить ему эту глупость. Да, на сей раз глупость совершил он.

Арчи тем временем продолжал говорить, речь его звучала раздраженно, и он чувствовал себя виноватым из-за того, что раздражается. А говорил он то, во что невозможно было поверить.

— Ты никак не поймешь. Я влюбился в нее и хочу, чтобы ты мне как можно скорее дала развод.

По просьбе Агаты Арчи остался в Эшфилде на Розалиндин день рождения, чтобы не портить девочке праздник, а на следующий день вернулся в свой клуб; его жена и дочь вскоре после этого уехали в «Стайлс». Отец Карло оказался болен не так серьезно, как предполагалось, и, откликнувшись на беду Агаты, Карло приехала из Эдинбурга. Присутствие этой стойкой и мужественной женщины немного скрасило Агате те тяжелые дни. По ночам утешение приносил только Питер. Сон не шел к ней, она бродила по коридорам мрачного, ужасного дома, оплакивая мать.

Любовь уходит прочь — в молчанье, в ночь.
Не удержать тебя, хоть был ты всех желанней.
Ты мир преображал одним своим дыханьем.
Но ты, как птица, улетаешь прочь.

Ушла любовь, ушла, но не прошла…
И нам осталось, затаив дыханье,
Прислушиваться к шелесту крыла.

Стихотворение «Любовь проходит» опубликовано в сборнике «Дорогой снов». Поскольку он вышел в 1924 году, можно предположить: уже тогда, еще до знакомства Арчи с Нэн, Агате приходило в голову, что Арчи ее больше не любит. Вероятно и

другое: быть может, она думала и о том, что сама разлюбила его.

Разумеется, стихотворение не констатация факта, хотя за пределами своих детективных сочинений (а иногда и в их пределах) Агата всегда писала правду.

Любовь прошла! Но тлеет уголек
На сердце, там, где был огонь живой.
Сгорая от желанья, мы с тобой
Стояли и робели, словно дети.
И грелись у огня, забыв про все на свете…

Надо признать, что Агата играла с подлинными чувствами, доводя свой страх до экзорцизма, до той точки, когда сама переставала верить в него. Должно быть, где-то глубоко-глубоко внутри она чувствовала это и размышляла об этом. При всей ее «несообразительности», каким-то уголком души она должна была почуять перемену. Описывая в прозе — в «Человеке в коричневом костюме», «Тайне замка Чимниз» — счастливую и безоблачную любовь или исступленную страсть между героями, напоминавшими Арчи, такого, каким она хотела его видеть, и Агатой, такой, какой она хотела быть, в стихах — «Любовь проходит», «Секвенция», — она в то же время предсказала собственное будущее.

Весна вернется вновь,
И зацветет миндаль…
Но о любви я плакать не устану.
Тропой любви нам больше не пройти.
Прощай, Любовь моя, минули наши дни

Но на самом деле она не думала, что дни четы Кристи минули: она играла с опасностью в своих книгах, играла порой почти с удовольствием, до тех пор пока правда не слетела с губ Арчи. Агата знала Нэнси Нил, та ей даже нравилась. Нэнси было двадцать шесть, она все еще жила с родителями в Херефордшире и работала в Сити секретаршей.[193] Ее ближайшая подруга Мэдж Фокс, с которой она училась в школе секретарей «Траянгл», что на Южной Молтон-стрит, впоследствии вышла замуж за друга Арчи, Сэма Джеймса. Вот так Нэнси и вошла в орбиту жизни Арчи Кристи.

Однажды, в 1925 году, когда гостила в выходные в Хартмор-коттедже, доме Джеймсов неподалеку от Годалминга, она застала там Арчи одного. Ему требовался партнер для партии в гольф,

поскольку Сэм не играл. А Нэнси играла, притом недурно. Со временем она познакомилась и с Агатой, которая даже сопровождала ее на танцы и приглашала приезжать к ним в «Стайлс» на выходные. Похоже, хотя точных подтверждений тому не существует, Нэнси по крайней мере однажды приглашение приняла. Согласно «Автобиографии», Арчи «возражал против того, что я ее приглашаю, потому что боялся, как бы это не испортило ему его гольф». Эту реплику, разумеется, можно трактовать двояко.

Агата предпочитала считать, будто Арчи не проявлял никакого особого интереса к Нэнси до апреля 1926 года, то есть пока не остался в Лондоне один: ездить в Эшфилд к жене он не хотел, поскольку не знал, как вести себя с ней, когда она пребывает в столь безудержном горе, а скука и одиночество привели его в объятия Нэнси. Как выразилась сама Агата, то, что ее не было рядом с мужем, «сделало его открытым для иных влияний».[194]

Той же точки зрения придерживалась Розалинда, чья преданность отцу была непоколебимой. «Он был совсем не такой. Они могли прожить вместе всю жизнь. Но моя мать уехала. Естественно, ему нужен был кто-то, с кем он мог играть, играть в гольф».[195]

«Ну, это великодушная интерпретация», — возражал единокровный брат Розалинды Арчи.[196]

Более циничная точка зрения состоит в том, что Арчи Кристи не желал принимать Нэнси в «Стайлсе» из-за интереса — мягко выражаясь, — который проявлял к ней: он считал неловким и бестактным, чтобы его жена оказывала ей гостеприимство в их супружеском доме.

Уже невозможно узнать, когда именно Арчи влюбился в Нэнси, а также была ли между ними любовная связь. Мэдж Джеймс «страстно утверждала», что Нэнси никогда не была любовницей Арчи. В 1980 году в одном письме она писала: «В те времена не было принято, как теперь, прыгать в постель, „едва успев снять шляпу“. Я была самой близкой подругой Нэнси и готова поклясться, что ничего подобного не было». Другой источник,[197] напротив, полагает, что связь между ними тянулась, то прерываясь, то возобновляясь, уже полтора года к тому времени, когда Арчи приехал в Эшфилд в августе 1926-го. Но это информация из третьих рук — от Джудит, дочери Нэн Кон, подруги Агаты. Вроде бы Арчи подробно рассказал о своем романе Агате, которая передала его рассказ Нэн — и то и другое крайне неправдоподобно, — а та подробно пересказала своей дочери (которой в то время было всего десять лет).

Согласно версии Джудит, события развивались так. Арчи спал с Нэнси с самого начала их знакомства в 1925 году. Летом он поехал в Котрэ с Агатой, порвав отношения с Нэнси. По возвращении, однако, роман возобновился, и Арчи вел двойную жизнь до августа 1926 года. Его страсть к гольфу на самом деле являлась прикрытием для встреч с любовницей, все выходные он проводил с ней и только с ней, а Джеймсы, знавшие, что он несчастлив с Агатой, предоставляли им убежище в Годалминге. Арчи отказался ехать на Корсику с Агатой, потому что хотел остаться с Нэнси. А в те месяцы, что он провел один в Лондоне после смерти Клары, их отношения окрепли.

Подобная версия событий совершенно ничем не подтверждается и не может считаться достоверной. Тем не менее что-то Нэн Кон могла знать. Она была полноправным членом саннингдейлского общества, а ее муж Джордж — другом Арчи: на фотографии, сделанной Нэн в 1926 году на гольфном поле, изображены Джордж и Арчи, а также Нэнси с несколько вызывающим видом. Разумно предположить, что какие-то сплетни ходили, хотя это вовсе не обязательно означает, что интимные отношения между Арчи и Нэнси действительно существовали. Люди скоры на суждения — особенно если в воздухе попахивает скандалом, — а в закрытых сообществах, коим, безусловно, являлся Саннингдейл, слухи растут как на дрожжах.

Однако тот факт, что в начале 1926 года Арчи решил купить дом вместе с Агатой, свидетельствует об отсутствии у него серьезных намерений расстаться с ней. Было бы безумием переехать из арендованной квартиры в большой дом, взяв огромную ссуду, если он намеревался развестись. Даже если на покупке дома настаивала Агата, Кристи к тому времени уже год, а то и больше, откладывали ее, прежде чем приобрели «Стайлс». Быть может, дело было просто в дружбе Арчи с Нэнси или он все же думал о ней, когда бродил по Вентворту с Агатой, притворяясь, будто планирует их новый дом? Впрочем, все это чистые домыслы. Сказать наверняка можно лишь то, что Арчи было бы куда проще оставаться в «Скотсвуде», пока не примет окончательного решения.

Более правдоподобно, что Нэнси понравилась ему с самого начала и в течение всего 1925 года между ними существовала близость, степень которой никому не известна. Конечно, Арчи не был счастлив во время отдыха в Котрэ — возможно, ему хотелось оказаться на поле для гольфа с другой женщиной, — но к 1926 году он решил, что его долг оставаться с Агатой и Розалиндой. Он был готов продолжать ту жизнь, которой они жили, но добавив к ней, вероятно, лишь любовницу на стороне.

Однако тем летом в Лондоне они сблизились с Нэнси настолько, что он захотел жениться на ней. В этом смысле Агатин анализ ситуации был верен. Очень может быть, что по-настоящему роман между Арчи и Нэнси начался именно в тот период, когда Агата жила в Эшфилде. Равно вероятно, что Нэнси, как Анна Болейн, потребовала, чтобы он женился на ней. Но какое-то давление на Арчи определенно было оказано, хотя он и сам — этого нельзя отрицать — желал быть принужденным, чтобы получить оправдание своего желания покинуть семью. Уход со сцены Клары, в результате которого Агата лишилась единственного человека, который сражался бы на ее стороне и мог пристыдить ее мужа, облегчил дело для Арчи, и он решился объявить о своем решении.

Как могла Агата столь долго ничего не замечать? Видимо, когда речь шла о реальной жизни, ее интуиция работала вовсе не так хорошо и быстро, как при сочинении книг. Так или иначе, предательство Арчи стало для нее ошеломляющим ударом — в этом никаких сомнений быть не может.

И все же из «Неоконченного портрета» становится ясно, что перемены в ее муже начались еще с момента рождения Розалинды: он постепенно становился замкнут, безразличен, холоден. Жизнерадостность Агаты, ее детскость раздражали его и казались неуместными в поведении взрослой женщины. Он был сдержан до такой степени, что это было хуже, чем невыдержанность, которую так ненавидела Агата. Такая отстраненность от жены, а равно и растущая одержимость гольфом могла указывать на то, что у него и раньше были другие, менее серьезные увлечения. И конечно, это отразилось в Агатиных стихах, вошедших в книгу «Дорогой снов». Никаких достоверных свидетельств неверности Арчи не существует, но интуиция подсказывала Агате, что их любовь умирает, что тот пылкий молодой человек, который вернулся с войны ничуть не изменившимся, уходит. «Я всегда буду любить тебя сильнее, чем что бы то ни было на свете, — написал он ей в 1914 году. — Ты так дорога мне, что для меня невыносима даже мысль о том, что ты больна или несчастна или у тебя нет того, что ты могла бы иметь»; «Когда-нибудь у нас будет свой дом, и это будет райское блаженство, и мы больше никогда с тобой не расстанемся». Она хранила эти письма, хранила до самой смерти. Это был тот Арчи, которого она когда-то полюбила, продолжала любить и которого все еще видела за мужчиной, смотревшим на нее теперь воровато, бегающим взглядом, означавшим, что он готов предать ее. Он отнимал у нее не только ту жизнь, на которую она надеялась. Он отнимал у нее все: тот танец в Агбруке, медовую ночь в «Гранд-

отеле» в Торки, страх, который она испытывала за него всю войну, ее страсть к нему и все те милые глупости, которые они писали друг другу.

> «С — это Ссоры, что кончаются так притворно-смиренно,
>
> И каждое примирение еще надежнее привязывает их друг к другу!»

Она, конечно, понимала, что в последнее время они уже не «влюблены» друг в друга, но в своей глуховатости к окружающему миру и в своей детской непосредственности не вполне адекватно воспринимала реальность. Созданный ею самой образ Арчи так глубоко впечатался в ее воображение, что она не способна была увидеть, насколько он несовершенен: ее красавец рыцарь Ланселот, обветренный и израненный, романтичный и нежный, на самом деле был всего лишь обыкновенным мужчиной. Так же как Элейн, Агата жила в мире фантазий. Потратив шесть лет на то, чтобы встроить своего вымечтанного Арчи в реальную жизнь, она играла — с полной серьезностью — в его жену. Она с любовью готовила ему еду, которую он не мог есть; сопровождала его в кругосветном путешествии, во время которого больше веселилась, когда его не было рядом; она пыталась «разделить» с ним жизнь, но, в сущности, не понимала его. Его уязвимость была более сложного и в то же время более банального свойства, чем она могла себе представить. Война оставила страшные рубцы на его сердце. Страх, который он испытывал во время беременности Агаты, свидетельствовал о том, как нужна была ему ее ни с кем не делимая любовь. У него были слабые нервы, и на протяжении 1920-х Агата лишь усугубила их состояние. Писательский успех придал ей уверенность, которая проявлялась в легковозбудимой болтливости, столь отличной от былой тихой безмятежности. Ее энтузиазм — по отношению к книгам, музыке, путешествиям, Девону — был чужд ему. А ее растущая независимость становилась угрозой, поскольку заставляла Арчи опасаться, что Агата может обойтись без него. Возможно, Агата и сама порой так думала. А возможно, проблема состояла в том, что она была писателем, а он — нет.

> «…и так будет длиться, длиться, длиться… Быть может, в Далтон-Хите, быть может, в каком-то другом таком же месте…
>
> Легкая дрожь пробежала у нее по спине… Если бы можно было стать свободной, совсем свободной, чтобы не было ничего — ни вещей, ни домов, ни мужа и детей,

ничего, что держало бы тебя, привязывало, что брало бы за сердце…»[198]

В ней всегда жила жажда свободы, и саннингдейлская «тюрьма» довела эту жажду до предела. Возможно, любовь Арчи ослабевала, но происходило это отчасти из-за страха, что Агата его разлюбит. Он видел: ей нужно нечто большее, чем то, что он способен ей дать. Когда-то он протягивал к ней руки, как маленький мальчик, и знал, что она возьмет их и обнимет его. Теперь она была облачена в латы успеха, и он не мог больше прильнуть к ней. Ему было невдомек, что она чувствует то же самое, что от его сдержанности холод пронимает ее до мозга костей, что ей кажется, будто сердце человека, которого она любила, затянулось броней.

Впрочем, был и еще один фактор — самый древний в истории предательства.

> «Золотисто-зеленоватый свет, нежная текучесть воздуха… С ними пришли учащенный пульс, волнение в крови, внезапное нетерпение.
>
> Из-за деревьев к нему шла девушка — девушка с блестящими светлыми волосами и кожей, похожей на розовые лепестки.
>
> „Как красиво, — подумал он. — Как несказанно красиво“».

Нэн совсем не была похожа на Агату: темные волосы, мягкие черты лица, соблазнительные округлости фигуры… Но в ней было то, что когда-то имела, а теперь утратила Агата.

«Такой я ее помню, — вспоминала дочь Сэма Джеймса. — Я была ребенком, но понимала, что Нэнси очень красива».[199]

В романе «Печальный кипарис» Агата описала, как у Элинор Карлисли отнимает любимого мужчину юная Мэри Джеррард, перед чьей красотой он оказывается беззащитен. «Они бы и сейчас были вместе, здесь и сейчас, — думала Элинор, — шли бы рука об руку, наслаждаясь приятным чувством обладания друг другом, счастливые, да, они были бы счастливы вместе, если бы не роковая случайность в лице девушки с красотой дикой розы…»

Оставшись в Лондоне один на один с очаровательной девушкой, пока его жена выплакивала душу в Торки, Арчи оказался не в силах устоять. В конце концов, зачем Агата позволила увянуть своей красоте? Разве она не понимала, что мужчина хочет, чтобы его жена была красива? И зачем она так безудержно оплакивает свою мать? Неужели она забыла то, о чем

он ее предупреждал: он не переносит болезней и несчастий вокруг себя, он просто не умеет с этим справляться? Почему она не похожа на девушку, в которую он теперь влюбился, — стройную, красивую, с ровным приветливым характером, рядом с которой он чувствует себя так надежно? «В этот раз я тоскую по тебе больше, чем когда бы то ни было, и чувствую себя потерянным оттого, что тебя нет рядом».[200] В Нэнси было все то, что потеряла Агата. Ее жизнерадостность не раздражала, она утешала и ободряла его легким прикосновением, она играла в гольф, не писала книг, она была взрослой, красивой, и она нуждалась в нем: она была такой женщиной и такой женой, какую хотел иметь Арчи.

«Наверное, я была неспособна заполнить жизнь Арчи, — писала Агата в „Автобиографии“. — Он просто уже созрел для того, чтобы в кого-нибудь влюбиться, хотя сам о том и не догадывался. Или все дело было именно в этой девушке?»

Кто что может знать, когда речь идет о любви? Любовь — всегда иллюзия, иллюзия, которая делает одного-единственного человека чудеснее всех на свете. Все дело в том, достанет ли тебе трезвости ума, чтобы поддерживать в себе эту любовь, когда ее перестанет подпитывать «соблазн Природы, Ее последний и самый хитроумный обман»?[201]

Когда страсть Арчи к Агате иссякла, конец любви стал лишь вопросом времени. «Арчи был хорошим парнем, — сказал зять Агаты, — но трудно представить себе двух людей, которые меньше подходили бы друг другу».

И тем не менее. Хотя Агата уже поняла, что Арчи не тот человек, каким она его себе представляла: не Хэрри Рейнберн, не Энтони Кейд, не Тристан и не Ланселот, — она пылала к нему страстью, которая отказывалась умирать, как бы она того ни желала. «О, любовь моя уходящая, прощай…»[202] Она просто не в состоянии была поверить, что письма, которые писал ей Арчи, принадлежат иному времени — времени, которое мертво теперь, так же как мертва ее мать. Ей они казались настоящими и живыми, как прежде. «Никогда не покидай меня, милая, и всегда люби меня…» Что значили эти слова, когда Арчи писал их? Неужели тогда они что-то значили, а теперь нет? Разве так бывает?

Для Агаты, которая всю оставшуюся жизнь пыталась понять, что же такое любовь, вымышленный Арчи так никогда и не умер: он оставался запечатленным в ее воображении таким, каким был до момента своего ухода. Продлись их брак дольше, вероятно, она сама разлюбила бы его. Но вышло по-другому и Агата продолжала любить его всегда. Глубоко в ее душе навечно

остался момент, когда она, сидя в Эшфилде посреди Клариных вещей, услышала его голос, сообщавший, что он полюбил другую женщину.

«Думаю, он любил Селию за ее красоту, и только за красоту… — говорит повествователь „Неоконченного портрета“. — А она любила его независимо ни от чего, на всю жизнь. Он, как она однажды выразилась, был у нее в крови…»

Агата умоляла Арчи остаться — если не ради нее, то ради Розалинды. Ее мучила мысль, что она потеряла его по собственной вине, и она просила дать ей еще один шанс. Понимая, что его долг — остаться, он согласился. Проведя недели две в своем клубе, он вернулся в «Стайлс», и сердце Агаты воспарило: все это было не всерьез! Все опять будет хорошо. Арчи просто увлекся. Не говорила ли ей всегда бабушка, что все «джентльмены» таковы? Просто она должна повзрослеть, более реалистично смотреть на жизнь.

Агата строила планы на будущее. Она купит дом в городе, чтобы быть возле мужа, они оставят «Стайлс», поедут-таки в сорванный было отпуск (может, снова в Пиренеи?). Проведут чудесное Рождество в Эбни: развешанные повсюду чулки для рождественских подарков, изобильный стол, сияющее лицо Розалинды — все это заставит Арчи понять, сколь многое он чуть не потерял. Мэдж поддерживала ее: да, у Арчи это пройдет. Но Джеймс Уоттс никогда так не думал, равно как и Шарлотта Фишер. Эта тихая умная девушка наблюдала за тем, что происходило в «Стайлсе», и, сколь ни жгло ее сострадание к хозяйке, видела, как неправильно ведет себя с Арчи Агата: ее страдания заставляли его чувствовать себя виноватым, а чувство вины делало жестоким. Она сводила его с ума, и он невольно возвращался мыслями к юной, свежей, прекрасной Нэнси. По словам Нэн Кон, в тот период Кристи без конца ссорились, и однажды Агата запустила в Арчи чайником. Правда, трудно представить себе, откуда это могло стать известно Нэн (ее там, в конце концов, не было, а очень скрытная Агата едва ли призналась бы в подобном поступке, тем более что она — как выразилась дочь Нэн — «представляла себя невинной жертвой»[203]). Куда убедительнее свидетельство Шарлотты, которым она позднее поделилась с Розалиндой: Агата часто плакала, была подавленна и безучастна настолько, что Шарлотту это пугало, а Арчи ужасно действовало на нервы.

«Все не могут быть счастливы, — сказал он Агате, — кому-то приходится быть несчастным. Я не терплю, когда у меня нет того, чего я хочу, и я не переношу, когда я несчастлив».

Вероятно, он не осознавал, сколь много значит для Агаты;

возможно, он верил, что Агатина независимость станет ей опорой. У нее есть деньги, карьера, Розалинда, Карло, Мэдж. Она может путешествовать, если хочет. В ее жизни есть столько всего помимо мужа. Вот в этом отчасти и состояла для него проблема: в том, что кроме него у Агаты было в жизни столько всего другого.

И тем не менее вот она перед ним, бледная, едва ли не теряющая рассудок, словно его уход для нее — смертельный удар. Если бы была жива ее мать — тогда, вероятно, с ней все было бы в порядке.

Арчи согласился на трехмесячный «испытательный срок». Он отправился с женой в Пиренеи и, хотя эта поездка была еще менее удачной, чем предыдущая, Агата видела в ней свидетельство его желания остаться. На самом же деле, оказавшись во Франции с ней наедине, Арчи лишь еще отчетливее понял, насколько они не подходят друг другу. «Постепенно становилось все хуже и хуже, — писала она в „Неоконченном портрете“. — Если Селия входила в комнату, Дермот выходил из нее». Она начинала подозревать, что муж ее ненавидит, хочет, чтобы она умерла. В конце концов, в ее книгах это случается сплошь и рядом: мужья убивают своих жен. «Должно быть, он желает ее смерти, иначе она не испытывала бы такого страха». Неотступно следовавший за ней Питер был похож на маленького шерстистого льва. Агата повсюду брала его с собой. Однажды его сбила машина, и некоторое время песик лежал оглушенный и неподвижный. Несколько минут спустя он пришел в себя, но обезумевшая от горя Агата никак не могла поверить, что он жив.

Теоретически Арчи жил дома с августа по декабрь 1926 года, но фактически у него в это время не было постоянного места пребывания. Он оставался то в «Стайлсе», то в клубе, то гостил у Джеймсов. Мэдж Джеймс незадолго до того родила, поэтому светская жизнь была там не такой бурной, как обычно, но если Арчи встречался тогда с Нэнси, то происходило это именно там, хотя внешне все выглядело так, будто она была всего лишь одной из приглашенных. Для Арчи это было важно. Он собирался жениться на этой женщине — теперь еще больше, чем прежде, — и не желал, чтобы ее имя оказалось связанным со скандалом. По той же причине он намеревался сделать так, чтобы ее имя не упоминалось при разводе: одно из буржуазных правил приличия, которые Агата презирала. Она будет бороться. Она не даст Арчи развод, не смирится с тем, что ее браку настал конец. Надо же, кроме всего прочего, думать о Розалинде. Ведь связь между отцом и дочерью так крепка.

«Папа не очень любит тебя, — говорит Джуди в

„Неоконченном портрете“, — зато он любит меня».

Тем не менее Арчи был готов оставить дочь, так же как жену. Как такое может быть? Агата лихорадочно держалась за мысль, что это невозможно. Но вера ее постепенно ослабевала. С тех пор как умерла мать, Агата ничего не писала. Это ее беспокоило. Надо писать, надо закончить «Тайну „Голубого поезда“», особенно если у нее больше не будет мужа. Но это невозможно, чтобы у нее больше не было мужа, Арчи ее не покинет. Только не Арчи. «Ты для меня слишком хороша, — написал он ей во время войны, — но я сделаю все, чтобы сохранить твою любовь». Так что все будет в порядке. Если бы только она могла поговорить с Кларой! Интересно, что бы сказала ей Клара? Что она предупреждала ее о безжалостности Арчи, о том, что он привлекателен для женщин? Что она предостерегала ее не оставлять его одного? Нет, она не стала бы говорить ничего подобного. Она просто смотрела бы на Агату своим понимающим взглядом и держала бы за руку, пока та не заснет.

Если бы только мама была здесь! Или Агата жила бы дома, в Эшфилде, с мамой и Питером, лежала бы на траве под березой и строила жизнь из придуманных историй.

Вечером 3 декабря 1926 года Агата сидела дома, в «Стайлсе». Смеркалось. Она ждала Арчи. Они собирались провести выходные в Йоркшире.

«Скоро мы увидимся снова и будем счастливы — будем смеяться, есть и станем очень толстыми. У меня есть твои фотографии, на которые я смотрю, и письма, которые читаю. Я знаю, что ты любишь меня почти так же сильно, как я тебя, а все остальное не имеет значения».[204]

Розалинда уже лежала в постели, Карло была в Лондоне. Питер мирно спал. Слуги перешептывались в темноте по своим углам. Если он сегодня не приедет, если вместо этого отправится в Годалминг, то он больше никогда не вернется домой.

Песнь Элейн:

> Сладка любовь, хоть нам и зря дана.
> И смерть сладка: уносит боль она.
> Что слаще? Подскажи, душа, ответь…[205]

ОХОТА

До этого момента я была миссис Кристи.

Из интервью А. Кристи газете «Дейли мейл», 1928 г.

Из тридцати шести способов избежать несчастья лучший — бегство.

Древняя китайская пословица, которую А. Кристи выписала и хранила

Пора начать новую историю.

Вечером 3 декабря, в пятницу, Агата ужинала в большом мрачном доме, окруженном тисовыми деревьями, и прислушивалась: не заурчит ли мотор машины Арчи. Она оставляла шторы не до конца задернутыми и сквозь эту щель обычно видела свет ее приближающихся фар. Но не в этот раз. Она мысленно улыбнулась: Лили, которая убирала посуду, была явно озабочена тем, что на тарелках почти все осталось нетронутым. Глупо садиться за стол, если не хочешь есть. Громко тикали часы. Питер, лежавший у ее ног, вздохнул. Сумерки становились все гуще, а она продолжала ждать.

Наверху, у нее на кровати, лежал саквояж, который она начала собирать, чтобы ехать с Арчи в Йоркшир. Она не могла понять мужского упрямства, способности, приняв решение, стоять насмерть. Женщины нечасто так поступают. Они ищут лазейки. Конечно, он пожалеет. Конечно, будет вспоминать, как они любили друг друга. Конечно, конечно… В комнате становилось холоднее. Огонь в камине угасал. Она сказала Лили, чтобы та не ворошила поленья, — справится сама.

Так она сидела и сидела. Дорожный шум за окном затихал. Что-то у нее в голове открылось и захлопнулось, как крышка люка. Она давно знала: сегодня что-то случится — может, поэтому отослала Карло утром в Лондон. Та должна была возвратиться около одиннадцати. Сейчас почти девять.

Сонный Питер поднял голову, когда она внезапно встала, взяла ручку, бумагу и снова села за стол, касаясь собаки ногой, —

поза, в которой она обычно работала. Написала письмо Карло, потом — Арчи. Пока писала, казалось, что черные окна наблюдают за ней. Может, Арчи стоит за одним из них? Она всегда боялась того узкого высокого окна, что рядом со входной дверью. У него был коварный, зловещий вид, напоминавший козлиный глаз.

Написав письма, она пошла в холл, чтобы оставить их там. Заставила себя, преодолевая страх, выглянуть наружу через «козлиный глаз». Никого. Нет, он больше не вернется. В середине дома стояла тишина. Где-то далеко, в глубине, сдержанно переговаривались слуги, доносилось тихое дыхание Питера. Лестница была исполосована тенями. Она поднялась по ней. Спальня выстыла, ее заливал лунный свет. Она взяла с кровати саквояж, надела шубу и шляпу. Проскользнула в комнату Розалинды, посмотрела на спящую дочь — лицо Арчи на фарфоровой кукле. Розалиндин любимый Синий Мишка упал с кровати, она подняла его и подоткнула дочери под бочок. Потом снова спустилась в холл. Питер завилял хвостом. Она любила его, но дом выталкивал ее в темноту, она не могла больше в нем оставаться. «Я еду в Лондон», — сказала она Лили, чье белое лицо высунулось в холл из боковой двери. Поцеловала Питера. Он казался обиженным, что она не берет его с собой. Его тельце было таким теплым. Она сжала его, наверное, сильнее, чем рассчитывала, потому что песик негромко взвизгнул. Потом вышла на улицу и направилась к машине. Гравий скрипел у нее под ногами — надо идти как можно быстрее, чтобы поскорее оставить страх позади.

Утром, сидя за завтраком лицом к лицу, они с Арчи смотрели друг на друга таким пустым, таким отчужденным взглядом, что это было почти похоже на близость. Уходя на вокзал, он сообщил ей, что проведет выходные у Джеймсов в Годалминге.

Если бы она была другой, если бы могла устроить скандал вместо того, чтобы сидеть с усталым видом, понятия не имея о том, как удержать мужа. «Когда ты вернешься, меня здесь не будет», — сказала она и увидела в его глазах проблеск надежды.

Как только он ушел, она сняла обручальное кольцо.

Потом на весь день отослала Карло, заверив ее, что все в порядке. Карло своим трезвым глазом посмотрела на нее проницательно и с любовью, но Агата была непреклонна: поезжай, развлекись там, в Лондоне.

Около полудня позвонила соседка, миссис де Силва. Не соблаговолит ли миссис Кристи пожаловать на чай и бридж? Благодарю, вы очень любезны, но нет — должна с дочкой навестить свекровь в Доркинге. Да, мы с вами прекрасно провели

время в Лондоне на этой неделе, не правда ли? 1 декабря, в среду, они с миссис де Силва ездили по магазинам в Уэст-Энд, покупать рождественские подарки. В магазинах царила атмосфера праздника. Как бы порадовалась, глядя на это, Маргарет Миллер! «Дебнем энд Фриболи», «Суон энд Эдгар», «Харродз», «Селфриджез», «Уайтлиз», «Арми энд нейви» — все они были полны таких же женщин, как она, в меховых шубках, с полными руками пакетов. И с мужьями.

Минувшая неделя была заполнена делами. Обычная неделя. Вечер среды она провела в своем клубе «Форум» на Гросвенор-плейс. На следующий день посетила своего литературного агента, сказала ему, что работа над книгой идет полным ходом. Да, ей было трудновато писать после смерти матери — нужно было уладить множество дел, да, благодарю, очень любезно с вашей стороны, но теперь все в порядке. Она ничего не сказала мистеру Корку — только улыбалась и демонстрировала хорошее настроение.

Добравшись до «Стайлса» в четверг после полудня, она чувствовала себя очень усталой. По ночам ей снился Эшфилд, она просыпалась каждые два-три часа, иногда принималась ходить по дому в поисках Клары или Джейн на кухне. Тем не менее вечером она отправилась с Карло в Аскот, в танцкласс, который они посещали каждую неделю. Саннингдейл — Лондон — Саннингдейл — Аскот — Доркинг — Саннингдейл. Болтать-улыбаться-есть-пить… без козырей… да, прекрасно, спасибо… мыться-чистить-зубы-крем-на-лицо-в-постель… И кто бы мог догадаться, что творится у нее внутри!

В машине было холодно, но завелась она сразу. Ночь стояла довольно теплая для декабря.

Когда она выезжала, маленькие черные окна дома наблюдали за ней. В конце дороги был перекресток. Она подумала немного — не то чтобы слишком серьезно — и повернула направо, на ту же дорогу, на которую сворачивала днем, когда ездила навещать свекровь. Розалинда тогда без умолку болтала, а Питер сидел на заднем сиденье, настороженный, как зоркий часовой.

Бэгшот, Вокинг, Гилдфорд. Названия, столь знакомые при дневном освещении и бессмысленные сейчас, когда черное небо едва не накрывает ее. Забавно. Неприязнь, которую она испытывала к Суррею, прошла. В темноте его очертания были исполнены мощи и скрывали в себе древнюю английскую тайну.

Бесформенной тенью через дорогу метнулось какое-то животное. Она вовремя успела затормозить. Кто это был? Лиса? Олень? В детстве она ездила на охоту с Ралстон-Патриками. На их машине, она ее отлично помнит. Как и человека, которого

встретила в Бартлоте, неподалеку от Гудвуда, — мистер Анкател, кажется? — он вез их с Кларой в Лондон. «Эти чертовы штуки, рычаги всякие…» — говорил он весело, запихивая вещи в большую открытую машину. Как холодно было ехать в ней, хотя они и укутались в пледы, и как восхитительно! Она, совершенно счастливая, улыбнулась матери, и они тронулись. Боже, они ехали, должно быть, со скоростью пятьдесят миль в час по сельскому Суссексу!

Она была хорошим водителем, но теперь не рисковала ехать быстро. Пусть в этом не было никакого смысла, она соблюдала осторожность. Вцепившись в руль, наблюдала, как время от времени ее, словно сердясь, обгоняли огни других машин. Миновав Гилдфорд, она свернула на Эпсом-роуд, по которой ездила раньше, направляясь к свекрови. Справа — Ньюлендз-Корнер. Она видела его днем: люди выгуливали собак на крутом зеленом склоне — так называемый красивый вид. Проехала мимо, свернула на дорогу, ведущую к местечку Тихий пруд. Она знала, что на самом деле там два пруда, которых она никогда не видела, но слышала, что они наводили страх. Дальше — направо, вниз по склону, к дорогам, которые были менее знакомы: Элбери, Чилуорт. Вокруг вода, мельничный пруд, рыбные заводи. Промозгло и серо.

Теперь она была недалеко от Годалминга и, несмотря на темноту, видела, что место славное. Разумеется, не ее мир — слишком обычный, слишком осторожный. «А вы, миссис Кристи, женщина необычная». Она проследовала через Годалминг к небольшой деревушке Хартмор.

Понадобилось немало времени, чтобы разыскать Хартмор-коттедж: улицы были извилистыми и густо заросшими. Она проехала по ним туда и обратно три раза, прежде чем внезапно — и как это она его раньше не заметила? — очутилась перед домом, милым, нестрогим, гораздо более в ее вкусе, нежели «Стайлс». Она сидела и смотрела на него. Вдруг разлаялась собака — большая, подумала она. В доме могут догадаться, почему собака подняла такой шум. Но та беспокоилась зря: она не собиралась заглядывать в окна. Не хотела искать машину Арчи. Она тронулась дальше в полной темноте. В голове снова что-то начало открываться и закрываться. Надо как-то это прекратить. В конце дороги ей померещилась река, какую она когда-то придумала себе в эшфилдском саду.

А что, если поехать прямо в Эшфилд? Березы, крокетная площадка, чай с песочным печеньем…

Она двинулась обратно по той же дороге, по которой приехала, той, что вела мимо пруда Олбери-Милл. Потом въехала

на холм, к Тихому пруду. Говорят, он глубокий — глубокий, как смерть.

Медленное, сладкое погружение в забытье.

Нет. Не сейчас. Она хочет еще раз увидеть небо. Свернула налево и поехала обратно к Ньюлендз-Корнер. Остановила машину на поросшей травой обочине. Северные холмы убегали вниз у нее из-под ног: обширные пространства бесцветной земли — словно приглашение к концу света.

Она вышла из машины. Черное беззвездное небо. Ночная тишина, наполненная особыми шорохами и исполненная особого величия.

Арчи. Мама. Она начала спускаться по склону.

В ней ничего не осталось — ни мыслей, ни чувств. Она была лишь тенью, скользящей к краю. Изрытая колеями дорога вела к карьеру — круглой меловой чаше, белой и безликой под лунным сиянием. Круг пустоты. Она стояла, уставившись вниз, в эту пустоту, и держась рукой за куст.

«Они завернули за последний угол и очутились перед глубокой ямой, в которой лежало что-то, чего там раньше не было, — тело женщины в странной позе: руки широко раскинуты, голова вывернута назад».

Довольно скоро она напишет это в рассказе, который назовет «Улица Арлекина». В нем она выведет себя как великую танцовщицу, пожертвовавшую искусством ради любви. В конце она танцует на улице с воображаемым мужем, который влечет ее в танце прямиком к смерти.

Спустя бог знает какое время ей наконец пришла в голову первая мысль: эта улица не заканчивается у карьера, а продолжается за ним, спускается с холма и ведет в Олбери. И следовательно, она сама вовсе не стоит на краю.

Когда-то Арчи дразнил ее за нелюбовь к хождению по склонам. «А как же Бартон-роуд?» — говорил он, когда она, пыхтя и смеясь, карабкалась вверх вслед за ним. Сейчас, в тишине, ей отчетливо было слышно собственное дыхание, тяжелое и громкое. Она старалась не сходить с дороги, но та была ухабистой, а в темноте совершенно не было видно, куда ступает нога. Рука, исцарапанная ветками, саднила. Плача, как ребенок, всхлипывая и отдуваясь, она тем не менее шла вперед. Это нечестно. Нечестно, что ей приходится вот так, дрожа от страха, в темноте карабкаться на этот жуткий холм.

По траве скользили тени. Где-то рядом поджидал Убийца.

Нужно дойти до машины. Наконец земля стала ровной, и она побежала. Рванула дверцу, упала на водительское сиденье и

съежилась. Ключи торчали в замке зажигания. После двух неудачных попыток ей удалось завести мотор и чуточку отвести машину вперед. Подняв левое запястье так, чтобы на него падал лунный свет, она посмотрела на часы — десять минут третьего. Интересно, сколько же она простояла, глядя на карьер?

Все дело в грехе, конечно, она всегда это знала. Но теперь настал определенный предел.

«Она оказалась лицом к лицу с реальностью. С реальностью собственной личности, с тем, что она может вынести и чего не может».

Это она, ничего не забыв, напишет много лет спустя в книге, которую озаглавит «Место назначения неизвестно».

«Бежать, бежать! — вот рефрен, бесконечно стучавший молотом у нее в голове с тех пор, как она покинула Англию. — Бежать. Бежать…» Убежать она мечтала от себя самой, себя и своего бессмысленного горя. И все же героиня книги не убивает себя. В качестве альтернативы смерти она, к счастью, просто исчезает и продолжает жить под другим именем.

«Это был для вас потрясающий опыт. Мне бы хотелось испытать, что значит оказаться так близко к смерти. Подойти к ней вплотную, но остаться в живых. Чувствуете ли вы себя с тех пор другим человеком, мадам?»

Сидя в машине, она поняла, что ей надо поспать. На другой стороне улицы стоял отель, но отель — это завтра. Как же она устала! Свет, горевший в одном номере, проникал сквозь ее опущенный веки, как свет ночника в детской. Она поплотнее закуталась в шубу и непораненной рукой плотно стянула на шее воротник.

Мне многое узнать еще дано,
Любить, молчать,
Надеяться, работать.
И этого, наверное, мне хватит,
Чтобы продолжить путь, идти вперед,
Идти в лесу,
В лесном вечернем холоде,
Но если рядом Бог,
Поверь, не страшно мне.

Это стихотворение она написала на клочке бумаги спустя много лет, будучи уже очень старой женщиной, в конце жизни.

Когда она проснулась, освещение стало немного другим. Тьма словно бы поднялась выше, и она поняла, что утро близко.

Было около половины шестого. Она все еще чувствовала сильную усталость, но сон совершил чудо. Она возблагодарила за это Бога.

В голове сложился рассказ. Мертвая женщина лежит на дне ямы. Она была актрисой, и муж любил ее за ее искусство, хотя и не отдавал себе в этом отчета. Потом, поскольку, несмотря на свою романтичную внешность, был человеком заурядным, он влюбился в хорошенькую девушку — так ему было проще.

Закончится ли на этом рассказ? Что ж, она начнет писать его, а развязку оставит за мужем.

Конечно же, она умела придумывать сюжеты. Разве не это она и делала? Но лучше всего она умела описывать собственную жизнь.

Машина не хотела заводиться, и она снова разрыдалась, потому что, хотя в конце концов мотор и начал вздрагивать, это ничего не давало. Пока она спала, закутавшись в шубу, и видела во сне лес, начинавшийся от самого их сада, двигатель переохладился. «Ну, пожалуйста», — взмолилась она. Однажды в Эшфилде, когда умерла мама, мотор тоже не заводился, лишь так же упрямо фыркал. В отчаянии она скинула шубу, вышла из машины и попыталась завести его ручкой. Но она была такой уставшей. Казалось, что ладони полны перекатывающихся камней. Человек, одетый как сезонный рабочий, проезжал мимо на велосипеде и предложил свою помощь, она изысканно-любезно, как в Имперском туре, улыбнулась ему: «О, пожалуйста, буду вам очень признательна». Голос звучал немного странно, что неудивительно: она ведь так давно — казалось, много дней — ни с кем не разговаривала. Густой серый туман словно облеплял каждое слово.

Что бы сказала мама? А того пуще — бабушка? Надо же было попасть в такое дурацкое положение. Она чуть не рассмеялась при этой мысли. «Холодный, как камень, мертвый», — сказал незнакомец, качая головой и глядя на нее в ожидании объяснений, которых она, разумеется, не собиралась давать. Он заведет машину, такие мужчины, как он, это умеют. Поэтому она просто ждала. Ей никого не хотелось видеть, так что, когда ему наконец удалось оживить двигатель, попутно рассказывая ей, что нужно и чего не нужно делать в таких случаях, хотя это больше не имело ни малейшего значения, она поехала обратно к Гилфорду, чтобы замести следы: знала, что он будет наблюдать за ней. Услужливый, но назойливый человек. Может, надо было дать ему денег? Она проехала еще какое-то расстояние, чтобы окончательно избавиться от мысли о нем. Дорога по-прежнему оставалась пустой. Страшно было даже представить себе, что пришлось бы сейчас возвращаться в «Стайлс» и что эта черная

крепость открыла бы свои двери, чтобы поглотить ее. Нет, нет и нет! Никогда более.

Она развернула машину и поехала в обратном направлении, к Ньюлендз-Корнер. Убедившись, что дорога пуста, свернула на поросшую травой обочину. Теперь осторожно. Сосредоточься. Это нужно сделать аккуратно.

На горизонте появилась предрассветная розовая полоса. Пора.

Она отпустила сцепление и медленно-медленно, подпрыгивая на кочках, поехала вниз по изрытой дороге… Вдруг она словно утратила контроль — что-то там, на пути? Нет, все в порядке. Медленно-медленно, вот сейчас, уже скоро, дотуда ведь всего какая-нибудь сотня ярдов, пустяк, это ночью казалось, что далеко. Осторожно, очень осторожно. Держи ровнее.

Вон там, чуть пониже, нависающий над карьером куст, за который она держалась ночью, до него всего несколько ярдов. Рычаг на нейтральной скорости, тормоза отпущены. Прихватив свою большую черную сумку, она вывалилась из машины. Ранее она переложила в нее из саквояжа все деньги, а также несколько листов писчей бумаги. Все остальное осталось в машине. Она больше не чувствовала усталости, ей даже не было холодно без шубы. Она с силой толкнула машину, и та, покатившись, послушно, как она и рассчитывала, со шлепающем звуком уткнулась в куст.

Пока она шла по дну карьера, глядя вверх, туда, где на самом краю, уставившись фарами в никуда, зависла машина, небо постепенно светлело. «Ты умная девочка», — сказала она себе. Когда дорога пошла под уклон, она почти побежала. Наконец показались дома. В них люди пили чай и читали газеты, но она сегодня предпочитала делать то, что делала. «Уотер-Лейн», — прочла она на дорожном указателе в конце аллеи.

Свернув прямо к Элбери, она быстрым шагом прошла около мили мимо рыбных заводей, мимо мельничного пруда, направляясь к железнодорожной станции Чилворт, которую заметила, когда ехала в Годалминг. Половина восьмого, лондонский поезд как раз подходил к вокзалу. Повезло. Надвинув шляпу на лицо, она устроилась в углу купе и принялась писать еще одно письмо. Суррей мелькал за окном, ей немного хотелось спать.

На вокзал Ватерлоо поезд прибыл в девять. Она купила почтовую марку и «Дейли мейл». Нужно было купить пальто, потому что без него она выглядела странно. Села в такси и велела ехать в «Арми энд нейви». Прежде чем войти в магазин, опустила письмо в почтовый ящик. Оно было адресовано ее деверю,

Кэмпбеллу Кристи, в Королевское военное училище в Вулидже. В обратном адресе значился «Стайлс». Кэмпбелл был человеком, который ей нравился и которому она доверяла. Единственным, кому она могла сказать то, что хотела. Только он был во всей этой истории лицом объективным. Поэтому она отчасти объяснила ему, что и почему делает. Она уезжает в Йоркшир, как планировалось, правда, не в Беверли. Собирается одна полечиться на водах. Ей необходима передышка, этого требует здоровье. Надо признать, что она очень расстроена, он, конечно, понимает почему. Письмом она осталась довольна. Оно получилось менее тревожным, чем те, что она оставила Карло и Арчи, но тогда она пребывала в другом душевном состоянии. Придя на работу в понедельник, Кэмпбелл прочтет его.

В дамской комнате «Арми энд нейви» она промыла израненную руку и привела себя в порядок. Опуская шиллинг на тарелочку, стоявшую перед служительницей, она снова выглядела как респектабельная дама, а не беглянка. Переходя по толстым магазинным коврам из отдела в отдел, купила чемодан, ночную рубашку, термос и пальто. Выпила чашечку кофе.

Лондон кишел суетящимися людьми, делающими рождественские покупки. Надев новое пальто, она на такси отправилась в «Харродз». В нижнем этаже ювелирного отдела сдала в ремонт кольцо, назвав имя и адрес: миссис Нил, Харрогит, «Хайдро». Ей доставило удовольствие произнести это. Потом по Пиккадилли отправилась на вокзал Кингз-Кросс. В станционном буфете выпила еще чашку кофе и стала читать газету. Никто не обращал на нее внимания. Все шло хорошо. В час сорок она села на поезд, который должен был в шесть тридцать восемь прибыть в Харрогит. Всю долгую дорогу она проспала в своем теплом купе первого класса.

«Торп-Арч», вспомнила она, подъезжая к Харрогиту. Дом неподалеку от Уэтерби, принадлежавший Мэтьюзам, куда она ездила с ночевкой на домашнюю вечеринку. Оттуда они съездили тогда на «Сент-Леджер». Ей нравились эти скачки — настоящее английское спортивное состязание. Кто же победил в том году? Кто-то поставил за нее пять шиллингов на лошадь лорда Дерби, которая пришла третьей. Чудесный был визит. То путешествие на поезде оказалось очень забавным. На ней был новый твидовый костюм, такой элегантный, что начальник станции пошутил: у такой, мол, девушки должны быть служанка и шкатулка с драгоценностями, хотя на самом деле она не могла позволить себе даже ехать первым классом. Арчи восхищался этим костюмом, хотя, в сущности, он принадлежал тому времени,

которое было до Арчи. Именно в «Торп-Арч» она познакомилась с Артуром Гриффитсом, тем самым, который надоумил ее поискать на танцевальной вечеринке в Агбрук-Хаусе его друга Кристи.

Север выглядел совсем иначе. Она любила его чистое просторное небо и суровые краски. Вид Харрогита взбодрил ее, пока она ехала в такси по улицам. Солидные, похожие на замки дома — серый камень, освещенный лунным сиянием. Здесь она могла остаться и чувствовать себя в безопасности. Как чудесно сидеть, откинувшись на заднем сиденье, и чтобы тебя везли! В окно она видела здание оперы, отель «Корона», отель «Белый олень», бювет. Холмы, остроконечные вершины, березы… Благородный размах, по которому она скучала.

Такси почтительно катило по Суон-роуд. Спокойная, широкая, погруженная в темноту улица, окаймленная красивыми домами. Манкастер-лодж, Британниа-лодж… В них обитают люди, чья жизнь надежна и нерушима. Да, она может двигаться среди них как тень.

«Хайдро» стоял поперек дороги, замыкая ее, — построенный опять же из темного камня, увитый плющом, в зарослях которого утопали окна с льющимся из них теплым, великодушным светом. Она поблагодарила водителя и дала ему на чай. Поднялась по каменным ступеням. Когда, с улыбкой на губах, она вошла в вестибюль, было семь часов.

Миссис Тереза Нил из Кейптауна сняла пятый номер на втором этаже за пять гиней в неделю.

Спала она долго, встала поздно, предстоящий день ощущался как праздничный — воскресенье как-никак — и особый. Она могла делать что заблагорассудится, больше не нужно беспокоиться о том, что душа ее в опасности. Как же она боялась за папину душу, когда он играл в крокет, вместо того чтобы молиться! Глупо, если вспомнить о его доброте.

В целях предосторожности она сделала так, чтобы пришедшая утром горничная не могла рассмотреть ее лицо. Эта милая девушка, горничная старомодного воспитания, разворошила угли в камине и, принесла завтрак. Он был восхитительным. Она насладилась едой и с удовольствием приняла ванну. Жаль, что приходилось надевать ту же одежду, но с этим до завтра ничего не поделаешь, поэтому она натянула тот же серо-зеленый костюм, в котором ездила в пятницу навещать свекровь.

К вечеру эти вещи будут фигурировать в полицейских сводках, которые разошлют в пятьдесят участков, ближайших к Элбери: «…серая трикотажная юбка, зеленый джемпер, кардиган

светло- и темно-серых тонов и маленькая велюровая шляпка». Шарлотта Фишер, со свойственной ей скрупулезностью, дала это описание. «Без обручального кольца, — добавила она, поскольку нашла его в хозяйкиной спальне. — Волосы рыжеватые, коротко стриженные, с сединой».

Ее дивные волосы, некогда светлые, как сам свет. Надо пойти к парикмахеру. Тридцать шесть — это еще не старость.

Позднеосеннее солнце осветило спальню, и на оконном стекле замаячило отражение ее лица. Бледная кожа, выцветшие глаза.

«Странно оказаться в поезде вместе с привидением!» — вскоре напишет она. Это из рассказа о молодой вдове «с застывшим во взгляде ужасом», которая не в состоянии отрешиться оттого момента, когда обнаружила мужа мертвым на полу его кабинета. «По сути, она так оттуда никуда и не сдвинулась. Она оставалась там. В кабинете».

Но пока — никакого сочинительства. Только ее собственная история, окончания которой она еще не знала.

Харрогит пришелся ей по душе. Ей нравилась уверенная поступь широких улиц, четкие полукружья стоящих цепочкой зданий и по-мужски надежные, но элегантные дома. Они словно бы говорили: разбитые сердца и потерянные люди для нас ничто. Что бы ты ни сделал, кем бы ни был, мы — выше этого. Мы храним жизненные тайны на своих местах.

Она пообедала в чайном заведении «У Бетти» в окружении таких же дам, как она. Еда была здоровой и очень вкусной. Потом долго гуляла. В Уэст-парке листья на березах потрескивали на ветру, освещенные солнцем. Снова серые дома. На Бич-гроув, на Стрей-лодж… Высокая викторианская церковь. Может, зайти? Нет, не хочется. Она предпочитает гулять среди этих строгих форм и северных красок, чтобы листва шумела над головой и шуршала под ногами, чтобы солнце, опускаясь к горизонту, увеличивалось в размерах, заливая все серое угасающим желтым светом, и чтобы в его краткой и мощной прощальной вспышке камень осветился в глубину.

И чтобы в окнах отражалась ее загадочная фигура, ступающая по траве: шляпа глубоко надвинута на глаза, воротник высоко поднят. Вероятно, она выглядит странно. Больной? Нетрезвой? Заблудившейся?

Время текло медленно, но это не раздражало. Теперь время снова принадлежало ей.

«Надолго ли?» — подумала она, шагая по Суон-роуд. Завтра Кэмпбелл прочтет ее письмо, и тогда что-то случится. Она написала — водный курорт в Йоркшире. Что ж, он догадается, что

Харрогит — именно такое место, куда она могла бы поехать: его заполоняют такие же, как она, представительницы высшего среднего класса. И тогда он скажет Арчи: «Посмотри, она в смятении, она нуждается в тебе, что ты делаешь?» Это будет хорошо.

Разумеется, к тому времени ее машину уже найдут. Полиция постучит в огромную мрачную дверь «Стайлса», встревожив милую Карло, а потом, чуть позже, — в дверь Хартмор-коттеджа. Бедный Арчи. Он будет страшно беспокоиться за нее. Быть может, она наговорила лишнего в письме к нему — в сущности, она плохо соображала, когда сочиняла его. Тогда ей определенно хотелось умереть. Так она и написала Карло, потому что была в этом уверена. Несмотря на невозмутимый вид, который, безусловно, сохранит для всех, особенно для Розалинды, Карло будет в панике. Но в конце концов, уже завтра Карло узнает, что она жива.

Если, конечно, не принимать во внимание, что в определенном смысле она действительно умерла. Умерла тогда, когда стояла, глядя в бесстрастное лицо карьера. Та же, что идет теперь по Суон-роуд, заглядывая в окна Хайдро-лодж, где люди, реальные, живые люди, разливают чай из серебряных чайников, — лишь улыбающийся призрак, пусть теплокровный и объемный.

Она раскланялась с повстречавшейся супружеской парой («Бесплотная, совершенно бесплотная»[206]). Поболтала с миссис Тейлор, очень приятной хозяйкой отеля, сообщила ей, что три недели назад вернулась из Южной Африки и оставила свой обширный багаж у друзей в Торки. «Что ж, — улыбнулась она, — доставлю себе удовольствие — куплю несколько новых вещей! Это будет замечательно, миссис Нил. На Оксфорд-стрит есть очень хороший магазин „Бентоллз“».

Теперь — к себе в комнату. В опускающихся сумерках она смотрела из окна на круто изгибающуюся дорогу, ведущую в город, на деревья, на каменные дома.

Обед. Сегодня ей понравился красивый большой зал ресторана, хотя накануне, видимо, из-за усталости, потолок ввел ее в заблуждение: большая квадратная панель в центре напомнила ей крышу подземной темницы. На самом деле то, что показалось ей железной решеткой, было весьма красивым витражным плафоном. Она села за столик в тихом дальнем углу, чувствуя себя немного неловко в одежде, которую носила не первый день, — к тому же костюм был отнюдь не вечерним. Впрочем, она ведь уже объяснила это миссис Тейлор. Что ей требовалось, так это книги. Обходиться одной без книг было

трудно. Но вполне вероятно, что завтра она будет ужинать здесь с Арчи или ее вообще здесь уже не будет, — кто знает?

Она заставила себя отрешиться от всех этих мыслей и стала прислушиваться к разговорам других посетителей. Это были люди, с которыми она чувствовала себя легко (люди ее круга). Просмотрела меню, выпила воды, считавшейся целебной. На вкус эта вода была, безусловно, куда чище саннингдейлской. Она заметила, что некоторые посетители пили вино, но очень немногие — в конце концов, они ведь приехали сюда поправлять здоровье. Может, там, в «Стайлсе», бокал вина помог бы и ей? Показалось странным, что она думает о «Стайлсе». В сущности, сейчас ей с трудом верилось, что такое место действительно существует. Теперь он представлялся ей чем-то вроде давным-давно привидевшегося дурного сна.

После обеда она вместе с другими гостями отправилась в бальный салон Зимнего сада, где заказала чашку кофе и принялась разгадывать кроссворд из газеты, которую прихватила в вестибюле. Потом разговорилась с супружеской четой, с которой раскланялась днем. Мистер и миссис Кэмпбелл из Лондона. Ах, как мило! Театры. Да, пожалуй, в это время года город действительно немного утомителен, она была там в этот раз лишь проездом — пересаживалась с поезда на поезд, но прекрасно понимает, почему им захотелось на время уехать! Нет, раньше она жила в Лондоне, но в последнее время — в Кейптауне. О да, там восхитительная природа. Нет, она потеряла ребенка, вот почему… Да, она всегда любила головоломки — они позволяют расслабиться, но в то же время тренируют мозги.

Приятные люди. С ними чувствуешь себя непринужденно. И очень милый зал. Почти как оранжерея, примыкающая к отелю со стороны сада. За окнами — темное облачное небо. Что сейчас делает Арчи? В тот момент он казался очень далеким, как будто его убили на войне и она мысленно представляла себе фотографию мертвого мужчины. Он должен найти ее. Это непросто, но в прошлом же он это сделал — когда притарахтел на своем мотоцикле в Эшфилд. Мамин голос по телефону, требующий, чтобы она возвращалась домой.

Она пила кофе, улыбалась и думала о тех приятных делах, которые предстоят завтра. Для начала — новое платье.

Понедельник, 6 декабря. Ее лицо на девятой странице «Дейли мейл». Она названа там красивой женщиной.

Ее машину, писали в газете, нашли в восемь утра в субботу. «Похоже, что автомобиль намеренно столкнули вниз от Ньюлендз-Корнера, отпустив тормоза». Все выходные хозяйку

машины искали среди Северных холмов. Прочесали дно Тихого пруда и обошли все дома в Элбери. В газете была помещена также маленькая фотография «полковника Кристи». Отвечая на вопросы корреспондента, Арчи сказал, что у нее был нервный срыв. «Она вообще очень нервный человек». Он вернулся в Саннингдейл в субботу. Теперь он, должно быть, на работе. Кэмпбелл тоже уже должен быть на службе и наверняка рассказал Арчи о письме.

Она оделась — шляпа надвинута на глаза, воротник поднят — и вышла из отеля. Оксфорд-стрит, Кембридж-роуд, Парламент-стрит… Ей нравилось рассматривать одежду, примерять ее, особенно теперь, когда она похудела. Платье из розового жоржета прекрасно подойдет для вечера. Арчи оно наверняка понравится. Туфли к нему, белье и — почему бы нет? — новая шляпка; та, что на ней, уже порядком надоела. Да, вот эта ей идет, не правда ли? Нет, на самом деле из Южной Африки. Да, ей здесь очень нравится.

Она зашла в книжный магазин «Г. У. Смит». Это было блаженство. Потом — в парфюмерию Хэндфорда и Доусона, купила крем для лица, прессованную пудру — papier poudre, лавандовую туалетную воду. Как приятно снова иметь все это! Купила она также «Скетч» и «Пирсонз».

Улица Холодных ванн — как смешно! Вестминстер-аркейд — средоточие античного искусства, это должно быть интересно. И Королевские ванны, лечебные. Ее снова мучил неврит — толкание машины ему явно пришлось не по вкусу, — и она вспомнила, как помогла ей соленая вода во время Имперского тура. Возможно, завтра она испробует здешнее лечение, учитывая, что пока ни от кого ни слуху ни духу. Разумеется, она не написала Кэмпбеллу, куда точно направляется: она ведь и сама этого еще не знала тогда. Но Кэмпбелл и Арчи посоветуются и наверняка догадаются, что наиболее вероятное место — Харрогит, и тогда Арчи найдет ее. Он сообразит, что она миссис Нил. Это же игра. Достаточно вспомнить, скольких трудов стоило ему найти ее дом в Торки.

Она попросила, чтобы все ее покупки доставили миссис Нил в отель «Хайдро». К тому времени, когда она вернется туда, возможно, уже будет сообщение от Арчи.

Она интересоваться не станет — сами скажут. Но когда она вошла в отель, никто ничего ей не сказал. День сразу померк.

«О, миссис Нил?» Ее сердце екнуло. Арчи, слава богу!

«Вам пакет из Лондона, миссис Нил». Ее кольцо. Вот это обслуживание.

А скоро прибудут и ее сегодняшние покупки. Бодрящая мысль. И еще лечебные ванны — будет чем заняться во второй половине дня. Ленч, а после него, вероятно, сообщение. В

ресторан она захватила с собой одну из купленных книг — сборник детективных рассказов под названием «Парный большой палец». Она купила шесть книг. Возможно, когда она закончит эту, он отыщет ее — на это может уйти дня два.

Собираясь на ужин, она осталась довольна своим внешним видом, и миссис Кэмпбелл сделала комплимент по поводу ее нового жоржетового платья. Она, в свою очередь, повторила миссис Кэмпбелл легенду о багаже, оставленном у друзей. За ужином она прочла всю книгу.

В бальном салоне Зимнего сада после ужина играл оркестр. «Мы называем его Счастливые ребята из „Хайдро“», — пояснил ей один из присутствовавших в зале местных жителей. Она улыбнулась. «Счастливых ребят» было шестеро. С ними выступала певица, мисс Корбетт, которая весьма недурно пела. Кое-кто из гостей танцевал. Наблюдая за всем этим, она вдруг, совершенно неожиданно, подумала о том, что может теперь делать все, что ей нравится. Может переспать с кем-нибудь из этих мужчин, если действительно вознамерится это сделать. Среди них было двое или трое, казавшихся свободными. Один из них посматривал на нее, похоже, с восхищением. Разумеется, она не станет этого делать. Но, сидя за чашкой кофе и глядя на черные деревья за окном, она не без удовольствия размышляла о своей свободе.

Вторник, седьмое. Проснувшись рано, она спустилась позавтракать. Самочувствие было отличным. Теперь ее отражение в зеркале выглядело совсем иначе. Войдя в столовую с улыбкой, она мило поболтала с одной из постоялиц — миссис Робинсон, прелестной дамой. «Да, я только что из Южной Африки!»

Вернувшись к себе в комнату и просмотрев «Дейли мейл», увидела, что сообщения о ней стали более тревожными. Обнаружился человек, помогавший ей завести машину. Он поведал, что «она стонала и держалась за голову», когда он нашел ее в Ньюлендз-Корнере. Неужели так оно и было? Да нет же, разумеется. «Когда я подошел к машине, она сделала шаг и чуть не упала мне на грудь». Нет, этого точно не было. Ей уже тогда не понравился этот человек, так что его преувеличения ее нисколько не удивили. Хотя, разумеется, она была ему признательна.

Сообщалось, что ее дело ведет полицейский, которого называли «суперинтендант Кенвард». Он поделился с газетой своими предположениями: по неосторожности она съехала с дороги в Ньюлендз-Корнере, вышла из машины и увидела, «к своему ужасу», как машина покатилась вниз по склону и врезалась в куст, нависающий над меловым карьером. Спотыкаясь, в панике побежала назад и заблудилась. Хотя

полицейский этого и не сказал, было ясно, что он считал ее мертвой.

Арчи, говорилось далее, являет собой «печальное зрелище» человека, который, «будучи доведен до отчаяния случившимся, находит утешение только в своей маленькой дочке Розалинде».

Может, Кэмпбелл не вышел на службу в понедельник? Иначе как все это объяснить? Ради всего святого, она ведь здесь, ждет их!

Миссис де Силва тоже была опрошена. «Миссис Кристи — милейшая дама на свете!» О Господи! И так далее и тому подобное. Газета изобиловала подробностями минувшего года ее жизни: горе, в котором она пребывала после смерти Клары, беспокойство о своей работе, пошатнувшееся здоровье, день, проведенный в Лондоне с миссис де Силва, отдых с Арчи во Франции. «Они всегда были самой преданной друг другу парой, и оба боготворили свою дочурку».

В комнату вошла горничная. Сложив газету, она обернулась к девушке с улыбкой. Сказала, что собирается уходить. Горничная заметила стоявшую на туалетном столике фотографию Розалинды, на которой было написано: «Плюшевый Медвежонок» — Розалинда любила, когда ее так называли.

В вестибюле она увидела свое лицо на обложке «Дейли экспресс». Это был один из тех ее снимков с Розалиндой, которые были сделаны для «Скетч». Кивнув женщине за стойкой администратора, вышла на улицу. Сегодня она купит себе еще какую-нибудь обновку (спасибо Бабуле за совет всегда припасать деньги «на всякий случай»!). А вечером непременно будет известие от Арчи. Кэмпбелл прочтет письмо, позвонит в «Стайлс», и все станет хорошо.

Она вернулась в «Хайдро» с новой красивой вечерней накидкой, которую намеревалась надеть к ужину. Настроение у нее было счастливое, взволнованное. Остаток дня провела за чтением другой детективной книги — «Поезд-призрак», однако концентрировать внимание на ней оказалось трудно. Когда день начал угасать, она выглянула в окно — машина могла подъехать в любой момент. Возможно, это будет такси, если он решит ехать на поезде. В конце концов, путь не близок.

Когда она спускалась по лестнице, на стойке администратора зазвонил телефон, и миссис Тейлор, глядя на нее, сняла трубку. Новости, почувствовала она, определенно какие-то новости, и намеренно замешкалась, ожидая, когда миссис Тейлор закончит разговор.

«Добрый вечер, миссис Нил, — сказала та, — какая очаровательная накидка!»

Она вошла в зал ресторана с «Поездом-призраком» в руке.

Тем вечером в Зимнем саду, решив кроссворд из «Таймс», она спокойно прочла в середине газеты посвященную ей колонку: прочесали дно Мельничного пруда в Элбери… ее видели на вокзале в Милфорде, в нескольких милях к югу от Годалминга. «Согласно сведениям, полученным из резиденции полковника Кристи в Саннингдейле вчера утром, пока никаких известий о местонахождении пропавшей женщины не имеется».

Значит, и сегодня она Арчи не увидит. Что бы ни случилось с письмом, которое она послала Кэмпбеллу, события разворачивались совсем не так, как она планировала.

Улыбнувшись подошедшей к ее столику миссис Робинсон, она отпила глоток кофе. «Миссис Нил, вы забыли отрезать ценник: не хотите же вы сказать, что это все, чего вы стоите». «Надеюсь, что нет», — ответила она. Они поболтали еще немного. Когда миссис Робинсон спросила ее о муже, она поскорее сменила тему, сочтя это самым благоразумным в сложившейся ситуации.

Среда, восьмое. Загадка разрешилась, когда она, завтракая в постели и просматривая «Дейли мейл», прочла, что сталось с ее письмом Кэмпбеллу. «О! О, ради всего святого!» — мысленно воскликнула она, комкая газету. Кэмпбелл получил ее письмо в субботу вечером, говорилось в ней. Как такое могло случиться? Должно быть, он отправился в Вулидж на выходные, не дожидаясь понедельника. Таким образом, с самого начала все пошло не так, как она предполагала.

Но, что еще хуже, он напрочь проигнорировал письмо и не сделал того, чего она от него ждала, то есть не связался с Арчи немедленно. Почему он этого не сделал? Неужели ему безразлично, что Арчи уходит от нее? Или он считает, что это не его дело? Наверное, следовало написать ему более определенно. Но она считала, что в письме и так есть все, что нужно.

Он просто выбросил ее письмо. «В нем миссис Кристи сообщала, что собирается заняться своим здоровьем и для начала отправится с друзьями на воды в Йоркшир, чтобы восстановить силы». Ну не совсем так. Этим газетам совершенно нельзя верить, а они к тому же выдают свои новости с таким апломбом, словно знают все и безоговорочно! Например, она вовсе не оставляла в клубе «Форум» поручение отправить ее письмо Кэмпбеллу, когда была там 1 декабря. Она сама отправила его 4 декабря и имела в виду именно то, что в нем сказано. Почему никто ей не верит? Почему никто — а точнее, Арчи — не едет за ней сюда?

В голове уже привычно что-то стало открываться и

захлопываться. Скоро придет горничная. Леди не должна показывать свои чувства на людях, сколько бы ни давала им волю наедине с собой.

Спрятавшись в ванной, она думала, думала, думала… Но так и не пришла ни к какому выводу.

Когда она вернулась в комнату, поднос уже унесли и постель была заправлена. Надев новый теплый костюм-двойку, она спустилась в вестибюль, взяла «Таймс» и с небрежным видом просмотрела ее. «Вчера поздно вечером стало известно, что брат полковника Кристи, живущий в Лондоне, получил письмо, написанное пропавшей женщиной уже после ее исчезновения, и что в нем она сообщает о намерении отправиться на воды в Йоркшир, чтобы поправить пошатнувшееся здоровье».

Вошедший в вестибюль мужчина поклонился ей. Она узнала в нем того, кто накануне пел в Зимнем саду под аккомпанемент мисс Корбетт. Иностранец с галантными манерами и приятным тенором. Она ниже опустила голову над газетой.

«Полиция Суррея, однако, связавшись с рядом курортных центров в Йоркшире, получила от них заверения, что миссис Кристи в этом графстве нет».

Она встала, вышла из отеля — шляпа глубоко надвинута, воротник поднят, как обычно, — и несколько часов бродила по улицам Харрогита. Значит, ее здесь нет, миссис Кристи нет в Йоркшире. А вместо нее есть привидение, бредущее через Вэлли-Гарденс и рассматривающее каменные дома, возвышающиеся за деревьями. Ей нравились холмы, они напоминали о Торки. Стало быть, привидения обладают памятью. Она помнила, каким плоским был Саннингдейл. Каким мертвенным.

Она шла и шла вперед. Пусть она призрак, но призрак вполне счастлив, гуляя по паркам и чувствуя прилив сил в организме. Как было бы глупо убить этот организм — организм сильной, молодой еще женщины, которая шагает сейчас под деревьями и ощущает дуновение свежего ветерка на щеках!

Она вспомнила «Пер Понта»: «Место, где сам я собой оставался в духе, который от Бога достался». Но вспомнила как-то вчуже, не особо задумываясь о том, кто она на самом деле и где находится.

Отправившись в Королевские ванны, она заметила, что люди смотрят на нее как на призрак. Взгляд женщин за стойкой регистраторов насторожил ее. Это тоже было глупо, поэтому она улыбнулась и сказала, что хочет принять турецкую ванну. В конце концов, она ведь здесь, чтобы поправить здоровье. Чтобы все стало лучше.

На ужин она снова наденет свою красивую накидку, а после

ужина не станет разгадывать кроссворды. Сегодня больше она не желает читать газеты. Просто будет болтать со знакомыми и приятно проводить время. Может спеть под аккомпанемент мисс Корбетт, как сделал тот мужчина из постояльцев, — она ведь обожает петь и так давно не пела. Да и потанцевать можно. Они с Арчи любили вместе танцевать. Как обидно, что он никак не может разгадать послание, переданное ею через Кэмпбелла! Он должен был бы находиться уже здесь, с нею. И все могло быть по-другому.

Но пока она приняла приглашение на вальс того самого мужчины, который днем раньше вызвался спеть здесь. Когда он спросил ее о Южной Африке, она постаралась сменить тему. Джентльмены, как учила ее бабушка, куда больше любят говорить о себе. Мистер Петтельсон, как он представился, оказался беженцем из революционной России. В Харрогит тоже приехал поправить здоровье, и ему здесь все очень нравится. Особенно оркестр, который играет по вечерам. Да, он обожает петь. Когда-то даже хотел петь в опере. «Вот как, миссис Нил? Что ж, не спеть ли нам как-нибудь вместе?»

Четверг, девятое. Опять завтрак в постели. Теперь она знает, что в «Дейли мейл» надо открывать девятую страницу, но, разумеется, не тогда, когда в комнате Рози, горничная — хорошенькая, милая, дружелюбная девушка. Она узнала, как ее зовут, когда та принесла поднос.

Довольно странная фотография — «коллаж», как они это называют, — составленная с помощью Карло. Бедняжка Карло. Как ей, должно быть, трудно сейчас! Она никогда не любила Арчи, и теперь волею обстоятельств ей приходится оставаться с ним в доме вдвоем. Арчи, сообщалось в газете, был «совершенно растерян и напуган» и попросил, чтобы в «Стайлсе» постоянно дежурил полицейский.

Ее свекровь без конца твердила о том, как подавлена была в последнее время ее сноха. Вспомнила историю о том, как Питера сбила машина, а сноха отказывалась верить, что он жив. Что ж, это правда. Пег, совершенно очевидно, уверена, что она мертва. А может, просто драматизирует и впадает в истерику, что ей свойственно.

Она заметила, что вернувшаяся за подносом Рози смотрит на нее немного странно, улыбнулась девушке и сказала, что сегодня собирается полечиться водой. Ей это необходимо, не так ли? Рози ответила, что эта целебная вода кажется ей отвратительной на вкус и пахнет тухлыми яйцами, хотя, наверное, не следовало этого говорить. Но она знает, что некоторые постояльцы

разделяют это мнение. Зато вода поставит миссис Нил на ноги, в этом можно не сомневаться. Мадам и теперь уже выглядит куда лучше, сказала Рози. По приезде вид у нее был немного утомленный.

Да, согласилась она, по приезде она была очень усталой.

Гуляя по Суон-роуд и дуге Променада, она думала: смотрит ли кто-нибудь на нее из окон — из этих глубоко утопленных в камень, официальных, респектабельных окон?

Вполне вероятно. Во всяком случае, этой историей она добилась самоутверждения. Снова стала главным персонажем, а не второстепенным, каким оставалась слишком долго.

А сюжет — функция характера, теперь она это знала наверняка. Первое, что она собиралась сделать в тот день, — это зайти в харрогитское почтовое отделение и послать объявление в «Таймс», поскольку обеспокоена тем, что кое-кто из ее родственников не знает, где она находится. Об этом она вскользь упомянула в разговоре с мисс Корбетт, с которой разговорилась накануне вечером. Прекрасная мысль, одобрила мисс Корбетт, напоминавшая ей молодую сообразительную няню-гувернантку.

Она заполнила форму: «Друзья и родственники Терезы Нил, только что вернувшейся из Южной Африки, могут связаться с ней через почтовый ящик R 702, „Таймс“, EC4», — и заплатила пятнадцать шиллингов.

Сюжет развивался не так, как она ожидала, но она пыталась вернуть себе контроль над ним.

За ужином в тот вечер на ней было новое платье, и она читала новую книгу — «Способы и средства». Потом, увильнув от мистера Петтельсона, пила кофе с семейством Финдли: мистером, миссис и мисс. Миссис Финдли, которая искоса бросала на нее взгляды, коим она не придавала никакого значения, помахала газетой «Экспресс» и спросила, что она думает об истории с миссис Кристи. Думает ли она, что та умерла? Или, как подозревала сама миссис Финдли, что ее убил собственный муж, — ведь это вполне в духе того, что могла бы написать сама миссис Кристи! Не забавно ли? Мистер Финдли рассмеялся, подтверждая, что это действительно забавно, потом сказал: «Вы очень похожи на пропавшую даму, миссис Нил».

«Неужели? Миссис Кристи представляется мне весьма неуловимой женщиной. Я и впрямь не могу даже вообразить, где она может находиться и жива ли», — сказала она и налила себе еще кофе.

Пятница, десятое. Заявление Арчи в «Дейли мейл». Он уверен, что она жива. Он знает это наверняка, и она знает, что он

знает.

«Да, это правда, — сказал он, — что моя жена рассматривала возможность исчезновения по собственной воле. Какое-то время назад она сказала своей сестре: „Я могла бы, если бы захотела, исчезнуть, и обставила бы это очень тщательно“».

Она так говорила? Неужели? Но какое отношение это имеет к тому, что происходит теперь? Она вовсе не собиралась исчезать. Иначе теперь все было бы уже позади. Но ситуация вышла за те рамки, где должна была завершиться.

«Я не думаю, что это самоубийство. Она никогда не угрожала убить себя, но если бы такая мысль и пришла ей в голову, я уверен, что она выбрала бы яд».

А вот это неправда. Она действительно много знала о ядах, но это не одно и то же.

«Если бы она захотела достать яд, не сомневаюсь, ей бы это удалось. Она очень умна и всегда умела получить то, чего желала».

В комнату вошла горничная Рози. Она не улыбнулась девушке, как обычно. В тот момент просто не могла. Да, поднос можно убрать, сказала она.

«Любопытно, что Питер, наш песик, которого я сегодня привез сюда, сразу рванул от того места, где была найдена машина, вниз. Он сделал это безо всякого побуждения, но потом остановился».

О, Питер, ее дружок!

«Нет ни грана правды в том, что между мной и моей женой в пятницу утром произошла какая-то ссора или размолвка».

Значит, прислуга распустила язык. Что ж, на то она и прислуга. Разве Арчи этого не знал?

«Я категорически протестую против того, чтобы к этому делу примешивали какие-то сплетни. Это не поможет мне найти жену, а именно это я намерен сделать. У моей жены никогда не было ни малейших возражений против кого бы то ни было из моих друзей, всех их она отлично знала».

Что тоже неправда.

Из газеты следовало, что ее ищут «пятьсот полицейских». А ведь она открыто сообщила им, куда направляется, — и ни один из них ей не поверил. Как же это глупо! Может, как предположила прошлым вечером искоса поглядывавшая на нее миссис Финдли, они и впрямь верят, что Арчи ее убил? Безумие какое-то.

На последней странице газеты, как обычно, были помещены фотографии. Сегодня — снимок Арчи, отъезжающего от дома в своем «дилейдже» с Розалиндой и Карло, а также Питером на заднем сиденье, и фотография этого глупого полицейского

Кенварда, ищущего ее на склоне холма.

Она покинула отель и села в поезд до Лидса. Сегодня она была раздосадована на себя самое и не собиралась возвращаться до вечера. Весь день она делала покупки и ела лишь диетические гренки с сыром. Вернуться в Харрогит было приятно. Там она, вне всяких сомнений, была в безопасности. «Хорошо ли провели день, миссис Нил?» Она мило улыбнулась и поднялась наверх, в свой номер, выкинув из головы все серьезные мысли.

Суббота, одиннадцатое. Минула полная неделя. Со страниц «Дейли мейл» она представала особой весьма странной, не в последнюю очередь благодаря свекрови, поведавшей миру о том, как неуравновешенно вела себя ее сноха, когда приезжала к ней на чай с Розалиндой. «Она то казалась очень веселой, то, уже через несколько минут, делалась совершенно подавленной»; «Я уверена, что голова у нее отказывалась работать, когда она садилась дописывать свой роман»; «Перед отъездом она без конца бормотала: „Проклятые сюжеты! О! Эти проклятые сюжеты“».

Неужели она в самом деле так вела себя? Нет, она не могла поверить, что делала такие смешные вещи.

«Я почувствовала какой-то намек на то, что между Арчи и Агатой в пятницу утром произошла какая-то ссора или размолвка. Хотя вообще они были очень дружной парой».

По-прежнему защищает его.

«Я уверена, что она мертва и лежит где-то на суррейских склонах».

«Ошибаетесь, опять ошибаетесь. Как всегда, миссис Хемсли».

За одну вещь, впрочем, она была благодарна свекрови: все же та иногда бывала весьма чуткой, даже проницательной. «Широкая общественность может быть твердо уверена, что собственное исчезновение не было ею инсценировано ради саморекламы».

Значит, вот что думают обо всем этом люди. Если бы они знали… Мечта скрыться: оказаться в каком-то другом месте, перестать быть собой. И все же. Она написала для себя главную роль. Все пошло не так, как она рассчитывала, но, так или иначе, она пока не желала ставить точку. Хотя могла это сделать. Могла спуститься в вестибюль и покончить со всем этим прямо сейчас. Но ей еще не хотелось.

Когда она спустилась, чтобы отправиться на дневную прогулку, многие гости разъезжались. Мистер и миссис Кэмпбелл, майор Бриггс семьей… Конечно, они возвращались домой, чтобы подготовиться к Рождеству. «До свидания, до свидания! Да, и вам тоже!»

Она бочком пробралась к столику с газетами и взглянула на

первую страницу «Дейли экспресс». Крупный заголовок гласил: «Миссис Кристи „еще жива“». Перелистнула «Таймс». Ее объявление. Да, оно было напечатано вторым сверху в колонке «Частное»: «Друзья и родственники Терезы Нил…»

«Доброе утро, миссис Нил», — услышала она за плечом. Миссис Финдли. Улыбается. «Доброе утро», — ответила она. «Похоже, сегодня отличный теплый день, не правда ли? Как ваши муж и дочь?» Сегодня она уезжает на весь день, но надеется, что вечером они увидятся, и с нетерпением ожидает выступления мисс Корбетт с оркестром.

Она гуляла, читала, вечером переоделась к ужину, а после него аккомпанировала мистеру Петтельсону и сама пела, заслужив шумное одобрение. Аплодировали даже оркестранты, наблюдавшие ее вблизи. А мисс Корбетт объявила, что опасается потерять работу.

Воскресенье, двенадцатое. Ей надоели газеты. Надоела вообще вся эта история. Полиция, аэропланы, собаки, охотники за сенсациями продолжают искать ее, прочесывая эти несчастные Северные холмы. Ну что можно сказать о них, кроме того, что они идиоты, поскольку не верят тому, что написано в ее письме Кэмпбеллу, и считают, что это всего лишь прикрытие, что письмо отправил кто-то другой, между тем как она уже мертва и убил ее Арчи. Это было глупо, и она устала от этого. Бабушка, подумала она, уже давным-давно догадалась бы, что на самом деле происходит.

Выбрав то, что понравилось, из своего нового гардероба, она оделась и пошла гулять по ставшим уже знакомыми улицам. Суон-роуд, полумесяц Променада, Парламент-стрит… Заглянула в церковь Святого Петра, помолилась за маму. Обошла весь Уэст-парк, шагая под сенью берез по внутреннему периметру окаймлявших его серо-каменных домов. Глубоко утопленные, официальные, респектабельные окна…

Она живо могла представить себе, что происходит за ними.

В голове начали складываться слова, строчки, мысли. Они поднимались изнутри, и она на ходу обыгрывала их.

Глубоко любящая женщина, чей муж непоправимо влюбляется в красивую девушку, о которой ничего не знает. Женщина мечтает убить ее…

(«— Я знаю эту историю. Она предложила Белокурой Розамунде, не так ли, на выбор: кинжал или чашу с ядом. Розамунда выбрала яд…

Элинор ничего не ответила, но вся побелела.

— Но в этот раз, возможно, выбора не будет… — сказал Пуаро».)[207]

Женщина, чей муж женился на ней ради богатства. Он замышляет убить ее, заполучить деньги и с триумфом вернуться к своей старой возлюбленной.

(«— И мне пришлось тоже принять участие в этом, чтобы позаботиться о нем…

Она сказала это просто и совершенно честно. У Пуаро не было никаких сомнений, что ее мотив был именно таким, как она сказала. Ей самой деньги Линнет Дойл были не нужны, но она любила Саймона Дойла, любила за гранью здравого смысла, нравственности и жалости».)[208]

Красивая молодая женщина умоляет любовника уйти из семьи, несмотря на то что его жена, как он ей говорит, тоже любит его.

(«— Я сказала, что понимаю это, но если она его любит, то его счастье должно быть для нее превыше всего. В любом случае она сама не захочет удерживать его, если он пожелает получить свободу.

— В жизни не все решается с помощью прекрасных максим, почерпнутых из современной литературы, — сказал он. — Помни: у природы зубы и когти в крови.

— Мы все теперь, разумеется, цивилизованные люди, не так ли? — рассмеялась она.

— …Неужели ты не понимаешь, Эльза, что она будет страдать — страдать? Ты хоть знаешь, что значит страдание?»)[209]

Женщина, влюбленная в женатого мужчину, чья жена подозрительно похожа на Нэнси Нил. Юная жена, предающая мужа с любовником. Другая женщина, «свежая, милая и до мозга костей англичанка», узнает об их любовной связи и грозится разоблачить ее. Она склоняет девушку покончить собой.

(«— Самоубийство требует большого мужества.

Вивьен дернулась назад, словно ее ударили.

— Тут вы меня поймали. Да, смелости у меня нет. Если бы был легкий способ…

— Легкий способ есть, он перед вами, — сказала Клер. — Нужно просто пуститься бежать вниз по этому

зеленому склону».)[210]

Женщина в поезде с лицом призрака.

Сколько рассказов!

Например, «Улица Арлекина», в котором женщина бросается в освещенный луной карьер.

Или другой, в котором мистер Саттерсуэйт находит тело женщины в конце улицы, ведущей либо к любви, либо к смерти. Ему «представилось нечто одновременно грозное, вселяющее ужас и… Радость, Печаль, Отчаяние». Он знает, что никогда больше не испытает этих чувств. «Зато я кое-что повидал, — воскликнул он. — Пусть я всего лишь наблюдатель за Жизнью, но я вижу то, чего не видят другие».[211]

В тот вечер, после ужина, она сидела в бальном салоне Зимнего сада, склонившись над кроссвордом. Салон был более пустым, чем когда-либо с момента ее приезда. Пианист тихо наигрывал что-то спокойное, неторопливое. Приглушенный свет…

Вероятно, так она могла бы жить всегда: без любви, без печали.

Когда мистер Петтельсон подошел и спросил, можно ли ему присесть и выпить кофе вместе с ней, она ему улыбнулась. Он слышал, что она тоже уезжает. Это правда? Кто ему сказал? Кажется, миссис Финдли.

Она понятия не имеет, откуда миссис Финдли это взяла. В сущности, она и сама не знает, когда соберется уезжать, пока у нее нет никаких планов.

Не согласится ли она как-нибудь сыграть с ним партию в бильярд? Он слышал, что она играет — разумеется, гораздо лучше, чем он!

Оркестр в тот вечер не выступал, и ранее, днем, двое оркестрантов ходили в полицию. Они, как и другие служащие отеля, заподозрили, что милая дама, которая называет себя «миссис Нил», на самом деле Агата Кристи. Почти наверняка.

Она улыбнулась мистеру Петтельсону и сказала, что будет рада сыграть с ним.

Понедельник, тринадцатое. Принесшая завтрак Рози смотрела на нее немного Пристыженно.

«У вас все в порядке?» — спросила она девушку. «О да, мэм. Ваша газета, как всегда, мэм».

Вчера ее искали уже пять тысяч человек.

Сегодня она чувствует себя чуточку уставшей.

Некто Макс Пембертон поделился с «Мейл» своим

экспертным мнением, которое состояло в том, что она мертва. «Если, дай бог, я ошибаюсь, я поклонюсь ей до земли как величайшей мастерице разыгрывать драмы. Но при этом буду считать, что недостойно было с ее стороны вызвать такую бурю общественного сочувствия по явно ничтожному поводу».

Ей вдруг расхотелось куда-либо идти. Она посидела у себя в комнате, почитала. Когда Рози пришла делать уборку, извинилась за то, что все еще в пеньюаре. Мама всегда учила, что нужно по мере возможности облегчать жизнь слугам.

«О, мама! Что бы ты обо всем этом подумала?» Кое-кто из журналистов пытался искать ее в Эшфилде — стучали в парадную дверь, рыскали по саду. Не следовало до этого доводить.

Газеты, которые она просмотрела в вестибюле, были полны сообщений о воскресной охоте.

Пропала еще одна женщина. Мисс Юна Кроу. Вышла из своего дома в Челси, и с тех пор ее никто больше не видел. Бедняжка — совсем еще девочка, у нее случился нервный срыв после смерти отца. Как это печально!

Что же касается ее самой, то выдвигалось предположение, что она живет в Лондоне и скрывается под мужским обличьем — как Этель Ле-Нев.[212] Смешно.

Она услышала шелест газеты в углу. Мужчина, весьма недурен собой. Столько народу уехало в последние дни. Она видела, как мисс Финдли прощалась с мисс Корбетт, и испытала даже некоторое облегчение при мысли, что больше не надо будет ловить на себе брошенные исподтишка взгляды миссис Финдли, хотя она и не обращала на них внимания. Ей даже будет недоставать неизбежного присутствия этой семьи за угловым столиком в Зимнем саду. Она будет скучать, вспоминая их несколько обиженно-грубоватую дочь и то, как миссис Финдли уверенно ведет своего мужа в хорошо отрепетированном вальсе. Они ей нравились.

Улыбнувшись новому гостю, она вышла на улицу. Шляпа надвинута, воротник поднят.

Вторник, четырнадцатое. Миссис Тейлор, прервав разговор с миссис Робинсон, улыбнулась ей лучезарнее, чем обычно. «Доброе утро! Вы замечательно выглядите, миссис Нил. Похоже, Харрогит пошел вам на пользу».

«Надеюсь, наш уговор пойти на танцы в „Проспект-отель“ сегодня вечером в силе?» — спросила миссис Робинсон. «О да, разумеется». Этот план они обсуждали несколько дней назад. Его предложила миссис Робинсон, а она подумала — почему бы и нет?

«Что ж, желаю хорошо провести вечер, милые дамы», — сказала миссис Тейлор.

Милые, любезные, совершенно нормальные люди. А вот о ней некий бывший полицейский написал в «Дейли мейл» следующее: «Большая трудность состоит в том, что искать приходится женщину, обладающую качествами, не свойственными обычным людям. Она талантлива. У этой женщины в силу особенностей ее профессии очень гибкий ум. Вследствие этого можно ожидать, что — сознательно или подсознательно — она будет вести себя неординарно».

Что ж, весьма мило, подумала она.

«Вскоре мы наверняка станем свидетелями чрезвычайно

интересного развития событий, но об их природе мы, полагаю, не можем даже гадать».

Это вызвало у нее улыбку. Все остальное было обычной чепухой. Какую известность приобрела, однако, миссис Кристи! И как это абсурдно, при том что вот она, здесь, всего лишь здесь, и давно им об этом сообщила! А они собираются отправить водолазов, чтобы обследовать дно всех прудов, мимо которых она проезжала. Значит, она больше не живет в Лондоне и не скрывается, подобно персонажу музыкальной комедии, под мужским обличьем? И то хорошо.

Вот эта девушка, Юна Кроу, она скорее всего мертва. Бедное дитя. Она жила на Элм-Парк-роуд. Как странно: это же в двух шагах от ее подруги Нэн Уоттс! Они вполне могли встречаться на улице.

Она отправилась на прогулку, сегодня — в Вэлли-Гарденс. Проходя мимо отеля «Маджестик», краснокирпичного здания, не характерного для здешних мест, заглянула в окна: внутри люди пили свой утренний кофе и курили, замкнутые каждый внутри своей жизни.

«Как это прекрасно, как надежно», — подумала она.

Она с удовольствием съела свой ленч. В столовой было тихо, и она читала книгу стихов, купленную в магазине. Потом сходила на массаж. Потом снова поиграла в бильярд. Подписала мистеру Петтельсону ноты песни «Ангелы да хранят тебя», которую он исполнял под ее аккомпанемент. «Тереза Нил», — написала она. Он, безусловно, был очаровательным мужчиной. И похоже, неровно дышал к ней. Приятная мысль, но и только. «Моя дорогая миссис Нил, я буду хранить это всегда как бесценное сокровище».

Потом она приняла лечебную ванну и переоделась к ужину. Надела жоржетовое платье, купленное в первый день по приезде, — бог ты мой, с тех пор прошло больше недели! В сумерках, начинавших окутывать комнату, просмотрела газету. Женщина, обладающая качествами, не свойственными обычным людям.

Выглянула в окно. Круто изгибающаяся дорога, ведущая в город, деревья, каменные дома, угасающий день…

Оглядела себя. Выцветшие волосы, выцветшие глаза. Улыбнулась.

Как каждый вечер, пока была здесь, она прошла по коридору, половицы которого слегка поскрипывали, спустилась по короткой закругляющейся лестнице в вестибюль. За парадной дверью отеля на улице в темноте угадывалось какое-то шевеление. Новоприбывшие? Она пошла к газетному столику посмотреть «Таймс».

Арчи сидел в вестибюле у камина.

Они взглянули друг на друга. Арчи и Агата. Как прежде.

Она села напротив.

Потом произошло нечто странное: к ней с галантным поклоном подошел мистер Петтельсон, и она сказала: «Вот видите, приехал мой брат». Потом вдруг засуетилась, заметив, какой усталый и печальный вид у Арчи. Ее пронзила мысль: она любит его, любила всегда и будет любить вечно, и все это она устроила ради него, но он приехал слишком поздно, слишком поздно.

Он взял ее под руку, чтобы вести на ужин.

Она услышала, как, обращаясь к мужчине, которого видела в вестибюле накануне, он произнес: «Да, это моя жена». Человек заговорил с ней. Он оказался полицейским. Какая досада! Какое отношение к ней может иметь полицейский? Она сказала ему, что не помнит ничего, что случилось с ней с того момента, когда она покинула дом одиннадцать дней назад, — неужели действительно прошло столько времени? — и что только теперь к ней начинает возвращаться память. «Да, моя жена ничего не помнит», — подтвердил Арчи.

Они пошли на ужин вместе. По дороге она заметила миссис Робинсон, что ей так жаль, что она не сможет пойти на танцы сегодня вечером… «Неожиданно приехал мой брат, надеюсь, вы меня простите». — «Конечно, миссис Нил, какая радость для вас».

Они сели. Арчи снова напротив нее за столом. Какое у него бледное лицо!

А что, если теперь все опять может стать хорошо? Меню, еда, вероятно, бокал вина…

«Как Медвежонок?» — спросила она.

«Ей ничего не рассказывали, — ответил он, — так что она в полном порядке».

«Скучала по мне?»

В этот момент подошел официант, и Арчи отвернулся от нее, чтобы сделать заказ.

«С тобой все в порядке, Агата?» — спросил он, когда официант ушел.

«Не знаю, — сказала она, — а ты как считаешь?»

Он посмотрел на нее.

Она уехала сама, но теперь точно знала, что это он от нее ускользнул, тогда, чуть раньше, и сейчас и навсегда.

Наконец она повзрослела.

Но миновало десять долгих дней,
А на одиннадцатый день, с утра,

Отец ей в руку положил письмо
И пальцы сжал. Так дева умерла.[213]

Она улыбнулась и принялась за еду.

Начиная с этого момента она стала общественной собственностью.

Журналисты заполонили харрогитский отель «Хайдро». Мистер и миссис Тейлор были бессильны против них. Пресса жаждала встречи с Агатой, но та после ужина поднялась к себе в комнату. Арчи, снявшему отдельный номер, дали возможность прийти в себя. Хоть ему и не хотелось ничего говорить, но он последовал совету суперинтенданта Макдауэлла из полиции Западного райдинга,[214] того самого, который успел поговорить с Агатой перед ужином, и согласился встретиться с одним корреспондентом. В своем заявлении для «Йоркшир пост» он впервые огласил официальную версию Агатиного исчезновения, коей семья строго придерживалась в течение многих лет.

«Нет никаких сомнений относительно того, что это моя жена. В настоящий момент она страдает полной утратой памяти, не помнит даже, кто она. Она не узнала меня и не может сказать, почему оказалась в Харрогите. Завтра я намерен увезти ее в Лондон, показать врачам-специалистам, и надеюсь, что покой и отдых пойдут ей на пользу. Хочу выразить свою признательность полиции за неустанные усилия, которые они приложили и которые позволили найти мою жену».

Надежда на то, что это положит конец всяческим спекуляциям, теперь, с дистанции времени, кажется смешной. Но у Арчи не было ключа к разгадке того, во что он оказался вовлечен. Он мог лишь смутно догадываться о таинственных мотивах поведения жены, которая, как он сам сказал корреспонденту «Дейли мейл», была «очень умна» — куда умнее его. За последнюю неделю или чуть более того он прошел через ад, предполагая в лучшем случае адюльтер, в худшем — убийство, и теперь, когда все разъяснилось, к чувству облегчения примешивались злость, тревога и чувство вины. По обыкновению, он инстинктивно старался скрыть свои чувства. Идея была правильной, но ему не слишком хорошо это удавалось. Он так крепко держал себя в узде, что та могла в любой момент лопнуть, и репортеры видели это. Он явно что-то скрывает. Ну конечно, «миссис Нил»! Они знали, что это значит. И если Арчи покрывал жену, то одновременно он покрывал и себя.

Сделав заявление для печати, Арчи отправил телеграмму

Шарлотте Фишер в «Стайлс» с просьбой устроить так, чтобы его «дилейдж» перегнали из Саннингдейла на вокзал Кингз-Кросс, откуда они с Агатой могли бы вернуться на нем домой. Еще около полудня Шарлотте позвонили из суррейской полиции и сообщили о полученной из Йоркшира информации о возможном местонахождении миссис Кристи. Ее попросили приехать в Харрогит, но она не могла этого сделать, поскольку не с кем было оставить Розалинду. Вместо этого она связалась с Арчи в его офисе, и он успел на поезд, отходивший с вокзала Кингз-Кросс в час сорок, — тот самый, на котором одиннадцать дней назад ехала Агата.

Шарлотта тоже прошла через ад. В определенной степени и ее подозревали — не просто в том, что она знала больше, чем говорила, а в том, что она по какой-то неизвестной причине убила свою хозяйку. Репортеры толпились вокруг «Стайлса», шныряли под маленькими темными окнами и старались сфотографировать ее всякий раз, когда она появлялась. Чтобы поддержать ее, приехала ее сестра Мэри, вместе с которой они опекали Розалинду. Несмотря на чудовищное давление, преданность Шарлотты Агате оставалась непоколебимой.

Теперь она обзванивала родственников и друзей семьи, сообщая им официальную версию об «амнезии». Тем временем Арчи придумал иной способ увезти Агату из Харрогита. Было очевидно, что они не смогут завтра сесть в поезд до Лондона, а потом доехать до Саннингдейла без того, чтобы журналисты не сопровождали их на каждом шагу и не устроили лагерь вокруг дома. Поэтому он связался с Мэдж и Джеймсом Уоттс и организовал все по-другому. По-прежнему будет считаться, что чета Кристи направляется в «Стайлс», а на самом деле в Лидсе они пересядут на другой поезд и поедут в Эбни. Там Агата сможет укрыться. Через широкие чугунные ворота Эбни не прошмыгнет ни один репортер.

В соответствии с новым планом в среду утром Уоттсы прибыли в «Хайдро», где их встретил Арчи. Мэдж ничего не знала о терзаниях Агаты накануне ее отъезда из дома 3 декабря, хотя должна была бы догадаться о душевном состоянии сестры. Джеймс, любивший Агату и бывший человеком практичным и компетентным, взял на себя заботы о том, чтобы незаметно вывезти ее из Харрогита.

Приблизительно в 9.15 Агата покинула отель, на десять дней ставший ей домом. Как же не хотелось ей, должно быть, вытаскивать себя из глубин забытья! Избежать докучливого внимания оравы журналистов было нелегко. Для отвода глаз к парадному входу отеля подогнали автомобиль с откидывающимся

верхом, к которому сразу же ринулась куча фотографов. Одновременно к черному ходу за углом подъехало такси. Разгадавший уловку корреспондент «Мейл» подоспел туда и сумел сфотографировать Агату, когда она спускалась по ступенькам, направляясь к машине: отсутствующее лицо, выглядывающее из-под полей шляпы.

На вокзале в Харрогите ей снова пришлось воспользоваться черным ходом. На перроне было слишком много народу, чтобы журналисты могли различить Агату в толпе, и им с Мэдж удалось спрятаться в своем купе — забронированном на имя мистера Паркера, — пока их мужья благоразумно контролировали ситуацию снаружи. Но множество репортеров, перебегая пути, ринулось к поезду, следовавшему до Кингз-Кросс. В Лидсе представление повторилось, поскольку кто-то проведал, что Агата не едет до Лондона, а пересаживается на другой поезд. Здесь корреспондентам многих газет удалось сфотографировать, как Агата со странной улыбкой на лице идет к манчестерскому поезду. К тому времени, когда он прибыл на станцию назначения, огромная толпа журналистов собралась на вокзале. Арчи на мгновение утратил контроль над собой и оттолкнул человека, пытавшегося заговорить с Агатой. «Эта дама больна!» — крикнул он. «Вулзли» Мэдж с шофером ждал у выхода с вокзала, и, пока Агата садилась в машину, было сделано еще несколько фотографий. На них она тоже улыбается. И на пальце у нее снова обручальное кольцо.

Журналистский конвой сопровождал «вулзли» всю дорогу до Эбни-Холла, где ворота перед ними захлопнулись. Толпа, ожидавшая прибытия поезда из Харрогита на Кингз-Кросс, шумела и металась, пока машинист не крикнул: «В нашем поезде ее нет!» Лишь после этого все разошлись по домам, разочарованные, судача о миссис Кристи.

В любой тайне есть нечто, что так и остается неразгаданным. Отсутствующее лицо женщины, на которую ведется охота, никогда не выдаст всех своих секретов. Теперь факты известны и стоящие за ними мотивы в большинстве своем — тоже, однако что остается в конце, так это история. Детективная история. Ее лучший «рассказ», потому что его нельзя разгадать.

Разумеется, предпринимались бесчисленные попытки сделать это, но все они были обречены на провал, потому что тайна, которую создала Агата, содержала в себе куда больше, чем просто головоломку. Можно задаваться вопросами. Спланировала ли она все это заранее? Действительно ли у нее был провал в памяти? Был ли это трюк ради популярности? Желала ли она отомстить,

вызвать жалость или положить конец всему? Эти вопросы задают без конца в надежде получить простой ответ. Но такая надежда неуместна, ибо исходит из упрощенного взгляда. Ее одиннадцать дней в «пустыне» — миф, поэма. Они существуют в ином измерении, несовместимом с логикой теорий и решений.

Эти одиннадцать дней — создание художника, писателя, а писатели живут иной жизнью. Их поступки основываются на смешанных побуждениях, ибо для них все — рассказ, повествование. В этом их убежище и их свобода. Так уж они устроены.

Но поскольку это рассказ Агаты Кристи, возникло искушение толковать его как детектив, требующий разгадки. О, это задачка для Пуаро! Для человека, который может просто взять факты — письма, брошенная машина, пересадки с поезда на поезд, объявление в «Таймс» — и чудесным образом с помощью логики выстроить в цепочку, заставить соединиться.

В некотором роде они действительно соединяются. И, как было показано, из этого лесного бурелома можно найти выход. Но если честно признаться, просека будет пролегать меж непроходимых чащоб, двусмысленностей и непознаваемого. Агата и сама плохо понимала, что она сделала в эти одиннадцать дней, так как же иначе можно их толковать, если не как рассказ, историю?

Любая биография — рассказ. Ни одна не представляет собой кода, который можно точно расшифровать: всегда остаются пробелы и нестыковки, и лишь рассказ — рассказывание истории — позволяет воссоздать недостающие связи. Всеведение — это для Эркюля Пуаро. Реальная жизнь знает куда меньше; она исполнена прелести тайны, и это, несмотря на все написанные ею книги, Агата очень хорошо понимала. Она не могла не понимать, что создала загадку иного уровня, коей присуща геометрическая сложность «Роджера Экройда». Как ее решить? Так? Эдак? Все равно останется последняя хитрость: это случилось на самом деле, а потому это нельзя понять до конца. Идеальный рассказ. Совершенная метафора человеческой тайны. Что может быть более непостижимым, чем женщина, появившаяся в Харрогите как улыбающийся призрак и читающая газетные репортажи о собственном исчезнувшем «я»?

И поэтому рассказ продолжает жить, бесконечно чаруя; и те, кто разрушает его красоту, пытаясь «решить» его, будут терпеть поражение при каждой попытке.

Возможно, самый лучший комментарий появился 16 декабря, через два дня после того, как Агату обнаружили в Харрогите,

когда все газеты еще бурно обсуждали это дело и глуповатую роль, которую они сами в нем сыграли. Его автор — колумнист «Дейли скетч», подписывавшийся псевдонимом «Человек с улицы»:

> «Многие граждане, которые, подобно мне, никогда не видели миссис Кристи и не читали ни одного из ее романов, должны были испытать огромное облегчение, когда полиция наконец установила ее местонахождение… Независимо от того, подтвердятся ли факты, которые были известны по этому делу с самого начала, последующие действия, коих потребовала эта литературная выдумка, в которой с энтузиазмом участвовало столько народу, не говоря уж о впечатляющих затратах энергии и средств, весьма сомнительны.
>
> Вскоре после того, как миссис Кристи покинула дом, брат полковника Кристи получил от нее письмо, в котором утверждалось: она очень плохо себя чувствует и собирается в Йоркшир, на водный курорт, что, судя по всему, точно соответствовало действительности. Так что теперь остается лишь констатировать, что множество людей получило удовольствие за чужие деньги».

Такая вот чуть отдающая высокомерием шутка насчет «исчезновения» Агаты Кристи. Отделите, мол, замысел от результата — и станет ясно, что никакого исчезновения не было. По крайней мере запланированного. Разумеется, никакого осознанного намерения исчезнуть на одиннадцать дней действительно не было. Так лишь казалось тем, кто столь усердно искал Агату. Они просто слепо не замечали того факта, что Агата сама сообщила им, где она. Как написал, не испытывая никаких сомнений, «Человек с улицы», Агата сделала именно то, что собиралась сделать, и со стороны полиции и прессы было тем более глупо не поверить ей.

Итак, вот — почти прямым текстом — рассказ Агаты. Она уехала из «Стайлса» со смутным намерением то ли найти Арчи, то ли покончить с собой, то ли сделать и то и другое. Затем впала в некое необычное душевное состояние: оказалась хозяйкой самой себе до той степени, когда могла свободно планировать, думать и действовать, но личности, которой она теперь безраздельно распоряжалась, на самом деле больше не существовало. Она не убила себя, но в каком-то смысле действительно умерла.

Новая, призрачная Агата создала свою трогательную ложную загадку из брошенного автомобиля, зависшего над карьером, саквояжа, водительских прав, меховой шубы — это «ключи». И все это она предприняла для того, чтобы попытаться заставить мужа раскаяться. Она бежала в надежде, что, после того как Арчи проведет выходные в муках и испугается, что она мертва, в нем пробудятся прежние чувства и он вернется к ней. Она обратилась к единственному человеку, который мог вступиться за нее, — к своему деверю, и сообщила ему, что едет в Йоркшир, дав понять, как она больна и несчастна. Она надеялась, что Кэмпбелл получит письмо 6 декабря, в понедельник, свяжется с Арчи и заставит его поехать за ней. «Миссис Нил» — еще один «ключик»: знак ее присутствия и укор мужниной совести.

Но объяснять в конце концов означает запутывать. В том, что делала Агата, был смысл, и в то же время в этом не было никакого смысла. Вот почему два наиболее популярных «решения» загадки ее исчезновения не просто неверны, а бессмысленны. Агата не теряла память, как официально утверждалось долгие годы, и не замышляла интригу, как цинично утверждали некоторые комментаторы. Истина лежит где-то посередине: в сфере неопределенности, в царстве забвения, как и сознание ее создательницы, чье «я» вознеслось в черное ночное небо, пока она спускалась на дно карьера.

Но историю исчезновения Агаты писала, разумеется, не только она. Наряду с ее собственной версией существовала куда более хорошо известная, созданная полицией и прессой. В сущности, их было две: частная и для публики, — и вся прелесть заключена в характере расхождений между ними. Пока Агата молчаливо скользила под березами, озабоченные ее исчезновением англичане, находясь как будто в другой вселенной, копались в ее жизни.

Сама она всегда относилась к той части событий, которые имели место до ее обнаружения в Харрогите, как к сугубо личному делу. Учитывая то, какую известность ей предстояло обрести, трудно представить себе, как мало было известно об этом происшествии сначала (6 декабря «Дейли мейл» сообщила о пропаже «некой романистки, автора детективных рассказов», в том числе «Кто убил Экройда?»[215]). Агата очень дорожила неприкосновенностью своей частной жизни и даже в спокойном состоянии представить не могла, что ее поступки станут предметом общественного обсуждения. Поэтому, оставляя машину висящей над карьером, она предполагала вызвать тревогу только одного человека, собственного мужа. Мысль о том, что

своим поведением она спровоцирует волну за пределами собственного узкого мира, просто не приходила ей в голову. Не таким она была человеком.

Волна бы и не поднялась — по крайней мере такая высокая, — если бы не действия полиции, а точнее, заместителя главного констебля Кенварда из суррейской комендатуры, который был, если так можно выразиться, влюблен в собственную версию, и не чрезмерное внимание журналистов, готовых ему внимать.

О машине, которая принадлежала Агате, как свидетельствовали водительские права, оставленные внутри, и которая была найдена в Ньюлендз-Корнере, Кенвард узнал 4 декабря, в субботу, около одиннадцати часов утра. В интервью, данном сразу после этого газете «Суррей адвертайзер», он сказал: «Кажется вполне вероятным, что… человек, или люди, находившиеся в машине, попали в беду». Поскольку Агата жила в Саннингдейле, была проинформирована полиция Беркшира, и два полицейских подразделения оказались вынуждены сотрудничать. В этом-то и заключалась трудность. Заместитель главного констебля Кенвард с самого начала не сомневался, что Агата мертва и ее тело находится где-то поблизости от машины. Беркширский суперинтендант Годдард стой же уверенностью считал, что она жива.

Годдард был разумным человеком, и интуиция подсказывала ему, что нервное расстройство заставило Агату совершить что-то вроде побега. Если до предела упростить события, то именно это и произошло. Однако главная роль в расследовании принадлежала Суррею, поэтому версия Кенварда превалировала. Дело об исчезновении Агаты, которое следовало вести с чрезвычайным умом и тактом, получило широкую огласку: поскольку оно давало шанс обрести известность в масштабе всей страны, в него активно вовлекали прессу и окрестности Ньюлендз-Корнера прочесывали без конца. Очевидно, Кенвард искренне верил в гибель Агаты, но чем менее вероятной становилась перспектива обнаружить ее тело вблизи машины, тем более упрямо он стремился доказать свою правоту.

«Что я всегда вам говорил? Во внимание нужно принимать все. И если факт не укладывается в гипотезу, значит, гипотезу следует отбросить». Это слова Пуаро из «Таинственного происшествия в Стайлсе», но Кенвард — как большинство тех, кто строил свои теории вокруг этого дела, — их игнорировал. Повторилось то же, что было с расследованием дела Йоркширского Потрошителя в 1970-х, когда полиция зациклилась на сфабрикованной магнитофонной записи и из-за этого упустила

преступника, которого неоднократно допрашивала как свидетеля: Кенвард был настолько одержим своей версией, что полностью игнорировал единственный верный ключ к местонахождению Агаты. «Прямым долгом полиции, даже если исходить только из соображений гуманности, было приложить все усилия, чтобы найти миссис Кристи, если она, помутившись рассудком, бродила где-то в окрестностях Ньюлендз-Корнера, — позднее заявил Кенвард той же „Суррей адвертайзер“. — Когда все усилия в этом направлении не дали результата, опять же прямым долгом полиции было констатировать, что убийства не было и речь о преступлении в этом деле не идет».

Именно в этом и заключена суть: Кенвард верил в высокую вероятность того, что Агату убил ее муж. Вот почему он не придал значения письму, которое она послала Кэмпбеллу Кристи. Вместо того чтобы отнестись к его содержанию с полным доверием, учитывая, что почтовый штемпель — «9.45, Лондон SW1» — доказывал: в субботу утром Агата была жива, он продолжал слепо разрабатывать собственную версию, решив, что либо письмо было послано не самой Агатой, либо она отправила его из Лондона, перед тем как вернуться в Ньюлендз-Корнер. Поэтому проверка сообщения Агаты о том, что она направляется «на йоркширский водный курорт», не была должным образом проведена. Проблема состояла еще и в том, что письмо было уничтожено — хотя конверт сохранился — и о его содержании судили лишь со слов Кэмпбелла. Кенвард мог подозревать: Кэмпбелл, покрывая брата, лжет насчет того, что действительно было в письме, или что письмо написал сам Арчи.

С самого начала и на протяжении всего расследования газетчики знали, что думает об этом деле Кенвард, и чувствовали, что ему не терпится защелкнуть наручники на запястьях надменного полковника Кристи. На газетных страницах выдвигалось еще несколько версий, но именно женоубийство вызывало наиболее бурную общественную реакцию. Некоторые комментаторы дошли до того, что предполагали, будто Агата намеренно хотела бросить подозрение на Арчи, чтобы его арестовали. Вот уж полный абсурд — Агата стремилась вернуть мужа, а не окончательно оттолкнуть его. Но чтобы понять это, было необходимо отделить намерение от результата. Ничего подобного Агата в отношении Арчи не замышляла, тем не менее это становилось вполне вероятной перспективой. Позднее журналист Ричи Колдер из «Дейли ньюс» писал: «Если бы ее тело было обнаружено, например, на дне Тихого пруда, то, учитывая известное отношение полиции к этому делу, не сомневаюсь, полковник Кристи был бы задержан на основании косвенных

улик».

Вот так — в первую очередь из-за позиции Кенварда, а также из-за газетной шумихи — и получилось, что частное событие из жизни Агаты стало публичным. Полиция и пресса оказались втянутыми в folie à deux,[216] что привело к нежелательному результату: глубоко личный кризис превратился в общенациональное достояние. Если кто-то верит, что назойливое и безапелляционное вмешательство средств массовой информации в личную жизнь есть феномен лишь последнего времени, пусть почитает репортажи об исчезновении Агаты — в 1926 году газеты исходили из точно такого же посыла, что и теперь: читатель жаждет сенсаций, катастроф и скандалов. Но в этом нельзя винить прессу. Кость, брошенная Кенвардом, оказалась слишком соблазнительной, чтобы противиться искушению: это было — и продолжает оставаться — первоклассным рассказом.

Действие его начинается в понедельник, 6 декабря, со всего лишь маленькой заметки, соседствующей с сообщениями о кончине Клода Моне. На следующий день появилось уже множество заголовков. О событии, правда, сообщалось с должной аккуратностью. Однако в последующие дни, по мере того как газеты начинали соперничать между собой, претендуя на эксклюзивность информации, в отношении аккуратности и точности стали допускаться существенные компромиссы. Тем не менее во вторник, седьмого, основные факты оказались установлены.

«Моррис» Агаты был найден в Ньюлендз-Корнере, занимающем обширную часть территории Северных холмов, простирающуюся от шоссе A25 неподалеку от Гилдфорда до деревни Элбери. Машину нашли ярдах в трехстах от вершины холма, на краю карьера, уткнувшейся капотом в куст, нависающий над обрывом. Место находится поблизости от проселка, теперь называемого боковой дорогой, который начинается на верхней точке Ньюлендз-Корнера. На полпути вниз дорога переходит в ухабистую колею под названием Уотер-лейн, которая сворачивает в левую часть карьера и ведет из него в Элбери. Цыганский мальчик по имени Бест обнаружил машину в субботу, 4 декабря, когда шел по главной улице Элбери около восьми часов утра.

В 1926 году Ньюлендз-Корнер был куда более открытым местом, чем теперь. Не было никакой преграды между главной дорогой и крутым, поросшим травой склоном, и быстро едущие водители время от времени скатывались по нему вниз. Сейчас

поперек склона насажено множество деревьев, тогда их было мало, но все же достаточно, чтобы задержать автомобиль. Тем не менее машина Агаты съехала вниз довольно далеко, и никакого тормозного пути на земле не было видно, поэтому представлялось маловероятным, что ее занесло случайно.

Вскоре после восьми часов автомеханик Фредерик Дор обследовал «моррис» более тщательно. Как сообщалось в большинстве репортажей, он выяснил, что аккумулятор машины разряжен, а тормоза отпущены. Широко цитировалось его высказывание относительно того, как автомобиль мог оказаться там, где его нашли: корреспонденту «Суррей адвертайзер» он заявил, будто похоже, что машину намеренно пустили под откос. «Мне кажется, что ее столкнули с вершины холма». Машина, несмотря на аварийную ситуацию, пострадала незначительно, и оказалось возможным отвести ее своим ходом в гараж на Эпсон-роуд. В баке оставалось около двух галлонов бензина; в салоне нашли дорожный саквояж Агаты, кое-что из ее одежды, в том числе шубу, и просроченные водительские права.

В некоторых интервью Дор упоминал также цыганскую девушку, с которой повстречался субботним утром и которая сказала, что слышала, как около полуночи по верхней части дороги в Ньюлендз-Корнере ехала машина. Он отправился на вершину холма, где стоял киоск с прохладительными напитками, принадлежавший некоему мистеру Алфреду Лаланду, которого он попросил присмотреть за машиной, потом — к находящемуся неподалеку отелю «Ньюлендз-Корнер», чтобы позвонить в полицию (Лаланд сообщил корреспонденту «Дейли ньюс», что уверен — тормоза были включены, и добавил: «Трудно представить, как она могла скатиться со склона»).

Много писали газеты и о том, как выглядела сама Агата. Уже в начале расследования обнаружился человек, который, по его словам, около 6.20 утра в субботу, четвертого, неподалеку от Ньюлендз-Корнера помог завести машину женщине, отвечающей описанию пропавшей. Почему-то сначала этого человека называли Эрнестом Кроссом, потом Эдвардом Макалистером — противоречие так и не получило объяснения, и в изложении его показаний содержались неизбежные разночтения. «Дейли мейл» с его слов сообщала, что у женщины, которой он помог, были «тронутые сединой» волосы и что она хваталась за голову, «словно у нее было большое горе». «Суррей адвертайзер» же, которой мистер Макалистер дал интервью (в целом отличное) непосредственно, писала, что «женщина вовсе не выглядела потерянной или особо расстроенной, но казалась немного странной, что он отнес на счет огорчения из-за поломки

машины». Действительно, создается впечатление, будто речь идет о двух разных свидетелях. Кросс утверждал, например, что радиатор машины был «довольно горячим», а капот квадратным (капот «морриса» Агаты имел форму бычьего носа), в то время как Макалистер говорил, что радиатор был ледяным. Во всех репортажах, правда, было сказано, что на женщине не было ни шляпы, ни пальто и что ехала она в направлении *от* Ньюлендз-Корнера.

Газетная информация подталкивала читателя к выводу, что Агата покончила с собой. Заголовок в «Экспресс» гласил: «Женщина с непокрытой головой, замеченная на Холмах» — словно речь шла о полураздетой лунатичке, бредущей среди ночи навстречу своей погибели. Особое внимание уделялось тому, что брошенная машина найдена вблизи Тихого пруда, дно которого прочесывала полиция и который описывали (справедливо) как весьма жуткое место. С самого начала — и не только из-за того, чем профессионально занималась Агата, — делу придали оттенок темной, зловещей тайны.

В среду, восьмого, новостью дня стало письмо Агаты Кэмпбеллу Кристи. «Она сообщила, что собирается провести выходные на курорте в Йоркшире» — озаглавила свой материал «Дейли скетч». Однако тут же, словно бы с облегчением, добавляла: «Однако нет никаких свидетельств, что она действительно туда отправилась». И впрямь, разве такая простая разгадка могла кого-либо заинтересовать? Что касается почтового штемпеля «SW1» — который тоже представлял угрозу сценарию под названием «Труп в Ньюлендз-Корнере», — то было выдвинуто предположение, что Агата отправила письмо не сама, а, будучи 1 декабря в своем клубе «Форум», вероятно, попросила кого-нибудь отослать его. «Как и кем оно было отправлено из Лондона — вопрос, который пока не выяснен», — писала «Суррей адвертайзер». Никому и в голову не пришло принять содержание письма за чистую монету — оно стало лишь еще одним «наркотиком», к которому полиция и пресса мгновенно обнаружили привыкание.

Например, сообщалось, что не далее двух недель назад Агата посетила своего аптекаря, чтобы взять у него снотворное, что она беседовала с ним о гиосцине[217] и сказала: «Я бы никогда не прибегла для самоубийства к насильственному способу. Зачем, когда существует такой препарат, как гиосцин?» Некоторые газеты утверждали, что у Агаты мог быть револьвер.

Однако, определенно склоняясь к версии о том, что Агата мертва, газеты одновременно публиковали свидетельства людей, которые якобы видели ее. Большинство «встреч» произошло в

окрестностях Ньюлендз-Корнера. Миссис Китчинг, которая жила неподалеку от Элбери, «в субботу днем встретила на дороге странную женщину»; она не сомневалась, что это была миссис Кристи. Рабочий с фермы около четырех утра в субботу, четвертого, видел, как ее машина ехала через соседнюю деревню Шиар; некто мистер Браун подвозил ее около четверти двенадцатого в тот же день («Похоже, она была в том состоянии, когда человеку безразлично, что происходит»), а некий мистер Ричардс сообщил, что видел, как в субботу днем она сидела в машине, припаркованной на обочине сельской дороги в нескольких милях от Гилдфорда, и рядом с ней сидел мужчина.

В понедельник Агату видели в Пламстеде, в юго-восточной части Лондона: якобы она ворвалась в дом какого-то мистера Дэниелса, размахивая фунтовой банкнотой и требуя, чтобы ей ее разменяли. Во вторник некая миссис Бисшоп наблюдала, как она, «в бедственном состоянии», садилась на Пиккадилли в автобус, следующий до Бейсуотера.

Между тем вереду, восьмого, «Харрогит кроникл» опубликовала еженедельный список гостей города. Имя «миссис Нил из Кейптауна» значилось в списке остановившихся в отеле «Хайдро».

Разумеется, полиция приняла во внимание сведения из письма Агаты Кэмпбеллу. В «Дейли экспресс» 9 декабря появилась маленькая заметка, в которой сообщалось, что «в Харрогите ведутся тщательные поиски». «Стало известно, что некая дама приблизительно того же возраста, что и миссис Кристи, вчера посетила Королевские ванны» — вот единственное истинное свидетельство среди кучи ложных. Журналисты из «Экспресс» и «Дейли кроникл» обошли все харрогитские отели, но, не обнаружив женщины, зарегистрировавшейся под именем Агаты, пришли к заключению, что ее там нет.

В то же время первый ключик появился в «Вестминстер газетт» девятого числа — там была упомянута «мисс Нилд», как ее назвали, — «единственная другая гостья» коттеджа в Годалминге, где Арчи провел предыдущие выходные. Публиковались также показания прислуги дома Кристи. «Я, конечно, понимаю, — писал специальный корреспондент „Газетт“, — что „нет ни грана правды в сплетнях“ о том, что за завтраком супруги говорили „на повышенных тонах“…»

Иными словами, специальный корреспондент именно поверил, что ссора была, и отлично догадывался из-за чего. К тому времени пресса уже учуяла душок. Журналисты знали, что думает Кенвард об Арчи и почему: история приобретала новое многообещающее измерение. Из объекта сострадания

(«доведенного этой загадкой до отчаяния», как писала 7 декабря «Мейл») Арчи превращался в объект подозрения. Он потребовал и добился того, чтобы в «Стайлсе» установили полицейский пост — для защиты его и дочери (полисмен каждый день сопровождал Розалинду в школу) от назойливого внимания прессы. Однако он не мог бесконечно уклоняться от контактов с ней. «Я плохо себя чувствую, — заявил он газете „Дейли экспресс“, — и нервничаю из-за отсутствия новостей. Честно признаться, я больше не могу это выдерживать». Газете «Ивнинг ньюс» он сказал и того больше: «Я уехал из дома в пятницу, чтобы провести выходные у друзей. Я не готов сообщить, где именно был, — об этом я уведомил полицию. Не хочу, чтобы моих друзей втягивали во все это. Это мое сугубо личное дело. Меня травят и мучают как преступника, а единственное, чего я хочу, это чтобы меня оставили в покое».

На следующий день, десятого, появилось множество снимков и репортажей о поисках Агаты в Ньюлендз-Корнере. «500 полицейских ищут миссис Кристи» — такой заголовок дала «Дейли мейл». Менее сенсационно «Таймс» сообщала, что в поисках участвует около двухсот пятидесяти полицейских, которым помогают добровольцы, в том числе и Арчи Кристи. С ним — песик Агаты Питер (или Простак, как называли его в некоторых изданиях). Для осмотра местности задействованы два гражданских аэроплана. Ранее было обследовано дно Тихого пруда в Элбери, а также Кенвард неофициально привлек к поиску охотников с собаками из Гилдфорда и Шера. Пока не найдено ничего, кроме мистифицирующей записки — о чем, как положено, сообщалось в газетах, — гласившей: «Поинтересуйтесь у Кэндла Лэнча. Ему известно о Тихом пруде больше, чем…»

Но главной новостью 10 декабря было то, что Арчи Кристи, сдавшись наконец, согласился на обширное интервью. «Мейл» приводила его полностью. Без сомнения приободренный сочувственным отношением специального корреспондента, Арчи поделился с ним кое-какими мыслями — не только о собственно исчезновении, но и вообще об Агате. Его нельзя было упрекнуть в непонимании ее натуры, он отлично знал, что ее голова работает неординарно. Тем не менее гипотезы, которые он выдвинул, были явно окрашены желанием выгородить себя.

С этой целью он сказал, что Агата «говорила о вероятности исчезновения по собственной воле. Какое-то время назад она заявила сестре: „Если бы захотела, я могла бы исчезнуть и обставила бы это очень тщательно“. Кажется, в тот момент они обсуждали что-то напечатанное в газетах. Это показывает, что мысль о заранее обдуманном исчезновении посещала ее, — и причина, вероятно, касалась ее работы.

Лично я полагаю, что именно это и произошло. Во всяком случае, я поддерживаю себя этой мыслью».

Далее Арчи объяснял, почему не верит в самоубийство Агаты: решись покончить с собой, она воспользовалась бы ядом, сказал он, к тому же «если человек намеревается свести счеты с жизнью, он не станет тратить силы на то, чтобы уезжать за много миль от дома, снимать с себя тяжелую шубу и идти неизвестно куда, чтобы сделать это… Я думаю, она спустилась по склону и ушла — бог знает куда. Почему я предполагаю, что она пошла вниз? Потому что она всегда ненавидела карабкаться вверх».

Кое-что из его соображений было весьма близко к истине, особенно пассаж о том, что Агата спустилась вниз по дороге. Однако сказал он это из эгоистического интереса. Он хотел подчеркнуть, что она жива, потому что единственной правдоподобной причиной ее самоубийства могли быть только его отношения с Нэнси Нил.

Арчи подробно рассказал о последних трех днях, предшествовавших исчезновению Агаты, включая ее визит в Лондон к Эдмунду Корку. Удивительно, особенно в свете их отчуждения, как много он знал о писательских делах Агаты. Очевидно, какие-то отношения они все же поддерживали, или, может быть, Агата просто старалась делать вид, что у них все в порядке.

> «Она сказала мне, что они говорили о ее новом романе, «Тайна „Голубого поезда“», который она никак не могла закончить… Я также знаю, что она была весьма озабочена книжным изданием своих рассказов „Большая четверка“, которые до того печатались в периодике с продолжением. Впрочем, непохоже, чтобы этот визит расстроил ее, так как во вторник вечером она со своей секретаршей мисс Фишер отправилась в Аскот — то ли в танцкласс, то ли еще куда-то».

Все это было очень интересно, но цель интервью заключалась в другом. «Я обратил внимание полковника Кристи на слухи, распространившиеся как в Саннингдейле, так и за его пределами». Арчи решительно отрицал, что между ним и Агатой утром в пятницу, третьего, произошла какая-то ссора.

> «Она была в отличном расположении духа — по крайней мере в таком же, в каком пребывала все последние месяцы, — и знала, что я собираюсь уехать на выходные; знала она и кто будет среди

немногочисленных гостей в том доме, куда я отправлялся, и ни в то утро, ни в какое-либо другое время не выказывала ни малейшего неудовольствия. Я категорически возражаю против того, чтобы в это дело вмешивали сплетни. Это не поможет мне найти жену, а именно это я собираюсь сделать.

У моей жены никогда не было никаких предубеждений против кого бы то ни было из моих друзей, со всеми ними она была знакома».

Как неразумно вел себя Арчи! Насколько мудрее было бы ничего не сказать. Однако он был не единственным, кого пресса провоцировала на «объяснения». Люди, куда более искушенные в методах журналистов, позволяли убедить себя в том, что молчание якобы порождает гораздо больше недоразумений; только умная и бдительная Шарлотта понимала, как неправильно поступает Арчи. Журналисты вовсе не стремились оправдать его — их единственной заботой было написать увлекательную историю. А что могло быть интереснее, чем виновность Арчи? Один репортер, Стэнли Бишоп из «Дейли экспресс», был абсолютно уверен, что речь идет о женоубийстве. Ричи Колдер предполагал, что Арчи покинул дом Джеймсов посреди ночи, встретился с Агатой в Ньюлендз-Корнере и убил ее. Как показал процесс 1922 года над Эдит Томпсон,[218] английская публика охотно приравнивает адюльтер к убийству, какими бы шаткими ни были доказательства. Никаких улик против Арчи не существовало, но пресса точно так же чернила его; даже если он не убивал свою жену, журналисты верили в вероятность того, что он довел ее до самоубийства. Так что для него лучше всего было молчать. Возможно потому, что Арчи не был повинен в большем преступлении, и потому, что, зная Агату так, как знал он, не сомневался, что она жива, и интуитивно стремился защитить себя.

На самом деле Арчи не мог поверить в то, что оказался в подобной ситуации. Он был из тех, кто считает журналистов и полицейских людьми другой касты, и вот вдруг сам оказался не только в центре газетной шумихи, но и на пороге вероятного уголовного расследования. Милый уют уик-энда, который он проводил с Нэнси — отдых, временное облегчение, гольф, Мэдж и Сэм, счастливо забавляющиеся со своим новорожденным малышом, — был нарушен спокойным голосом Шарлотты. Возможно, уже тогда он понял, что ни для кого из них жизнь больше не будет прежней.

Газетные сообщения расходятся относительно того, когда

Шарлотта связалась с Арчи: в пятницу вечером, по возвращении в «Стайлс» из Лондона, или в субботу утром, после того как нашли машину Агаты. По воспоминаниям Ричи Колдера — наверняка безошибочным, — именно в пятницу Шарлотта, «то ли по просьбе миссис Кристи, то ли потому, что страшно встревожилась», позвонила Арчи, чтобы предупредить, что Агата пропала. «Ужин, — писал Колдер, — который домочадцы квалифицировали как „помолвку“ полковника Кристи и мисс Нил, был в разгаре». Слух распространила прислуга, и через полицию он дошел до прессы. Доказательств тому не существует, однако это помогает объяснить отношение к Арчи. Это также делало более правдоподобной гипотезу о том, что Арчи покинул дом Джеймсов среди ночи, предполагая встретить Агату неподалеку, и убил ее. Но все это неопределенно, поскольку, согласно другим сообщениям, Шарлотта позвонила Арчи лишь в субботу утром, после чего он вернулся в «Стайлс» и встретился с полицией.

Нэнси тем временем ретировалась в цитадель родительского дома в Херефордшире, где, как горячо надеялся Арчи, ее никто не мог побеспокоить; лишь бы Агата нашлась до того, как всплывет имя Нэнси! Какое счастье, что Шарлотта так рассудительно-сдержанна, хотя положиться на прислугу так же, как на нее, нельзя! Шарлотта не теряла самообладания даже тогда, когда полиция метала случайные стрелы подозрения в ее сторону. Она и ее сестра Мэри со свойственным эдинбуржцам неторопливым достоинством продолжали хозяйничать в доме. Шарлотта прекрасно управлялась с Розалиндой, которой сказали, что мама уехала, чтобы писать книгу; поддерживала контакт с Мэдж Уоттс, которая была убеждена, что кто-нибудь должен знать, что случилось с ее сестрой; отвечала на бесконечные телефонные звонки и справлялась с журналистами, шмыгавшими вокруг дома и уже знавшими, что от мисс Фишер ничего не добьешься, как ни старайся. Арчи — другое дело. В своем интервью «Дейли мейл» от 10 декабря он рассказал еще больше о том, что могла, с его точки зрения, сделать Агата:

> «Знаю я только то, что мне сказали слуги. Однако могу представить, что она впала в такое состояние, когда невозможно спокойно сесть за работу или чтение. Со мной тоже не раз такое случалось, и тогда я выходил из дома и шел куда глаза глядят, безо всякой цели. Думаю, то же самое сделала моя жена, только отправилась не пешком, а на машине, четырехместной…
>
> Слуги не заметили в ее поведении ничего особенно

странного, и когда мисс Фишер позвонила в тот вечер из Лондона, чтобы спросить, не нужна ли она, моя жена ответила, что все в порядке. Она оставила записку, адресованную мисс Фишер, в которой просила ее сделать все необходимое, чтобы отменить запланированную на выходные поездку в Йоркшир (в Беверли), добавив, что отправляется в небольшое путешествие на автомобиле и завтра даст ей знать, где находится.

Это все, что мне известно, и едва ли мне нужно говорить вам, как ужасны для меня нынешняя тревога ожидания и неопределенность».

К тому времени письмо Агаты к Шарлотте уже находилось в распоряжении полиции. Письмо, которое она оставила для Арчи, тот сжег прежде, чем кто-либо другой смог прочесть его. Почти наверняка в нем упоминалась его связь с Нэнси Нил, хотя в интервью газете «Дейли мейл» от 11 декабря он по-своему излагал его содержание. «Оно не имело ни малейшего отношения к исчезновению моей жены, — говорил он. — И разумеется, это не было ни прощальное письмо, ни письмо, содержавшее хоть какие-то жалобы. Это была просто записка, которую, не сомневаюсь, моя жена написала, просто вспомнив кое-что, что забыла мне сказать, задолго до того, как ей пришло в голову уехать на автомобиле».

Неудивительно, что у Кенварда была своя, отличная точка зрения на то, что могло содержаться в письме Агаты мужу. Очевидно, что сам Арчи не сообщил бы Кенварду о существовании этого письма; возможно, это сделала Шарлотта, но скорее — кто-то из горничных, видевших письмо, когда оно лежало в передней.

Последовало состоявшееся в полицейском участке Бэгшота совещание представителей суррейской и беркширской полиции, «в ходе которого обсуждалось обнаружение факта существования еще одного письма», — писала «Дейли скетч». Журналисты также задавали Арчи вопросы относительно содержания письма, оставленного Шарлотте. Арчи отвечал на это корреспонденту «Мейл» в стиле, который к тому времени стал уже для него привычным и который заставлял читателя приходить к выводам, прямо противоположным тому, что он хотел сказать. «Оно не имеет никакого отношения к исчезновению моей жены. И разумеется, не содержит никаких претензий к кому бы то ни было». Явно полагая, что это ему поможет, он продолжал утверждать, будто они с Агатой «никогда не ссорились из-за своих друзей или чего-либо другого. Вы должны понимать, что мы женаты много лет и, как у всякой супружеской пары, у

каждого из нас была до некоторой степени своя отдельная жизнь».

Некоторые вышедшие 11 декабря газеты доставили Арчи немало огорчения. «Скетч» информировала своих читателей, что «полковник Кристи был сегодня приглашен для беседы с заместителем главного констебля Кенвардом» по поводу письма, которое он уничтожил. «Вестминстер газетт» писала, что в результате бэгшотского совещания «события получили важное развитие» и что Арчи после встречи с Кенвардом выглядел «смущенным». Сколько-нибудь проницательный читатель должен был предположить, что его арест неминуем. В то же время «Экспресс» взяла другое направление, утверждая, будто теперь полиция считает, что Агата жива (для беркширских полицейских это было бесспорно). Между тем репортеры, как и следовало ожидать, осаждали дом Джеймсов в Годалминге. «Мейл» удалось получить кое-какие отрывочные сведения у Сэма Джеймса, чья преданность Арчи не вызвала симпатии.

> «Ходят слухи, будто жена звонила сюда полковнику Кристи, что он ездил встречаться с ней или что она приезжала к нему сюда. Ничего подобного не было.
>
> Я думаю, миссис Кристи, вернувшись домой и обнаружив, что полковник проводит выходные у нас, в порыве раздражения просто уехала из дома».

Не все разделяли подобное мнение. Хотя «Дейли ньюс» смоделировала три снимка, на которых Агата изображалась так, как она могла выглядеть, тем или иным способом изменив свою внешность, и хотя появились новые слухи о том, что она остановилась в одном из отелей на южном побережье или в Риле, версия Кенварда по-прежнему превалировала. Превалировала настолько, что 12 декабря множество людей решили отправиться на поиски трупа Агаты. «Сегодня — день массовых поисков миссис Кристи, — писала „Санди пикториал“. — Полиция обращается с просьбой к автолюбителям Даунса, а также к владельцам бладхаундов принять участие в поисках». Так же как впоследствии, после смерти Дианы, принцессы Уэльской, тысячи людей отправятся в поход на Кенсингтон, побуждаемые в том числе и желанием просто приобщиться к событию, с раннего утра в воскресенье возбужденные толпы начали стекаться в Ньюлендз-Корнер; среди них была и писательница, автор детективных сочинений Дороти Л. Сэйерс.

По совету Кенварда и его подчиненных публика прибывала, соответственно одевшись («офицер полиции предупредил, что от людей в легкой кожаной обуви пользы не будет»), и имела при

себе палки. Как и ожидалось, привели с полдюжины бладхаундов. Поиск охватил большую территорию. Инструкции на дальние фланги доставлялись конными курьерами. Однако, как всегда бывает, среди охотников-добровольцев находились и не страдавшие излишним усердием, так что киоск прохладительных напитков Алфреда Лаланда пользовался популярностью. То и дело прокатывались слухи о находках; самыми выдающимися были несколько дамских сумок. «Дейли экспресс» постаралась представить их как потенциально важные улики.

Оценки численности добровольных помощников полиции разнятся: «Дейли мейл» писала о пяти тысячах человек; «Дейли скетч» — десяти тысячах, «Экспресс» и «Вестминстер газетт» — о пятнадцати. «Таймс» более благоразумно остановилась на двух тысячах, хотя признала, что даже при этом «дороги были блокированы, и оставленные на стоянке машины запрудили все плато неподалеку от того места, где был найден автомобиль миссис Кристи». Приехало около четырехсот (если верить «Скетч» — «три тысячи») автомобилей. Казалось, люди собрались, чтобы весело провести время. И неудивительно, что Арчи, который не принимал участия в этой великой воскресной охоте, сказал корреспонденту «Дейли экспресс»: «Уверен, она не вернется, пока все не уляжется».

Последние страницы газет изобиловали фотографиями, сделанными во время поисков в Ньюлендз-Корнере. Одновременно появилось также сообщение о пропаже двадцатиоднолетней Юны Кроу, которая вышла из принадлежавшего ее семье дома в Челси в субботу, 13 декабря, утром. «Пропала дочь известного дипломата» — гласил заголовок в «Экспресс». «К исчезновению миссис Агаты Кристи прибавилась еще одна загадка пропавшей женщины».

13 декабря газетное безумие достигло апогея. Мертва ли Агата? Жива ли? Может, она в Хиндхеде, как предположил управляющий отелем «Ройял хатс», где Агата обедала в выходные? Или «в Лондоне, под мужским обличьем»? Это последнее преподносилось со всей серьезностью как новейшая полицейская версия; «Дейли ньюс» даже поведала, будто бы Арчи «провел тщательную ревизию своего гардероба», чтобы выяснить, не пропало ли что-нибудь из его одежды.

«Вестминстер газетт» возвращалась к письму, оставленному Шарлотте Фишер: «Дело Кристи. Запечатанная записка. Вскрыть, только если будет найдено тело», — и цитировала свекровь Агаты, миссис Хемсли, которая предположила, что в неоконченном романе «Голубой поезд» (sic) может содержаться ключ к разгадке реальной тайны. В газете также упоминалась

«фигура в белом одеянии», которую видели то там, то здесь в Ньюлендз-Корнере, в том самом районе, который день ото дня вселял все больший ужас.

«Дейли скетч» информировала своих читателей, что «под открытым небом на холмах, а также в окуренных ладаном помещениях Гилдфорда и близлежащих городов имели место спиритические сеансы». Некий журналист побывал на одном из них, проводившемся «известным медиумом», которому дух по имени Мейси («дух африканской девушки неизвестного племени») поведал, будто Агата похищена в Бейсуотере двумя мужчинами. Журналист оказался скептиком, однако статью сочинил и между прочим показал в ней, какие глупости заставляет совершать людей Агата.

14 декабря принесло известие о найденной в Ист-Клэндоне, расположенном всего милях в двух от Ньюлендз-Корнера, избушке, в которой имелись следы человеческого присутствия. Относительно благоразумная «Вестминстер газетт» дала ее описание: «…что-то вроде внушающего суеверный ужас жилища Ханзеля и Гретель, расположенное в самой глубинке Суррейских холмов». В избушке нашли почтовую открытку, горбушку хлеба и шубу, а также пустую бутылку «с этикеткой: „Яд: свинец и опиум“». Полиция, говорилось дальше, посыпала пол хижины порошком, чтобы последам определить, посещает ли ее кто-нибудь. «Сегодня утром на полу появились отчетливые женские следы». Однако на деле все обстояло не так: порошок рассыпал какой-то мошенник-репортер, который потом подговорил официантку из бара в Гилдфорде пройтись по нему. «Опиум» на поверку оказался лекарством от диареи, а вещи, найденные в «избушке» — а на самом деле в совершенно обычном, хотя и отдаленном коттедже, — принадлежали хозяевам.

Между тем Кенвард опять готовил охоту, поведав «Дейли мейл» о своих планах организовать новые массовые поиски в окрестностях Ньюлендз-Корнера: «Все овраги, ручьи и пруды в этой местности будут прочесаны». Он без конца повторял, что тело будет найдено, и надеялся вновь привлечь начавшее ослабевать внимание газетчиков (к тому времени они несколько подустали от его непродуктивной версии). «Газеты выдвигают предположение, будто миссис Кристи жива. Если так, почему она до сих пор не написала своим банкирам, агентам, адвокатам или кому-нибудь из родственников? Ведь при этом вовсе не обязательно разглашать свое местопребывание. А не написала она никому по одной очевидной причине: потому что мертва».

К несчастью для Кенварда и в ущерб его последующей карьере, Агата написала такое письмо — Кэмпбеллу Кристи, но

тот предпочел проигнорировать его. Тем не менее, пока Кенвард давал интервью «Мейл», тайна начала потихоньку приоткрываться.

В воскресенье, тринадцатого, два музыканта из оркестра, игравшего в отеле «Хайдро», Боб Тэппин и Боб Лиминг, явились в местный полицейский участок и поделились своими подозрениями, что тихая улыбчивая миссис Нил, судя по газетным фотографиям, внешне очень напоминает пропавшую миссис Кристи. На следующий день офицеры из полиции Западного райдинга отправились в отель и, понаблюдав за женщиной, пришли к мнению, что Агата найдена. Они связались с Кенвардом, но тот, пропустив их сообщение мимо ушей, продолжал согласно собственному плану обшаривать местность вокруг Ньюлендз-Корнера.

Первое, что сделали в полиции Йоркшира во вторник, это снова связались с Кенвардом, пытаясь убедить его, что, каковы бы ни были его собственные сомнения, домашних Агаты оповестить необходимо. Поэтому он позвонил Шарлотте Фишер в «Стайлс» и попросил приехать в Харрогит, чтобы удостоверить, является ли найденная женщина ее хозяйкой. Мисс Фишер, в свою очередь, позвонила Арчи, который тут же поспешил на поезд. Согласно «Дейли экспресс», Кенвард продолжал выказывать скептицизм чуть ли не за час до того, как Агату опознали. «Не думаю, чтобы харрогитская версия нам что-то дала», — сказал он. И даже позднее заявлял, будто у самого Арчи тоже имелись сомнения.

Тэппин и Лиминг были не единственными людьми в отеле — или по крайней мере в оркестре Хэрри Кобба, — узнавшими Агату. Рози Эшер, обслуживавшая в качестве горничной номер, который занимала Агата во время своего пребывания, сообразила еще раньше. Впоследствии она объяснила, почему не решилась пойти в полицию: «Думаю, я догадалась одной из первых, но я слишком дорожила своей работой, чтобы впутываться в это дело». Она с самого начала заметила, что в «миссис Нил» было что-то странноватое — всего один маленький чемодан багажа, отсутствующий взгляд, какой бывает, наверное, у призраков. Среди вещей постоялицы имелись необычные туфли с пряжками, ставшие известными всем по фотографии Агаты, помещенной в газетах, и сумка на молнии, описание которой дала полиция. «Вот тут-то меня и осенило».

Миссис Тейлор, хозяйку отеля «Хайдро», тоже посещали сомнения, которыми она поделилась с мужем. «Я признаю, что в какой-то мере несу ответственность за то, что не заявила в полицию, — сказала она корреспонденту „Мейл“. — Это сделал кто-то, кто не работает в отеле, хотя некоторые служащие

поговаривали о большом сходстве нашей постоялицы и женщины с газетных снимков. Я велела им молчать».

Кое-кто из гостей тоже обращал внимание на это сходство, но их подозрения никогда не переходили в действия — не такими людьми были постояльцы «Хайдро». Как и жители Харрогита. «Разумеется, мы знали, что это она, но ничего не говорили», — признался один харрогитец много лет спустя. Если миссис Кристи захотела побыть здесь одна, погулять по городу, побаловать себя обновками, это ее сугубо личное дело: Харрогит, аристократичный, благоразумный, замкнутый, ничего не имеет против, пока она благополучно вписывается в него. Может быть, не слишком подходящий конечный пункт дня такого особого путешествия, и тем не менее Агата выбрала именно его, потому что Харрогит был северным Торки, городом, куда ездят «такие люди, как мы», даже когда хотят исчезнуть.

К тому же трудно было найти место, более удаленное от одержимых полицейских и жадных до сенсаций журналистов, которые легкомысленно игнорировали единственный ключик, предоставленный им самой Агатой, — недаром же, несмотря на всю свою лихорадочную активность, они так и не сумели ее там найти.

Неудивительно, что газетам было трудно простить ее, когда она была наконец найдена в том самом месте, которое указала с самого начала.

Не ее вина, что столь многие люди выставили себя глупцами. Она не просила их прочесывать мелколесье Северных холмов, осушать пруды и «замечать» ее в лондонских автобусах. Она не стремилась целую неделю красоваться на первых полосах газет. Общественным достоянием ее жизнь стала помимо ее воли, но теперь с этим уже ничего нельзя было поделать. Пресса чувствовала себя так, будто Агата заставила ее плясать под свою дудку; в конце концов объективно так и оказалось, но она опять же не просила их плясать. То же можно было сказать и о тех, кто бесконечно рассуждал о горькой судьбе миссис Кристи. Она вызвала их сочувствие по причинам, оказавшимся ложными: они-то считали ее несчастной покойницей, а она оказалась здоровой, хорошо питающейся постоялицей шикарного отеля (везет же некоторым!) и заставила их вести себя так, как они ни за что не повели бы себя в иных обстоятельствах. Она выставила их на посмешище. Так пусть же теперь и она пострадает.

13 декабря, в понедельник, репортеры получили неофициальную информацию, что дичь, которую они преследуют, вероятно, обнаружена. Некоторые из них немедленно бросились в

Харрогит и всю среду пытались установить, в каком отеле остановилась Агата. «Ивнинг стандард», опередив других, в вечернем выпуске 14 декабря сообщила, что полковнику Кристи предстоит опознать женщину, найденную в Харрогите.

Арчи прибыл в город вскоре после половины седьмого и вместе с суперинтендантом Макдауэллом из полиции Западного райдинга проследовал в «Хайдро», где его встретила миссис Тейлор. «Миссис Нил» была у себя наверху, переодевалась к ужину. Почерк в книге регистраций принадлежал Агате, хотя был несколько изменен.

Примерно в половине восьмого Агата спустилась по лестнице и увидела Арчи, который подтвердил Макдауэллу, что это действительно его жена. Снаружи толпились журналисты. Скоро им позволят наброситься на полковника Кристи, который больше не являлся женоубийцей, а становился участником совершенно новой легенды прикрытия.

15 декабря газеты разразились сообщениями о находке. С рождественской рекламой «Дерри энд Томз», «Уайтлиз», «Бурн энд Холлингзуэрт» на равных конкурировали заголовки: «Миссис Кристи найдена в Харрогите», и далее — беспомощная ложь Арчи, поведанная им журналистам накануне вечером: «Она не помнит, кто она».

Приводились подробности пребывания Агаты в «Хайдро», неизбежно грешившие разночтениями, поскольку каждая газета черпала информацию из собственных источников. «Дейли мейл» забралась на дерево выше всех: ее корреспонденту удалось побеседовать с хозяином, мистером Тейлором, чья жена заподозрила, что пропавшая женщина находится среди них.

> «Миссис Кристи прибыла на курорт „Харрогит хайдропатик“ в субботу, в такси [сказал он]. Поначалу она жила так же, как все другие гости нашего отеля. Ела в общей столовой, лишь изредка завтрак относили ей в номер.
>
> По вечерам мы иногда устраиваем в салоне танцы и пение. Миссис Кристи охотно принимала в них участие. Несколько раз пела — что именно, я не могу сказать, поскольку в музыке несведущ, — часто танцевала и легко находила общий язык с молодежью, отдыхающей на нашем водном курорте…
>
> Что она рассказывала им о себе, я не знаю, но они хоть и отмечали сходство между своей новой знакомой и пропавшей женщиной, на самом деле не верили, что это действительно миссис Кристи».

«Мейл» также докладывала, что во время пребывания в Харрогите Агата накупила много одежды. В отеле поначалу больше молчала, но потом завела друзей: другой постоялице, миссис Робсон, дала понять, что оправляется здесь после потери ребенка. Иногда играла на бильярде, хотя и «без особого успеха». Однако «Вестминстер газетт» удалось выяснить у «одного служащего отеля», который видел, как играет Агата, что

> «…хоть она и говорила своему партнеру, иностранному джентльмену, тоже остановившемуся в отеле, что играет плохо, тем, кто наблюдал за игрой, было ясно, что она дурачит его…
>
> Это была славная, привлекательная женщина, — сказал он, — веселая, любившая пошутить со служащими. Она совсем не пряталась от внимания окружающих — напротив, принимала самое активное участие в жизни отеля, очень любила петь и играть на пианино в салоне… Ничто не наводило на мысль, что она больна».

Корреспондент «Дейли экспресс» побеседовал с работающей в отеле певицей, мисс Корбетт, которая задним числом проявляла мудрость: «Мы все говорили между собой о том, что это миссис Кристи, но нам не хотелось ничего предпринимать. Она много пела под мой аккомпанемент. У нее высокое сопрано, и она очень мило поет». Один из постояльцев, кажется, коммивояжер, мистер Петтельсон, сообщил газете «Экспресс», что виделся с «миссис Нил» накануне перед ужином и она сказала ему: «О, видите, неожиданно приехал мой брат». Мистер Петтельсон также признался, что другие постояльцы «Хайдро» догадывались, что это миссис Кристи, но он «не мог себе даже представить такое». Она «всегда казалась задумчивой. Однажды я спросил ее: „Откуда вы приехали? Вы живете в Лондоне?“ Она ответила: „Нет, я не живу в Лондоне. Я живу в Южной Африке“. Я сменил тему, поскольку мне показалось, что ей не хочется продолжать этот разговор».

На следующий день мистер Петтельсон поведал еще кое-что: газете «Дейли ньюс» он сообщил, что они с Агатой подружились. «Может быть, потому, что мы оба любим музыку». Рассказал, что она купила и подписала для него ноты песни «Ангелы да хранят тебя», которую они незадолго до того исполнили вместе. По поводу встречи с Арчи он высказал такое соображение: «Мне показалось странным, что ее брат был так подавлен».

На следующий день странным стало казаться многое. Пятнадцатого все газеты как попугаи начали добросовестно

повторять версию об амнезии, описывая «жалостную» сцену воссоединения четы Кристи и то, как Арчи пытался заставить Агату вспомнить, кто он. До той поры тон репортажей был в целом весьма сочувственным и доброжелательным. Но цинизм уже начинал снова закрадываться в репортерские сердца.

«Никаких признаков утраты памяти», — глумливо оповещал заголовок в «Вестминстер газетт»,[219] которая «проконсультировалась с ведущими специалистами-психиатрами» по этому вопросу. Невозможно, утверждалось в статье, потерять память и при этом продолжать совершенно нормально вести себя, не выказывая никаких признаков смятения. Неправдоподобно также, чтобы Агата не узнала своего имени в газетах. Арчи тем не менее непоколебимо стоял на своем, но добавил: хотя Агата и не помнит, как попала в Харрогит, теперь память начинает постепенно возвращаться к ней.

«Сегодня утром, — сказал он, — она смутно припомнила, что она действительно миссис Кристи».

То, как вела себя Агата, когда садилась в поезд от Харрогита до Лидса и потом до Манчестера, поразило газетчиков. «Она весело болтала с сестрой и один раз, смеясь, похлопала ее по плечу». История начинала выглядеть как розыгрыш, и газеты принялись злобствовать. Журналисты были уверены, что читатель тоже чувствует себя оскорбленным, поэтому они ничем не рискуют, особенно вытягивая на поверхность тему денег. Во сколько обошлись поиски Агаты? «Дейли скетч» оценила их в сумму от тысячи до трех тысяч фунтов, но впоследствии эта цифра драматически возрастала, достигнув в конце концов абсурдной величины — двадцать пять тысяч. Одну из своих корреспонденций «Дейли мейл» начала словами из письма читателя о «беспрецедентном и (как кажется некоторым из нас) неоправданном сосредоточении сил полиции двух графств на исчезновении миссис Кристи. Не вижу никакой причины, — писал читатель, — почему полиция должна тратить тысячи фунтов, которые отнюдь не были предоставлены ей кем бы то ни было имеющим отношение к пропавшей романистке».

Далее возник вопрос об имени, под которым Агата жила в Харрогите, — «имени, совпадающем с именем молодой женщины, одновременно с полковником Кристи гостившей в Хармор-коттедже, годалмингском доме мистера и миссис Джеймс», — многозначительно намекала «Вестминстер газетт». «Дейли экспресс» тоже проявляла подозрительность, обращая внимание на то, что Арчи «особо просил, чтобы имя, которым пользовалась его жена, когда жила на водном курорте, не разглашалось», а также добавляла, что Арчи не намерен возмещать расходы,

связанные с ее поисками. «Я никого не просил искать ее, — заявил он. — Я все время знал: она жива, — что и твердил им без конца».

На это, разумеется, возразить было нечего. Но соображения логики больше не имели никакого отношения к тому, как освещалось дело в печати. В головы тысяч людей уже внедрилась общедоступная история исчезновения. Хотя автором ее была сама Агата, ее история была вовсе не такой, какой жаждала публика. Подробности исчезновение публике были недоступны, и поэтому всеобщее мнение склонялось к тому, что ее непостижимое творение есть не что иное, как «спектакль».

Изливая свое раздражение, газеты писали, что сначала она скрылась ото всех на одиннадцать дней; теперь снова скрывается, запершись за воротами Эбни-Холла.[220] «Миллионы замечательных парней были убиты во время войны, и это прошло практически незамеченным, — сказал в интервью „Скетч“ мистер Митчелл-Хеджес, „известный исследователь-археолог“. — А тут исчезла всего-навсего одна женщина — и наступил полный паралич». Если бы потерю памяти удалось доказать, Агата утонула бы в общественном сочувствии, писала «Экспресс»; пока же можно лишь констатировать, что ничего, кроме насмешки, не заслуживают «полиция, доказывавшая, что ее мертвое тело лежит в окрестностях Ньюленд-Корнера, рьяные толпы, топтавшие холмы в его поисках, и разные добрые люди, „видевшие“ ее живой в разных взаимоисключающих местах в разное взаимоисключающее время…»

«Суррей адвертайзер», проявлявшая хозяйский интерес к делу, подытожила общее мнение:

> «Миссис Кристи найдена, но тайна, окружающая ее исчезновение, далека от разгадки. Больше того, многим это дело представляется все более и более „таинственным“ с каждым новым предлагаемым объяснением. Все мы радуемся тому, что миссис Кристи оказалась жива и здорова — или по крайней мере выглядела совершенно здоровой до тех пор, пока в отель „Хайдро“ в среду вечером не приехал ее муж. Но, честно признаться, публика озадачена и сбита с толку.
>
> Когда произошла потеря памяти? Когда она бросила машину в Ньюлендз-Корнере? Если так, то представляется странным, как человек в таком плачевном состоянии умудрился найти дорогу в Лондон, проехать через весь город с одного вокзала на другой, забронировать номер в Харрогите… Возможно, врачам

такой феномен известен; у обывателя же, в силу его медицинского невежества, он вызывает лишь изумление.

Еще одна загадка, почти — хотя и не совсем — такая же удивительная: как миссис Кристи могла столь долго оставаться неузнанной? Только подумайте! В течение десяти дней она была персоной, о которой говорила вся страна… Между тем героиня сенсации все это время вела обычную жизнь обычного человека в отеле, где жило множество других постояльцев, разговаривала с ними, даже пела для них, и при этом никто ее не узнал… Нет, мы берем обратно слова, с которых начали этот абзац: эта загадка ничуть не менее удивительна, чем первая. Может, даже более».

17 декабря, последний день газетной шумихи по поводу этого дела. Арчи вышел к репортерам, осаждавшим Эбни-Холл, и вручил им медицинское заключение. Оно было подписано доктором Доналдом Кором, неврологом, профессором Манчестерского университета, и семейным врачом Уоттсов Генри Уилсоном. В заключении говорилось: «После тщательного обследования миссис Агаты Кристи, проведенного сегодня днем, мы пришли к общему мнению, что она страдает безусловно подлинной потерей памяти и что ради ее будущего здоровья ее следует оградить от всех тревог и волнений».

К этому Арчи добавил от себя, сообщала «Таймс»:

«Моя жена тяжело больна, она страдает полной амнезией. Последние три года жизни целиком выпали из ее памяти. Она не помнит ничего, что случилось за этот период… и не может даже смутно припомнить, как оказалась в Ньюлендз-Корнере, а потом в Харрогите.

Сейчас она знает, кто я, а также понимает, что миссис Уоттс — ее сестра. Показательнее всего, что она не знает, что у нее есть дочь. Когда ей показали фотографию, на которой она изображена вместе с Розалиндой, ее маленькой дочерью, она спросила: кто эта девочка? А потом поинтересовалась, какая она и сколько ей лет».

В заключение Арчи обратился с просьбой не вторгаться более в их частную жизнь. «Мы пережили ужасные волнения, и нам всем необходимы покой и тишина. Мне предлагали пятьсот фунтов, чтобы я рассказал, как моя жена очутилась в Харрогите. Говорю всем: я не знаю, и она не может мне этого объяснить».

«Очень надеюсь, — сказал он корреспонденту „Дейли

скетч“, — что на этом история будет завершена». Но неумение самого Арчи уходить от вопросов порождало как минимум новые спекуляции. «Скетч» задал ему вопрос, не было ли исчезновение Агаты мистификацией, устроенной для того, «чтобы ее книги лучше продавались». Он энергично отрицал это. «Ничего подобного не было. Врачебное заключение доказывает это».

Журналисты задавали ему и еще более опасный вопрос о том, почему Агата назвалась фамилией Нил — фамилией их «общей приятельницы», как выразился в интервью «Дейли мейл» сам Арчи.

> «Она поместила в „Таймс“ объявление от имени миссис Нил с просьбой к родственникам связаться с ней, потому что оказалась в чрезвычайной ситуации: в незнакомом отеле, где очутилась неизвестно почему и не зная, кто она есть. Вероятно, имя Тереза Нил показалось ей ее настоящим именем. Врачи сказали мне, что такой образ действий вполне вписывается в поведение человека, страдающего потерей памяти».

Далее «Дейли мейл» посвящала несколько абзацев «обшей приятельнице», мисс Нил, чей отец дал короткое интервью у себя дома, в Херефордшире. «Я не рискую строить предположения, почему миссис Кристи воспользовалась именем моей дочери. Это просто несчастливое стечение обстоятельств, — сказал он, — что Нэнси оказалась в гостях у мистера и миссис Джеймс именно в те выходные, когда пропала миссис Кристи, и что полковник Кристи тоже гостил там в это время».

«Вестминстер газетт» мистер Нил сказал немного больше. «Для моей дочери и для всей нашей семьи чрезвычайно неприятно, что ее имя поливают грязью, тем более что для этого нет никаких оснований». Миссис Нил сообщила репортерам, что Нэнси дружила с четой Кристи, «но особой дружбы между ней и полковником никогда не было». Ее дочь, сказала она, «очень расстроена всем этим».

«Газетт» пролила свет на историю с кольцом, которое Агата оставила чинить в «Харродзе» четвертого декабря, сообщив для доставки адрес отеля «Хайдро», куда кольцо и было отправлено. «Установлено также, вне всяких сомнений, что „миссис Нил“ по пути в Харрогит побывала в Уэст-Энде в субботу утром, то есть в день исчезновения миссис Агаты Кристи, и сделала там ряд покупок, как самая обычная женщина».

Сколько бы ни настаивал Арчи на том, что Агата «тяжело больна» и что ее выздоровление займет много недель, его заявления встречались с почти полным недоверием. Как писала в

«Дейли мейл» «Леди Понтифекс», «многие из нас также хотели бы узнать, как утверждение о том, что она потеряла память, вяжется с тем, что она жила в отеле, оплачивала счета, пела и танцевала и даже играла на бильярде». Вопрос о деньгах тоже по-прежнему не давал покоя: Арчи заявил, что дополнительные расходы на поиски его жены составили не более двадцати пяти фунтов и что он как налогоплательщик не обязан их оплачивать. Некий «сурреец» написал в местную газету «Адвертайзер», что

> «…лучшее, что может сделать полковник Кристи, чтобы выразить свою благодарность за возвращение ему жены, это оплатить расходы, связанные с ее поисками. Очень жаль, что одна из наших суррейских жемчужин была подобным образом растоптана и осквернена. Быть может, когда память вернется к миссис Кристи, она в меру возможностей возместит убытки, позаботившись о том, чтобы ни в чем не повинные налогоплательщики не пострадали из-за ее исчезновения».

Агата и, в меньшей степени, Арчи оказались в фокусе общественного осуждения. Ее считали лицемерной женщиной, которую муж защищает недозволенными средствами, вполне вероятно, в собственных интересах. На нее нападали в манере, характерной для английской публики: завистливо, обиженно, со жгучим любопытством и с сильным оттенком «кем это она себя возомнила?». Некая «обычная женщина» направила в «Дейли мейл» письмо, в котором говорилось, что автору хотелось бы знать, что случится, если исчезнет она? Отнесутся ли к ее исчезновению с таким же привилегированным вниманием, как к исчезновению Агаты Кристи? Когда 21 декабря было найдено тело несчастной Юны Кроу, которая покончила жизнь самоубийством на почве нервного срыва, реакция оказалась вполне предсказуемой: вот женщина, действительно сделавшая то, что Агата лишь симулировала. Вот добрая душа, на самом деле заслуживающая сострадания, — в отличие от выскочки, желающей привлечь к себе внимание.

Газетчики уловили дымок и не замедлили раздуть пламя. Возможно, они и сами разделяли подобное мнение. Женщины — объекты общественной ненависти — весьма распространенное в сегодняшней прессе явление; словно они необходимы обществу как вместилище его наименее возвышенных эмоций. «Мир немилосерден в том, что он говорит о женщинах», — напишет позднее Агата.[221] За «преступление», состоявшее всего лишь в том, что она невольно позволила своей личной боли обрести публичность, ее подвергли гонениям, мало отличающимся по

своей жестокости от охоты на ведьм, устраиваемой современными таблоидами. В феврале 1927 года в палате общин был поднят вопрос о средствах, затраченных на ее поиски. Сэр Уильям Джойнсон-Хикс, министр внутренних дел, ответил, что дополнительные затраты суррейской полиции в целом составили около двенадцати фунтов десяти шиллингов, но другие члены парламента легко сдаваться не собирались. «А кто, — был задан вопрос, — возместит ущерб тысячам людей, намеренно введенным в заблуждение этим жестоким розыгрышем?» Ответ Джойнсон-Хикса, что эти люди присоединились к поискам из чистого любопытства, разумеется, соответствовал истине, но никто не хотел принимать его. И с этим абсолютно ничего нельзя было сделать, как бывает всегда, когда в дело вступает глупость популизма.

Гипотеза о том, что Агата все время точно знала, что делает, что она заранее задумала исчезновение и намеренно заставляла полицию и публику плясать под ее дудку, для многих остается привлекательной; до сих пор время от времени появляются люди, рассказывающие истории о том, как они познакомились с кем-то, кто жил в Харрогите, когда все это случилось, и — «О да! Она определенно придумала эту историю сама».

Скептики, в общем, основываются на тех же соображениях, какие были в ходу в 1926-м. Это неприятие теории «амнезии», которую изначально выдвинул Арчи и которую семья защищала много лет. То, что Агата потеряла память, настолько неправдоподобно, настолько неубедительно почти для всех, что настойчивое повторение этого объяснения раздражает людей, заставляет думать, что от них что-то скрывают — что-то, подрывающее чью-то репутацию, — и они начинают подозревать прямо противоположное. Те, кто не верит, что Агата действительно была не в себе, когда исчезла, больше склонны полагать, что она, напротив, очень хорошо понимала, что делает: она придумала сюжет, как делала это, когда сочиняла книги. Только сюжет был особый.

Несмотря на все, что он впоследствии говорил журналистам, Арчи и сам верил: Агата прекрасно знала, что делала. Много лет спустя Розалинда получила письмо, в котором говорилось, что, со слов его приятельницы Мэдж Джеймс, он «чувствовал, что это исчезновение — рекламный трюк». Так же думали сама Мэдж, ее муж и, возможно, Нэнси Нил. Выражение «рекламный трюк» предполагает, что Агата исчезла, чтобы придать новый импульс своей писательской карьере, но Арчи скорее всего имел в виду другое: что она пыталась настроить общественное мнение против

него. Она хотела поднять волну сочувствия к себе, что привело бы к его дискредитации и поставило под угрозу его отношения с Нэнси.

Возможно, по-другому Арчи и не мог смотреть на те события. Он, безусловно, чувствовал свою вину перед Агатой, но чувство вины всегда лишь ожесточало его сердце. Он испытывал муки ада, и самым легким способом избавиться от них было — винить Агату. Вероятно, в глубине души он не до конца верил в то, что сказал тогда Мэдж Джеймс. Вероятно, упрощенное объяснение, сводившееся к тому, что это был «трюк», он использовал как щит, ограждающий его от более глубоких чувств, которые он, как это было ему инстинктивно свойственно, прятал.

Гипотеза о заранее спланированном исчезновении развернута в знаменитом журналистском опусе, написанном сразу после смерти Агаты Ричи Колдером и опубликованном в еженедельнике «Нью стейтсмен».[222] Автор прослеживает, как эта история постепенно овладевала вниманием газет — «даже степенной „Таймс“» — и как из полиции просачивались намеки на то, что имело место убийство: «В те дни репортеры уголовной хроники и полиция поддерживали весьма тесные связи». Он приводит многочисленные тогдашние слухи, выдавая их за факты, в том числе сплетню о том, что в ночь исчезновения Агаты в доме Джеймсов фактически происходила помолвка Арчи с Нэнси Нил.

Описывает он и поведение Агаты в тот вечер, когда ее обнаружили в отеле «Хайдро». «Она не была взволнована. Откликнулась на обращение „миссис Кристи“ и, когда ее спросили, как она попала туда, ответила, что не знает и что у нее амнезия». Нет никаких подтверждений тому, что 14 декабря Агата говорила с кем-либо из представителей прессы — уж газетчики не преминули бы привести ее слова, — и это бросает тень сомнения на все сочинение Колдера. Однако в своих выводах он прав: «Эмоциональное расстройство — да, амнезия — нет».

По-своему ближе к истине фильм 1979 года «Агата»,[223] создателям которого удалось отчасти уловить ее сомнамбулическое состояние в том эпизоде, когда она, подобно призраку, бредет по Харрогиту. Хотя собственно сюжет абсурден — Агата якобы замышляет самоубийство руками Нэнси Нил. Несмотря на то что фильм исключительно сострадателен по отношению к ее матери, неудивительно, что Розалинда пыталась предотвратить его появление.[224] Тем не менее суть событий в нем ухвачена: Агата могла «планировать» нечто, не отдавая себе в том отчета, и в течение тех одиннадцати дней «писала» рассказ о себе самой.

Куда более жестокой по отношению к Агате оказалась

вышедшая в 1996 году книга Джареда Кейда «Агата Кристи и одиннадцать недостающих дней», автор которой претендует на то, что ему удалось раз и навсегда разгадать тайну ее исчезновения. Эта работа основана на версии событий, изложенной автору Джудит, дочерью подруги Агаты — Нэн Кон. Как уже было сказано, дочери Нэн было десять лет в то время, когда исчезла Агата, так что ее версия целиком зиждется на воспоминаниях ее матери, которая, должно быть, рассказала ей все в уникальных подробностях. По какой-то причине, однако, дочь очень долго ждала, прежде чем обнародовать свою историю, несмотря на ее явную сенсационность.

По словам Джудит, Агата замыслила побег в Харрогит, чтобы наказать Арчи за его связь с Нэнси, и сделала это с помощью Нэн. В пятницу, третьего утром, прежде чем вернуться в «Стайлс» к ленчу, она приехала на машине в Лондон, к Нэн, чтобы обсудить план. Покинула она «Стайлс» вечером того же дня, без четверти десять, отправилась прямо в Ньюлендз-Корнер, столкнула машину под откос, затем пешком дошла до станции Уэст-Клэндон в Суррее и села на лондонский поезд. Ночь она провела у Нэн, в Челси. Утром они обзвонили харрогитские отели, интересуясь свободными местами, и, узнав, что места есть, решили, что Агате лучше появиться в «Хайдро» без предупреждения. Это придаст правдоподобие версии с амнезией. Нэн дала Агате денег, сходила с ней в «Арми энд нейви», где они купили кое-какую одежду и чемодан, после чего пообедали вместе, и Нэн посадила Агату на поезд.

На первый взгляд эта история выглядит вполне убедительно. В ней есть детали весьма тонкие и безошибочные: например важность, которую она придает письму, написанному Агатой Кэмпбеллу Кристи. Но есть в ней изъян, который все сводит на нет.

Расстояние между «Стайлсом» в Саннингдейле и Ньюлендз-Корнером невелико: не более двадцати миль. Сегодня поездка туда на машине занимает минут тридцать — сорок. Конечно, в 1926 году автомобили были менее быстроходны и куда хуже оснащены, к тому же Агата ехала зимой, в темноте. Тем не менее — ради поддержания дискуссии — допустим, что она на полной скорости помчалась в Ньюлендз-Корнер и прибыла туда в половине одиннадцатого.[225]

После этого она должна была бы, маневрируя на плато, доехать до вершины холма и — опять же в полной темноте — столкнуть машину со склона, придав ей мощное ускорение. Каким бы крутым он ни был, это не головокружительный обрыв и толкать по нему тяжелый «моррис» не такое легкое дело. Тем не

менее — еще раз — допустим, что все прошло гладко и заняло не более пяти минут.

Теперь, чтобы добраться до вокзала в Уэст-Клэндоне, Агате предстояло пройти пешком, по неосвещенной незнакомой дороге, приблизительно две с четвертью мили. Предположим, что шла она быстро, со скоростью четыре мили в час, допустим даже, что порой она бежала, все равно этот путь занял бы у нее больше получаса. Значит, на вокзале она должна была появится чуть позже одиннадцати. И это самое раннее — при условии очень быстрой ходьбы (на высоких каблуках) по темным извивистым дорогам и при том, что машина сразу и беспрепятственно скатилась под откос.

И тут возникает главная нестыковка в теории Джареда Кейда: согласно железнодорожному справочнику «Брадшо» за декабрь 1926 года, последний поезд на Лондон отходил из Клэндона в 10.52 вечера.

Есть и другие недоразумения. Зачем, черт возьми, Агате понадобилось так все усложнять для себя? И если это было частью заранее обдуманного плана, почему она оставила себе так мало времени? Почему не выехала в девять часов? И хотя в самой идее оставить «моррис» неподалеку от Годалминга, чтобы бросить тень подозрения на Арчи и косвенно указать на его местонахождение, определенная логика есть, с трудом верится, что Агата выбрала бы такой трудоемкий способ избавиться от машины, как сталкивание ее со склона, когда в тамошней округе существует столько других мест, весьма подходящих для инсценировки аварии. Почему было просто не оставить ее на берегу Тихого пруда? Ведь, толкая машину, она не могла знать, куда та скатится. Не было никакой гарантии, что она застрянет в такой гибельной позиции над карьером. Напротив, характер ландшафта наводит на мысль, что это почти невозможно, поскольку Уотер-лейн делает совершенно неестественный поворот вправо. Вопрос вызывает также и то, как машина могла, прокатившись по склону триста ярдов, постоянно набирая при этом скорость и врезавшись в конце концов в куст, нависающий над карьером, пострадать так незначительно, что ее удалось отогнать в гараж своим ходом.

К чрезвычайной неправдоподобности того, что Агата выбрала бы как лучший именно такой способ обойтись со своей машиной, следует добавить и тот удивительный факт, что — при том, сколько раз, кто и где только не «видел» ее за эти дни, — никто не припомнил, чтобы одинокая женщина, отвечающая описанию полиции, садилась на последний поезд из Клэндона до Ватерлоо, и не нашлось ни одного таксиста, который подвозил бы ее около

четверти двенадцатого ночи.

Между тем есть кое-что еще, и это кое-что делает бессмысленными все разговоры о заранее обдуманном плане. Ньюлендз-Корнер декабрьской ночью — жуткое место. Стоять в одиночестве, в полной тишине, под черным зимним небом и видеть перед собой необозримые пустынные склоны — занятие, от которого мороз подирает по коже. Ни одна женщина, тем более женщина, обладающая воображением, не устроила бы себе такой пытки ни со злости, ни из мести, ни по какой бы то ни было иной столь же мелкой причине: само место исключает подобную возможность. Только тот, кому никогда не доводилось оказаться в Ньюлендз-Корнере глухой зимней ночью, может допустить, что Агата вышла из машины, столкнула ее под откос и бодро поскакала на вокзал. Стоит съездить туда, чтобы почувствовать интуитивно, что это невозможно, что никто не смог бы выдержать пребывание в этом месте, не будь его мозг подернут защитной пеленой душевной муки.

На более прагматичном уровне заметно, что Кейд в своей книге выдергивает нужные ему факты из рассказов об исчезновении Агаты и опускает те, которые ему не подходят. Например, он выговаривает Джанет Морган за то, что она в авторизованной биографии Агаты (которую, кстати, сам Кейд широко использует в своей работе) допустила незначительные ошибки, касающиеся расписания движения поездов до Харрогита, но полностью игнорирует тот факт, что сам «сажает» Агату в Клэндоне на поезд, на который она никак не могла успеть. Он также пренебрегает показаниями Эдварда Макалистера, который 4 декабря, в субботу, около 6.20 утра помогал Агате завести машину. Признаем, это свидетельство ничем не подтверждено и, более того, скомпрометировано тем, что в газетах Макалистера почему-то иногда именовали Эрнестом Кроссом. Но Макалистер объявился в самом начале, когда публичность еще не замутила воды следствия, и его описание Агаты, данное газете «Суррей адвертайзер», вполне убедительно. Полиция (не только Кенвард) всегда относилась к его свидетельству серьезно, и оно действительно представляется правдивым, «если только, — как писала „Адвертайзер“, — по совпадению, столь невероятному, что его и рассматривать не стоит, Макалистер не встретил другую женщину, как две капли воды похожую на миссис Кристи». Действительно невероятному. В 1926 году было очень мало женщин, которые в такую рань решились бы в одиночестве разъезжать по безлюдным местам на машине.

Ничтоже сумняшеся Кейд использует любые газетные измышления, выдавая их за проверенные факты, если это

отвечает его целям. Он приводит слова Агатиной саннингдейлской приятельницы миссис де Силва, не обременяя себя кавычками, вследствие чего ее многозначительные умствования перед репортерами становятся как бы бесспорными фактами. В то же время, когда миссис де Силва сообщает журналистам, что звонила Агате около полудня в пятницу 3 декабря, чтобы пригласить на чай, он игнорирует этот факт, поскольку он противоречит его версии, будто Агаты в это время дома не было, так как она ездила в Лондон встречаться с Нэн Кон.

И это лишь незначительные иллюстрации фундаментальной порочности книги. Автор без конца описывает эпизоды, о которых ничего не может знать — такие как разговор между Арчи и Агатой в утро ее исчезновения, — причем описывает так, будто лично присутствовал при этом. Всезнайство его собеседницы Джудит, или, если быть точнее, ее матери, безгранично. Нет ничего, чего бы они не знали об Агате. Да, Нэн, конечно, была доброй подругой Агаты. Джудит сама была близка и с Агатой, и с Розалиндой до той поры, пока из каких-то загадочных побуждений не стала сотрудничать с автором книги, которая не могла доставить Розалинде ничего, кроме горькой боли. Но ни одна из них не была хранительницей секретов Агаты. Эта роль скорее принадлежала Шарлотте Фишер.

Именно поэтому кое-кто считал Шарлотту сообщницей Агаты в ее исчезновении. Объявление, помещенное в «Таймс», якобы было шифром, оговоренным между ними, и в письме, оставленном Шарлотте, Агата, мол, сообщила ей, что собирается делать. Однако, поскольку на протяжении всего расследования письмо находилось в распоряжении полиции, это не может быть правдой. Объявление в «Таймс» действительно напоминает шифрованное послание (а если так, то кому же, если не Шарлотте?), но Шарлотта просто была не тем человеком, который способен на такой хладнокровный обман. Если бы она что-то знала, то так и сказала бы. После этих событий она действительно многое узнала и впоследствии все рассказала Розалинде.

Вполне объяснимо и даже похвально, что Розалинда так долго и так упорно придерживалась «официальной» версии. Мать среди ночи уехала, оставив ее, отец собирался бросить ее ради собственного блага, но дочерняя преданность Розалинды обоим родителям была безупречна. Она хотела защитить их. Поэтому и держалась версии, выработанной с самого начала: Агата болела весь 1926 год и в какой-то травмирующий момент ночи с 3 на 4 декабря потеряла память.

Сообщалось, будто Агата не узнала дочь, увидев ее в Эбни. В

это невозможно поверить, хотя легко представить себе Агату притворившейся, что она ее не узнает. Как придуманный ею же персонаж, Джейн Финн из «Тайного врага», она могла симулировать потерю памяти в целях самозащиты. Она должна была испытывать глубокий стыд — особенно в присутствии дочери — за то, что совершила, и «амнезия» была подходящим средством «уйти от ответственности».

Но официальная версия никогда не выдерживала критики, и ее невозможно было бесконечно преподносить публике. Слишком многим фактам она противоречит, и не в последнюю очередь особенностям течения амнезии. Конечно, недуг это загадочный, но он не может поразить человека на какие-то две недели, а потом исчезнуть безвозвратно.

Чтобы объяснить передвижения Агаты в ночь с 3 на 4 декабря, которые все же не лишены некоторой логики, утверждается, будто большую часть ночи она бесцельно кружила на машине, впав в такое беспамятство, что не знала, куда едет. Однако в баке осталось два галлона бензина, так что очень долго кататься она не могла. Далее утверждается, что в Ньюлендз-Корнере она съехала с дороги и врезалась в куст, нависающий над карьером, и, возможно, получила сотрясение мозга. Это тоже маловероятно, поскольку во время спуска она должна была бы изо всех сил жать на тормоза, но на это ничто не указывает. Хотя машина вполне могла действительно вылететь с дороги, почти невозможно, чтобы она остановилась в трехстах ярдах ниже по склону, если только это не было специально подстроено.

Считается, что, несмотря на состояние крайнего эмоционального и физического истощения, Агата пешком проделала путь до гилфордского вокзала — почти четыре мили, включая необходимость вскарабкаться по крутому склону, чтобы дойти до главной дороги. Там она села на поезд до Ватерлоо, оттуда добралась до Кингз-Кросс, а затем — до Харрогита. Рекламные постеры харрогитского курорта висели тогда на всех железнодорожных станциях — вполне вероятно, что они и навели Агату на мысль отправиться именно туда. Прибыв в Харрогит, она, возможно, решила ехать в «Хайдро» просто потому, что среди машин, дежуривших по тогдашней традиции на местном вокзале, чтобы развозить гостей по разным отелям, была и машина из «Хайдро» (хотя, судя по сообщениям, Агата приехала в отель на такси).

По официальной версии, она не принимала участия в жизни отеля, ведь танцы и пение не вписываются в образ жизни женщины, пребывающей в том состоянии, в каком пребывала Агата. Тем не менее существует немало свидетельств тому, что

она это делала. Конечно, иные рассказы о ее тамошнем поведении выглядят сомнительными, преувеличенными или искаженными. Но ноты песни «Ангелы да хранят тебя» с автографом «Тереза Нил» действительно существу; от — в 1970 году[226] они были предоставлены дочерью Александра Петтельсона издателям Агаты (издательство «Коллинз» от имени Агаты отказалось их обнародовать, сославшись на то, что Агата больна и это может ее огорчить).

Объявление, помещенное в «Таймс», — которое сторонники теории заговора рассматривают как свидетельство того, что Агата стремилась подкрепить свои претензии на утрату памяти, — не укладывается в описание течения амнезии. Равно как и кольцо, которое она отдала в починку в «Харродзе» и которое по ее собственному распоряжению было доставлено «миссис Нил» в Харрогит. И зачем стала бы Агата оставлять свою машину так близко к Годалмингу, если бы целенаправленно не думала об Арчи? Есть множество вопросов, на которые официальная версия не способна ответить.

Тем не менее она была придумана из соображений отнюдь не низких; не для того (как часто предполагают), чтобы что-то скрыть, а для того, чтобы защитить слабую женщину, испытывавшую безмерные страдания, слишком сложные, чтобы можно было объять их какой бы то ни было стройной теорией. И эта версия несравненно ближе к истине, чем любые разговоры о «трюках» и «замыслах». Она учитывает то, что Агата находилась в состоянии нервного срыва, что наложившиеся друг на друга события — смерть любимой матери и предательство мужа — подвели ее к краю пропасти. Но не увели за край.

Последствия описанных событий оказались плачевными: пока длилось неприятное затяжное «похмелье», некоторые репутации оказались под нелицеприятным прицелом. Нэнси Нил родители отправили в кругосветное путешествие в надежде, что это избавит ее от пристального внимания прессы и позволит забыть Арчи. А самому Арчи пришлось столкнуться с осуждением коллег по Сити, которые в те времена составляли круг, чрезвычайно заботившийся о своей благопристойности и не допускавший никаких публичных скандалов: речи не могло быть о том, чтобы кто-нибудь из директоров компаний оказался хоть косвенно замешан в убийстве, а того хуже — в адюльтере, равно как ни у кого не должно было быть истеричных жен, чье поведение становится предметом обсуждения на первых страницах газет. 17 декабря Арчи оставил Агату в Эбни-Холле и вернулся туда с Розалиндой на Рождество. После этого опять уехал в «Стайлс» и

запустил механизм продажи дома.

Джеймсов предоставили собственным невеселым размышлениям о той роли, которую они сыграли во всей этой истории, устроив встречу Арчи и Нэнси у себя дома. Мэдж Джеймс признала, что «была глупа»,[227] когда полагала, будто от брака Арчи осталось одно название, и ей в любом случае не следовало ставить интересы своей приятельницы Нэнси выше интересов жены, какой бы неподходящей она ее ни считала. Для Мэдж Джеймс стало шоком, что Агата не разделяла мнение Арчи об их браке. Сэм Джеймс, который глупым отнюдь не был, вероятно, сознавал, что у Агаты есть все основания чувствовать себя страдающей стороной, но он был преданным другом и всегда принимал сторону Арчи. Обе пары пришли к молчаливому согласию, что единственный способ разрешить ситуацию — это просто не обращать внимания на Агатины истерики и продолжать жить. Когда они все вместе отдыхали на юге Франции как раз накануне начала Второй мировой войны, Сэм скончался от солнечного удара; после этого на какое-то время Арчи и Нэнси поселились в огромном доме Мэдж в Годалминге. Их дружба всегда оставалась тесной, и через многое в этой жизни они прошли вместе.

После того как Агата нашлась, «Вестминстер газетт» высказала мнение — весьма спорное, — что «возможно, больше всех пострадал мистер Кенвард, ответственный и надежный офицер». В 1927 году Кенварду пришлось представить в министерство внутренних дел доклад с объяснением своих подвергавшихся суровой критике методов расследования этого дела. «Я утверждаю, — писал он с некоторым скрытым вызовом, — что тогдашние обстоятельства полностью оправдывали предпринятые мною действия». Он отрицал обвинение в том, что слишком большие полицейские силы были отвлечены от других обязанностей. Лишь тридцать шесть кадровых полицейских участвовали в поисках, писал он. «Бесчисленные специальные констебли»[228] и большое количество «гражданских помощников» работали бесплатно. В других районах страны расследование вела полиция Беркшира.[229] Никакие другие силы не привлекались, и вопреки молве никто не обращался за помощью в Скотленд-Ярд. Расходы, равняющиеся приблизительно двадцати пяти фунтам, «пошли в основном на транспорт и прохладительные напитки для специальных констеблей»; это та сумма, которую просили возместить полковника Кристи и которую он возместить отказался. Она почти вдвое превышает названную в палате общин, тем не менее даже она весьма незначительна, как и число

штатных полицейских, задействованных в операции.

Основным аргументом в свою защиту от обвинения в излишней приверженности версии об Агатиной смерти Кенвард выдвигал «тревожный характер информации, которая поступала в мое распоряжение». Много лет спустя дочь Кенварда утверждала, что это относилось к четвертому написанному Агатой письму, в котором говорится, что она опасается за свою жизнь.[230] Это утверждение было тут же опровергнуто. На самом деле на Кенварда повлияло письмо к Шарлотте, действительно истеричное, полное намеков на самоубийство и обвинений в адрес Арчи. Неудивительно, что оно постоянно владело воображением Кенварда, и он был совершенно прав, когда говорил, что, отнесись он к содержанию письма с недостаточным вниманием, его бы смешали с грязью.

Но в длинном интервью газете «Суррей адвертайзер» он пошел еще дальше. По его словам, он верил, что это было убийство, так как «многие из тех, кто ее знал, включая кое-кого из родственников, вполне допускали: что-то в этом роде могло случиться». Конечно, подобные суждения вполне объяснимы в устах человека, который старается оправдаться, хорошо зная при этом, что корреспонденту газеты можно говорить куда более диковинные вещи, чем министерству внутренних дел. Тем не менее это дает повод поразмыслить о той роли, которую сыграла в этом деле Мэдж, сестра Агаты. Не в ее характере было тихо отсиживаться, однако, похоже, она ничего не делала до тех пор, пока не приютила Агату у себя в Эбни-Холле. Безусловно, у нее были свои соображения относительно того, что произошло. Невозможно представить себе, чтобы она сказала Кенварду, будто подозревает Арчи в убийстве: при всей ее самоуверенности и эксцентричности, она была не менее Агаты скрытна, когда речь шла о частной жизни семьи. Но она должна была понимать, что Агата исчезла — вероятно, покончила с собой — из-за Арчи (иными словами — вина в любом случае лежит на нем), и, разумеется, непоколебимо держала сторону Агаты. Поэтому, вероятно, она и сказала Кенварду что-то такое, что привело его к заблуждению, в коем он так упорствовал.

Но по ходу дела оставалось все меньше оправданий тому факту, что Кенвард игнорировал все улики, которые не согласовывались с его идеями, особенно письмо Кэмпбеллу Кристи. Он виноват в том, что подгонял факты под свою версию. Он был хорошим полицейским, но это конкретное дело его подкосило. Спустя пять лет он вышел на пенсию и умер в 1932 году в возрасте пятидесяти шести лет.

В конце февраля 1928 года исчезновение Агаты все еще

муссировалось в печати, и ее имя стало символом двуличного поведения. В ходе рассмотрения некоего дела по обвинению в клевете (инициированного, кстати, тем самым мистером Митчелл-Хеджесом, который критиковал Агату в 1926-м) представитель обвинения сослался на «женщину, которая сыграла дурную шутку с полицией».

Глубоко уязвленная и спровоцированная этим Агата дала интервью «Дейли мейл», чтобы еще раз представить свою, то есть «официальную», версию тогдашнего исчезновения. Она также дала распоряжение своему адвокату от ее имени сделать заявление на том самом процессе. В соответствии с этим распоряжением королевский адвокат[231] Стюарт Беван попросил разрешения судьи представить в защиту репутации своей клиентки медицинское заключение, выданное ей в Эбни-Холле. Обмен репликами между адвокатом и судьей был напечатан в «Таймс». Лорд — главный судья[232] ответил, что у суда нет времени «выслушивать заявления лиц, между делом упомянутых в ходе разбирательства другого дела». Мистер Беван возразил: «Если упомянута женщина, не присутствующая в зале и никем здесь не представленная, а следовательно, лишенная возможности защитить себя, то отказ предоставить ей право обнародовать факты во всей полноте является грубой несправедливостью». На это судья заметил: «Полагаю, мистер Беван, что, сказав так много, вы, вероятно, уже достигли своей цели».[233]

А вот Агата своей не достигла. Действия, предпринятые ею из любви к Арчи, выйдя из-под контроля, жестоким образом привели к прямо противоположному результату: они убили в нем даже ту любовь, какую он когда-то к ней питал. Она хотела вернуть его, мечтала, что он приедет в Харрогит и возродится для нее вновь, а вместо этого сделала все, чтобы отбить у него охоту когда-либо снова ее увидеть. Окончание рассказа выскользнуло у нее из рук.

Когда она увидела его в отеле «Хайдро» у подножия лестницы, надежда, должно быть, вспыхнула в ее сердце. Но в ту ночь она лежала в постели одна, не сомкнув глаз, ясно осознавая крушение своей мечты, которую сама же и загубила. На следующее утро она покинула отель вместе с Арчи, вместе с ним отправилась в путь, они шли рядом, и он ограждал ее от осаждавшей их прессы. Но это уже ничего не значило. Он делал это ради себя, ради своей будущей жизни с Нэнси Нил. Больше всего на свете ему хотелось окончательно порвать с Агатой. Спровоцировав, как она считала, крах собственного брака тем, что оставила Арчи одного, пока оплакивала мать, она теперь

нанесла их союзу последний, смертельный удар, выставив себя на общественное осмеяние, а Арчи — на общественное осуждение. А ведь они оба чрезвычайно дорожили приватностью личной жизни. Как же она допустила, чтобы такое случилось? Как это случилось?

Теперь она снова стала самой собой; блуждающий улыбающийся призрак из Харрогита умер. Она вернулась в реальный мир и, живя в Эбни, видела презрение в глазах Арчи и его надменную усталость после каждого разговора с журналистами. А потом он ушел совсем.

Те дни были худшими.

Любовь моя, ты был мне королем.
На севере холодном, день за днем,
Как без тебя прожить — и сердцем не сгореть?!
Лечь без тебя в постель — как умереть…[234]

«Это оказалось для нее не просто ужасным горем, но чудовищным шоком — настолько сильным, что он поверг ее в состояние душевного расстройства. Она была женщиной, к которой жизнь всегда благоволила: исключительно любящая мать, красивый и любящий муж… и психологически была не готова к тому, что все вдруг разом рухнет. Не думаю, что она вообще сумела когда-либо с этим справиться. Уверена, что разрыв любых отношений, в которые женщина так много вложила, — одно из самых распространенных и самых тяжелых несчастий. И именно поэтому Агате доставляло удовольствие писать книги, в которых обычный порядок, будучи полностью разрушен и поставлен с ног на голову, в конце непременно восстанавливается. Она ощущала психологическую необходимость привносить порядок в беспорядок, что, вероятно, вызывало у нее ассоциацию с собственной жизнью. Полагаю, любая из ее книг давала ей возможность пережить своего рода катарсис. Все они. Небольшой катарсис».

Филлис Дороти Джеймс

«Люди до сих пор думают, что существует некий скрытый мотив. Хорошо зная ее, могу сказать: она ни за что не сделала бы ничего подобного сознательно».

Джон Мэллоуэн, племянник мужа Агаты

«Эта тема была под запретом. Агата отказывалась говорить об этом. С кем бы то ни было. Пытаться было бесполезно. Как-то в Багдаде мне рассказали, что некто затронул эту тему и Агата больше никогда не разговаривала с этим человеком».

Джоан Оутс, подруга Агаты

«Я думаю, мы все имеем дело с тайной, и если эту тайну выдать, мы не сможем дальше жить — по крайней мере так, как жили раньше».

Кэтлин Тайнан, автор «Агаты», в интервью «Вумэнс вэар дейли»

«Я была глупа. Я жила в собственном мире. Да, я была глупа».

Агата устами Мэри Вестмакотт, в автобиографическом романе «Неоконченный портрет»

«Она продолжала любить его все время, но эти события потрясли основы мира фантазии, в котором жил ее дух — ее добрый гений. И это сломило ее».

А. Л. Роуз, друг Агаты, в «Воспоминаниях о мужчинах и женщинах»

«Кристи был дерьмом».

Чарлз Вэнс

«— Вы хотите сказать, что в конце детективной истории все должно быть объяснено? Таково правило?

— Нереальности.

— Тогда, если наш рассказ не подчиняется нереальным литературным правилам, вероятно, это может означать, что на самом деле он более жизненно правдив?»

Джон Фаулз. Башня из черного дерева

«Я знаю, что случилось, потому что я там была».

Розалинда Хикс, дочь Агаты

«Хотя я теперь в полном порядке и бодра духом, не могу сказать, что я так же беспредельно счастлива, как тогда, когда была миссис Нил».

Агата Кристи, в интервью «Дейли мейл»,

16 февраля 1928 года

ВТОРОЙ МУЖ

…ибо не враг поносит меня, — это я перенес бы; не ненавистник мой величается надо мною, — от него укрылся бы; но ты, который был для меня то же, что я, друг мой и близкий мой…

Отрывок из псалма 54, который Агата выписала и хранила

…с того момента жизнь моя навсегда разделилась на две половины, словно ее разрезали ножом.

А. Кристи. Неоконченная ночь

С этого момента глубочайшей тайной становится сама Агата. Она наконец повзрослела, а повзрослев, стала, словно защитную окраску, носить иную личину. Более тридцати лет она жила в мире своих грез и была героиней собственной жизни и своих книг. Теперь она лелеяла свои мечты только в голове. Молодость и красота ушли и унесли любовь и умение ощущать себя всем довольной. Их место заняло нечто другое: жизнь писателя.

В тот черный 1928 год Агата написала свой первый роман под псевдонимом Мэри Вестмакотт — «Хлеб великанов». Герой, Вернон Дейр, сражается на войне. В какой-то момент приходит известие о его гибели. Это ошибка, но, поверив похоронке, его жена вторично выходит замуж. Прочтя в газете свадебное объявление, Вернон пытается и впрямь свести счеты с жизнью. Он выходит на дорогу, и его сбивает грузовик. Оправившись, однако, от полученных ран, он берет имя Джордж Грин и в новой своей ипостаси некоторое время живет счастливо.

Но позднее возвращается к своему прежнему «я», от которого хотел избавиться. «Это было адской мукой — возвращаться, вспоминать… Чудовищно. Вспоминать все то, что я — совершенно искренне — больше знать не хотел». Без уверенности, но все же он думает, что, снова став Верноном Дейром, сможет жить как прежде. Однако жене он больше не нужен, и в конце

концов герой освобождается от эмоциональных пут.

«Теперь между ним и его работой больше ничто не стояло». Вернон осознает, что его истинное призвание — музыка, что он артист и что прежняя жизнь, какой бы реальной она ни была и как бы ни поглощала его, — всего лишь материал для творчества. «Вот что значит быть творцом». Утратив старую индивидуальность, пройдя через чистилище в облике Джорджа Грина, он наконец оказывается там, где ему предназначено быть.

Генриетта Савернейк из «Лощины» тоже художница — скульптор, и ей тоже не остается ничего, кроме как жить, словно бы отступив на шаг в сторону. После убийства возлюбленного она все свои сокровенные чувства вкладывает в гипсовую скульптуру, которую называет «Печаль». «Я не могу любить, не могу скорбеть — во всяком случае, не могу отдаваться этим чувствам всем своим существом». Она задается вопросом: что означает слово «цельность» и может ли сама обрести это качество? И размышляет над цитатой из «Пер Понта», которая всю жизнь преследовала Агату: *«Место, где сам я собой оставался в духе, который от Бога достался».* Вот кем стала Агата — Верноном, Генриеттой. За те дни, пока она оставалась миссис Нил, личность ее претерпела фундаментальную перестройку, и в течение последующих двух своих темных лет — 1927–1928-го — она стала тем, кем не стала бы при иных обстоятельствах. Она стала писательницей. А мечты стали ее работой, а работа стала для нее всем. Она писала слишком много и слишком явно испытывала непреодолимую тягу к сочинительству, чтобы у кого-либо могли возникнуть сомнения, что именно в этом теперь заключается ее жизнь.

Таков был ее способ выжить после тяжелого срыва 1926-го: либо так — либо сдаться. Той жизни, которой она жила прежде, больше не существовало, поэтому она сделалась сторонним наблюдателем новой — аутсайдером. Это было не то, к чему она когда-то стремилась, но это было правильно. Как писал ее друг А. Л. Роуз, рана, нанесенная тем кошмарным годом, была «так глубока, что… оставляла следы на всех ее работах. Она же сделала ее той великой женщиной, какой она стала». Зачем бы еще написала она «Хлеб великанов», если не затем, чтобы отпраздновать новое начало?

Избавившись от бремени привычных женских ожиданий, она почувствовала себя свободной. Она больше не была обязана отвечать распространенным требованиям, предъявляемым к женщине: быть стройной, любезной, женственной. Эти путы она могла теперь с себя сбросить. Она была вольна сама придумать себе образ и носить его как панцирь, являя его миру вместо себя, а внутри быть тем, кем хочется. Это была свобода творца. Потеряв

все, она все обрела, потому что все стало материалом для творчества.

Как Агата Кристи она могла писать столько, сколько позволяло умение, и с конца десятилетия книги посыпались как из рога изобилия: с 1930 по 1939 год она написала семнадцать романов, выстроенных с геометрическим совершенством, впервые продемонстрированным ею в «Убийстве Роджера Экройда». Убийца, который притворяется жертвой; убийца, который притворяется серийным убийцей; убийца-полицейский, ведущий расследование; череда подозреваемых, ни один из которых не виновен; череда подозреваемых, которые виновны все, — великолепные, смелые придумки, не просто вдохнувшие новую жизнь в детективную литературу, но переконструировавшие ее, словно бы поместив в пространство, отраженное в новой системе зеркал. Конструкция была столь безупречна, что, создав особый мир своих книг, Агата нигде ни на йоту не выдала себя самое. Этого она больше не делала никогда. Агата Кристи — умная, сдержанная, проницательная женщина, знавшая все о человеческих чувствах, но всегда справлявшаяся с ними и умевшая усмирить хаос, — писала книги. Сама же Агата превратилась в Мэри Вестмакотт — чувствительное, скрытное создание, порождение бродячего призрака Харрогита, которое не могло бы появиться, если бы не странная свобода, обретенная вместе с чужим именем.

Мэри Вестмакотт писала о любви и ее тайнах. Она писала об Арчи Кристи: он был главным источником ее вдохновения. В «Хлебе великанов» она исследует феномен любви с первого взгляда, его абсурдность и особую мощь. Вернон любит свою жену Нелл, потому что всегда видит ее такой, какой она впервые явилась ему: волшебный образ в лунном свете. Она слабовольна, как и Арчи, но это не мешает Вернону любить ее. Он не способен отделить силу своего чувства от личности, на которую оно изливается.

Так же было с Агатой и Арчи. Об их браке она написала во втором вестмакоттовском романе, «Неоконченном портрете», и сделала очень простой вывод: достоин ли муж — Дермот — ее любви, нет ли, эта любовь существует. Чтобы сохранить ее для себя, не дать умереть, ей нужно было узнать правду о Дермоте. «Я любила Дермота — но не смогла его удержать… Мне следовало знать и проявлять бдительность, а не быть столь самонадеянной и довольной собой. Если ты дорожишь чем-то больше всего на свете, нужно вести себя умнее… Я вела себя неумно…»

В соответствии с воспитанием Агата верила, что брак значит

для женщины больше, чем что бы то ни было иное, и что жена должна уметь удержать мужа. Бабушка, мама — обе говорили ей это. Но она своего мужа удержать не смогла. Ее побег в Харрогит — последняя отчаянная попытка бросить кости и выиграть — убедил ее в том, что он не вернется никогда. Каждый день, который она прожила под именем миссис Нил, вбивал еще один гвоздь в гроб ее брака. Теперь она знала, что собственными руками сотворила ужасные последствия, и с этим ей предстояло жить отныне и до конца.

Для начала она прожила с этим 1927 и 1928 годы, каждый раз черпая в своей боли материал для книг и каждый раз желая лишь одного: чтобы ее муж вернулся.

Разумеется, она могла успокаивать себя тем, что Арчи в конце концов ушел бы в любом случае, и, вероятно, это даже было правдой. Но всегда оставалось сомнение: может, поведи она себя по-другому, он бы остался?

Все те суровые месяцы Агате приходилось терпеть общественное презрение и насмешки. Это было само по себе достаточно тяжело, но еще хуже оказалось то, что публичное внимание — коего, как считали многие, она якобы и добивалась, — было последним, чего она хотела: оно разрушило бесконечно ей дорогой личный мир. Такова была чудовищная, бесчестная ирония судьбы. Она не знала, что думает Арчи, насколько он винит ее за то, что она сломала ему жизнь, но, совершенно очевидно, предполагала худшее. И в этом тоже заключалась злая ирония: тот, кто был виновен в случившемся, теперь заставлял Агату, в свою очередь, испытывать чувство вины перед ним.

Где-то глубоко-глубоко, в самом дальнем уголке ее души, все еще теплилась надежда, что он вернется. Она сняла квартиру в Челси и поселилась там с Розалиндой и Карло; Арчи по-прежнему жил в «Стайлсе», пытаясь продать его, и мысль о том, что он там, в их доме — пусть ненавистном, но их общем доме, — должна была причинять ей невыносимое страдание. «Все эти общие мелочи жизни, которые так тесно связывают тебя с мужем, тебя же разрывают на части, когда ты с ним расстаешься», — напишет она в «Неоконченном портрете». Агата понимала, действительно понимала, что, даже если он и вернется, они больше никогда не будут счастливы вместе. Она — ироничная, взрослая, трезвая до цинизма — была не той женщиной, которая могла бы жить с человеком, мечтающим находиться в другом месте. Оба ее деверя, Джеймс Уоттс и Кэмпбелл Кристи, помогли ей это усвоить. Тем не менее в 1927 году Агата и Арчи встретились еще раз. Встреча была вежливой и ужасной, «мы говорили о самых обычных

вещах», и она последний раз спросила его, не может ли он все-таки остаться — ради Розалинды. «Я еще раз напомнила ему, как она его любит, — писала Агата в „Автобиографии“, — и как ее озадачивает его отсутствие».

Ответ был — нет. Он по-прежнему любит Нэнси, и Нэнси, несмотря на то что разлучена с ним вот уже десять месяцев, по-прежнему любит его. Разумеется, он в долгу перед Нэнси — хотя в гораздо меньшем, чем перед женой, — за тот урон, который нанес ее репутации. Будучи мужчиной, склонным принимать бесповоротные решения, непредсказуемым и не желающим признавать свои ошибки, он прежде всего не желал уступать; для него было невозможно сказать Агате: «Да, я был не прав, да, мне следует остаться с вами». И Агата смирилась с тем, что все кончено. Они больше никогда не виделись с Арчи, хотя она хранила его фотографии и любовные письма. 20 апреля 1928 года она отправилась в суд, выслушала ложное свидетельство измены, якобы имевшей место в отеле «Гросвенор», и в октябре получила развод. Через две недели Арчи женился на Нэнси.

После этого Агата больше никогда не причащалась. И всегда испытывала стыд и вину, особенно перед дочерью, за то, что согласилась на развод с Арчи. «Даже не знаю, почему я сдалась, — писала она в „Неоконченном портрете“, — потому ли, что устала и хотела покоя, или потому, что поняла: это единственное, что можно теперь сделать, или потому, в конце концов, что просто хотела уступить Дермоту… Иногда мне кажется, что причина именно в последнем… Вот почему с тех пор я всегда чувствую себя виноватой, когда Джуди смотрит на меня… Видите ли, получается, что я предала Джуди ради Дермота».

Второй брак Арчи продлился до 1958 года, когда Нэнси умерла от рака. Агата написала ему письмо соболезнования, он ответил ей, поблагодарив за то, что она подарила ему тридцать лет счастья с Нэнси: дружеский на первый взгляд обмен письмами, изобилующий, однако, подтекстами. Была ли Агата действительно так альтруистична или все же смутно намекала Арчи на то, какая роскошная, восхитительная жизнь была бы у него с ней? И был ли ответ Арчи безукоризненно тактичным, учитывая страдания, которые он причинил Агате своей любовью к Нэнси?

Брак Арчи и Нэнси — у которых в 1930 году родился сын, — должно быть, омрачался воспоминаниями. Агата была не тем человеком, которого можно было бы не замечать. Слава ее росла, ее имя не сходило с газетных страниц, ее книги были повсюду: как неуютно, наверное, было чете Кристи видеть, например,

«Убийства по алфавиту» в витрине местного книжного магазина и знать, что прославленный автор книги — женщина, которая из-за них в свое время так далеко зашла. Имя Агаты в их доме не упоминалось, равно как не упоминались и события 1926 года (сын Арчи почти ничего не знал о них вплоть до зрелого возраста). Как и Агата, они были людьми, ценившими сдержанность и умолчание. Что бы ни чувствовали и ни думали Арчи или Нэнси о непростом начале их отношений, они навсегда отодвинули это в сторону и жили исходя из реальности.

Согласно общему мнению, их брак был удачным. Говорили, что Нэнси была «веселой и полной жизни. Уверена, что они были счастливы в браке, потому что она производила впечатление счастливой женщины».[235] Однако Агата тоже умела радоваться, как никто, а ее жизнелюбие в конце концов даже начало раздражать Арчи. Он не был «общественным животным», признался его сын, «а моя мать — была». Стало быть, и Нэнси не являлась для Арчи совсем уж родственной душой — во всяком случае, не более, чем Агата. И влюбился он в нее так же внезапно, как в Агату. Разница, конечно, состояла в том, что если Агата была красива в свое время, то Нэнси была все еще красива теперь. И она была именно такой женой, о какой мечтал Арчи: не было в ней той «нездешности», которую Агата проявляла по отношению к первому мужу и которую, похоже, он несправедливо принимал за эгоизм.

После развода жизненные пути Агаты и Арчи разошлись так решительно, что казалось невозможным поверить, будто когда-то они мечтали состариться вместе. Дела в Сити шли у Арчи хорошо, он занимал директорские посты, в том числе в «Рэнк организейшн».[236] Хотя в письме к Розалинде в 1958 году он признается, что «дважды оказывался без гроша и это может случиться снова», после его смерти в 1962 году осталось свыше 90 тысяч фунтов. До Второй мировой войны у него был дом на аккуратной лондонской Авеню-роуд, а позднее он приобрел дом в Годалминге (который со всей очевидностью страдал «безвкусицей»).[237] К тому времени он уже не играл в гольф. Жил тихо. «Он был хорошим парнем, — сказал о нем проницательный Энтони Хикс, зять Агаты, иногда видевший Арчи, когда тот встречался с Розалиндой. — С Нэнси Розалинда общаться не хотела, поэтому и я виделся с ней нечасто. Она была весьма скучной особой. И Арчи становился все скучнее».[238]

Между тем Агата сделалась одной из самых знаменитых женщин в мире; она в избытке покупала дома и жила то в Кенсингтоне, то в Южном Кенсингтоне, то в Оксфордшире, то в Девоне; она совершала путешествия в пленительные дальние

страны; снова вышла замуж — за человека высокого интеллекта, которого не пугал ее блестящий изобретательный ум и который, напротив, наслаждался его плодами. С ним она узнала совсем другую жизнь.

Арчи пережил позор полицейского расследования, стыд скандала, почти полный разрыв с Розалиндой. Взамен он приобрел жизнь с Нэнси, о которой мечтал весь 1926 год. Неприятности, связанные с уходом от жены, казалось, стоили того. Но несколько лет спустя с ним самим случился нервный срыв, потребовавший серьезного лечения в больнице. Впрочем, ему удалось благополучно оправиться. Как его мать и брат, он был слаб здоровьем, хотя обладал впечатляющим самоконтролем.

Всегда резкий в суждениях А. Л. Роуз ничуть не сомневался, что Арчи поступил неправильно, оставив Агату, и что он наверняка это сознавал. «Бедный мистер Кристи! Что за историю он сочинил, глядя на все это со своей точки зрения! Какую ошибку он совершил!»[239] Подруга Агаты сказала Роузу, что у Арчи «были основания сожалеть о своем поведении»; иными словами, он якобы понимал, что ему следовало остаться с первой женой. Это, разумеется, домыслы. Но этим вопросом и Агата задавалась бесконечно: не был ли бы Арчи в конце концов более счастлив, если бы остался? И не была ли бы более счастлива она сама, прожив всю жизнь, до самой смерти, со «своим другом, близким своим»? Быть может, тогда и не понадобилась бы компенсация длиною в жизнь за его отсутствие.

> «Что знал Родди о Мэри Джеррард? Ничего — меньше чем ничего!.. Какая старая история — бородатый анекдот Природы!.. Разве не хотел сам Родди — всерьез — освободиться от этого?»

Так писала Агата в «Печальном кипарисе». И в самом деле: когда Мэри Джеррард умирает, Родди освобождается от ее чар и в некотором замешательстве возвращается к жизни, как человек, очнувшийся ото сна.

Об Элинор Карлисли, девушке, которая так горячо любит Родди, сказано: «Она простит ему роман с Мэри Джеррард. В любом случае это была лишь безрассудная страсть с его стороны».

Но Эркюль Пуаро с мудростью своей создательницы замечает: «Все это гораздо глубже… Между прошлым и будущим иногда образуется глубокая пропасть. Когда человек проходит через долину смертной тени и снова выходит на солнечный свет, тогда, mon cher, начинается новая жизнь… Прошлое здесь уже ни при чем…»

В 1927 году Агата этого еще не понимала — вернее,

понимала лишь теоретически. На поверхности ее жизнь была серой и мрачной, как тюремный двор для прогулок, а душа — терзаема бесконечной чередой мучений. Она жила в Лондоне, ненавидя его. Но ненавидеть было легче, чем находиться в любимом Эшфилде, где все напоминало о былой любви. Мэдж предлагала, чтобы она поселилась в тихом Девоне, но, как написала Агата в «Автобиографии», «все, что напоминает о счастливых днях или счастливых событиях, все это буквально разрывает тебя пополам».

Вообще она считала, что лучше было бы ей умереть (но тот, кто совершил неудачную попытку самоубийства, «как правило, не повторяет ее снова» — так написала она в романе «По направлению к нулю»). Ей была ненавистна ее печальная известность, то, что каждый раз, выходя из дому или называя свое имя, приходилось встречать предсказуемую реакцию: узнавание, любопытство, презрение. Она была человеком в высшей степени уязвимым и остро переживала то, что ее горе в искаженном виде стало объектом всеобщего осмеяния. Ее осуждали за то, чего она не делала. В 1929 году она написала в «Санди кроникл» о кройдонских убийцах — так называли нашумевшее преступление: три члена одной семьи были отравлены; убийца явно принадлежал к семейному кругу, но дело тогда не было раскрыто, не раскрыто оно и до сих пор: «В этом деле невиновные чудовищно пострадали за грехи, коих они никогда не совершали. Они живут под юпитерами общественного внимания; знакомые и друзья смотрят на них с любопытством, их окружают охотники за автографами, любопытные праздные толпы. Никакая спокойная частная жизнь для них больше невозможна». Мысль, которую она высказала в этой статье, впоследствии воплотилась в один из ее лучших детективных романов — «Горе невинным».

Она, разумеется, знала, что Розалинда огорчена и ошеломлена. Когда мать самой Агаты оказалась раздавлена горем после смерти мужа, она приняла решение «жить ради детей», но Агата так не могла. «Единственным светлым пятном в моей жизни была Розалинда», — напишет она в «Автобиографии», но на самом деле все было не так просто. В самой Агате осталось слишком много от ребенка, она еще слишком тосковала по утраченной матери, и ее раздирали противоречивые чувства к дочери. «Она никогда не сказала ни слова, но я думаю, что втайне она винила меня за то, что лишилась отца, — читаем в „Неоконченном портрете“. — Я подвела ее». Чувство вины доставляло Агате неприятное ощущение: она жалела дочь, но не всегда сочувствовала ей; особенно раздражала непреклонная решимость Розалинды встречаться с Арчи.

В те времена, после развода муж не имел «доступа». Он не мог приехать в дом Агаты, чтобы забрать Розалинду на выходные. Розалинда не встречалась с Нэнси, даже со своим единокровным братом познакомилась лишь на похоронах Арчи, а Арчи, в свою очередь, никогда не видел сына Розалинды.[240] Жизни ее родителей стали несоприкасаемо раздельными, что сегодня может показаться странным, но трудно представить себе, как бы Агата пережила постоянное присутствие Арчи в ее жизни. Для Арчи это тоже было бы совершенно невозможно.

Став взрослой, Розалинда тщательно скрывала свои встречи с отцом и ящики виски, которые тот посылал ей на Рождество. «Мы всегда встречались с отцом наедине и очень любили друг друга», — признавалась она в письме незадолго до смерти. Розалинда была достаточно прагматична, чтобы принять то, что он сделал, и достаточно преданна, чтобы не таить своей привязанности к нему. «Мне ненавистно, когда его изображают холодным и бесчувственным», — сказала она.[241]

А в детстве она страшно по нему скучала. Ее увезли из Саннингдейла — из большого дома, из привычной семьи — и поселили в Лондоне, в квартире, полной женщин, в которой ее мать сидела, поникшая, как умирающая птица. Неудивительно, что девочка чувствовала себя лишившейся корней и, хоть ей было всего девять лет, с радостью согласилась поехать в Бексхилл, в школу-пансион «Каледония», где и мать, и отец могли навещать ее (когда Агата бывала в отъезде, что случалось все чаще, вместо нее приезжали Карло или Мэдж). Письма, которые Розалинда писала домой Агате, были холодными, забавными и иногда колючими: «Спасибо за твое письмо, хотя оно очень короткое. Роуз Мэй Ливер на днях вырвало прямо в коридоре. Сегодня она собирается первый раз выйти. Ее мама приехала за ней в церковь, чтобы вывести ее погулять. Она довольно симпатичная».[242] И еще: «Я немного устала, пока писала письмо тебе, поэтому сейчас напишу коротенькое письмо папе».[243] И еще, после второго замужества Агаты: «Не опоздай на спортивный праздник, хорошо?!! Не приезжай в своем черно-белом платье, надень обычное. Кого ты собираешься привезти с собой в этом году на спортивный праздник? Я бы предпочла, чтобы ты привезла только Карло».[244]

Это совсем не было похоже на отношения, которые связывали Агату с Кларой, — никаких «дорогая мамочка» и «голубка-тыковка». Агате никогда не было легко с Розалиндой; было в этом очаровательном, сообразительном, зорком ребенке нечто, что заставляло вянуть бутон материнского инстинкта Агаты, а после ее разрыва с Арчи и вовсе исчезла всякая надежда, что он когда-

нибудь расцветет. Между матерью и дочерью всегда висело напряжение; дружелюбие было, но какое-то жесткое и ироничное, и это мешало им испытывать простую привязанность друг к другу.

«Я не знаю, любит она меня или не любит, — пишет Агата в „Неоконченном портрете“. — Такой человек, как я, не подходит такому человеку, как она… Я люблю ее, так же как любила Дермота, но не понимаю ее». На самом деле они обе любили друг друга и нуждались друг в друге, но по какой-то причине ни одна из них не могла это показать. Когда в феврале 1928-го, отправившись на Канары, чтобы отдохнуть и развеяться, Агата снова попробовала писать, ее до бешенства доводило то, что дочь ни за что не хотела оставлять ее одну. Если бы рядом стоял песик Питер, Агата таяла бы от умиления, как это будет впоследствии с внуком. Но с дочерью все было иначе: между ними всегда пролегал барьер, пучина.

Агата понимала, что своим разводом обделила Розалинду, однако подспудно чувствовала и то, что Розалинда способствовала крушению ее брака. Она верила, что ребенок встает между мужчиной и женщиной, и безо всяких угрызений совести писала об этом и в «Неоконченном портрете», и в романе «Дочь есть дочь». Так что Розалинда знала, что чувствует ее мать, и «в какой-то мере ощущала свою ответственность за ее развод». Обе испытывали чувство вины, и обеим это было неприятно. Кроме того, никуда не деться от факта, что Агата была готова бросить Розалинду, когда исчезла в 1926 году. Ничего удивительного поэтому, что и мать, и дочь нашли спасение в версии «амнезии»; хотя книги Агаты открыли Розалинде многое.

«Я всегда думаю о том, как несказанно вам повезло, что она — ваша мать, и ни минуты не сомневаюсь, что вы разделяете мое мнение», — писал Розалинде после смерти Агаты друг семьи. Ответ Розалинды был, разумеется, образцовым, а вот чувства — куда более сложными.

Книгой, которую Агата писала во время отдыха на Канарах в 1928 году, была «Тайна „Голубого поезда“». За год до того она на скорую руку собрала печатавшиеся раньше в «Скетч» рассказы с участием Пуаро в сборник, который был назван «Большая четверка». В «Автобиографии» Агата подчеркивает, как трудно дались ей эти две книги. Правда, она не упоминает, что к моменту ее исчезновения обе были наполовину готовы. К тому же «Голубой поезд» не требовал напряженной работы мысли, поскольку, как и «Большая четверка», вырос из уже готового материала (рассказа «Плимутский экспресс»).

Трудность состояла в том, что прежде ей никогда не приходилось писать, если она того не желала. Сочинительство всегда было удовольствием. Это была трудная работа, но ее она выбирала сама. Теперь она должна была писать.

Она не так уж нуждалась в деньгах, как это может показаться, судя по ее «Автобиографии»: мать оставила ей порядка тринадцати тысяч фунтов, и хотя она вложила весь свой капитал в «Стайлс», дом был уже выставлен на продажу. Квартира в Челси, дом в Девоне, содержание дочери в частной школе-интернате, личный секретарь — все это мало похоже на бедность. Но когда Агата пишет о своих финансовых страхах — «Я ниоткуда не могла ожидать никаких поступлений», — то на самом деле скорее описывает свое эмоциональное состояние. Ее панически пугало будущее. Как большинство женщин, всю жизнь находившихся под защитой — сначала семьи, потом мужа — и внезапно оказавшихся в полном одиночестве, она испугалась. Кто будет оберегать ее теперь? Даже если работа над «Голубым поездом» казалась ей самым чудовищным занятием в мире — а именно так оно и было, — она должна была ее выполнить. Вот так.

В «Автобиографии» она описывает случившуюся перемену очень просто: была любительницей — стала профессионалом, но на самом деле все было намного неопределеннее и глубже. Возникла фундаментальная разница в ее отношении к работе до и после. И даже по «Голубому поезду», который ей, по ее собственному признанию, не нравился,[245] это можно понять: она писала его не только для денег, но и потому, что это *было нужно* ей самой.

Отчасти эта книга — действительно «заурядная Кристи». Но в ней она создала образ Кэтрин Грэй, и эта спокойная, наблюдательная, привлекательная женщина стала бальзамом на ее потрясенную душу. Кэтрин — одна-одинешенька в мире, хотя не бедна, и, по словам автора, пребывает в «осеннем периоде» своей жизни: ситуация, ужасавшая ее создательницу. Но Кэтрин справляется с ней спокойно, иронично и уверенно, о чем, должно быть, мечтала сама Агата. Ее утешало то, что эта мечта воплощается хотя бы в жизни ее персонажа.

> «— Не думайте, что вы выйдете замуж, моя дорогая, потому что вы не выйдете, — говорит ей старшая подруга перед отъездом Кэтрин на Ривьеру. — Вы не из тех женщин, которые привлекают мужчин. И к тому же немолоды. Сколько вам сейчас?
>
> — Тридцать три, — ответила Кэтрин.
>
> — Что ж, — с сомнением заметила мисс Винтер, —

это еще не так плохо. Хотя первую свежесть вы уже утратили.

— Боюсь, что так, — ответила Кэтрин, весьма заинтригованная».

В «Голубом поезде» Кэтрин ужинает с попутчицей, Рут Кеттеринг, чей неудачный брак находится на пороге крушения. («Ты, наверное, все еще испытываешь влечение к этому парню. Покончи с этим раз и навсегда, — говорит ей отец, видящий единственно возможное решение только в разводе. — Я мог бы свистнуть, и Дерек прибежал бы к тебе обратно, но рано или поздно все кончится тем же».) В Ницце Рут собирается найти себе любовника и спрашивает у Кэтрин, стоит ли. «Мне кажется, что вы собираетесь сделать большую глупость, — безапелляционно отвечает та. — И думаю, сами это прекрасно понимаете».

На протяжении большей части этой книги Агата как бы разговаривает сама с собой — успокаивая себя по поводу развода и позволяя героине утешать ее своей прямотой. Кэтрин, конечно, может еще испытывать влечение к Арчи, но инстинктивное чувство самозащиты приходит ей на помощь, позволяя понять, сколь бессмысленно желать невозможного. Нужно смотреть правде в глаза.

Эркюля Пуаро тоже восхищает Кэтрин Грэй, и, заставляя их подружиться, Агата придает новое качество своему детективу-бельгийцу, до того обладавшему лишь харизматическим сочетанием усов и напыщенных манер. В «Голубом поезде» Пуаро становится не просто сообразительным, но мудрым, и взгляд его начинает проницать не только факты, но и чувства. Он испытывает своего рода нежность по отношению к Кэтрин,[246] и это тоже было странно утешительно для его измученной и погруженной в печаль создательницы. «„Ну, мадемуазель, как идут дела?“ Она посмотрела в его блестящие глаза и удостоверилась в своем первом впечатлении: было в месье Эркюле Пуаро нечто очень привлекательное».

Есть в романе эпизод, в котором Пуаро разговаривает с дочерью одной своей знакомой. Они стоят на мосту, и девушка замечает, что это любимое место самоубийц. «Так говорят. Мужчины глупы, не правда ли, мадемуазель? Есть, пить, дышать свежим воздухом — все это такие приятные занятия, мадемуазель. Глупо, когда человек расстается со всем этим лишь потому, что у него нет денег или болит душа. Любовь чревата столькими несчастьями, не так ли?»

О таком именно отношении мечтала Агата и опять же находила большое утешение в том, чтобы его описывать.

Но возможно, наибольшим утешением служил сам «Голубой поезд». Пусть он оказался местом убийства, однако в душе Агаты он расцветал как символ порядка и избавления. Она всегда любила путешествовать. Как бы сильно ни любила она Арчи, в душе всегда знала, что они очень разные люди: если он находил удовлетворение в том, чтобы изо дня в день курсировать между Саннингдейлом, вокзалом Ватерлоо и Сити, то она грезила неведомыми странами («…они будут бесконечно кружить по местам наподобие Дэлтон-Хиза… И она никогда не увидит такие дальние страны, как Индия, Китай, Япония… дикую природу Белуджистана… Персию, где названия городов звучат как музыка — Исфаган, Тегеран, Шираз…»). Она мечтала о свободе и о любви, но начинала понимать, что эти два понятия редко совпадают.

Теперь она одно заменила другим, и у нее появилось кое-что еще: сочинительство. Она будет писать свои книги — в том числе особую, тайную, «Хлеб великанов», целиком посвященную тому, что завораживало и казалось непостижимым, — и путешествовать. Карло и Мэдж будут навещать Розалинду в школе, а она, Агата, поедет в Вест-Индию. И она забронировала билеты, взволнованная перспективой провести зиму 1928-го под солнцем. Но тут вмешалась судьба. За день или два до отъезда она была приглашена на званый ужин в Лондоне и сидела за столом рядом с человеком, только что вернувшимся из Багдада. «О, — сказала она ему, — я всегда мечтала там побывать». Ее сосед нисколько не удивился и оказался весьма щедрым источником информации. «Вы можете отправиться туда на поезде, — сказал он, — на Восточном экспрессе». О, как заманчиво это звучало! «Сможете увидеть археологические раскопки в Уре — о них тогда постоянно писали в „Иллюстрейтед Ландон ньюс“: руководивший раскопками Леонард Вули сенсационно претендовал на то, что нашел место библейского ковчега, спасшегося при Потопе. „О, да!“ — сказал сосед по столу, вам непременно нужно когда-нибудь побывать в Ираке».

На следующий день Агата отправилась в агентство Кука и поменяла билеты. Она поедет на Восточном экспрессе в Стамбул, оттуда — в сирийский Дамаск и наконец в Багдад. Карло выразила сомнение: женщина, без сопровождения, на Восток? Но впервые за последние более чем два года Агата чувствовала себя возродившейся к жизни. Она будет путешествовать, одна, в новые миры. Она не боится. Путь был намечен.

«Одна из моих доморощенных теорий (совершенно неосуществимых, разумеется, но в этом-то и прелесть теорий)

состоит в том, что каждый человек должен месяц в году проводить в пустыне… Чтобы у него были пища, вода и никаких — абсолютно никаких дел. Тогда вы получите наконец отличную возможность поближе познакомиться с самим собой».

Это высказывание Лоры Уистабл из романа «Дочь есть дочь». Нет ничего важнее для человека, говорит она, чем узнать себя («человек должен знать себя и верить в Бога»). Однако осуществить это намерение было чрезвычайно трудно, как понимала теперь сама Агата. И что вообще это значит? В начале 1927 года по совету сестры она пошла к психиатру, практиковавшему на Харли-стрит. Верила ли она, что он ей как-то поможет? Как и другие, она поддерживала легенду о том, что потеряла память и хочет восстановить ее: иными словами, она лгала о себе, чтобы найти правду о себе. Согласно интервью, которое она дала в 1928 году «Дейли мейл», ей было сказано, что… «для моего психического здоровья необходимо устранить все пробелы в памяти. Вот почему сейчас я одновременно помню себя и как миссис Кристи, и как миссис Нил». Это, конечно, была чушь. Агата вполне могла водить докторов за нос — она была достаточно умна, чтобы, как Джейн Финн из «Тайного врага», изображать путаницу в мыслях, однако для нее самой вспоминать и рассказывать было по-настоящему болезненно.

> «Вернон слушал, пытаясь понять, что говорит ему врач. Он смотрел на него через стол. Высокий худой человек, с глазами, казалось, видевшими тебя насквозь и читающими то, чего ты и сам о себе не знал.
>
> И он умел заставить тебя увидеть то, чего ты видеть не хотел. Вытащить это из самых глубоких глубин на поверхность. Он говорил:
>
> — Теперь, когда вы вспомнили, расскажите мне еще раз точно, при каких обстоятельствах вы увидели объявление о предстоящем замужестве вашей жены.
>
> — Неужели так нужно без конца возвращаться к этому?! — выкрикнул Вернон. — Это было так ужасно! Я не хочу больше об этом думать».

Агата интересовалась психиатрией — она интересовалась почти всем на свете, — но в деле самопознания предпочитала полагаться на себя самое. При всем своем интересе к новым идеям двадцатого века, глубоко внутри она оставалась продуктом своего эдвардианского воспитания и к 1928 году знала, что должна сама выбрать и проделать свой путь.

Отправляясь на Восток, она была в пустыне не одна — этот жребий выпадет ее героине Джоан Скьюдамор из «Разлученных

весной», — но впервые в жизни оказалась в положении, когда могла рассчитывать только на себя. В детстве уединение было ее тайным наслаждением, удовольствием, которое усиливалось ощущением полной защищенности. Став взрослой женщиной, она принесла уединение в жертву требованиям семейной жизни. Теперь же вообще не могла разобраться в собственных чувствах. Одиночество было необходимо для работы воображения, но одиночество двух последних лет оказалось чрезмерным. «Вот теперь-то и станет ясно, что я за человек, — писала она в „Автобиографии“ о своем путешествии в Багдад, — не слишком ли зависима от других, как я всегда опасалась. Я могла дать волю своей страсти к путешествиям по новым местам — какие приглянутся. Я могла в любой момент изменить любое свое решение так же, как в один день променяла Вест-Индию на Багдад. Мне ни с кем, кроме себя, не нужно считаться. Посмотрим, как мне это понравится».

Агата вошла в совсем иной — в любом смысле слова — мир. Вдруг она оказалась взрослой состоятельной женщиной, сидящей в Восточном экспрессе и выбирающей удовольствия по собственному усмотрению. Загнанное, терзаемое видениями существо осталось в Лондоне, а она подняла взгляд, чтобы увидеть то новое, что ее окружало. Например Киликийские ворота, которые образуют проход через горы Тавр на пути в Турцию, ведущий путешественника из Средиземноморья в Анатолию: этим путем шли Александр Великий и святой Павел из Тавра, а теперь вот Агата на закате вышла из поезда, чтобы полюбоваться «неописуемой» красотой. «Я была так рада и благодарна судьбе, занесшей меня сюда». На пороге Востока она начала находить свой путь обратно, к христианскому Богу, в которого всегда верила, но в котором в последнее время усомнилась. И кое-что еще. Позднее она описывала Киликийские ворота так: «…будто стоишь на краю земли и смотришь вниз, на обетованную землю… землю, коей никому не дано достичь». Это была ее самая заветная тайная мечта: мечта о непостижимом, о мире, существовавшем за пределами реальности. Она снова очутилась в мире своего детского воображения, в котором представляла себе реку, текущую в конце эшфилдского сада.

Последнее, что было ей сейчас нужно, — это англичанка — соседка по купе в спальном вагоне Восточного экспресса, которая считала своим долгом постоянно наставлять Агату по части маршрута. «Не остановитесь же вы в отеле!.. О нет, это совершенно невозможно!.. Я научу вас, как поступить: вы должны остановиться у нас!» В те времена, до революции, которая навсегда изменит облик Ирака, оставалось еще добрых тридцать

лет. Багдад был городом, в котором путешественник-британец мог найти и скачки, и теннис, и клубы, и, разумеется, тосты с «Мармайтом»;[247] в довоенные годы в подобных местах было полно людей того круга, к которому принадлежала Агата. Но Агата была одержима не колониальным духом, а духом авантюризма. На Восток она отправилась затем, чтобы избавиться от своих соотечественников, а не для того, чтобы с ними общаться. В конце своего путешествия она очутилась в месте, которое называла Землей мэмсаиб:[248] «Я стыдилась собственных потаенных чувств, от которых страдала».[249] Находиться в Багдаде среди таких же людей, какие окружали ее всю жизнь, было не просто бессмысленно, это было движением вспять: ведь здешний мир был тем самым, в каком она жила до 1926 года, — только еда похуже и Арчи нет рядом. А все должно было быть новым, иным. Ей требовалось уйти от этого малозначительного узкого кружка благовоспитанных людей — уехать в Ур, некогда шумерский город, лежащий чуть ниже слияния Тигра и Евфрата, место, откуда пошла цивилизация. Как благопристойная мэмсаиб она запаслась рекомендательным письмом к участникам раскопок.

Как видно из романа «Человек в коричневом костюме», Агата давно интересовалась древностью, во время Имперского тура она посещала антропологические музеи и как-то написала матери, что созерцание черепов доисторических людей «подарило ей один из самых увлекательных дней в жизни». В 1920-е годы археология вошла в моду, так что интерес к ней Агаты получил дополнительный импульс. Леонард Вули начал раскопки в Уре в 1922 году и обрел известность, вполне сравнимую с известностью лорда Карнарвона и Говарда Картера, открывших в Египте гробницу Тутанхамона. Вули был хорошим журналистом и ловким торговцем, хотя нынешняя его работа сама по себе была столь завораживающей, что «продавала себя сама». «Именно с третьей династии Ура начинается историческое время», — писал Вули. Раскопы относились к концу третьего тысячелетия до н. э. — Урское царство пало около 2000 года до н. э. — и имели огромное значение. Именно Шумер (или Южная Месопотамия) подарил миру первое известное «литературное» произведение — «Легенда о Гильгамеше» — и самую раннюю религиозную концепцию: похожие на пирамиды зиккураты, или храмовые башни, одну из которых и раскапывал Вули, для шумеров были не молельными домами, а обиталищами их богов. Знание Ветхого Завета давало Агате некоторое представление о мифической истории Месопотамии. Это была земля библейских патриархов, земля десяти колен Израилевых, коих вымели с нее ассирийцы,

земля Вавилонской империи и ее последнего царя Навуходоносора. Но Навуходоносор, который правил в шестом веке до Рождества Христова, казался в этом контексте до смешного «близким» по времени. Вули раскапывал дома, относившиеся к эпохе Навуходоносора, а под ними — те, что были построены во времена Авраама. Агата была околдована. Ее захватило само понятие истории, тот факт, что «тогда» может превращаться в «сейчас», если человек захочет установить связь между ними. И это тоже было миром, бесконечно далеким от Арчи, — во всех смыслах.

Когда в юности Агату возили в Египет, ее внимание куда больше, чем пирамиды, привлекали молодые люди, но теперь мужчины были выведены за пределы ее картины мира, Агата сосредоточилась на жизни интеллектуальной. Как многие самоучки, она всегда любила учиться, однако в 1920-е годы приняла сознательное решение: не опускать руки, не терять интереса. «Я был поражен исключительной широтой ее знаний и опыта», — писал А. Л. Роуз.[250]

В Уре она была почетной гостьей. Сам Вули обычно не жаловал посетителей, считая, что они лишь мешают работать, но его жена Кэтрин была поклонницей «Убийства Роджера Экройда», и это решило дело. Если Кэтрин чего-то хотела, она это получала. Впоследствии Агата поняла, что эта красивая женщина была также странной, властной и опасной, но во время первого визита та была исключительно очаровательной. Агата радовалась тому, что здесь ее знали не как доставившую всем столько хлопот «истеричку 1926 года», а как писательницу, знаменитость, женщину, достойную уважения. И то сказать, «Роджер Экройд» был незаурядным произведением. Кэтрин считала его автора выдающейся личностью. Хотя она явно предпочитала мужское общество, но к Агате прониклась симпатией и пригласила ее снова приехать на раскопки. Это тоже послужило целительным фактором. Ведь Агату чуть не убило именно сознание того, какой видят ее окружающие — Арчи в том числе. В их представлении о ней не было ничего общего с тем, какой видела себя она сама. Здесь же, в Уре, на нее смотрели по-новому. Это был необычный взгляд, тоже весьма искаженный, но Агата была склонна спокойно принять его. Должно быть, душа ее по-прежнему пряталась в какой-то пещере, но по крайней мере жизнь стала интересной в том смысле, в каком она никогда не была интересной с Арчи: он ни за что не поехал бы смотреть ни на Киликийские ворота, ни на черных буйволов, пьющих из арыков, текущих вдоль дороги на Багдад, ни на необычные краски пустыни — «бледно-розовый, абрикосовый и голубой». Никогда

не стал бы он есть такую странную пищу — жирное мясо, омлет с жесткокожими помидорами, огромные вилки цветной капусты, — а если бы съел, то непременно заболел бы. Он стоял бы в Уре на краю раскопа, наблюдая за тем, как «из песка появляется в золотом сиянии какой-нибудь древний кинжал», и сокрушался о том, что пропускает гольф в Саннингдейле.

Так говорила себе Агата, намереваясь переделать собственную жизнь, накопить новый опыт. Это было смелое решение, ибо она была существом раненым, подбитым, ожесточившимся и в высшей степени подозрительным. («Если Дермот мог оказаться вероломным, то вероломным может оказаться любой. Мир сам по себе стал ненадежен. Я больше не могу никому и ничему доверять…») Тем не менее, несмотря на всю свою уязвимость, она обладала скрытой силой. Мужчины ее семьи — Фредерик, Монти — были обаятельными, но слабыми. Женщины видели жизнь такой, какова она есть, и умели с ней справляться. Агата изначально такой не была: она была мечтательницей, ребенком, но, наблюдая этих женщин вблизи, при ее артистическом темпераменте, сумела усвоить кое-что из их характеров.

«Со всеми нами что-то случается… Такова жизнь. С этим нужно просто смириться. Некоторые на это способны, некоторые — нет» — так писала Агата в романе «И, треснув, зеркало звенит». И, будучи по природе своей человеком, «который на это не способен», она впоследствии переделала себя, став «человеком, который на это способен». В основе такого сдвига лежало ее творчество. Оно было ее спасением, ее защитой, ее выходом — ее подлинной жизнью.

И оно имело все больший успех. В 1928 году она заключила новый договор с издательством «Коллинз» на последующие шесть книг, что дало ей 750 фунтов, а договор с американским издательством «Додд Мид» принес 2500. «Тайный враг» стал первым ее романом, который экранизировали (в Германии), за ним последовал рассказ «Таинственный мистер Кин». В 1928 году под названием «Алиби» был инсценирован «Роджер Экройд» (вскоре появился и фильм) с Чарлзом Лоутоном в главной роли — первым в череде выдающихся актеров, неудачно выбранных на роль Пуаро.[251] Агате нравилась новизна «Алиби», репетиции которой она посещала со своим песиком Питером, но ее настолько раздражали перекраивания, которые постановщик делал в оригинале, что она захотела сама написать пьесу. И такая пьеса, «Черный кофе», была поставлена в 1930 году. Как писал позднее А. Л. Роуз, это был ироничный рассказ об исчезновении:

«Все считали его трюком ради популярности, но он был искренним, превзошедшим лучшие ее сочинения. После этого все ее книги становились бестселлерами и все само начало падать ей в руки». «Большая четверка» — худшее из всего, что она когда-либо опубликовала, но в начале 1926 года книга бойко продавалась, как и прочие произведения 1920-х: «Тайна „Голубого поезда“», «Тайна „Семи циферблатов“» и «Партнеры по преступлению». Последние два — это соответственно триллер и сборник рассказов. Нельзя не заметить, что по-настоящему творческое внимание Агаты в тот период было сосредоточено на «Хлебе великанов», в то время как «Семь циферблатов» представляют собой порождение трезвого ума, свидетельствующее о несколько язвительном его состоянии. Место действия здесь то же, что и в «Тайне замка Чимниз», но, сравнивая ту работу с этой удивительно жизнерадостной книгой, можно смутно догадаться, какой путь прошла Агата между ними. Загородный дом Чимниз был сдан лордом Кейтерэмом богатому бизнесмену, сэру Освальду Куту, и вот что думает по этому поводу дочь лорда Кейтерэма: «Ей приснился страшный сон: Англия, заполоненная бесчисленными двойниками Кута в бесчисленных двойниках замка Чимниз, сплошь снабженных, как можно догадаться, новейшими водопроводными системами… Все те тонкие нюансы жизни, которые лорд Кейтерэм мог оценить и ценил так высоко, для сэра Освальда — тайна за семью печатями».

Но лорду Кейтерэму в полной мере свойствен и прагматизм, присущий его классу, — этот образ остается одним из лучших созданий Агаты. «Кут взял меня на должность директора чего-то там. Находка для меня — ничего не надо делать, кроме как сходить в Сити раз-другой в году… и посидеть за круглым столом… У них там очень славная новая промокательная бумага. Потом Кут или какой-нибудь другой умный малый, жонглируя цифрами, произносит речь, но, к счастью, слушать ее нет необходимости — и все это чаще всего заканчивается отличным, скажу я вам, веселым обедом».

«Семь циферблатов» доказывают, что Агата умела быть очень смешной (некий молодой человек описывает свою новую возлюбленную, девушку-танцовщицу, как «одну из восьми девушек, составляющих из себя живой мост»), хотя в это с трудом можно поверить, когда читаешь мрачных «Партнеров по преступлению». Томми и Таппенс возвращаются еще более жизнерадостными, чем прежде, и изумительно изображают пародии на других авторов детективного жанра: тогда, в 1929-м, это был своего рода прорыв, но, как и в большинстве ранних

рассказов Агаты, в этих произведениях не было почти ничего от ее истинной сущности.

А вот «Убийство в доме викария» — квинтэссенция этой сущности. С явлением мисс Марпл[252] (в 1927 году, в цикле из шести рассказов, позднее использованных при написании «Тринадцати загадочных случаев») Агата обрела средство донести до читателя свой взгляд на мир во всей его полноте. Конечно, это был не совсем ее взгляд, хотя так его воспринимали. Да и мир был не совсем ее, хотя она его прекрасно знала. Но это было ее собственное создание. И если в реальной жизни ее страшно раздражала родная английская деревня, в воображении она жила в ней счастливо: с ее иерархическим порядком, среди узнаваемых типажей и моральных установок, которые могли быть одновременно и ограниченными, и основательными. Сент-Мэри-Мид, где живет мисс Марпл и где разворачивается действие «Убийства в доме викария», — прототип. Позже появятся Лимсток из «Каникул в Лимстоке», Чиппинг Клегхорн из романа «Объявлено убийство», Вичвуд-андер-Эш из «Убить легко» и Мач Дипинг из «Виллы „Белый конь“»: все они так же реальны и выпуклы для автора, как мир Хайбери для Джейн Остин. «Реальны для автора» может подразумевать, что для всех остальных Англия Агаты что угодно, только не реальность. И это критическое замечание нередко высказывалось, но оно совершенно бессмысленно. Искусство не отражает реальность, оно создает ее: в этом смысле мир Сент-Мэри-Мид реален. Должен быть реален, иначе люди не поверили бы в него так, как верят. Говорят, касаемо Англии Агаты хитрость состоит в том, что ей недостает «ощущения места» — любой читатель, где бы он ни жил, может, мол, мысленно поместить ее книги в любую знакомую ему среду. Это не совсем так (ни один человек, прочитавший в «Третьей девушке» сцену быстрого прохода по Мейн-стрит Лонг-Бейсинга, не сможет пожаловаться на недостаток точных деталей), да и не совсем в этом дело. Агата не была автором-«описателем», но умела набросать атмосферу места действия средствами, порой столь точными, что их даже не замечаешь (как, например, в романе «И никого не стало», где она использует блестящий прием — множественное убийство происходит в ярко освещенном современном доме, где вообще нет никакой специфической атмосферы).

«Она обладает, — сказала Филлис Дороти Джеймс, — способностью вызывать в воображении целый мир, в сущности, не описывая его».[253] Особенно живыми кажутся ее деревни, которые — что обычно недооценивают — развиваются во времени. «Объявлено убийство», написанное в 1949 году,

наполнено послевоенной неуверенностью («Пятнадцать лет назад обо всех было точно известно, кто что собой представляет: Бэнтри из большого дома, Хартнеллы, Прайс-Ридли и Уэтерби…»), в то время как «И, треснув, зеркало звенит» открывается необычно подробным воспоминанием-описанием жилой постройки 1960-х («Она напоминала аккуратную модель, сложенную из детских кубиков, и казалась мисс Марпл почти ненастоящей»). Но деревенский дух сохраняется всегда: «Новый мир — такой же точно, как старый. Дома стали другими, улицы называли теперь тупиками, одевались по-иному, голоса звучали иначе, но люди были такими же, какими они остаются всегда».

В этом состоит утешительная мудрость мисс Марпл: не обращать внимания на то, что пугает и кажется незнакомым, и отыскивать лишь здоровое, общепринятое между людьми, истинное. Мисс Марпл отдает себе отчет в том, что «существует много… ну, скажем, странного вокруг». Но в целом она бы согласилась с наблюдением, высказанным Агатой в 1955 году: «Знаете, люди всегда охотно прибегают к версии безумия как объяснению, когда не понимают мотивов поведения преступника». Что интересовало мисс Марпл и ее создательницу, так это как поведение соотносится с нормой, даже когда речь идет об убийстве. «Кройдонское дело» заинтриговало Агату потому, что она увидела в нем сложную семейную проблему, узнаваемый образец, доведенный до крайности. Хотя в статье, написанной в 1929 году, она и делает предположение, что убийства были совершены из «странной тяги убивать», на самом деле подобное решение ее бы ничуть не заинтересовало. Для нее мотив — это все!

В «Каникулах в Лимстоке» мисс Марпл приходит к выводу, что преступление мотивируется отнюдь не чем-то таинственным и безличным, как все думают. На самом деле мотивы преступлений глубоко человеческие. Вероятно, это самая убедительная книга Агаты — не зря ею так восхищались ее умные друзья, такие как специалист по эпиграфике Сидни Смит, который сказал, что в ней мисс Марпл особенно «в ударе».[254] Место действия описано замечательно. Это одна из типичных деревень Агаты Кристи во всей полноте своего воплощения: жизнерадостная Эйме Грифит, без приглашения возникающая перед входной дверью («Привет, лодыри!»), — она организует девочек-скаутов, в то время как сердце ее рвется к местному адвокату; коротышка-эстет мистер Пай, чей «голос срывался на фальцет, когда он повествовал о волнующих обстоятельствах, при которых вез свою итальянскую кровать домой из Вероны»; жена викария, миссис Дейн Калтроп, с ее удлиненным лицом,

напоминающим морду гончей, и эксцентричной проницательностью. Возможно, описание среды обитания персонажей оказывается столь выразительным потому, что сделано сторонним наблюдателем, приезжим из Лондона, не лишенным беспристрастности самой Агаты. «У меня куча дел, — говорит он. — Я должен зайти к булочнику и пожаловаться на булку с изюмом». И потом, когда в деревне случается убийство: «На какой-то миг во мне вспыхнула ненависть к Лимстоку, его узким границам и шушукающимся сплетницам».

Агата тоже видела это: опасность, таящуюся в деревнях, ее ограниченность, то, как деревенские жители замыкаются в себе и своих «гнойниках». В романе «Убить легко» зловещие подводные течения выводятся наружу. Повествование в этой книге тоже ведется от лица чужака, человека, вернувшегося с Востока и поначалу настроенного скептически, подпадает под чары деревни, внешнее благополучие которой подсвечено опасностью. «Небо было зловеще-мрачным, время от времени вдруг проносились беспорядочные порывы ветра. Словно из нормальной повседневной жизни он вдруг ступил в ту странную, зачарованную половину мира, смутное осознание опасности которой не отпускало его с момента приезда в Вичвуд». Какая-то чертовщина происходила в этой деревне — жертвоприношения Сатане, девушка-ведьма… Но, как это всегда бывает в детективах Агаты Кристи, реальное зло имело сугубо человеческие мотивы. Серийный убийца — человек с искореженной судьбой, которому нечего делать в деревне, кроме как вынашивать план мести. Весьма убедительно показана в этой книге и роль общественного класса — не потому, что Агата была неисправимой снобкой, а потому, что принадлежность к тому или иному классу действительно имела и имеет до сих пор огромное значение в жизни замкнутой общины.

В романе «Убить легко» нет мисс Марпл (хотя есть отчасти сходный персонаж), но он порождение ее мира. Сама мисс Марпл была сотворена по образу и подобию Каролины Шеппард, сестры доктора из «Убийства Роджера Экройда». Мисс Шеппард обладает даром выуживать информацию — обычно из слуг — и невероятным любопытством: услышав две разные сплетни, она явно колеблется, «как шарик в рулетке, когда он нерешительно зависает между двумя ячейками». Но ее дедуктивные способности ненадежны. Мисс Марпл приходится прилагать куда меньше усилий, поскольку ее врожденная мудрость несравненно глубже. В «Убийстве в доме викария» она тем не менее очень напоминает Каролину: «Должен признать, что ее поспешное появление на сцене и настойчивое любопытство меня немного покоробили», —

говорит викарий, от чьего имени ведется повествование. Более поздняя мисс Марпл никогда не стала бы вести себя подобным образом, не подобающим истинной леди. И никто не охарактеризовал бы ее так, как жена викария Гризельда, — «эта ужасная мисс Марпл», хотя ее «пушистость», которая подчеркивается в более поздних романах, всегда будет обманчива. После смерти Агаты журнал «Букс энд букмен» писал: «Джейн Марпл — жесткая старая калоша. Если она и была „милой старушкой со спицами в руках“, то не более чем мадам Дефарж». [255]

Свой истинный характер мисс Марпл проявляет рано, уже в «Убийстве в доме викария». Она единственная из всех пожилых дам, собравшихся в доме викария «на чай и сплетни», понимает, кто действительно привлекает внимание местного красавчика («*Не* Летиция. *Совсем* другой персонаж, я бы сказала…»). Обнаруживает она и свое кредо, свой взгляд на мир, который и делает ее прирожденным детективом. Гризельда говорит, что мисс Марпл наверняка сможет раскрыть это дело:

> «— …как вы сделали тогда, когда у мисс Уэтерби пропала банка маринованных креветок. И все только потому, что это напомнило вам нечто совершенно другое насчет мешка с углем.
>
> — Вы смеетесь, моя дорогая, — сказала мисс Марпл, — а между тем это очень разумный способ набрести на истину. Это то, что люди называют интуицией и вокруг чего поднимают столько шума».

Это, конечно, непосредственное эхо бабушек Агаты Кристи. Так же как мисс Марпл, обе они — и Маргарет Миллер, и Мэри Энн Бомер — умели сочетать христианскую веру в человека с трезвым знанием того, что он способен на ужасные вещи. Жди худшего, потому что худшее слишком часто сбывается, но не теряй веры и имей сострадание. Таковы были эти женщины: честные, мудрые, приверженные своим викторианским принципам — и это служило Агате незыблемой опорой.

Ей не было еще сорока, но она нашла удовольствие в создании образа куда более пожилой женщины, чьи отношения с жизнью безмятежны, а не огорчительны, как ее собственные. Мисс Марпл почти лишена эмоционального опыта, зато ее осведомленность и проницательность безграничны; она живет словно бы в отдалении от жизни и тем счастлива. Обмен мнениями из сборника рассказов «Тринадцать загадочных случаев» демонстрирует различие между мисс Марпл и ее создательницей. Собеседница мисс Марпл — художница Джойс

Лемприер.[256]

> «— Я художник… Я вижу то, что недоступно вам. Опять же как художница я общаюсь с людьми самого разного рода и достоинства. Я знаю жизнь так, как милая мисс Марпл, здесь присутствующая, знать не может.
>
> — Не спорю с вами, дорогая, — сказала мисс Марпл. — Но в деревнях зачастую происходят очень тягостные и огорчительные события».

Вот что любила Агата: выделять, выпаривать квинтэссенцию жизни из ограниченного, такого как Сент-Мэри-Мид, микрокосма и из него выводить ответ на любой вопрос. Она понимала, что это в некотором роде нонсенс, и, пережив свою личную тайну, знала, как никто, что никаких единственно верных решений не существует, что реальности всегда свойственны незавершенность и неупорядоченность. Но все равно — созданный ею мир завораживал и успокаивал ее самое.

Всеведение — величайший дар, который может предложить читателю литературный персонаж в облике детектива: какое безграничное утешение дает мысль о том, что есть ум, способный все понять, бросить свет на все темные закоулки! Но такое свойство есть величайший дар и для писателя. Агата находила опору в своих персонажах-детективах, в их всеведении и беспристрастности, по-разному проявляемых у Пуаро и мисс Марпл. Часто говорят, что Агата не любила Пуаро, хотя никаких убедительных подтверждений тому нет; на склоне лет она даже старалась оградить его образ от искажений так страстно, словно он был ее собственной кровью и плотью, но ее близость с мисс Марпл была намного более тесной. «Мисс Марпл во плоти не существует и никогда не существовало, — писала она. — Это персонаж, полностью вымышленный».[257] Но это не совсем так. После 1926 года Агата терпеть не могла, когда предполагали, будто для своих книг она «все берет из жизни»; тем не менее сходство мисс Марпл с сильными, мудрыми, милосердными женщинами Агатиного детства было для нее мощнейшей опорой. Агата любила Пуаро, но в мисс Марпл она нуждалась. Ей не хватало этого спокойного тихого голоса, подобающего благовоспитанной даме. Как сама ее детективная проза, он служил ей бастионом против вторжения безумного внешнего мира — голос из могилы, из магазинов «Арми энд нейви», из Эшфилда.

Таким уютом веяло на нее от мисс Марпл, что в одном из рассказов сборника «Тринадцать загадочных случаев» она оказывает ей наивысшее доверие — посылает на отдых в

водолечебницу. Это был смутный намек на Харрогит, сделанный вскоре после приснопамятных событий, и один из мужских персонажей рассказа помогает ей вскрыть нарыв памяти, заявляя, что все эти водолечебные курорты — «сплошная мерзость! Приходится рано вставать и пить гадкую на вкус воду. Кругом — куча старух, злобных сплетниц».

Мисс Марпл спокойно соглашается с этим (будто она не знает, что миссис Кристи сидит в салоне напротив нее, и не ведает, почему она там оказалась!), а потом разражается весьма характерной защитной речью:

> «— Сплетниц? Ну да, старики любят посплетничать, как вы выразились… И окружающие обычно порицают их за это — особенно молодые… Но что я хочу сказать… Ни один из этих молодых людей никогда по-настоящему не вникает в факты. А суть, несомненно, состоит в том, что часто эти сплетни, как вы их называете, оказываются верными! Думаю, если бы кто-нибудь дал себе труд внимательно ознакомиться с фактами, он бы увидел, что сплетни оказываются верными в девяти случаях из десяти. Вот что на самом деле и раздражает людей.
>
> — Интуиция? — спросил сэр Генри.
>
> — Нет, вовсе нет! Просто вывод, сделанный на основании практики и опыта… Женщины, которых мой племянник называет „без определенных занятий“, имеют много свободного времени, и главный их интерес обычно сосредоточен на людях. Так что они невольно становятся экспертами. Нынешние молодые люди, они, знаете ли, свободно рассуждают о вещах, о которых в мое время и упоминать-то было не принято, и в то же время у них на удивление наивное мышление. Они верят всем и всему…»

Агата и сама верила и доверяла. Она ничего не подозревала. Как бы пригодилась ей тогда мисс Марпл, чтобы деликатно намекнуть, что мужчина, у которого так часто возникает желание поиграть в гольф, на самом деле, ну… надо бы задуматься… Но теперь было слишком поздно. И хотя сама Агата об этом не догадывалась, она была в двух шагах от того, чтобы снова войти в ту же реку.

Крепко подружившись с четой Вули, она вернулась в Ур в феврале 1930 года, в конце полевого сезона. Май предыдущего года Вули провели в ее новом лондонском доме — прелестном маленьком убежище на Крессуэлл-плейс, 22, чуть в стороне от

Олд-Бромптон-роуд, — который она купила в 1928 году («сияющее весеннее зеленое дерево среди серых крыш» — так описывали его в газете «Стар»). Внутри дома, поскольку он был перестроен из бывших конюшен, еще сохранялись стойла, пока Агата его не перепланировала: большая комната внизу, а наверху — крохотная кухонька, столовая, спальня и великолепная зеленая ванная, облицованная плиткой с резвящимися дельфинами. Вскоре после этого она купит еще один дом, на Кэмпден-стрит, 47–8, в Кенсингтоне. А впоследствии, в 1930-е годы, еще три. Предвоенные годы действительно были, как она сама их называла, ее «плутократическим периодом», пока налогообложение не стало препятствовать ей оставлять себе большую часть заработанных денег.

В 1929 году умер брат Агаты, Монти, и сама она тяжело переболела из-за прививки, которую ей сделали, когда Розалинда подхватила корь (Агата считала, что ей по ошибке вкололи двойную дозу вакцины). Тем не менее, проведя конец года в Эшфилде, она чувствовала себя готовой к новым приключениям. Теперь путешествия были у нее в крови: как бы ни любила она свой дом, стоило ей засидеться в Англии подольше, как она начинала испытывать беспокойство.

На этот раз она познакомилась в Уре с членом экспедиции, в прошлый раз отсутствовавшим из-за операции аппендикса, — с Максом Мэллоуэном. «Познакомься она с ним за год до того, встреча могла бы оказаться для нее преждевременной — слишком мало времени прошло после Арчи», — предположила биограф Макса.[258] Когда Макс встретился с Агатой, ему было двадцать пять — столько же, сколько ее племяннику Джеку Уоттсу, с которым они одновременно учились в Нью-колледже. Макс был настолько моложе Агаты, что она смотрела на него с безмятежной дистанции, хотя отмечала его такт в отношениях с Вули и находила умным. Лучше она узнала его, когда Кэтрин, в характерной для нее авторитарной манере, велела ему сопровождать Агату в поездке по местным достопримечательностям на пути из Ура в Багдад. Агата испытывала неловкость, полагая, что для молодого человека такое поручение — обуза. Макс между тем был совершенно невозмутим, и они обнаружили, что прекрасно ладят друг с другом.

К тому времени начали проявляться странности характера Кэтрин Вули. Биография у нее была необычная: немка по отцу, она в 1910 году приехала в Сомервилль читать курс истории (хотя и не имела ученой степени) и там, в лагере для военнопленных, где работала во время Первой мировой войны,

познакомилась со своим первым мужем. В 1919 году, через полгода после свадьбы, полковник Киллинг покончил жизнь самоубийством. После этого Кэтрин — которая была очень умна и одарена актерски («почти актриса», как чуть язвительно писала в «Автобиографии» Агата) — устремилась в археологию, которую тогда представлял узкий круг джентльменов-непрофессионалов, и присоединилась к урской экспедиции в качестве добровольной помощницы. Но женщина на раскопках была тогда редкой птицей, и спустя некоторое время на Леонарда Вули начали оказывать давление, требуя как-то уладить ситуацию. Тогда-то, в 1927 году, он и женился на Кэтрин.

Будучи на два года старше Агаты, Кэтрин выглядела много моложе и была все еще исключительно красива, однако почти лишена нормальной женской чувственности. Не исключено, что это могло иметь отношение к самоубийству ее первого мужа. Интимные отношения Леонарда Вули с женой, судя по всему, ограничивались тем, что он ежевечерне наблюдал, как она принимает ванну (тот факт, что он действительно это делал, давал основание для экстравагантных слухов о том, что на самом деле Кэтрин — мужчина).

Тем не менее, не имея желания спать с мужчинами, Кэтрин желала держать их в рабском повиновении. Молодым людям, работавшим на раскопках в Уре, в том числе и Максу, она могла, например, велеть расчесывать ей волосы. «Их это смущало, угнетало, но отказаться они не смели, — рассказывала подруга Агаты, доктор Джоан Оутс.[259] — Это и впрямь было очень, очень странно». Кэтрин могла также попросить одного из них пройти миль десять до сука[260] и купить там два килограмма ее любимых арабских конфет. В этом, впрочем, была и положительная сторона, так как, занятая сластями, она на день-другой оставляла всех в покое. «Бывало, она съедала сразу все, и потом ее тошнило».

Это едва ли укладывалось в модель поведения femme fatale, каковой Кэтрин, безусловно, являлась, и так занимало Агату, что она даже изобразила Кэтрин в романе «Убийство в Месопотамии» в качестве жертвы. «Мы все считали, что это прекрасный способ отомстить тому, кому никак иначе отомстить невозможно», — сказала Джоан Оутс. Образ Луизы Лейднер — это портрет с натуры, что вообще-то Агате несвойственно, и это чуточку нарушает внутренний баланс книги, как — не в последнюю очередь — и то, что развязка в ней — одна из самых слабых у Агаты. Больше всего интересует ее здесь не детективный сюжет, а тайна этой конкретной женщины, une allumeuse — поджигательницы, как она ее называет, женщины, которой

доставляет удовольствие разжигать страсть, не испытывая ее.

«Я не сомневался, — говорит Пуаро, — что миссис Лейднер была женщиной, в первую очередь боготворившей самое себя и больше всего наслаждавшейся чувством власти. Где бы она ни находилась, она должна была быть центром вселенной…»

Другой персонаж говорит о ней: «На самом деле ей на все наплевать. Именно за это я ее так ненавижу. В ней нет чувственности. Ей не нужны романы… Она — женский вариант Яго. Ей необходимы драмы. Но сама она в них участвовать не желает. Она всегда наблюдает со стороны, дергает за ниточки и этим забавляется».

Такой была и Кэтрин Вули: красивая, умная, совершенно независимая разрушительница. Но писательская интуиция подтолкнула Агату дальше. Она представила себе, что случилось бы, если бы Кэтрин встретила равного себе противника и безнадежно влюбилась в него. Она также вообразила развитие событий настолько фатальное, что оно приводит к саморазрушению: за развязкой собственно детективного сюжета маячит смутный намек на то, что Луиза Лейднер намеренно спровоцировала собственную смерть. Простая по сюжету, сложная по характерам, эта книга — наряду с еще двумя-тремя у Кристи — могла бы превратиться в замечательный роман Мэри Вестмакотт.

Речь рассказчицы — сестры Эйми Лизеран — нарочито прозаична. Когда миссис Меркадо — одно из действующих лиц романа — сообщает ей, что первый муж миссис Лейднер погиб на войне, в ее голосе слышится отдаленный отзвук скорбного плача по Арчи Кристи: «Это очень печально и романтично, не правда ли, сестра?» На что сестра Лизеран сухо отвечает: «Это один из способов представить гуся лебедем». Иными словами, проживи человек дольше — то есть если бы Арчи остался, — время пригасило бы романтический ореол, превратив героя в брюзгу средних лет.

Сестра Лизеран говорит за Агату, выражая ее ясные и разумные взгляды. Например первую реакцию на Восток: «Честно признаться, что меня больше всего поразило, так это бедлам, который царит здесь повсюду». И на археологию: «Вы не поверите, но там не на что было смотреть — кроме грязи! Грязные земляные стены фута два высотой — вот и все. Мистер Кэрри повез меня туда и стал рассказывать… а я лишь думала: „Да откуда он это может знать?“». Разумеется, сама Агата думала не совсем так. Ее завораживал процесс раскопок, и она щеголяла своим терпимым отношением к «так называемым ванным» и неевропейским стандартам гигиены. Узость взглядов ни в коей

мере не была ей свойственна, хотя она отлично понимала ограниченные умы — это одна из граней ее таланта — и ценила их непритязательный здравый смысл. Ей тоже доводилось испытывать скептицизм по поводу слепой уверенности Леонарда Вули в том, что он копает в районе, где причалил ковчег (но как он мог это знать? Он не знал: он ошибался). Что лично ей нравилось в археологии, так это презираемые интеллектуалами, вроде Вули, моменты, когда прошлое встречалось с настоящим и погребенные в земле осколки повседневной человеческой жизни волшебным образом выходили на поверхность.

В «Убийстве в Месопотамии» есть также смутный намек на то, что она разгадала характер молодого Мэллоуэна, чьими чертами отчасти наделила Дэвида Эммотта, тихого американца, который не позволяет миссис Лейднер командовать им, чем заслуживает ее скупое уважение. «Я мог бы сказать, что из всех членов экспедиции, если говорить о характере и способности, мистер Эммотт казался мне наиболее подходящей фигурой для совершения искусного и хорошо рассчитанного преступления», — говорит Пуаро, делая ему косвенный полукомплимент. На самом деле Макс был гораздо больше зависим от чар Кэтрин, чем его литературный двойник. Образ Дэвида Эммотта несколько идеализирован, хотя и в отношении Макса Агата разделяла мнение Эйми Лизеран, что «в нем было нечто надежное и ободряющее».

Она с удовольствием проводила с ним время, осматривая иракские достопримечательности. Между ними установилось нечто вроде дружеской близости, не в последнюю очередь из-за того, что она назвала «трудной жизнью»: Максу приходилось сопровождать ее в клозет, когда они ночевали в полицейском участке в Кербеле (спали в разных камерах); по дороге в Ухадир, дабы скрасить впечатление от унылого пейзажа, они пели, а потом, раздевшись до белья, искупались в прозрачном озере, раскинувшемся посреди пустыни. С самого начала Агата чувствовала себя с Максом свободно, быть может, потому, что разница в возрасте снимала напряжение, которое обычно возникает между мужчиной и женщиной. Во время этого странного путешествия по знойным, экзотическим, каким-то призрачным местам к ней вернулась ее обычная жизнерадостность. Ей было весело, как не бывало уже очень давно (каким бы удалым и красивым ни был Арчи, веселым он не был никогда). Она воспринимала это приключение как интерлюдию: удивительную, выпавшую по счастливой случайности и, как она считала, не имевшую продолжения.

Однако продолжение воспоследовало. Агата путешествовала

с супругами Вули по Греции (Кэтрин, судя по всему, раздражала близость, установившаяся между ее подругой и ее протеже), когда в Афинах ее настигла куча телеграмм, в которых сообщалось, что у Розалинды тяжелая пневмония. Агата запаниковала — безусловно, из чувства вины, — а потом еще и упала, повредив щиколотку. Вот тогда-то Макс и объявил, что в дороге ей потребуется спутник и что он возвращается в Англию вместе с ней.

За четыре дня пути (пассажирских авиарейсов тогда не существовало) они лучше узнали друг друга. Максу, разумеется, и прежде кое-что было известно, но история с Арчи и Харрогитом прошла мимо него — в отличие от большей части общества, чье неблагосклонное суждение об Агате сделало ее раздражительной и всегда готовой защищаться; одна женщина, познакомившаяся с ней в те времена, писала в дневнике: «Миссис Кристи на самом деле Агата!! Весьма мила и очень сурова». Но Макс интуитивно разгадал ее внутреннюю детскую уязвимость. Он, в сущности, отлично понял Агату и начал завоевывать ее доверие.

Сам Макс был человеком, исключительно уверенным в себе, несмотря на то что данных для этого ему явно не хватало: низкий рост, невыразительная внешность, да и происхождение его люди, в чей круг он стремился войти, едва ли могли считать comme il faut (а Вули, как он писал в своих воспоминаниях, оба были снобами).[261] Однако такие люди, как он, прилагают больше стараний, чтобы понравиться другим, а у Макса к этому был настоящий дар. Он мог приручить любого. «Предвижу, что ты всегда будешь управлять мною!!!» — писала ему Агата в 1930 году. Он не ленился вникнуть, что нужно человеку в конкретной ситуации, и давал ему именно это. Впервые повстречав Агату, он догадался, что она душевно изранена, словно лишена кожи, и, никак того не демонстрируя, стал утешать ее. Он сделался для нее незаменимым, но при этом никогда не терял достоинства. Его племянник Джон назвал его «в целом счастливым человеком»,[262] однако, чего не подразумевает клише, свое счастье он добыл сам. В отличие от более привлекательных людей, которые склонны полагать, что удача сама упадет им в руки, он сознательно выбирал правильный путь и правильных людей и таким образом поднялся весьма высоко.

В молодости Макс старался выглядеть настоящим англичанином — членство в аристократическом клубе «Будлз», коллекция серебра XVIII века, — но нутром он был европеец. Его предусмотрительное поведение не было типичным для англичанина, как и его вкусы: он, например, страстно любил Прокофьева и Рахманинова. Обладал он еще и тем, что А. Л. Роуз

назвал «австрийским шармом». Его дед — тоже Макс — имел «славянские корни» и до 1879 года жил в Вене беженцем, пока не натурализовался. К тому времени он женился на чешке и стал владельцем мельницы, но когда мельница сгорела, семья оказалась почти в полной нищете. В 1897 году его сын Фредерик — отец Макса — частично возместил его потери и отбыл в Лондон. До того он служил в австрийской армии, аттестат об увольнении из которой получил только в 1913 году, но к тому времени он уже стал благонадежным британским подданным.

В 1902 году он женился на француженке, Маргерит Дювивье, которая приехала в Лондон в качестве компаньонки. Биография Маргерит тоже необычна: ее мать, Марта, была оперной певицей и исполняла роль Саломеи в первой постановке оперы Мюссе «Иродиада». Надо признать, что особого согласия между супругами Мэллоуэн не было. Маргерит была женщиной эмоциональной, религиозной и в высшей степени преданной трем своим сыновьям: старшему, Максу, и двум другим — Сесилу и Филиппу. Отношение к жизни у Фредерика было куда более дисциплинированным. У него на голове имелся шрам, оставшийся от дуэли, и, хотя Фредерик и стал бизнесменом, в душе он навсегда остался иностранным солдатом.

Макс был чрезвычайно близок с матерью, так же как Агата со своей (позднее она даже завидовала его отношениям с Маргерит — «Я ушла, снедаемая ревностью: у тебя есть мать, с которой ты можешь видеться»,[263] — а еще позже они ее даже немного раздражали). Но идиллических воспоминаний о счастливом детстве, которые поддерживали (а иногда и мучили) Агату, у него, безусловно, не было. Он вырос в Лондоне, и его жизни недоставало «домашнего покоя», как он говорил. Родители часто ссорились. «Склонностью своего характера к мирному общению, — писал он, — я обязан им обоим: и отцу, и матери».[264] Так же как счастливый брак родителей Агаты заставил ее априори считать, что ее замужество будет таким же, так Макс на примере своих родителей усвоил, что супружеская жизнь требует обходительности и усилий.

Он учился в Лансинг-колледже одновременно с Ивлином Во и Томом Драйбергом (позднее Во назвал их поколение «выдающимся»), потом читал курс гуманитарных наук в Нью-колледже. «Переход из Лансинга в Оксфордский университет, где я провел четыре года, 1921–1925, был шагом из чистилища в рай». Макс принадлежал к «брайдсхедской эпохе»[265] и вел себя соответственно. Он был четвертым на первом экзамене на степень бакалавра гуманитарных наук и третьим — на выпускном; он устраивал «вечеринки победителя дерби», как он их называл, три

года подряд ставя на верную лошадь, и у него был свой Себастиан Флайт (персонаж «Возвращения в Брайдсхед») — обаятельный аристократ-католик, с которым его связывала глубокая и тесная дружба.

Эсме Говард, старший сын лорда Говарда Пенрита, не был любовником Макса, но он был самым близким ему человеком, пока Макс не повстречал Агату. «Я чувствую, — писал он ей в 1930 году, — что моя любовь к тебе — это идеальное продолжение той дружбы с Эсме, от утраты которой, как мне казалось, я никогда не оправлюсь». Как многие умные, но неискушенные молодые люди, он считал, что легче и уместнее в первый раз влюбиться в мужчину. Эсме, безусловно, был гораздо более романтичной фигурой, нежели средняя студентка выпускного курса колледжа. Он был ярким, обаятельным и смертельно больным — Эсме умер в возрасте двадцати пяти лет от болезни Ходжкина. В последний раз Макс навестил его в Портофино, «на вилле вдовствующей леди Карнарвон», как написано в его мемуарах. По стечению обстоятельств, «черная ночь души» пришлась у него и у Агаты приблизительно на одно и то же время — Эсме умер за пять дней до исчезновения Агаты из Саннингдейла, — и оба они нашли одно и то же лекарство от горя: с головой окунулись в работу. У смертного одра друга Макс дал ему обещание принять его религию. Формально Макс уже был католиком по матери-француженке, но никогда не участвовал в церковной жизни и, будучи студентом Лансинга, отказывался от конфирмации. Теперь любовь взяла верх над рассудком. Видя, какую силу Эсме — «настоящий святой» — черпал в религии, Макс убедил себя в том, что тоже должен искать веру. По иронии судьбы Агата, которая всегда исправно посещала церковь, после развода порвала связь с нею, а Макс нарушил слово, данное Эсме, когда узнал, что католическая церковь не признает его брак с Агатой.

В сущности, по характеру он никогда не был правоверным католиком. «У меня всегда было ощущение, что Господь добр и дарит меня своей небесной защитой», — писал он Агате во время войны, и это было пределом его религиозных убеждений. Он был человеком, все подвергавшим сомнению, скорее любителем профессорских дебатов, нежели созерцания и размышлений, «поклонником красоты»[266] в искусстве, истории и человеческой плоти более, чем в сфере духовности. Был он и амбициозен. Подобно еще одному персонажу «Возвращения в Брайдсхед», Чарлзу Райдеру, он был вынужден ловить шанс и использовать связи, чтобы чего-то добиться в жизни. Когда, памятуя о мимоходом упомянутом интересе Макса к археологии, декан

Нью-Колледжа и хранитель Музея Ашмола (Музея древней истории, изящных искусств и археологии при Оксфордском университете) устроил ему летом 1925 года встречу с Леонардом Вули, Макс твердо решил извлечь из этой встречи максимум пользы. В тот день вместе с Вули в Британском музее была Кэтрин Киллинг. Со свойственной ему наблюдательностью Макс заметил, что произвел впечатление на обоих, — дар не подвел его, и уже осенью он начал работать в Уре.

Четыре года спустя здравый смысл подсказал ему подружиться с одинокой, милой, обеспеченной миссис Кристи. Он не торопил события. Он просто занял при ней положение товарища, в котором Агата нуждалась. Как-то он сказал ей, что у нее «благородное лицо»: очаровательный пробный комплимент из тех, что умные молодые люди делают старшим по возрасту женщинам. После поспешного прощания в Париже, где Макса встречала мать и откуда Агата отправлялась дальше, домой, к Розалинде, она обнаружила, что не может — как собиралась — забыть его. Весной 1930-го Макс работал вместе с Вули в Британском музее. Он написал Агате в Эшфилд письмо с приглашением приехать к нему в Лондон (под предлогом того, что в музее открыта выставка предметов, найденных при раскопках в Уре, и что ей, возможно, было бы интересно ее увидеть). Ее ответ был интригующе пылким, взволнованным и по-детски наивным.

> «Состояние моей Розалинды оказалось куда худшим, чем мне говорили… у меня сердце разрывалось, когда я смотрела на нее: кожа да кости, и такая слабенькая… О! Макс, все было так ужасно — словно возвращение худшего из дурных снов!.. Макс, Вы не могли бы приехать ко мне как-нибудь на выходных? Я не в состоянии принимать гостей или встречаться с обычными людьми — но Вы такой ангел!»[267]

Письмо заканчивалось приглашением позавтракать вместе на Крессуэлл-плейс; Агата собиралась в Лондон, где ей предстояло несколько встреч. В «Автобиографии» она сдержанно пишет о том свидании с Максом, вспоминая лишь, что была смущена, но очень рада, что связь между ними «не порвалась». Тон ее писем, однако, иной. «Я так тоскую по вас»,[268] — писала она и выдавала ему секреты, которыми не делилась ни с кем другим. Например о том, что пишет под псевдонимом Мэри Вестмакотт («Никому не рассказывайте, ладно? Даже своей матери. [„Хлеб великанов“] получил очень хорошую прессу, что приятно удивило меня»[269]). Совершенно очевидно, что она была неравнодушна к этому

молодому человеку, хотя, возможно, и не отдавала себе в том отчета. Она утверждала, что для нее явилось полной неожиданностью, когда вскоре после их лондонской встречи Макс приехал в Эшфилд и — точно так же как Арчи почти шестнадцатью годами раньше, — решительно войдя к ней в спальню, сделал предложение. «Мне в голову не приходило, что случится или что даже может случиться нечто подобное. Мы были только друзьями». Тем не менее понадобилось совсем немного времени, чтобы она приняла мысль о втором замужестве.

После разрыва с Арчи Агата отнюдь не была обделена мужским вниманием. Пусть ее бывшему мужу требовались молодость и незамутненная красота, другие мужчины были менее разборчивы. Культура интимных отношений в те времена была в некотором роде более здравой, нежели теперь, меньше одержима физическим совершенством, а больше — перспективностью союза. Как разведенная женщина Агата возвращалась на «рынок невест». Один знакомый заметил ей по этому поводу (его реплику Агата вставила в «Неоконченный портрет»): «Вам придется завести либо любовника, либо любовников. И вы должны решить, что вы предпочитаете». В книге Сесилия думает: «Любовники — лучше. С любовниками можно быть почти в безопасности!» Иными словами, процессия претендентов не сможет приблизиться к ней настолько близко, чтобы причинить такую боль, какую причинил Арчи. Это больше никогда не должно повториться.

Однако нет никаких свидетельств тому, что Агата на исходе третьего десятка ответила на какое бы то ни было поползновение. Можно сказать с уверенностью (насколько вообще можно быть уверенным в чем бы то ни было), что Агата в своей жизни спала лишь с двумя мужчинами. В «Неоконченном портрете» сказано, что после Дермота она «пыталась научиться жить одна», и это не художественная выдумка: если бы автору было в чем признаться, то в этой книге она уж точно призналась бы. В «Автобиографии» Агата пишет, вполне откровенно, что внимание мужчин доставляло ей удовольствие (она никогда не скрывала, что мужчины ей нравятся, и легко находила с ними общий язык до тех пор, пока в дело не вступали подлинные чувства). Она рассказывает очаровательную историю об инженере-голландце, с которым познакомилась во время своего первого путешествия на Восточном экспрессе. Однажды вечером, после ужина в ресторане, он посмотрел на нее и сказал: «Хотел бы я знать… Нет, думаю, благоразумнее не спрашивать». На это Агата ему ответила: «Вы очень благоразумны и очень добры». Но вопрос остался висеть в воздухе. Вот как она описала это в сцене из романа «Место

назначения неизвестно»: «Молодой француз приятной наружности вышел из бара и, пересекая террасу, бросил на Хилари быстрый взгляд, который лишь в слегка завуалированной форме словно бы говорил: „Интересно, есть тут у меня шанс?“» Агата все брала на заметку; в некоторых отношениях она была очень практична, совсем не похожа на тот образ ласковой доброй бабушки, который впоследствии культивировала. «Знаете, вы из женщин того типа, которых следует насиловать» — эта реплика в романе «Разлученные весной» обращена к чопорной Джоан Скьюдамор. «Я бы предпочла сама изнасиловать вас и посмотреть, изменились ли бы вы после этого хоть на гран». Агата (или Мэри Вестмакотт) могла написать такое безо всякого смущения и — что важнее — не вызывая смущения у читателя.[270]

Но с Максом Мэллоуэном, который был на четырнадцать лет моложе ее, она ощущала разницу в возрасте едва ли не так же, как с Розалиндой, — Агата оказалась беззащитной как дитя. «Уверен, вы захотите выйти за меня, если хорошенько подумаете», — сказал он, покидая ее спальню после того, как они «проспорили, думаю, часа два», как пишет Агата в «Автобиографии». Он задал темп, подготовил почву и был абсолютно уверен в результате. «Разумеется, я благоразумен, — писал он ей вскоре после того, — благоразумие — моя главная защита. И именно поэтому я, как вы выразились, вывел вас из стойла».[271]

Агата со своей стороны стала писать Максу письма, напоминающие послания взволнованной юной девушки. Похоже, она вдруг ухватилась за идею прожить с ним остаток жизни — идею, которая, если верить ее «Автобиографии», была для нее совершенной неожиданностью.

«Дорогой Вы мой… Неужели я действительно значу для Вас так много, как Вы говорите? Я только что получила Ваше письмо… О, мой дорогой! Я была бы счастлива, если бы это было так. Я чувствую то же самое — что быть с Вами для меня своего рода свобода».[272]

Это пример того, как умно Макс умел дать Агате то, что ей было нужно от предполагаемых отношений: нечто совершенно отличное от того, что она имела в первом браке (к счастью для Макса, который не мог соперничать с Арчи по части романтической игры). Она хотела чувствовать себя освободившейся и уверенной. «Когда мы вместе, как друзья, мир кажется мне прекрасным… полная свобода… никакой напряженности или ощущения плена, связанности… Никогда бы раньше не поверила, что такое возможно».[273]

То, что она пишет подобные вещи, глубоко трогательно,

особенно в свете пережитого ею ужасного предательства. Однако Макс сознавал, что в этом был оттенок благодарности: почти невозможно, чтобы он смог в столь неправдоподобно короткий срок пробудить в ней такое сильное чувство. Любовные письма, приведшие к браку, на самом деле с обеих сторон были своего рода спектаклем. «Совершенно очевидно, что Вам было предопределено стать моим подсолнухом» — в таком духе писал Агате Макс. Не то чтобы неискренно, но тон не совсем подобающий любовным посланиям (вроде тех, что писал ей Арчи), которые рождаются из возвышенного мужского чувства.

Конечно, Агата и Макс не были обычными любовниками. Ничего нормального в этом романе вообще не было. Самое забавное, что доминирующим партнером в нем должна была бы стать Агата — у нее были и деньги, и опыт, а у Макса ни гроша, и он почти наверняка был девственником, — и тем не менее именно он оказался главным в их союзе. Он принял на себя «отцовскую» роль. Имея исключительно преданную мать, он не нуждался в жене-матери, а вот Агате муж-опекун был необходим, и Макс это знал. Он стал для нее эмоциональной заменой не столько Арчи, сколько Клары — того человека, которого Агате недоставало больше всего на свете. С Кларой она была безоговорочно самой собой, с ней не надо было сдерживать свою натуру, с ней она могла дать волю воображению, зная, что находится под защитой мамы, которая здесь, в Эшфилде, в центре реального мира. Макс предоставлял ей возможность отчасти снова пережить это ощущение: ощущение безопасности жизни. Он позволил ей опять вести себя по-детски, и ему это очень подходило, потому что он был прирожденным учителем. Ему доставляло удовольствие наставлять Агату: она должна учить греческий язык, читать Гиббона и брать уроки рисования, чтобы помогать при раскопках. О Розалинде, когда они сблизились, он писал ей: «Она взрослее тебя, мой ангел». Прекрасно зная, что Агата больше всего хочет от него услышать, он говорил: «Агата, я люблю тебя не просто как восторженный слепец, я вижу тебя такой, какая ты есть».

«Я верю, что ты любишь меня такой, какая я есть, — писала она ему в ответ и трезво добавляла: — Любовь как таковая — довольно идиотское состояние, санкционированное Природой, но способное приносить большие несчастья отдельным индивидуумам. Но ты, Макс, ты мне — друг…»[274]

Странно, но разница в возрасте (хотя она в свидетельстве о браке была сокращена до шести лет: Агате, согласно этому свидетельству, было 37, а Максу — 31) облегчала Агате их отношения. Вслух она жаловалась на «твой чертов глупый

возраст!!», но на самом деле молодость делала Макса в ее глазах менее опасным. Ничто в нем не напоминало ей Арчи, который никогда бы не написал: «Если ты относишься к нашему браку серьезно, мой ангел, то помни, что совместная жизнь может стать славной шуткой, если мы захотим ее таковой сделать». Она, однако, очень надеялась, что это будет шутка не над ней. Один раз ее уже сделали посмешищем в глазах общества. Ее сестра пламенно протестовала против их брака и не скрывала этого от Агаты (Макс в глубине души так никогда и не простил за это Уоттсов[275]). За две недели до свадьбы Мэдж прислала сестре в подарок носовые платки: «Я вовсе не имею в виду, что они пригодятся вытирать слезы; хочу, чтобы ты ясно это понимала». Она выражала надежду, что Макс будет заботиться о ее сестре, в противном случае «какая-нибудь из его древних мумий восстанет из гробницы, чтобы навести порядок, ибо, как мне говорили, в этих делах мумии прекрасно разбираются». Джек Уоттс, которому очень нравилась Агата, никогда, еще с Оксфорда, не любил Макса, оба они — и Мэдж, и Джек — подозревали, что истинным мотивом Макса является состояние Агаты. Такая мысль, должно быть, приходила в голову и самой Агате, особенно когда она читала его письма, касающиеся их медового месяца, который планировал он, а оплатить предстояло ей. Они должны были отправиться в Венецию («У меня есть белый блейзер на случай жаркой погоды»), потом в Югославию, а оттуда — в Грецию («Хорошо бы, я успел научиться там играть на пастушьей свирели»). Писал Макс и о пошлине за регистрацию брака: «… конечно, за все это должен был бы платить я».

Церемония бракосочетания была назначена на сентябрь в соборе Святого Колумба в Эдинбурге. Религиозная проблема была решена; Макс отнесся к этому очень легко, Агата — гораздо менее. «Ты по-прежнему уверен в себе? Я имею в виду в том, что касается религии. Тебя не мучают угрызения совести или чувство вины?» — не уставала пытать его она все лето 1930-го. «Случаются моменты, когда меня охватывает слепая паника… я чувствую: не надо… не надо… не надо мне ни за кого выходить замуж. Никогда больше!.. Но ведь это Макс. Макс, который всегда будет рядом… к которому я смогу прислониться, когда станет худо».[276]

Эти сомнения оставались, даже несмотря на то что шла подготовка к свадьбе. В конце августа Агата отправилась в Скай на отдых с Розалиндой, Карло и Мэри Фишер (которая должна была быть свидетельницей), а оттуда — в Эдинбург. Из Ская она писала о «безумии обмена великого, но чреватого бедой счастья на заурядное, но надежное. Знаешь, Макс, милый, я ненавижу,

когда я несчастлива… О, мой дорогой, никогда, никогда не сомневайся, мы всегда будем друзьями, даже если не поженимся». [277]

Это тоже немного отдает представлением, хотя в основе лежат подлинные чувства, но вызвано желанием получить такой ответ, на какие Макс был великим мастером: «Тебе нужно побыть храброй еще две недели, чтобы стать самым счастливым ангелом на свете». На самом деле Макс никогда серьезно не сомневался, что Агата решится на замужество. Один раз, когда она, казалось, захотела расторгнуть их планы, он пустил в ход беспроигрышный мужской козырь — оборвал общение. «Ты свин, Макс. Три дня как уехал — и ни единого слова… Знаешь, ты, наверное, не любишь меня. О, Макс!»[278] И это решило дело.

Самой большой тревогой Макса накануне сентября была, вероятно, реакция супругов Вули. Ему все еще было необходимо их покровительство, хотя бы на один сезон, и он добивался одобрения Кэтрин, несмотря на то что она чувствовала себя униженной из-за его отношений с Агатой. Мы не можем знать, каково было отношение Макса к Кэтрин в урские годы, но образ Луизы Лейднер из «Убийства в Месопотамии» — это образ весьма соблазнительной женщины, которая вполне могла произвести впечатление на неопытного молодого человека вроде него. Слабые подозрения возникли у Агаты после их первого путешествия вдвоем по иракским достопримечательностям: вернувшись в Багдад, Агата мечтала о горячей ванне; Макс ей ее приготовил, но потом уступил Кэтрин. Уже в 1943 году, 14 февраля, Агата писала ему: «Ты не забыл послать валентинку К. Вули?!!» Она шутила, но было ли это так уж смешно?

В мае 1930 года он настоял, чтобы они с Агатой вместе написали Кэтрин письмо с неприятным для нее известием об их помолвке. Ответ был любезным: «Приятно узнать, что два человека, которых я люблю, собираются составить счастье друг друга», — хотя месть могла воспоследовать позже. Кэтрин говорила, что следовало повременить со свадьбой, поскольку самому Максу не пойдет на пользу то, что он так быстро получит все, чего желает. Это было проницательное, хотя и оскорбительное предположение, но не в стиле Агаты было держать мужчин на поводке. Агата написала Максу: «Бесполезно — я никогда не смогу научиться олимпийскому, как у К., отношению к мужчинам. Я всегда буду считать их либо свинами, либо милейшими людьми». [279]

В былые времена, когда мужчины, Реджи Луси например, падали к ее ногам, обутым в изящные ботиночки на пуговках, она, конечно, тоже обладала шармом, «как у К.». Теперь она была

усталой, одинокой и исполненной благодарности. Она почему-то знала, что, несмотря ни на что, союз с Максом ей подходит. Он позволит ей вновь обрести рухнувшую было веру в себя: «Вот, Арчи, смотри, я еще в состоянии найти себе мужа, который на пятнадцать лет моложе тебя!» И это даст ей свободу, о которой она мечтала. Брак ничуть не помешает ей писать, потому что Макс был слишком тактичен, чтобы вторгаться в ее профессиональную жизнь, и слишком уверен в себе, чтобы завидовать ее успеху. Этот брак не потребует от нее что-либо в себе менять, что, очевидно, пришлось бы делать, останься она с Арчи. Тем не менее Агату беспокоило то, что внешность ее тускнеет и что она набирает вес, хотя она и старалась обратить это в шутку. «Возможно, я (маленький поросенок) и есть твой любимый размер!! Скажи, что так!» Впоследствии Макс часто поддразнивал ее на эту тему, но в тот момент ответил: «Я знаю только, что ты прекрасна!» — и она была благодарна ему за эту ложь.

Самое главное — брак обеспечивал ей дружеское общение. За это она была готова рискнуть многим. Ей нужно было одиночество, но не полное одиночество. Тусклые, печальные годы конца 1920-х чуть не доконали ее: ложиться спать одной, видеть в зеркале, как увядают лицо и тело, пытаться соорудить себе новую жизнь из дружб и вечеринок, держа при этом в памяти ту, другую, которая была когда-то, льнуть к Питеру так, словно только его любовь заполняет разрыв между нею и пустотой. И вот этот невысокий улыбчивый человек пришел, чтобы спасти ее. «Благослови тебя Бог, любовь моя, — писал он ей 6 сентября, за пять дней до свадьбы. — Я хочу, чтобы ты была так же счастлива, как я, и думаю, что ты будешь, дорогая моя». Это была доброта, и Агата пила ее жадно, как воду в пустыне. Она собиралась стать для него лучшей женой, чем была для Арчи, потому что не была в него влюблена. И он не был в нее влюблен. Их соединяла не любовь, и это, как она думала, могло принести больше счастья.

Об этом же она писала через год после замужества, когда работала над «Смертью лорда Эджвера». Слова принадлежат Пуаро, мысли — Агате:

> «— Предположим, он женится на девушке, которая страстно в него влюблена. Много ли в этом пользы? Мне часто доводилось убеждаться, что иметь жену, которая его любит, — большое несчастье для мужчины. Она устраивает сцены ревности, выставляет на посмешище, желает, чтобы все его время и внимание принадлежало только ей. О! Non, это не ложе из роз».

Итак, в определенном смысле она стала реалисткой. После счастливого медового месяца («столько было восхитительного») она соглашается, чтобы Макс по требованию Вули немедленно отправился в их распоряжение. В той ситуации они вели себя неподобающе, как, в сущности, и всегда. Как сказал Макс: «Эти дьяволы собираются сделать все от них зависящее, чтобы осложнить нам жизнь». Агата уже понимала, что Леонард просто слабый человек, и винила во всем Кэтрин. «Думаю, К. ревнует не к счастью, а только и исключительно к деньгам!» — писала она.

Вули выжали из Макса последние силы накануне свадьбы («Заставляли его сидеть зарисовывать керамику ночи напролет, в том числе и ночь накануне бракосочетания», — рассказывала Джоан Оутс[280]), а потом уже 15 октября вызвали в Багдад. Все бы ничего, но Агата заболела в Афинах в последний день их медового месяца. Это было похоже на пищевое отравление, скорее всего вызванное «радостным поеданием креветок и лангустинов», и ее состояние было очень серьезным. Агату положили в больницу, а Макс отбыл к месту службы. «Только что приходил врач, — писала она ему из Греции, где лечение стоило целое состояние, — и по его манере можно было безошибочно догадаться, что он считает тебя жестоким и бессердечным… Бедный мой Макс, а ведь ты так добр и нежен к своему Ангелу». [281]

Что она думала на самом деле, узнать невозможно. Конечно, она винила Вули — Кэтрин в первую очередь — за то, что они терроризировали Макса, заставив малодушно повиноваться им (тем более что сами они объявились в Багдаде лишь неделю спустя), но разве сам он не говорил, что теперь предан только Агате? Она настаивала, чтобы он вернулся в Багдад, но, разумеется, ей было бы приятно, если бы он вопреки ее настояниям принял решение остаться с ней. «Не забывай подробно сообщать мне о своем здоровье и напиши, действительно ли ты полностью избавилась от всех последствий отравления, — требовал он в своей пунктуальной манере. — Думаю, что теперь я не буду страшиться встречи с Вули и вполовину так сильно, как прежде. Теперь, когда у меня есть мой ангел, о котором я постоянно думаю, я стал более независимым и отстраненным».[282]

Агата благоразумно не касалась этого эпизода в течение пяти лет, пока в романе «Смерть в облаках» не упомянула «англичанина, у которого заболела жена. Самому ему было необходимо к определенному дню оказаться в Ираке. Eh bien, вы не поверите, — но он бросил жену и уехал». Английская девушка, которой Пуаро рассказывает эту историю, отвечает: «Наверное,

работа должна стоять на первом месте», — но сам факт, что Агата косвенно обнародовала тот эпизод, дает основание предполагать, что рана не зажила.

Несмотря на своевременное возвращение Макса после медового месяца, спасти отношения с Вули было невозможно. «Именно Кэтрин не только запретила Агате появляться в Уре, но и заявила, что ей вообще не разрешается приезжать в Ирак, — рассказывала Джоан Оутс, — потому что Макс предложил, чтобы она остановилась в отеле в Багдаде и он мог время от времени ездить к ней на выходные». Агате прозрачно намекнули, что это невозможно; сам Вули дал ей это понять, когда они с Агатой ужинали накануне ее свадьбы. Это было совершенным безумием, но не имело существенного значения. Макс уже искал другую работу, и этот сезон в Уре должен был стать для него последним. Работа с Леонардом Вули позволила ему приобрести опыт; он нашел жену и благодаря женитьбе стал состоятельным человеком. Будущее представлялось ему блестящим. Что касается Агаты, то она писала ему из Лондона, где наконец закончилось ее путешествие:

> «Впервые за несколько лет я вернулась в Англию без горестного ощущения.
>
> Мой дорогой, ты снял такой груз с моих плеч — я даже не догадывалась прежде, что он был таким тяжелым, — что чувствую, как заживают мои многочисленные раны. Они еще при мне, но мало что может заставить их снова открыться».[283]

Вероятно, это было напоминанием Максу о том, что она все еще уязвима. Вернувшись в Эшфилд, где Розалинда продемонстрировала весьма холодное отношение к новому статусу матери, заявив: «Наверное, неплохо иметь два набора родителей», — Агата написала:

> «Я бы не перенесла, если бы ты когда-нибудь стал менее добрым, чем теперь…
>
> Я знаю, что у мужчины лучший период жизни часто бывает именно в твоем возрасте. Тогда у них и представления тоньше, и жизненные идеалы крупнее. А потом, довольно часто, жизнь обуживает их: они становятся эгоистичными, сосредоточенными на себе, мелочными, потакающими своим желаниям и придирчивыми. Ты не должен стать таким, ты должен всегда оставаться Максом».[284]

Тем не менее она была счастлива. «Все говорят, что я очень хорошо выгляжу, помолодела на десять лет и что мне очень идет быть замужем за тобой». Возможно, ей еще больше шло быть замужем и в то же время принадлежать себе самой, пока Макс оставался в отъезде. Она была свободна и чувствовала себя в безопасности, как в былые времена. Письмо от ноября 1930 года искрится, словно шампанское:

> «Сегодня провела очень волнующий и предосудительный день — была на распродаже!.. О, какое я получила удовольствие… Очаровательные чиппендейловские комоды ушли по восемь фунтов десять шиллингов, я просто немного опоздала. Может, оно и к лучшему — не представляю, куда бы я их поставила! Как весело жить. Думаю, что археология — самое волшебное занятие на свете…
>
> Но я стараюсь изо всех сил быть достойной женой. Нарисовала один дополнительный горшок [по совету Макса она брала уроки рисования]… Премьера „Черного кофе“ — 8 декабря, так что мне придется на будущей неделе съездить в Лондон на репетицию. У меня действительно сейчас куча дел… Шесть знаменитых авторов детективных романов снова приглашены на радио[285] — мы встречаемся 5 декабря, чтобы обсудить план передач. Дороти Сэйерс начнет 10 января, я продолжу 17-го и потом еще 31-го. Это все весьма занятно.
>
> Чем я еще занимаюсь, так это вышиваю павлина — я начала его вышивать, когда мне было девятнадцать лет, и недавно нашла… Чувствую себя так, словно вернулась в свои девятнадцать!»

В декабре, сдав внаем оба своих дома, она писала из дамского клуба «Арми энд нейви»,

> «…просто чтобы сказать, что ты — мой обожаемый Макс, которого я люблю так, что даже страшно, и могу заполнять целые страницы поцелуями, как делают дети!! Очень нежными поцелуями… Я действительно пугающе счастлива, дорогой. И именно это придает изюминку всему и делает жизнь восхитительной».

Макс ответил ласково: «Ангел, закрой глаза и представь, что я обнимаю тебя и целую в ответ».

Премьера «Черного кофе» доставила особое удовольствие —

на ней присутствовали Мэдж (как Агата на премьере ее «Претендента» в 1924-м), а также Нэн и Джордж Кон. Пресса была хорошей. «Фрэнсис Салливан в роли Пуаро нравится мне больше, чем Чарлз Лоутон. Он у него получается гораздо более обаятельным», — писала она Максу. На волне этого успеха предполагалось инсценировать «Тайну замка Чимниз», хотя эта постановка так и не состоялась.[286] Рассматривалась даже возможность поработать в Голливуде: «Мы могли бы получить кругленькую сумму и с ее помощью сбрить всю твою гору!» Для ушей Макса это должно было звучать музыкой. «Макс, дорогой, ну почему ты так далеко от меня? Или это я далеко от тебя? Зато Розалинда очень рада, что я с ней».[287]

Тон письма, написанного на рождественский сочельник, более трезвый: «Сегодня — мой старый свадебный день. Он всегда был для меня грустным — но не в этом году. Благослови тебя Бог, мой дорогой, за все, что ты сделал, и за все, что ты мне возвратил».

В последний раз Агата отправилась в Ур весной 1931 года. «Я написала письмо Кэтрин, и надеюсь, что все будет хорошо». Совершенно неожиданно — впрочем, Агата любила иногда продемонстрировать великодушие — она посвятила «Тринадцать загадочных случаев» супругам Вули. К тому времени у Макса уже была новая работа — он присоединился к экспедиции доктора Кэмпбелл-Томпсона на раскопках Ниневии (древней столицы Ассирийской империи, восьмой век до Рождества Христова). Си-Ти, как все называли доктора по инициалам, не был особо удачливым археологом, хотя с ним и его женой иметь дело было куда легче, чем с Вули. Тем не менее он тоже счел необходимым «прощупать» Агату, прежде чем разрешить ей посетить раскопки. Он также сделал ей реприманд, когда она купила письменный стол, чтобы работать за ним в весьма скудно меблированном домике на раскопках в Мосуле. Экономия была его «пунктиком», и он не мог понять, почему Агата не может писать свои книги на перевернутом ящике. Какое ему было до этого дело, только Богу известно, хотя Агата ничего на его замечание не ответила. Ее добродушие по отношению к странным коллегам мужа, которые по-детски свято верили в собственное превосходство над всеми прочими людьми, что часто свойственно «интеллектуалам», было исключительным; возможно, она просто отрешалась от них, безопасно замыкаясь в собственном творческом мире. Так или иначе, она не хотела создавать никаких осложнений для Макса и прилагала все усилия, чтобы поладить с Си-Ти и его женой Барбарой, чего никогда не делала в отношении партнеров Арчи

по гольфу. Макс отправился на раскопки в Ниневию осенью, а Агата одна поехала на Родос поработать над романом «Смерть лорда Эджвера», чтобы потом, в конце октября, присоединиться к мужу и там закончить книгу (которую она посвятила Кэмпбелл-Томпсонам) за новым письменным столом.

Ее письма к Максу стали более любовными. Накануне медового месяца между ними не было разговоров о предстоящих чувственных наслаждениях, если они их действительно ожидали. «Не забывай о бутылках с горячей водой», — писал Макс. И еще, по невинности своей: «Могу обещать тебе, что мертвецов у тебя будет достаточно всю жизнь» (имея в виду мертвые тела, которые находят на раскопках). Но год спустя в письме Агаты читаем: «Макс, порой я лежу на гостиничном пляже без всего, подставив лицо солнцу, и мне хочется перевернуться на живот и чтобы ты целовал мою спину сверху донизу. Сможем ли мы это сделать когда-нибудь? Есть такое место, где это возможно? Думаю, оно было в Греции, но тогда мы еще не были к этому готовы, правда?»[288]

Это письмо дает основание для предположения А. Л. Роуза о том, что брак Агаты и Арчи распался отчасти и из-за того, что Агате недоставало чувственности.[289] Агата всегда вела себя благопристойно, но отнюдь не была ханжой. «Сюда, нежней, сюда, пока уста и грудь и руки не сольются в объятиях и поцелуях…» — писала она в восхитительно чувственном стихотворении, названном «Вечернее купание». Плавание тоже всегда было для нее чувственным наслаждением, каким в 1931 году стал для нее и второй муж. «Я ложусь в постель такой сонной, что у меня даже нет сил на плотские мечты!» — писала она в декабре из Англии, куда вернулась, чтобы провести там суматошное Рождество.

Между тем на Родосе она сходила в собор и «помолилась святому Иоанну Крестителю (кажется, ему). Возможно, не самому подходящему, чтобы испросить сына, святому». Она мечтала — или верила, что мечтает, — о новой семье. От старой — неугомонная Москитик, неутомимая Розалинда — она уставала и раздражалась. Но ей было уже за сорок, и единственная ее беременность закончилась выкидышем в 1932 году. Может, и к лучшему, потому что, когда у Розалинды родился ребенок, Макс написал Агате: как хорошо, что у них нет детей и что все внимание жены может принадлежать только ему!

Нельзя сказать, чтобы все его внимание принадлежало ей. На Родосе она начала чувствовать, что раздельная жизнь может иметь огорчительные последствия.

«Милый, ты действительно существуешь? Или ты —

только сон, который мне приснился?.. Мне хотелось бы, чтобы ты был здесь и улыбался мне, когда я выхожу из моря, счастливая, как собака… А что, если я тебя больше никогда не увижу? Когда кого-то любишь, начинаешь бояться, правда? Поэтому-то собаки и рычат, оберегая свою кость. Они уверены, что другие собаки захотят ее отнять. В Мосуле есть другие собаки, милый? Если есть, лучше не говори мне!»[290]

На самом деле в то время Макс был куда больше озабочен карьерой. Но то, что Агата называла «своими ранами», приоткрывалось снова — чуть-чуть. У нее уже был один неверный муж, и она готовила себя к вероятности измены второго (который, в конце концов, был намного моложе ее), хотя своего недоверия открыто не показывала. Она оставалась счастливой, деловой, успешной Агатой Кристи, с ее театральными триумфами и чередой востребованных романов: «Загадка Ситтафорда», «Загадка Эндхауса», «Смерть лорда Эджвера», «Убийство в Восточном экспрессе» и «Ответ знает Эванс» были опубликованы в 1931–1934 годах наряду с двумя сборниками рассказов — «Тайна Листердейла» и «Расследует Паркер Пайн». Этот последний очень интересен. Паркер Пайн — специалист по счастью: он держит контору, поставляющую счастье людям, недовольным своей судьбой. Не будучи детективом, он тем не менее обладает тем свойством всеведения, которое так неотразимо привлекало Агату, к тому же он мудр и добр. К нему, например, приходит женщина средних лет, чей муж изменяет ей с хорошенькой молодой секретаршей. Ситуация слишком знакомая, чтобы счесть ее бедственной — мысль сама по себе утешительная, — и решение находится простое: жена должна прихорошиться и завести собственный безобидный роман. Это так ловко срабатывает, что муж возвращается в лоно семьи, а Агата, должно быть, задумывается, не следовало ли и ей самой так же повести себя с Арчи.

Потому что Арчи не отпускал ее. Иначе зачем было бы ей писать «Неоконченный портрет»? В 1933-м у нее была масса других дел — она написала «Восточный экспресс», «Ответ знает Эванс», несколько рассказов для сборников «Тайна Листердейла» (остальные были взяты из журнальных публикаций) и «Расследует Паркер Пайн». Страстное желание писать, которое несколько ослабло в первые два года замужества, снова сжигало ее. И чего ей хотелось больше всего, так это заново пересмотреть прошлое. Она желала сама вскрыть былые «раны». Она была писателем. Только писателю может этого хотеться.

И снова все вернулось: идиллическое детство, обожаемые мать и муж, конец света. Как она вынесла это? Вынесла, потому что за нее это делала Мэри Вестмакотт.

Агата помогла Максу достичь заветной цели — начать собственные раскопки. Проведя один сезон в Ниневии, он копал теперь в Арпачии, в Ираке, — увы, из-за политической ситуации ему суждено было провести там только один сезон 1933 года. Агата делала зарисовки и писала, что она «лопалась от счастья», когда в «нашем крохотном, как прыщик, холме» обнаружилось потрясающее собрание древней керамики из сгоревшей гончарной мастерской. Все это доставляло ей огромное удовольствие, хотя зять отзывался о ее увлечении археологией так: «Максу это нравится — значит, нравится и Агате».[291] И в то же самое время она обдумывала «Неоконченный портрет» — этот любовный гимн прошлому.

В конце романа она пишет о мужчине, который хочет жениться на героине после ее развода:

> «Он говорил: что мне нужно, так это доброта… он тоже был несчастлив. Он знал, что это значит.
>
> Нам было хорошо вместе… казалось, нам нравятся одни и те же вещи. И он ничего не имел против, чтобы я оставалась сама собой. То есть я могла вести себя как мне хочется и быть восторженной, и он вовсе не считал это глупостью… Он был — прозвучит, наверное, странно, но так оно есть, — он был для меня как мама…»

В глубине души героиня хочет выйти замуж за этого человека, Майкла, но не выходит. Слишком велик страх снова пережить боль. Она пытается покончить с собой, но ее спасают. После этого она выходит в мир, чтобы лицом к лицу встретиться с будущим. «Она возвращалась в тридцатидевятилетнем возрасте… чтобы наконец повзрослеть, — заключает автор. — А историю своей жизни и свой страх оставляла мне…» Вероятно, именно это чувствовала Агата, приближаясь к финалу «Неоконченного портрета». Прошлое стало прошлым и было погребено под словами. Но конечно же, все не так просто.

> Я устала от прошлого, оно на ногах словно путы.
> Прошлое не дает покоя и радости — ни минуты.
> Я путы разрежу ножом, поговорю с судьбой:
> «Дай наконец мне счастье оставаться самой собой».
>
> Боюсь — подползают снова, как змеи, прошлого путы,
> Смеются в глаза: «Не дадим тебе радости ни минуты!

Не будешь теперь ни смеяться, ни есть и ни пить.
Боишься воспоминаний? Но мы не дадим забыть!»
Что такое храбрость? Господи, я не знаю,
Храбрая я или подлая, прошлое отрезая?..[292]

ВОЙНА

Это не кризис, это Кристи не дает людям спать по ночам.

Анонс романа «Убить легко» в газете, 1939 г.

Я не слишком молода, дорогой, а три года — большой срок.

Из письма Максу Мэллоуэну, декабрь 1944 г.

Годы до, во время и после войны — самые продуктивные в писательской жизни Агаты. Созданные в это время книги наполнены эмоциональным содержанием, несущим отпечаток авторского опыта, что делает их принадлежащими к несколько иной категории: «Смерть на Ниле», «Печальный кипарис», «Пять поросят» и «Лощина». Есть и такие, которые под внешним мастерством обнаруживают необычайную глубину: «Убийство под Рождество», «Убить легко», «И никого не стало», «Зло под солнцем», «Н или М?», «Труп в библиотеке», «Каникулы в Лимстоке», «По направлению к нулю», «Берег удачи» и «Кривой домишко». В этот период Агата также написала лучшие сборники рассказов — «Убийство в проходном дворе» и «Подвиги Геракла». И наконец, тогда же она создала два превосходных вестмакоттовских романа — «Разлученные весной» и, быть может, вообще лучшую свою книгу «Роза и тис».

Не грех повторить: Агата была писателем. Отрицать это, как говаривал Пуаро, значит отрицать очевидное. (Кто еще написал так много? Блайтон? Вудхаус? Оба они, как и Агата, создали убедительный мир художественной реальности.) В тоже время нельзя не признать, что во время войны Агате приходилось много писать: ее финансовое положение изменилось, на какое-то время она оказалась вынужденной жить впроголодь. И все же это не объясняет безудержной продуктивности тех лет, яркости книг, созданных как бы под давлением обстоятельств, и того факта, что, когда у нее выдалось всего несколько свободных дней — бесценная удача во время войны, — она потратила их на то, чтобы закончить «Разлученных весной». Да, ей приходилось писать для денег, но она и не могла не писать. Вот так просто.

«Вы считаете меня успешной? Как смешно», — говорит

Генриетта Савернейк в «Лощине».

> «— Ну конечно же вы успешны, моя дорогая. Вы художница. Вы должны гордиться собой; вы не можете не быть успешной.
>
> — Я знаю, — сказала Генриетта. — Мне это многие говорят. Но они не понимают… не понимают главного… Скульптура не то, что можно задумать, а потом успешно претворить в жизнь. Это нечто, что на тебя наваливается… наваливается так, что ты чувствуешь себя схваченной за горло и рано или поздно оказываешься вынужденной искать пути примирения. Тогда ненадолго ты обретаешь покой — пока это не навалится снова».

То, как легко — на сторонний взгляд — Агата писала, и то, какие — на первый взгляд «легкие» — книги создавала, дало критикам повод считать ее плодовитость само собой разумеющейся. Но то, что она делала, было незаурядно. Писательство стало важнейшим делом ее жизни, пусть она сама предпочитала так и не считать. «В жизни это было никому не заметно, она была так скромна, — писал ее друг А. Л. Роуз. — [Но] ее личность как писателя — совсем другое, словно бы это были два разных человека».[293]

Да, два: потому что Агата хотела иметь и обычную жизнь. Она ее «вскармливала». Она жила ею ради собственного удовольствия, и это было существенно важно для ее работы; это было своего рода наркотиком, поскольку, в отличие от большинства писателей, других она не употребляла. Как писал Роуз, «внешне у нее была полноценная, нормальная социальная жизнь, в которой было все: семья, два замужества, друзья, гостеприимство, развлечения, забота о доме (в чем она была большая мастерица), хождение по магазинам (что она обожала)… Но все это состояло на службе у другой ее жизни — жизни в мире воображения».

> «Уже много лет назад Генриетта усвоила этот трюк: запирать мозг в водонепроницаемое помещение. При этом она могла играть в бридж, вести интеллектуальную беседу, четко выражать свои мысли в письме, но отдавала любому из этих занятий лишь ничтожную часть сознания».[294]

В 1930-е годы в жизни Агаты сложился определенный уклад, который впоследствии раскололся на войну, разлуку, тревогу, смерть. Страдания не имели того накала, какой она познала в

1926-м, но вновь обретенная радость жизни, на которую она решительно настроилась, могла быть поколеблена, если бы она где-то в самой глубине себя не сумела изолироваться от реальности. Простой ответ: замужество принесло ей чувство защищенности. Но в действительности все было не так просто. Правильнее сказать, что замужество позволило ей стать той личностью, какой она была, когда на самом деле чувствовала себя защищенной: иными словами, стать ребенком, чье воображение, скитаясь, забрело на территорию взрослых и очутилось среди взрослых тайн.

В 1930-е годы Питер был умерщвлен в «Немом свидетеле» («brave chien, va!») и действительно умер в следующем, 1938 году. «Мой маленький дружок и верный товарищ в любой беде, — писала Агата Максу в 1930 году. — Ты не знаешь, что значит в истинно плохие времена не иметь никого на свете, к кому можно было бы прильнуть, кроме собаки». Питер был ее «ребенком», и позднее она вспоминала, как он, «ревнуя, втискивался между нами». Макс любил собак, но Агата их обожала — за великодушие и преданность, качества, которые она ценила превыше остальных.

Макс любил и Эшфилд, по крайней мере так он говорил в первое время. «Ты можешь не сомневаться, что я буду считать Эшфилд своим домом, ибо любое жилище будет для меня домом, если в нем будешь ты, и мне будет приятно думать, что ты не утратила дорогую тебе память о былых временах».[295] Однако по отношению к Максу Агата была чутка, как никогда не была по отношению к Арчи, и знала, что его гнетет хранящаяся в этом доме память о той части ее жизни, в которой его еще не было.

Есть и другие причины, заставившие ее продать Эшфилд в конце тридцатых. «Когда-то вся эта местность представляла собой тихий сельский уголок в пригороде Торки: три виллы на холме да дорога, ведущая к деревне. Сочные зеленые луга, где весной я любила наблюдать за ягнятами, теперь сплошь застроены маленькими домишками. На нашей улице не осталось ни одного знакомого. Эшфилд превратился в пародию на себя самого». Быть может, Агате было слишком больно видеть эти перемены, поразившие ее дом: ведь он никогда не умирал в ее памяти. Но когда Макс сказал: «Знаешь, Эшфилд начинает причинять тебе беспокойство», — это было зашифрованным посланием, и она его поняла. И продала дом. В тот момент это казалось правильным, но когда в 1960-х дом разрушили, она плакала, как ребенок. «Иногда я чувствую себя такой бесприютной, — писала она Максу в 1944 году, — и ловлю себя на мысли: „Я хочу домой“, — и тогда мне кажется, что у меня нет дома, и я тоскую по Эшфилду. Я

знаю, ты не любил его, но это был дом моего детства, а это много значит».[296]

В конце 1934 года Агата купила совсем другой дом — дом Макса, как она его называла. Уинтербрук в Уоллингфорде (откуда было удобно ездить в Оксфорд; этот дом она описала в «Немом свидетеле» как Маркет-Бейзинг) был элегантным, но по-домашнему уютным зданием, окруженным прелестным садом, который простирался до самой Темзы. Фасадом в стиле эпохи королевы Анны он почти выходил на главную дорогу, но был скрыт от нее густыми зарослями остролиста; задняя часть дома была построена в георгианском стиле; помещения для прислуги и конюшни — в стиле XVII века, и еще на заднем дворе был обнесенный стеной огород. Главная спальня выходила окнами на лужайку, посреди которой стоял раскидистый кедр, отбрасывавший густую мирную тень. Этот же вид открывался Максу из окна кабинета-библиотеки — специально для его удобства вдвое удлиненной комнаты, всегда заполненной сигаретным дымом, уютно заставленной журналами по археологии и томами Геродота, «лучшего сплетника античности», по выражению Макса.

А. Л. Роуз часто обедал в Уинтербруке: «…уютный, теплый, гостеприимный интерьер, типичный для верхушки среднего класса, — писал он в дневнике, — со всеми его удобствами и приспособлениями, прелестным фарфором и отличной мебелью, которую позволяло им покупать процветание Агаты… солнечный дом с гостиными, выходящими окнами на просторные заливные луга, спускающиеся к реке».[297]

Квинтэссенция Средней Англии, как и весь Уоллингфорд, — разумеется, идеальный дом для Агаты Кристи. Но стать владелицей дома своей мечты Агате еще предстояло.

Гринвей-Хаус, волшебная белая шкатулка, расположившаяся над сверкающим Дартом; Гринвей с его романтически диким садом; Гринвей, укорененный в истории Девоншира и одновременно выглядящий с его призрачной бледностью так, словно он может в любой момент раствориться в воздухе. «Я сидела на скамейке напротив дома над рекой, — писала Агата Максу в 1942 году. — Он был ослепительно белым и очаровательным — отрешенным и безучастным, как всегда, — и при виде его красоты меня вдруг пронзила острая боль… „Он слишком дорог для нас“. Но какой восторг владеть им! У меня даже дыхание перехватило, когда я сидела там — в самом прекрасном месте на Земле — и думала об этом».[298]

Это был тот самый дом, каким она воображала Эшфилд в своих детских фантазиях: река в конце сада, за привычными

дверьми — неведомые просторные комнаты… Все это стало теперь реальностью. Агата купила Гринвей в 1938 году за шесть тысяч фунтов — невероятная, смешная сумма, равная приблизительно двумстам фунтам стерлингов в нынешних деньгах, но охотников взвалить на себя заботу о таком доме и тридцати трех акрах земли в придачу было не много. С помощью архитектора Гилфорда Белла (племянника ее подруги Эйлин, у которой она гостила в Австралии во время Имперского тура) Агата восстановила идеальные георгианские пропорции своего нового приобретения. Крылья были пристроены к дому в 1815 году, но Гилфорд убрал их, вернув дому былую симметрию и изысканность. Главные комнаты выходили в центральный холл: библиотека, столовая и малая гостиная, которая, в свою очередь, вела в большую гостиную с высокими белыми окнами, открывающими вид на маленькую потайную лужайку. На втором этаже было пять комнат, в том числе большая хозяйская спальня, а также огромная туалетная комната, обшитая деревом, как любила Агата. Наверху имелось еще несколько спален и комната для Розалинды; за домом стояла большая постройка с помещениями для слуг, кладовой и необъятной кухней с высоким потолком. Все здесь было высоким, глубоким и правильным. И в то же время повсюду царил дух тайны и волшебства. Величественный дом, чтобы жить на широкую ногу, — и одновременно нестрогий и спокойный, хотя его красота казалась слишком шикарной, чтобы он мог стать таким, каким был когда-то Эшфилд.

Изначально Гринвей был построен году в 1530-м, но разрушен — вероятно, огнем — два столетия спустя. Агата делала заметки об истории своего владения (у ее матери была такая же привычка записывать факты на клочках бумаги): «Название получил от „grain way“ — „зернового пути“ через Дарт. Принадлежал семейству Гилберт. Сэр Хамфри Гилберт, открыватель Ньюфаундленда, родился там в 1537 году. Вторым мужем его матери был один из Рейли… Отстроен заново в 1780-х…» Это был знаменитый дом, вроде Агбрука, что неподалеку от Эксетера, где Агата познакомилась с Арчи. Он принадлежал девонскому прошлому, в котором жила ее душа. В детстве она видела его с реки (Клара тогда указала на него), теперь он ей принадлежал. Агата была слишком умна, чтобы считать само собой разумеющимся, что живет в доме, который могло создать лишь ее воображение. Она бродила по саду — среди спутанных зарослей переросших редких растений, — который они с Максом начали приводить в порядок, и чувствовала, что действительно живет во сне.

Она напишет в поздних своих книгах, что это место казалось слишком красивым, чтобы быть реальным: здесь происходит действие «Ночной тьмы» («Одного дома, знаете ли, недостаточно. Он должен иметь оправу. Она не менее важна») и «Вечеринки в Хэллоуин» («Если бы ваше желание могло осуществиться, что здесь было бы?» — «Сад, по которому гуляли бы боги»). Однако в обоих романах желание создать красоту приводит к злу. Одной красоты недостаточно: нужны смирение, сердечность и человечность. «Но, увы, не будет цветущего сада на острове в греческих морях… Вместо этого будет Миранда — живая, молодая и красивая».

Еще раньше она использовала Гринвей как место действия в романах «Пять поросят» и «Причуда мертвеца», и в обоих он становится местом убийства. Одна жертва умирает в Оружейном саду на берегу Дарта, другая — в зловещем лодочном сарае.[299] Дом описывается как неправдоподобно красивый, хотя в описании нет и намека на собственные отношения с ним Агаты. «Это был изящный дом, с прекрасными пропорциями» — таково скупое описание Нэсси-Хауса в «Причуде мертвеца». «Миссис Фоллиат прошла через левую дверь в маленькую, со вкусом обставленную гостиную и дальше — в большую гостиную, находившуюся за ней»: точное воспроизведение расположения этих комнат в Гринвее.

Нэсси-Хаус — родовое поместье Фоллиатов, и хотя его бывшая хозяйка живет теперь в сторожке, к Нэсси у нее сохранилось отношение, которого Агата к Гринвею разделить не могла. Пуаро называет дом «грандиозным и благородным жилищем», и миссис Фоллиат «деловито подтверждает это кивком: „Да, его построил прапрадед моего мужа в 1790 году. На этом месте прежде стоял елизаветинский дом. Он разрушился от ветхости и сгорел в 1700-м. Наша семья жила здесь с 1598-го“».

В глубине души Агата завидовала этой небрежно осознаваемой знатности миссис Фоллиат. «Миссис Фоллиат из Нэсси-Хауса, наследница древнего рода храбрых мужчин…» Сама Агата больше напоминает своего умного коротышку-детектива, который стоит и смотрит на дом в некотором ошеломлении. «Какое прекрасное место, — сказал Пуаро. — Красивый дом, красивый пейзаж. Есть в нем безграничный покой и великая безмятежность».

Агата испытывала глубокую, но сдержанную гордость, оттого что смогла купить этот удивительный дом на собственные средства. Но она восхищалась теми, кому не было нужды покупать, работать, прилагать усилия, теми, кто не менялся и не сомневался, кто не мог быть никем иным, кроме как самим собой.

Миссис Фоллиат принадлежит Нэсси-Хаусу так же естественно, как деревья, произрастающие на его земле, и, живя в сторожке, остается тем же человеком, каким была бы, продолжая жить в доме. Та же мысль лежит в основе «Розы и тиса».

> «…это была убогая комната. В центре ее, поджав под себя ноги, сидела и вышивала Изабелла… Чувствовалось, что она и комната не имели друг к другу никакого отношения. Она находилась здесь, в самой ее середине, но с таким же успехом могла находиться в центре пустыни или на палубе корабля. Это был не ее дом. Это было место, где ей просто случилось в данный момент очутиться».

В детстве Агата мечтала стать титулованной «леди» и стала ею. Благодаря рыцарскому званию мужа она оказалась «леди Мэллоуэн», а потом и «дамой Агатой» в соответствии с титулом, пожалованным ей самой.[300] Была она и хозяйкой Гринвей-Хауса. Но ее представление об аристократизме ничего общего с этим не имело: аристократизм, как она считала, нельзя приобрести, его нельзя достичь или ему научиться. Аристократизм — это магия, коей Изабелла, «принцесса, заточенная в разрушенном замке», завораживала Джона Гэбриэла, энергичного, блистательного мужчину, который в нее влюбился.

> «Я не хотел быть обычным мальчиком. Я пришел домой и сказал отцу: „Папа, когда я вырасту, я хочу быть лордом. Хочу быть лордом Джоном Гэбриэлом“. — „Но ты никогда им не станешь, — ответил он. — Лордом надо родиться. Тебя могут сделать пэром, если ты станешь достаточно богатым, но это не одно и то же“. Но это не одно и то же. Есть нечто… нечто, чего у меня никогда не будет… О, я вовсе не имею в виду титул».

«Роза и тис» — сложное произведение: это книга о сословиях, но еще больше — о тайне, заключенной в человеке. Будучи вполне уже зрелой женщиной, Агата по-прежнему обожала все загадочное и непостижимое. Она становилась старше и резче, грузнее и прожорливее, самодовольнее и самоувереннее, но мечты ее не менялись.

Жизнь Макса тем временем развивалась по плану. Проведя сезон в Арпачии — на первых раскопках, которыми руководил он сам и которые официально были оплачены его спонсором, Британской школой археологии,[301] он в 1935 году вместе с

Агатой отправился в Сирию, в Шагар-Базар. Два года спустя они начали раскопки Телль-Брака, милях в двадцати дальше. «Теперь он работал самостоятельно и давал полную волю своим талантам, — было сказано о нем впоследствии. — Успех следовал за успехом».[302] Ничуть не преувеличивая: все зимние месяцы он лично руководил своими рабочими на раскопках, а потом возвращался домой и работал либо в Гринвее, либо в Уинтербруке, либо в новом доме, который Агата купила в Кенсингтоне, на Шеффилд-стрит, 58 (единственном доме, как она утверждала, где у нее была комната, специально предназначенная для писания). Да, то была великолепная жизнь для молодого Макса Мэллоуэна.

Говорили, что он был не особо хорошим археологом-практиком, зато у него были иные таланты. Работая с Вули, он усвоил, что нужно уметь держать язык за зубами и учиться, и теперь обрел уверенность в себе, чтобы приступить к самостоятельной работе. «Он играл свою роль», — говорит Джоан Оутс, которая работала с ним после войны. Как и следовало ожидать, он потрясающе умел управляться с рабочими — главным образом арабами, но также курдами, турками и армянами. В те времена, когда рабочая сила стоила чрезвычайно дешево, он мог нанимать до двухсот человек одновременно. «Он был очень хорош со своими рабочими. Иногда покрикивал на них. В начале одного из сезонов случилась забастовка, рабочие требовали больше денег. Тогда Макс вскочил на большой деревянный упаковочный ящик и уболтал их страстной речью так, что они к концу ее закивали и разошлись работать! Все это доставляло ему огромное удовольствие».[303]

Агата тоже наслаждалась жизнью. «Ей нравилось в Шагар-Базаре, — говорит Джоан Оутс. — Она любила цветы. Если вы посмотрите пленки, которые она отсняла на раскопках,[304] то увидите, что они полны диких цветов, к которым она испытывала настоящую страсть». Агата действительно снимала, например, поля пушистых ароматных бархатцев, колышимых ветром; или — в Телль-Браке — собачонку, которая, виляя хвостом, наблюдает затем, как люди трудолюбиво разгружают грузовик. «Да, собаки, дети, очаровательный дом, в котором они жили в Шагар-Базаре… Но сами раскопки — никогда. Ей было интересно находиться там, быть преданной женой, наслаждаться красотами пейзажа, чему она отдавала невероятно много времени». В письме Максу, написанном во время войны, Агата вспоминает Шагар-Базар и «это свежее, первозданное ощущение безлюдной улыбающейся земли. Как же это было прекрасно…».[305]

Частенько это осложнялось большими неудобствами, но

Агата была крепкой, здоровой и всегда презирала вечно ноющих женщин. В своих воспоминаниях о предвоенной сирийской жизни «Расскажи мне, как живешь…» она пишет о чудовищной жаре, внезапных дождях, капли которых были тяжелыми, как монеты, ночах, проведенных в палатках, которые «напоминали пьяниц, поскольку не были как следует закреплены и скашивались то в одну, то в другую сторону», еде, «плавающей в жире», и сне, прерванном тем, что…

> «…мышь пробегает по лицу или дергает за волосы — мышь! Мышь! МЫШЬ!.. Я зажигаю лампу. Ужас! Стены покрыты ползающими странными, бледными, похожими на тараканов существами! Мышь сидит на полу возле моей кровати и лапками моет усики! Повсюду нечто ужасное, ползучее!
>
> Макс успокаивает меня. „Просто ложись и спи, — говорит он. — Как только уснешь, все это перестанет для тебя существовать“».

Бесконечные трудности передвижения по пустыне, поиски оборудования, общение с прислугой и поваром — все это производит откровенно угнетающее впечатление, но по крайней мере в своей книге Агата проявляет безграничное благодушие. Она также подчеркивает радость, которую доставляет занятие археологией, ее обаяние, под воздействием которого она все еще находится.

> «Эти осенние дни — самые прекрасные, какие мне только доводилось переживать (она писала о сезоне 1935 года). Эти места, где теперь обитают лишь аборигены в своих палатках, некогда были оживленнейшей частью мира. Каких-то пять тысяч лет назад они были одной из самых оживленных частей мира. Здесь зарождалась цивилизация, и эти поднятые мною на поверхность земли осколки глиняного горшка, сделанного вручную и расписанного точками и перекрестными штрихами коричневой краской, — предтечи вулвортской чашки, из которой я каждое утро пью чай…»

Иной взгляд, однако, представлен в «Смерти в облаках», романе, написанном ею в 1934 году, вероятно, во время остановки в Бейруте (она писала не Beirut, а Beyrout — «дорога бея») по пути в Сирию. Этим иным, особым взглядом на профессию своего мужа она наделяет одного из персонажей:

«С моей точки зрения, археология — никчемное занятие. Вечно копаться в земле и из-под шляпы рассуждать о том, что случилось тысячи лет назад… Такие уж они, археологи, — наверное, в сущности, лжецы, хотя сами, кажется, свято верят в то, что говорят, но безобидные. Тут как-то был один старичок, он нашел скарабея — в жалком, надо сказать, состоянии, — милый такой старичок, беспомощный, как младенец…»

Конечно, такой же взгляд исповедует сестра Лизеран из «Убийства в Месопотамии», хотя в «Облаках» угадывается намек на подлинное презрение. Иными словами, несмотря на доброжелательство, с которым Агата относилась к коллегам Макса, она замечала все причуды их поведения. В книге «Расскажи мне, как живешь…» она описывает молодого архитектора Робина Макартни (Мака), чья молчаливая надменность доводила Агату, по ее собственным словам, до состояния «нервного идиотизма». Она пытается вести с ним светскую беседу, но на каждом шагу встречает пренебрежительный отпор:

«— Наверное, вам было бы интересно посмотреть город, — предположила я. — Всегда занятно побродить по новым местам.

Мак слегка поднял бровь и холодно произнес:

— В самом деле?»

Агата представляет себя здесь эдакой безответственной щебетуньей, но на самом деле в дурном свете выставлен Мак. Та же история и с «одами», которые Агата позднее будет писать членам экспедиции. Эти оды всегда были веселыми, остроумными и создавались, чтобы развлечь, позабавить, но, как говорит Джоан Оутс, «на кончике хвоста там всегда таилось жало».

Однако книга «Расскажи мне, как живешь…» читается так, словно предназначена для того, чтобы искренне порадовать по крайней мере одного человека — ее мужа. Стиль этой книги чуточку навязчив, что совершенно не похоже на Агату-прозаика, хотя по-своему и она написана не менее искусно — как и письма Агаты, в которых есть налет игры: «Как забавно, Макс! О! Я так наслаждаюсь!» Она не хотела утратить с ним связь, как в свое время утратила с Арчи, это уж точно. У нее было твердое намерение сделать этот брак счастливым. Сильной стороной в нем была она, но она же испытывала и желание угождать; и еще она хотела доказать Максу, как ей нравится делить с ним его жизнь.

Она искренне любила Восток, и ей искренне нравились некоторые коллеги Макса, от которых она при желании всегда могла мысленно отрешиться. А может, самым привлекательным для нее было то, что, когда тягость жизни в Англии становилась чрезмерной, она могла просто прыгнуть на корабль и исчезнуть. «Миссис Мэллоуэн в Сирии/Ираке» — это стало постоянным рефреном Эдмунда Корка, который он повторял, когда его спрашивали, появится ли Агата на Би-би-си, ответит ли она на письмо сумасшедшего поклонника, даст ли разрешение драматургу-любителю инсценировать какую-нибудь из ее книг или одобрит ли появление мисс Марпл на американском телевидении.[306] Это был ее дополнительный защитный слой. На раскопках она была не Агатой Кристи, а миссис Мэллоуэн, женой руководителя экспедиции, улыбчивой дамой, которая держалась в тени и делала его жизнь приятной. Однако впечатление, которое можно почерпнуть из этой книги, будто все ее мысли были посвящены древней месопотамской керамике, ложно — в Сирии она очень много писала. Там с ней была ее маленькая пишущая машинка и благословенное уединение. Пока на Европу надвигалась война, пока вокруг лаяли собаки и рабочие-арабы кричали «Йалла, йалла!»,[307] она сидела среди пустыни за своим письменным столом, освещенным узким направленным лучом света, и воплощала на бумаге вымышленный мир будущего романа «Убить легко». «Англия! Англия июньским днем, с ее серым небом и резким кусающим ветром…»

И вот — сентябрь 1939-го. Агата находилась в Гринвее, когда объявили войну, и сразу поняла, что продолжение ее прекрасной жизни откладывается. Она не испытывала того отчаянного страха, который не отпускал ее во время Первой мировой, когда Арчи находился на действительной военной службе, хотя теперь понимала, через что ему пришлось тогда пройти. Ей предстояли большие перемены, лишения, одиночество и — что удивительно — прилив творческой энергии, породивший работы самого высокого качества. В этот период Агата почти маниакально предавалась работе, которая переместилась в центр ее жизни и стала по-своему так же важна для нее, как в годы до, во время и после 1926-го.

Последней ее довоенной книгой был «Печальный кипарис» — мрачная история любви и утраты. Элинор не может жить без Родди, но Родди влюбляется в Мэри. «Скажи мне честно, — говорит Элинор, — ты считаешь, что любовь — это всегда счастье?» На что ее умирающая тетка отвечает:

«— Страстная любовь к другому человеческому существу всегда приносит больше горя, чем радости; но все равно, Элинор, эту цену готов платить каждый. Тот, кто никогда по-настоящему не любил, никогда по-настоящему и не жил…

Девушка кивнула и сказала:

— Да… ты-то понимаешь. Ты знаешь, о чем говоришь…»

Элинор — холодное, замкнутое существо, прячущее свои чувства, между тем как Жаклин де Бельфор из «Смерти на Ниле» обуреваема страстями и импульсивна, но, в сущности, они сестры: обе безнадежно влюблены в мужчин, не способных ответить им таким же чувством. Джеки любит Саймона Дойла, «ослепленного» богатой и пленительной Линнет Риджуэй. Джеки ведет себя неправильно, устраивает публичные сцены. Линнет жалуется на это Пуаро, который отвечает ей: «Бывают времена, мадам, когда гордость и достоинство выбрасывают за борт! В дело вступают иные, более сильные эмоции».

Пуаро глубоко сочувствует и Джеки, и Элинор. Он на их стороне. Когда Саймон голосом самой Агаты Кристи спрашивает: «Почему Джеки не может относиться к этому как мужчина?» — Пуаро отвечает: «Видите ли, мистер Дойл, следует начать с того, что она не мужчина». В «Печальном кипарисе» Элинор говорит, что всегда любила красные розы, в то время как Родди предпочитал белые; и в этом, заключает Пуаро, состоит разница между ними. «Это объясняет характер Элинор Карлисли — она страстна, горда и отчаянно любит мужчину, не способного любить ее». Пуаро не одобряет убийства, о чем никогда не устает повторять, однако испытывает симпатию к таким женщинам: если отчаяние доводит их до нравственной глухоты, он их не оправдывает, но может понять.

Есть еще Бриджет Конвей из «Убить легко», брошенная мужчиной, которого любила «до боли», и Вера Клейторн из «И никого не стало», убивающая ради любви («Значит, вы в конце концов утопили того ребенка?.. Наверняка здесь замешан мужчина. Это так?»). Любовь, как говорит доктор в «Печальном кипарисе», — это дьявол. Доктор сам влюблен в Элинор, которую судят за убийство Мэри Джеррард. «Наверное, она это сделала, да! Но мне все равно, сделала она это или нет, — говорит он Пуаро. — Не хочу, чтобы ее повесили, вот что я вам скажу! А что, если она дошла до отчаяния? Любовь — отчаянное и мучительное чувство».

В продолжение череды книг, написанных до войны и

«нашпигованных» откровенными размышлениями, таких как «Раз, два, три, туфлю застегни»,[308] лучшая появилась в 1942 году. «Пять поросят» — история Каролины Крейл, чей муж Эмиас, художник, заводит роман с молодой красивой натурщицей Эльзой. Это не история первого замужества Агаты,[309] но, возможно, именно здесь (если иметь в виду только ее детективные сочинения) она ближе всего подошла к тому, чтобы рассказать о нем. Есть в этой книге некая интимность, «прочувствованность» происходящего. Она очень точно передает ощущение разоренного домашнего гнезда: ссорящиеся супруги, их забытая дочь и гувернантка, беззаветно преданная Каролине.

«Я очень примитивная женщина, — говорит Каролина. — Мне просто хочется взять в руки топорик, когда я вижу эту женщину». Между тем «эта женщина», Эльза, твердит Эмиасу Крейлу, что жена должна отпустить его. «Если бы она любила его, то его счастье должно было бы быть для нее превыше всего. И в любом случае она не стала бы удерживать его, если бы он захотел освободиться». На это следует ответ: «Разве вы не понимаете, Эльза, что она будет страдать — страдать? Вы хоть понимаете, что это значит — страдать?»

«Пять поросят» — мастерская работа: мотивации в ней сложны, переплетены и абсолютно убедительны в развязке. В центре книги — взаимоотношения между искусством и реальной жизнью. Эмиас видит жизнь не так, как видят ее его жена и любовница: подобно Вернону Дейру из «Хлеба великанов», он смотрит на нее сквозь призму своего искусства.

«У женщин любовь всегда на первом месте… Мужчины, а особенно художники, — они другие» — так говорит Пуаро. Но Агата была женщиной *и* художником. Она понимает и творческое восприятие действительности, осознает тот факт, что Эмиас влюбился не в саму Эльзу, а в объект своего творчества. И в то же время она понимает и Эльзу, понимает глубину ее чувства к реальному мужчине, и, уж конечно, она понимает Каролину. В этой книге, как и в «Хлебе великанов», она кладет на одну чашу весов притязания искусства, на другую — притязания обычной жизни, и ей достает смелости признать их равноценность. Редкое качество, выводящее книгу на совсем иной уровень и при этом идеально подогнанное под детективный шаблон — как крышка к кувшину. Роман «Пять поросят» имеет все основания претендовать на звание лучшей книги Агаты Кристи. Главным его соперником является «Лощина», в которой — через образ скульпторши Генриетты Савернейк — воплощена похожая центральная тема.

Но какой же чрезвычайно сложной женщиной была Агата:

ведь даже создавая эти поистине замечательные книги, которые были одновременно и совершенными геометрическими задачками, и квинтэссенцией ее размышлений о человеческой натуре; даже воплощая в своих писаниях воспоминания об утраченной любви; даже позволяя теням прошлого скользить по просторам ее воображения; даже посвящая «Пять поросят» другому мужчине, она в то же самое время как восторженная девочка писала Максу Мэллоуэну, как мечтает снова увидеть его. О, Макс!..

Макс, чью карьеру подло прервала война, ухватился за возможность изгладить из памяти факт своего происхождения, послужив родине. Австрийская карьера отца помешала ему в молодости стать военным, но теперь, в свои тридцать пять, он впервые вступил в отряд самообороны в Бриксхеме, неподалеку от Гринвея («Один из моих товарищей по оружию, — писал он Розалинде, — профессор, специалист по Древней Греции в Бристольском университете… но наши знания эллинских способов ведения войны никому не нужны»).[310] Только в 1940 году он нашел себе достойное занятие, приняв участие в организации Англо-турецкого комитета помощи. В 1941-м, после предпринятой им настойчивой осады властей,[311] он вместе со своим другом, египтологом Стивеном Гленвиллом, был принят на службу в министерство военно-воздушных сил, в департамент по союзническим и иностранным связям. И наконец, в начале 1942-го получил работу, на которой его знания оказались востребованными. Его направили в Каир в качестве командира подразделения для организации там филиала департамента, а оттуда он в 1943 году был переведен в Триполитанию (Ливия), где работал в администрации. Как знаток арабского языка он был очень полезен и окончил войну «номер три», как он выражался, «на цивилизованной стороне», получив звание под полковника авиации.[312] «Административная работа, вероятно, оказывает на человека дурное воздействие, и ты, может быть, сказала бы, что я становлюсь напыщенным, — писал он Розалинде в конце 1944 года, — но я постараюсь таким не быть».

На самом деле ему нравилась его работа. «Я знаю, что занимаюсь мужским делом, поднимаю вес, который мне по силам, и делаю это не зря, — писал он Агате в октябре 1943-го. — Это оказало благотворное влияние на мою жизнь, которая раньше всегда тяготела к легким путям». Тем не менее он был прекрасно устроен. Сначала они с братом Сесилом, тоже случайно оказавшимся в Египте, снимали квартиру на двоих. «Я всегда представляю себе, что ты тоже сидишь здесь, — писал он

Агате. — У тебя здесь есть особое кресло. Ты ешь так же много, как и я, когда одна, или худеешь?» Потом, в Триполитании, он жил в «доме у моря, прелестной итальянской вилле». По контрасту с Англией того периода это должно было звучать божественной музыкой («Кто из нас любит море? Это я его люблю. О! Как несправедлива жизнь!» — восклицала в письме Агата.) «Моя комната, — писал Макс, — удобная, уютная, и как-то так случилось, что она тоже уже вся забита книгами». Весьма мило он добавляет: «Это сделала именно ты — привила мне вкус к домашнему уюту и комфорту».[313]

Между тем в 1942 году адмиралтейство реквизировало Гринвей для военных нужд, и Агата отправилась в Лондон мужественно переносить бомбежки. Не то чтобы Девон был таким уж оазисом; в сентябре 1940-го Агата писала Эдмунду Корку: «На прошлой неделе мы пережили ужас вторжения — в дом нахлынули солдаты при такой полной экипировке, что едва могли двигаться!» Недолгий период времени Агата также имела дело с эвакуированными детьми, двое из которых попали под бомбежку, когда переправлялись через Дарт. Казалось разумным, чтобы Агата присоединилась к Максу в Лондоне. Дома на Крессуэл-плейс и Кэмпден-стрит были сданы; дом на Шеффилд-террас в октябре 1940-го был разбомблен с воздуха. Несмотря на официальное обилие недвижимости, Агате пришлось «бродяжничать» — сначала она жила на Хаф-Мун-стрит, потом в служебной квартире на Парк-плейс, потом на Лаун-роуд, в квартале Баухаус,[314] в Хэмстеде (в 1940 году окна в этой квартире выбило взрывной волной). «Но как странно, — писала Агата, — проходя мимо забавного старого здания, похожего на лайнер, поднять голову, посмотреть на него и мысленно сказать себе: „Здесь я была счастлива!“ Никакой особой красоты в нем нет… но, дорогой мой, как же счастлива я была здесь с тобой».[315]

В многоквартирном доме на Лаун-роуд она прожила большую часть войны. Это жилище с его современной философией обитания в почти одинаковых по планировке квартирах могло показаться неподходящим для любившей «ситцевый» уют Агаты Кристи. Но Агата была существом отважным. Ей даже нравился этот фешенебельный квартал. Она почти не принимала участия в жизни клуба-ресторана «Изобар», являвшегося во время войны своего рода центром светской жизни, а также использовавшегося в качестве бомбоубежища, хотя иногда спускалась туда в поисках общения. Нравилась ей и близость Хэмстед-Хиза, где она прогуливала силихем-терьера Джеймса, которого полуприсвоила у Карло Фишер.[316] Она также считала подходящим для себя

жить в доме с гостиничным обслуживанием (и даже находила на удивление удобным современное изоконовское кресло-шезлонг), где администрация заботилась о жильцах («Не будете ли вы любезны разобраться с панталонами, которые не были возвращены из стирки? — писали они от имени Агаты в местную прачечную. — Если они утеряны, пришлите миссис Мэллоуэн соответствующие купоны»). Несколько лет спустя она писала, что «главным ее воспоминанием остается восхищение самим этим местом, где, как во втором акте „Дорогого Брута“, деревья подступали прямо к окнам, заглядывая в них. Это, обеды в саду да еще одно особенно прекрасное, усыпанное по весне белым цветом вишневое дерево — вот три впечатления, которые никогда у меня не изгладятся».[317]

Неудивительно, что владение Гринвеем казалось теперь почти нереальным: она прожила в нем меньше двух лет, когда его пришлось освободить для адмиралтейства. «У меня сердце замирает, дорогой, при мысли о новом переезде, упаковывании вещей и прочем. Однако я надеюсь, что Роз поможет мне. Если понадобится, притащу ее сюда за загривок!»[318] («При одной мысли о том, сколько работы тебе предстоит переделать, — писал в ответ Макс, — я сам чувствую себя уставшим. А эта чертовка Розалинда думает в основном о том, как отпереть танталус!»[319]) [320] Работа была действительно гигантской. «Два мальчика — помощники садовника — оказались даром божьим. Они практически ничего не делают в саду, живут в подвале, они доставали оттуда обеденные сервизы, серебро и прочее — все было в таком ужасном состоянии, что я тут же принялась мыть и чистить», — писала она в октябре 1942-го. А двумя неделями позже: «Прощай, волшебный Гринвей. Я потратила последнюю цветную пленку, чтобы у нас осталась запечатленная память о нем на всякий случай». На самом деле дом попал в очень хорошие руки — в нем разместили офицеров американской флотилии, которые отнеслись к нему уважительно и даже нарисовали в библиотеке бело-голубую фреску по периметру карниза, изобразив на ней все места, где побывала флотилия за время войны.

У Лондона были свои преимущества: друзья, театры. Агата имела широкий круг знакомств — Почтенная[321] Дороти Норт; Сибил, леди Барнетт;[322] Ален Лейн из «Пенгуин букс» и его жена Леттис; коллега Макса Сидни Смит с женой Мэри; друг Макса Стивен Гленвилл — и вела активную светскую жизнь. Посещала балет, смотрела современные постановки, например «Гамлета» Роберта Хелпманна, и страстно предавалась своей любви к Шекспиру. В 1942 году она посмотрела «Отелло» в исполнении

труппы «Олд-Вик», последовала длинная переписка с Максом, давшим ей обещание прочесть все пьесы Шекспира (которое, впрочем, он не выполнил и наполовину). У Агаты было интересное отношение к Шекспиру — типичное для того времени, но типичное и для нее лично: она рассматривала его персонажей как объекты психологического исследования, скорее пытаясь найти в поэзии ключи к разгадке, нежели видеть в Гамлете или Яго уникальное сращение слов и гармоний. Особенно ее занимал Яго. Для Агаты он был существом почти реальным; она придавала мало значения тому, как сюжет пьесы умножает его изначальные намерения, но ее анализ характера был блестящим. «Яго, этот несчастный негодяй, страдал», — говорит в «Розе и тисе» Джон Гэбриэл, прекрасно знающий, что значит «ненавидеть человеческое существо, пребывающее среди звезд» (в его случае это была Изабелла, в случае Яго — Отелло). Яго фигурирует и в «Занавесе», где он описан как идеальный убийца, потому что умеет внушить желание убивать другим. Пуаро — голосом Агаты — говорит:

> «Я всегда верил, что в душе Отелло изначально жило убеждение (вероятно, справедливое), что любовь к нему Дездемоны на самом деле была страстным неуравновешенным преклонением молодой девушки перед героем, прославленным воином, а не спокойной любовью женщины к нему как к мужчине. Возможно, он понял, что Кассио был ее настоящей парой и что со временем она тоже осознает этот факт».

Ужасное предположение, но весьма органичное духу Шекспира, чьи поэтические персонажи способны одновременно быть разными людьми и испытывать разные чувства. То, что Агата писала в августе 1942-го после посещения спектакля «Олд-Вик», близко к фрейдистской школе литературной критики:

> «Яго и Эмилия на самом деле — пара обычных мошенников, манипуляторов людским доверием. Это следует (сейчас я говорю как Эркюль Пуаро) из начального эпизода пьесы, когда Яго входит, играя с очередной своей добычей, и Родриго говорит: „И мне обидно, Яго, что ты, развязывая мой кошель, как если б он был твой, все знал заране…“ Откуда же, согласно этому предположению, такая жгучая ненависть Яго к Мавру? Я думаю, что дело в чисто мужской ревности… Он страдает из-за Эмилии… Радость увидеть Отелло страдающим так же, как страдал он, и мечта

сексуального маньяка „задушить ее“. Вот что он хотел бы, но не имел храбрости сделать сам…»

Позднее Агата обсуждала с Максом характер Офелии,[323] всерьез выдвигая предположение, будто Шекспир с его женскими персонажами «был сам достаточно женствен, чтобы видеть мужчин их глазами». Она задала ему тогда не имеющий ответа вопрос: «Почему Офелия сошла с ума?»[324] Впоследствии она верила, что нашла правильный ответ. После представления «Генриха IV» (часть II) она ужинала у Роберта Грейвза и познакомилась там с его другом, врачом. «Я сказала, что Офелия — персонаж, который труднее всего понять. Он ответил: „О нет, в любой палате шизофреников психиатрической больницы вы найдете свою Офелию“».[325]

В то время Агата была почти влюблена в Шекспира: «Не могу думать ни о чем другом». (Греческая драма ее, напротив, разочаровывала: «Что поражает меня в этих драмах, так это отсутствие какой бы то ни было идеи — или концепции», — мнение, которое едва ли могло найти отклик у Макса.) Шекспировские сонеты оставили след в «Каникулах в Лимстоке» и «Разлученных весной»,[326] а название «Берег удачи» («Taken at the Flood») взято из «Юлия Цезаря». Она намекала и на то, что имя Эдгар в «Игре зеркал» имеет отношение к «Лиру», а «Макбет» положен в основу сюжета романа «Вилла „Белый конь“»,[327] в котором также есть подробное рассуждение о том, как следует ставить эту пьесу. Ну а «Щелкни пальцем только раз»[328] («By the Pricking of My Thumbs») — разумеется, прямая цитата из нее.

В письме к Максу Агата пытается представить себе самого Макбета. «Не думаю, что он обладал тем, что называют „яркой индивидуальностью“, — писала она, что было справедливо и в отношении самой Агаты. — Так и вижу его: тихий маленький человек, весьма тщеславный, снедаемый желанием быть лидером… имеющий какой-то физический недостаток; он не заикался?» Она представляет его пирующим в таверне с Беном Джонсоном и компанией: он почти все время молчит, потом уходит, «а в таверне никто и не заметил его ухода. Но когда он идет домой, в голове его поют и пляшут слова, сопрягающиеся в прекрасные тексты, и он видит, как их произносят со сцены… Ну почему ты не рядом, чтобы можно было поговорить?»[329]

На Макса произвели впечатление (может, немного и удивили) знания Агаты, которые она словно бы чуточку нарочито демонстрировала ему — как ученица учителю, желая снискать одобрение. В феврале 1943-го он предложил ей «написать небольшую популярную книгу о Шекспире-человеке. Будучи сама

писателем, творческим человеком, ты обладаешь проницательным воображением и сможешь разгадать многие загадки его жизни и творчества — ведь это тоже будет отчасти, пусть немного, работой детектива! Так что дай-ка задание Пуаро и приступайте. А понадобится тебе научная помощь — я сделаю все, что смогу, чтобы удержать тебя на верном пути».

Если Агата и усмотрела в этом некоторую снисходительность с его стороны и была немного задета, то ничем не выдала себя. Но и предложение Макса не приняла: «Нет, я не могу писать книгу о Шекспире; все мои рассуждения — это всего лишь миссис Пупер, и только для тебя!» (Они с Максом между собой называли друг друга миссис и мистер Пупер; это были их домашние прозвища, происхождение которых никому, кроме них, не известно.) Агату раздражало, когда мать Макса говорила, что она должна раздвигать границы своего таланта и писать «более серьезные» книги, например «биографии». А вот замечания Макса по поводу ее книг — которые иногда граничили со вмешательством, — похоже, ее не задевали. Он не завидовал ее успеху и этим отличался от других мужчин: большинству из них (Арчи?) было бы трудно исполнять роль принца-консорта при женщине такой известности, какой пользовалась Агата. «Макс был очень тщеславен», — утверждает Джоан Оутс. Но его самоуверенность вселяла в него и дух соперничества. Он любил отстаивать свое мнение, значимость собственной работы и претендовал на принадлежность к высшим интеллектуальным сферам. Вот, например, критические замечания об «Убийстве в доме викария», которые он послал Агате еще в 1931 году:

> «Ангел, ты, конечно, невероятно умна. Единственное мое возражение, касающееся этой истории, состоит в том, что она слишком умна… Думаю, твоя манера письма идеально соответствует детективному жанру, потому что читатель забывает о печатной странице, словно бы дуновением пролетевшего ангела переносится непосредственно в гущу реальных событий и чувствует, что и авторская речь, и диалоги не написаны — как это должно было бы быть, по моему мнению, — а проговариваются; теперь я понимаю, почему ты игнорируешь точку с запятой. А вообще — отлично!»

Макс делает Агате нагоняй из-за грамматической ошибки в романе «Пять поросят», который он тем не менее ставит «в один ряд с твоими особыми шедеврами». «Если бы ты только правильно употребляла предлоги. Неправильно: „Он попенял ему из-за того, что…“ Правильно: „Он попенял ему за то, что…“ Это

очень распространенная ошибка… Но, знаешь, я прочел все очень внимательно и получил большое удовольствие» (на самом деле, как напомнила ему Агата, он уже читал роман в рукописи).[330] В следующем письме он хвалит роман Дороти Сэйерс «Смерть по объявлению» за «интеллектуальный стиль». Агата парировала: она, мол, сейчас в Уинтербруке, в его библиотеке, печатает на машинке свой новый роман: «Святотатство! Пишу нечто совершенно примитивное в святая святых интеллектуала мистера Пупера!» Но в целом она не обращала внимания на покровительственный тон мужа. В сущности, в том, что касалось ее работы, она вообще не принимала Макса во внимание, и в ее сочинениях он почти не фигурирует. Только относительно книги «Расскажи мне, как живешь…» ей было интересно его мнение — оно и понятно: в конце концов, это была его территория.

Макс прочел рукопись в конце 1944 года.

> «Признаюсь, поначалу мне показалось, что немного нескромно публиковать такую книгу, ведь в ней так много — о нас, но потом я подумал, что это не важно; главное, что она, не сомневаюсь, доставит удовольствие и будет интересна большому количеству людей. Может, было бы лучше, чтобы она вышла теперь, пока не закончилась война, чем потом, когда я снова окунусь в свою основную работу, вернусь к раскопкам и буду на виду».

Ниже Макс пишет, что Агата…

> «…стала очень хорошим писателем, я имею в виду твой повествовательный дар помимо умения писать выразительные диалоги, в чем ты всегда была мастерицей… Конечно, в книге, как всегда, есть некоторое количество ошибок, вернее, неправильно написанных слов, но об этом — завтра, в отдельном письме. Постоянно неправильно пишется Мохоммед вместо Мохаммед…»

Агата рассказывала Максу, как хорошо ей было писать эту книгу, тем более что это был едва ли не мучительный опыт: «Я словно проживала все те дни снова, а теперь как будто очнулась в холодном и одиноком мире… Как мне прожить эти годы, как дождаться тебя?»[331] В те более чем три года, что провела в разлуке с мужем, она начала снова испытывать похороненный было страх оказаться покинутой, остаться одной, поэтому общее прошлое приобретало сакральный смысл. Их письма полны общих

воспоминаний. «Я сейчас много пишу, у меня хорошо идет, но когда устаю и когда начинает болеть спина, мне хочется найти подушку и… положить ее тебе на колени, а на подушку — голову, как я делала это тогда, давно, когда мы жили на Крессуэлл-плейс. Помнишь?»[332]

Макс, в свою очередь, писал: «Мне нравится представлять тебя в шерстяном ейгеровском платье, которое я подарил тебе перед отъездом из Англии. Носишь ли ты его? Моя пушистая бабочка-медведица! Помнишь то ворсистое шерстяное пальто, которое было на тебе в Багдаде, в марте, в тот день, когда мы на такси направлялись на раскопки в Арпачию?»[333] Не раз напоминает он Агате о том вечере на Лаун-роуд, когда она болела, а «я готовил еду, следуя твоим указаниям, которые ты отдавала, лежа в постели! Как было весело!». Иногда на него находило лирическое настроение — возможно, наследие юности — и он сочинял какое-нибудь весьма вымученное стихотворение.[334]

> «Порой меня посещают воспоминания… как мы планируем сад в Гринвее, сидя под липами, как глядим на зеленую лужайку в Уоллингфорде; мои книги в библиотеке, разговоры об археологии… Это лишь немногое из того, что вспыхивает в памяти, как желтые ноготки, твои любимые цветы, сверкающие под солнцем… Что для меня бесценно в тебе, так это твое воображение, которое всегда было для меня стимулом, столь необходимым для ученого ума, твои любовь и преданность, без которых жизнь бесцветна, твои энергия, свежесть и жизнелюбие, твоя способность разделять со мной мои интересы и радости…»[335]

Агате было чрезвычайно приятно, что Макс ценит в ней то, что вызывало у Арчи досаду. «Я так рада, что ты написал мне это, дорогой». Тем не менее ее тревога была почти осязаемой. Как бы ни взбадривал ее Макс, физическая разлука нервировала. Быть может, она вспоминала, что случилось, пока она несколько недель разбирала вещи в Эшфилде после смерти матери. «О, дорогой, я ненавижу эти ноябрьские дни, — писала она в 1942 году. — Я хочу быть с тобой, иногда мне бывает так страшно, что наши пути расходятся, вместо того чтобы идти параллельно друг другу… Думай обо мне почаще, пожалуйста, и почаще пиши, потому что я нуждаюсь в ободрении, особенно в те дни, когда нет солнца».

Неудивительно, что Макс чувствовал себя уверенно. Эта женщина дала ему так много, и тем не менее именно она искала

его привязанности. Он мог написать ей: «…разумеется, пользуйся нашим общим счетом, трать деньги на все, чего тебе хочется», — и это сходило ему с рук. Он был уверен, что она навестит его мать и материально поддержит ее, пользуясь «их общим счетом», несмотря на то что Агата и Маргерит были теперь в весьма натянутых отношениях. «Я была очень уставшей, когда поехала туда, и критика твоей мамы в адрес Англии взбесила меня, я вспылила, но можно сказать, что теперь все позади!!.. Не сердись на меня, ведь все эти годы я действительно была с ней очень любезна». («Надеюсь, ты постараешься и все уладишь», — ответил он.) Он мог с полной серьезностью отвечать, когда Агата спрашивала его мнение, соглашаться ли ей на четыре тысячи фунтов за Уинтербрук, притворяясь, будто решение остается за ним. Он мог советовать Агате писать разборчивее (ее почерк и впрямь порой напоминал иероглифическое письмо); подумать о назначении некой актрисы на роль в одной из ее пьес, потому что муж актрисы случайно оказался его знакомым (в этих случаях Агата лишь делала вид, что рассматривает его предложение); напоминать ей, когда она инсценировала свои книги, чтобы она «не делала детективную составляющую пьесы слишком сложной для зрителя с улицы». Все это он мог позволять себе, потому что обладал властью сделать Агату либо счастливой, либо несчастной.

Иногда это доставляло ему удовольствие. «Разве не была бы ты очень глупой миссис Пупер, если бы не вышла за меня, и разве ты не рада, что все-таки вышла? Помнишь, как Т. М. [Мэдж][336] пыталась отговорить нас? Какая это была глупость с ее стороны», — писал он в феврале 1945-го.

Но несмотря ни на что, нет никаких сомнений: они действительно были близки. «Мы во многих отношениях так непохожи друг на друга, — писал Макс в марте 1945 года, — но сердца наши — близнецы». Каждый по своим соображениям, но оба они желали, чтобы брак их оказался прочным. Поэтому их частная жизнь была тщательно выстроенным сооружением, не подверженным развитию, но именно поэтому чрезвычайно устойчивым.

В марте 1944-го Агата исхитрилась так выразить свою тоску по Максу:

> «Иногда я нуждаюсь в тебе так, как не нуждаюсь ни в чем ином. Это ощущение похоже на блуждающую боль где-то внутри. У тебя такое бывает? Или это просто пуперская реакция? В последнее время чего только мне о тебе не снилось — порой это были очень эротичные,

даже грубые сны! Удивительно после стольких лет брака! Если бы мне кто-то сказал, что такое возможно, я бы не поверила! Приятно, если бы не было так грустно просыпаться. Я скучаю и по твоим очаровательно-непристойным речам тоже!»

«Да, милая миссис Пупер, я тоже очень скучаю по тебе [отвечал Макс], но блуждающая боль, которую ты описываешь, это определенно пуперская реакция. У меня бывает ощущение пустоты, незаполненности, немного похожее на чувство сосущего голода. И тогда мне хочется сжать в объятиях и съесть мою миссис Пупер; но в один прекрасный день это случится… вот уж повиляем хвостиками! Рад, что ты скучаешь по моим очаровательно-непристойным речам! У меня их припасено для Вас множество, грубая ты моя миссис Пупер!»

Вот что Агата называла «быть самой собой». «Ты любишь свою смешную Пупер такой, какая она есть», — пишет она. Она могла посоветовать Максу «думать о своей морской свинке Пупер» каждый раз, когда он купается в море, или признаться, что ест так много, что «едва не лопается», — не опасаясь при этом, что Макс содрогнется от ужаса. Так же писала она ему и о предстоящей радости встречи:

«Как чудесно будет, когда мы снова окажемся вместе, и как же мы будем есть! И снова будут твои носки с дырками! И вещи, разбросанные повсюду, и стулья, заваленные книгами. И мы будем очень много смеяться. И разговаривать, разговаривать, разговаривать… И ты снова задерешь нос, а я снова буду орать на тебя, и ты очень сурово скажешь: „Пупер!“, когда я…»[337]

Как это было не похоже на стройную светловолосую девушку, когда-то вышедшую замуж за Арчи Кристи: между теми двумя была тайна физического влечения, которую Агата все еще умела вызывать в памяти и изображать в своих книгах, но которую намеренно задушила в себе самой. Она и впрямь огрубела. Она не просто пряталась за публичной фигурой, именовавшейся «Агатой Кристи», а укрывалась под саваном плоти, громоздкой и неуклюжей, символически защищавшей ее от былых обид и боли. Ее нынешняя тучность огорчала ее, хотя она поставила отношение к ней на принципиальную основу. В книге «Расскажи

мне, как живешь…» она описывает смущение, которое пережила, когда пыталась купить одежду, подходящую для сирийской жары («О нет, мадам, мы не держим нестандартных размеров»), и как Макс попросил ее сесть на их набитые дорожные сундуки («Если ты не сможешь их закрыть, то никто не сможет!»). Но Агата смирилась с утратой привлекательности, и к тому же она действительно очень любила поесть. А еще ей нравилось, что она может позволить себе это с Максом, который был худым, когда они познакомились («Это было до того, как я его раскормила», — сказала она Джоан Оутс), но теперь считал себя «страшным обжорой».

В этом тоже было что-то детское: словно она с ликованием разрывала свидетельство о взрослости. И это был эквивалент полного расслабления, какое она испытывала только в Эшфилде, лежа под березой и зная, что Клара где-то рядом. «Годы, прожитые нами вместе, были самыми счастливыми в моей жизни после детства». Но никакой мужчина никогда так и не смог заменить ей Клару. Иногда письма от Макса начинали приходить гораздо реже. В октябре 1943-го он уехал в отпуск и не писал почти месяц. «Ты грязная собака… Так и вижу твое лицо, когда ты говоришь: „Да, я гадкий мистер Пупер!“ Будь ты здесь, я бы рассмеялась. Ты ведь даже не каешься, ты просто знаешь, что можешь все уладить». В июле 1944-го она писала ему беспрерывно. «По-прежнему ни одного письма от тебя, черт бы тебя побрал — или черт бы побрал кого-то другого?!» Через три дня: «Это ужасно — не иметь от тебя известий. Что ты *дееелаешь*?» И еще через четыре: «Пожалуйста, дорогой, не молчи. Я знаю, что у тебя бывают приступы лени, но всего несколько слов могли бы…»

«Дорогая, чувствую себя виноватым за то, что долго не давал о себе знать», — написал он наконец. Агата старалась спокойно думать о том, чем занимался Макс, столь надолго предоставленный самому себе. «Мне следовало поехать в отпуск с тобой, — писала она ему в октябре 1943-го. — Желаю тебе хорошо провести время, дорогой, и делать все, что хочется и что тебе необходимо. Все хорошо, пока ты хранишь меня в своем сердце, пока мы дружны, глубоко привязаны друг к другу и очень близки…» В 1944 году она попыталась организовать свою поездку на Восток. «Когда именно у тебя будет этот твой двухмесячный отпуск? — несколько раз спрашивала она. — Я по-прежнему думаю, что смогу получить задание написать о Египте…» Этот план имел пусть неопределенную, но реальную форму — «ближневосточные перспективы неплохи», писала она в августе, — хотя Макс встретил его без особого энтузиазма.

«Думаю, сначала нужно дождаться моего возвращения домой, так как срок моего пребывания здесь, как тебе известно, заканчивается в начале апреля следующего года», — ответил он, а позже, в сентябре, написал: «Не хочешь же ты рисковать застрять здесь надолго. Мистер Пупер вернется в Англию, а ты окажешься в это время в Египте!» На это трудно было что-либо возразить, но Агата предпочла бы такое развитие событий, если бы Макс изъявил пламенное желание увидеть ее немедленно. Она не могла чувствовать себя уверенно до тех пор, пока они не окажутся в одной стране. «Мне снился ужасный сон: будто я приехала к тебе куда-то за границу, а мне говорят, что ты меня больше не любишь и не хочешь видеть, и вообще куда-то уехал. Я проснулась в панике и без конца повторяла себе: это неправда, это неправда, ведь я получила от него письмо».[338] Страхи 1926-го не покинули ее.

Такое отчаяние казалось странным, как написала Агата Стивену Гленвиллу.

Стивен был на десять лет моложе ее и с 1925 года дружил с Максом. Интеллектуал до мозга костей, египтолог, работавший сначала в Британском музее, потом в Лондонском университете, затем вернувшийся в Оксфорд, где получил ученую степень, во время войны он служил в министерстве военно-воздушных сил, работал в Уайтхолле и жил в Хайгейте, неподалеку от Лаун-роуд. После войны профессорствовал в Кембридже. То, что он оказался первым выпускником Оксфорда, который стал ректором Кингз-колледжа, на каковую должность был выбран единогласно в 1954 году, свидетельствовало о его способностях и известности. Человек в высшей степени значительный и основательный, он был счастливо наделен при этом легкостью характера. Как и Агата, он любил получать от жизни удовольствие.

Он носил очки, не был красавцем, но обладал неотразимым обаянием и был привлекателен для женщин. О нем говорили: Стивен влюбляется в каждую женщину, с которой знакомится. Разумеется, он не смог избежать искушения близко подружиться с такой женщиной, как Агата, которую считал умной, обладающей чувством юмора, великолепной и прежде всего sympathique. В этой паре она была взрослой, а он — обеспокоенной и несчастной стороной, нуждавшейся в поддержке и ободрении. «Конечно, он по сути своей не такой взрослый, как ты», — писала Максу Агата. Но что-то в чувствительности Стивена, должно быть, напоминало ей, пусть отдаленно, о первых днях ухаживания за ней Арчи Кристи, когда тот любил ее ласковый голос и ее юную свежесть.

Агата и Стивен подружились, потому что оба были одиноки

— его жена Этель и две дочери, которых он обожал, находились в Канаде, — и стали часто встречаться. В 1941 году она посвятила ему «Пять поросят». Макс из-за морей благословил дружбу Агаты с его давним коллегой: «Как мило со стороны Стивена и Смитов (кстати, „Сидни“ пишется через „i“, а не через „y“!), что они так добры к тебе», — писал он в августе 1942-го. На самом деле те вовсе не были так уж добры, но Макс всегда напускал на себя чуточку покровительственный тон, когда представлял себе жену в академических кругах («Умница, Пупер! — написал он, когда она поведала ему, как подловила Сидни Смита в разговоре о свободе воли. — Ты прекрасно сделала его…»).

В ноябре 1942-го Агата посетила лекцию Стивена. «Даже не думала, что у него такой очаровательный голос», — написала она Максу. Потом она пригласила Стивена в Гринвей, который как раз освобождала для адмиралтейства. «Похоже, Стивен в восторге от Гринвея», — писал Макс, который состоял со Стивеном в постоянной переписке, хотя время от времени Агате приходилось напоминать ему, чтобы он ответил другу. «Единственный человек, с которым тебе следует поддерживать отношения, Макс, это Стивен, он действительно очень любит тебя, и ему будет очень обидно, если ты не возьмешь за правило отвечать ему исправно. Он человек чувствительный и на такие вещи обращает внимание. И он бесконечно добр ко мне, всегда сообщает, когда получает от тебя письмо, и все новости о тебе».[339]

Дружба между Агатой и Стивеном стала особенно тесной в 1943 году, когда он, действуя, по ее словам, как «змей-искуситель», уговорил ее написать роман о Древнем Египте. «Весьма соблазнительная идея, но под силу ли она мне?» Макс ответил, что это «представляется весьма интересным экспериментом» и что «если, как ты говоришь, Розалинда не видит в этом ничего плохого, почему бы не попробовать! Уверен, что Стивен весьма заинтригован».[340] Было бы, однако, удивительно, если бы Макс был совершенно счастлив от подобной идеи. Не то чтобы он думал, будто Агата способна предать его, для этого он был слишком уверен в себе и в ней, но Гленвилл был его другом, которого она присвоила, а Агата была его женой, с которой Гленвилл собирался сотрудничать; более того, это почти беспрецедентно, чтобы Агата приняла чье бы то ни было предложение, касающееся ее работы. Да, она использовала идею Джеймса Уоттса сделать преступником рассказчика в «Убийстве Роджера Экройда», но это совсем другое дело. О Древнем Египте она почти ничего не знала — следовательно, книга должна была стать их со Стивеном совместным предприятием.

Когда роман «Смерть приходит в конце» был закончен, Макс выразил беспокойство по поводу книги и Агате, и Стивену в манере, выдававшей более общую озабоченность. «Я не совсем понял, — ответил ему Гленвилл, — боишься ли ты, что книга нанесет ущерб ее репутации писателя-детективщика, или опасаешься, что археология унизит себя, обрядившись в романный наряд. — Впрочем, он тут же смягчает тон: — Это была чрезвычайно трудная работа, и она справилась с ней. В конце концов получилась чертовски хорошая детективная история», — и все же нотка соперничества здесь проскальзывает.

Безусловно, эта книга не числится среди лучших произведений Агаты Кристи, поскольку развязка легко угадывается. В этом смысле ее ограничивали время и место действия. Источником информации для нее послужили письма некоего египетского землевладельца, обнаруженные в Луксоре в 1920 году и известные как Геканахтские письма; конечно же, Агата была слишком ими связана. Но Египет она воссоздала замечательно. Агата обладала даром видеть настоящее в прошлом, улавливать дух древних цивилизаций и находить в них зерно актуальности. Конечно, это было следствием ее таланта проникать в суть обычного. Например, вот что она писала о весьма распространенной в Древнем Египте грамотности: «Писатель и переписчик могли презирать человека, который пахал землю, жал ячмень и выращивал скот, но поля и стада — это нечто реальное… Записи и папирусные свитки можно уничтожить, грамотеев разогнать, а пахарь и скотовод будут продолжать свое дело, и Египет не погибнет».

Наверное, самым интересным в этой книге было описание египетского дома, «полного женщин, которые никогда не молчат, никогда не пребывают в покое: они постоянно разговаривают, что-то восклицают, ничего при этом не сообщая и ничего не делая!». На примере этого тесного круга — жены, бабушки, наложницы — она проясняет свою мысль о женской сути: о власти женщин, их мелочности, их секретах. «Вообще, что такое мужчины? Они нужны для продолжения рода, вот и все. Сила же народа — в женщинах», — говорит одна из жен, которая слепа ко всему, что не касается ее детей. Это, разумеется, не было точкой зрения Агаты. Она здесь говорит устами другого персонажа — Ренисенб, умного, проницательного создания, молодой вдовы, которая стремится к жизни, неограниченной пределами дома. Ренисенб любит посидеть, поразмышлять, ничего не делая, «в полудреме наслаждаясь журчанием мужских голосов, составляющих постоянный фон жизни».

На фронтисписе романа «Смерть приходит в конце» Агата

написала благодарность Стивену Гленвиллу. Она послала ему несколько тщательно обдуманных вариантов текста, чтобы он выбрал тот, который ему покажется предпочтительным. «Я был очень тронут, — написал он ей в ответ, — и немного смущен… ибо Вы знаете не хуже меня, что „удовольствие“ было взаимным. — И в конце: — Я очень горд тем, что предложение, исходившее от меня, вылилось в книгу, написанную Вами. (Если бы у меня был герб, я бы написал на нем девиз: „Агата из Стивена“, — несмотря на всю заключенную в нем физиологическую невероятность.)».

Весь 1943 год они часто встречались. В марте Агата сообщала Максу, что пригласила Стивена на обед в квартиру на Лаун-роуд, чтобы отпраздновать выход «Пяти поросят». Мы поставили книгу «рядом с твоей фотографией, чтобы придать ей веса и пожелать удачи… Стивен произнес тост в твою честь, как полагается». Другой обед стал поводом для написания Стивеном такого благодарственного письма: «У Чарлза Сорли в шутливом описании Гомеровой эпохи есть строка — „…и вот великолепье их застолья!“ С тех пор как я ушел от Вас в пятницу вечером, она нежно — как весенний щебет птиц! — звучит у меня в голове… Какая еда! Какое гостеприимство!» Он пишет, что рассказывал всем друзьям, как великолепно она его кормила, «но не решился передать изысканный восторг от беседы, которой завершился наш вечер».[341] Это было очаровательное письмо, исполненное писательского изыска, как и другое, июльское, написанное после его визита в Уинтербрук. К тому времени жена и дети Стивена были уже в Лондоне, и Агата пригласила их всех к себе. «Ваше гостеприимство — сама квинтэссенция гостеприимства», — писал он, хваля Агату за «личное обаяние, потрясающую доброту, терпимость, разносторонность интересов… и все это в сочетании с физическим комфортом, удовольствием, легкостью, восхитительным чувством праздности и обилием очаровательных вещиц, которые можно увидеть и потрогать как внутри дома, так и снаружи. Это было настоящее пиршество…».[342]

В ноябре Стивен сопровождал Агату с Розалиндой в Уэст-Энд на премьеру «Десяти негритят». Из «Атенеума» (лондонского клуба преимущественно для ученых и писателей) он писал:

> «Агата, дорогая, прошлый вечер запомнится навсегда… Все было занятно: например, пообщаться одновременно со столькими приятными людьми — восхитительно… Но самым интересным было понаблюдать за Агатой в разных состояниях: за Агатой, нервничающей всерьез (какой она была до конца

спектакля), а не просто робеющей, даже в окружении близких друзей; за Агатой в момент триумфа, совершенно сияющей, но по-прежнему желающей видеть только своих друзей и на редкость не эгоистичной, и наконец — и это, быть может, самое дорогое, — за Агатой, все еще внутренне взволнованной, но очаровательно исполненной достоинства, довольной, трезво оценивающей как нынешний успех, так и необходимость достичь большего…»[343]

Если это и не совсем любовное письмо, то весьма близкое к тому. В нем нарисован портрет женщины, совершенно непохожей на портрет миссис Пупер, культивировавшийся Максом: эта Агата бесконечно более привлекательна, она гораздо взрослее и куда естественнее. Неудивительно, что Стивен признался одному из своих друзей, что влюблен в Агату; неудивительно и то, что Агата хранила его письма вместе с письмами мужа. В посланиях к Максу Стивен полусерьезно намекает на свою привязанность к Агате. Агата же со своей стороны, рассказывая Максу о встречах со Стивеном, разбавляет откровенное расположение к нему нежным обращением к самому Максу: «Вернувшись с премьеры „Негритят“, я, разумеется, чувствовала себя ужасно. Это так мучительно… Но снова пришел Стивен, был очень добр и ласков, и они с Розалиндой привели меня в чувство. Как бы я хотела, чтобы ты был здесь».[344]

В 1944 году Стивен снова помог Агате — на этот раз с арабскими диалогами в ее пьесе «Невидимый горизонт». Он «очень хотел прийти в „Данди“ и лично приложить руку», но не смог, поскольку ухаживал за больным отцом. «Миссис Г. якобы страдает „страхом больничной койки“ (очень удобно!) — трудно найти столь откровенную бездельницу», — писала Агата с несвойственной ей язвительностью. Потом она возвращается к любимому рефрену: «О, Макс, как мне хочется от души посмеяться вместе с тобой! Я часто использую для этого Стивена, но это не совсем то же самое. Нет, Макс. Слышишь, это я громко рыдаю».[345]

Позднее в том же году Стивен переехал в квартиру на Лаунроуд. Агата предвидела, что возвращение его семьи «несколько стеснит стиль общения». На самом деле оно ускорило кризис — Стивен решил расстаться с женой. У него уже была внебрачная связь, но теперь, сильно привязавшись к Агате, он постоянно твердил о том, что несчастлив и совершенно растерян. Когда Агата уезжала из Лондона, он писал ей страстные любовные письма. Между тем у него продолжался роман с уже упомянутой

любовницей (о которой Агата тоже отзывалась критически: «Ни стиль жизни Маргарет, ни ее друзья, ни происхождение не подходят Стивену»[346]).

В этой ситуации Агата чувствовала себя очень неловко, поскольку она вновь бередила в ней воспоминания об Арчи Кристи. Почти в смятении она писала Максу: «Я все думаю о несчастной Этель… Конечно, она была ему совсем не подходящей женой, но ведь он знал ее всю жизнь и должен был отдавать себе отчет в их душевном несоответствии. Очень тяжело после восемнадцати лет брака обнаружить, что твое присутствие в доме невыносимо для мужа». О детях же она писала:

> «Это должно быть так печально для них, да, печально и неправильно, что их дом обрушится. Стивен — очаровательнейший человек, такой чувствительный и ранимый во многих отношениях, и в то же время в нем есть странно жестокая струнка… О, дорогой мой, жизнь жестока, и расставания — самое жестокое, что в ней есть… Меня так пугает, когда я вижу, как рушатся жизни других людей. Только не наша, только не наша…»[347]

Как бы ни тревожила ее разлука с Максом — хотя в глубине души она наверняка была уверена, что он никогда не покинет ее, — Агата не смогла бы ужиться с таким человеком, как Стивен, который неизбежно причинил бы ей боль. Она бы ни за что не решилась на связь с ним, даже если бы он на самом деле этого хотел. По сути своей она была глубоко порядочной женщиной, искренне привязанной к мужу и не доверявшей привлекательным мужчинам. К концу 1944 года ее отношения со Стивеном утратили свой накал: его любовница проводила все больше времени на Лаун-роуд, а Агата ожидала возвращения Макса (который уговаривал Стивена устроить его на работу в министерство военно-воздушных сил). И Стивен в очередной раз показал себя истинным другом Мэллоуэнов, каковым и оставался до самой своей преждевременной смерти в апреле 1956 года. В газете «Таймс», опубликовавшей некролог, еще несколько дней с прощальным словом выступали коллеги, любившие его за «магнетическое обаяние и щедрость натуры».[348] Говорили о том, что он сжег себя, ибо всегда пылко отдавался всему — работе, светскому общению, привязанностям, творению добра, — но именно это и восхищало в нем Агату больше всего. После смерти Стивена Агата написала его дочери Лусии, что Стивен владел «искусством жить» более, чем кто бы то ни было из тех, кого она знала.

В «Лощине», написанной летом 1944 года, есть персонаж по

имени Джон Кристоу: человек исключительного жизнелюбия и личного обаяния, преданный своему делу, имеющий унылую жену и сложную любовную жизнь. У него одновременно связь с тремя женщинами, хотя лишь с одной из них, скульпторшей Генриеттой Савернейк, он чувствует себя вполне непринужденно, потому что она понимает его лучше всех.

«Лощина» исполнена необычной чувственной глубины, и ее центральные персонажи обладают особой жизненной энергией. Их роман отличается высоким накалом чувств, трогателен и абсолютно правдоподобен, невзирая на кажущуюся неестественность. Образ Генриетты, быть может, самый интересный образ всех ее детективных сочинений; она явно пользуется авторской симпатией, и, насколько это возможно, вся история увидена именно ее глазами. Она не Агата, но она та Агата, какая могла бы существовать, сохрани она свою эмоциональную независимость и привлекательность. «Генриетта — очаровательная и приятная особа», — сказано в «Лощине», и это именно то, что думал об Агате Стивен.

Для своих детективных сочинений Агата крайне редко заимствовала что-либо из жизни, нет этого и в «Лощине». И все же есть в этом романе смутное ощущение тех отношений, которые могли бы сложиться у нее, будь почти все по-другому.

В письме о детях Стивена дает о себе знать чувство вины, которое Агата испытывала по отношению к Розалинде: оно очевидно в ее категорическом утверждении, что Стивен поступил неправильно. Тем не менее дочь продолжала занимать в ее жизни второе место. Такая модель отношений между ними сложилась еще тогда, когда Агата отправилась в Имперский тур с Арчи в 1922 году. Мать и бабушка учили ее: «Не оставляй мужчину одного», — но она проигнорировала их совет, хотя и не ради Розалинды, и понимала, что второй раз не сможет заплатить ту же цену. Выйдя замуж за Макса, она твердо знала, что делать. Розалинду отправили в школу-пансион «Каледония», потом в Бененден (последнюю она терпеть не могла, хотя Агата списала свою престижную Мидоубэнк-скул в «Кошке среди голубей» именно с нее). Так Агата получила свободу, чтобы путешествовать с мужем.

«Ты где сейчас?» — спрашивала в письме Розалинда в 1931 году. И потом: «Рада, что ты благополучно прибыла в Ниневию. Что собираешься делать? Если поедешь куда-нибудь дальше, дай знать».[349] Типичное письмо Агаты к дочери начиналось так: «Полагаю, ты уже вернулась в милый старый Бененден. Нас вчера обстреляли, но все не так страшно: какая-то парочка бандитов

пыталась ограбить соседний дом».[350] Едва ли можно назвать такое письмо ободряющим. Пробелы заполняла Карло, которая регулярно посылала Розалинде открытки серии «Бонзо»[351] и следила за тем, чтобы она всегда была в курсе того, что делает ее мать. «Миссус [как называли Агату в семье] написала тебе сегодня, так что ты, наверное, уже знаешь о новом доме! — писала она в 1934 году, имея в виду Уинтербрук. — Я приеду к тебе на следующие выходные. Ну как, ты рада?»

В 1936 году Розалинда жила в Париже во французской семье Лорен, умолив, чтобы ее освободили от учебы в двух последовательно испробованных швейцарских пансионах.

> «Если я познакомлюсь с какими-нибудь приятными людьми, думаю, все будет в порядке; если нет, не знаю, что и делать [писала она Агате в своей обычной сухой манере]. Надеюсь, что увижу здесь много хороших театров. Иначе мне будет трудно отделаться от ощущения, что мое пребывание в Париже — пустая трата кучи денег. Передай Максу, что я его люблю, и скажи ему, что здесь все думают, будто он мой отец. Они спрашивают, какой он, то есть Макс, и я говорю, что он высокий, как я. Скоро им предстоит испытать недоумение».[352]

Именно подобные вещи делали общение с Розалиндой трудным для Агаты. Она отказывалась понимать, что в основе brusquerie, дерзости дочери, лежит желание быть если не в центре внимания матери, то хотя бы подальше от его крайней периферии.

«Поскорее истрать все деньги и возвращайся домой, — писала она из Парижа. — Ты представить себе не можешь, что за мозги у этих людей, какие глупости им приходят в голову».[353] (Мадам Лорен сводила ее с ума: «Бедная женщина, ей почти так же плохо, как мне, с той лишь разницей, что она за это получает деньги, — писала она Карло. — Она до позавчерашнего дня не знала, что моя фамилия Кристи, и всегда говорит о папе в прошедшем времени, словно его нет в живых».[354]) Розалинда спрашивала в письме, не собирается ли Агата «провести несколько дней в Париже на обратном пути. Я очень на это надеюсь, потому что у меня куча идей относительно того, что ты могла бы здесь сделать».[355] Но Агата не приехала в Париж, а вместо этого устроила дочери переезд в Мюнхен, в другую семью. В мае Розалинда писала Максу, с трудом скрывая за притворным гневом истинные эмоции:

«Пока не забыла: скажи маме, что она и впрямь свинья! Я только что получила письмо от Карло, в котором она пишет, что мама сдала Эшфилд до марта. Как она могла! Я чувствую себя абсолютно несчастной. Впервые я не смогу отметить там свой день рожденья. Это и твоя вина — с твоими вечными археологическими конференциями и прочим. Просто ненавижу вас всех, но, может, мне как-нибудь удастся это пережить.

Еще скажи маме, что сегодня я была на чае у Баронна. Баронн был ужасно мил и всем рассказывал, какая мама замечательная, как она вся лучится умом, „l'intelligence rayonne d'elle" (я так не думаю)… Не вздумай весь июнь провести в переездах по тамошним местам. Помни: у тебя есть падчерица, которая умирает от жары, замурованная в этой Башне».

И Агате: «Не будешь ли ты любезна сообщить мне, когда собираешься домой. Кажется, ты сообщила об этом Карло, но не мне».

На следующий, 1937 год Розалинде предстояло стать дебютанткой:[356] как разведенная женщина Агата не имела права сама представить дочь ко двору (эту обязанность за нее выполнила подруга Дороти Норт), но весной она взяла ее с собой в Телль-Брак, где Розалинда делала кое-какие зарисовки на раскопках. И она, и Агата считали эти «дебютантские сезоны» чем-то абсурдным,[357] но им и в голову не приходило обойти их. «Нет нужды говорить, что ты не хочешь сейчас ехать в Аскот, — писала Агата с Шеффилд-террас. — Все в полном разгаре. Миссис действительно расстаралась! Твой танец назначен на 10 мая… Не сомневаюсь, у тебя будет такая веселая и суматошная жизнь, что к июлю ты будешь молиться лишь об одном: чтобы тебе разрешили спокойно посидеть дома со своим вязаньем! Понравится тебе или нет, я уверена, что это будет интересным опытом, и, возможно, тебе он покажется забавным!» На самом деле Агата многое делала для Розалинды, но никак не могла избавиться от шутливого тона, за которым прятала свою любовь. Купив дочери два платья, она, например, написала: «Если они тебе не понравятся, я отдам их Карло!»[358]

Розалинда была изумительно красива. У Агаты это вызывало гордость, но, вероятно, и причиняло боль — не в последнюю очередь потому, что дочь была похожа на Арчи: высокая гибкая фигура, точеное маленькое лицо. Ее портрет опубликовал на своей обложке «Татлер», назвав девушку «очень

привлекательной». Ленар фотографировал ее для журнала мод, но даже эти снимки при всем великолепии натуры выдают ранимость Розалинды, затаившуюся в холодных темных глазах. Как и ее мать, она была чувствительна, глубоко привязывалась к людям, горячо любила свой дом и животных, но в отличие от Агаты у нее не было творческих способностей. Она не умела или не желала показывать свои чувства. Их нужно было уметь распознать, и в этом смысле Макс был более чуток, чем Агата. С самого начала он искренне старался подружиться с падчерицей, несмотря на то что порой та позволяла себе насмешки вроде той, про «высокого» отца. Когда она была маленькой, ему доставляло удовольствие учить ее и вкладывать в нее элементарные основы философских знаний.

У Розалинды был живой и острый ум, хотя она, судя по всему, не стремилась ни к какой карьере. После дебюта она оказалась без определенных занятий. Вместе с дочерью Дороти Норт Сьюзи, с которой они подружились, она хотела одно время стать манекенщицей (на эту идею Агата в конце концов наложила вето, поскольку та представлялась ей неподобающей, хотя это было ерундой по сравнению с тем скандалом, который разразился, когда в 1942 году Сьюзен стала жить вне брака с неким доктором. Агата безгранично сочувствовала Дороти — в некоторых отношениях она была очень консервативна). Девушки праздно проводили массу времени в лондонском доме Агаты. «Помнишь Шеффилд-террас с неизменными Роз и Сьюзен в гостиной?! И этот хаос!» — писала она Максу в 1944-м.

Кое-какие черты персонажа вестмакоттовского романа «Дочь есть дочь» списаны с Розалинды. Красавица Сара — «высокая темноволосая девушка», похожая на отца, — производит эффект «бури, налетевшей» на мирную квартиру матери, по которой она вышагивает с сигаретой в одной руке и стаканом чего-то крепкого в другой. Отношение Сары к матери, Энн, тоже знакомо: «Единственное, в чем Сара — как и все девушки ее возраста — упорствовала, так это в снисходительном равнодушии к родителям. „Не суетись, мама“, — вечно повторяют они».

Сара — разрушительная сила в судьбе матери, она становится между Энн и мужчиной, за которого та хочет выйти замуж. Энн не может ей этого простить; она побуждает Сару выйти замуж за человека, который ни при каких обстоятельствах не может сделать ее счастливой, она даже проходит через период настоящей ненависти к дочери. Сара воистину «темпераментное создание», но Агата показывает, что она в то же время очень уязвима и страшно боится быть вытесненной из сердца матери. «Я не хочу быть самостоятельной. Я хочу быть с тобой. Не отсылай

меня, мама». Как обычно, когда Агата пишет от имени Мэри Вестмакотт, она замечает то, что предпочитала игнорировать в реальной жизни; не в последнюю очередь и истинный характер дочери. «В ней есть твердость», — говорит мудрая старая дама Лора Уистабл. К тому времени, когда была написана книга, Розалинде пришлось это доказать.

Когда началась война, она была в Гринвее и не спеша раздумывала о том, чем бы заняться. Первые подозрения, что в воздухе носится нечто еще, появились весной 1940-го, когда Агата стала замечать огромное количество сигаретных окурков рядом с настенным телефонным аппаратом, с которого можно было вести секретные разговоры. Тем не менее для нее стало шоком, когда Розалинда в своей обычной небрежной манере объявила, что через несколько дней выходит замуж за Хьюберта Причарда из Королевского полка валлийских стрелков. Она познакомилась с Хьюбертом, который в свои тридцать три был всего на десять лет моложе Агаты, когда его приписали к воинскому подразделению Джека Уоттса. Хьюберт приезжал в Эбни, а также в Гринвей вместе с Мэдж. У него самого был большой чудесный дом, Поллирэч в Гламоргане (хотя в то время там еще прочно сидела его мать), и по всем статьям он был исключительно приятным человеком. Кое-кто утверждал, что Розалинда так внезапно выскочила за него, потому что решительно не знала, что с собой делать; другие говорили, что она искренне влюбилась в него и ожидала, что жизнь их будет очень счастливой. Вероятно, в обоих предположениях есть доля истины. Так или иначе, 11 июня 1940 года состоялась тихая быстрая свадьба, и Агата написала Эдмунду Корку из отеля «Гроувенор» в Честере, что Хьюберт «очень мил и она рада, что все так случилось».

Жизнь Розалинды снова стала бесцельной. «[Она] сейчас ведет жизнь Вечного жида, — писала Агата Максу в ноябре 1942 года, — только что была в Лондоне проездом к Хьюберту». В январе 1943-го Розалинда получила административную должность. «На этой неделе у меня куча работы: инвентаризация, бесконечные бумаги с перечнями, консервированная еда, и все, что требуется на кухне, — писала она Максу. — И тем не менее у меня по-прежнему ощущение, будто мне нечего делать. Не могу понять, как люди находят себе работу в офисе целый день».

В мае Агата сообщила Максу, что Розалинда «нехотя выдала информацию о том, что в сент. ждет ребенка!! Я так счастлива… Вот скрытная чертовка, но я даже рада, что не знала об этом раньше». Агата на самом деле очень волновалась из-за беременности Розалинды. В ее письмах есть намек на

случившийся ранее выкидыш (ну и сама Агата, как известно, потеряла ребенка). Агата и Розалинда вместе жили в Уинтербруке, потом переехали в Эбни, где ребенку предстояло появиться на свет. «Я буду испытывать такую благодарность Богу, когда дитя благополучно родится. Иногда (похоже, все матери одинаковы) я впадаю в панику… Знаю, это глупо, но ее линия жизни имеет излом на обеих ладонях, и время от времени я об этом вспоминаю. Это единственное, чего я хочу для нее, потому что знаю: с ребенком она будет счастлива».[359]

Мэтью родился 21 сентября и был «так похож на Хьюберта, что, с моей точки зрения, ему недоставало только монокля!». Агата пренебрегла премьерой «Десяти негритят» — «пьесы не имеют значения» — и отправилась в Эбни сразу же после генеральной репетиции. «Х. позвонил и взволнованно спросил: „Она им довольна?“ — на что Розалинда велела ответить: „Скажи ему, что он великан. Слишком большой“. — „Она сильно намучилась? — спросил Хьюберт. — Буду молиться, чтобы у нее все поскорее прошло!!“ О, Макс, дорогой, я так счастлива! Спасибо тебе за твою помощь и любовь», — писала она, хотя неясно, в чем заключалась его помощь. Может быть, уделив столько внимания дочери и внуку, она просто почувствовала, что нужно вернуться к Максу. «Ты для меня — весь мир»,[360] — написала она в конце письма; странная фраза, учитывая обстоятельства.

Между тем Макс сам писал письма Розалинде, причем отнюдь не в стиле «мистера Пупера», который он усвоил в отношении Агаты. С Розалиндой он шутил и чувствовал себя непринужденно, в этом была даже некоторая интимность. Он все еще был относительно молодым мужчиной — всего натри года старше Хьюберта Причарда. Теперь, когда Розалинда стала взрослой, невозможно было игнорировать тот факт, что возрастной разрыв между ним и его падчерицей и ним и его женой был почти одинаков. В 1940-м ему было тридцать шесть, Агате — почти пятьдесят, Розалинде — двадцать один, цветущий возраст.

Ее письма Максу напоминали письма дерзкой младшей сестры, они были полны поддразниваний насчет «тщеславия» Макса и его большой головы. «Я подумываю, не взять ли тебя в крестные отцы, но еще не решила», — писала она ему накануне рождения Мэтью (позднее решила, и Макс послал ей пятифунтовую банкноту с запиской: «Скажи мне, можно ли за раз потратить пятерку на Мэтью?»). Однако не следует переоценивать отцовские чувства Макса, хотя нельзя отрицать и того, что Розалинда для него много значила.

В 1941 году он писал: «На самом деле я тебе друг гораздо

больше, чем можно предположить по тому, как редко я тебе пишу и как мало для тебя делаю… Беда в том, что тем, кто мне действительно дорог, мне трудно, действительно трудно писать, потому что я хочу сказать им то, чего не могу выразить. Но, будучи загнаны в такой чертовский тупик, мы должны вести себя по-человечески».[361] В 1942 году он снова признается в своей нерадивости («Ты говоришь, что обижена моим молчанием») и пытается загладить вину:

> «Как бы давно я тебя ни знал, сколько бы ни спорил с тобой, ни критиковал тебя, сколько бы соли мы вместе ни съели, сколько бы ни ссорились, ни смеялись, сколькими мыслями ни обменялись бы и как бы благодаря тебе жизнь ни казалась мне все более и более волнующей… ты — одна из тех людей и вещей (потому что ты — штучка), которые я ценю и нахожу лучшим, что есть в жизни… Интересно, смущает ли тебя все это? Мне ужасно нравится смущать тебя, хотя сомневаюсь, что мне когда-либо это удалось. Моя привилегия. Дьявольское тщеславие. В том, предыдущем письме я ответил на твои подзуживания относительно моего тщеславия. Правда, не помню, что именно».

В конце письма он подпускает более покровительственную нотку: «Придерживайся в жизни своей философии и метафизического взгляда. Не бойся себя. Продолжай любить цветы и зеленые луга».[362]

В 1943 году уже Розалинда забыла послать ему «деньрожденное письмо» в мае.

> «Может, я и не заслужил его, поскольку долго тебе не писал… Ты когда-нибудь обижаешься, если я тебе не пишу, или тебе все равно? Это напоминает один из наших давних споров. Дело в том, что я по-прежнему „сдвинут“ на тебе и думаю о тебе на удивление часто, почти каждый день!..
>
> Как ты? Что чувствуешь, о чем думаешь сейчас? Предвижу твой притворный ответ: „Ни о чем“. Хотел бы я приехать и задать тебе хорошую взбучку. У тебя по-прежнему такое же неправдоподобно маленькое личико? Будешь ли ты когда-нибудь выглядеть хоть чуточку старше?.. Я всегда скучаю по тебе».[363]

Агату сильно удивили бы эти письма, ведь, вспоминая их жизнь в Гринвее, она напоминала Максу о том, как «вы с

Розалиндой ссорились…». Сама Розалинда, похоже, относилась к Максу спокойно, как и почти ко всему остальному. Теперь она была занята мужем и ребенком, о которых Макс писал: «Рад был узнать, что у тебя будет детеныш. Поскольку ему предстоит наследовать от тебя и от Хьюберта, он должен получиться что надо. Представляю себе, как, родив, ты берешь его за загривок, как котенка, и не без удовольствия кладешь в ящик со ржавыми гвоздями…» Явление Мэтью на свет он называет

> «лучшей новостью из дома за всю войну. Хотя почему надо торжествовать по поводу вхождения в мир еще одного несчастного младенца, искалеченного еще до рождения грехами родителей и истощенного их добродетелями, трудно сказать, и я уверен, что ты со своим вздорным и философичным взглядом на жизнь уже думала об этом… Я же испытываю благоговейный страх и радость, бог знает почему, но это так».[364]

Пока Макс занимался разглагольствованиями, Агата трудилась до изнеможения. Ей было непривычно не иметь должного штата прислуги; она не без удовольствия стряпала в квартире на Лаун-роуд, но здесь было совсем другое дело. «Мне нужна Карло или две — ишак, вот кто мне нужен!» Шарлотта работала для фронта и жила со своей сестрой в доме, предоставленном Агатой. «Нет, мне нужен только Макс… Да — хочу Макса. Но не могу получить его».[365] В доме на Кэмпден-стрит она приготовила все необходимое для приема молодой матери с младенцем. Мебель была отправлена в Лондон из Уинтербрука. «Некого нанять, чтобы сделали уборку или хотя бы помогли… От соды и мыла руки у меня — как терка для мускатных орехов, и колени воспалены, и спина болит… Я так устала, дорогой… Разумеется, вещи с Шеффилд-террас увозили в спешке — в результате ни одной целой».[366] Агата поселилась с Шарлоттой неподалеку, на Лэдброук-террас-мьюз, и каждый день «как на работу» приходила помогать Розалинде. Когда няню маленького Мэтью пригласили посмотреть «Десять негритят» Агаты Кристи, она сказала: «Я ее знаю, это наша кухарка».

В ноябре 1943-го Агата перенесла тяжелый грипп, и Рождество в Поллирэче чуть не доконало ее. «Должна сказать, дорогой, я рада, что не стала матерью — я бы не справилась! Для этого нужно быть молодой и сильной… После гриппа я все время чувствую себя слабой и подавленной. Но я это превозмогу, правда?»

На самом деле 1944-й оказался очень трудным годом. Агата

загоняла себя работой так, что это граничило с мазохизмом. Большую часть военного времени начиная с 1940 года она несколько раз в неделю работала в больнице университетского колледжа, где играла в свою старую игру — приготовляла лекарства и где ее считали «башней силы».[367] Она освободила Гринвей для адмиралтейства, разобралась с последствиями бомбежки на Шеффилд-террас, расчистила дом на Кэмпден-стрит для Розалинды, переехала с Хафмун-стрит на Парк-плейс, потом на Лаун-роуд. Она пережила блиц 1940-го и самолеты-снаряды 1944-го («Я порой тревожусь немного при мысли, что ты там, в Лондоне, под бомбежками, а я не с тобой, потому что тоскливо находиться под бомбами в одиночку, так сказать!» — писал Макс[368]). Конечно, все это имело место во время войны, но, несмотря ни на что, она поразительно много написала за это время.

Первой книгой 1940 года стал недооцененный военный триллер «Н или М?». Ей обещали хороший гонорар за публикацию этого романа с продолжением в американской периодике, но потом отказались под предлогом, в который трудно было поверить: будто «издатели боятся, что столь резко антифашистский роман огорчит значительную часть их читателей». «Я в ярости», — сказала она Эдмунду Корку, хотя в следующем, 1941 году книга все же была продана. В том же 1940-м она написала «Зло под солнцем» и две книги «сверх расписания» — в качестве гарантии от непредвиденных обстоятельств, таких, например, как ее «внезапная кончина»: «Спящее убийство» и «Занавес». Последнее дело Пуаро и мисс Марпл, завещанные Розалинде и Максу соответственно. В 1941-м она написала «Каникулы в Лимстоке», «Труп в библиотеке», «По направлению к нулю» (которые также сочла возможным оставить в резерве; она хорошо помнила, как в 1926-м мечтала иметь хоть какую-то законченную книгу, которую можно было бы бросить в пасть издателям) и «Пять поросят». В 1942-м появились «Разлука весной», в 1943-м — «Смерть приходит в конце». А между ними была написана б*о*льшая часть книги «Расскажи мне, как живешь…». Меньше книг, но больше иной деятельности: в 1942-м она инсценировала «Десять негритят», которых — с новым, «счастливым» концом — тут же начали репетировать, а также создала сценическую версию «Смерти на Ниле» (позднее переименованную в «Невидимый горизонт»). Хотя ее друг Фрэнсис (Лари) Салливан мечтал снова сыграть в ее пьесе, она изъяла Пуаро из инсценировки, а вместо этого предложила Салливану «хорошую роль Кэнона Пеннфазера,[369] представляющего собой некий гибрид архиепископа

Кентерберийского и сэра Уильяма Бевериджа», — как объяснила она Максу. «Вполне в духе шуток Пупер», — написал он ей в ответ.

С этими пьесами было связано много передвижений. В январе 1943 года Агата смотрела «Негритят» в «Данди», затем была вовлечена в бесконечные обсуждения того, когда показывать пьесу в Лондоне. В конце концов это случилось в сентябре, в Уимблдоне, после генеральной репетиции, в ходе которой выяснилось, что «они изменили всю концовку, отчего получился полный идиотизм». В ноябре пьеса перекочевала на подмостки Сент-Джеймсского театра (где на премьере присутствовали только Вули). Три месяца спустя театр разбомбили, и спектакль был перенесен на сцену Кембриджского театра, потом — гастрольный тур, потом Америка.

Между всеми этими метаниями Агата постоянно ездила навещать Розалинду, которая, как она писала, «никогда ни на минуту не присядет и приходит в бешенство, если кто-то другой сидит. „Так, мама, ну что ты бесцельно слоняешься по дому, да еще и *поешь?!* Столько всего нужно сделать — давай работать!“»[370] Это было чудо — быть может, чудо вежливости, что викарий, крестивший Мэтью, сказал: «Вы — бабушка?! Не может быть!» Агата обожала внука. «Роз, кажется, будет очень ревнивой матерью! — писала она. — Ей не нравится, даже когда он смотрит на кого-нибудь другого!!» Макс спрашивал, как Розалинда относится к ребенку: «Так же ли она добра к нему, как к своим собакам?» А потом, в порыве сочувственного ужаса: «Боже милостивый, похоже, смотреть за домом и ухаживать за ребенком — тяжкий труд! Не перетруждайся, милая миссис Пупер, по крайней мере до тех пор, пока мистер Пупер не окажется рядом, чтобы присмотреть за тобой, если тебе понадобится уход, то есть чтобы подать тебе омлет в постель».[371] Говорили,[372] что Макс любил детей и ему недоставало их в жизни, однако его собственные высказывания противоречат этому. В сентябре 1942-го он написал Агате, что думает о Гринвее и о тех «молодых деревцах, которые мы высадили там своими руками. Это наши дети, твои и мои…».[373]

Неделей раньше Макс написал письмо более прозаического содержания: «Как твои финансовые дела? — спрашивал он. — Ты никогда не говоришь о них. Надеюсь, это не потому, что ты не хочешь сейчас меня волновать из-за денег? Если тебе что-нибудь нужно, мой счет в твоем распоряжении». Ответ Агаты был блаженной ложью, призванной оградить Макса от тревог и забот: «Волновать, дорогой? Пока с тобой все в порядке и ты доволен, меня ничто не волнует. Мои долги растут не по дням, а по часам,

но это ерунда, я ничуть не беспокоюсь!»

Однако это было не совсем правдой. Дело в том, что во время войны Агата пыталась решить проблему, о которой старалась не упоминать и с которой мистер Пупер ничего не смог бы поделать. Все началось в 1938 году — по иронии судьбы в тот самый год, когда Агата достигла своих «плутократических высот», приобретя Гринвей. Налоговая служба Америки начала интересоваться ее доходами, которые в 1930-е годы были весьма существенными; в 1935/36 финансовом году, например, она получила от американских журналов более 17 тысяч фунтов. Рынок периодики оказался для нее весьма доходным (поэтому-то она и забила тревогу, когда не удалось продать «Н или М?») и составлял основу доверительного капитала, предназначенного для Розалинды. Сверх того имелись авансы, гонорары за продажу прав на переводы, за фильмы и театральные постановки; ко всему этому следует прибавить, например, гонорары за перепечатку в новых сборниках ранее опубликованных рассказов и вытекающую из всего этого множественность контрактов.

До 1938 года Агата считалась в Америке «иностранным автором-нерезидентом» и как таковая была обязана платить налоги за продажу авторских прав только в Великобритании. Положение изменилось после слушаний в Апелляционном суде США так называемого дела Сабатини. Рафаэль Сабатини был британским подданным, успешным автором, жившим в Лондоне, но зарабатывавшим большие деньги на продаже своих произведений в Америке. Суд постановил, что он обязан платить и американский налог с продажи авторских прав. Подобное решение в отношении Агаты — а оно казалось неизбежным — означало бы, что ей придется выплатить тысячи фунтов в погашение долга, хотя пока не был установлен крайний срок давности налогов, подлежащих погашению.

Харолд Оубер, ее американский агент, нанял адвоката по налоговым делам Говарда И. Рейнхаймера, чтобы отвечать на запросы и готовить заявления для департамента налогов и сборов США. Задача была не из легких. Отсутствовало множество важных отчетных документов, и тот факт, что конторы и Хью Мэсси, лондонского агента Агаты, и Коллинза, ее издателя, пострадали от бомбежек, во внимание принят не был; хотя в некотором смысле отсутствие бумажной отчетности было на руку ответчице. Рейнхаймер намеревался ссылаться на то, что Агата и ее адвокаты предприняли все возможные шаги, чтобы выполнить требования налоговых органов, — всех требований, которые были известны в то время. Такой способ защиты казался весьма разумным, но почуявшие запах денег чиновники не желали

упускать добычу. «Здешние налоговики роют землю, чтобы раскопать все об уплате налогов английскими авторами, и теперь они требуют предоставить им все соответствующие финансовые документы Агаты Кристи с самого начала, — писал Оубер Эдмунду Корку в июне 1940-го. — Я собираюсь стоять на своем сколько удастся…»

Оубер всегда оставался сдержанным, Корк — любезным, но ему трудно было скрывать свою тревогу и возмущение алчностью налоговых органов. Он тихо восхищался Агатой, уважал ее и знал, как исключительно много она работает. Все, что у нее было, она заработала. Когда стало известно, что она ничего не получит за продажу своих произведений для публикации в американской периодике до тех пор, пока ситуация не будет улажена, он дал волю чувствам, написав Оуберу «весьма возбужденное письмо», как он сам впоследствии признал:

> «Дело в том, что, учитывая военные налоги, миссис Кристи будет обязана выплатить в 1941 году британскому налоговому ведомству в виде годового подоходного и дополнительного налогов сумму, равную четырем пятым всего ее дохода за двенадцать месяцев вплоть до 6 апреля прошлого года, а, как Вы знаете, более четырех пятых ее дохода проходит через Вас… Очевидный ответ состоит в том, что она состоятельная женщина и не должна испытывать трудностей в получении кредита, но война все изменила… в любом случае активы миссис Кристи, если не считать авторских прав, — это недвижимость, которая нынче на рынке ничего не стоит.
>
> Я совершенно согласен с Вами в том, что нынешние времена исключительно неблагоприятны для того, чтобы правительство США могло задним числом взыскать налоги с англичан, и не сомневаюсь, что следует законными способами неукоснительно добиваться отсрочки… При этом я уверен, что миссис Кристи — последний человек, которого можно заподозрить в злостном уклонении от уплаты налогов, но отчаянное положение дел требует и отчаянных мер по их исправлению. Должен заметить, что все это мне крайне неприятно. Это противоречит всем нашим понятиям о справедливости — кого бы то ни было наказывать до такой степени…»[374]

«Степень» эта, как указано в письме, которое Корк направил Агате в августе 1940-го, могла достичь 78 500 долларов,[375]

учитывая требование погасить налоги начиная с 1930 года. «Не думаю, что это возможно на самом деле», — писал он, подчеркивая, что в любом случае 42 тысячи долларов она должна получить за публикации в американской периодике. Так или иначе, суммы, о которых шла речь, наверняка совершенно обескуражили ее. Конечно, они потрясли и Корка, причем гораздо сильнее, чем он показывал Агате; как, скажите на милость, спрашивал он Оубера, Агата сможет заплатить такие суммы одновременно с уплатой британских налогов? «Это просто какой-то кошмар: быть обязанным отдать сборщику налогов не менее трех четвертей тех самых денег, которые вы должны сберечь для уплаты налогов американских».[376] Вполне естественно, что британские власти тоже озаботились и начали предъявлять встречные претензии, касающиеся денег, которые заработаны в Америке. Корк сухо писал Оуберу: «Не сомневаюсь, Вам тоже трудно поверить, что Агате придется найти деньги, чтобы выплатить подоходный налог на деньги, которых она не получала…»[377]

Агата работала как сумасшедшая, поэтому — главным образом на родине — доходы поступать продолжали, хотя она слабо представляла себе, какая их часть действительно принадлежит ей. Аванс от Коллинза составлял 1150 фунтов за книгу (в 1945 году сумма была увеличена до 2 тысяч фунтов), от Додд Мид — 4 тысячи долларов (попытка уменьшить его была решительно пресечена Корком). Обычный гонорар за публикацию в британской периодике равнялся тогда 300 фунтам — такую сумму Агата получила за права на «Каникулы в Лимстоке». Пьесы тоже приносили деньги: «Десять негритят» стали солидным источником дохода — во время гастролей спектакль приносил в среднем 200 фунтов в неделю, «…но, увы! Сколько из этих денег я реально получу?» — писала она Максу.

В подобной неопределенной ситуации Агата понимала всю абсурдность владения Уинтербруком и Гринвеем (а также еще двумя домами в Лондоне). В августе 1942-го она написала Максу: «Мы должны когда-нибудь все же решить, какой дом собираемся оставить; не думаю, что мы можем сохранить оба». Совет Макса состоял в том, что ей следует продать один из них, если это позволит ей разделаться с налогами «подчистую». На следующий год она писала как о «большом облегчении» о том, что не приходится содержать Гринвей, поскольку он передан в распоряжение адмиралтейства — «никаких местных налогов, никаких ремонтных работ и ухода за садом», — но мысль о том, что придется продать дом, ее очень печалила. Впрочем, поскольку, покуда шла война, никаких покупателей не

предвиделось, ничего, что помогло бы разрешить ситуацию, случиться не могло.

Вся эта история тянулась и тянулась, и конца ей видно не было. К 1944 году Корк стал получать запросы, касающиеся доходов Агаты аж за 1930 год, плюс огромные проценты, несмотря на то что он называл «честные сомнения» относительно того, были ли деньги на самом деле получены. «Миссис Мэллоуэн сейчас с особым вниманием относится к процентам, — писал он Харолду Оуберу, — поскольку вынуждена платить огромные суммы процентов по банковским ссудам, на которые она живет, пока идет этот грабеж. Уверен, Вы не меньше нашего должны быть заинтересованы в том, чтобы поскорее достичь окончательного решения дела». Но в ноябре 1944 года Оубер проинформировал Корка, что дело отложено — скорее всего до окончания войны. К тому времени более 188 тысяч долларов было заморожено, большая часть изъята правительством, и Агата не могла получить из них ни цента. «Понимаю, — писал Оубер, — что все это дело может казаться миссис Мэллоуэн и Вам необъяснимым, но надеюсь, что оно будет прояснено в недалеком будущем».

При всем при том Агата продолжала работать. В начале 1944 года она снова представила в «Данди» пьесу, «Невидимый горизонт». Быть может, и неудивительно, что работу в театре она рассматривала как отдохновение. Несмотря на то что ей часто казалось актерским идиотизмом, она всегда любила общество Лари Салливана и его жены Данаи. «О! Я просто с ума схожу от того, что тебя не было со мной на спектаклях, — писала она Максу. — Быть может, у меня больше никогда не будет новых театральных постановок [sic]». Но в голове ее уже бродили мысли об инсценировке как «Свидания со смертью», так и «По направлению к нулю». Первую она закончила к марту, потом написала две книги: «Сверкающий цианид» и «Лощина».

В сентябре она сказала Корку: «Я закончила „Лощину“, теперь должна всерьез заняться инсценировкой „По направлению к нулю“». Но то было, по ее собственным словам, «жестокое время». 25 августа она узнала от Розалинды, что из Франции пришло сообщение: Хьюберт пропал без вести. «Бедное дитя, — написала она Максу, — как я хочу, чтобы оказалось, что он в плену… Я еду к ней прямо сейчас… Ах, если бы ты был здесь… Я должна быть ничуть не сентиментальна и очень уверенна с Розалиндой. Это единственный способ поддержать ее».

Неделю спустя она писала:

«Все это ужасно для Роз, но она великолепна: не

выказывает никакой тревоги, продолжает жить как всегда — приготовление еды, собаки, Мэтью… Мы ведем себя так, словно ничего не случилось… Но мне невыносима мысль, что она будет несчастна. Если бы только он оказался жив! Они так подходили друг другу и могли бы быть счастливы здесь, в доме Хьюберта, который он так любил. О, дорогой, как я устала от войны и горя».

Ощущение несчастья было таким глубоким, что она каждую неделю заводила с Максом разговор о том, не приехать ли ей все же в Египет: «Я так сильно хочу тебя увидеть», — писала она 6 сентября. Таким же жгучим было желание просто спрятаться от всего. «Я чудовищно устала, Макс, дорогой, я могла бы спать, спать и спать… Как было бы замечательно, если бы можно было вырваться в Египет, мы бы так сладко спали вместе!.. Я хочу, чтобы Розалинда нашла себе какую-нибудь постоянную помощницу».[378]

Конечно, она ни за что не оставила бы Розалинду в такое время. Но идея была опасно соблазнительной. Агата дошла почти до предела; она обладала исключительной выносливостью, но ей было уже пятьдесят четыре и организм ее устал до мозга костей. Возвращение в Гринвей и «приведение его в жилой вид — задача, способная повергнуть в ужас, я не смогу сделать это одна, без посторонней помощи. Инсценировка „По направлению к нулю“ камнем лежит на моей совести, поскольку я обещала представить пьесу к концу октября. Иногда у меня появляется ощущение, что я больше никогда не смогу ничего написать»; «я совершенно выбилась из сил, у меня болят ноги и ломит спину». Ничего удивительного, что ей хотелось оказаться в каком-нибудь совершенно другом месте. Срабатывал инстинкт 1926-го; хотя теперь обстоятельства были совсем иными, импульс оставался тем же.

Но разумеется, она оставалась в Поллирэче, куда в октябре и пришло сообщение о гибели Хьюберта. Розалинда, «так, словно ей это было безразлично, взяла Мэтью и отправилась к кому-то в гости на чай, куда была приглашена заранее. Она хорошо ест, спокойно рассылает сообщения о смерти и т. д. Потрясающий стоицизм». Агату это восхищало, но оставалось непостижимым: «Иногда мне кажется, что слишком замыкаться в себе все же плохо»,[379] — писала она. На самом деле сердечная рана Розалинды была очень глубока. Внешне Роз ничуть не изменилась — она всегда была сухой, прямолинейной, резкой и таковой оставалась до конца своих дней, — но ее взгляд на жизнь

сделался пессимистическим в самой своей основе. И это стало еще одним различием между дочерью и матерью, которая всегда была решительно настроена видеть в жизни радостные стороны.

Вскоре ситуация стала еще больше напоминать кошмар: судьба повернулась к Агате злобной и коварной стороной, опутав ее и без того несчастную жизнь множеством осложнений. Умер один из ее дядьев, и им с Мэдж пришлось организовывать похороны. Агата спешила вернуться в Поллирэч, чтобы успеть к поминальной службе по Хьюберту, но оказалось, что службу перенесли. Позвонили из университетской больницы и попросили никуда не отлучаться на тот случай, если придется срочно кого-то заменить. Фармацевтов недоставало, нужда в них была велика, так что в конце октября Агата покинула Розалинду и вернулась на свою семичасовую вахту, которую несколько дней в неделю несла в больничной аптеке. Между тем инсценировку по роману «По направлению к нулю» надо было заканчивать. «Все говорят, что у меня нездоровый и усталый вид, и я боюсь, что ты найдешь меня очень бледной и сильно постаревшей».[380]

Ее депрессия длилась недолго, но была тяжелой. Лондонский конфидент Агаты Стивен Гленвилл был слишком поглощен своим романом, чтобы быть ей полезным. «Я никогда не чувствовала себя так, как сейчас, — признавалась она Максу. — Напиши мне несколько слов преданности и ободрения, чтобы я могла перечитывать их, если снова накатит черная хандра».[381] «Взбодрись, моя прекрасная», — написал он в ответ, и для Агаты это было утешением.

Однако по мере приближения к концу года она обнаружила, что уже не представляет себе будущее как холодную серую жизнь, которую пока вела. «Я не считаю, дорогой, что думать о нашем счастье так уж эгоистично», — написала она в январе 1945-го. Гринвей был возвращен в феврале («хаос»), премьера «Свидания со смертью»[382] состоялась на Пиккадилли в марте. «Отклики не слишком хорошие… Но даже если это не успех, мне все равно. Макс возвращается домой, это великое событие, и ничто иное не имеет никакого значения!»

9 апреля Макс сообщил наконец: «Срок моего пребывания здесь истек. Ура!» Агата, которую он представил как «виляющую хвостом собаку в ожидании возвращения хозяина», послала ему список телефонных номеров, поскольку ездила по Англии со спектаклем «Невидимый горизонт».[383] «Представляешь, как волнующе будет позвонить тебе и сказать: „Привет! Это мистер Пупер“». На самом деле однажды майским вечером он просто приехал на Лаун-роуд. Для Агаты война закончилась.

Однако она вспоминала о ней в своих книгах. В «Береге удачи» и «Розе и тисе» речь идет о последствиях войны. Странно, но эти романы оставляют весьма тревожное ощущение. Несмотря на восторженные ожидания, связанные с воссоединением и восстановлением, чувство неудовлетворенности пропитывает ее послевоенные сочинения.

«Внезапно Линн подумала: „Но так ведь везде. Я замечаю это с тех самых пор, как вернулась домой. Это наследие, оставленное войной. Злая воля. Злые чувства. Повсюду“», — читаем в «Береге удачи».

Линн Марчмонт возвращается домой из заграницы, где работала во время войны. Она мечтала об окончании войны, но теперь ее обуревает какое-то внутреннее смятение. «Когда жила на Востоке, я мечтала о доме», — говорит она Эркюлю Пуаро, на что тот отвечает: «Да, да, всегда хочется быть там, где тебя сейчас нет!» Именно это состояние души делает Линн беззащитной перед ухаживаниями Дэвида Хантера, неудачника, к которому ее влечет физически и который по-своему тоже пытается приспособиться к послевоенному миру.

О Дэвиде сказано: «В военное время такой человек — герой. Но в мирное… да, в мирное такие мужчины обычно кончают тюрьмой. Они любят состояние возбуждения, они не ходят прямыми путями, и они ни в грош не ставят общество, а в конце концов и самое человеческую жизнь». Именно через этот персонаж (а позднее и через Брайана Истли из «В 4.50 из Паддингтона») к Агате пришло наконец понимание того ада, какой творился в душе ее первого мужа, когда он вернулся, внешне целый и невредимый, после тех ужасов, которые увидел во Франции. Только теперь она поняла, что он вполне мог разделить судьбу Хьюберта Причарда, мысль о «славной, но бессмысленной» смерти которого продолжала преследовать ее. Такие мужчины — храбрые, непредсказуемые, а в случае Дэвида еще и не совсем честные — завораживали Агату. Вот почему ее Линн Марчмонт так надоел ее бывший жених, фермер Роули Клоуд, который чувствует себя не совсем полноценным мужчиной, потому что не воевал. Правда, впоследствии Роули показывает, что и он может быть весьма жестоким, и именно проявленная им жестокость возрождает интерес Линн к нему. «Меня на самом деле никогда особо не заботила моя безопасность», — говорит она.

«Берег удачи» — мрачная книга: в ней царит серая, неспокойная атмосфера разбомбленной Англии. Есть ощущение, что в прошлом нормальные люди живут теперь по законам джунглей. Когда один персонаж говорит: «В последнее время в

газетах пишут ужасные вещи: будто демобилизованные солдаты нападают на девушек», — другой ему отвечает: «Полагаю, девушки сами напрашиваются на это». Создается впечатление, будто правила поведения изменились навсегда. Преступность стала общим местом. Корни общества вырваны и разбросаны, и все — включая убийство — считается дозволенным, если ведет к личному успеху. Человеческая индивидуальность переменчива: старый трюк Агаты Кристи, у которой, скажем, мисс Дюрран притворяется мисс Бартон — «и все держится на старой женщине, которая так похожа на всех остальных старых женщин»,[384] — приобретает теперь реальный резонанс.

«Вы бы могли полюбить человека, которому не доверяете?» — спрашивает Линн, и Пуаро отвечает: «К сожалению, да».

Война всколыхнула все беспокойные, тревожные чувства, они заполоняют роман «Роза и тис». Эта книга была написана в 1946 году, ее действие происходит во время первых послевоенных выборов, на которых победил Эттли. Хотя Коллинз критиковал роман за ошибки в описании избирательной кампании,[385] в целом авторское видение было точным и провидческим. Победа лейбористов со всей очевидностью символизировала для Великобритании завершение целой эпохи. Агата использовала эту метафору, но в то же время делала весьма тонкие наблюдения над положением сословий и политической жизнью. Сен-Лу, входящий в Корнуоллский избирательный округ, где разворачивается действие романа, — оплот консерваторов. Здесь победу одерживает Джон Гэбриэл, «хитрая бестия», человек, принадлежащий к новому, напористому миру. Он торговец, «очень скользкий тип, если вы понимаете, что я хочу сказать»: эдакий Блэр, но Блэр себе на уме. «О, у меня нет убеждений, — говорит он Хью Норрису, молодому инвалиду, от лица которого ведется повествование. — Для меня это всего лишь вопрос практической целесообразности». Для него было бы естественнее принадлежать к лейбористской партии, но он знает, что его природные способности ярче проявятся в среде тори.

То, что Джон Гэбриэл говорит о политике, почти шокирует, настолько это цинично и в то же время точно. Он признает, что участвует в политике только ради себя самого:

> «И благодарите свою звезду, что это все, что мне действительно нужно! Люди алчные и своекорыстные не причинят миру вреда — в мире для них всегда найдется место. И именно такие люди должны править вами. Да помогут небеса той стране, в которой у власти стоят люди с идеями! Человек с идеями перемелет обычных

людей… А вот себялюбивый жадный тип большого вреда не принесет — он хочет лишь уютно обустроить свой маленький уголок, а добившись этого, становится совершенно согласен на то, чтобы средний человек жил счастливо и был доволен жизнью. Он даже предпочитает, чтобы тот был счастлив и доволен — хлопот меньше. Я отлично знаю, что нужно большинству людей. Не так уж много. Всего лишь чувствовать свою значительность, иметь шанс жить чуточку лучше другого и чтобы им не слишком помыкали. Запомните мои слова, Норрис, вот в чем будет состоять большая ошибка лейбористской партии, когда она пройдет на выборах… Они станут помыкать людьми. Притом с самыми добрыми намерениями».

Разумеется, сама Агата голосовала за консерваторов, но то, что она говорит, гораздо глубже, чем просто антипатия к Эттли. [386] Скорее это касается вообще отношений между политиком и избирателем и того, как в них проявляется человеческое тщеславие. «А теперь не ошибитесь, Норрис, я, возможно, мог бы стать премьер-министром, если бы захотел. Поразительно, что можно сделать, если дать себе труд понять, что хотят услышать люди, и сказать им именно это!»

Но и Джон Гэбриэл — блестящий персонаж, привлекательный и отталкивающий одновременно — тоже уязвим. Слишком умный для той жизни, какую себе выбрал, он легко одурачивает большинство людей, но как на каменную стену наталкивается на мир замка Сен-Лу, где живет Изабелла с одной родной и двумя двоюродными бабушками. («Конечно, это был жест на публику», — с усмешкой говорит леди Сен-Лу, когда Джон Гэбриэл спасает тонущего ребенка, видя в этом шанс помочь себе в избирательной кампании.)

«Я знаю, что они ничего не значат, — говорит он. — Я знаю, что их время прошло. По всей стране они живут в домах, которые вот-вот превратятся в руины, на доходы, которые сократились практически до нуля… Но у них есть нечто, что мне недоступно — какое-то проклятое чувство превосходства. Я ничем не хуже их, во многих отношениях даже лучше, но в их обществе я этого не чувствую».

Он хватается за влюбившуюся в него Изабеллу, чтобы хотя бы ее «стащить вниз», поближе к себе. А ее восхищает то, что он собой воплощает: жизнеспособность, честолюбие, секс. Хотя Джон и «обычный маленький человек», как характеризует его Ассоциация консерваторов, он легко сметает с пути другого

поклонника Изабеллы, ее кузена Руперта, наследника замка и «истинного совершенного благородного рыцаря» (Чосер). Руперт для Изабеллы — угасающая кровь. Звериным чутьем она стремится к Джону Гэбриэлу: так Агата показывает реальное изменение классовой структуры общества и в то же время говорит нечто более глубокое об инстинктивном стремлении аристократии к обновлению. Но Джон Гэбриэл не получает удовольствия от своего приза. «Все, чего я желал и что было значимо для меня в жизни, казалось сосредоточенным в ней». Он губит ее, хотя Изабелла неподвластна даже смерти. «Вы упорно рассматриваете жизнь Изабеллы как нечто внезапно оборвавшееся, выломившееся из привычной формы, отколовшееся. Между тем у меня есть серьезное подозрение, что она была чем-то совершенно самодостаточным…»

Изабелла — сердце книги: «роза», чья жизнь коротка, но от этого не менее полна, чем жизнь «тиса» (название взято из «Литл Гиддинг» Т. С. Элиота). Однажды днем они с Норрисом сидят на солнышке, он жалуется на судьбу, пославшую ему аварию, в результате которой он стал калекой, и планирует собственную смерть. Но сейчас он молча сидит рядом с Изабеллой и наблюдает, как

> «…через террасу бежит рыжая белка. Вот она застыла, глядя на нас. Немного пострекотала и метнулась вверх по дереву.
>
> И мне вдруг показалось, будто калейдоскоп Вселенной крутанулся, картинка сложилась в другой узор. Теперь это была модель мира, обладающего только чувствительностью, мира, в котором существование есть все, мысль и умозрение — ничто. Есть утро и вечер, день и ночь, еда и питье, холод и жар, есть движение, цель, сознание, которое еще не знает, что оно сознание. Это был беличий мир, мир зеленой травы, постоянно тянущейся вверх, мир деревьев, живущих и дышащих. Здесь, в этом мире, у Изабеллы есть свое место. И как ни странно, я, искалеченный обломок человека, тоже мог бы найти в нем свое место…»

Похоже на описание примитивистской итальянской живописи, картины Пизанелло например, где животные разных видов населяют единый фантастический ландшафт. Похоже это и на таинственный сад Гринвея, который в конце 1945-го снова стал домом Агаты.

«Чувства не живут долго, — говорит Хью, — но на краткий миг я познал мир, которому принадлежу».

АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО

Существовало лишь одно занятие, казавшееся Пуаро более завораживающим, чем изучение человеческих существ, и это был поиск правды.

А. Кристи. Лощина

Все, что я могу сказать, дорогой Фрэнсис Уиндэм, это то, что, если я умру и вознесусь на небо или в какое-нибудь другое место и если случится так, что в то же время там окажется общественный обвинитель, я буду умолять его открыть мне секрет.

Из письма А. Кристи редактору журнала «Санди таймс» по поводу дела о кройдонских убийцах (1968)

Феноменом под названием «Агата Кристи» Агата стала где-то в середине двадцатого века. В 1945 году она была успешной писательницей, чьи книги — только изданные в Соединенном Королевстве и только в твердой обложке — разошлись тиражом около 25 тысяч экземпляров каждая. К 1950-му по всему миру было продано предположительно 50 миллионов экземпляров ее книг, и впоследствии продажи постоянно только увеличивались.

Парадоксально, хотя, может, не так уж и удивительно, что популярность Агаты росла по мере того, как убывали ее силы. После 1950 года она написала несколько блестящих и необычных книг: «Место назначения неизвестно», «Горе невинным», «Вилла „Белый конь“», «Ночная тьма» и «Пассажир из Франкфурта», но лучшие свои произведения она создала в предыдущее двадцатилетие, особенно в период напряженной, непрерывной творческой активности в предвоенные, военные и послевоенные годы, который стал вершиной ее карьеры. В 1950-м она опубликовала роман «Объявлено убийство», который задал стандарт многому из того, что за ним последовало, роман, идеально завершенный, исключительно увлекательный, однако

являющийся скорее продуктом феномена «Агата Кристи», нежели Агаты-писательницы.

Другой парадокс состоит в том, что своим вознесением на вершину славы она обязана, в сущности, не книгам. Фокус был в переложениях, особенно в сценической и экранной версиях романа «И никого не стало». Концептуальная смелость этой книги была известна читателям еще с 1939 года, но огромную новую аудиторию привлекли сценическая версия военного времени и экранизация, осуществленная режиссером Рене Клером на студии «Двадцатый век Фокс» в 1945 году. Это была первая большая кинопремьера Агаты, нечто уровнем гораздо выше, чем, например, выпуск в 1937 году британского фильма «Любовь незнакомца». Впоследствии Агата называла его «плохим» — хотя он оказался куда лучше двух следующих, снятых по этой книге, [387] и имел большой кассовый успех. Пьеса по этой книге также шла на Бродвее, где привлекла внимание театрального импресарио Ли Шуберта, заинтересовавшегося инсценировкой двух романов — «По направлению к нулю» и «Лощина». Впоследствии Шуберт оказался настоящим кошмаром (он чудовищно тянул с постановкой «Лощины», по никого другого к роману не подпускал, и только с его смертью в 1953 году права на постановку вернулись к Агате), но дело было не в этом, а в том, что Агата переходила теперь в совершенно другой мир — мир успеха, где все написанное писателем имеет цену и предоставляет широкие возможности. Эркюль Пуаро стал «гвоздем» на американском радио (хотя Агата с презрением относилась к этим еженедельным передачам и отклоняла бесконечные предложения, поступавшие с телевидения, в том числе и от бывшего Пуаро, Фрэнсиса Салливана, который проявлял чрезвычайную настойчивость). Пьеса «Невидимый горизонт», преодолев начальный период трудностей, обрела огромную популярность и тоже двинулась на Бродвей; в 1949 году в Лондоне состоялась премьера инсценировки «Убийства в доме викария», за ней, в 1951-м, последовала «Лощина», которая, по словам Эдмунда Корка, «едва не взорвала театр „Форчун“».

Так оно и шло. Золотая вершина была достигнута, когда рассказ «Свидетель обвинения», вначале названный «Руки предателя» и опубликованный в 1925 году, был инсценирован для уэст-эндского театра. Будучи в Ираке в начале 1953 года, Агата написала для пьесы новое окончание, которое, она не сомневалась, должно было иметь сенсационный успех. У Корка, напротив, этот дополнительный сюжетный поворот вызывал сомнения, но Агата оказалась права. Поставленный Питером Сондерсом — архитектором театральной карьеры Агаты, —

который за год до того с минимальной помпой выпустил «Мышеловку», «Свидетель» имел оглушительный успех. «Такого успеха мы не знавали много лет, — писал Корк в декабре Харолду Ауберу. — Премьера состоялась в худшее время года в худшем театре Уэст-Энда [„Друри-Лейн“], но зал был забит». В начале 1954-го Агата устроила прием в «Савое» в ознаменование успеха пьесы: среди гостей был Кэмпбелл Кристи, ее бывший деверь, теперь сам известный уэст-эндский драматург, писавший в соавторстве с женой Дороти.[388]

На Бродвее «Свидетель» произвел такой же фурор и получил премию Гильдии нью-йоркских театральных критиков как лучшая иностранная пьеса. «Мы получаем много заявок на экранизацию пьесы», — писал Оубер. После подробных и зачастую мучительных переговоров — «лучшее, чего удалось добиться кровью, потом и слезами», как писал Ауберу Корк, — права были проданы за баснословную тогда сумму 116 тысяч фунтов, которая была передана Розалинде по дарственной и не подлежала обложению налогом.[389] Фильм снимал Билли Уайлдер,[390] в главных ролях выступали Чарлз Лоутон, Тайрон Пауэр и Марлен Дитрих. Стильный, саркастический и увлекательный на всем своем протяжении, этот фильм был единственной экранизацией ее произведения, которая Агате нравилась. Он тоже имел бешеный успех.

Здесь, однако, таился еще один парадокс: чем большим был успех Агаты, тем катастрофичнее становилось ее финансовое положение. В 1948 году она написала Эдмунду Корку: «Мне предстоит гордиться собой и потерпеть сокрушительное банкротство!!!» Если в письме это и было шуткой, то в действительности дела обстояли именно так. Как такое могло случиться? Теперь появилась вероятность того, что налоговые органы США вернут Агате часть денег, которые находились под арестом с 1941 года, но как только они дошли бы до нее, то оказались бы полностью съедены британскими налогами; американские деньги и были ей нужны как раз для того, чтобы заплатить грабительский налог на свои британские доходы. «С британскими налоговыми органами становится трудно иметь дело, и остается очень мало надежды на то, что миссис Мэллоуэн удастся избежать банкротства, — писал Корк Харолду Ауберу в сентябре 1948 года. — Обывателю кажется почти неправдоподобным, что она должна платить налог на доход, который причитается ей за границей и который не может быть ей переведен».

Безумная борьба за то, чтобы избежать банкротства, тянулась еще долгие годы; логика британских властей состояла в том, что

они предпочли бы подорвать этику трудолюбия Агаты или вынудить ее искать убежище от налогов, нежели найти для нее разумную форму налогообложения. В марте 1949-го Агата писала Корку из Багдада: «В любом случае — какого черта! Вот что я думаю сейчас о подоходном налоге». Позднее ей пришлось смирить себя под напором обстоятельств, но в то время она еще хорохорилась (вероятно, не верила, что это может быть правдой). Корк посылал ей неиссякающий поток чеков за продажу прав на публикации в периодике, на инсценировки и так далее, и в порыве великолепного демонстративного неповиновения она вела себя так, словно над ней не нависала зловещая тень налогового сборщика, продолжая жить на широкую ногу и называя это своей «былой плутократией». Она больше не думала о продаже Гринвея — хотя из соображений снижения налогов он был превращен в «хозяйство для выращивания овощей», — равно как и Уинтербрука, и дома на Крессуэлл-плейс; более того, приобрела еще и новую квартиру в Челси, на Суон-Корт,[391] отделку которой характеризовала как «живопись, с которой можно жить». Она любила свои дома, свои сады, она любила путешествовать, хорошо поесть, любила купания, избранную компанию, она обожала свободу, простор, обожала проявлять необыкновенную щедрость и по-прежнему охотно ублажала себя этими удовольствиями. Все это пышным цветом цвело вокруг работы, которая составляла стержень ее жизни.

Теперь она писала меньше, чем прежде, и это наводило панику на Корка, поскольку он относил это на счет ее нежелания трудиться, чтобы обогащать всяких Стаффорд-Крипсов:[392] «Мы на самом деле очень обеспокоены тем, что вся эта шумиха вокруг налоговой политики оказывает плохое воздействие на миссис Мэллоуэн», — писал он одному из ее бухгалтеров, Норманну Диксону, в 1948 году. В агентстве Корка, «Хью Мэсси», привыкли полагаться на «до настоящего времени нашу самую высокооплачиваемую клиентку» и ее чудесную способность создавать непревзойденные рукописи, но в течение 1948 года она не написала ничего. По окончании войны у нее был прилив творческой активности, что-то вроде второго дыхания, в результате чего появились три из ее лучших книг: «Роза и тис», «Берег удачи» и «Кривой домишко». Затем последовало молчание, словно ее заколдовали. Следующей полномасштабной книгой стал роман «Объявлено убийство», написанный в начале 1949-го, и это было уже нечто совсем другое. Затем появились такие книги, как «Миссис Макгинти с жизнью рассталась», «Игра зеркал», «День поминовения» и «Карман, полный ржи» (все, разумеется, высокопрофессиональные — так сказать, Агата

Кристи на автопилоте), и началась бурная театральная активность, в которой самым заметным явлением стала радиопьеса «Три слепых мышонка», написанная в ознаменование восьмидесятилетия королевы Марии в 1947 году и под названием «Мышеловка»[393] поставленная в 1952 году на сцене театра «Амбассадор».

Агата радовалась своему тогдашнему театральному успеху. «Мне нравилось писать пьесы, — признавалась она впоследствии, отдавая дань уважения своему другу и режиссеру сэру Питеру Сондерсу, с которым она познакомилась, когда он ставил „Лощину“. — Это не было делом всей моей жизни, как книги, но доставляло большое удовольствие благодаря интересной технике». Несмотря на чрезвычайную популярность всего, что она писала, пьесы Агаты в целом были легковесными. Только созданная в 1937 году и никогда при жизни автора не ставившаяся пьеса «Эхнатон», действие которой происходит в Древнем Египте, и «Вердикт», постановка которой провалилась в 1958-м, обладают подлинной глубиной. Инсценировки романов демонстрируют способности Агаты к жанровым переложениям — она всегда знала, что «сработает», — но и они лишены той тонкости, коей обладают оригиналы. «Лощина» и «Пять поросят» (последнее название было изменено на «Назад к убийству») гораздо слабее в качестве пьес, словно Агата сама не сознавала, что делает ее романы такими хорошими книгами. Вестмакоттовский роман «Дочь есть дочь» тоже поначалу был задуман как пьеса. И хотя роман не свободен от доставшейся ему в наследство от пьесы «сценичности», в нем гораздо больше светотеней, нежели в драматической версии.

Тем не менее на протяжении пятидесятых именно театр отвлекал на себя большую часть внимания Агаты. В промежутках она писала лишь то, что Коллинз называл «Кристи фор Кристмас» — «Кристи на Рождество» (шутливый девиз, который в 1961 году придумал для них Уильям Коллинз, звучал так: «Для лишних 26 тысяч экземпляров сгодится»). Если глубокий и сострадательный роман «Кривой домишко» знаменовал окончание целой эпохи, то этого никто особо не заметил, и менее всего публика, которой Агата Кристи никогда не надоедала и которая очень удивилась бы, узнай она, что у женщины, о которой писали, что она зарабатывает две тысячи фунтов в неделю, была реальная перспектива переселиться на Квиар-стрит.[394]

Публика желала читать размышления Агаты Кристи в газетах, слышать ее голос по радио, разглядывать ее фотографии, собирать ее автографы, прислушиваться к ее мнениям, забрасывать ее письмами от поклонников, оскорбительными

письмами, письмами с просьбами, благоговейными письмами. «Мне придает такое чувство самоуважения уже то, что я пишу человеку, которого обожаю», — писала юная девушка из Пакистана. «Вы второй самый выдающийся писатель в истории человечества, только Шекспир, которого я, к сожалению, читал очень мало, но, разумеется, должен прочесть, лучше Вас» — это из письма другого поклонника. А вот какое письмо пришло от женщины из Стокпорта: «Сегодня утром меня постиг очередной удар: я получила счет за электроэнергию, составивший более шести фунтов. Откуда взять деньги, чтобы оплатить его, ума не приложу. Не будете ли Вы моим ангелом, не поможете ли?» Более настойчив был некий мужчина, который писал: «Два дня назад я попытался ограбить банк в Брекон, Уэльс… Я писал не менее чем сорока богатым людям, даже самому богатому человеку в мире, но ни один из них даже не пожелал встретиться со мной; может, со мной что-то не так? Только Вы можете спасти меня». Читатель из Аберистуита протестовал против шутливой ремарки миссис Оливер из романа «Карты на столе» «Я никогда не доверяла валлийцам»: «Ваши завуалированные нападки на народ Уэльса нанесли и еще нанесут большой ущерб репутации Ваших книг и Вашей собственной». Еще какой-то мужчина советовал ей «расстаться наконец с этим невыносимым бельгийцем; он становится слишком занудным». Молодой человек из Гонконга («Я ростом с Эркюля Пуаро») писал: «Я восхищаюсь Вами, уважаю Вас и люблю Вас, мисс Кристи, больше всего на свете!» Ее спрашивали, что она думает об Америке («Встречались ли Вы когда-нибудь с антиамериканизмом в Англии?» — «Нет»); о «les grands sujets féminins» — «великих женских сюжетах» («Ничто не ненавижу больше, чем их. Таким и скажите!»); о молодых годах Пуаро и мисс Марпл. Ее спрашивали, где купить чай «Лапсанг сушонг» («В „Фортнуме“», — отвечал Корк). Редакторы сборников цитат просили разрешения включить в одну из антологий ее предполагаемое высказывание о том, что «археолог — лучший муж, о каком может мечтать женщина: чем старше она становится, тем больше его интересует». (Корк: «На самом деле Агата Кристи этого не говорила, и ничто не может взбесить ее больше, чем попытка приписать ей эти слова».) «Вог» спрашивал, не поделится ли она с его читателями тем, какие рождественские подарки она больше всего хотела бы получить («НЕТ», — крупно нацарапала она на письме). Би-би-си предполагала сделать серию фильмов о «знаменитых людях у себя дома» и хотела снять ее в Гринвее. Литературные общества приглашали ее выступать у них, организаторы фестивалей мечтали, чтобы она разрезала ленточки на открытии, писатели — чтобы она читала их рукописи. «Какие

глупые письма иногда приходят», — писала она Эдмунду Корку.

> «— Люди желают взять у нее интервью, узнать, что она думает о таких предметах, как студенческие беспорядки, социализм, мода для девушек, должен ли секс быть свободным, и о многом другом, к чему она не имеет ни малейшего касательства.
>
> — Да-да, — сказал Пуаро, — весьма прискорбно, полагаю».[395]

Почти всего этого Агата избегала. Лишь время от времени откликалась на отдельную просьбу. Так было, когда Голландское общество бывших военнопленных попросило разрешения поставить «Десять негритят»: оказалось, что во время войны им попался экземпляр этой книги, они сделали из нее пьесу и показали в концлагере Бухенвальд. Разумеется, это была совершенно особая просьба. Обычно она писала Корку нечто вроде того, что написала в 1951 году, когда ее попросили вести колонку в «Пикториал пресс»: «Постарайтесь избавить меня от этого, если только Вам самому это не кажется исключительно важным». «„Санди экспресс“ грозится позвонить Вам и попросить принять участие в некой новой публичной анкете, — писал Корк в том же году. (Один из вопросов — „Что Вам больше всего не нравится в Вашей профессии?“ — Полагаю, именно публичность?)». В 1953 году она неохотно согласилась на фотосессию и тут же пожалела об этом. «Послушайте, Эдмунд, я что, должна это терпеть? Меня можно будет оттуда везти прямо в психиатрическую клинику. Вот что я Вам скажу: отныне и впредь — никаких фотографирований. Не понимаю, почему меня нужно постоянно унижать и заставлять страдать». («Похоже, нам придется иметь дело минимум с тремя фотографами каждую неделю!» — писал Корк в следующем году.) В конце 1953 года приглашение выступить в программе «Панорама» было отклонено: «Боюсь, миссис Кристи решительно считает, что впредь ей не следует появляться на телеэкране ни при каких обстоятельствах. Она, как я уже говорил Вам, весьма застенчива и ненавидит публичность в какой бы то ни было форме». Это повергало в смятение ее американских агентов. «Но хоть когда-нибудь Агата Кристи согласится на интервью?» — спрашивали они в 1965 году.

И в этом заключался еще один парадокс. Чем более знаменитой становилась Агата, тем больше замыкалась она в своей частной жизни: ее сады, ее домик на раскопках с видом на пустыню, узкий круг родных и друзей, ее писания. А публике вместо всего этого демонстрировали некий конструкт под

названием «Агата Кристи». В глазах всего мира она стала скорее некой данностью, нежели реальной личностью.

Время от времени она все же позволяла себя сфотографировать — так появились, например, снимки, сделанные Ангусом Макбином на ее шестидесятилетие: лицо Агаты излучает радостное сияние, утопая в меховом воротнике одной из ее многочисленных шуб на премьере ее пьесы («Это лучшая пьеса из тех, что вы пока написали, дорогая», — говорили ей после премьеры «Свидетеля обвинения» в «Друри-Лейн»). Иногда она давала интервью, в которых, в сущности, почти ничего о себе не сообщала. И старательно культивировала образ «королевы детектива», «герцогини смерти», дамы, являющей собою столп общества (с игрой в бридж как непременным атрибутом), «поимевшей, однако, с убийств денег больше, чем Лукреция Борджиа», писала «Санди экспресс» 20 ноября 1935 года. Что за полезное создание была эта «Агата Кристи»! Даже когда ее создательница выплескивала наружу собственные сокровенные чувства, что часто делала в околовоенные и военные годы, никто этого, в сущности, не замечал, ибо мир был зачарован феноменом «Агаты Кристи».

Агата еще больше запутала ситуацию, создав персонаж по имени Ариадна Оливер — литературное воплощение «Агаты Кристи». Миссис Оливер, впервые появившаяся в сборнике рассказов «Расследует Паркер Пейн», — грузная седовласая дама, которая пишет детективные истории об убийствах, ест яблоки и обременена необходимостью общаться с воображаемым детективом, финном Свеном Хьерсоном, которого на дух не переносит («Разумеется, он придурок, но публике нравится»). Великолепная шутка, и миссис Оливер — великолепное создание, но она не Агата, хотя иногда и говорит ее голосом:

> «Рабочий стол, ее машинка, черный кофе, яблоки повсюду… Какое блаженство, какое восхитительное уединенное блаженство! Какую ошибку совершает писатель, выходя из своей тайной крепости. Писатели всегда были застенчивыми, необщительными созданиями, компенсировавшими отсутствие склонности к публичной жизни тем, что придумывали себе собственный круг собеседников и общались с ними.
>
> — …Это правда, я не очень умею общаться с людьми.
>
> — Я обожаю людей, а вы? — радостно воскликнул Робин.
>
> — Нет, — твердо ответила миссис Оливер.

— Не может быть! В ваших книгах столько замечательных людей.

— Это другое дело…»[396]

Но знаменитая «застенчивость» Агаты была иного свойства, нежели у Ариадны Оливер. Как многое в ее поздней жизни, она несла на себе печать событий 1926 года. В молодости Агата не обнаруживала никаких признаков робости, напротив — ее поведение во время Имперского тура можно назвать каким угодно, только не робким: тогда она охотно общалась с людьми и без тени сомнения согласилась погостить у Беллов в Австралии, хотя прежде никого из них не знала. Она также снималась для «Скетч» (в том числе с совсем маленькой Розалиндой), и в ее тогдашних книгах не было и следа отвращения к публичности. Она ей даже нравилась. В те времена, как можно предположить, известность играла для нее второстепенную роль. Тем не менее можно себе представить, что, останься Агата женой Арчи, она не стала бы впоследствии такой замкнутой. Ненависть к публичности, безусловно, ведет свое начало от того эпизода ее печальной известности, когда журналисты создали вокруг нее миф, который не просто искажал реальность, а основывался на том, чего вовсе не существовало и что они сами придумали. Однако имелась и еще одна, более тонкая причина: ей было недостаточно ненавидеть публичность, она хотела, чтобы публика знала об этой ее ненависти. Так она продолжала бороться с какими бы то ни было рецидивами подозрений, будто ее тогдашнее «исчезновение» было организовано в рекламных целях.

Конечно, если бы Агата осталась женой Арчи — это, разумеется, всего лишь предположение, — может, она никогда и не стала бы «Агатой Кристи». Почти наверняка она и выглядела бы по-другому. Ее грузный, тяжеловесный облик был защитой от душевных ран, а после войны она стала еще массивнее и утратила последние следы привлекательности, которой обладала для такого человека, как Стивен Гленвилл, еще лет в пятьдесят с небольшим. Теперь она весила около 95 килограммов, у нее страшно опухали ноги, и поэтому она так не любила фотографироваться. На снимках, сделанных в Гринвее, мы видим спокойную, весьма величественную даму с приветливой улыбкой, проницательным взглядом и — иногда — с одним из манчестерских терьеров,[397] восседающим у нее на коленях как крохотный рыжевато-коричневый с черным олененок. Эти фотографии очаровательны, но они сугубо личные. Внешний мир был куда менее снисходителен, что Агата слишком хорошо знала.

Таким образом, вполне вероятно, что ее застенчивость

отчасти объяснялась и нежеланием показываться на глаза кому бы то ни было, кроме тех, кто ее хорошо знал. Подруга дочери Стивена Гленвилла встретила ее в пятидесятые годы на званом обеде в салоне ректора Кингз-колледжа: «Ее вид удивил меня: грузное, какое-то бесформенное тело и избыток помады». Это было правдой, и Агата прекрасно отдавала себе в этом отчет, но видеть подтверждение тому на фотографиях было огорчительно, как она признавалась Эдмунду Корку. «Порой даже не представляешь (хвала Господу), как ужасно выглядишь на самом деле, — писала она в апреле 1957-го. — Хорошо ли это для самого человека — не представлять? Нет». Ощущение было таким же, как после 1926 года, — чудовищное расхождение между тем, как видели ее другие, и тем, как видела себя она сама. Особенно мучительно она чувствовала разницу, когда создавала образы таких ослепительных молодых девушек, как Джина Хадд из «Игры зеркал», которая говорит о своей красоте: «Это, знаете ли, ненадолго». В своем потаенном воображаемом мире Агата по-прежнему была неразрывна с Джиной, какой когда-то была сама: сидя в саду Гринвея, она все еще ощущала внутри себя, грузной умиротворенной женщины, присутствие юной мисс Миллер, освещенной солнцем, радостной. Во внешнем мире подобная иллюзия была невозможна — слишком много реальности он навязывал. Так слава, которая выставляла напоказ и сковывала жизнь Агаты, в то же время становилась ей необходима, ибо предоставляла возможность оберегать свое уединение и чувствовать себя свободной.

Была Агата скрытна и в том, что служило причиной ее славы: в отношении своих писаний. «Как, черт возьми, у нее это получается?» — вопрошал ее издатель из «Пенгуин букс» и друг Аллен Лейн[398] в 1955 году в радиопрограмме «Крупным планом», посвященной Агате. Хороший вопрос. «Мы переиздали десять произведений Агаты тиражом сто тысяч экземпляров каждое. Мы продали около двух с половиной миллионов только этих десяти изданий. Я понимаю — хотя бы по ее продуктивности, — что она необыкновенная труженица, и тем не менее я никогда не видел, чтобы она вообще что-нибудь писала».[399]

Даже близкие ничего не знали о ее работе. «Просто в один прекрасный день она объявляла за ужином, что хочет нам кое-что прочесть, — рассказывал ее зять Энтони, — и мы все охали».[400] В отличие от большинства писателей у Агаты не было ни малейшего желания обременять окружающих своими творческими муками. Она просто скрывалась у себя в комнате — в редких случаях удалялась в Гринвей (в основном ее книги были

написаны в Уинтербруке или на Востоке) — и там работала.

Удивительно, как ей удавалось так уединяться от всех, при том что она никогда намеренно не окружала таинственностью то, что делала. Но от этого все становилось еще более таинственным. Хоть горячечная активность околовоенных лет никогда больше не повторялась, непреодолимая потребность писать по-прежнему не покидала ее: то, что она называла «леностью» (одна книга в год), большинство других писателей сочли бы высочайшей продуктивностью, особенно после шестидесяти. Писательство было средоточием ее жизни — это очевидная истина, которую она всегда пыталась отрицать. В книге «Расскажи мне, как живешь…» Агата изображает себя такой, какой следует быть жене археолога, а в «Автобиографии» — нормальным человеком, который со вкусом и удовольствием живет своей жизнью, а книги пишет между прочим — такая докука! — просто чтобы оплачивать собственные удовольствия: милая Агата, талантливая любительница, которой посчастливилось сорвать джекпот и которая никогда не думала о себе как о настоящей писательнице, а только как о всего лишь удачливой и трудолюбивой ремесленнице! Что значат книги в сравнении со стряпней, вождением автомобиля, отчисткой слоновой кости с помощью кольдкрема «Пондз» на раскопках у Макса?

Но это было лукавством: еще одной гранью конструкта «Агата Кристи» — якобы заурядной милой дамы, которой посчастливилось иметь талант вводить людей в заблуждение. «Сама не понимаю, почему пишу так много, — сказала она в интервью „Обсервер“ в 1969 году. — Особенно учитывая тот факт, что каждый раз, заканчивая книгу, я говорю себе: „Это было последним, что я написала“». В 1955 году, в программе «Крупным планом» (неопасная дань публичности, на которую Агата согласилась скорее всего потому, что в передаче участвовали люди, которым она безоговорочно доверяла: Аллен Лейн и Ричард Аттенборо), она сказала: «Часто друзьям бывает любопытно узнать, как человек работает. „Каков твой метод?“ — спрашивают они. Должна вас разочаровать: никакого особого метода у меня нет… И если у вас такая же насыщенная жизнь, как у меня, вам тоже очень трудно выкроить пару недель, в течение которых вас ничто не отвлекало бы».

Сдержанность в отношении своей работы сидела в ней глубоко и в некотором роде тоже была следствием 1926 года. Агата хотела защитить себя от посторонних взглядов во всех смыслах. Она писала под именем Агата Кристи, что являлось превосходной защитой, а также под псевдонимом Мэри Вестмакотт, который оберегал ее вплоть до 1949 года, пока

колумнист «Санди таймс» не раскрыл читателям, что эти две дамы — одно и то же лицо. Впрочем, это не было государственной тайной. Агата должна была сознавать, что рано или поздно правда выйдет наружу, но ей этого не хотелось. Рецензии на Вестмакотт были в основном куда более хвалебными, чем на Агату Кристи, но она не желала «присваивать» их. До самого конца она утверждала, что вестмакоттовские романы придуманы совершенно отдельно, словно бы другим писателем, и никогда не могли быть созданы Агатой Кристи.

Работая над этими книгами, она чувствовала полную свободу. Могла «забрести» куда угодно, коснуться любой идеи, когда-либо ее занимавшей, и даже углубиться в укромные уголки своего прошлого. Хотя в 1950-х она написала еще два, более слабых (но не менее интересных) вестмакоттовских романа — «Дочь есть дочь» и «Бремя любви»,[401] было ощущение, что дверь в помещение, где хранится откровение об Агате Кристи, та дверь, которая вела в ее сугубо личный и бесценный воображаемый сад, захлопнулась. «Все действительно смыто», — писала она Корку. Почти все лучшее было написано ею в 1930–1950 годах, тех самых, в течение которых она скрывалась за именем своего таинственного другого «я».

«Я считаю, что людей должны интересовать книги, а не их авторы!» — так писала Агата дочери Эдмунда Корка Пэт в 1964 году. В разных интервью она говорила о своих писаниях лишь в самой общей форме. «Полагаю, это то же самое, что приготовление соуса. Просто иногда удается правильно подобрать ингредиенты».[402] Она не выдавала никаких тайн — да и к чему? Единственно где можно найти ключики к тому, что она делала и как она это делала, так это в ее записных книжках. Их сохранилось около семидесяти, и они показывают, что за позой легкости и любительства скрывается исключительно тяжелый труд, коего стоило ей создание сюжетов.

Агата обычно не покупала специальных блокнотов, а записывала идеи на том, что попадалось под руку. Она использовала для этого тетради дочери («Розалинда Кристи, Скотсвуд, Девениш-роуд, Саннингдейл, 1925») или «Тетрадь Агаты Миллер», датированную 1907 годом, — из времен парижского пансиона. Она на ходу записывала пришедшие в голову мысли между списками покупок или очков, набранных в бридже, на страничках ежедневников («Обед у Мортона, в 8 час.»). Соображения, касающиеся «Карибской тайны», прерываются записью: «Питер Джонс — чайник, столовые приборы, две сковороды». Прежде чем набросать сюжет «Занавеса», она

написала такие строчки о Питере: «Тебя больше нет с нами, и дни проходят скучнее, мой обожаемый пес и дорогой друг». «Купить купоны на бензин», — напоминает она себе, перед тем как снова окунуться в прерванную главу «Сверкающего цианида».[403] Между подробными заметками о ядах она написала пары имен, вычеркнув из них одинаковые буквы, чтобы посмотреть, что получится и сочетаются ли пары. «Арчибальд Кристи» «спарен» с «Агатой Мэри Клариссой Миллер»; «Арчибальд» с «Агатой». Она также ставит «Реджинальда Луси» в пару с «Агатой Кристи», может быть, чтобы посмотреть, являлся ли подходящим кандидатом в мужья поклонник, о расставании с которым она отчасти сожалела. Среди заметок к ее самой последней книге, «Врата судьбы», она написала: «Составить список персонажей», — словно напоминала себе о том, что должна сделать Агата Кристи. Между двумя «литературными» записями вклинились отрывок из псалма 84 и пометка о «шотландском платье, размер по бедрам 46» из рекламы в «Дейли экспресс» — в этом вся Агата.

Никаких ритуалов, «подобающих писателю» в ведении записей, у Агаты не было. Она могла писать где угодно — за кухонным столом в Эдисон-меншн с Розалиндой на коленях; в гостиничной ванной комнате; за столом в домике на раскопках… Ей никогда не требовалось специальной ручки, особой пишущей машинки или подпорок, которыми пользуется большинство писателей, чтобы облегчить себе долгое сидение. Несмотря на преграду, которую Агата выстроила между работой и жизнью, на самом деле одно постоянно перетекало в другое.

Идеи возникали у нее легко: она черпала их повсюду, а вот к сюжетам подбиралась на удивление трудно. Читатель может подумать, будто в основе ее книг лежал один, центральный сюжетный ход, или трюк, вокруг которого возводилось все сооружение. На самом деле все происходило гораздо более хаотично и эмпирично. Дар композиции не был ее природным даром; по раннему, написанному еще в отрочестве роману «Снег в пустыне» видно, что она умеет писать диалоги и отлично улавливает мотивации человеческих поступков, но не имеет представления о том, как строить сюжет. Научилась она и этому, но распространенное представление, будто она конструирует сюжет с математической точностью, словно решает уравнение, неверно. Окончательный «продукт» может производить Подобное впечатление, записи о его разработке — нет. Она строит сюжет скорее как птица — гнездо: берет это, отбрасывает то, зачастую осознает, что требовалось, только тогда, когда видит это, но каким-то непостижимым образом в конце получается гладкое и водонепроницаемое сооружение.

«Девушка-иностранка (югославка) присматривает за пожилой дамой, которая живет с племянницей и ее мужем или с племянником и его женой… Она завещает деньги девушке (Соня) … Гнев… Подозрения… Находится улика против Сони». Так Агата набрасывает сюжет «Вечеринки в Хэллоуин», добавляя в конце: «Хорошая идея. Требует разработки».

Она, разумеется, копила материал. В тетрадях лежат разрозненные бумажки: заметки о ядах (пилокарпин «невозможно выявить при вскрытии», таллий — «действие похоже на медленное отравление малыми дозами мышьяка»); письмо в «Британский медицинский журнал» о пациенте, прожившем несколько часов после того, как он был практически заколот;[404] письмо от ее собственных адвокатов, Хупера и Уоллена из Торки, в котором излагаются сведения об Акте 1926 года о законнорожденности;[405] письмо 1935 года от Мэдж, в котором та делится найденной ею информацией об инсулине: «Очень рада, кстати, что тебе понадобилось это знать в профессиональных, а не в личных целях». Есть там также письма от друзей Агаты, врачей Маклеодсов, с которыми она познакомилась в Ираке: «Питер немного сомневается, правильно ли описано убийство Ивипан, — писала Пегги, отвечая на вопрос Агаты, касавшийся „Смерти лорда Эджвера“. — Он говорит, что после смерти яд не исчезает и, следовательно, может быть обнаружен. Он используется в качестве снотворного…»

В записной книжке конца 1930-х Агата написала заголовок «Алфавит идей» — трогательный вызов себе самой: она постановила найти двадцать шесть заготовок для возможных сюжетов. Некоторые из них более, некоторые менее убедительны, но все свидетельствуют о том, что Агата могла отыскать потенциал в чем угодно. В пункте C, например, говорится о дебютантках: «Чайные приемы и тому подобное. Матерей убивают одну за другой…» Этот пункт бросает свет на то, что происходило в голове Агаты в то время, когда она выводила в свет Розалинду. «P. Опасные препараты, украденные из машины врача», — они сыграли свою эпизодическую роль почти двадцать лет спустя в романе «Хикори-дикори». «E. Пуаро просят поехать в деревню… Он находит там дом с трупом внутри и множество фантастических деталей…» — этот визуальный образ был использован в «Лощине». «E Безногий мужчина» и «I. Способ отравления цианидом… похож на черную икру» — к этим идеям Агата возвращалась неоднократно, хотя они так и не нашли применения в ее сочинениях. «J. Убийца… после казни находится доказательство его невиновности» — этот ход лег в основу «Пяти поросят». Интересно, что идеи, носившие макабрический

характер — смертельная рана, нанесенная ножом в глаз; стальные жалюзи, послужившие своего рода гильотиной; кошка с перерезанным горлом, — были ею отвергнуты.

Эти заготовки имели разное происхождение. Некоторые основаны на Агатином знании свойств ядов: «Яд, который все делает желтым… нанесен на платье, вследствие чего происходит путаница: жертву принимают за другую девушку, на которой было желтое платье». Другие были привязаны к определенному месту: «Карибское море… Мисс М… после болезни… Лже-майор, похожий на лягушку. Косит…» — все это мы узнаем в «Карибской тайне». Есть такие, которые касаются исключительно мотивов. «Заболевание краснухой…», например, лежит в основе романа «И треснув, зеркало звенит», а «продавец смерти» — в основе романа «Вилла „Белый конь“».

Некоторые книги писались легко. Заметки, касающиеся «Смерти лорда Эджвера», почти идентичны окончательному варианту. То же можно сказать о романе «Зло под солнцем» («Место действия — отель на острове… Бигбери»[406]), сюжет которого Агата выписала уже в наброске, потом перемешала события, насытив его сложными ходами, но в конце концов вернулась к первоначальному варианту. Так она поступала часто. Ее заряженный незаурядной энергией ум было нелегко удовлетворить: как будет лучше? Так? Или так? Некоторые книги приносили ей невероятные творческие муки, прежде чем она находила для них окончательную форму. Среди них — смелый по концепции роман «Убийства по алфавиту», центральная идея которого кажется исключительно простой, но родилась она, как видно из записей, лишь после множества черновых набросков. «Игра зеркал» в ходе работы принимала несколько разных форм, две из которых впоследствии вылились в самостоятельные сочинения — «Карман, полный ржи» и «Объявлено убийство». «Третья девушка» — не слишком сложное сочинение, но Агата исписала множество страниц заметками (даже нарисовала генеалогическое древо), прежде чем выстроить его сюжет. Среди разных соображений был и ход с поддельным завещанием. Работая над «Третьей девушкой», Агата отвергла его, но вернулась к нему в «Вечеринке в Хэллоуин».

Вообще у Агаты почти ничто не пропадало, даже когда ей было уже за семьдесят. В записной книжке 1966 года упоминается идея романа «Убийство с помощью цианида», которая не получила развития, однако его предполагавшееся место действия — тур, устроенный Национальным трестом,[407] использовано в «Немезиде». В этом проявлялась разумная бережливость Агаты, которая мирно уживалась в ней с безрассудством, позволявшим

путешествовать по миру первым классом и оставаться владелицей роскошного Гринвея даже тогда, когда над ней нависала необходимость выплатить тысячи фунтов налогов задним числом. Благоразумие досталось ей в наследство — или было перенято — от таких женщин, как бабушка Маргарет Миллер, чьим характером Агата наделила Люси Айлсбарроу, выпускницу Оксфорда, которая не гнушается должностью экономки и в качестве таковой не дает пропасть даже оставшейся от вчерашнего ужина картошке, используя ее для приготовления испанского омлета. Агата не позволяла себе расточительства в отношении идей. Однажды шутник Сесил Дэй-Льюис (некогда тоже писатель-детективщик) спросил ее, не продаст ли она ему несколько из «семнадцати сюжетов», которые, по его убеждению, наверняка имелись у нее в загашнике. «Разумеется, нет! — ответила она ему в том же шутливом тоне. — Я собираюсь воплотить их сама».

Агата не нуждалась в подаренных идеях — хотя в двух случаях все же использовала их, — потому что черпала собственные идеи отовсюду. Например «Берег удачи» является, в сущности, воплощением замысла другой книги, прошедшего многочисленные трансформации: этот замысел зафиксирован в ее записях по меньшей мере за двадцать лет до того, как «Берег удачи» был написан, — тогда он обозначался просто именем героя одноименной поэмы Теннисона «Енох Арден».[408] Любая мелочь — цитата, фраза — могла стать зацепкой, из которой рождался сюжет. Среди записей 1937 года есть такие: «A. Роза без шипов» или «D. Я боюсь быть повешенным», которые использованы в «Печальном кипарисе» и «По направлению к нулю» соответственно. «H …старая дама в поезде??» — эта пометка, вероятно, дала импульс роману «Убить легко». Как видим, одна-единственная страничка записей вмещает зародыши трех книг. Записи изобилуют и фрагментами диалогов, они служили соединительной тканью ее построений, как, например, эти, касающиеся «Занавеса»:

> «Г[астингс] в Стайлсе услышал о П[уаро]. Его артрит — из Египта…
>
> — Я здесь, потому что будет совершено преступление.
>
> — Вы собираетесь его предотвратить?
>
> — Нет, этого я сделать не могу… Оно все равно произойдет, потому что лицо, которое его задумало, не сжалится. Послушайте…
>
> Г. ошеломлен».

До определенного момента в процессе обдумывания сюжета Агата сама могла не знать, кто окажется убийцей. Например, она уже придумала большую часть сюжета «Кривого домишки», когда поняла наконец, на кого следует указать пальцем. Появился здесь также ее старый приятель — «безногий мужчина»:

> «Может, это сделал Лоренс?.. Он калека, действительно безногий — вот почему всегда разный рост. Лучше — для „Кармана, полного ржи“… брат, возвращающийся из заграницы.
>
> Или это будет Клеменси?..
>
> Доркас? Нет. Клеменси — да. Ее мотив. Фанатичная… немного не все дома.
>
> Эдит? Да, возможно…
>
> Эмма? Да. Это интересно…»[409]

То же и с «Хикори-дикори»: «Хикори-роуд… Кто убил? И почему?» Потом, когда жертва определилась: «Почему С. должна умереть? Что ей известно?» Заметки, касающиеся «Причуды мертвеца», еще более неопределенны: «Кто кого хочет убить?» Относительно романа «Миссис Макгинти с жизнью рассталась» у Агаты был общий замысел, но опять-таки не было преступника:

> «Вероятности. Это сделал муж Морин. Его жена — дочь И. К… У молодой женщины — дочери И. К. — есть преимущество перед Робином Апуордом в мотивировке убийства миссис Макгинти… говорит, что та ее шантажировала… Мод — ребенок Лайли Гэмболл или Крейга… Как быть с Мод?»

Под названием «Раз, два, три, туфлю застегни» она просто написала: «Кто? Почему? Когда? Как? Где?»

Равным образом Агата никогда не знала заранее, кого из своих детективов будет использовать в книге, и довольно часто заменяла мисс Марпл на Пуаро: это, кстати, опровергает расхожее мнение, будто со временем Пуаро стал ее раздражать. Безусловно, его было легче использовать, поскольку как профессионального детектива его можно было просто позвать расследовать преступление, между тем как для мисс Марпл нужно было придумывать предлог, и изначальный замысел «Кошки среди голубей», предполагавший, что у нее оказывается родственница в женской школе, где происходит действие романа, выглядел явно надуманным. В «Смерти на Ниле» поначалу тоже должна была действовать мисс Марпл, но эта книга претерпела решительную метаморфозу по сравнению с исходным замыслом и в конце

концов превратилась в «Свидание со смертью».[410] «Вилла „Белый конь“», в которой вообще нет сыщика, сначала замышлялась как история с участием мисс Марпл.

Время от времени Агата меняла и названия. Альтернативой «Лощине» были «Трагические выходные» и «Путешествие вспять». Попутно некоторые персонажи меняли имена. Жако Аргайл из «Горя невинным» изначально был Альбертом; Руби из «Трупа в библиотеке» — Квини; судья Уоргрейв из «И никого не стало» — мистером Джастисом Суиттенхамом; мисс Аранделл из «Немого свидетеля» — мисс Вестмакотт. В первоначальном сюжете «Убийства на Ниле»/«Свидания со смертью» появлялась даже «миссис Пупер», «никчемная романистка», превратившаяся впоследствии в Саломею Оттенбурн.

«Я не могу начать писать, пока не придумаю подходящих имен», — признавалась Агата Эдмунду Корку, и надо признать, что одним из ее второстепенных талантов был талант находить нужные имена и точные названия. Ник Бакли, Элинор Карлисли, Кэролайн Крейл, Люси Ангкателл, Бесс Седжвик, Фрэнклин Кларк, Алистер Блант, Бойд Каррингтон, сэр Стаффорд Най, Рэтчетт, Блор — восхитительные для английского уха имена: «вкусные» и в то же время лишенные нарочитости. Агата крайне редко использовала имена знакомых — хотя охотно вставляла в свои книги девонские топонимы, например, Лускомб, Кристоу, — однако инспектор Нил представляет собой знаменательное исключение.[411] Он ведет расследование в «Кармане, полном ржи» и «Третьей девушке». Это, впрочем, прошло незамеченным, а вот в другом случае некто месье Николети, живший во Франции, обвинил Агату в том, что она изобразила его мать пьянствующей и агрессивной миссис Николети в романе «Хикори-дикори». («Я придумала фамилию Николети! Как ужасно, что придуманный тобой персонаж может совпасть с реальным лицом. И определенно небезопасно!»)

Даже банальные на первый взгляд названия весомо утверждают Агату в позиции автора именно детективных романов: «Убийство в Восточном экспрессе», «Смерть лорда Эджвера», «Смерть на Ниле». Но название «По направлению к нулю» придумано очень искусно и отнюдь не прямолинейно, так же как «Немой свидетель», «Зло под солнцем», «Объявлено убийство», «День поминовения», «Горе невинным» и «Немезида» (при издании в Америке оригинальные заголовки часто заменялись, причем неизменно на худшие). Как известно, многие названия ее романов являются цитатами из Шекспира, Теннисона, Блейка и Книги откровений. Или из детских стишков — удачная находка, которую Агата широко эксплуатировала, поскольку та

отвечала желанию читателя предвкушать убийство в контексте, противоречащем самой идее преступления: дом викария, деревенский коттедж, роскошный экспресс. Это усиливало интерес, но одновременно имело и зловещий оттенок, поскольку подразумевало — в случае с одной ее книгой буквально, — что зло таится в мире детства.

Это было просто и изобретательно: умно в своей простоте. В этом Агата была большой мастерицей и этим отличалась от таких своих современников, как Дороти Сэйерс, которая тоже была изобретательна, но в другой, сложной и нарочитой манере. Сэйерс никогда бы не придумала убийцу, притворяющегося серийным только для того, чтобы спрятать среди других одно-единственное, то самое убийство; или убийцу, который, играя в бридж, специально объявляет конкретную масть, чтобы отвлечь внимание от преступления. Удачный ход, подобный этим, сбивает с толку — ведь все кажется таким простым, и в этом суть искусства Агаты. У Сэйерс есть свои удачные ходы — человек страдает гемофилией, вследствие чего время его смерти определяют неправильно; организм человека приучен к мышьяку, поэтому он спокойно обедает со своей жертвой… — но они представлены читателю в совершенно иной манере, здесь все же видно, *как* писатель это делает. Агата же со своей безыскусной на первый взгляд простотой стоит особняком. Достигается такая «простота» тяжким трудом, как видно по записным книжкам, но Агата твердо знает, что игра стоит свеч. Конечный «продукт» должен быть безупречен. Геометрия сооружения должна быть такова, чтобы ее можно было повернуть и так и эдак и чтобы она играла при этом разными гранями, как драгоценный камень на солнце. Здание должно быть построено так, чтобы его можно было без труда разобрать. Тогда все окажется надежно спрятанным от взоров извне.

Из-за этой простоты Агату часто понимают неверно. Отсутствие в ее книгах даже легкого намека на авторское присутствие; отказ от чьего бы то ни было вторжения между читателем и жанром; плотная, без зазора, пригонка художественной среды, в которой существуют ее сюжеты, к реальной жизни — вот особенности, сообщающие ее работам почти неправдоподобную прозрачность. И в то же время, если взглянуть под другим углом, эти же свойства оборачиваются изъянами: недостатком глубины и основательности. Тем не менее она шла на это сознательно, ибо отлично понимала, как следует писать книги, чтобы они были надежно сцеплены с бесконечной неразрешимой потрепанной реальностью. Мэри Вестмакотт исполняла роль почетного персонажа без слов в истории романа

двадцатого века, выбор Агаты Кристи был иным.

Среди авторов «классического» детектива — Дороти Сэйерс, Марджери Аллингем, Найо Марш — Агата Кристи была единственной, кто не позволял себе вторгаться в собственные книги. Найо Марш, например, более интересовал театр, нежели детективная проза, и она не колеблясь демонстрировала это во многих своих романах. Книги Дороти Л. Сэйерс изобилуют знаниями в самых разных сферах, знаниями, которые принадлежат ей самой, чем она явно гордится: в науке об отливке колоколов и искусстве колокольного звона («Почерк убийцы»), в рекламной индустрии («Смерть по объявлению»), в академической жизни («Вечер выпускников»)… Это может восхищать или раздражать, в зависимости от вкуса, но одно очевидно: автор — образованная женщина, которая развлекается тем, что пишет в детективном жанре, между тем как могла бы (впоследствии так и было)[412] делать нечто требующее более серьезных художественных усилий. Агата тоже умела многое другое, но никогда не чувствовала потребности даже намекнуть на это в своих детективных сочинениях: она строго держалась в рамках жанра, к которому никогда не относилась свысока.

Равным образом она не придумывала сыщиков, которые были бы чем-то иным, кроме как функцией жанра. Эркюль Пуаро обладает удивительной художественной достоверностью, но и он является всего лишь — и только — детективом: всеведущий ум, dues ex machina, воплощение объективной истины. В силу профессии он живет отстраненно от жизни (о чем лишь однажды, как следует из текста «Подвигов Геракла», пожалел — после того как прочел первые строки Гомеровой «Одиссеи»: «Неужели существовало… существует, нечто, чего он лишен? Некое богатство духа? Его охватила печаль»). Мисс Марпл тоже живет в стороне от реального мира. Она по сути своего характера — наблюдатель, хотя и играет некую узнаваемую общественную роль, чего нельзя сказать о Пуаро.

Другие сыщики из классической детективной литературы отчуждены не столько от действительности, сколько от жанра, в рамках которого обитают. Все они поражают окружающих своими умениями — в отличие от Пуаро, который абсолютно естествен. Кэмпион из романов Марджери Аллингем и Аллейн из романов Найо Марш — истинные джентльмены, выбивающиеся из жанровых канонов в силу принадлежности к высокому сословию, а также — в случае Аллейна — благодаря энциклопедическому знанию Шекспира и неотразимой мужской притягательности (такого полицейского никто в жизни не видел). Лорд Питер

Уимзи тоже джентльмен, но сверх того ученый, выпускник Бейллиол-колледжа,[413] герой войны, законодатель моды, поборник женского равноправия и в высшей степени искусный любовник. В середине своей карьеры Сэйерс наделят его страстью к Гарриет Вэйн, женщине независимых взглядов, которая пишет детективы. Это, конечно, вариация на тему автора, хотя есть здесь и интрига — подсознательный (?) намек на Агату. В «Сильном яде» Гарриет обвиняют в убийстве любовника, затем триумфально оправдывают, но ее репутация все равно на много лет оказывается испорченной. Пока идет суд, один из персонажей романа говорит: «Акции этой несчастной женщины стремительно растут», а другой замечает, что «вся эта катавасия — не что иное, как рекламный трюк, вышедший из-под контроля». Находиться под следствием по обвинению, грозящему высшей мерой, не то же самое, что исчезнуть на одиннадцать дней, но в обоих случаях женщины невиновны по главному пункту предъявленных им обвинений, хотя менее существенные грехи за ними, безусловно, водятся. Кое-что из жизни Агаты периода 1926 года угадывается и в романе «Чей труп», где описана жизнь Гарриет Вэйн после ее оправдания: в этой книге она представлена как «раздавленная и ожесточенная», напрягающаяся каждый раз, когда приходится называть свое имя. В то же время никогда еще она не была так успешна: «Детективы Гарриет Вэйн шли нарасхват».

Уимзи, который влюбляется в Гарриет Вэйн, несмотря на скандал, — мужской идеал самой Дороти Л. Сэйерс (поэтому его увлечение героиней вызвало большое веселье среди коллег Сэйерс по Детективному клубу); писательница наделяет его всеми качествами, которыми она восхищается в мужчинах. Она использует его также как символ собственных литературных амбиций, далеко выходя за рамки жанра. Уимзи — личность куда более глубокая и чувствительная, нежели требуется от героя детективной литературы. Таков же и Адам Дэлглиш у Филис Дороти Джеймс — фигура весьма романтичная, наделенная трагическим прошлым и поэтическим даром. Таков и инспектор Вексфорд у Рут Ренделл — либерал с широкими взглядами, сложной личной жизнью и глубокой любовью к английской литературе. Все они слишком хороши, чтобы быть детективами, все слишком хороши для детективного жанра, все — кроме Пуаро. Он один счастлив в своем мире.

Такова была и его создательница. И дело не в том, что Агате недоставало честолюбия: просто срабатывала интуиция. Она всегда могла больше, чем делала, но не хотела привлекать внимание к этому факту. По причинам как личным, так и профессиональным ей нравилось держаться в рамках жанра.

Создавая сложные характеры — такие как Генриетта Савернейк в «Лощине» или Крейлы в «Пяти поросятах», — Агата не позволяла им затенять сияющую простоту композиции, когда прикасалась к сложным темам — таким как природа правосудия в «Убийстве в Восточном экспрессе», — никогда не эксплуатировала их вне свойственной им геометрии.

Чаще всего такие книги пишут (и читают) женщины, но Агата, несмотря на светский антураж своих произведений, изобилие бытовых подробностей и нежелание описывать физическое насилие, была, быть может, наименее женской писательницей из всех работавших в области классического детектива. Обычно считается, что женщины — авторы детективной литературы используют этот жанр, потому что он фантастичен и безопасен. Он позволяет им весьма далеко зайти в размышлениях о смерти, сексе и темных сторонах жизни, а потом благополучно осадить назад; он позволяет им исследовать человеческие взаимоотношения скорее в рамках некой системы координат, модели, нежели на необозримых просторах, которые открывает обычная литература; он позволяет им создать идеализированный образ детектива, образ, который они вольны расцвечивать любыми характеристиками по своему выбору. И если они преступают пределы жанра, то ровно настолько, насколько сами того желают, комфортабельно сознавая, что в конце сюжет все равно благополучно вернется в свою литературную матрицу. Какой бы глубиной ни было наделено детективное сочинение, оно никогда не обретет той силы, какую может иметь обыкновенный роман: оно всегда будет сковано правилами собственного мира. В этом удовольствие, которое доставляет жанр и писателю, и читателю; в этом же и его ограниченность.

Агата действовала как в соответствии с его установлениями, так и вопреки им. Она приняла и освоила его обезличенную структуру, потому что не желала походить на Дороти Сэйерс, чтобы не оказаться уязвимой и даже смешной, выставляя напоказ избыток знаний и свои неудовлетворенные страсти. Если Агата и открывалась, то делала это либо под другим именем, либо в пределах строго ограниченной и контролируемой среды: неприступного мира «Агаты Кристи».

В 1966 году Фрэнсис Уиндэм написал в «Санди таймс»: «Агата Кристи олицетворяет „уютную“ школу детективной прозы». Вся классическая детективная литература до определенной степени «уютна», но нет никаких сомнений, что именно Агата стала символом жанра. Она подтвердила это, написав роман, название которого близко к ироническому, —

«Труп в библиотеке». И сама по себе она, безусловно, была тайной. Хотя случилось это и не по ее воле, но история исчезновения Агаты в 1926 году закрепила в общественном мнении образ женщины, за улыбчивым фасадом скрывающей непроницаемые глубины.

Так оно, в сущности, и было. Образ Агаты стал синонимичен тому, что она писала. «Агата Кристи» — таково персонифицированное определение классической английской детективной литературы: респектабельная маска, за которой скрывается буря чувств и событий. «При том, что миссис Кристи выглядит и одевается как благополучная провинциальная матрона, самым страшным испытанием в жизни которой был ураган, сорвавший выставку цветов, на самом деле она постоянно совершает тайные убийства», — писала «Дейли экспресс» в 1950 году. Именно такое представление о себе Агата и хотела создать, потому что оно надежно защищало ее от всяческих пересудов. Но этот образ обрел гораздо большую значимость. В конце концов он стал символизировать идею английского убийства.

> «Реймонд Уэст отмахнулся от разговора об убийстве сигаретой.
>
> — Убийство — это такая банальность, — сказал он. — Мне оно совершенно неинтересно.
>
> Смысл этого высказывания не сразу дошел до меня. Говорят, мир любит того, кто любит; подставь вместо „того, кто любит“ „того, кто убивает“ — и получится еще более непогрешимая истина».

Так писала Агата Кристи в «Убийстве в доме викария», опубликованном в 1930 году, через пять лет после того времени, которое Джордж Оруэлл обозначил как золотую эру убийства. «Наш елизаветинский период» — сухо назвал он его в эссе «Закат английского убийства».[414] По его словам, расцвет английского убийства пришелся на годы с 1850 по 1925-й — это период, включивший в себя такие дела, как дело Констанс Кент, Чарлза Браво, Маделин Смит, Фредерика Седдона, Хаули Харви Криппена, Джорджа Джозефа Смита, Герберта Армстронга и Томпсон — Байуотерса.

Магическим взглядом художника Оруэлл видел в этих убийствах извращенный символ «средней Англии», непреодолимый парадокс, ибо акт предельного беспорядка использовался здесь как средство поддержания status quo: например, убийство, совершенное ради того, чтобы добыть деньги, необходимые для поддержания уровня жизни, какой преступник имел до убийства. Убийство в корыстных целях —

любимый мотив Агаты Кристи. Однако, так же как и Оруэлла, Агату интересовало и понятие преступной страсти, ставящее человека в тупиковую ситуацию, самым легким выходом из которой оказывается убийство. Мотив — желание сохранить видимость, будто ничего не произошло; по словам Оруэлла — чтобы «не утратить социальный статус из-за какого-нибудь скандала, например развода».

Криппен — образец оруэллианского убийцы. Женатый на похотливой ведьме, он влюбился в свою тихую и добропорядочную секретаршу Этель Ле-Нев, но в 1909 году развестись с супругом (супругой), решительно настроенным не давать развода, было почти невозможно. И Криппен выбрал другой путь. Закопав труп жены в подвале, он говорил друзьям, что она отправилась путешествовать в Америку и что он, разумеется, передаст ей их приветы. Потом он начал строить планы полной блаженства жизни с мисс Ле-Нев. Это было убийство из разряда тех, в котором в 1926 году подозревали Арчи Кристи; кстати, как следует из «Неоконченного портрета», был период, когда Агата сама боялась, что он действительно может его совершить.

Дело Томпсон — Байуотерса возникло по аналогичной причине. Эдит Томпсон, чьего мужа в 1922 году заколол ее молодой любовник, не была непосредственно причастна к убийству, но, разумеется, была виновна в том, что хотела сохранить респектабельный стиль жизни, продолжая в то же время и романтическую связь: неразрешимая коллизия, которая в конце концов и привела Байуотерса к преступлению на почве страсти. Но даже если бы ее мужа можно было склонить к разводу — против которого он на самом деле, как и Кора Криппен, был настроен категорически, — миссис Томпсон не смогла бы уйти от него, не потеряв репутацию, работу и, хотя она и зарабатывала больше мужа, свою уютную эдвардианскую виллу в престижном тогда пригороде Илфорд. У нее не было выбора, поскольку развод в любом случае оказывался чреват массой осложнений: она слишком многое теряла. В то же время — такова уж человеческая натура — она не была готова отказаться от любовника. Для тех, кто желал, согласно расхожей фразе, «иметь все», убийство часто являлось простым и единственным выходом.

«Видите ли, он так хотел жениться на этой девушке. Она очень порядочна, как и он. Но кроме того, он был предан своим детям и не хотел их терять. Ему нужно было все — его дом, его дети, его уважаемое положение в обществе и Элси. И ценой, которую ему пришлось заплатить за это, оказалось убийство», — говорит мисс Марпл в «Каникулах в Лимстоке». Этот пассаж

можно с полным основанием назвать «священным текстом английского убийства».

В основе всего лежит желание обывателя выглядеть благопристойно — отсюда Криппен, стоящий на пороге своего дома на Хиллдроп-Кресент, раскланивающийся с соседями и вежливо беседующий о жене, чье тело лежит в нескольких футах от него. «Главный интерес и в немалой степени ужас чудовищного преступления заключается не в том, что является отклонением от нормы, а в том, что совершенно нормально», — писал Филсон Янг в книге «Знаменитые судебные процессы» в очерке о Криппене. Именно это притягивало и Агату — то самое описанное Оруэллом напряжение между жизнью, которая внешне продолжается как прежде, и невидимым жутким разладом внутри ее. Джордж Джозеф Смит, стоящий перед алтарем с очередной женой, счастливо улыбающийся и представляющий себе при этом, как он дергает ее, лежащую в ванне, за ноги и как голова ее уходит под воду; Герберт Армстронг, с самодовольным видом разгуливающий по улицам Уайя, приветствующий местного адвоката и нащупывающий в кармане пакетик с цианидом. Вот что называется «уютным» убийством — отстраненность от смерти путем превращения ее в рассказ, где она рядится в разные одежды и шляпы; сосредоточенность на обыденном, чтобы острее дать почувствовать тот единственный необычный и непривычный миг среди дня, который оборачивается маленькой непроницаемо-черной тайной. Ребячество своего рода, конечно; сказки братьев Гримм для взрослых. Реальная смерть, реальное убийство — это не английское убийство, ибо в нем реальная грязь, мерзость и подлинное горе. Мы это знаем. Но английское убийство неотразимо притягательно, потому что оно литература, история, рассказ, написанный в соответствии с общепринятыми правилами поведения, совершенный во всех отношениях, кроме одного, и открыто выставляющий на обозрение движения человеческой души.

В сердце английского убийства всегда мотив. Это деньги, или страсть или страх, это превращение обычного в крайность. И именно это интересовало Агату. Убийство без узнаваемого мотива, без человеческого мотива, без заурядного мотива для нее — ничто.

Отсюда ее одержимость делом кройдонских убийц (члены семьи Дафф на кухне: кто-то выходит, кто-то входит, разговоры о повседневных делах… но один из них уже тайно настроился на убийство) и позднее — нераскрытым делом Браво, о котором она написала Фрэнсису Уиндэму письмо, опубликованное в журнале «Санди таймс» в 1968 году: «Я-то лично думаю, что Чарлза Браво

убил доктор Галли». Были еще две подозреваемые — жена Флоренс и компаньонка миссис Кокс. Возможность совершить убийство имели все трое. Но Агата размышляет над более интересным аспектом человеческой природы: «Я всегда чувствовала, что он [Галли] — единственный, у кого был действительно существенный мотив и кто лучше всех подходил на роль убийцы: исключительно компетентный, успешный и всегда вне подозрений». Вероятность того, что убийство совершила Флоренс Браво, Агата отметает, поскольку у Флоренс «всегда была куча денег» и, следовательно, никакого мотива. «Она всегда была хозяйкой положения». Миссис Кокс — «очевидная подозреваемая… на первый взгляд. Но если присмотреться получше, становится очевиден ее робкий, рассудительный и осторожный характер».

«Коллизия, лежащая в основе дела Браво, одной из действующих лиц которого является вдова, состоящая в связи с врачом», встречается в одной из записей Агаты, но она не развила ее. Тем не менее она имела в виду и дело кройдонских убийц, и дело Браво, когда задумывала «Горе невинным» — историю семьи, растревоженной, когда дело об убийстве, считавшееся раскрытым, начинают расследовать заново и все члены семьи вынуждены задуматься, кто же из них мог на самом деле убить Рейчел Аргайл, добропорядочную жену и мать четверых усыновленных детей.

> «Знаете, это напоминает мне дело Браво… теперь уже никто не сможет узнать правду. Между тем Флоренс Браво, отвергнутая семьей, спилась и умерла в одиночестве, а миссис Кокс, подвергнутая остракизму вместе с тремя своими малолетними сыновьями, до самой старости знала, что большинство людей считают ее убийцей. Жизнь доктора Галли была загублена как в профессиональном, так и в общественном смысле… Кто-то из них виновен и сумел избежать наказания. Но остальные двое невиновны и поплатились зря».

Упоминает Агата и дело Криппена — впрямую, но вскользь — в одном из рассказов сборника «Подвиги Геракла»: «Мне всегда хотелось знать, была ли Этель Ле-Нев с ним там или нет».[415] Вероятно, ответ на этот вопрос содержится в романе «Миссис Макгинти с жизнью рассталась». Миссис Макгинти убита потому, что узнала кого-то из своей деревни на фотографии в газетной рубрике «Где они теперь?», в заметке, рассказывавшей о четырех женщинах-убийцах. Одно из упоминавшихся в заметке дел явно основывалось на деле Криппена и Ле-Нев. Крейг убивает жену,

его приговаривают к повешению, но он ни разу за все время суда не выдает свою любовницу, Еву Кейн, хотя из текста явствует, что именно она вдохновила его на убийство.

В «Кривом домишке» слышатся отголоски дела Томпсон — Байуотерса: актриса Магда Леонидис собирается играть роль Эдит Томпсон в новой пьесе. Об этом вскользь упоминается несколько раз. А когда обнаруживается спрятанная пачка любовных писем Бренды, молодой жены жертвы, у любого читателя, знакомого с делом Томпсон — Байуотерса, немедленно возникает аллюзия: Эдит Томпсон была осуждена за подстрекательство к убийству почти исключительно на основании ее писем к Фредерику Байуотерсу.

> «Я думал о выражении отчаянного ужаса на лице Бренды. Это выражение казалось мне знакомым, и я вдруг понял откуда. Это было то самое выражение, какое я видел на лице Магды Леонидис в первый день по приезде в Кривой домишко, когда она говорила о роли Эдит Томпсон. „И потом — это же настоящий ужас, — сказала она. — Вам так не кажется?“»

В детективном романе Дороти Л. Сэйерс «Следственные документы» тоже имеется реминисценция дела Томпсон — Байуотерса; один из персонажей произносит там следующую краткую речь:

> «Пригороды — единственное оставшееся место, где мужчины и женщины подвергаются гонениям и умирают из-за того, во что верят… Благослови, Господь, жителей пригородов — они еще хоть во что-то верят. Верят в Респектабельность. Они лгут, умирают, совершают убийства, чтобы сохранить видимость благополучия. Посмотрите на Криппена. Посмотрите на Байуотерса. Посмотрите на человека, который прятал тело жены в ванне и при этом ел на положенной сверху доске, — все из страха, что кто-нибудь заподозрит скандал. Боже милостивый!»

Идея английского убийства не так уж поверхностна. Оно ведь не просто «уютное», оно — следствие поклонения строгому порядку во Вселенной, и если совершается акт, чудовищно этот порядок нарушающий, то вся надежда на то, чтобы сохранить это втайне. Отсюда и пристальное внимание к людям. Люди — это не только их эмоции, это и взаимодействие между их внутренним и внешним «я». Сущность именно этого взаимодействия и извлекает

из жизни английское убийство. Ее извлекает Агата Кристи.

Придумывание головоломок было ее «коньком». Мозги ее были устроены так, что выхватывали из жизни любой потенциальный сюжет. Обладала она и концептуальной смелостью, позволявшей ей придумывать непредсказуемые развязки, когда преступником оказывался вовсе не один из вероятных подозреваемых, как почти всегда бывает в других детективных романах. У нее развязка — вопрос нахождения виновного не просто среди многих невинных, у Агаты виновным может оказаться любой, или никто, или ребенок, или очевидная жертва. Сюрприз состоит не в том, «кто это сделал», но в удивительных вероятностях, таящихся в самой идее разгадки.

Из-за легкости ее письма — которая, однако, весьма нелегко ей давалась — и необыкновенной ясности изложения Агату Кристи нередко рассматривали скорее как умелую ремесленницу, нежели писательницу. Она сама употребляет это определение в «Автобиографии». Когда в 1956 году ее наградили орденом Британской империи второй степени («Титул Дамы Британской империи — минимум того, что она заслуживает!» — писал Эдмунд Корк), она пошутила: «Ну вот, приподняли простушку!» Но это лишь еще один пример ее притворства, демонстрация того образа, который она предъявляла публике и который решительно противоречил уверенной гордости за свою работу, явно проступавшей в ее переписке со своим литературным агентом. «Я вам не цирковая собачка, — писала она в 1966 году. — Я писатель».[416]

Но многие смотрели на нее именно как на «цирковую собачку». «Агата Кристи сочиняет одушевленную алгебру, — писал Фрэнсис Уиндэм в своем, по сути восторженном и тонком, эссе 1966 года. — [Она] держит дистанцию, соблюдая правила ремесла, которые сама же установила и которые редко нарушает. Эта, самая ходкая из ее книг отвлеченна, загадочна, логична и абсолютно безжалостна». Другие критики высказывали ту же мысль, но в менее лестных выражениях. «Кому какая разница, кто убил Роджера Экройда?» — знаменитый вопрос, поставленный Эдмундом Уилсоном в 1944 году в эссе, где он препарировал жанр как таковой и, по словам колумниста «Таймс» Бернарда Левина (1977), «не нашел ни одной книги, достойной того, чтобы умный взрослый человек тратил на нее время. Ибо они не более чем словесный эквивалент тех стальных головоломок, в которых два фрагмента изогнутого металла кажутся неразъемными до тех пор, пока вы не повернете их определенным образом… и тогда они распадаются сами, без дальнейших усилий». Агата Кристи,

писал Левин, была лучшей, но такая похвала почти ничего не значила. Он согласился бы с так называемым другом Агаты Робертом Грейвзом (который на самом деле предпочитал общество Макса Мэллоуэна), в лицо хвалившим ее книги, а за глаза утверждавшим, что «ее английский язык — это язык девочек-школьниц, ее сюжеты большей частью искусственны, а подробности — фальшивы».[417]

В 1958 году Реймонд Чандлер писал французскому критику Роберу Кампини: «Мне очень трудно поверить, что миссис Кристи сбивает своих читателей с толку, не прибегая к обману. Не вернее ли сказать, что она преподносит сюрпризы скорее тем, что разрушает портрет персонажа, который до определенного момента рисовала красками, совершенно несхожими с теми, которые использует в конце?» Чандлер был раздражен романом Агаты Кристи «И никого не стало», который ему рекомендовали как «идеальный детектив» и который показался ему полным несуразностей.

> «Я очень рад, что прочел эту книгу, потому что она позволила мне наконец навсегда решить для себя вопрос, который долго вызывал у меня сомнения [писал он другу в 1940 году]: возможно ли написать безоговорочно честный детектив классического образца? Невозможно. Чтобы затемнить дело, приходится подделывать ключи к разгадке, манипулировать хронологией, играть в совпадения, принимать за бесспорное то, что вероятно в лучшем случае лишь на пятьдесят процентов. Чтобы нельзя было заранее угадать личность убийцы, автор вынужден фальсифицировать характер персонажа, что задевает меня больше всего, потому что у меня есть чутье на характер…»

С тех пор и другие писатели детективного жанра начали отзываться об Агате в том же духе. По словам Джулиана Саймонза, она писала «скорее загадки, чем книги». Г. Р. Ф. Китинг сказал о ней: «Она никогда не старалась демонстрировать талант в своих сочинениях — лишь изобретательность в сюжетах». Даже восхищение, как видим, высказывалось не без оговорок. Но в 1992 году критика стала злобной, что явилось отражением распространившегося взгляда, будто Агата Кристи безнадежно устарела: в программе «Я обвиняю» Четвертого канала телевидения было высказано мнение, что Агата Кристи убила жанр — ни больше ни меньше. Она «была убийцей, и ее жертва — английский детективный роман», как выразился писатель Майкл Дибдин.

> «Ее целью было одурачить читателя, и, чтобы достичь ее, она жертвовала всем. Все сюжеты романов Кристи по сути своей одинаковы: несовместимое сборище людей в каком-нибудь захолустье, где происходит убийство. Все ее персонажи — обобщенные типы. У нее начисто отсутствуют психологически сложные характеры. Они лишены какой бы то ни было эмоциональной глубины. Ее книги всегда искусственно отвлеченны, она игнорировала любые проблемы, с которыми сталкивалось общество».

Дибдин продолжает список обвинений, упрекая Агату Кристи в снобизме и ксенофобии, — эти упреки выдвигались довольно часто. В той же программе Рут Ренделл сказала: «Читая ее книгу, я не ощущаю, что у меня в руках — литературное произведение, заслуживающее такого названия. Когда речь идет о смерти, я жду шока, ужаса и боли, но боли и страсти в романах Агаты Кристи нет».

Не приходится сомневаться, что взгляд у Агаты действительно был холодным. «Сюжет с краснухой», который мы находим в ее записных книжках, имел реальное соответствие в жизни: ей поведал его фармацевт, с которым она работала во время Второй мировой войны и чья дочь ослепла в результате перенесенной краснухи. Агата была чрезвычайно добра к девочке и подарила ей одного из манчестерских терьеров Розалинды, но в то же время в голове ее уже тикала мысль, из которой впоследствии родился роман «И, треснув, зеркало звенит». Эту книгу — в которой у матери, переболевшей краснухой, ребенок рождается слабоумным, — американские издатели очень неохотно приняли к публикации, поскольку считали такой поворот потенциально оскорбительным.[418] «Для женских журналов книга неприемлема», — писал Эдмунд Корк, оценивая перспективу рынка периодики. Но это не остановило Агату, она все равно написала книгу. «В этом смысле она была упрямой старой дамой, — сказала Ф. Д. Джеймс.[419] — И наверное, единственной писательницей, в книгах которой есть убийца-ребенок и которую нисколько не смущало убийство ребенка как сюжетный ход. Большинство из нас не решились бы на такое. А она решилась. У Агаты Кристи любой может оказаться убитым, и оказывается».

Взгляд Ф. Д. Джеймс на творчество Агаты Кристи отличается от взгляда подавляющей части братства — или сестринства — писателей-детективщиков, хотя и ей сюжеты Агаты зачастую кажутся абсурдными. «Мне особенно нравится — с точки зрения

неправдоподобия — „Труп в библиотеке“. Здесь сначала нас хотят заставить поверить, что именно танцовщицу-блондинку желали убрать с дороги (а ведь легко можно было убить старика, положив ему подушку на голову)… А потом предлагается невероятный сюжет с похищением девочки-скаута, совсем на нее не похожей… Это невозможно хотя бы по времени. Любая женщина знает: чтобы покрасить брюнетку в блондинку, нужно сначала обесцветить волосы, на что требуется несколько часов и немалое умение. Патологоанатом с первого взгляда на иные участки волосяного покрова догадался бы, что жертва не натуральная блондинка! Но разумеется, никакого патологоанатома нет… Однако все это не имеет значения, потому что мы находимся в Кристиленде. Мы имеем дело не с привычной реальностью. Мы имеем дело с иной формой реальности».

В этом, конечно, и дело; причем дело более тонкое, чем представляется. Понятие «Кристиленд» слишком часто толкуют самым что ни на есть банальным образом, не как художественное построение, а как театральную декорацию. Агата Кристи навечно застыла в образе участницы чаепития в доме сельского викария, втыкающей вилку в свой тминный кекс в тот самый момент, когда жена банковского управляющего задыхается, отведав сандвич со стрихнином. Мир несется вокруг нее, а она остается в 1932 году — в том времени, когда служанки страдали увеличенными аденоидами, дамы никогда не показывали своих чувств на людях и евреев, черт бы их побрал, приходилось приглашать к себе погостить на выходные.

Критика, прозвучавшая в передаче «Я обвиняю», не совсем безосновательна. Идеи, которые свободно витают в книгах Мэри Вестмакотт, в детективных сочинениях обстрижены до диктуемых жанром потребностей. Если в «Розе и тисе» тема сословий исследуется открытым пытливым умом, то в детективных романах автор являет нам то, что теперь не задумываясь назвали бы снобизмом. В «Трупе в библиотеке», например, богатый старик начинает покровительствовать молодой гостиничной танцовщице за несколько недель до ее убийства, к превеликому ужасу членов его семьи, для которых эта девушка — «обычная охотница за богатством». Когда ее находят мертвой, на ней старое платье, из чего мисс Марпл делает вывод, что она не готовилась к свиданию, иначе оделась бы во что-нибудь новое. «Хорошо воспитанная девушка, — говорит она, — всегда очень тщательно следит за тем, чтобы быть одетой сообразно случаю. Я имею в виду, что, каким бы жарким ни был день, хорошо воспитанная девушка не появится в важный момент в шелковом цветастом платье. [Но] Руби, конечно, не была — как бы это выразиться — Руби не была

леди. Она принадлежала к тому сословию, где принято надевать свою лучшую одежду, какой бы неуместной она ни была в данной ситуации».

В жизни Агата, быть может, действительно была немного склонна к снобизму — это подтвердили бы даже любившие ее люди, но ее снобизм не был оскорбительным и она вполне могла проникнуться чувствами тех, кто, как рабочий Майкл из «Ночной тьмы», видит жизнь с другой стороны. Однако она выросла с определенными понятиями о социальной иерархии и предпочитала их придерживаться («Как трудно жить без слуг!» — писала она в 1950-х). Как бы ни любила она Шарлотту Фишер и Эдмунда Корка, в известном смысле она относилась к ним как к обслуге.

Более серьезны зачастую выдвигаемые против нее обвинения в ксенофобии, даже расизме. Это последнее основывается главным образом на первоначальном названии романа «И никого не стало», что абсурдно, поскольку в 1938 году «Десять негритят» были всего лишь детской считалкой. Но к 1960-му такое название звучало уже оскорбительно (так же, хотя и несколько меньше, как и предлагавшееся взамен «Десять маленьких индейцев»), и когда в 1966 году пьеса по этой книге ставилась в Бирмингеме, перед театром стояли люди с плакатами, осуждавшими «презрительное отношение к людям с цветной кожей». А вот то, что в книгах Агаты встречаются чрезвычайно неудачные высказывания о чернокожих людях, действительно достойно сожаления. «Я не какой-нибудь чертов ниггер», — говорит пьяный молодой человек в «Смерти лорда Эджвера», а в «Смерти в облаках» молодая супружеская чета приходит к согласию в том, что они «ненавидят громкие голоса, шумные рестораны и негров». В «Хикори-дикори» есть персонаж, «мистер Акибомбо», чья примитивная речь наверняка оскорбила бы современных сенситивистов, хотя у самой Агаты подобных намерений не было («Здесь среди студентов нет чувств подобного рода [расистских], и Салли, разумеется, не такая. Они с мистером Акибомбо часто обедают вместе, а человека чернее его едва ли сыщешь»).

Когда Агата была ребенком, ее отец, Фредерик Миллер, написал рассказ «Дженкинс дает обед». Описывая нью-йоркскую клубную жизнь, он рассказывает об игре, которой забавлялись молодые люди голубых кровей в «Юнион клаб», ставя на число чернокожих, которые пройдут мимо окон за определенный отрезок времени. Игра называлась «Ниггер туда — ниггер сюда».

Иными словами, Агата родилась и выросла в мире, где было принято так думать и так говорить. «Как это, в сущности, глупо!» — ответила она Эдмунду Корку, когда он перед восстановлением

спектакля в 1962 году написал ей: «Помните, что у нас были проблемы с названием». Но написанное Агатой в преклонном возрасте стихотворение «Размышления на расовую тему» доказывает, что случайные проявления предрассудков на самом деле не носили ни существенного, ни устойчивого характера; в этом стихотворении она ведет спор с белым человеком по поводу его «депигментированной гордости».

Впрочем, больше всего неприятностей принесли ей высказывания о евреях. После войны и в издательство «Коллинз», и в выпускавшее ее книги американское издательство «Додд Мид» приходили возмущенные письма, а в 1947 году «Додд Мид» получило официальный протест от Лиги борьбы против диффамации. Эдмунд Корк не посвящал Агату в то, каких масштабов достигла проблема, хотя в 1953 году писал своему американскому коллеге Харолду Оуберу: «Да, уполномочьте „Додд“ во всех последующих книгах всегда опускать слово „еврей“, если оно относится к отрицательному персонажу». В защиту Агаты приводился тот факт, что в вестмакоттовском романе «Хлеб великанов» имеется обаятельный персонаж-еврей Себастиан Левин, обладающий «той удивительной зрелостью взгляда, которая является типично семитским наследием». Двумя годами позже, однако, в «Смерти лорда Эджвера», один из персонажей упомянет «сидящую в своей ложе в „Ковент-Гардене“ (прошу у нее прощения, чернявую) красавицу Рейчел», чей «длинный еврейский нос трепетал от волнения».

В жизни Агата не была убежденной антисемиткой; в отличие от других людей ее сословия она не стала бы наслаждаться посольским гостеприимством фон Риббентропа. В 1933 году она волею судеб повстречалась в Багдаде с нацистом. Директор тамошнего департамента древностей, исключительно воспитанный и образованный человек, играл на фортепьяно, когда кто-то невзначай произнес слово «евреи». Он среагировал мгновенно: «Их следует истребить. Только так можно решить проблему». Агата была шокирована, хотя, как ни удивительно, это не положило конец проявлениям расхожего антисемитизма в ее книгах: в «Лощине» есть шепелявящая «уайтчепелская еврейка с крашеными волосами и голосом как у коростеля». Быть может, это, как ничто другое, доказывает, насколько ничего не значащими являются на самом деле подобные характеристики.

Разумеется, Агата была не единственной, у кого в книгах встречались такие высказывания («Мистер Антуан… на удивление оказался и не евреем, и не латиносом, и не полукровкой из Центральной Европы», — читаем у Дороти Л. Сэйерс в романе «Чей труп?»), но она проигрывает с точки зрения принятого в ее

времена допустимого уровня предрассудков, который, как мы считаем, был ниже теперешнего, хотя на самом деле просто предрассудки были другими. С нынешней точки зрения человек есть сумма его убеждений; Агата могла допускать сомнительные замечания о евреях, чернокожих или слугах, но ей бы никогда в голову не пришло, что по ним могут судить о ее собственном мировоззрении — не более, чем по свободному и «либеральному» изображению ею лесбийской пары в романе «Объявлено убийство». Для нее жизнь была не так проста. Она не выносила того, что теперь назвали бы широко толкуемым термином «политкорректность» — системой взглядов, которая создает глупым людям иллюзию глубокомыслия («Не кажется ли вам, что вы придаете слишком большое значение ярлыкам?» — говорит Хилари Крейвен в романе «Место назначения неизвестно», когда другой персонаж начинает разглагольствовать о коммунизме и фашизме). Агата знала, что человеческая натура всегда в конце концов возьмет верх над идеологией и ложными решениями. Будучи уже в преклонных годах, она сделала попытку голосовать против вхождения Великобритании в Европейское сообщество, полагая, что это никому не нужное и обреченное на провал предприятие; такое мнение многие разделяют и теперь (хотя Макс в свое время убеждал ее изменить его). В «Размышлениях на расовую тему» она писала: «Есть люди, и таких немало, которые думают, что дети с кофейной кожей отвечают всем требованиям». Но ей невыносимо было представлять себе будущее, в котором божественное человеческое сообщество будет приведено в некий иной порядок во имя «прогресса». «О, мир кофейного цвета, ты будешь так скучен!»

Будучи «продуктом» своего происхождения и воспитания, Агата была также и порождением своего времени: она была глубоко вовлечена в события середины двадцатого века. «Агата Кристи» могла закоснеть в своем времени, но сама Агата — нет. Она писала о мире, в котором жила: о подвижности классовых границе «Ночной тьме»; о политическом фанатизме в романах «Раз, два, три, туфлю застегни», «Место назначения неизвестно» и «Часы»; о последствиях войны в «Береге удачи», «В 4.50 из Паддингтона» и «Объявлено убийство»; о социальной инженерии в «Игре зеркал»; о виртуальной реальности в «Отеле „Бертрам“»; о «кафешной» культуре в «Вилле „Белый конь“»; о наркотической субкультуре в «Третьей девушке». Писала она об изменении отношения к смертной казни, о биологической наследственности, природе правосудия, вине и ответственности преступника. Она не привлекала особого внимания к тому, что затрагивает подобные темы, — это было не в ее стиле. И ее мнения большей частью не

совпадали с общепринятыми в те времена. Она прочно вросла корнями в поздневикторианскую эпоху и верила скорее в Бога и человеческий дух, нежели в «идеи».

Например, в «Свидании со смертью» она до некоторой степени углубляется в модное понятие «подсознание». Пылкая молодая докторица считает его чрезвычайно современным, актуальной проблемой, требующей изучения и решения, но ее старшего коллегу не проведешь.

> «В человеческом подсознании заложено столько странного: жажда власти, стремление к жестокости, необузданное желание рвать и кромсать, рудименты нашей былой расовой памяти… Все это — жестокость, дикость и похоть — никуда не ушло, мисс Кинг… Мы закрываем дверь перед всем этим и отказываемся впускать его в свою сознательную жизнь, но иногда оно оказывается сильнее нас».

Он развивает тему, касаясь опасных политических идей, которые возникли в предвоенные годы:

> «Все это мы видим сегодня вокруг себя — в политических пристрастиях, в поведении государств. Отступление от гуманизма, от сострадательности, от братской доброжелательности. Иногда политические кредо звучат очень привлекательно: мудрый режим, милосердное правительство, — но все это навязывается силой и зиждется на жестокости и страхе. Они, эти апостолы насилия, раскрывают двери и впускают древнюю дикость, древнее наслаждение жестокостью ради самой жестокости! О, все это так сложно… Человек весьма хрупко сбалансированное животное. Он и сейчас руководствуется единственным первобытным инстинктом — выжить. Продвигаться вперед слишком быстро так же опасно, как тащиться в хвосте. Человек обязан выжить! Вероятно, для этого он должен отчасти сохранять свою первобытную дикость, но он не должен — нет, определенно не должен — боготворить ее!»

Тогда, в 1938 году, это звучало весьма провидчески. Но поскольку мнение исходило от «Агаты Кристи», никто его так не воспринял. Оно утонуло в общем представлении о ней. Между тем это было одним из моментов, когда сама Агата ненадолго выглядывала из-за своей маски. И таких примеров — большинство из них опять-таки прошли незамеченными — много.

Взять хотя бы этот, из романа «Раз, два, три, туфлю застегни»:

> «Если я раздавлен и обесчещен, то и страна, моя страна — тоже. Ибо я кое-что сделал для Англии, месье Пуаро. Я способствовал тому, чтобы она оставалась крепкой и платежеспособной. Она свободна от диктаторов, от фашизма и коммунизма… Да, я люблю власть, люблю управлять, но у меня нет желания быть тираном… Мы свободная страна. Я дорожу этим, и в этом смысл всей моей жизни».

Таковы были убеждения самой Агаты, неизменные при всей подвижности ее воображения и превратностях эпохи. Они — несгибаемый стержень явления, именуемого «Агата Кристи», без них вся конструкция давно бы рухнула подобно фальшивому эдвардианскому фасаду отеля «Бертрам».

Но в центре всего — ее зачарованность человеческой природой. Величайшая ирония заключалась в том, что Агату Кристи не интересовало убийство как таковое. Ее интересовало английское убийство, а это совсем другое дело, имеющее отношение скорее к сущности человеческой природы, чем к акту насилия. Ее критиковали за то, что она не умела показать ужас убийства, кровь, смертельные раны и горе; но то, что она не показывает всего этого, абсолютно естественно — это не ее предмет. Точно так же говорили, что убийства, которые она описывает, никогда не могли бы случиться в действительности. В реальной жизни никто не убивает, роняя из окна тяжелую кофемолку на голову жертвы; никто не обеспечивает себе алиби, устраивая маскарад, в котором жена изображает труп; никто не планирует убийство, ради которого надо обежать корабельную палубу и выстрелить себе в ногу, лишившись таким образом дееспособности. Ничего подобного и впрямь не может произойти в жизни. Но Агата и не считала, что может. Почему кто-то думает, будто она намеревалась выдать такие события за правдоподобные? Они были всего лишь «одушевленной алгеброй», задачкой, требующей решения.

Критика Реймонда Чандлера в отношении романа «И никого не стало»[420] абсолютно корректна: «Это полнейшее и беззастенчивое одурачивание читателя, какое только можно себе представить. И я не собираюсь вдаваться в механизмы совершения преступлений, большинство из которых основаны на чистой случайности, а некоторые просто невозможны». Все правильно. Но все в некотором роде высокомерно неуместно. Головоломки Агаты Кристи не имеют ничего общего с реальным

актом убийства: тот факт, что убийство может быть не осуществимым практически, никак не влияет на условия задачи, ибо она предназначена для того, чтобы ее решать, а не для того, чтобы сравнивать ее с реальностью. И разгадывать следует не акт убийства, а движения человеческой души. Вот в чем читатель ищет ясности: во внутренних побуждениях подозреваемых, персонажей, людей.

И это, конечно, противоречит распространенному мнению, будто Агата Кристи сочиняет блестящие головоломки, лишенные проникновения в мир чувств и характеры действующих лиц. Ее книги до сих пор читают именно потому, что хотят разгадывать загадки, а разгадав, больше не перечитывают или если перечитывают, то потому, что смущенный читатель находится под обаянием картины исчезнувшей эпохи, в которой слуги страдали увеличенными аденоидами, дамы никогда не выказывали своих чувств на публике и т. д. и т. п.

И все же: как такое возможно? Почему ее книги живут, в то время как сочинения таких умных писателей-детективщиков, как Джон Диксон (создатель тайны «запертой комнаты»), Марджери Аллингем (способная написать такую стильную фразу: «Он выглядел гордо озадаченным, как спаниель, который неожиданно принес хозяину ископаемую птицу дронт») и даже Сэйерс (великолепная в своей уникальной манере), давно выпали из оборота? Неужели действительно все дело в качестве головоломки, когда полмира совершенно неожиданно узнает, что это сделал рассказчик, что это сделали все вместе или что это сделал полицейский? Может, дело все же в чем-то другом, в чем-то, что таится в глубине загадки, невидимое большую часть времени и тем не менее ощутимое?

Не в том ли, что воображение Агаты — столь мощно сказывающееся в иных ее сочинениях — подпирает и строгую геометрическую структуру детектива, делая ее устойчивой? «Да, когда читаешь ее, не покидает ощущение, что там, внутри, гораздо больше, чем видно снаружи», — говорит Ф. Д. Джеймс, чья книга «Некая справедливость» основана на идее, идентичной «Убийству в Восточном экспрессе». Обе книги обращаются к заезженной теме: справедливость против законности — вопросу, не разрешимому в рамках книг, взывающих к его решению. Если убийца ребенка избежал наказания, имеют ли право родственники ребенка самовольно вершить правосудие? В «Некой справедливости» эта тема развернута в романное полотно — реалистическое, детализированное и очень отточенное, где решение «задачки» играет минимальную и намеренно побочную роль. В «Восточном экспрессе» задачка и ее решение составляют

суть: мифический отголосок темы едва набросан, но присутствует в структуре, сюжете, в самом костяке книги. Разумеется, «все приложили руку» — какое еще решение здесь возможно или какое другое решение может принести требуемое удовлетворение читателю этой книги?

Когда речь идет о лучших ее произведениях — а таковы, разумеется, не все, — удовлетворение, которое читатель получает от решения загадки, бывает острым и глубоким, потому что он одновременно и решает задачу, и разгадывает движения человеческих душ. В такой книге, как «Пять поросят», сюжет так плотно завязан на характерах персонажей, что разгадывание тайны превращается и в разгадывание человеческой натуры, а результат полностью зависит от постижения этой натуры. Какая великолепная «затравка»: художника убивают потому, что его натурщица влюбилась в него, а он притворился, будто влюблен в нее, потому что хочет закончить ее портрет! Незаурядная, отличная идея. Нереальная, но правдивая.

Или вот еще идея, лежащая в основе романа «По направлению к нулю»: жажда мести, которая обуревает мужа по отношению к бывшей жене, бросившей его ради другого мужчины, заставляет его совершить убийство только для того, чтобы за него повесили эту самую его бывшую жену. Мощная, жестокая, болезненная идея, которая не звучит в романе сколько-нибудь эмоционально, так как Агата к этому не стремилась, а просто воплотила ее в сюжет. «По направлению к нулю» — книга (режиссер Клод Шаброль[421] видел в ней большие кинематографические возможности), которую могла бы придумать и Рут Ренделл, но она, несомненно, глубже погрузилась бы в темные и извращенные аспекты мотива преступления и Невил Стрейндж, убийца, был бы у нее выписан по-другому. Рут Ренделл вынесла бы на всеобщее обозрение глубинные течения его психики; Агата Кристи этого не делает, и из-за того, что она просто представляет нам такого человека, как Невил, а не исследует тайны его души, принято считать, будто она не умеет создавать объемные образы. Что касается Невила Стрейнджа, то здесь Реймонд Чандлер прав: персонаж этот «фальшивый». Невил — джентльмен, теннисист, богатый, расточающий улыбки любитель, то есть именно такая персона, которая позволяла хулителям Кристи обвинять ее в снобизме, поскольку она якобы симпатизирует Невилу. Между тем Агата всматривается в этого джентльмена проницательным, бесстрастным взглядом. Невил ловко изображает человека, «умеющего проигрывать», чтобы скрыть тот факт, что на самом деле остаться в проигрыше для него невыносимо; под маской

безупречной воспитанности скрывается мужчина, отчаянно жаждущий расквитаться с бывшей женой, и его репутация помогает ему сделать это. Так что не Агата Кристи, а сам Невил делает собственный образ «фальшивым», если подобное выражение вообще что-нибудь здесь значит.

Разве характер раскрывается только в результате «внутренней работы ума»? Разумеется, нет; это абсурдная мысль, школярский подход к Агате Кристи тех критиков, которые осуждают ее на основании законов, коим она неподвластна. «Иногда ее разработка характера может казаться упрощенной, но это отнюдь не означает, что она неверна», — говорит Ф. Д. Джеймс. «Стереотипы!» — восклицают ее недоброжелатели, «но, согласитесь, многие люди действительно олицетворяют собой определенные типажи», как писала в своем эссе об Агате Кристи в 1999 году Бевис Хиллиер, а книги предназначены для того, чтобы развенчивать стереотипы, в той же мере, как и для того, чтобы подтверждать их. На самом деле Агата часто использует стереотипы, для того чтобы ввести нас в заблуждение, так как знает, что мы в них верим или по крайней мере верим, будто она в них верит. Через весь роман «Зло под солнцем» красной нитью проходит мысль, что убийство Арлены, этой женщины-вамп, стало следствием ее неотразимости для мужчин. На самом деле, как в конце концов догадывается Эркюль Пуаро, все наоборот. «Дело представилось мне совсем по-другому. Не она фатально притягивала мужчин, а ее фатально притягивали мужчины. Она была из тех женщин, в которых мужчины быстро влюбляются, но от которых они так же быстро устают…» Арлена умирает потому, что ей было необходимо постоянно получать подтверждение того, что мужчины восхищаются ее красотой. Это делало ее уязвимой: лесть обезоруживала ее — во всех смыслах.

Такое выворачивание клише наизнанку кажется ловким, но простым ходом, однако на самом деле здесь кроется куда больше. Трюк, который проделывает Агата с femme fatale, выявляет истину: женщины, подобные Арлене, чаще оказываются жертвами, а не хищницами. И такой поворот все ставит на свои места: мы разгадываем загадку, потому что разгадали характер, — вот почему нам это нравится.

Почти никто этого не замечает, потому что автор не склонен специально привлекать к этому внимание. И это тоже производное в высшей степени обманчивой простоты Агаты Кристи. Если у Рут Ренделл — писательницы, которой восхищается современный мир, — тайна характера является предметом болезненно пристального изучения, то у Агаты Кристи характеры — это данность: она исходит из того, что нам известно,

как устроен мир. При всей своей так называемой уютности Агата изощренна. Адюльтер, к примеру, принимается как нечто само собой разумеющееся. Генриетта Савернейк никоим образом не осуждается за ее любовную связь с Джоном Кристоу. В «Таинственном происшествии в Стайлсе» то, что супруги — главные герои — развлекаются на стороне, является данностью. А в «Сверкающем цианиде» не ставится вопрос о том, имеет ли право красавица Розмари Бартон обманывать своего старого скучного мужа («Он приучил себя смиряться с этим — побочные обстоятельства!»). И способность изменить супругу отнюдь не означает способности убить. Отголоски личного жизненного опыта Агаты бывают заметны в ее книгах, но она всегда умела отстраниться от них: они проникают в тексты, но не влияют на них. Говорят, будто она склонна выводить в роли убийц мужчин типа Арчи, хотя трудно понять, из чего это следует. Просто это не то, что Агата стала бы делать.

Раз Агата могла принимать человеческие слабости как жизненный факт, то и ее сыщики могли это делать. В «Пяти поросятах» Пуаро говорит: «Лично я веду исключительно моральную жизнь. Но это не совсем то же самое, что исповедовать моральные принципы». В «Спящем убийстве» мисс Марпл обвиняют в том, что она «восхитительно цинична», на что она отвечает: «О, дорогой мистер Рид, очень надеюсь, что это не так. Всегда следует надеяться на человеческую природу».

А вот в осуждении убийства оба детектива бескомпромиссны. Лишь в «Убийстве в Восточном экспрессе» Пуаро сочтет убийство простительным и только в «Занавесе» отнесется к нему неоднозначно. Во всех других случаях — «Я убийство не одобряю». Мисс Марпл еще более категорична: «Честно признаться, мне доставляет удовлетворение думать, что его повесят», — говорит она в конце романа «Труп в библиотеке».

В романе «Раз, два, три, туфлю застегни» банкир Алистер Блант искушает Пуаро своими аргументами: мол, он совершил убийство ради блага страны и по этой причине должен быть отпущен: «Если *я* уйду, вы знаете, что может случиться. Я нужен, месье Пуаро. А этот негодяй-грек, лжец и шантажист, собирался погубить дело всей моей жизни». Пуаро соглашается. Он верит в политику консерваторов и страшится мира, лишенного людей, способных ее проводить (книга написана в 1939 году). Тем не менее, когда он отвечает, что Блант все же непременно должен быть призван к ответу, в этой отповеди звучит голос его создательницы:

«— Вы — человек величайшей личной честности и

нравственности. Вы сделали шаг в сторону, и внешне это никак на вас не отразилось… Но внутри вас любовь к власти выросла до необозримой высоты. Вы принесли в жертву четыре человеческие жизни и считаете, что это не в счет.

— Разве вы не понимаете, Пуаро, что безопасность и благополучие целого государства зависят от меня?

— Меня не заботят государства, месье. Меня заботят жизни индивидуумов, которые имеют право на то, чтобы никто не мог эти жизни у них отнять».

Пуаро опечален арестом Алистера Бланта; он искренне сочувствует и Жаклин де Бельфор в «Смерти на Ниле»:

«— Не огорчайтесь так, месье Пуаро! Я имею в виду — из-за меня. Вы ведь огорчены, правда?

— Да, мадемуазель.

— Но вам ведь не пришло бы в голову отпустить меня?

Пуаро тихо ответил:

— Нет.

Она кивнула, молча соглашаясь.

— Да, сентиментальность здесь неуместна. Я могла бы сделать это снова… Я теперь — человек ненадежный. Сама это чувствую… — Она помолчала и раздумчиво продолжила: — Это так чудовищно просто — убивать людей. И начинаешь думать, что это не имеет значения…»

Жаклин по природе своей не убийца; просто мужчина, которого она любит, хочет совершить убийство, а она знает, что он недостаточно умен, чтобы сделать это в одиночку. «Поэтому мне пришлось тоже принять участие, чтобы присмотреть за ним», — говорит она.

«Пуаро ничуть не сомневался, что мотив у нее был именно тот, о котором она рассказала. Ей самой не нужны были деньги Линнет Дойл, но она любила Саймона Дойла, любила за гранью здравого смысла, нравственности и жалости».

И все же Пуаро остается истинным «буржуа», не позволяя моральному компромиссу одержать верх. Он не будет лить слезы над обреченной душой убийцы, как это делает Питер Уимзи в «Испорченном медовом месяце». Мисс Марпл тоже проявляет снисходительность к слабости, но непреклонна в противостоянии ей. Их устами говорит их создательница, у которой такое же рациональное отношение к убийству: убийца должен быть

уничтожен, поскольку влияет на жизнь многих людей. В отношении смертной казни Агата была несгибаема, здесь ее жесткость превалировала над чувствительностью. «Я думаю, что публичные повешения — варварское зрелище, — писала она из Багдада,[422] где видела, как возводили виселицу, — но полагаю, что в здешних краях они оказывают свое воздействие». Если наказание работает — это главное. Как замечает мисс Марпл:

> «Я могу воздержаться от высказывания своего мнения о тех, кто убивает, но я думаю, что они — зло для человеческого сообщества; они не привносят в него ничего, кроме ненависти, а берут от него все, что могут. Хотелось бы верить, что такими они созданы, что они родились с этим пороком и, возможно, их следует пожалеть, но даже в этом случае, считаю, их нельзя щадить, потому что пощадить их — все равно что пощадить человека, явившегося из зараженной чумой средневековой деревни, который заразит ваших невинных и здоровых детей. Невиновный должен быть защищен…»

Это высказывание — из тех, что могло бы вызвать возмущение хулителей Агаты Кристи, которые наверняка истолковали бы ее поддержку смертной казни как свидетельство устарелости взглядов и сочли бы абстрактным, даже грубым, ее отказ впустить в свои суждения моральную гибкость. Они также недостаточно принимают во внимание читателя, который подспудно испытывает глубокое удовлетворение от сознания того, что проблема разрешена и справедливость восстановлена. Если писать эти книги каждый раз было для Агаты маленьким катарсисом, то и люди, их читающие, испытывают то же.

«Существует психологическая потребность в существовании этого жанра, — говорит Ф. Д. Джеймс. — Я думаю, что детективная история, особенно в силу своей структуры, дает человеку определенную психологическую поддержку, ибо трактует о привнесении порядка в беспорядок. Особенно мощно это сказывается у Агаты Кристи, поскольку ей довелось жить во времена мировых катаклизмов, когда люди готовы были поверить, что решение проблем общества — вне человеческих возможностей. А здесь у них появлялось ощущение, что проблемы решить можно, причем не каким-то сверхъестественным способом, а лишь благодаря уму и смелости. Я полагаю, что детективы укрепляют веру в то, что мы живем в управляемом мире. Думаю, она все это отчетливо осознавала, и мы это очень отчетливо осознаем, когда читаем ее книги».[423]

Таким образом, убийство было для Агаты средством достижения цели. Само по себе оно ее мало интересовало. Ее занимала психология страха (как в романе «И никого не стало») и подозрения (особенно в семейных драмах, таких как «Кривой домишко» и «Горе невинным»). Но когда она касалась психологии убийства, то на самом деле писала о человеческой природе — не о тех ее проявлениях, что за пределами обычного, а о самых обычных, но доведенных до крайности. У Агаты Кристи очень мало убийц, совершающих убийство ради убийства, — всего три, может быть, четыре. Большинство — такие как Седдон и Смит, — убивают из-за денег (самый распространенный мотив в ее книгах); некоторые — как Криппен и Байуотерс — ради любви или — как Армстронг и Констанс Кент — из ревности. Другие узнаваемые мотивы — это убийство, совершенное из инстинкта самосохранения (как в романах «Убийство Роджера Экройда», «Карты на столе», «Миссис Макгинти с жизнью рассталась»), и убийство из мести («Рождество Эркюля Пуаро», «По направлению к нулю», «И, треснув, зеркало звенит»). Более скрытый мотив — неожиданный для владелицы Гринвея — убийство, совершенное для того, чтобы сохранить или создать некое прекрасное место («Загадка Эндхауса», «Вечеринка в Хэллоуин»), хотя в конце концов оно все равно оборачивается убийством из корыстных побуждений. Есть у нее также убийство во имя справедливости — «Убийство в Восточном экспрессе», «И никого не стало». Есть даже убийство, совершенное ради приобретения средств для покупки кафе, — этот мотив, пожалуй, следует признать наименее убедительным у Агаты. Тем не менее и в нем есть свой резон, который можно понять. А резон, мотив — единственное, что имеет значение.

«Человеческая натура. Полагаю, это истинная причина того, почему меня заинтересовало это дело», — говорит Пуаро в «Береге удачи», и, как это часто бывает, мы слышим здесь голос его создательницы. Она же водила пером Эдмунда Корка, когда он от ее имени отвечал на письмо почитателя в 1961 году: «Она считает: если убийство вытекает из характера человека и из того, что случилось раньше, то и впрямь существует только одно возможное решение». Когда Агата в ударе, два компонента ее книг — загадка и люди — сливаются в идеальном единстве. Разумеется, это получалось у нее не всегда, порой характеры оказывались неуместными в стерильных условиях искусственного сюжета: в слабом романе «Часы» взаимодействие персонажей не имеет почти никакого отношения к условиям загадки. Но такое случается крайне редко.

«Когда я знаю, что представляет собой убийца, я могу догадаться, кто он, — говорит Пуаро в „Убийствах по алфавиту“. — Я начинаю видеть не то, что хотели бы увидеть вы, — не черты лица и фигуру, но характер мышления… Преступление ужасно разоблачительно. Вы можете как угодно менять методы, вкусы, привычки, образ мыслей, но ваша душа непременно обнаружит себя в ваших действиях». Именно так Агата предпочитала описывать убийство: как парадигму характера. В «Смерти на Ниле» Пуаро спрашивают: «Обычные люди вас тоже интересуют, мистер Пуаро? Или вы придерживаете свой интерес только для потенциальных преступников?» — на что он отвечает: «Мадам, очень мало людей остается за пределами этой категории».

В реальной жизни это почти наверняка не так. Большинство людей испытывают ревность, страсть, зависть и ненависть, но рука их не тянется за ядом. И тем не менее замечание Пуаро справедливо в приложении к миру Агаты Кристи. Она занимается скорее причинами убийств, а не самими убийствами, поэтому у нее почти каждый — потенциальный убийца (на этом посыле, кстати, основан роман «Занавес»), «Моя дорогая, это совершенно обычные вещи — действительно очень обычные», — говорит мисс Марпл в «Тринадцати загадочных случаях», имея в виду, что мотивы преступлений всегда очень заурядны. Как и Пуаро — который находит людей интересными, хотя и «однообразными», — мисс Марпл видит в человеческой натуре схемы, сходство между людьми, кажущимися на первый взгляд очень разными. «Я всегда знаю, что в этом мире одно похоже на другое», — говорит она. Именно чутье на людей, способность проникать сквозь сложную оболочку и видеть простоту, заключающуюся внутри, делает мисс Марпл прирожденным детективом. Это дар, очень сходный с тем, каким обладала и сама создательница персонажа, умевшая расколоть скорлупу характера до самой сердцевины и найти ядро истины, которое бросает свет на все остальное.

«Мне вовсе не кажется, будто книгам Агаты Кристи вредит то, что ты всегда чуточку догадываешься, чем кончится дело, — писал в 1969 году П. Г. Вудхаус, — потому что у нее такие интересные персонажи!»

И это не только в самых лучших ее книгах, где действуют блестяще придуманные семьи персонажей, такие как Ангкателлы в «Лощине», Крейлы в «Пяти поросятах», Леонидисы в «Кривом домишке» и Аргайлы в «Горе невинным» (перечитывая последний, Вудхаус восклицал: «Волшебно, как всегда!») — образы, нарисованные с бесспорной глубиной, чего даже критики Агаты

не смогли опровергнуть, хотя, конечно, пытались. Запоминаются и второстепенные ее персонажи, внезапно выносимые на страницу волной неподдельной жизни, сосредоточенной порой в одной простой фразе: мисс Балстроуд, школьная директриса из «Кошки среди голубей», сидит «невозмутимо и неподвижно, между тем как дело всей ее жизни рушится вокруг нее»; Валери Хобхаус из «Хикори-дикори» с ее «нервной, несколько изможденной элегантностью» утомленно возлежит на диване в своей шикарной спальне-гостиной; мисс Хинчклифф из романа «Объявлено убийство» подмигивает инспектору, собирающемуся допрашивать ее добродушную подругу: «Где ты была во время совершения преступления, вот что он хочет знать, Маргатройд»; Меган Хантер из «Каникул в Лимстоке», неуклюжая недотепа, в которую тайно влюблен рассказчик и которую он увлекает в Лондон, чтобы «сменить декорацию»: «Когда метрдотель поспешно направился к нам, я испытал прилив той идиотской гордости, какую испытывает мужчина, когда у него при себе оказывается нечто из ряда вон выходящее, чем можно похвастать»; Филипп Ломбард из «И никого не стало», с его кошачьей грацией и ущербной совестью, хладнокровно флиртует с детоубийцей Верой Клейторн: «Так, значит, в сущности, вы убили этого парнишку?»; Джейсон Рэфиэл из «Карибской тайны», безмерно богатый, восхитительно несгибаемый перед лицом смерти, с бравадой говорит мисс Марпл, когда та садится в самолет, чтобы лететь в Англию: «Ave, Caesar, nos morituri te salutamus».[424]

Эти персонажи, быть может, не столь глубоки, но они живые, как яркий мазок краски на холсте. Таков и стиль ее письма — столь часто и необъяснимо критикуемый — с его абсолютно уместной ясностью изложения, естественным чувством ритма, остроумными и смачными идиомами. Примеры можно найти почти в каждой ее книге.

> «— Бывают дамы, — сказал он, — на которых никак нельзя повлиять. Их нельзя ни запугать, ни уговорить, ни облапошить.
>
> Да уж, подумал Пуаро, миссис Фоллиат не запугаешь, не уговоришь и не облапошишь».

> «Леди Уэстхолм вплыла в комнату с уверенностью трансатлантического лайнера, входящего в порт. Мисс Амабел Пирс, судно неопределенного класса, следовала в кильватере лайнера…»

> «Ревность жен вошла в поговорку. Но вот что я вам

скажу: мой опыт подсказывает, что ревность, какой бы безосновательной и экстравагантной она ни казалась, почти всегда основывается на реальности… Сколь бы скудными ни были конкретные улики, по сути жены всегда правы».

«И совершенно внезапно, из глубины лет, на него нахлынуло другое воспоминание, о том, как его тетушка Милдред говорила: „Знаешь ли, мой дорогой, она выглядит какой-то полоумной!“ — и на миг ее собственное нормальное, спокойное лицо приобретало бессмысленно-слабоумное выражение…»

«Момент был неподходящим, чтобы пытаться изображать из себя англичанина. Нет, нужно оставаться иностранцем — откровенным иностранцем — и снискать за это великодушное прощение. „Конечно, эти иностранцы не слишком хорошо понимают, что к чему. Могут поздороваться за руку во время завтрака. Тем не менее среди них встречаются вполне приличные люди…“»

«Ну, он не мог быть настоящим садовником, не правда ли? — сказала мисс Марпл. — Садовники не работают на Троицу. Это всем известно».

«Мы были молоды и полны мужской силы, мы оглядывали встречных девушек с ног до головы, оценивали их округлости, их ноги и то, как они на нас смотрят, и думали про себя: „Согласится или нет? Не потрачу ли я время попусту?“»

«…он был парнем Эльвиры, я не мог заставить себя что-нибудь сказать. Ладно, Джейн Марпл, вы женщина справедливая, а справедливость должна торжествовать».

«„Плыви к скале, Сирил, я разрешаю“.
Нет ничего проще убийства! Но потом… потом воспоминания о нем никогда не покидают тебя…»

«…она любила Саймона Дойла, любила за гранью здравого смысла, нравственности и жалости».[425]

Какой блестящий дар придумывать неожиданные повороты

был у Агаты, и как умело она этот дар скрывала! Она так идеально подгоняла его под жанр детективной литературы, что оставалась видна лишь конструкция, себя же она полностью ей подчиняла и становилась невидимой. Однако, если изменить освещение, сколько же всего обнаружится внутри, под полупрозрачной оболочкой конструкции!

Всегда были люди, умевшие разглядеть и оценить то, что скрыто: знаменитые поклонники, не только П. Г. Вудхаус, Клемент Эттли и Стивен Гленвилл, но и Т. С. Элиот, чьи «Четыре квартета» подарили название роману «Роза и тис» и который назвал Агатой персонажа своей пьесы «Воссоединение семьи» — ту, что разгадывает тайны.[426] Еще был Джон Спэрроу, ректор Колледжа всех душ праведно в Оксфорде усопших, с которым Агата была знакома через Макса — они вместе работали в колледже с 1962 года. После выхода «Ночной тьмы» Спэрроу писал Агате, что прочел книгу дважды: «Особое удовольствие я получил, подсчитывая подтексты, которых не заметил при первом чтении». На него большое впечатление произвел Майкл, рассказчик: «Его „внеклассовость“ (а вернее, его „междуклассовость“, если можно так выразиться), так же как и его шизофрения (а точнее, двойственность личности, особенно проявляющаяся в амбивалентности его чувств к Элли), — абсолютно убедительны». Позднее он похвалил «Щелкни пальцем только раз»: «Чистое удовольствие — от начала до конца». В диалогах «ни слова, ни интонации, которые были бы не на месте», а «печальный мир Домов, Где Живут Старики, еще никто никогда не описывал столь правдиво и ярко… И деревенская жизнь!.. Отлично!»[427]

В 1955 году Агатин старый друг и добрый наставник Иден Филпотс написал ей по поводу ее «великолепной работы» в целом: «[Я] с восхищением слежу за тем, как развивается Ваш талант придумывать сюжеты и создавать характеры. Ваши персонажи жизненны, как всегда. Это редкое для романиста качество…» Знаменательный и обнадеживающий отзыв пришел от Сидни Смита, эпиграфиста, с которым Агата подружилась во время войны. Она посвятила Сидни и его жене Мэри «Каникулы в Лимстоке», и он написал ей в ответ из Британского музея:

> «Когда-нибудь (это может случиться уже после нас, но лучше бы скорее) какой-нибудь критик прозреет и увидит, что Вы практикуете и значительно усовершенствовали искусство рассказывать истории, о котором в теоретическом плане рассуждал Джордж Мур, и что Ваши персонажи, описываемые предельно

экономно, без единой детали, которая не была бы существенной, в совокупности представляют собой социологическое исследование, более правдивое, чем удалось провести новеллистам биографической школы в результате долгих усилий. Примите мое искреннее восхищение Вашим искусством, которое дает все новые плоды».[428]

Ученый-шекспировед Роберт Спейт, который познакомился с Агатой после войны, в 1970 году сообщал ей в письме, что французские интеллектуальные круги на ней «просто помешаны».[429] Католический философ Жак Маритен назвал ее «гордостью жанра» и добавил: «Давно уже я не получал такого бесценного утешения, какое доставляют мне ее ум и чувство юмора». «И Габриель Марсель, христианский экзистенциалист, в философском плане оппозиционный Маритену, безмерно восхищается Вами!» — писал Спейт, приводя и несколько язвительный комплимент Марселя: «Она почти великая писательница».[430]

Более недвусмысленная похвала была высказана А. Л. Роузом. В эссе, посвященном Агате Кристи, он написал, что она «гораздо лучшая романистка, чем осознают это люди», что у нее «первоклассные мозги» и «сверхъестественная интуиция в понимании человеческой природы». «Мы не должны недооценивать ее литературное честолюбие и ее достижения, как это делали ее издатели на том лишь основании, что она была первой, но среди писателей лишь детективного жанра».

Как это часто бывало, Роуз ухватил суть. Детективный жанр идеально подходил характеру дарования Агаты, и она была в нем великой мастерицей. Но в подтексте ее ясных, безупречно соответствующих жанру историй таится гораздо больше; там много такого, что находится за пределами сиюминутной занимательности и не подвержено исчезновению; ее книги просто не смогли бы так надолго пережить своего автора, если бы в них не было этой скрытой под поверхностью сущности.

«Женщина сама по себе остается тайной, — говорит Ф. Д. Джеймс. — Быть может, именно это наложило отпечаток на ее книги».

Часть скрытого таится в 1926 году, втайне, которая осеняет все. Изредка Агата позволяет себе смутные упоминания о ней, словно маленькую дерзость — как ребенок, прикасающийся к запретной теме и трепещущий от собственной смелости. «У меня была няня-валлийка. Однажды мы с ней отправились в Харрогит,

где она совершенно позабыла обо мне и поехала домой одна. Очень неустойчивая психика», — говорит миссис Оливер в романе «Карты на столе». И пять лет спустя, в романе «Раз, два, три, туфлю застегни», снова:

> «— Очень странно, что она вот так исчезла. Уверена, месье Пуаро, что у нее случилась потеря памяти.
>
> Пуаро согласился: это весьма вероятно, ему известны такие случаи.
>
> — Помню, подобное произошло с подругой моей кузины. Тогда было много волнений, ее лечили и вылечили. Кажется, это называлось амнезией.
>
> Пуаро добавил, что это, судя по всему, специальный термин».

Центральный персонаж романа «Место назначения неизвестно», Хилари Крейвен, еще ближе подбирается к тайному событию жизни Агаты. Она намерена совершить самоубийство, придя к выводу, что больше не может переносить свое несчастье. «Она сама была причиной собственной долгой болезни, сама была причиной ренегатства Найджела и тех жестоких и горьких обстоятельств, в которых оно произошло». Но вместо того чтобы покончить с собой, она надевает личину женщины, выжившей после аварии. «Последние двадцать четыре часа перед катастрофой у меня все еще как в тумане», — говорит она и слышит ответ:

> «— О да. Это результат сотрясения. Такое случилось с одной из моих сестер. Она жила в Лондоне во время войны. Поблизости разорвалась бомба, и сестра потеряла сознание. Вскоре она пришла в себя, пешком побрела по Лондону, села на поезд, следовавший от Юстона, и, представляете, приехала в Ливерпуль, ничего не помня ни о бомбе, ни о том, как прошла почти через весь Лондон, ни о поезде, ни как попала в Ливерпуль! Последнее, что она помнила, — это как вешала юбку в гардероб в Лондоне. Очень странные случаются вещи, не правда ли?»

Это похоже на оправдание, на желание подкрепить официальную версию своего исчезновения, но Хилари, конечно же, лжет, говоря, что у нее было сотрясение мозга, — она вообще не попадала ни в какую «аварию», так что этот пассаж из романа «Место назначения неизвестно» одновременно и правдив, и лукав. «Вам можно позавидовать. Вы пережили нечто необычное. Хотел

бы я побывать так близко к смерти. Побывать и выжить. Не чувствуете ли вы себя с тех пор другим человеком, мадам?» — говорит Хилари Пуаро. Этот комментарий относится к катастрофе, которой никогда не было. Но то, что Хилари побывала на пороге смерти, правда, — ведь она была готова лишить себя жизни; поэтому опять же этот пассаж и правдив, и ложен одновременно и являет собой опосредованную отсылку к жизненным обстоятельствам самой Агаты.

В «Отеле „Бертрам“» исчезает пожилой священник, и старший инспектор полиции между прочим бросает реплику: «Разумеется, — говорит он, — многие подобные исчезновения случаются по собственной воле пропавшего». Это другой — почти демонстративный — подход Агаты к запретной теме. В следующей книге, «Третья девушка», она опять возвращается к ней. Пуаро разговаривает с человеком, у которого исчезла дочь, и пытается проанализировать причины, по которым она могла это сделать:

> «— Ваша дочь не любит свою мачеху… Это вполне естественная реакция. Вы должны помнить, что она наверняка в течение многих-многих лет идеализировала вас. Такое вполне вероятно, когда речь идет о расторгнутом браке и детская привязанность испытывает жестокий удар… Вы ушли. Она хотела, чтобы вы вернулись. Без сомнения, мать не поощряла разговоров о вас, и от этого она, быть может, еще больше о вас думала… А поскольку с матерью ей говорить на эту тему было невозможно, у нее наступила обычная и естественная детская реакция — она стала винить оставшегося родителя за отсутствие того, который ушел. Она мысленно говорила себе что-нибудь вроде: „Меня-то папа любил. Это маму он не любил“. Отсюда — некая идеализация, своего рода тайная связь между ею и вами, которую она остро ощущала. То, что случилось, убеждала она себя, — не папина вина. Она ни за что в это не поверит!»

Позднее у Пуаро спрашивают: «Не думаете ли вы, что она могла потерять память? Говорят, такое случается».

Несмотря на ограничения, накладываемые требованиями жанра, а может быть, благодаря им, Агата пользуется чрезвычайной свободой приоткрывать то, что желает, зная, что сама она находится в надежном укрытии. Например, она размышляет о причинах, по которым человек всегда обязан противиться самоубийству, каким бы острым ни было

сиюминутное желание покончить с собой:

> «— Вот вам пример. Скажем, человек приходит на некое место, чтобы свести счеты с жизнью. Но там случайно встречается с другим человеком, так что ему не удается осуществить свое намерение, и он уходит… чтобы остаться в живых. Другой человек спас ему жизнь не потому, что он был ему необходим или играл какую-то роль в его жизни, а просто потому, что оказался в определенный момент в определенном месте. Вы лишите себя жизни сегодня — и, возможно… завтра кто-то умрет просто по причине вашего физического отсутствия в нужном месте.
>
> Вы говорите, что ваша жизнь принадлежит только вам. Но можете ли вы игнорировать вероятность того, что принимаете участие в грандиозной драме, которую ставит Небесный Режиссер?.. Сами по себе вы можете ничего не значить ни для кого на свете, но что, если как человеку на определенном месте вам предназначено сыграть решающую роль?»

Это было написано в 1929 году, в рассказе «Вышедший из моря» — одном из сборника «Таинственный мистер Кин», который был опубликован в следующем году. Размышление принадлежит мистеру Саттерсуайту, часто встречающемуся в произведениях Агаты персонажу — скорее наблюдателю, нежели действующему лицу, — человеку с артистичной душой и развитой интуицией в понимании человеческой природы. «Быть может, — говорит ему другой персонаж, — в силу той цены, которую вы заплатили, вы видите то, чего другие люди не видят». Мистер Саттерсуайт озвучивает суждения Агаты о самоубийстве, выводы, к которым она пришла в результате долгих и тяжких раздумий спустя более двух лет после того, как стояла на краю карьера. «Приходится продолжать жить, нравится вам это или нет»; «Вы можете понадобиться Господу». Она снова написала об этом в романе «По направлению к нулю», в точности повторив ситуацию, приведенную в качестве примера мистером Саттерсуайтом: мужчина, ранее предпринявший неудачную попытку самоубийства, спасает женщину, собравшуюся наложить на себя руки. И потом еще раз, в романе «Место назначения неизвестно»:

> «— А вы не думаете, что это… неправильно?
>
> Хилари горячо возразила:
>
> — Почему это должно быть неправильно? Ведь это моя жизнь.

— Да, да, конечно, — поспешно согласился Джессоп. — Я сам не придерживаюсь на этот счет высокой морали, но есть люди, знаете ли, которые думают, что это неправильно».

После этого Джессоп предлагает, чтобы Хилари, вместо того чтобы совершать самоубийство, притворилась другим человеком: стала бы действовать как шпионка; подобная роль, конечно, сама по себе несет угрозу смерти, зато в ней по крайней мере заключена возможность сделать что-нибудь хорошее. И Хилари выбирает жизнь. Как Селия в конце «Неоконченного портрета» — тоже избежавшая смерти в результате неудачной попытки самоубийства, — она продолжает жить.

Для Агаты это было чем-то вроде личной философии. Она никогда впрямую не упоминала о своей вере — разве что мисс Марпл у нее, как и она сама, постоянно читает «маленький требник», — но, раз и навсегда приняв заповедь о грехе отчаяния, она безоговорочно верила в святость жизни («Но если рядом Бог, поверь, не страшно мне…» — написано в одном из ее стихотворений).

Вот почему ее книги органично нравственны — они всегда на стороне живого. Отношение к жизни в них (но не к ним самим) у Агаты всегда чрезвычайно серьезно. Они — вне мира ползучего морального релятивизма. Они демонстрируют нам мир гармонии и порядка, ясности и оптимизма. «Меня как-то спросили, что я читал во время своего недавнего пребывания в плену в Южной Америке, — писал Агате некто Джеффри Джексон в 1971 году. — Те, кто держал меня в неволе, снабдили меня испанскими изданиями Ваших детективных романов, которые я читал с безграничным наслаждением. Что особенно помогало мне, так это постоянные напоминания мисс Марпл и месье Пуаро о том, что существует другой мир, который по-прежнему живет в соответствии с абсолютными ценностями».

Едва ли есть что-либо более противоречащее современному мироощущению, покрывающему пеленой сомнений и двусмысленности все, исключая собственные политические воззрения. И тем не менее Агата Кристи жива, жива настолько, что кажется, будто она до сих пор продолжает выполнять свою миссию.

Все, что она защищала, утратило свою ценность. Ее книги по-прежнему инсценируют и экранизируют, они имеют все тот же успех, но едва ли теперь понимают, что она на самом деле хотела нам сказать, используя детективную фабулу лишь как «средство доставки». Недавняя постановка «Пяти поросят»,[431]

выхолащивая из романа человеческую драму, ложно трактует сюжет, представляя нам бессмысленную гомосексуальную историю, вводя в нее полупорнографическую сцену казни и разрушая тонкое эмоциональное равновесие книги. В телефильме обуянную ужасом Каролину Крейл вешают по ошибке за преступление, совершенное ее мужем. В книге она умирает в тюрьме, радуясь этому, ибо уверена, что принимает смерть за младшую сестру, которой нанесла увечье, когда та была ребенком, и таким образом отчасти искупает свою вину перед ней. Таково было обдуманное намерение Агаты. Она писала не о неправедном суде. Хотя в ее записных книжках и упоминается сюжет об «убийце, казненном по ошибке», отраженный впоследствии в «Пяти поросятах», она видоизменила его соответственно собственным моральным устоям.

Однако современный мир считает, будто должен «обогатить» Агату Кристи сценами повешений и спариваний, реалиями смерти и запретных страстей — всем тем, что Агата оставляла за пределами своих книг, и делала это намеренно, вовсе не потому, что ничего об этом не знала, — прекрасно знала. Но сегодня считается, что эти «пробелы» следует восполнить и что бедные старушки, родившиеся в 1890-х, нуждаются в помощи, чтобы выразить то, чего не позволяло им сказать их строгое воспитание. Вот почему большинство недавних экранных воплощений мисс Марпл[432] снабжено ретроспективными историями ее обреченной любви к женатому мужчине, погибшему во время Первой мировой войны. Они призваны облечь ее в плоть, сделать более «очеловеченной» и «настоящей». Из книг же совершенно определенно явствует, что ничего подобного в прошлом мисс Марпл не было. Все события происходили вокруг нее, и в этом суть: свою мудрость она обрела посредством наблюдения, а не посредством опыта.

Но современному миру трудно постичь мысль о врожденной мудрости. Поэтому, когда в последней экранизации «Убийства в доме викария» мисс Марпл понимает, что преступление совершено на почве неудовлетворенной страсти, то происходит это, по мнению авторов, не потому, что она просто умна, а потому, что основывается на собственном опыте. Она сопереживает. Она сама была в такой ситуации.

Двадцать лет назад, когда роль мисс Марпл в телесериале Би-би-си[433] с подчеркнуто отстраненным сочувствием исполняла Джоан Хиксон, она показывала, что ее героиня может судить и в то же время оставаться удивительно человечной. Однако прошедшие с тех пор годы многое изменили, включая и наши отношения с Агатой Кристи. Они решительно и окончательно

развели ее с современным миром. Не потому, что она была снобкой, расисткой или ксенофобкой, не потому, что ее персонажи живут в деревенских домах, где царит традиционный уклад и чай подают слуги, но потому, что она говорит о постоянстве, надежности и нерушимости надежды — о тех ценностях, которых у нас больше нет.

И тем не менее, похоже, она нам все еще нужна.

В 1956 году Агата написала свой последний вестмакоттовский роман «Бремя любви», многословный и композиционно весьма аморфный (два разных сюжета, соединенных на живую нитку, если судить по ее собственным записям), вместивший в себя едва ли не все вопросы, которыми она когда-либо задавалась. Героиня основного сюжета — Лора. В детстве она так ревновала родителей к младшей сестре Ширли, что желала ей смерти. Но когда выпал шанс бросить Ширли в загоревшемся доме, Лора спасла ее и с тех пор с одержимостью печется о счастье сестры. Ширли выходит замуж за никчемного человека, Генри, который становится невыносимо трудным в общении инвалидом. Чтобы освободить сестру от страданий, Лора позволяет Генри принять (нечаянно) смертельную двойную дозу таблеток.

Это убийство не в стиле Агаты: его последствия неожиданны и непредсказуемы. Не существует простых критериев в оценке того, что сделала Лора, как не существует и простых способов искупить содеянное.

Побочный сюжет «Бремени любви» — это история Ллуэллина Нокса, бывшего проповедника, утратившего не веру, но ясность в отношении своего религиозного призвания. Он спрашивает:

> «Что значит делать добро? Сжигать людей на костре, спасая их души? Возможно. Заживо сжигать ведьм, ибо они есть олицетворение зла? Существуют основательные аргументы и в пользу этого. Поднимать уровень жизни обездоленных? Сегодня принято считать, что это важно. Бороться против жестокости и несправедливости?..
>
> Что значит поступать хорошо? Что значит поступать правильно? И что значит поступать неправильно? Мы люди, и мы обязаны искать ответы на эти вопросы, прилагая все силы».

Пятнадцать лет пробыв «посланником» Бога, Ллуэллин Нокс ищет теперь способ жить в земном мире. «Как это сделать?» — спрашивает он себя.

Возможно, это возвращает нас к трем вопросам Канта:

Что я могу знать?

Что я должен делать?

На что я смею надеяться?

Странное эхо вопросов «Кто? Почему? Когда? Где?», которые Агата занесла в свои записные книжки и на которые всегда знала ответы.

НА СКЛОНЕ ЛЕТ

Et s'il revenait un jour
Que faut-il lui dire?
Dîtes-lui qu'on l'attendit
Jusqu'à s'en mourir.[434]

Это стихотворение Агата записала на клочке бумаги и хранила всю жизнь

Единственные люди, знающие, что представляют собой другие люди, — это художники; причем они понятия не имеют, откуда это знают!

А. Кристи. Мышеловка

В «Бремени любви» Ширли после смерти мужа-инвалида Генри снова выходит замуж. Ее второй муж умен и добр, Генри же — который начал ухаживания за Ширли с того, что без предупреждения объявился в ее доме, когда она играла в теннис на соседнем корте, — был обаятелен, красив и… неверен. «Я была замужем дважды», — рассказывает Ширли Ллуэллину Ноксу, отвечая на его вопрос:

«— Вы любили своего мужа?
Он задал свой вопрос в единственном числе, и она без малейших колебаний ответила:
— Я любила его больше всего на свете».

Часто говорят, будто, достигнув среднего возраста, Агата потом до конца жизни не прикасалась к спиртному; официально это объяснялось тем, что ей был отвратителен его вкус, но вернее будет сказать, что ей не нравилось состояние, в которое оно ее повергало. «Единственным результатом было то, что она становилась грустной. Плаксивой. Вот почему она не пила».[435] Выпивший человек нетвердо владеет своими эмоциями. Они смещаются в сторону некоего опасного самоощущения, иногда придавая взгляду ясность и открывая красоту, недоступную в трезвом состоянии. Ширли не гнушается виски, и именно в баре, говоря о своем первом муже, признается Ноксу: «Я любила его больше всего на свете».

Агата не пила, но впадала в такое же «хмельное» состояние, когда превращалась в Мэри Вестмакотт. В романах, написанных под этим псевдонимом, видны эмоциональная раскрепощенность, поэтический порыв, беспечность, отсутствие строгого контроля над собой; эти книги обнаруживают душевный непокой зрелого человека — состояние, которому Агата никогда не позволяла вырваться наружу и в которое погружалась лишь наедине с собой.

> «— Это так трудно объяснить [говорит Ширли Ноксу]. Я была не слишком счастлива, и все же неким удивительным образом мне было хорошо — это было именно то, чего я хотела… Конечно, я его идеализировала, женщинам это свойственно. Но я сейчас вспоминаю, как проснулась однажды рано-рано утром, было около пяти, как раз перед рассветом, холодно — час истины, как говорится, — и в тот момент поняла, можно сказать, увидела, свое будущее. Я уже тогда знала, что не буду счастлива по-настоящему… что люблю его, что никто другой мне не будет дорог, как он, и что я предпочитаю быть несчастливой с ним, нежели довольной и благополучной без него…
>
> Разумеется, мои мысли не были такими четкими и ясными. Я сейчас описываю то, что тогда лишь смутно ощущала. Но ощущение было реальным. Я принялась снова размышлять о том, какой он замечательный, и придумывать всякие проявления его благородства, в которых не было ни грана правды. Но свой момент истины я тогда пережила — момент, когда вам открывается то, что лежит впереди, и вы не можете ни повернуть назад, ни двинуться вперед…
>
> Он очень осторожно спросил:
>
> — И вы сожалеете?..
>
> — Нет, нет! — горячо воскликнула она. — Я никогда не сожалела. Каждая минута жизни с ним стоила того! Сожалею я лишь об одном — что он умер».

То, что Агата по-прежнему испытывала сильное чувство к Арчи, ясно из письма Розалинды. «Я собиралась встретиться с ним и его семьей еще много лет назад, но маму это повергло в ужасное состояние, и хотя никакой враждебности по отношению к нему у нее не было, она, похоже, просто не могла смириться с тем, что между нами возникнут более близкие отношения». Это воспоминание относится ко времени сразу после 1958 года — года, когда умерла Нэнси Кристи, — то есть спустя два года после публикации «Бремени любви». Тогда события 1926-го остались

уже далеко позади, и сама Агата давно погрузилась в их общую с Максом жизнь.

«Глубоко счастлива» — так охарактеризовала она свое душевное состояние в 1954 году, вернувшись к «Альбому признаний», последняя запись в котором была сделана ею в Эшфилде, в тринадцатилетнем возрасте (отвечая на тот же вопрос, Макс написал: «Вполне доволен»). Но ее простое и ясное высказывание начинает вызывать сомнения, когда читаешь «Бремя любви», где она задается вопросом: что же на самом деле означает слово «счастье»? Ширли выбрала несчастье — в том смысле, что предпочитала жить так, как жила. Попытка Лоры сделать ее счастливой, допустив смерть Генри, в сущности, погубила и Ширли. По словам Ллуэллина Нокса, счастье — это «пища жизни, оно способствует ее росту, оно — ее великий учитель, но оно не есть цель жизни и само по себе не приносит полного удовлетворения».

Большая часть жизни Агаты проходила в мире «повседневного счастья»: семья, рутина, путешествия, удовольствия, товарищеский дух и свобода, на которых зиждился ее брак с Максом. Она знала, что ей в жизни выпал второй шанс, и при любом удобном случае старалась выразить восторг и благодарность удивительно благоволившей к ней судьбе. Она считала это почти долгом. Поступать иначе было бы грехом отчаяния — коему она предалась лишь однажды — и противоречило бы ее глубочайшему убеждению, что жить — это уже огромная радость.

Однако в интимном воображении она позволяла себе забредать в темные уголки. Она вспоминала. Мечтала о других жизнях, которые могла бы прожить. Быть может, сидя в своем гринвейском саду — ее царстве несравненной красоты, с камелиями, чей век так недолог, и зеркальным блеском Дарта сквозь гущу деревьев, — она воображала, что Арчи сидит рядом?

> «— Когда вы оглядываетесь на свою жизнь с ним, что в первую очередь всплывает в памяти, какие моменты вам никогда не забыть? Вашу первую ночь или что-то другое?»[436]

Что она чувствовала, когда писала ему письмо соболезнования после смерти Нэнси? Странный поступок, учитывая злосчастные обстоятельства их расставания.

> «— Его шляпу, — ответила она. — Во время нашего медового месяца… Я тогда надела ее, а он надел мою — глупую такую безделицу, какие любят женщины, — и мы

хохотали до упаду, глядя друг на друга. „Туристы всегда меняются шляпами, — сказал он и добавил: Господи Боже мой, я так тебя люблю“. Ее голос дрогнул: „Никогда этого не забуду“».[437]

Хотелось ли бы ей узнать, что он подумал, когда получил ее доброе и сочувственное письмо? Пожалел ли о чем-нибудь? В ответном письме он поблагодарил за великодушие, с каким она подарила ему годы счастья с Нэнси, но, в конце концов, что еще он мог сказать? После смерти Нэнси Арчи написал также Розалинде: «Только теперь я ясно осознал: смерть зачастую приходит неожиданно», — и сообщил, что именно поэтому решил купить дочери подарок, который всегда будет напоминать ей о нем.

«Что мне должно сделать по правилам, так это оставить тебе после себя какое-нибудь маленькое напоминание о твоем старом отце. Но я подумал, что лучше тебе иметь его уже сейчас.

Я остановился на кольце с рубином. Ты бы повеселилась, глядя, как я брожу по магазинам, выбирая среди изобилия: маленькие, странных форм штучки, некоторые похожи на кусочки красного стекла. Такие бывают у махараджей или описываются в детективных историях. На прошлой неделе я сдался и купил наконец маленькое колечко, которое видел прежде и которое мне понравилось, но поскольку камешек слишком маленький, даже на мой вкус, я добавил к нему еще одно кольцо, с бриллиантом.

…Уничтожая некоторые твои письма, чтобы никто не смог прочесть их после меня, я перечитал те, что сохранил, — те, что ты писала мне из школы, из заграницы, во время войны… В некоторых из них масса новых идей, а в иных — столько привязанности!

Так что вместе с самыми добрыми пожеланиями на будущее ты получишь две маленькие памятные вещицы и горячую любовь от твоего Старого Папы».[438]

Четыре года спустя, в декабре 1962 года, Розалинда присутствовала на похоронах Арчи, где впервые встретилась со своим единокровным братом — сыном Нэнси. Горевала ли Агата в тот день, не только об Арчи, но и об их хрупком, но не отпускающем ее память счастье? Хотелось ли ей знать, сожалел ли он когда-нибудь, что выбрал другую жизнь?

> «Не могу сказать [писала Агата, в „трезвой“ своей ипостаси, отвечая на множество вопросов, которыми ее засыпали в 1971 году], чтобы я когда-нибудь размышляла о том, сожалею я о чем-либо в жизни или нет. Вероятно, есть масса вещей, о которых я сожалею, но, поскольку вернуться в прошлое и что бы то ни было в нем изменить нельзя, какой толк думать об этом? Есть очаровательная пьеса… в ней один персонаж горевал о том, что некогда опоздал на поезд. Ему позволяют вернуться в прошлое, сесть на тот самый поезд, он проживает свою жизнь заново и с безмерной печалью сознает, что сделал это зря. „Судьба каждого человека с рождения вешается ему на шею“. Не следует забывать это определение кармы…»

Итак, ей на роду было написано вторую половину отпущенных ей лет провести с Максом Мэллоуэном, и она знала, что это к лучшему. Он получил прочное положение в жизни, она — свободу. Агата вольно пересекала пространства стран, континентов, идей, цивилизаций, собственной эпохи. Ее энергия и любознательность придавали полноту почти каждому году ее зрелой жизни. Она видела Индию, Пакистан, Шри-Ланку, Турцию, Вест-Индию, Америку; в Ираке она лицезрела прошлое, возвращенное жизни; слушала Вагнера в Бейруте, присутствовала на мистерии, представляющей Страсти Господни, в Обераммергау, наблюдала за коронацией королевы Елизаветы Второй с великолепной обзорной точки на Пиккадилли, 145; общалась с интеллектуалами, которые уважали ее и с которыми она имела возможность обсуждать любую интересовавшую ее тему, наращивая мускулы собственного мощного интеллекта; наслаждалась жизнью в своем удобном Уинтербруке и великолепном Гринвее и летними сезонами, проведенными в обожаемом Девоне с его вересковыми пустошами, пляжами, горами, с его дикой английской природой… Это была хорошая жизнь, по правде сказать, замечательная, едва ли можно желать большего. Останься она замужем за Арчи, всего этого не было бы. («…они бы так и продолжали жить, жить, жить… И она никогда бы ничего не увидела — всех этих дальних стран…»)

Агата была консервативна: она всегда хотела быть замужней дамой. В то же время ей была необходима собственная независимая жизнь. С Арчи она фактически оказалась перед дилеммой, знакомой многим интеллектуальным женщинам, которые почти всегда верят, будто любовь и независимость можно совместить, и слишком часто обнаруживают, что это невозможно.

В случае Агаты это почти полностью осуществилось во втором браке по двум причинам: она была столь невероятно успешна, что могла сама определять свой образ жизни, а ее муж был достаточно благоразумен, чтобы не возражать против этого. Макс Мэллоуэн сделал собственную карьеру — не столь прибыльную, но, безусловно, престижную и достойную. Его нисколько не смущало, что он женат на феномене, напротив, он радовался этому — ура! — не в последнюю очередь потому, что ему это безмерно помогало. И в то же время он понимал всю пугающую глубину душевной уязвимости Агаты. Она-то и устраняла неравенство между ними, причиной которого в ином случае могли бы стать ее богатство и слава. Что по-настоящему обеспечивало равновесие в их браке, так это то, что обоих он устраивал. Каждый по-своему хотел, чтобы их брак оказался крепким, а, как ни парадоксально, этой цели куда чаще удается достичь, если супруги не влюблены друг в друга. Ибо любовь, как не уставала повторять Агата, — это «дьявол».

«Я думаю, они были очень добрыми друзьями, — говорит племянник Макса Джон, который проводил летние месяцы в Гринвее в 1950-х и 1960-х годах. — Они искренно любили друг друга, и им было хорошо вместе. Они не целовались и не миловались то и дело, но всегда нежно обращались друг с другом. Не помню, чтобы они когда-либо ссорились. Я вообще не думаю, что Агата была склонна к ссорам. Вот с Розалиндой у моего дяди случались горячие споры, это я запомнил, но, в конце концов, с годами она стала ближе ему по возрасту…»

Семейную жизнь Агаты наблюдала и ее подруга Джоан Оутс, которая после войны работала с Максом на раскопках в Нимруде. «Вообще-то это был странный брак. Странный. Но очень удачный».[439]

Нимруд, что на севере Ирака, неподалеку от Мосула, куда Макс с Агатой ездили каждую весну с 1949 по 1959-й, был делом жизни Макса. Он руководил тамошними раскопками вплоть до иракской революции 1958 года, когда был убит король Фейсал Второй, отпрыск Хашимитов, и установлена республика. В дальнейшем раскопками руководил Дэвид Оутс — муж Джоан, а потом, вплоть до прекращения работ в 1963 году, Джеффри Орчад.

В 1966 году книга Макса «Нимруд и его руины», которую он посвятил Агате,[440] вышла в издательстве «Коллинз». Переговоры, отказавшись от комиссионных, вело агентство «Хью Мэсси». «Я так рада, что Вы захотели помочь Максу», — писала Агата Эдмунду Корку. А сам Макс говорил ему, что «Агате так же не терпится увидеть книгу напечатанной, как и ему самому, ведь

она не пропустила ни одного сезона раскопок в Нимруде» и что эта книга «получит широкий резонанс, так как за последнее десятилетие в Западной Азии не было сделано более богатых и эффектных находок, а книга станет самой авторитетной работой на эту тему».[441] (Корк в свойственной ему куртуазной манере ответил, что для них «большая честь» осуществить этот проект. Оубер из Нью-Йорка высказался менее деликатно: «„Коллинз“ выпускает книгу под названием „Нимруд и что-то там еще“, окончания я не помню, но, насколько мне известно, это связано с археологией… „Додд Мид“ согласен взять у них 500 экземпляров».[442])

Нимруд был красивым местом: набегающие волны зелени, а за ними — голубая лента Тигра. Некогда здесь находился один из великих ассирийских городов, ведущий свою историю минимум от XIII века до н. э. В правление Ашурнасипала Второго (883–859 гг. до н. э., то есть вскоре после царя Соломона) он стал столицей Ассирийской империи, всепобеждающей державы, простиравшейся от Западного Ирана до Средиземноморья. В Библии она была названа «Калах» и, по словам Агаты, представляла собой «что-то вроде ассирийского Альдершота,[443] военной столицы».[444] Разрушенный в 614–612 годах до н. э., когда вавилоняне захватили власть над Месопотамией, Нимруд начал раскапывать в середине XIX века сэр Генри Лейард, ошибочно принимая его за Ниневию. С 1987 года ни один археолог практически не приближался к Нимруду, поэтому перед Максом, который заинтересовался им еще в 1930-х годах, во время работы с Кэмпбеллом Томпсоном, открывались безграничные перспективы. В 1949 году он подал заявку на разрешение возобновить раскопки.

К тому времени Макс был директором Британской школы археологии (БША) в Ираке, а также профессором западноазиатской археологии Института археологии Лондонского университета. Институт был открыт в 1934 году и начиная с 1937-го занимал Бют-Хаус в Риджент-парке. В конце войны Макс был весьма озабочен перспективами собственной послевоенной деятельности и тем, удастся ли ему подхватить оборванные войной нити карьеры, хотя в глубине души он, должно быть, не сомневался, что Агата всегда подставит ему плечо. «Надеюсь, после войны у нас будет масса возможностей снова заняться археологией, — писал он ей из Триполитании в 1943 году. — Это единственное занятие, которое действительно важно для меня».[445] Как всегда чуткая к тому, что хотел услышать Макс, Агата немедленно ободрила его, заверив, что он сможет продолжить свою работу. «Ты прав относительно будущего, — писала она ему

в 1944 году. — Смышленая миссис Пупер знает: единственное, чего желает мистер Пупер, это копать».[446]

В 1947 году Макс и Агата впервые за десять лет вместе отправились на Восток. «Совершенно очевидно, что существуют сотни слив, ждущих, чтобы их выковыряли из богатого земляного пирога Ирака», — писал Макс домой Розалинде. Он также заканчивал отчет о раскопках в Телль-Браке, где провел сезон 1937 года, и Сидни Смит, для которого отчет предназначался и который был профессором-консультантом в институте, начал подыскивать ему академическую должность. По обыкновению, обстоятельства складывались в пользу Макса. Ему идеально подходил институт. В его обязанности входило чтение лекций — в чем, как говорили, он был очень искусен — и научное руководство аспирантами, такая работа позволяла ему пять месяцев в году проводить в поле. Среди его коллег были Кэтлин Кеньон, специалистка по Палестине, Мортимер Уиллер, «последняя крупная фигура героической эпохи британской археологии»,[447] и Рейчел Максуэлл-Хислоп, недавняя выпускница, специализировавшаяся в западноазиатской археологии и подменявшая Макса, когда он бывал в отъездах. А после рабочего дня он мог возвращаться в удивительно удобную квартиру в Челси, которую незадолго до того приобрела Агата.

> «Ну, вот я и тут, и теперь я профессор Пупер [писал он Розалинде в мае 1947 года]. Сотни людей, преимущественно женщины, простираются ниц, когда я вхожу в здание… Думаю, мне очень повезло, что я подцепил эту должность. Постараюсь быть хорошим профессором, что в твоем представлении, как я догадываюсь, означает находиться в Лондоне, Уоллингфорде, Поллирэче и Гринвее, читать лекции и писать книги — и все это одновременно… Моя голова в последнее время определенно дала усадку: шляпы так и вертятся вокруг нее, так что я вполне отдаю себе отчет, что должен нарастить мозги, если хочу адекватно справиться с тем, чего от меня ждут».

Как говорили на похоронах Макса, его назначение на должность профессора института на самом деле «вызывало некоторые опасения; считали, это все равно что запрячь скаковую лошадь в плуг». Несмотря на это, Макса явно высоко ценили, его способности не остались незамеченными. В любом случае Макс чувствовал себя достаточно уверенным на новом месте, чтобы искать возможности раскопать какое-нибудь значительное место, коим археологи пока пренебрегали. Он нанес визит директору

департамента по охране памятников древности Ирака, во время которого, как он написал в своих воспоминаниях, «всякие представления о предосторожности, если они и были, покинули меня, и я напрямую задал вопрос о возможности нашего возвращения в Нимруд».

Разрешение от иракских властей было получено, но, разумеется, требовались деньги. К тому времени археология стала другой: все еще оставаясь миром в себе, хотя уже и не таким «клубным» занятием, каким была до войны, она сделалась более профессиональной; те, кто ею занимался, были лучше обучены; отношение к Востоку стало не таким имперским, а раскопки в основном велись за счет общественных организаций и частных капиталов. Максу не слишком нравились такие перемены. «Я придерживаюсь того мнения, что в идеале археология — занятие для одиночек, не требующее вовлечения масс», — писал он Агате, и, к счастью, та с ним согласилась. Она оказывала огромную помощь Британской школе археологии. «Ее вклад не поддается никакому счету, — сказала Рейчел Максуэлл-Хислоп.[448] — Существовал фонд, но никто точно не знает, сколько она в него вложила». Что известно наверняка, так это то, что в 1953 году она передала авторские права на книгу «Карман, полный ржи» в дар школе. Эдмунд Корк писал Харолду Оуберу, что «нью-йоркский Метрополитен-музей прекратил поддержку иракского отделения БША, а это означает, что дело жизни мужа Агаты оказалось под угрозой из-за недостатка средств. В связи с этим нам предложили схему, по которой Агата — которая не может напрямую поддерживать школу в силу своих налоговых обстоятельств — передает ей права на „Карман, полный ржи“, которые я выкупил [за 7500 фунтов]».[449] Гонорары тоже шли на поддержку БША и отчасти — на книгу о Нимруде. Корку было довольно трудно осуществлять подобные операции. «За всей этой возней с улаживанием юридических формальностей, — писал он Агате, — вероятно, никто не сказал Вам, сколь удивительной представляется Ваша щедрость обычному человеку».[450]

Работы в Нимруде начались в 1949 году. Как это уже стало для них привычным, Агата и Макс сначала отправились в Багдад, куда прибыли в январе и где Агата, отдыхавшая от работы большую часть предыдущего года, снова принялась за писание. Это тоже вошло в привычку. Именно в Ираке она в основном и писала. В Нимруде, по утрам, когда дом археологов пустовал, она работала в нем, пока за пятьдесят фунтов не пристроила к нему отдельную комнату из саманного кирпича. Комната была квадратной, в ней стояли лишь стол и стул да на стенах висели две картины иракских художников и ее меховой полушубок-

размахайка, который она надевала, когда становилось холодно. Это был «бейт Агата» — «домик Агаты». В нем она сочинила большую часть книг 1950-х годов и начала «Автобиографию» в жанре вольных набросков.

За окном этой комнатушки постоянно стоял шум-гам: кричали люди, лаяли собаки, что-то лязгало. «Рев моторов на лондонских улицах по сравнению с этим — ничто».[451] Основным объектом раскопок был холм, под которым покоилась древняя цитадель. Хотя в конце концов были раскопаны и храмы, и дворец правителя, датируемый восьмым веком до н. э., и квартал жилых домов, и крепость, начались работы с того, что получило название Северо-западного дворца, заложенного Ашурнасипалом Вторым и отчасти раскопанного Лейардом. В нем была найдена стела, покрытая клинописью, в тексте описывались титулы царя, его труды и военные победы, а также — во всех подробностях — грандиозный пир, устроенный в честь этих достижений. Выдающаяся находка. Шурфы глубиной двадцать пять метров были расчищены с помощью оборудования, взятого напрокат у иракского отделения компании «Бритиш петролеум», и в глубине обнаружились неожиданные сокровища: например пара лошадиных шор из слоновой кости, украшенная изображениями сфинксов. В 1952 году на обложке журнала «Иллюстрейтед Ландон ньюс» была напечатана фотография «2600-летней Моны Лизы» — женская головка с раскосыми глазами и чувственными губами, вырезанная из слоновьего бивня. У другой женской головки из слоновой кости были глаза навыкате и рот-щель: «Сестра-уродка».

Находками из слоновой кости (а также фотографированием и составлением каталогов) в основном занималась Агата. У нее было женское чутье на подобные вещи, какого не было у других сотрудников Макса. Это она, например, посоветовала несколько недель подержать «Мону Лизу» завернутой во влажные полотенца, чтобы дать возможность древней слоновой кости постепенно приспособиться к сухому воздуху. Много занималась она и очисткой находок:

> «У меня, как у любого профессионала [писала она в „Автобиографии“], даже появились свои любимые приспособления: палочка из апельсинового дерева — быть может, когда-то она служила тонкой вязальной спицей… баночка косметического крема, с помощью которого удобнее всего было очищать от грязи трещины, не повредив при этом хрупкую слоновую кость. Мой крем пользовался таким успехом, что недели через две

от него ничего не осталось и мне нечем было мазать свое бедное старое лицо!»

В 1953 году она почти в одиночку восстановила более тридцати клинописных табличек из слоновой кости и дерева; их подняли на поверхность разломанными на крохотные фрагменты. Это было ее «великим вкладом в археологию», как писала Джоан Оутс, познакомившаяся с Агатой годом раньше, когда в качестве студентки Кембриджа, ведущей исследовательскую работу, жила в Багдаде в доме БША, «фактически являвшемся для Макса и Агаты родным домом, когда они там пребывали».[452]

Дом с мощеным внутренним двором и балконом, на котором обычно завтракала Агата, стоял прямо на берегу Тигра. Это было очаровательное место и весьма комфортабельное по сравнению с Нимрудом, полностью лишенным удобств. Впрочем, и в свои шестьдесят с лишком лет Агата оставалась неприхотливой в быту: прекрасно мирилась с протекающей крышей дома археологов, спокойно могла провести ночь в палатке, сквозь свод которой дождь лил как из гигантского ведра («ничуть не хуже, чем из лопнувшей бутылки с горячей водой»[453]), с тем, что воду для еженедельной вечерней ванны по четвергам («викторианской сидячей ванны, какие все еще сохранились кое-где в Ираке»[454]) таскали из Тигра на двух осликах и в ней вполне могла оказаться лягушка или рыба. А вот тамошний климат переносить было трудно: безмятежное зеленое благолепие Нимруда могло в один миг оказаться сметенным внезапной бурей.

> «Сижу и пишу тебе посреди осыпающей нас градом свирепейшей бури, какую я только видела в жизни [писала она Розалинде в апреле 1957 года]. Обстановка напоминает паром через Канал — повсюду ведра! В них стекает вода, просачивающаяся сквозь крышу. Кабинет Макса может служить отличным плавательным бассейном! Хорошей погоды вообще не было: десять дней назад наступила такая удушающая жара, что мы почти умирали, пот со лба капал у меня в проявитель и на находки из слоновой кости, которые я очищала. А теперь вот уже два дня — жуткие грозы, дорогу смыло полностью…
>
> Однако что касается находок, то их масса: прекрасные резные вещицы из слоновой кости кучами свалены во всех комнатах дома… Мы с Джоан до изнеможения трудимся над ними все дни напролет, времени катастрофически не хватает, а вещи эти лежали так близко под поверхностью земли, что находятся в

плачевном состоянии. Моя спина… Моя спина! (Все время что-нибудь не так — то с ногой, то с зубами, то со спиной, то глаза слепнут и т. д. и т. д.)».

Неужели все это доставляло ей удовольствие? В некотором смысле — да; но еще и служило определенной цели. «Она чувствовала себя на раскопках спокойно и непринужденно, — рассказывает Джоан Оутс. — Она обожала цветы, ей нравился пейзаж, и она ни разу не сказала, что ей это надоело. Я восхищалась ею. Она была чрезвычайно дружелюбна и щедра, но всегда держалась на заднем плане. Она была как бы доброй матушкой, но при этом никогда ни во что не вмешивалась. Без нее у нас там была бы совершенно другая жизнь. И с Максом было бы гораздо труднее ладить».

Макс пребывал здесь во всех отношениях в своей стихии, и успех вынес на поверхность дремавшую, видимо, в нем склонность к автократии. На раскопках он часто бывал расположен к конфронтации. «Макс был очень капризен и легко выходил из себя», но присутствие Агаты действовало как бальзам. «Ей всего лишь стоило сказать: „Ну, Макс“, — очень спокойным голосом, и он на минуту замолкал, а потом, какова бы ни была причина его гнева, остывал».

Присутствие Агаты Кристи было, конечно, приманкой, привлекавшей внимание к раскопкам и повышавшей их престиж. Это тоже очень подходило Максу. «Макс обожал внимание. На раскопках кто только не побывал: археологи, послы, министры правительства. Это было чрезвычайно интересно. Но я помню Агату на этих мероприятиях: она забивалась в какой-нибудь дальний угол и тихо там сидела. Не думаю, что она нас избегала, просто не принимала участия в разговорах. Всем заправлял Макс… Это была жизнь, которая ему нравилась. Ей же, полагаю, все это было трудно переносить».[455]

Это лишний раз свидетельствует об Агатиной «робости», примеров которой приводят множество в рассказах о ее более поздних годах (в том числе знаменитая история о том, как в 1958 году ее, не узнав, не хотели пропускать в «Савой» на торжественный прием по случаю десятилетия сценической жизни «Мышеловки», и она безропотно ретировалась). Конечно, с годами Агата становилась все больше расположенной к уединению, хотя не всегда обнаруживала неприязнь к публичным мероприятиям. В те времена вокруг британского посольства в Ираке бурлила жизнь — по словам Джоан Оутс, именно этого стало недоставать Максу после революции 1958 года, — и Агата в ней участвовала. «Сегодня мы ведем Светскую Жизнь — коктейль у французского

министра и ужин у кого-то из чиновников Британского совета», [456] — писала она Розалинде из Багдада. И еще: «Вчера мы ужинали в посольстве и познакомились с новым послом — очень энергичным и занятным человеком. В День подарков на „Паутину“ *[ее пьеса, написанная в 1954 году]*[457] приходили целыми семьями, возраст от 11 до 79 лет, и всем понравилось…»[458] Возможно, она делала это ради Макса: всемирно известная Агата Кристи была, в конце концов, его визитной карточкой, — а возможно, «робость» скорее служила ей прикрытием, чем была подлинным свойством характера. Быть робкой иногда полезно. Особенно если человек является объектом повышенного внимания, которое Агате было в тягость. Как, например, случилось в Каире, где она остановилась на несколько дней (и где ей пришлось участвовать «в двух грандиозных посольских приемах»). Хозяева сообщили ей, что прибыли три девушки, которые «видите ли, желают увидеть миссис Мэллоуэн! Когда они узнали, что у нас остановилась сама Агата Кристи, они не могли в это поверить!». Агата описала эту сцену в письме к Розалинде: «Они тихонько гуськом вошли после чая и, выстроившись в шеренгу, застыли молча, не сводя с меня глаз. *Очень* неловкая сцена…»[459]

За пределами Востока, однако, Агате в какой-то мере удавалось держать дистанцию с собственной славой. «Наверняка она была счастлива находиться подальше от гнета, который испытывала в Англии, — сказала Джоан Оутс. — Помню, едва завидев машину — мы все ненавидели осаждавших нас визитеров, — Агата удалялась в свой крохотный „кабинет“ и запирала дверь. Однажды приехали два молодых финна. Они явились специально, чтобы увидеть Агату Кристи, и не желали слышать никаких отказов. Они знали, что она там, и были полны решимости познакомиться с ней. Войдя в дом, молодые люди обнаружили, что у нее отдельная комната, и стали барабанить в дверь, за которой скрывалась Агата. Когда к вам проявляют подобное внимание, можете себе представить, как приятно находиться в месте, где такое случается по крайней мере нечасто».

Это действительно служило одной из основных причин ее частых отлучек на Восток. На протяжении 1950-х гнет общественного внимания к Агате на родине стал столь тяжким, что Восток приобрел для нее притягательность поистине духовного убежища. «Как прекрасно по утрам выползать на балкон и смотреть на Тигр, — писала она Розалинде, — отдохнуть, сидя под солнцем, обдумать парочку замысловатых

убийств, поворошить огонь в очаге и съесть хорошую порцию довольно грубой пищи!» Несмотря на все посольские ловушки, это была более простая жизнь. Она обладала тем обаянием примитива, который Агата изобразила в конце своего раннего романа «Человек в коричневом костюме»: там ее героиня, «молодая цыганка», живет в духовном слиянии с грандиозной южноафриканской природой, и ее ничуть не волнует холодный суперцивилизованный Запад. Что-то привлекало Агату в тамошнем пронзительном воздухе, необузданном климате и улыбчивом арабском фатализме. («Сара наслаждалась его легкой размашистой походкой, гордо-независимой посадкой головы. Только европейские детали его костюма казались безвкусными и неуместными».[460]) Это обаяние она ощутила, впервые посетив Багдад в 1928 году, когда он помог ей перестроиться после кончины ее прежней жизни. Теперь он стал для нее иного рода убежищем. Он приносил очищение. Если Англия грозила одолеть ее, она всегда могла собрать чемоданы и устремиться на Восток. Правда, психоз вокруг ее славы вырос настолько, что за ней могли следовать и до берегов Тигра. Но было еще кое-что, что она каждый год мечтала хоть на время оставить позади; и ей повезло, что к тому моменту на родине у нее была команда людей, которые могли присмотреть за ее делами в обмен на финансовую защиту, которую она им предоставляла. Quid pro quo — услуга за услугу: она получала свободу делать работу, которая обеспечивала их содержание.

Эдмунд Корк теперь большую часть своей жизни посвящал организации жизни Агаты. Агата называла это «Службой Корка»: управляя ее издательскими делами, он одновременно разбирался с арендаторами, устраивал ее путешествия и валютные операции, бронировал места в отелях, покупал театральные билеты на самые разные лондонские представления (желательно во втором ряду партера), делал за нее ставки на Гранд-Нэшнл (и на дерби, если она бывала в отъезде в июне), оплачивал ее счета и пытался — почти неразрешимая задача — улаживать ее налоговые проблемы. «Я полагаюсь на Вас, Эдмунд» — таков был ее постоянный рефрен. Заботиться об Агате неизбежно означало заботиться и о Максе, не только об издании его книги о Нимруде, но и о его личных делах. Например, когда у Макса оказались дела в Париже, Корк забронировал ему номер в отеле «Монталамбер». За все труды Макс отблагодарил Корка замечанием: «Я бы особо никому этот отель не рекомендовал».

Розалинда тоже была включена в орбиту обслуживания матери. В 1949 году она снова вышла замуж — за человека безмерного обаяния по имени Энтони Хикс, который ранее был

принят в гильдию адвокатов, но впоследствии плодотворно работал на Агату, что устраивало обоих. Энтони считал Агату «прекрасной тещей» и, как говорили, боготворил Макса (позднее, когда они с Розалиндой стали хозяевами Гринвея, Энтони настоял на том, чтобы спать на старой узкой кровати Макса, установленной рядом с их помпезным двуспальным ложем). Со своим сдержанным юмором, способностью ладить со всеми, острым умом, который он обычно держал при себе, Энтони очень легко вошел в семью. В какой-то мере отгородившись от мира, он сосредоточился на изучении Тибета, ему нравилось так жить.

Их брак с Розалиндой не был браком по любви. В своем обычном сухом тоне Розалинда сообщила Агате письмом, что церемония бракосочетания состоится в Кенсингтонском бюро записи актов гражданского состояния:

> «Не думаю, что это кому-либо доставит удовольствие, но вам с Максом придется присутствовать, потом надо будет вернуться домой, чтобы не оставлять надолго собак без присмотра. Наряжаться тебе нет необходимости… Надеюсь, что ты довольна. Думаю, лучше нам поселиться здесь [в Поллирэче]. У него есть кое-какие деньги (больше, чем у меня!), и он даст мне 10 тысяч фунтов, но жить на два дома не может себе позволить… Думаю, ты увидишь, что Мэтью тоже доволен. Он всегда настаивает, чтобы Энтони оставался у нас подольше, и мне не кажется, что он станет ревновать».[461]

После трагического опыта первого брака Розалинда решила выйти замуж скорее из прагматических соображений. В этом, как, возможно, сознавала, она шла по стопам матери. Для нее было большой удачей обрести спутника жизни с легким характером — сама Розалинда легкостью характера отнюдь не отличалась — и разделить с ним тяготы, которые она несла в одиночку с тех пор, как в 1944 году погиб Хьюберт Причард: заботы о Мэтью, о Поллирэче и с годами все больше — о матери. Внимание Агаты всегда было сосредоточено на Максе, она считала своей обязанностью ублажать мужа. Макс же, в свою очередь, позволял Розалинде и Энтони ублажать Агату. Оба были достаточно разумны, чтобы понимать, что это приносит им значительную выгоду и что построить отношения по-другому невозможно, хотя Розалинда, при своем рационализме, прекрасно понимала, что происходит. «Энтони посвятил себя моей матери, — писала она на склоне лет, — помогал ей во всех делах и даже взял на себя заботу о ее садах, потому что Макса такими пустяками

беспокоить было нельзя».

В течение 1950-х проблемы, связанные с Гринвеем, со все возраставшей тяжестью ложились на плечи Розалинды и Энтони; лишь финансовая часть оставалась за Агатой.

Когда она уезжала в Ирак, следить за домом и садом должны были Хиксы, что на практике означало необходимость найти добросовестных работников, которым можно было бы доверять. Легче сказать, чем сделать. Агате не нравился главный садовник Гринвея Фрэнк Лавин («Гитлер-Лавин»), но он знал свое дело и всегда собирал богатый урожай призов на выставке цветов в Бриксхеме. Остальные работники, к сожалению, бесконечно менялись. Нет сомнений, что отчасти именно эта ситуация вдохновила Агату на создание образа домоправительницы ее мечты Люси Айлсбарроу, когда она в 1956 году в Нимруде писала «В 4.50 из Паддингтона». В письмах домой она постоянно возвращается к теме слуг, приукрашенный идеал которых определялся для нее пятидесятилетней давности воспоминаниями об эшфилдских слугах: кухарке Джейн, со спокойным достоинством царившей на кухне, и горничных, бесшумно, споро и незаметно двигавшихся по дому. «Что касается Мэйзи, то мне очень жаль, — написала Агата Розалинде в 1948 году, когда та в Поллирэче лишилась своей экономки. — Я так надеялась, что она останется с тобой более-менее на всю жизнь… Что за безрадостный мир».

Уинтербрук тоже требовал присмотра: «Должна сказать, я очень рада, что Смиты там, — писала Агата в феврале 1953 года. — Она такая толстая, уютная и обожает гостей… А он, полагаю, работает и будет продолжать работать в саду в перерывах между бесконечными своими разговорами». Но в том же письме читаем: «Как бы мне хотелось, чтобы уладилось дело и с Гринвеем». Году в 1954-м ей удалось наконец нанять туда надежную супружескую пару по фамилии Гаулер — кухарку и старшего слугу, но случилось это лишь после периода пертурбаций, косвенно спровоцированных самой Агатой. В 1952 году она приняла на службу некую миссис Макферсон, чтобы та в ее отсутствие следила как за домом, так и за садом, а также руководила четой Бристли, работавшей в Гринвее к тому времени уже три года. Отношения между миссис Макферсон и четой Бристли сложились хуже некуда. Бристли не нравилось, что ему указывают, что делать, и он в знак протеста запустил сад до такой степени, что Розалинда была вынуждена сделать предупреждение ему и его (замечательной, надо сказать) жене. После этого предстояло уладить дело с миссис Макферсон. «Мне пришлось поехать в Гринвей, чтобы помочь Розалинде справиться с той

гадкой ситуацией, которая там сложилась, — писал Агате в апреле Эдмунд Корк. — Миссис Макферсон оказалась совершенно не тем, что Вам требовалось. Ее представление об обязанностях управляющей состояло в том, что она должна лишь изображать из себя хозяйку имения…» Месяц спустя миссис Макферсон пыталась покончить с собой в доме, где жила, в Ферри-коттедже, стоявшем на земле Гринвея. Когда полиция провела расследование, оказалось, что она была отпетой мошенницей и дошла до полного отчаяния, вдрызг проигравшись на бегах, к тому же имела неоплаченных счетов на общую сумму более восьмисот пятидесяти фунтов. «Полиция желает знать, что в коттедже принадлежит миссис Макферсон, — писал Корк Розалинде. — Судя по счетам, они полагают, что ей не принадлежит абсолютно ничего, кроме одежды…»[462] Среди счетов был внушительный заказ на спиртное, «который миссис Макферсон, безусловно, обязана оплатить сама». За все остальное заплатила Агата. Несчетное количество писем («миссис Мэллоуэн сожалеет…») с приложением чеков было разослано девонским поставщикам.

После этого переполоха Розалинда и Энтони по-настоящему взялись за Гринвей, который следовало поставить на коммерческую основу, чтобы сократить налоги. В сущности, именно грозный налоговый Молох в первую очередь и заставил Агату нанять миссис Макферсон. «Я сказала ей: „Мы должны зарабатывать деньги“, — написала Агата Розалинде, когда проблемы еще только начинались. — Как я могу платить трем работникам [помощникам садовника] при подоходном налоге 19 шиллингов с фунта, не имея никакой налоговой скидки?»[463] Эдмунд Корк сообщал Агате, что «налоговый инспектор настойчиво задает затруднительные вопросы, совершенно очевидно пытаясь доказать, что сады есть не что иное, как просто ее увлечение».[464] В конце концов эта конкретная проблема была решена, и Энтони возглавил фирму «Сады Гринвея», которой была предоставлена налоговая льгота. В 1959 году Агата формально продала Гринвей Розалинде, чтобы избежать налога, хотя продолжала пользоваться им как собственным домом, в то время как Хиксы жили в Поллирэче. Но события в Гринвее были лишь небольшой интермедией в основном сюжете — преследовании Агаты в связи с налоговой задолженностью как в Америке, так и в Великобритании, начавшемся в 1938 году и продолжавшемся то с большей, то с меньшей интенсивностью до ее глубокой старости.

Это было странное и весьма неприятное дело. Сила характера, которую продемонстрировала Агата, продолжая жить и

работать под этим тяжким гнетом, удивительна. Возможно, Эдмунду Корку следовало действовать более расторопно и энергично, но он был застигнут врасплох невероятным, стремительно растущим успехом своей клиентки, ведь размах продаж ее книг достигал ошеломляющих масштабов. Тем не менее он пытался разобраться с налоговыми требованиями предвоенных лет, которые возникли словно бы ниоткуда.

Соглашение по американским налоговым претензиям было достигнуто только в 1948 году: сумма долга за 1930–1941 годы была определена в 160 тысяч долларов и уплачена векселями с рассрочкой на десять лет (включая векселя, предполагающие выплату долгов из наследства), однако это был далеко не конец истории. Правительство Великобритании выдвинуло претензии на остаток американских доходов писательницы, который был заморожен на десятилетие и теперь возвращен ей; она остро нуждалась в этих деньгах, но отечественные налоговые власти боролись за них до конца 1954 года.

На протяжении всех 1950-х годов эта проблема возникала снова и снова. Ясности добиться никак не удавалось. Добавочный подоходный налог в те времена был запредельно высок, и в марте 1954-го Агата писала Корку из Нимруда: «Налоговая декларация, посланная мне Хейвеном[465] [невероятно, но именно такова была фамилия ее бухгалтера], потрясла меня до глубины души! Неужели я действительно заработала за год 30 тысяч фунтов? Где все это?!!»

«Действительно ужасно, — писал он в ответ, — что человек может заработать 30 тысяч фунтов и получить так мало. Едва ли подобный факт способен воодушевить автора продолжать работу над книгой, которой ждут не дождутся издатели [она работала над романом „Место назначения неизвестно“]. Короткий ответ на вопрос, где все это, — мистер Батлер… В текущем году налоги составят 25 100 фунтов плюс по 25 800 фунтов за два предыдущих года». В том году удалось наконец решить «с английского конца» изнурительный спор об американских налогах — это означало, что уплаченные в Америке налоги были наконец признаны «расходами, вычитаемыми из суммы, облагаемой налогом» (уже большое облегчение), однако оставалось большое количество долгов на родине. В сентябре 1954 года Корк проинформировал Агату, что ее долг британскому государству составляет около 70 тысяч фунтов. Учитывая врожденное неумение Агаты экономить, он благоразумно перевел приблизительно такую сумму на счет, который называл ее «депозитным счетом номер один». «У меня словно гора с плеч свалилась, — писала она ему, поскольку до того полагала, что на

„счете номер один“ у нее всего фунтов двадцать семь. — Вы намеренно скрыли от меня, какое богатство хранится на счете номер один, чтобы я не могла истратить его без Вашего ведома? И очень мудро поступили! А то бы я купила скаковую лошадь и начала собирать конюшню».[466]

Это было весьма ободряющей информацией, и, несмотря на то что речь шла об очень крупной сумме, Агата радовалась, что может ее уплатить, в надежде, что теперь она сбросит наконец с плеч департамент по налогам и сборам. Разумеется, все оказалось не так. В конце 1954 года она писала Розалинде из Суон-Корта, что только что получила от Корка письмо, в котором говорится: «Я беспокоюсь, Агата, страшно беспокоюсь! Я ужасно боюсь, что в будущем году ваш доход составит 100 тысяч фунтов!» При тогдашней налоговой политике правительства это действительно было поводом для серьезной тревоги. «Что-то необходимо сделать, причем быстро. Я говорю об этом уже много лет» — так заканчивалось ее ответное письмо.

План, который Корк обдумывал уже давно — быть может, слишком долго, — состоял в том, чтобы превратить «Агату Кристи» в компанию с ограниченной ответственностью, где Агата будет наемным работником с обязанностью писать романы за зарплату. Ее доход составит приблизительно ту же сумму, которую она получала теперь после уплаты налогов, но правительству достанется куда меньше денег, поскольку компания будет обязана платить лишь налог с дохода по стандартному тарифу. В 1955 году был создан Фонд доверительной собственности Кристи. Доверительные собственники выкупили сто акций компании, получившей название «Агата Кристи лимитед» и контролируемой самой Агатой. В 1957 году была создана компания «Авторские права Кристи», призванная печься о соблюдении авторских прав почти на все произведения Агаты (за собой она оставила право распоряжаться лишь двадцатью книгами и рассказами). Это снимало возможные проблемы после ее смерти: в ином случае ее авторские права могли быть оценены в сумму около 20 миллионов фунтов — как это было с авторскими правами Бернарда Шоу, — если бы власти решили умножить доход от дорогостоящих прав (например на «Свидетеля обвинения») на количество написанных ею рассказов.

В сущности, Агате пришлось раздать все, что она могла, способом, оптимальным для нее самой, чтобы не отдавать департаменту налогов и сборов. К тому времени она уже подарила права на «Мышеловку» и «Игру зеркал» Мэтью, на «Карман, полный ржи» — БША и на публикации в периодике

рассказа «Святилище» — Фонду Вестминстерского аббатства, но все это было сделано не столько ради ухода от налогов, сколько по доброте. Теперь она передала права на фильм «Свидетель обвинения» Розалинде, на роман «Хикори-дикори» — двум племянникам Макса, Джону и Питеру Мэллоуэнам, учредив фонд для оплаты их образования; определенные суммы она отчислила семейству Бомер (родственникам ее матери), своим крестникам и Шарлотте Фишер. Она жертвовала на благотворительность домам престарелых, а позднее учредила Детский фонд. Права на рассказ «Ошибка Гриншоу»[467] она отдала Эксетерской епархии, чтобы та расплатилась за витраж для церкви в Чарстон-Ферререз, неподалеку от Гринвея, прихожанкой которой она являлась. Агата по натуре была чрезвычайно щедрым человеком, но теперь ей еще и приходилось быть таковой.

С самого начала она испытывала сомнения относительно придуманной ее помощниками схемы: «Надеюсь, это не противоречит этике? В наши дни бывает так трудно разобраться».[468] Находя свои налоговые счета абсурдными, доказывающими непомерную алчность правительства, она никогда даже не рассматривала возможности уклониться от налогов, сменив гражданство, или прибегнуть к уловкам в отношениях с департаментом налогов и сборов. Поэтому подсознательно ей было неловко хитрить и изворачиваться с собственными деньгами. Почему должно быть так? На пороге семидесятилетия она продолжала очень усердно трудиться и не по своей вине вынуждена была играть в абсурдную игру с налогами, стараясь не пасть жертвой собственной невероятной популярности. Она хотела оставаться честной. «Со всеми этими текущими рекой деньгами и работой, которая дается все тяжелее, жизнь стала куда хуже, чем была, когда мы имели всего четыреста фунтов в год и я каждый день гуляла в парке с коляской»,[469] — писала она Корку.

Он, разумеется, действовал исходя исключительно из интересов Агаты, как он их понимал, и прилагал все возможные усилия, чтобы создать наилучшую схему. В этом ему помогал Энтони с его блестящими «юридическими мозгами». Он наряду с Корком и Розалиндой должен был стать одним из доверительных собственников. Отчасти в этом и заключалась загвоздка. Вся схема — которая, по сути дела, осуществлялась без участия Агаты и в которой она занимала место лишь «наемного раба на зарплате», как она это называла, — была выгодна отнюдь не ей. «Это по-настоящему огорчает Розалинду и Энтони», — писала она Корку в 1956 году. К тому же чудовищная неловкость состояла в том, что пришлось сообщить Агате: чтобы система заработала,

она должна прожить еще пять лет. «Как цинично это звучит, — писал Корк. — Махинации с налогами всегда выставляют людей в бесчеловечном свете. Но пожалуйста, поверьте, в том, что касается нашей дорогой Агаты, мы не бесчеловечны».[470] Она прекрасно понимала их смущение («Дорогой Эдмунд, Кукла сделает все от нее зависящее, чтобы прожить еще пять лет»), но ей вся эта затея очень не нравилась, и она хотела отмежеваться от нее насколько возможно.

> «Все сложности оставляю Вам и Энтони, которого, подозреваю, они могут даже воодушевлять. На Розалинду можно рассчитывать как на тормозной рычаг, смазанный безукоризненным пессимизмом.
>
> Не расстраивайтесь слишком сильно из-за всего этого. Я всегда знала, что в налоговых делах кости выпадают в пользу лишь одного игрока».[471]

Розалинде и Энтони Агата писала: «Вся эта затея предпринята ради вашего блага, не моего, поскольку средства, обеспечивающие мое существование (и роскошное существование!), остаются более-менее неизменными. А посему, если вы не заинтересованы по-настоящему и не считаете это дело благородным, оставьте все как есть. [Но] если вы оба полагаете, что вероятные хлопоты и осложнения того стоят, тогда — вперед! Лично я не намерена не только беспокоиться о чем бы то ни было, но даже и вникать в это. Считаю, что это целиком ваше дело».[472]

Письмо было переслано Корку как свидетельство безразличия Агаты. «Я решительно не готов продвигаться вперед до тех пор, пока наша схема не получит Вашего безоговорочного одобрения, — написал он ей. — Ее осуществление возможно лишь при условии Вашего полного доверия ко мне и Энтони…»[473] Он не переставал верить, что создание компании необходимо, но отчаянно хотел, чтобы Агата была довольна затеянным предприятием, хотя в глубине души знал, что это не так. Тем не менее она согласилась со схемой.

> «Задетая тем, что была названа безразличной (не вами — Энтони), я послала возмущенную телеграмму, отвергающую обвинение. Покладистая — да, но не безразличная… Ладно, оставьте сомнения, Эдмунд, я знаю, что Вы делаете все возможное для моего финансового благополучия (и покоя!), и полностью доверяю Вам и Энтони, тем более что я сама всегда побуждала Вас придумать что-нибудь в этом роде, разве не так? Поэтому не давайте тревогам слишком омрачать

Ваше чело».[474]

Но она оказалась права, сомневаясь в том, что придуманная схема защитит ее. В 1957 году департамент по налогам и сборам снова зашевелился. Он оспаривал правомочность передачи налогового бремени по доходам от прав на издание произведений Агаты, которые составили около 120 тысяч фунтов, в руки доверительных собственников. Надо признать, что схема, согласно которой утверждалось, будто Агата «умерла как автор» в 1955 году и возродилась всего лишь как наемный служащий компании с рядовым налоговым индексом, действительно вызывала сомнения. Сначала департамент согласился с подобным изменением ее статуса, потом, как выразился Корк, «передумал легко, как это может делать только корона». Так же как после дела Сабатини в 1938 году, для Агаты начался кошмар налоговых проблем в Америке, в Англии над ней нависла новая угроза ввиду прецедента, ждавшего судебного решения, — на сей раз речь шла об авторских правах покойного писателя Питера Чейни; дело завершилось лишь в конце 1964 года.

Тем временем Корк решил действовать дальше. После успеха «Свидетеля обвинения» возник большой интерес к нему со стороны киноиндустрии; перспектива сотрудничества с Эм-джи-эм казалась простым способом откупиться от налоговиков, если такая необходимость возникнет. Сделка оказалась неудачной. По словам Мэтью, книги Агаты «были просто отданы первому, кто сделал предложение».[475] В начале 1960 года компания Эм-джи-эм заплатила 75 тысяч фунтов за права на экранизацию и телепостановку; в то время ожидалось, что доход — который должен был быть разделен пополам между Эм-джи-эм и «Агатой Кристи лимитед» — будет приличным. И снова Агата усомнилась, и снова оказалась права. «Надеюсь, из-за соглашения с Эм-джи-эм не будет „разбитых сердец“… Но чему быть, того не миновать! И потеряв в деньгах, можно избавиться от забот. Только не надрывайте из-за этого свое сердце, Эдмунд, дорогой…»[476]

В Эм-джи-эм на роль мисс Марпл взяли Маргарет Рутерфорд, которая на первый взгляд совершенно не подходила для нее по своим физическим данным — крупная, с грузной подпрыгивающей походкой, лицом, которое кто-то сравнил с яйцом-пашот, — но при этом с подобающе мягким голосом и чисто английским дамским обаянием. Как написал Розалинде Корк, «она гораздо больше похожа на мисс Марпл, чем иные лишенные простоты американские кокетки, которых нам предлагали. У Эм-джи-эм есть виды на Рутерфорд и на будущее, так что можно надеяться на долгую и прибыльную экранную

жизнь мисс Марпл». Первый фильм, «Она сказала: „Убийство“», вышедший в 1961 году, являлся экранизацией «В 4.50 из Паддингтона». Он имел хорошие сборы, но у Агаты были основания написать Корку после семейного просмотра фильма в кинотеатре «Ригал» в Торки: «По правде сказать, фильм весьма слабый! Я так и думала тогда, вечером, в Лондоне, но не могла сказать этого в присутствии Маргарет Рутерфорд, тем более что она-то как раз очень хороша. Я подумала: может, у меня сложится другое впечатление, если я еще раз посмотрю фильм в настоящем кинотеатре, с публикой? Но нет, решительно нет».[477]

Агате нравилась Маргарет Рутерфорд, она восхищалась ею и посвятила ей «И, треснув, зеркало звенит». «Поверьте, для меня это момент величайшей в жизни гордости, — с трогательной искренностью написала ей Рутерфорд. — Я рада, что Вам понравилось мое исполнение, поскольку никто, кроме Вас, по-настоящему не знает, какая она, „мисс Марпл“. Я лишь с полным доверием отдала себя в ее руки, и она сделала остальное… Она сделала меня очень счастливой!» Пикантность ситуации состояла в том, что, хотя актриса выражала горячее желание продолжать работу, Агата предпринимала все возможное, чтобы остановить съемки фильмов. Ее мнение о картине «Она сказала: „Убийство“» («весьма слабый») было пустяком по сравнению с тем, что она думала об «Убийстве на скаку» — крайне вольной интерпретации романа «День поминовения», действие которого в фильме по непонятной причине перенесено в школу верховой езды, и о «Самом подлом убийстве» — еще более вольной интерпретации романа «Миссис Макгинти с жизнью рассталась».[478] Когда Агата ясно дала понять, что она думает по поводу излишних вольностей в обращении с ее текстами, Эм-джи-эм не нашла ничего лучшего, чем выйти с фильмом «Убийство: аврал!», в котором мисс Марпл действовала на корабле военно-морских сил и который вообще не имел ничего общего ни с одним из сюжетов Кристи.

После этого студия принялась за Пуаро, которому уготовила реинкарнацию в облике усатого старого развратника — его роль исполнял Зеро Мостел. Были сняты также «Убийства по алфавиту»[479] — с Тони Рэндаллом в роли Пуаро и Маргарет Рутерфорд в роли мисс Марпл, на этом все и закончилось. Поначалу у Агаты сложились дружеские отношения с Лоренсом Бэчманном, представителем Эм-джи-эм, который нанес ей визит в Гринвее и очень ей понравился, поскольку и он, и его жена обожали собак (Агата к тому времени обзавелась собственным манчестерским терьером по кличке Трикл из помета 1955 года, которого Розалинда подарила матери, поскольку он не ладил с ее шитсу). Бэчманн заверил Агату, что экранизации — хотя они

неизбежно и будут несколько отклоняться от оригинального сюжета — не расстроят ее и не поставят в неловкое положение. Так что она была готова даже к существенным изменениям. «Не думайте, что я расстроена фильмом «Она сказала: „Убийство“», — писала она Корку. — Вовсе нет! Он более-менее соответствует тому, чего я и ожидала».[480] Но на премьере «Убийства на скаку» она присутствовать отказалась и не без язвительности написала Бэчманну по поводу переноса места действия в школу верховой езды: «Смотрите не убейте Маргарет Рутерфорд, заставляя ее слишком много заниматься спортом на свежем воздухе».[481] Но больше всего ее расстроило название фильма «Убийство: аврал!». «Возвращаю Вам эту чепуху! — написала она Пэт Корк (дочери Эдмунда) по прочтении сценария в марте 1964 года. — Почему, черт возьми, Эм-джи-эм не может писать собственные сценарии, снимать Маргарет Рутерфорд в роли некой старой дамы, скажем мисс Сэмпсон, получать массу дешевого удовольствия и оставить в покое мои сочинения?» Об этом не могло быть и речи. В Эм-джи-эм очень ценили ее книги; только вот почему при этом они сделали все, что могли, чтобы погубить все то, что в них действительно ценно?

> «Для меня было шоком обнаружить, что у Эм-джи-эм есть право писать собственные сценарии по моим книгам и на свой вкус переделывать моих персонажей. Этого ни я, ни Розалинда не знали…
>
> Едва ли может быть большее несчастье для автора, чем видеть характеры своих героев полностью извращенными. В конце концов, у меня как у автора есть некоторая репутация… Я испытываю отвращение и стыд от того, что сделала, согласившись сотрудничать с Эм-джи-эм. Моя вина. Иногда делаешь что-то лишь ради денег, а этого делать не следует, потому что ты как человек уже являешься неотъемлемой частью своей литературной целостности. Раз попав в ловушку, из нее уже не вырвешься. И это одно из тошнотворных явлений нашего времени… Я держалась до семидесяти лет, но в конце концов пала.
>
> Если у них есть право до бесконечности писать эти свои сценарии, мы действительно в ловушке. Но я все же надеюсь, что это не так».

Письмо было адресовано Лари Бэчманну, который, извиняясь за «трудности с „Убийством: аврал!“» и пытаясь приободрить ее насчет «Убийств по алфавиту», писал: «Прошу Вас, не сомневайтесь, что в целом концепция характера Эркюля Пуаро

такова, что она не нанесет ущерба Вашей гордости за создание этого всемирно известного образа… Мы не сделаем его беспутным, „охочим до юбок“, сомнительным или мелким персонажем».[482] («Сколько ни повторяй „халва“, во рту слаще не станет» — так начинался ответ Агаты, и если он мог лишь смутить Бэчманна, то дальнейший текст письма не оставлял никаких сомнений: «Я по-прежнему сомневаюсь, что у Вас действительно есть право действовать так, как Вы действовали до сих пор».) Корк изо всех сил старался сдерживать дальнейшие эксцессы со стороны Эм-джи-эм, но это была битва, обреченная на поражение, и он это понимал: «Ни одна кинокомпания не поступится правом на неограниченный контроль над текстом», — писал он Энтони в мае 1964-го. Однако Агата тоже была упряма. Фильмы становились раз от разу все хуже, фактически они начинали позорить ее, и не оставалось ни малейшей надежды, что Эм-джи-эм когда-нибудь начнет относиться к ее книгам хоть с каким-то уважением. Положение было патовым. В июле 1965 года Корк сообщил, что «Эм-джи-эм больше не планирует фильмов, поскольку считает нецелесообразным работать дальше, не имея более гибкого соглашения относительно адаптации текстов, чем то, которое мы готовы им предоставить». Розалинде он написал: «Какое облегчение освободиться от Эм-джи-эм…» Компания поручила Агате написать сценарий по «Холодному дому» Чарлза Диккенса — одному из ее любимых романов. За этот сценарий ей — точнее, «Агате Кристи лимитед» — в 1962 году заплатили 10 тысяч фунтов. Сама по себе работа доставляла ей истинное наслаждение, но ее мучили постоянные вмешательства. «Она говорила, что ни одна работа не сопровождалась для нее такой головной болью, как эта»,[483] — писал АЛ. Роуз. Фильм по ее сценарию так и не сняли.

Таким образом, альянс с Эм-джи-эм не принес ожидавшихся дивидендов. А дело Чейни, которое с 1957 года все еще ждало своего решения, действовало против нее. В ноябре 1964-го Корк написал ей: «Излишне говорить, как прискорбно было мне сообщить Вам вчера вечером, что мы проиграли наш иск против особых уполномоченных». Вследствие этого она оказалась должна от 100 до 125 тысяч фунтов — такова была ставка по задолженности с 1955 года. «Боюсь, Агата будет потрясена, когда осознает, какие суммы стоят на кону», — писал Корк Энтони; сам он был чрезвычайно этим расстроен и пребывал в отчаянии от того, что не сумел ее защитить.

Он пытался приободрить Агату: «По моим подсчетам, выручки за авторские права, которые мы приберегли на всякий случай, должно с избытком хватить», — уверял он ее, но,

разумеется, при ставке налога 18 шиллингов с фунта на доход от продажи авторских прав рассчитывать не приходилось. Призрак банкротства снова поднял голову. «Вы останетесь безоговорочно платежеспособной», — старался утешить ее Корк, но это откровенно неправдоподобное предположение не выдерживало критики. «Я более чем когда-либо уверен, что будет найдено решение, которое не коснется кубышки и не заставит Вас хоть как-то изменить свой образ жизни. Если Вы сами решите несколько сократить расходы, тогда другое дело!»[484]

Это была отчаянная битва. Хотя ничьей вины в том не было — если не считать грабительского департамента по налогам и сборам, — для Агаты ситуация оказалась жестокой. Решение виделось в иске, но иск был проигран. Чем больше денег выплачивалось, тем больше требовалось. В молодости Агата обладала стойкостью, позволявшей противостоять подобным ситуациям, которые с безжалостной неотвратимостью преследовали ее всю жизнь. Но в семьдесят лет справляться с ними стало трудно, хотя внешне она держалась мужественно.

> «Теперь, когда недоброй памяти финансовый год завершился [писала она Корку в марте 1966 г.], не будете ли Вы любезны прислать мне отчет по моим счетам, чтобы я знала, каково мое положение и почему — я ведь понятия не имею, как или что трачу. И это меня беспокоит. Так что окажите любезность, поскольку у Вас в руках есть цифры, а у меня нет. Пока я не могу сказать, что 1966 год был удачным… Благодарю Вас за приложенные к письму счета. Не могу не пожаловаться на Медли [один из ее юрисконсультов]! Разговоры, разговоры, разговоры, возражения — и никакого положительного результата!»

В октябре в Сомерсет-Хаусе состоялась встреча, во время которой сумма ее задолженности была определена почти в 200 тысяч фунтов, но также достигнуто соглашение о том, что она может продать сохраненные ранее за собой авторские права компании «Агата Кристи лимитед» за 150 тысяч без уплаты налога. Агата находилась в тот момент в Америке и в письме из Принстона написала:

> «Было приятно получить от Вас письмо, хотя должна признать, что я далеко не разделяю Вашего необъяснимого ликования!.. Если люди из налогового ведомства разрешают мне продать мои авторские права компании „Агата Кристи“, то уж они позаботятся, чтобы

почти вся вырученная сумма пошла на уплату обычного подоходного налога, — и, без сомнения, так и будет! Почему бы нет? Это их работа. Нет, я не вижу повода для радости.

Мы здесь прекрасно проводим время…»

В конце концов своего рода решение было найдено, когда 51 процент акций «Агата Кристи лимитед»[485] был продан в 1968 году. Покупателем стала «Букер Макконнелл» (компания, учредившая в 1972 году Букеровскую премию), дочернее предприятие которой точно так же выкупило контрольный пакет на авторские права Яна Флеминга, включая права на все книги о Джеймсе Бонде. К 1972 году Букер заинтересовался также теми правами, которые находились в распоряжении компании «Авторские права Кристи».[486] После этого компания одолжила Агате сумму, которую та задолжала департаменту по налогам и сборам, под залог авторских прав, которые она продолжала удерживать за собой. Вот так получилось, что в восемьдесят с лишним лет Агата Кристи оказалась персональной должницей компании «Букер Макконнелл», освободившись, правда, наконец от обязательств по отношению к департаменту налогов и сборов, скинув с себя груз, который давил на нее — к концу жизни давил чудовищно — более тридцати лет. То, что называли загадкой ее завещания, а именно тот факт, что она оставила после себя всего 106 тысяч фунтов, на самом деле никакой загадкой не было. Просто все остальное у нее отняли.

Позиция Розалинды всегда была сложной — как и все в отношениях между ней и матерью. Для начала следует признать, что ее точка зрения на творчество матери была далека от открытости. Как и Агата, она ненавидела публичность (потому что с 1926 года тоже жила с осадком в душе и по натуре была человеком приземленным и подозрительным к пустым комплиментам), а что могло завораживать публику и вызывать духов прошлого больше, чем слова «Агата Кристи»? Романы, написанные под псевдонимом Мэри Вестмакотт, были откровенно автобиографичны, что заставляло Розалинду в зрелые годы с раздражением, подчеркнуто решительно отрицать это, — по словам ее сына, она бы предпочла, «чтобы они никогда не были напечатаны». Пьесы Агаты шли повсюду, но премьеры Розалинда ненавидела всей душой. «Она не гордилась матерью и тем, чем та занималась».[487]

Вовсе не удивительно, что Розалинда испытывала обиду — слишком глубокую, чтобы признаться в ней даже себе: ведь

именно из-за карьеры Агаты в душе девочки запечатлелся образ вечно отсутствующей матери, каковой Агата, несомненно, и была. В глазах Розалинды работа Агаты отчасти была причиной и того, что распался ее брак с Арчи («Она слишком часто оставляла его одного…»). Портрет же самой Розалинды, нарисованный в «Неоконченном портрете» и в меньшей мере в романе «Дочь есть дочь», был столь вызывающе трезвым, что, читая эти книги, невозможно отрицать: в первую очередь Агата была писателем и лишь во вторую — матерью.

К Мэтью Агата относилась совсем по-другому. Она безумно любила его с самого начала за счастливый оптимизм характера. Остроту этой любви добавляла гибель Хьюберта Причарда и безотцовство Мэтью. Ее льющееся через край восхищение «чудесным мальчиком» резко контрастировало с холодным, ироничным отношением к Розалинде («Маме не следует сдерживать себя, если у нее возникнет желание написать мне, — писала Розалинда Мэтью. — Скажи ей это»).

Подсознательно преувеличенное восхищение внуком могло быть направлено против Розалинды. Агата не первая, кто поступал подобным образом: женщины, которые в свое время держались отстраненно от собственных детей, довольно часто становятся истово преданными бабушками, словно бы желая доказать детям, что материнские чувства им не чужды. Однако нет сомнений, что Мэтью Агата действительно считала более родственной душой, нежели Розалинду.

И когда он был веселым мальчиком в Итоне, и когда — красивым юношей в Оксфорде, она наслаждалась его обществом: отвозила в школу в своем «роллс-ройсе», наблюдала, как он играет в крикет в Лорде, могла внезапно увезти его в Стратфорд («Я беру с собой Мэтью, — писала она Розалинде. — Сообщаю тебе это, а не прошу разрешения, потому что ты поднимешь шум и скажешь „нет“», — и вместе с ним предавалась их общей любви к Вагнеру в Бейруте. Во многих отношениях он действительно гораздо больше напоминал Агату, чем мать (хотя внешне был похож на Розалинду и Арчи). Розалинда не излучала радости жизни. Она ничего не могла поделать с собой и относилась к сыну скептически. «Мой бедный маленький дурачок», — назвала она его в письме к Агате в 1944 году. Избытком материнских чувств она не страдала. «Агате иногда с ужасом казалось, что Розалинда любит своих собак больше, чем Мэтью», — сказал Джон Мэллоуэн (не без иронии, учитывая, что песика Питера сама Агата называла своим «ребенком»), но на самом деле, как многие люди, демонстративно подчеркивающие свою любовь к животным, Розалинда была отнюдь не бесчувственна к людям,

только ей было трудно это показать. В детстве она очень тосковала по отцу, но была вынуждена скрывать это. Она пыталась завоевать внимание матери ерническими или грустными письмами, но проиграла Максу. И, став взрослой, она продолжала играть в семье странную роль еще молодой и очень привлекательной женщины, живущей пусть и в полном согласии, но в браке по расчету, не имеющей права произнести вслух имя отца, живущей с матерью, для которой она должна была вечно оставаться служанкой. И в чем же среди всего этого заключалась ее собственная жизнь?

В то же время Розалинда была законченным прагматиком (еще одно различие между ней и матерью) и прекрасно понимала, что Агатины книги обеспечивают им всем безбедное существование. Если у них с Энтони были проблемы с Гринвеем, то они ведь и владели Гринвеем; если им приходилось беспокоиться о том, как поступить с деньгами, то ведь они и имели деньги. Так что роль служанки оказалась единственно возможной.

Но обида Розалинды опасно давала себя знать, когда речь шла о компании «Агата Кристи лимитед», хотя та и на свет-то появилась ради ее собственного блага (а также блага ее мужа и ребенка). В соответствии с уставом компании Агата была наемной работницей с ежегодным жалованьем. В письмах к Розалинде Корк шутливо называл Агату «нашей служащей», в сущности, чтобы подчеркнуть, что на самом деле она оставалась ее полноправной хозяйкой. А вот Розалинда никаких угрызений совести не испытывала. «Я рада, что „Агата Кристи лимитед“ заработала кое-какие деньги, и искренне надеюсь, что не все они будут выплачены нашей Рабыне-на-зарплате!»[488] Звучит тоже как шутка, но это не шутка. «Надеюсь, Вы не выплатите слишком большую часть из этих 14 тысяч фунтов моей матери в виде зарплаты!»[489] — писала она Корку, который сообщил ей, что доход компании по итогам первого года работы составил именно такую сумму. К 1958 году компания накопила 45 тысяч; Корк предложил поднять жалованье Агаты с 5 до 7,5 тысяч. «Я нахожу эту идею очень плохой, но, если Вы думаете, что это будет приемлемо при подоходном налоге 5 тысяч фунтов и ежегодных расходах 3 тысячи, придется обдумать Ваше предложение…»[490]

В некотором роде было правдой, что ежегодное жалованье являлось формальностью, соблюдавшейся, чтобы выполнять условия схемы минимизации налогов. Агата по-прежнему получала деньги от продажи авторских прав, хотя они, как и все остальное, чем она владела, потенциально могли быть отняты департаментом по налогам и сборам. Тем не менее отношение

Розалинды было удивительным, и Корка оно озадачивало. Когда «Агате Кристи лимитед» заплатили 10 тысяч за сценарий «Холодного дома», он осторожно намекнул, что «было бы правильно [со стороны компании] выразить благодарность Агате, выплатив ей пять тысяч».[491] В ответ пришло такое письмо: «Я неуверена, как, полагаю, Энтони уже сообщил Вам по телефону, что моей матери следует выплатить лишние деньги, и должна подумать об этом. Хотя я рада, что компания получила 10 тысяч!»[492]

Розалинда согласилась, что Агате нужна новая машина; до того издательство «Коллинз» подарило ей огромный «хамбер», но с ним были одни неприятности. Однако Корку понадобилось немалое время, чтобы настоять на необходимости выплатить Агате эти дополнительные 5 тысяч фунтов.

И все же, несмотря ни на что, Розалинда всегда защищала мать. В феврале 1957 года она писала Корку о статье, которая появилась в «Дейли мейл»: «Я чрезвычайно расстроена из-за упоминания в ней ее исчезновения. Там сказано [о некой исчезнувшей женщине]: „Не уверен, что она не играет с нами в Агату Кристи“. Не знаю, можете ли Вы заявить по этому поводу какой-нибудь протест, но я очень сердита и знаю, что маме это не понравится… Я действительно очень расстроена». События 1926 года всегда были для Розалинды болезненным воспоминанием — по смешанным причинам, разумеется. У нее самой было много оснований обижаться из-за них на обоих родителей, и ей приходилось всегда поддерживать полувымышленную «официальную» версию. В то же время, как только этот сюжет всплывал, она поднималась на защиту матери. Ей было невыносимо, когда Агату порочили или насмехались над ней; она слишком хорошо помнила, как сильно та страдала тогда, и ей причиняло почти физическую боль, если эти страдания выставляли ничтожными. «Неприкасаемый сюжет», как назвала его Джоан Оутс, был оселком, на котором испытывали каждого, прежде чем позволить переступить «персональный Розалиндин порог». Перед любым, кто считал тогдашнее поведение Агаты обманом или желанием сделать себе рекламу, дверь ее дома захлопывалась. Джудит Гарднер была подругой детства Розалинды; ее мать, Нэн Кон, — подругой Агаты; когда в 1959 году Нэн умерла. Агата написала Джудит: «Если когда-либо тебе понадобится помощь или совет старшего, я всегда в твоем распоряжении, и ты можешь считать меня в некотором роде своей матерью». Тем не менее в 1996 году Джудит стала сотрудничать с Джаредом Кейдом в его работе над книгой, которая претендовала на раскрытие тайны исчезновения Агаты и в которой оно

безоговорочно называлось рекламным трюком. Розалинда, которая сочла поведение Джудит объявлением вендетты ее семье, была потрясена и испытала омерзение к поступку бывшей подруги. Как ни странно, сама Агата, узнав в 1960 году, что журналист Ричи Колдер собирается писать книгу, в которую должны были войти его «воспоминания» о том, как Агату обнаружили в Харрогите, отреагировала вяло. Агата писала Эдмунду Корку: «Вы, наверное, беспокоитесь, что это дошло до моих ушей, но, в конце концов, это ничем не хуже того, что дает всходы каждые несколько лет. Так какой смысл поднимать шумиху на этот раз?» Отчасти это могло быть бравадой, но, так или иначе, Розалинда всегда старалась, чтобы подобные слухи обходили Агату стороной.

Точно так же она упорно стояла на страже интересов творчества матери. Она яростно отбивала атаки на ее книги, которые часто случались и после смерти писательницы, хотя успех их был таков, что они не нуждались в защите и можно было бы спокойно предоставить кому угодно говорить что угодно. Но Розалинда чувствовала, что жизнь и творчество Агаты Кристи часто извращают, как в передаче «Я обвиняю» Четвертого канала, которая ее очень разгневала.[493] До собственной смерти в 2004 году Розалинда чувствовала себя обязанной защищать книги матери. Даже перестав быть влиятельным лицом в компании «Агата Кристи лимитед», она ополчалась на многое, что делалось от имени компании, протестовала против адаптаций, которые казались ей абсурдными, неприемлемыми и недостаточно уважительными к оригиналам. Превосходный телесериал Би-би-си с Джоан Хиксон в роли мисс Марпл заслужил ее восторженную похвалу; сериал Ай-ти-ви «Пуаро» в целом одобрен, но она не могла понять необходимости все же встречающихся в нем неточностей. Розалинда была уверена: чем ближе интерпретация к оригиналу, тем лучше, и в общем была права. Но ее уверенность зиждилась исключительно на преданности матери и убежденности, что так хотела бы сама Агата.

Она помнила, например, в какое отчаяние повергали мать экранизации Эм-джи-эм. Агата пыталась не принимать это близко к сердцу, но на самом деле ее это очень глубоко задевало, и в марте 1964 года Розалинда написала Корку:

> «Я чувствую свою личную ответственность, и мне стыдно за наше соглашение с Эм-джи-эм. Лари Бэчманн знал, что он не прав как с юридической, так и с моральной точки зрения в том, что касается этого фильма… Вы можете сказать, как постоянно говорили

все последние дни, что это хорошие деньги, но я пребываю в смятении (и искренне огорчена тем, что Вы не разделяете моих чувств) оттого, что мы действительно подвели мою мать в этом деле».

А вот из письма, написанного в 1965 году: «Меня очень тревожат налоги моей матери… Главное опасение касается моей матери… Она неважно выглядит, и я знаю, что все это ее очень беспокоит».[494]

Возникало ощущение, будто Розалинда чувствует свою вину перед Агатой: не только из-за того, что матери приходится тяжело трудиться ради их общего благополучия, но и из-за того, что у нее самой вызывает отвращение работа, за которую она, казалось бы, должна быть только благодарна. Чтобы Агата могла писать, Розалинда должна была помогать ей управляться со всем остальным. Так сложилась жизнь, и это порождало в душе Розалинды смешанные чувства, о которых она, будучи таким человеком, каким была, не только не говорила вслух, но даже не позволяла себе думать. Тем не менее ее постоянное стремление оградить Агату отчасти все же было связано с чувством вины: защищая мать, она пыталась избавиться от этого чувства и доказать самой себе, что оно ложно.

Чем старше становилась Агата, тем больше оберегала ее Розалинда. А после смерти матери она вообще превратилась в разъяренную львицу и без малейших колебаний бросалась защищать ее и как женщину, и как писательницу. «Даже при том, что я ее дочь, я уверена, что она была исключительной личностью!»[495] Так же как мать, Розалинда являлась продуктом своего времени, в котором было не принято проявлять слабость на людях, но в отличие от матери обладала незаурядной способностью принимать все, чем огорошивала ее жизнь, спокойно и относиться ко всему просто как к данности. Она была дочерью Агаты Кристи, что влекло за собой как хорошее, так и плохое. И это был просто факт.

Ее называли «ущербной», «трудной»… Едва ли она сама узнала бы себя в таких описаниях, да они и впрямь не имели почти никакого отношения к отзывчивой, очень умной, прямой в высказываниях женщине, какой она была в преклонном возрасте. Это правда, что в наши дни ее детство кажется непоправимо отравленным: она не имела возможности регулярно общаться с отцом; месяцами была предоставлена сама себе, пока мать путешествовала; оказалась отодвинута на второй план, уступив место отчиму, который по возрасту годился в мужья ей самой. Правда и то, что ее зрелые годы, после смерти Хьюберта, на

самом деле ей не принадлежали и доставляли не много радости. Но ведь правда и то, что она прожила славную жизнь благодаря успеху матери. Так уж сложилось. И вместо того чтобы ворошить это, не лучше ли было пропустить добрую порцию джина (в отличие от матери Розалинда не была трезвенницей — говаривали, что жизнь в Гринвее вращалась вокруг стакана) и жить дальше.

Что касается Агаты, то ей всегда было трудно выразить свои чувства словами, когда речь шла о Розалинде. Письма, которые она слала ей с Востока в 1950-е, всегда выдержаны в одном и том же тоне: «Возможно, ты будешь скрежетать зубами, читая это, но я веду здесь очень приятную жизнь», — писала она из Багдада. И еще, после посещения Туниса: «Тебе повезло, что ты не родилась в карфагенские времена. Они приносили в жертву своих первенцев! Здесь тысячи и тысячи ям, заполненных выбеленными маленькими косточками!» В то же время она с нетерпением ждала писем от дочери: «Почтальон, доставивший письмо от тебя, был потрясен моей реакцией»; «Я здесь уже больше трех недель, а от тебя — ни единого слова. Это уж чересчур!»

В 1955 году на раскопках Агату свалила болезнь, которую Макс описывал Розалинде как «внутренний озноб» (на самом деле это была весьма неприятная инфекция), и ее три с половиной часа везли в больницу в Киркук. Оттуда она написала: «Что за мерзкий ты корреспондент! Я очень недовольна. Теперь, когда я являюсь всего лишь служащей компании, нужно создавать мне хорошее настроение и проявлять по отношению ко мне большую доброту, чтобы я могла работать!!!.. С большой и искренней любовью к тебе, несносная ты девчонка».[496]

Агата знала, что она перед Розалиндой в долгу, и тоже чувствовала свою вину: ее поведение в 1926 году повлияло на жизнь дочери, причем отнюдь не так, как та хотела бы. Она по-прежнему считала, что ее развод был большой ошибкой и что в каком-то смысле виновата в нем она сама; она знала, что Розалинда видится с Арчи, и была благодарна ей зато, что она делает это тайно. Сознавала она и то, что ее второй брак отодвинул Розалинду на второй план и что дочь стоически поддерживает огонь в домашнем очаге, пока они с Максом живут как хотят.

В то же время Агата отдавала себе отчет — а как могло быть иначе? — что деньги, которыми оплачивалось все, принадлежат ей, и это порой делало ее поведение диктаторским. Скромная на первый взгляд, она могла быть и властной — не со всеми, но (довольно часто) с Корком и (иногда) с Розалиндой. В зените оглушительной славы она проявляла склонность распоряжаться

своими делами с раздражающей беззаботностью. «Съезди как-нибудь в Гринвей и посмотри, как там дела. (Только не выходи из себя и не „создавай проблем“!..) Самое главное, чтобы никто не писал и не беспокоил меня!» Она предоставляла Розалинде и Энтони разбираться с Гринвеем («Скажи Энтони, что гнуть спину, дергая латук, — лучшее средство от его болей и скованности в спине», — писала она из Нимруда) и в глубине души считала, что это правильно и справедливо. Но там же, в глубине души, шевелилось и иное чувство. Во время ее визита в Поллирэч случилась ссора из-за Гринвея, и у защищавшей дом Агаты, по ее собственному выражению, «снесло крышу». После отъезда она написала Розалинде письмо с извинениями:

> «Признаюсь, что испытываю чувство вины из-за Гринвея. У тебя, Энтони и Мэтью есть Поллирэч с очаровательным домом и садом. У Макса — Уинтербрук с его книгами и рекой. И только я цепляюсь за Гринвей, потому что так его люблю… С тех пор как сад — спасибо Энтони — приведен в порядок, я чувствую себя немного лучше, но, конечно же, с моей стороны это чистый эгоизм.
>
> Нет никаких сомнений, что я отнюдь не ром-баба, а проклятая старая стерва».[497]

Она обожала этот дом с глубокой и сокровенной страстью. Он отчасти скрашивал тоску по Эшфилду, хотя так и не смог вытеснить его из ее сердца: Эшфилд навсегда остался для нее местом, где ей жилось вольготнее всего и где она была совершенно счастлива. Но Гринвей придавал острый, изысканный флер ее воображению. Летом он всегда был полон народу — в книге посетителей значатся имена членов семьи Мэллоуэн, Аллена и Летиции Лейн, Билли Коллинза, Питера Сондерса, Стивена Гленвилла и его дочери Лусии, Шарлотты Фишер, Нэн Кон, Эдмунда Корка, Стеллы Керван (с 1950-х секретаря и подруги Агаты), А. Л. Роуза — и жизнь в нем кипела: теннис, крокет, малый гольф, катание на лодках по Дарту, дети, резвящиеся на солнце, бегающие повсюду собаки… И в то же время это было место, которое могло сделать ее одиночество волшебным. Обнесенный стеной сад, путаница дорожек, недолговечные камелии, комнаты, затененные опущенными жалюзи, сквозь которые пробиваются солнечные лучики, лужайка, сбегающая от главного входа к Дарту, — видение воплощенного покоя, осененного шелестом деревьев. Во всем этом была безмятежность, тревожную нотку в которую вносила лишь красота, красота настолько ошеломляющая, что она не давала

душе успокоиться до конца и требовала ответного импульса воображения. Это был пейзаж мечты Агаты, и она, толстая морщинистая дама с полуопущенными веками, бродила по нему в сопровождении ни на шаг не отстававшего черно-коричневого песика — с виду типичная хозяйка загородного имения, но какие тайны роились при этом у нее в голове!

Вот почему она испытывала горячую благодарность к Розалинде и Энтони, которого обожала, за помощь в поддержании этого дома, а в сущности, и за все другое. «О, дорогая Розалинда! Какое это для меня облегчение! — писала она в апреле 1953 года, узнав, что Хиксы возьмут на себя заботу о ее делах, пока она будет в Нимруде. — Теперь я смогу со всем усердием приняться за важное дело — разработку сюжета „Дня поминовения“». Несмотря на внешнюю сухость их отношений, Агата очень ценила Розалинду, и чем старше становилась, тем больше ценила. «Я должна выразить тебе самую искреннюю и глубокую благодарность за очаровательное Рождество, которое ты для нас устроила… Знаю, какого это потребовало труда, сколько тебе пришлось всего придумать и обдумать, чтобы все получилось так уместно и выглядело столь непринужденно. И я это очень ценю…»

В Нимруде она начинала скучать по своей английской жизни: «Песчаные бури завывают дни напролет… я сижу, задыхаюсь и *тоскую* по дому, по крокусам, по снегопадам, гринвейским камелиям, реке в Уоллингфорде, по тебе и Мэтью в Поллирэче, по местам, где *зелено* и где есть хоть один-два цветочка. Понять не могу, зачем я захотела поехать в эту глупую страну…» В 1957 году она писала о том, как пыталась перепечатать на машинке каталог Макса, в то время как ураган бился в дверь домика археологов и под его напором разлетались оконные стекла, а потом ложилась спать, ненадежно укутавшись в плащ.

> «Все это — визитеры, песчаные мухи, какие-то особые жуки, а теперь еще и москиты — сильно поубавило во мне энтузиазма. И когда я читаю о твоих желтых нарциссах, я тоскую по Поллирэчу, по тебе и Энтони и еще, может быть, по парочке японских стихотворений!
>
> Но теперь осталось недолго…»

Тем не менее Агата ездила в Нимруд и чтобы быть рядом с Максом, и чтобы отдохнуть от тягот жизни в Англии; о том, чтобы отпустить Макса на Восток одного, не могло быть и речи. Она бы больше никогда в жизни не оставила мужа одного. Розалинда знала, что мать предана Максу настолько, что даже использует

собственную карьеру, чтобы способствовать процветанию карьеры мужа, и это тоже играло роль в ее желании помочь матери. Вероятно, отчасти этим объясняются и ее попытки заморозить сумму жалованья, которое Агате ежегодно выплачивала «Агата Кристи лимитед». Ведь эти деньги были бы неизбежно истрачены на жизнь с Максом: путешествия, поездки в Рим и Париж, проживание в отеле «Бристоль» и шикарные французские ужины («ударили по шато латур урожая 1924 года, — писал Розалинде Макс в 1953 году, — и завершили „шатобрианом“ под бернским соусом и полным набором французских сыров. Вино стоило 1600 франков…»). Чем больше у Агаты было бы денег на личные расходы, тем больше тратилось бы на подобные вещи.

Считается, что Розалинда очень любила Макса, хотя никаких особых свидетельств, ни подтверждающих, ни опровергающих такое мнение, нет. «Он не бил ни меня, ни мою мать, насколько я помню», — сказала она о нем.[498] Конечно, он относился к ней с симпатией, это показывают его письма с войны, и прекрасно ладил с Энтони: оба были интеллектуалами и любили поболтать за бокалом вина. Чувства Розалинды не столь очевидны. Ее тетушка Мэдж, умершая в 1950 году, никогда не доверяла Максу, равно как и ее сын Джек, — они считали его безусловно умным человеком, но с хитрецой. У них вызывало настороженность то, что молодой бедный мужчина (к тому же католик) искал брака с женщиной, которая была намного старше его и притом весьма богата. Нет никаких доказательств тому, что Розалинда разделяла их мнение. «Вполне вероятно, она могла обижаться из-за того, что дядя Макс увозил ее мать на раскопки, а ее запихивали в школу-пансион или оставляли на попечение Агатиной секретарше», — говорил Джон Мэллоуэн, хотя на самом деле Розалинда с большим воодушевлением отнеслась ко второму браку матери. Но, похоже, со временем она начала с подозрением относиться к одному конкретному аспекту поведения Макса.

Никому достоверно не известно, был ли у него роман с Барбарой Паркер, женщиной, отвечавшей за организацию раскопок в Нимруде, на которой он женился менее чем через два года после смерти Агаты. Подобная связь, если она и существовала, разумеется, держалась в строгом секрете. Тем не менее по этому поводу ходили слухи и сплетни, иные из которых, видимо, достигали ушей Розалинды, а возможно, и Агаты. Действительно ли, несмотря на все ее старания постоянно оставаться рядом со вторым мужем и всячески его ублажать, Макс предал ее так же, как Арчи?

На восемнадцать лет моложе Агаты и, безусловно, далеко не такая выдающаяся личность, как она, Барбара Паркер была по-

своему интересной женщиной, отнюдь не заурядной. В своей книге о жизни Агаты Джаред Кейд — который, конечно же, придерживается мнения, что связь между Максом и Барбарой существовала, — описывает Барбару как существо жалкое: трудолюбивая старая дева, которая «уступчивым характером и собачьей преданностью [Максу] маскировала свои неудовлетворенные сексуальные потребности». Такова, возможно, была точка зрения Джудит Гарднер (и ее мужа Грэма), но не такой Барбара предстает в воспоминаниях других людей. «Весьма замечательная женщина эта Барбара, — рассказывал доктор Джулиан Рид, который в 1960-е был молодым археологом. — У нее был такой раскатистый шепот, что, когда она произносила им: „Он — один из них“, — слышно было в другом конце комнаты».[499]

«Я обожала Барбару, — говорила Джоан Оутс, которая жила с ней на раскопках в Нимруде в одной палатке. — Она была необычной личностью. Обладала характером. Ее можно с полным правом включить в список выдающихся англичанок, которые провели много лет на Ближнем Востоке, таких как леди Хестер Стэнхоуп, — она женщина той же закалки, потрясающая. Немного странная, но когда живешь такой жизнью, невольно становишься странной».[500]

То, как Барбара оказалась в мире археологов, показывает, сколь узким — и в то же время открытым для энтузиастов — он был в предвоенные годы. Объявление о том, что набираются слушатели на курс по археологии Западной Азии, она увидела на доске объявлений в лондонском институте Кортолд, где изучала китайский язык. До того она работала манекенщицей в доме моделей «Уорт» и посещала Академию танца. Барбара решила записаться на этот курс. Единственной, кто посещал его, кроме нее, была Рейчел Максуэлл-Хислоп, которая рассказывала: «Курс существовал лишь на бумаге. Никто никогда ничего от нас не требовал!»[501] Но с легкой руки Стивена Гленвилла — «благослови Бог его душу» — две женщины познакомились с работавшим в Британском музее Сидни Смитом и стали под его руководством изучать клинопись. «Он был поражен. Поражен настолько, что отнесся к нам с изумительной любезностью». Смит консультировал их после работы в музее и отсылал к источникам, существовавшим только на немецком языке, которого ни одна из них не знала, но, к счастью, позднее к ним присоединилась еще одна студентка, которая оказалась двуязычной. Рейчел Максуэлл-Хислоп была высокообразованной аспиранткой, настроенной на академическую карьеру, чего отнюдь нельзя было сказать о Барбаре, но она окончила двухгодичный курс, и хотя, судя по

биографии Макса Мэллоуэна, написанной Генриеттой Макколл, «коллеги никогда ее слишком всерьез не принимали», очевидно, обладала пытливым и быстрым умом. «Археология в те времена была такой живой, — рассказывает Рейчел Максуэлл-Хислоп, чье увлечение предметом подогревалось лекциями Леонарда Вули. — Например, он показывал слайд и говорил: „Это место, где причалил Ковчег!“ Чрезвычайно волнующе! Нельзя было даже предположить, какой будет следующая находка. И занималось этим совсем немного людей. Мы все друг друга знали, и все попали в этот круг странными путями».

Когда Макса взяли на работу в институт археологии, Рейчел Максуэлл-Хислоп стала его ассистенткой-лектором, а Барбару, работавшую до войны в Палестине, «забросили в Багдад» в 1949 году руководить домом БША. К тому времени Макс был уже некоторое время знаком с нею; в письме военного времени он просит Агату передать Барбаре — тогда работавшей в лондонской пожарной службе — просьбу «прислать моего Геродота» в Триполитанию. По приезде в Ирак она почти не владела арабским, но быстро выучила его и приспособилась хорошо ладить с арабами. Ее связи в арабском обществе оказались бесценными для Макса Мэллоуэна. «В Багдаде никуда не пробьешься, если не знаешь нужного человека, и когда возникали трудности, Барбара всегда знала, кого следует пригласить на ужин».[502] Так что Макс извлекал выгоду не только из состояния Агаты, но и из умения Барбары ориентироваться в местной обстановке.

Барбара была стройной и хрупкой, с заостренными чертами лица и большими выразительными глазами. Ее внешность послужила моделью для портрета Валери Хобхаус в «Хикори-дикори». «Валери очень похожа на Барбару!» — записала Агата в одной из своих тетрадок. Говорили, что Барбара была очень привлекательна, хотя в целом, похоже, ей — в отличие от соблазнительно красивой Валери — недоставало уверенности в себе, чтобы стать femme fatale. Джон Мэллоуэн вспоминает, что в Гринвее «ее приходилось держать подальше от тарелок и бокалов, потому что она была несколько неуклюжа». Но на фотографии, сделанной на раскопках в Нимруде, видно ошеломляющее различие силуэтов Барбары и Агаты: один — чуть оплывший «цаплевидный» силуэт бывшей манекенщицы, другой — грузный силуэт стареющей слонихи. «Барбару нельзя было назвать элегантной, — говорит Джоан Оутс. — Она была немного эксцентричной, носила традиционные курдские штаны, но имела хороший рост и была очень стройна». Совершенно определенно она нравилась знатным арабам, с которыми легко находила

общий язык. Однажды в 1950 году ее обвинили в нарушении нового закона, запрещавшего впредь сливать нечистоты в Тигр (хотя в таком доме, как резиденция БША, где сточные трубы были выведены в реку, другой возможности не было). «Ее вызвали в суд, — рассказывала Джоан Оутс, — адвоката не было, поэтому она решила защищать себя сама. По-арабски, языком она к тому времени владела достаточно хорошо. И она вела собственную защиту в суде, и была признана невиновной, и судья пригласил ее пообедать с ним». В 1951 году Агата писала Розалинде: «…наша Барбара теперь в весьма близких отношениях с шейхом Абдаллой, от которого получила дюжину индеек, набор диванных подушек с пестрыми шелковыми кистями и призму…»

Джоан Оутс познакомилась с Барбарой в 1952-м, когда они одновременно оказались в доме БША, ожидая приезда Макса и Агаты. «В предшествовавший год Макс поручил ей строительство дома для археологов в Нимруде. И она поехала и построила дом [на самом деле она лишь расширила тот, что уже имелся]. Впечатляет. Там, в этой глуши, без чьей бы то ни было помощи, она должна была сама нанимать рабочих — Макс лишь указал ей, что следует сделать. Со всем, что было трудно, она справлялась превосходно. Простые вещи всегда навлекали на нее „увольнение“».[503] Это была популярная шутка: Макс «увольнял» ее чуть не каждый день. Она была классическим образцом ученого на раскопках, писал Роберт Гамильтон, и «добродушной мишенью саркастических насмешек Макса». Бывала она и жертвой непостоянства его нрава. Будучи хорошим эпиграфистом, она не умела работать сосредоточенно и аккуратно. «Ее записи того периода выглядят сделанными наспех», — писала Генриетта Макколл,[504] и Макс по любому поводу срывал на ней свое недовольство. В 1955 году Агата писала Розалинде, что на раскопках найдено «множество впечатляющих табличек» и у Барбары появилось «огромное количество работы, приводящей ее в уныние. „Если у вас, кроме меня, не будет еще одного эпиграфиста, это плохо кончится“, — говорит она, но отлично справляется, постоянно понукаемая Максом».

Да, Барбара была способна на трудную научную работу по расшифровке клинописи, но ее истинный талант заключался в умении проникнуть в иракское общество и понять его. Даже после революции 1958 года связи, установленные Барбарой, продолжали действовать. «БША обязана ей за это, — говорит Рейчел Максуэлл-Хислоп. — Ей это было очень нелегко хотя бы потому, что она женщина». Но она делала и многое другое, загоняя себя работой до мазохизма. Макс, как говорят, отдавал себе отчет в степени ее преданности (как работе, так и лично ему)

и пользовался этим. Например, ей поручили выдавать зарплату рабочим. Однажды, как рассказывают, она забыла съездить в банк. Заплатив первому рабочему, она попросила одолжить ей эти деньги, выплатила их второму, снова одолжила — и так до конца очереди. «Она была очень изобретательна», — свидетельствует Джоан Оутс. Барбара также вела финансовую отчетность, хотя подсчеты никогда не выходили у нее правильно и она вкладывала собственные деньги (которых у нее было отнюдь не много), чтобы свести дебет с кредитом. «А Макс мог прийти и сказать: „Мне нужны деньги, чтобы поехать в Киркук и выколотить средства из этой нефтяной компании. Фунтов двести, думаю, хватит…“».[505]

Зимой 1952 года Барбара отправилась из Багдада в Мосул за саженцами фруктовых деревьев, чтобы обсадить ими террасу дома археологов, и взяла с собой Джоан. «И тут разразился дождь. Проливной. А когда начинался такой ливень, дороги вмиг становились непроезжими. Но она должна была ехать, потому что Агате захотелось деревьев». В конце концов Барбара уговорила двух полицейских доставить их в Нимруд — это километров тридцать от Мосула. «И они довезли нас до Нимруда, и Барбара еще заставила этих полицейских выкопать ямы для саженцев».

Агата и Барбара дружили, хотя и не близко. Судя по всему, они друг другу нравились. «Похожа на Барбару — отличная компания», — читаем мы в одной из ее записных книжек. Каждый год они вдвоем выезжали из Багдада в Нимруд — «как настоящие леди» — через несколько дней после мужчин. Но, как показывает история с фруктовыми деревьями, Барбара работала и на Агату, а Агата всегда находилась в позиции повелевающего. Вернувшись в Англию, Барбара вела абсолютно уединенную жизнь в квартире племянника в Кенсингтоне. Гринвейская книга посетителей свидетельствует, что каждый год, почти без единого пропуска, она проводила в Гринвее две-три недели с августа по сентябрь. Если она ездила туда ради Макса, то только благодаря приглашению Агаты и ее гостеприимству — почти так же, как Нэнси Нил когда-то гостила в Стайлсе.

Но ради ли Макса приезжала туда Барбара? Джоан Оутс отвечает на этот вопрос категорическим «нет». «Я ни на секунду не верю в историю об их связи. Я жила в доме БША в Багдаде, а там все спальни выходят во внутренний двор. В Нимруде мы делили с Барбарой палатку, и я действительно хорошо ее знала. Слух пошел от кого-то, кто останавливался в багдадском доме. Злонамеренный слух».

В 1956 году Джоан Оутс вышла замуж (за следующего руководителя раскопок), после чего, разумеется, уже не делила

палатку с Барбарой; тем не менее она пылко отрицает существование любовной связи, как и Джон Мэллоуэн, который высказался по этому поводу ясно и спокойно: «Я помню Джуди и Грэма [Гарднер] и полагаю, что они просто все совершенно неправильно истолковали. Не думаю, что между Барбарой и дядей Максом что-то было. Они были добрыми друзьями, имели общие интересы, так что пожениться после Агатиной смерти было для них логично. И Барбара помогала Максу с Агатой до самого конца, помогала искренне. Барбара всегда была… очень верным человеком. Я думаю, он использовал свое влияние, чтобы помогать ей получать работу. Но уверен, что этим дело и ограничивалось».[506]

Другие знавшие Барбару и Макса придерживаются того же мнения: они были лишь друзьями, не более, и поженились в ноябре 1977 года, лишь чтобы скрасить друг другу одиночество. На фотографии, хотя она сделана еще в 1960-х, они действительно выглядят как супруги: сидят на диване в какой-то неизвестной комнате (возможно, где-то на Востоке), Макс читает, уютно устроившись в тапочках, Барбара рядом, улыбается в объектив, на подушке возле нее покоится бутылка джина «Гордон». Они выглядят не то чтобы счастливыми, но хорошо знающими друг друга. Есть люди, считающие, будто такая близость — результат долгой любовной связи, которая спустя тридцать лет или около того завершилась наконец законным браком. Один из друзей, не утверждая с определенностью, что связь между ними существовала, тем не менее не скрывает, что готов в это поверить. «То, что говорят люди [имеются в виду те, кто отрицает такую связь], может, и является правдой в их глазах. Только глаза бывают подслеповатыми».

Джудит и Грэм Гарднер к «подслеповатым» себя явно не относят. Сотрудничая с Джаредом Кейдом, они потчевали его историями о неверности Макса, о его изменах — причем не только с Барбарой. Например, они утверждали, будто Макс заводил романы со студентками в институте археологии, где начал преподавать в 1947 году. Это абсолютно ничем не подтверждается. Как свидетельствует Джулиан Рид, у Макса и студентов-то почти не было (он помнит лишь одного заслуживающего внимания молодого иракца, чья диссертация была опубликована под руководством Макса), так что представление, будто стайки девушек так и порхали вокруг него, совершенно неверно. По словам Гарднеров, однако, мать Джудит, Нэн, обнаружила, что у Макса бывают иногда мимолетные романы, и «рассказала об этом Агате… Нэн обратилась к Максу за советом относительно дочери своей подруги, которая не знала,

что нужно сделать, чтобы посвятить себя археологии. Макс предложил помочь, взяв девушку в свой класс, и хотя с ней у него никаких отношений не было, слухи о его „дружбах“ с другими студентками дошли до матери этой девушки, а через нее — до Нэн».[507]

Близкая дружба Нэн и Агаты — в которой Кейд старается убедить читателя, поскольку Нэн является источником почти всего, что рассказано в его книге, — не опирается ни на какие факты. Да, Агата и Нэн, разумеется, были добрыми приятельницами. Нэн первая сделала запись в книге посетителей Гринвея («Счастья Гринвею, Агате, Максу. С огромной любовью, Нэнски»), но одновременно с ней в доме гостила и Дороти Норт, и в корреспонденции Агаты писем от Нэн не больше, чем от нее. Макс упоминает о ней в письме военных лет, винясь, что не ответил на ее письмо; Агата пишет о ней как о занятной гостье на ужине, которая позабавила Аллена Лейна, но хотя Агата и написала Джудит после смерти ее матери в 1959 году: «Мне будет очень ее недоставать», — ощущения, что они были близкими подругами, как пытается внушить Джаред Кейд, не создается. Просто Агата была не тем человеком, который заводит доверительные отношения. При всей своей зависимости от Макса, она была гордым, даже слегка надменным и весьма замкнутым человеком, и невозможно представить, чтобы она делилась своими женскими секретам и и сплетничала о мужней неверности за чашкой чая в Челси.

Говорят, что Макс «засматривался на хорошеньких девушек». В Багдаде, например, он был явно сражен очаровательной женой некоего посла. Но для мужчины в этом нет ничего необычного и неблагопристойного, это ничего не значит, иначе острый глаз Джоан Оутс уж что-нибудь да заметил бы.

Тем не менее в силу самого характера брака Мэллоуэна вполне могли привлекать другие женщины. Не только потому, что Агата старела, в то время как он только вступал в средний возраст, но и по более тонкой причине. Деньги принадлежали Агате, дома принадлежали Агате, распоряжалась всем Агата, и это все знали. В подобных обстоятельствах — которые, пусть не в такой исключительной форме, встречаются не так уж редко, — мужчине свойственно стремиться заполучить нечто, что принадлежало бы именно ему. Например, любовницу.

В ранних письмах Агаты есть намеки на то, что, если Максу время от времени захочется «посмотреть по сторонам», она это поймет. Агата прекрасно сознавала характер их брака. Это не было великой любовью: разница в возрасте слишком велика, и особой физической привлекательностью Агата не обладала (хотя

и Макс избытком этого качества похвастать не мог). Дело в том, что Макс просто не имел права причинить Агате такую боль, какую причинил ей Арчи. Раз-другой пофлиртовать — это она бы простила. Единственное, чего бы она не перенесла, так это нового одиночества, и на самом деле она никогда не верила, что Макс может ее бросить.

Даже если бы Барбара была его любовницей, угрозы она не представляла, потому что не могла предложить ему ничего, хоть отдаленно сравнимого с той жизнью, какую давала ему Агата. «Тем не менее, — пишет Джаред Кейд, — [Агата] горевала об утрате любви Макса к ней» — утверждение, не основанное ни на малейшем доказательстве, его источником может быть лишь хорошо известная «конфидентка» Агаты Нэн Кон.

Более конкретное (хотя и неподтвержденное) свидетельство принадлежит Грэму Гарднеру, который ездил в Багдад вместе с женой в 1962 году, хотя Мэллоуэнов в то время там не было. Чета поселилась в доме БША, где Грэм фотографировал некоторые сокровища Нимруда. Из его слов следует, что перед отъездом в Багдад он посетил Макса в Суон-Корте, чтобы получить от него инструкции относительно того, что следует снимать. По приезде он обнаружил, что его визита не ждали: он застал их «любовное свидание» в «уютном тайном гнездышке». Истинный смысл увиденного им все же неясен. Барбара жила неподалеку, в Кенсингтоне, и если Грэм Гарднер не застал их на месте преступления, так сказать, en flagrante, — о чем он уж наверняка бы не умолчал, — то вполне возможно, что Барбара приехала к Максу как друг и коллега.

Равным образом ничем не подтверждается заявление Гарднера о том, что Макс якобы «содержал Барбару» (предполагается, что на деньги Агаты). Как пишет Генриетта Макколл, Барбара была «рабыней Макса», его секретарем и незаменимой помощницей, так что, если он в ответ тоже помогал ей, это в порядке вещей. Гарднеры также говорят, будто роман процветал под крышей Уинтербрука. Это опять-таки трудно доказать. Рассказывали — не Гарднеры, — что во время визитов Барбары в Гринвей-Хаус они с Максом надолго запирались в библиотеке; при этом Барбара выставляла за дверь свои парусиновые туфли как предупреждение о том, что их нельзя беспокоить. Но ведь никто не знает, что происходило между ними за закрытой дверью. Так же как в отношении исчезновения Агаты, в отношении романа Макса и Барбары Джаред Кейд выдвигает кучу бездоказательных предположений, выдавая их за неоспоримые факты.

И то сказать, поведение Макса после смерти Агаты не

назовешь поведением убитого горем вдовца. Гарднеры говорят, будто он не мог дождаться смерти Агаты, чтобы поскорее жениться на Барбаре.[508] На самом деле он посматривал в разные стороны, особенно внимательно — на очаровательную баронессу Камойз, жившую неподалеку от Уинтербрука в восхитительном Стонор-парке, возле Хенли, — в одном из знаменательнейших для католической истории домов.[509] Жанна Камойз Стонор родилась в 1913 году от незаконной связи дочери ирландского виконта с испанским грандом. Она была истинной породистой красавицей, способной вскружить голову любому мужчине, но имела фатальные склонности. Она ругалась, как портовый грузчик, беззастенчиво поддерживала нацистов во время войны («*Оле* и хайль Гитлер!») и третировала своего добрейшего мужа едва ли не с презрением. Она обхаживала Агату с Максом — своих знаменитых и богатых соседей, — и когда в марте 1976 года умер ее муж, сочла недавно овдовевшего Макса подходящей заменой. По ее разумению, Агата должна была оставить ему миллионы. На самом деле ситуация была, разумеется, сложнее, но, похоже, какое-то недолгое время Макс тоже считал себя подходящим мужем для этой вульгарной и экстравагантной пожирательницы мужчин. Потом по неизвестной причине — может, друзья убедили его, что она ему не пара, а может, Жанна узнала, что он не так богат, как она предполагала, — Макс покинул стонорскую сцену.

Была у него и менее экзотичная приятельница, чем леди Камойз, — юная девушка Д., лет двадцати от роду, с которой он подружился вскоре после смерти Агаты. Она попросила разрешения для своего пони щипать траву на уинтербрукской лужайке, еще когда Агата была жива, но уже тяжело болела. После ее смерти Макс возобновил знакомство, и они быстро сблизились. Он возил ее в своем «мерседесе»[510] обедать в «Будлз» — «я — как была, в своей повседневной одежде» — или мог вдруг потащить ее в «Фортнум энд Мэйсон» есть мороженое, причем машину парковал «прямо на Пиккадилли». У Макса всегда были шикарные машины. В 1950-х он ездил на серебристом «роллс-ройсе» — по словам Джона Мэллоуэна, «настоящем монстре», на котором разгонялся до семидесяти миль в час на извилистой девонской дороге, тянувшейся вдоль Слэптон-Сэндз, — и славился тем, что всегда ездил по середине шоссе. А под конец Д. возила его на своем «бентли» в Гринвей, они «останавливались по дороге, чтобы выпить шерри и поесть сандвичей с сардинами», и ей стоило больших усилий противостоять его уговорам проверить, «может ли ее машина сделать сто тридцать миль в час». Итак, Д. стала частой гостьей в Гринвей-Хаус и полгода прожила в «конюшенном доме» на

Крессуэлл-плейс, который Агата приобрела в 1928 году. Макс боялся самозахвата, поэтому предложил: «Почему бы тебе не пожить в моем доме?» Он также пригласил ее поехать с ним в Иран и «стать чем-то вроде хозяйки: возить его повсюду и все такое». Для Макса это было тогда уже своего рода мечтой; к тому времени дни, когда он лебедем парил над Востоком, остались позади.

В их отношениях не было ничего неприличного, хотя в те времена они, вероятно, не были еще все же общепринятыми — просто последнее невинное увлечение. У Д. «создалось впечатление, что в конце жизни Агата стала немного трудновата в общении и что для Макса ее смерть явилась почти облегчением. Думаю, последние два-три года жизни с Агатой дались ему тяжело». Поэтому, видимо, почуяв свободу, он и повел себя как стареющий, но все еще игривый пес, спущенный с поводка. Он наслаждался привычной ролью учителя — «он был моим наставником», — особенно с этой юной, прямодушной, бесстрашной девушкой, на которую не производило впечатления его значительное общественное положение и которая понятия не имела о его достижениях. «Я просто говорила ему: „Ну и что ты там делал?“» Несомненно, это немало его забавляло. После стольких лет поисков чьего-то расположения, карабканья по социальной лестнице, академического политиканства, после жизни, прожитой в качестве «мистера Агата Кристи», как, должно быть, освежающе это действовало на него — запрыгнуть в «бентли» с этой веселой простой девушкой, играть при ней роль короля Кофетуа[511] и доставлять ей всяческие удовольствия.

Неудивительно, что она вспоминает о нем с большой теплотой. «У каждого в жизни должен быть свой Макс. Встреча с ним была — как пикник».[512]

Д., конечно, знала Барбару, которая всегда была «где-нибудь поблизости» (Рейчел Максуэлл-Хислоп вспоминает, как Барбара говорила: «По выходным я ничего не могу делать»,[513] потому что опекала Макса в Уинтербруке). «Она была великолепна. Настоящая чудачка. Она сводила Розалинду с ума, потому что не ела того, не ела этого… У нее была знаменитая старая шуба, совершенно обшарпанная, но она носила ее даже летом, потому что постоянно мерзла. Это тоже страшно раздражало Розалинду. Розалинда любила поговорить об Агате, но она была очень ревнива, очень, очень ревниво относилась к ее памяти».[514]

Д., видимо, почуяла антипатию Розалинды к Барбаре. Макс не без трепета сообщил падчерице о своем намерении жениться снова. «Никто никогда не займет в моем сердце место моей дорогой Агаты, — написал он ей в марте 1977 года, — но, думаю,

она одобрила бы этот шаг, потому что неоднократно говорила мне, чтобы я женился, если с ней что-то случится… Мне одиноко, а с Барбарой, всегда бывшей преданным другом, станет легче».

«Было совершенно очевидно, что он женится на Барбаре, — говорит Д., — уж больно много времени она там проводила… Он сказал мне: „Я испытывал искушение сделать предложение тебе“. Слава Богу, что не сделал! Нет, никогда ничего такого не было… Я привыкла к тому, что он дразнил меня».

При чтении книги Джареда Кейда возникает впечатление, будто Барбара отчаянно хотела выйти замуж за Макса, но Д., которая большую часть времени проводила в Уинтербруке, говорит: «Ей было все равно. Я слышала, как она сказала: „Это так глупо… так глупо. Я знаю, что он и так будет заботиться обо мне“. Но Макс хотел жениться на ней — в знак благодарности». Макс с Барбарой прожили вместе в Уинтербруке едва ли год. Компанию им составлял пес Бинго, второй Агатин манчестерский терьер. Один наблюдательный друг заметил, что в ее преклонные годы они с псом стали похожи, «как существа одной породы».

После смерти Макса в августе 1978 года Барбаре досталось 40 тысяч фунтов, на которые она в конце концов купила себе дом в Уоллингфорде, где и жила одна до своей смерти, последовавшей в 1993 году. Уинтербрук был продан. Это причинило Розалинде немало страданий, потому что дом был полон вещей, принадлежавших Агате — и даже Арчи, — и приходилось постоянно доказывать свое право на них. «Следует знать, что, согласно завещанию, все свои личные вещи моя мать оставила мне, — писала она Сесилу Мэллоуэну, брату Макса, в 1981 году. — Во-вторых, по завещанию Макса, я могла выбрать кое-какие безделушки, особенно связанные с памятью о маме, после того как Барбара покинула дом. Я всегда знала и признавала, что Уинтербрук был домом Макса…»

Неудивительно, что, по воспоминаниям Д., после похорон Макса Розалинда «ходила по дому, приговаривая: „Это мое, и это мое…“» Нетрудно понять и то, почему по мере того, как мать старела, Розалинда все более рьяно защищала ее и все больше заботилась о судьбе ее наследства.

Отношение же Агаты к этому было иным. В чем бы она ни подозревала своего второго мужа — в том, что он женился на ней ради денег, в том, что он ей изменял, в том, что он немедленно женится вновь, если она умрет раньше, — она непоколебимо оставалась на его стороне. В 1971 году она прислала Розалинде длинное письмо, касающееся своих пьес (Розалинда предостерегала ее против новой постановки «Пятерки Фиддлера», последней работы, встретившей холодный прием). Письмо

заканчивалось так: «Я знаю, что ты печешься прежде всего о моих интересах, как делала тетя Москитик [Мэдж], когда внушала мне не выходить замуж за Макса и даже отказалась приехать на свадьбу. Слава богу, я ее не послушала! А то упустила бы сорок лет счастья. Если человек не готов рискнуть в своей жизни хоть несколько раз, лучше ему сразу умереть!»[515]

Такова была позиция Агаты: Макс сделал ее счастливой. Это могло означать, что у Макса не было длительного романа с Барбарой Паркер и что супруги Мэллоуэн были до конца верны друг другу. Так представил дело Макс в своих мемуарах. Или это могло означать, что роман все же был, но Агата ничего о нем не знала (хотя Гарднеры настаивают на том, что она всегда была в курсе).

Это могло означать и что-нибудь более сложное, более тщательно обдуманное, более смиренное. Свидетельства тому находим в книгах Агаты, которые так часто служат ключом к пониманию ее загадочного характера.

Пьеса «Вердикт», поставленная в 1958 году, не имела успеха. Она была освистана на премьере и продержалась всего четыре недели. Это не была традиционная пьеса в жанре Агаты Кристи: в ней нет ни загадки, ни разгадки. Это была человеческая драма. Карл, профессор средних лет, женат на Анье, женщине-инвалиде. Одна из студенток Карла, Хелен, влюбляется в него столь страстно, что убивает его жену, оправдывая свое деяние соображениями милосердия — якобы это акт эвтаназии. В преступлении обвиняют другую женщину, Лайзу. Лайза — компаньонка Аньи, они с профессором любят друг друга, но не дают воли своей страсти. «С каждым месяцем, с каждым годом она становится чуточку слабее, — рассказывает Лайза. — Так может продолжаться много-много лет». «Тяжело ему», — говорят ей в ответ, и она повторяет: «Да, вы правильно говорите: тяжело ему».

О Хелен Лайза знает: «Конечно, она влюблена в Карла», — но ей и в голову не может прийти, что он ответит ей взаимностью. Он и не отвечает. «Как мало вы понимаете, — говорит он Хелен, когда та пытается вести с ним свою вульгарную игру. — Вы говорите как ребенок. Я люблю свою жену». Девушка не в состоянии это понять, говорит, что, наверное, он когда-то любил Анью, а теперь она старуха и интимная жизнь для нее закончена, она уже совсем другой человек.

«*Карл.* Нет, тот же. Мы не меняемся. Анья все та же. Жизнь проделывает с нами разные фокусы. Отнимает

здоровье, приносит разочарования, изгнание, из всего этого образуется панцирь, под которым прячется истинное „я“. Но оно, это „я“, никуда не исчезает.

Хелен. Вы говорите ерунду. Если бы еще это был настоящий брак, так нет же. В сложившихся обстоятельствах этого не может быть.

Карл. Это настоящий брак».

К концу пьесы Карл признается доктору Аньи, что любит Лайзу.

«*Карл.* Я люблю ее. Вы знали, что я люблю ее?

Доктор. Да, конечно, знал. Вы давно ее любите.

Карл.…Но это не означает, что я не любил Анью. Я любил ее. Я всегда буду ее любить. Я не хотел, чтобы она умерла.

Доктор. Знаю, знаю. Я никогда в этом не сомневался.

Карл. Может быть, это странно, но человек может любить одновременно двух женщин.

Доктор. Вовсе не странно. Такое часто случается. А знаете, что говорила мне Анья? „Когда я умру, Карл должен жениться на Лайзе“».

«Таймс» писала, что, хотя в «Вердикте» нет сюрпризов, которыми славится Агата Кристи, в пьесе есть сюрпризы иного рода, и один из них состоит в том, что «люди ведут себя так, как она хочет, чтобы они себя вели». В целом же рецензии были недоброжелательно-снисходительными. Хотя пьеса держалась хорошо, лучше, чем такие сценически успешные, как «Паутина» и даже «Свидетель обвинения», нельзя отрицать, что поведение Карла и Лайзы не совсем «реалистично». Они действуют скорее в соответствии со своими принципами: Карл старается спасти Хелен от приговора, потому что, согласно его философскому убеждению, она не способна осознать то, что совершила («Жизнь еще не научила ее пониманию и состраданию»). Но его защита Хелен приводит к тому, что в убийстве вместо нее обвиняют Лайзу. Так Карл, добрый человек, становится опасным. Он живет, более согласуясь с идеями, нежели с реальностью, и в некотором роде именно зашоренность мышления привлекает в нем женщин. Агата видит нелепость хода его мыслей, но видит она и его достоинство; и если это не было правдой в реальной жизни Макса Мэллоуэна, то это почти наверняка было правдой в Агатином представлении о нем.

Так же ли обстояло дело в ее собственном браке?

Действительно ли Макс любил двух женщин одновременно? Был ли он неравнодушен к Барбаре и действительно ли — как в «Вердикте» — не давал воли своим чувствам, пока была жива его жена? Никому не дано знать, насколько далеко углубилась Агата в собственную жизнь, когда писала эту пьесу. Наиболее вероятно, что не до конца. Только до того момента, когда она могла еще обманывать себя самое, выдавая лишь то, во что хотела верить. Тем не менее в этой пьесе она довольно смело взглянула в лицо собственной жизни и оценила ее отнюдь не как безмятежную. Нет оснований полагать, что она щадила свои чувства. Она трезво видела свою жизнь во всей ее неоднозначности и, в отличие от Аньи, продолжала жить с этим.

Во время войны она описала Максу свой сон, в котором он разлюбил ее и она снова осталась одна: «Я проснулась в панике и бесконечно твердила: „Это неправда, это неправда, у меня ведь есть его письмо“». Это письмо она особенно бережно хранила в потайном ящике своего маленького письменного стола в Гринвее. На нем было написано, чтобы она вскрыла его в день шестидесятилетия свадьбы, и это делало ее счастливой.

> «Думаю, что иногда, не слишком часто, два человека находят свою любовь, как нашли ее мы. Такая любовь — нечто неосязаемое и спрятанное глубоко внутри, так что его не может поколебать никакой ветер.
>
> Ты — мой самый дорогой друг и моя обожаемая возлюбленная, и для меня ты останешься красивой и бесценной, сколько бы лет ни прошло. У тебя самое милое на всем свете лицо. Это любовное письмо, моя дорогая, и мне нечего добавить кроме того, что вряд ли кто-нибудь сможет понять, как много мы значим друг для друга».[516]

ДУХ, ДОСТАВШИЙСЯ ОТ БОГА

По той дороге больше не вернусь
В чудесную страну, где горы величавы,
Где в синих сумерках скалистые вершины
Покоятся в снегах…

А. Кристи. Дартмур

Спасибо за то, что Вы — Агата Кристи.

Из письма поклонника, Мэриленд, США

Агату расстроил прием, оказанный «Вердикту», но этому провалу предстояло стать привычной судьбой ее дальнейших пьес. Славные времена, когда она царила в Уэст-Энде — и даже на Бродвее, — подходили к концу. Лишь «Мышеловка» продолжала свое победное плавание.

«Неожиданный гость» в 1959 году прошел довольно хорошо («Искупление за „Вердикт“», — написала Агата Корку) и продержался полтора года. А вот «Назад к убийству» — сценическая версия «Пяти поросят», которая была показана в театре «Дачесс» в марте 1960-го, категорически не выдержала испытания. «Ее диалоги столь утилитарны, что почти полностью лишены красок жизни», — писала «Таймс». В письме к Розалинде Эдмунд Корк сообщал: «…пресса — самая злобная, какую когда-либо имели пьесы Кристи, не исключая даже „Вердикта“… — И высказывал совет: — Может, Агате немного отдохнуть от театра и начать новый роман? Ведь, в конце концов, именно романы — основа ее успеха».[517] В ответ Розалинда написала, что рецензии на «Назад к убийству» «всем кажутся крайне удивительными. Моя мать искренне огорчена». После «Оглянись во гневе» театральный мир изменился. Недостатки инсценировок, которые прежде затмевало сияние ореола имени Агаты Кристи, теперь стали очевидны.

Тем не менее она не порывала с театром. Ответить на его вызов она возмечтала еще в 1924 году, когда играла для Мэдж роль участницы группы поддержки во время недолговечной сценической жизни «Претендента». Ее пресловутая «робость» была

не так велика, чтобы не наслаждаться миром репетиций, актеров и премьер. Хоть она всегда и делала вид, что ненавидит приемы и публичность, коими Питер Сондерс очень умело держал на плаву «Мышеловку», однако мирилась со всем этим («Увидимся в «Аду в „Савое“»»,[518] — писала она Эдмунду Корку). Словно часть ее, та, что мечтала в юности спеть Изольду, все еще требовала самовыражения и, перенося свои писания на сцену, она надеялась по-своему воплотить юношескую мечту. Иначе зачем бы она продолжала стремиться к тому, чтобы ее пьесы ставились, при том что принимали их почти неизменно враждебно?

Она верила, что публике по-прежнему нравится то, что она пишет, и лишь критики видят в ней легкую удобную мишень. «Все, что бы я ни написала для театра, все равно получит отвратительный отклик, — жаловалась она Розалинде в 1971 году, — главным образом из-за „Мышеловки“, которую презирают молодые журналисты». В этом была своя правда, хотя и не вся: в 1962 году «Ивнинг стандард» написала, что «публике наплевать на роман „И никого не стало“», если пьеса «Десять негритят» снята с репертуара после двадцати четырех дней показа, а «Вердикт» освистан уже на премьере (хотя отчасти это случилось из-за того, что занавес опустили раньше времени и две последние, чрезвычайно важные реплики пропали, полностью изменив смысл пьесы). Невозможно было не заметить, как ширится пропасть между приемом ее книг и ее пьес. После смерти Агаты спектакли быстренько воскресили, они стали флагманами репертуарных театров, а время от времени появлялись и на уэст-эндских подмостках («Одно надо сказать определенно: убийства миссис Кристи избежала»,[519] — написал Майкл Биллингтон после восстановления в 1987 году спектакля по роману «И никого не стало»). Однако век их оказался недолог, даже у «Мышеловки». У книг — иное дело. Вот почему абсурдно говорить об Агате Кристи лишь как о поставщике сюжетов. В ее книгах сюжет действительно покрыт плотью — подтекстами, перекличками… Но, перенесенный на сцену и лишенный всего того, что придавало ему художественный объем, он оголяется и начинает шататься, как неустойчивый скелет. «Вердикт» и «Эхнатон» — совсем другое дело, поскольку это оригинальные произведения. В них нет блестящей театральности, но есть глубина. «Эхнатон», в котором создан образ обреченного египетского фараона-идеалиста,[520] — в высшей степени необычная пьеса, которой так восхищался Макс Мэллоуэн. «Паутина», тоже оригинальная пьеса, обладает немалым сценическим обаянием. «Свидетель обвинения» претерпела столько изменений по сравнению с первоначальным текстом, что

де-факто ее тоже можно считать оригинальным произведением; она — самое именитое драматическое сочинение Агаты. Остальные же — лишь бледные тени ее книг, и очень удивительно, что сама Агата этого не сознавала.

Выслушав совет покончить с театром, она заупрямилась. По не слишком завуалированным высказываниям Корка о непредсказуемости судьбы театральных пьес она догадывалась, что он хочет, чтобы она сосредоточилась на книгах. «Нет ничего удивительного в том, что театр губит так много писателей, особенно тех, которые становятся полностью от него зависимыми», — писал он в апреле 1960-го. Тем не менее на следующий год Агата сочинила три пьески, ловко придуманные, но легковесные, под общим названием «Правило трех». Премьера состоялась в ноябре в театре «Абердин», когда Агата путешествовала «по Персии» (так она называла свои восточные вояжи). Корк доложил ей, что прием был «в конечном счете дружелюбным и благожелательным», хотя чем ближе спектакль подбирался к Лондону, тем менее благожелательным становился прием. В Блэкпуле сборы составили всего тридцать восемь фунтов. Розалинда смотрела спектакль в Оксфорде; Мэтью писал Корку: «До меня доходят пугающие слухи о „Правиле трех“: мама, похоже, считает, что все „ужасно“; впрочем, она всегда так считает».[521] Ни один уэст-эндский театр не предоставлял свою сцену Питеру Сондерсу, «что, — как выразился Корк, — решает для нас по крайней мере одну проблему». Но к концу 1962 года Сондерсу удалось договориться с «Дачесс», к тому времени ставшим родным домом для пьес Агаты. Спектакль «Правило трех» был показан и навлек на себя бурную критику. «Я никогда не видел более позорного провала, публика бежала в гневе», — признавался Корк в первый день нового, 1963 года. «Санди телеграф» написала: «…триллер — самый низкий драматический жанр. Чем лучше головоломка, тем хуже пьеса. Но плохой триллер, который не подчиняется даже собственной логике, — это просто скучный розыгрыш. Истинными жертвами в театре „Дачесс“ оказались зрители». Эта конкретная рецензия «по-настоящему разозлила меня! — написала Агата. — Они ничего не смыслят в сегодняшней курортной жизни. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них знал о ней больше, чем я, всю свою жизнь каждый август проводившая в Южном Девоне! Жертвуя собой ради удовольствия племянников и других детей. Я авторитет в этой области. Что за злобная невежественная компания эти критики!»[522]

В газетах общепринятым стало мнение: Агата — вчерашний день. В 1962 году ее постигло новое бедствие: возобновленная

постановка пьесы с сомнительным названием «Десять негритят» с треском провалилась, еще более утвердив представление о ее авторе как символе исчезнувшего века, того самого, который, как хотелось верить современным историкам, был напрочь сметен, когда Джон Профьюмо солгал палате общин,[523] а «Битлз» наградили орденами Британской империи. Как будто все было так просто! Господство Агаты Кристи, возможно, и ослабело в «Друри-Лейн», но, как сказал Эдмунд Корк, не театр составлял основу ее успеха, сколь бы ни способствовал ее продвижению к звездному статусу. Главным были ее книги. Возможно, «Кристи фор Кристмас» покупали отчасти именно потому, что она символизировала исчезнувшую эпоху, но покупали же, и продажи книг Агаты Кристи продолжали мощно расти. В течение 1960-х «королева детектива» неуклонно двигалась к своему новому, еще более высокому, императорскому, так сказать, статусу, и кульминация наступила в 1970-м — в год ее восьмидесятилетия. Начиная с этого момента и впредь ее положение сделалось недосягаемым. Она стала самым продаваемым автором в мире, каковым и остается: ее книги неизменно занимают третье место после Библии и Шекспира.

Тем не менее в 1961 году агентства Хью Мэсси и Харолда Оубера выпустили для внутреннего пользования список ее рукописей, подлежавших уничтожению в связи с истечением срока хранения. «Кривая продолжает расти», — писал Корк о продажах ее книг в 1955 году. Шесть лет спустя казалось, что она достигла своего пика. При этом даже те, кто работал на нее, не могли в полной мере осознать мощь ее феномена. И рукописи ее не обязательно встречались с горячим энтузиазмом и должным уважением теми, кому она помогала неплохо зарабатывать на жизнь; довольно часто эти люди позволяли себе мелочные укусы. Харолд Оубер писал Корку о «Кармане, полном ржи», что использование детского стишка кажется ему искусственным и что «она не совсем честно поступает по отношению к читателю». А вот о романе «Место назначения неизвестно»: «Не думаю, что она согласится изменить конец, так что будем изо всех сил стараться продать его как есть». О «Занавесе» и вовсе грубо: «Мне не нравится эта книга». После смерти Оубера в 1959 году Корк имел дело в его агентстве с Дороти Оулдинг, та писала оживленные письма и делала критические замечания в стилистике мелкой сплетни.[524] «Не знаю, что и сказать об этой книге (это о романе „И, треснув, зеркало звенит“), кроме того, что начиная с момента убийства миссис Бэдкок я читала со страхом: как бы Агата не использовала воздействие краснухи на беременность в качестве главного ключа». «Не передавайте Агате, но это не самая сильная

вещь, какую она когда-либо написала. Вы не согласны?» — таково было ее суждение о «Приключении рождественского пудинга», а когда Корк обратился к ней с просьбой попробовать продать журналам необычный рассказ «Кукла модистки», она ответила, что есть один редактор, к которому она может обратиться, но: «Я знаю: если он почувствует, что рассказ не стоит того, чтобы его купить, это разобьет ему сердце, и все же, боюсь, его сердце будет разбито». «Интересно, кто-нибудь, кроме меня, задавался вопросом, откуда мисс Марпл узнала, что Эльвира Блейк была дочерью Бесс Седжвик? — веселилась она, прочтя «Отель „Бертрам“». — Она что, так умна, что вывела это с помощью дедукции, или как?» И гораздо суровее о «Пассажире из Франкфурта»: «Между нами говоря, я была горько разочарована этой книгой. Она представляется мне дурной имитацией шпионского рассказа, притом чертовски слабой…»[525]

Ключевым для Америки был вопрос, подходят ли книги Агаты для рынка периодики. В молодости Агата, быть может, и переписывала бы их, если бы потребовалось, чтобы продать таким изданиям, как «Сатердей ивнинг пост», но в зрелые годы отказывалась это делать. Вот почему Оубер сокрушался из-за романа «Место назначения неизвестно», окончание которого в «Сатердей ивнинг пост» сочли «абсолютно абсурдным», и выражал тревогу по поводу всего сюжета романа «И, треснув, зеркало звенит». Трудно поверить, что американский рынок периодики стал проявлять такую разборчивость в то время, когда Агата пребывала на вершине своей славы и популярности, при том что до войны хватал все, что выходило из-под ее пера. Теперь, похоже, связь была утрачена. В 1968 году редактор «Сатердей ивнинг пост» отверг «Щелкни пальцем только раз», заявив: «Боюсь, это не для нас. Сюжет, безусловно, оригинален, но персонажи такие чертовски дряхлые». И подобного рода прямые отказы не были редкостью. «Гуд хаускипинг» завернул «Занавес»: «Я бы хотел сделать вам отличное щедрое предложение, — писал редактор, — но, боюсь, не могу сделать даже плохонького и разумно адекватного… Должен признать, что вещь показалась мне скучной. Все персонажи такие старые и сливаются для меня в одного полковника Блимпа…»

Новый мир высказывался громко и ясно, однако вопреки самому себе продолжал читать Агату Кристи. В этом свете неудивительно, что Агата восставала против своеволия и небрежности литературных агентов и издателей. Познакомившись с рекламной аннотацией к американскому изданию романа «И, треснув, зеркало звенит», она написала Корку: «Публикуя мои книги вот уже тридцать с лишним лет, мои

издатели могли бы научиться правильно писать название деревни мисс Марпл». В новогодний сочельник 1966 года она — так же как впоследствии в 1971-м — разразилась письмом к Розалинде относительно своих пьес. В письме Корку, желая ему счастливого Нового года, она добавила: «…если для кого-то из нас это еще возможно», после чего принялась в отчаянии перечислять нескончаемые жалобы: «Во-первых, я должна иметь более жесткий контроль над идиотскими и крайне раздражающими выходками, которые позволяют себе мои издатели и иже с ними». Особенно вывело ее из себя то, что издательство «Додд Мид», выпустившее сборник ее рассказов под названием «Тринадцать на счастье», рекламировало его как «загадочные истории для юных читателей».

> «Я пишу и всегда писала свои книги для взрослых.
>
> Не верю, что Вы не отдаете себе отчета в том, что я категорически возражаю, чтобы подобные вещи сваливались на меня неожиданно… Мне отвратителен сборник „Тринадцать на счастье“, ведь существует „Третья девушка“ и она должна продолжать существовать в своем первоначальном виде… Неужели у меня нет никакой власти над тем, в каком виде выходит в свет то, что я написала? Если я имею право запретить это, то говорю решительно и бесповоротно: я не желаю, чтобы какие бы то ни было рассказы из сборника „Подвиги Геракла“ когда-либо снова выходили отдельно. Они составляют обдуманное единство… И Вам, и Ouберу придется принимать во внимание меня и мои чувства… Унизительно стыдиться того, чего я не желала и не просила делать. Вы должны неукоснительно следить за „Коллинз“, я им не доверяю… То же и с „Додд Мид“. Когда в следующий раз их посетит какая-нибудь очередная блестящая идея, не может быть и речи о том, чтобы она была пущена в ход без консультации со мной и моего согласия. Дороти Оулдинг очень симпатична мне как человек, но Вы должны контролировать действия „Додд Мид“ от моего имени, иначе как я смогу узнать, что они там делают?..
>
> Итак, Агата, какие еще жалобы?!»

В 1960 году Агата написала Корку, из отеля «Маунт Лавиния», откуда начиналось ее путешествие по Шри-Ланке, Индии и Пакистану, что плавает и чувствует себя «беззаботно, почти как девочка!!!».

Но в декабре 1962-го ее здоровье — всегда крепкое —

обнаружило первые признаки ухудшения, хотя тогда она благополучно поправилась. В газетах писали, что во время пребывания в Багдаде у нее «случилась инфлюэнца» и она «на неопределенное время» отложила свое возвращение. На самом деле грипп осложнился бронхитом и гастритом. В самом конце года она чувствовала себя «еще очень слабой»; ее секретарь Стелла Керван писала Эдмунду Корку: «Я сама поеду в аэропорт встречать Агату, с норковой шубой, чтобы сразу укутать ее».[526]

Страдала Агата также от псориаза, который на нервной почве поражал ее руки, и еще она, по ее собственным словам, «молила Всевышнего, чтобы он дал ей пару новых ног», поскольку страстно желала продолжать жить как прежде. Когда в 1970 году, в связи со своим восьмидесятилетием, она давала серию коротких интервью, большинство журналистов отмечали ее здоровый и бодрый вид.

Со здоровьем Макса дело обстояло не так хорошо. Хоть он и был намного моложе Агаты, но в отличие от нее всю жизнь курил, пил и начиная с 1960-х перенес серию микроинсультов. «В одночасье он стал выглядеть вдвое старше и очень ослабел», — писал Корк Дороти Оулдинг в августе 1961-го. Тем не менее он так же, как Агата, обладал неисчерпаемым запасом мужества и живучести и до самого конца вел себя так, словно впереди у него — целая жизнь. Вечером накануне того дня, когда он умер в своей постели в Гринвее, он обещал своей подруге Д. назавтра начать учить ее играть в бридж.

Но к 1967 году время приключений, похоже, закончилось. Весной Мэллоуэны отправились в Иран; это был последний визит Агаты на Восток — в те места, которые почти за сорок лет до того, когда она рискнула одна поехать в Багдад в поисках новых миров, подарили ей надежду. Годом раньше они с Максом съездили в Америку. Агата хотела увидеть страну предков своего отца. Ее «провезли по городку Ист-Хэмптон в Массачусетсе, откуда происходили Миллеры», и молодая сотрудница из агентства Оубера свозила ее на могилу Натаниэля Миллера, ее деда, которая находилась на кладбище Гринвуд в Бруклине. Все сотрудники агентства Оубера и издательства «Додд Мид» были «очарованы» Агатой так же, как в 1956 году, когда она впервые приезжала в Америку, хотя у нее за спиной и судачили о ней как о милой, но несколько утомительной и эксцентричной старушке. «Будьте осторожны, милая Дороти! — писал Корк, отчасти заразившийся веселой непочтительностью своей адресатки. — Вчера Агата сказала мне, что истинная цель ее визита в Америку — покупка панталон нестандартного размера… Памятуя ловкость, с какой Вы помогли ей с купальным костюмом, она,

боюсь, дорогая, наметила в жертву Вас». Теперь такое случалось часто. Например, были изнурительные поиски определенного сорта кленового сахара «Золотой лист», который Агата ела в 1956 году и который теперь должны были постараться найти для нее сотрудники агентства Оубера. «Эта поденная работа на Агату была проклятием, отнимавшим массу времени и сил», — писал Корк, хотя — как в случае с Барбарой и фруктовыми саженцами — не было и речи о том, чтобы не выполнить ее поручения. Поездке Агаты и Макса в Америку предшествовала энергичная переписка между агентствами Хью Мэсси и Оубера, касающаяся организации их двухмесячного пребывания в стране. «Дорогая, простите, что обременяю, — писал Корк Дороти Оулдинг, — но, вероятно, Ваш ответ поможет мне выдержать тот град вопросов, которыми, не сомневаюсь, меня осыплют Мэллоуэны по возвращении из Швейцарии».[527]

Европа стала теперь излюбленным местом путешествий Агаты: Париж, Бельгия, Оберраммергау, Мерлинген… «Ничего не пересылайте мне в Мерлинген, если только не случится чего-то настолько срочного, что без этого нельзя будет обойтись!! — писала она Корку в июле 1966-го. — Письма не самая большая радость моей жизни!» Для этих швейцарских каникул был нанят шикарный автомобиль, хотя Макс просил что-нибудь «поскромнее». В Америку они летели эконом-классом. Как сказал Джон Мэллоуэн, «мои тетя и дядя всегда говорили, что у них нет денег».[528] Удивительный парадокс: в Париже они останавливались в «Ритце», но при этом Макс жаловался на иены; большую часть времени они жили в Уинтербруке, но «почти ничего не тратили на дом».[529] Когда дом продавали, выяснилось, что крыша — в ужасном состоянии. В Гринвее дела обстояли лучше, потому что о нем заботились Розалинда и Энтони. Поллирэч перешел к Мэтью после его женитьбы в 1967 году, а Хиксы, чтобы постоянно быть под рукой, поселились в Фэрри-коттедже, стоявшем в конце гринвейского сада.

Чем ближе к восьмидесятилетию подходила Агата, тем больше ухода ей требовалось. Тем не менее книги, написанные ею в 1960-х, многие считают более сильными с творческой точки зрения, чем те, что были созданы в предыдущее десятилетие. Она больше не писала на волшебном автопилоте; теперь она углублялась в новые сферы, исследуя новый мир, с которым, как считалось, шагала не в ногу. Качество этих работ разное: за восхитительно изобретательной «Виллой „Белый конь“» следовал элегический роман «И, треснув, зеркало звенит», исполненный проникновения в суть описываемых явлений и характеров; а за ним — «Часы», необъяснимо плохая книга. «Карибская тайна» —

это типичная Кристи, как и — в целом — «Вечеринка в Хэллоуин». Но в «Отеле „Бертрам“», «Третьей девушке», «Ночной тьме» и написанном в 1970 году «Пассажире из Франкфурта» видно, как блестяще сумела Агата уловить суть современности, в незнакомое лицо которой открыто заглянула.

В «Третьей девушке» действие происходит в свингующем Лондоне[530] — городе битников, сексуальной свободы и наркотиков, девушек — «непривлекательных Офелий» и молодых людей — красавцев Ван Дайков. «Редактор поражен тем, как Вам удалось „ухватить“ эти молодежные типажи», — с восхищением сообщал ей Корк в августе 1966-го. Большая часть книги написана от лица Ариадны Оливер, что для «Третьей девушки» оказалось очень удачным приемом. Голос рассказчицы звучит сильно и ясно (к слову сказать, в то время Агата уже пользовалась диктофоном). Миссис Оливер откровенно заинтригована этим новомодным Лондоном, и ее размышления о нем, которые представляют собой упрощенный вариант собственных мыслей Агаты, вдыхают жизнь в описываемую ею среду. Например, она следует за молодым человеком («Павлином», как она его называет) в Челси, в захудалую мастерскую художника. Место действия описано чрезвычайно убедительно, как и три других персонажа, которых миссис Оливер там находит и которые обращаются с ней в типичной юношеской манере, представляющей собой смесь панибратства, непочтительности и легкой угрозы. Миссис Оливер, как и Агата, — трезвенница и отказывается выпить то, что ей предлагают. «Ах, дама не пьет, — ерничает Павлин. — Кто бы мог подумать?»

В «Ночной тьме», пожалуй, самом удивительном из этих произведений, угроза ощущается куда сильнее. В возрасте семидесяти шести лет Агата предприняла неожиданно смелый эксперимент: она написала книгу от лица молодого рабочего Майкла Роджерса, обладающего кучей врожденных достоинств, но являющегося пленником мечтаний, кои он даже не вполне сознает. Он грезит о другой, восхитительной жизни: о доме несказанной красоты и девушке, напоминающей богиню. Чтобы воплотить свои мечты, он совершает убийство, а потом самоубийство становится его мечтой. Душа свою девушку-богиню, он говорит: «Я больше не принадлежал ей. Я был собой. Я переходил в иное царство, такое, о каком мечтал».

Агата говорила об этой книге так, будто она не слишком отличалась от всего остального, что она написала: «Люди качали головами [когда она рассказывала о том, что она сейчас пишет], словно хотели сказать: „И что может такая мелкопоместная дама, как она, сделать с подобным персонажем? Она же черт-те что

напорет!“ Думаю, я ничего не напорола, и это даже было не особенно трудно. Я слушала, как моя уборщица разговаривает со своими родственниками. И я всегда обожала прислушиваться к разговорам в магазинах, автобусах и кафе. Просто держала ушки на макушке. В этом весь секрет».[531]

У нее было врожденное чутье к языку; еще в юности, уловив нюансы и ритмы речи, которую слышала в Египте, она умело использовала их в своем подростковом романе «Снег над пустыней». Но что впечатляет больше всего в «Ночной тьме», так это не точность манеры речи Майкла, а проникновение в образ его мыслей. Агата интуитивно поняла мощное веяние конца двадцатого века, столь чуждое ей самой: убежденность людей в своем праве, заставлявшую их верить, что все, чего они хотят, им подвластно. Майкл Роджерс не просто психопат, он создание своей нравственно обедненной эпохи, но Агата, воспитанная в совершенно других понятиях — понятиях долга и бескорыстия, сумела осмыслить и воплотить его характер с удивительной точностью. Ей были внятны его обаяние, его побуждения, его неукорененность в жизни, его эгоизм, его вера в то, что он может сам построить свою судьбу и что удовлетворение собственных желаний и есть самоутверждение. Пространство, где должна была бы обитать его душа, — смысловой центр книги; ее доминанта — взрывная смесь желаний и душевной опустошенности.

С возрастом Агата все меньше доверяла молодым людям. Это было вовсе не побочным эффектом старости — что бы ни думали о ней в американских журналах, — а трезвой оценкой того, что она видела вокруг. Она знала, что культ молодости таит в себе опасность, поскольку по определению отрицает мудрость и опыт: именно это сделало Майкла Роджерса тем, чем он стал, — он уверовал, что сила и мужественность добудут ему то, чего он хочет, гораздо быстрее, нежели здравый смысл и добродетель. Поздние романы Агаты изобилуют предостережениями против безудержного восхищения молодежью, ибо та легкомысленна, эгоистична и не обременена совестью. Эльвира Блейк из «Отеля „Бертрам“» — «одна из детей Люцифера»; равнодушные красивые существа из «Третьей девушки» совершают убийство, вооруженное нападение и подлог; принадлежащий к привилегированному обществу Майкл Рафиэл из «Немезиды» обвиняется в нападении и, возможно, изнасиловании (хотя «следует помнить, что сегодня девушки куда больше готовы подвергнуться насилию, чем в былые времена»).[532]

В «Вечеринке в Хэллоуин» убивают двоих детей, и никто их особо не оплакивает: один был лжецом, другой — шантажистом. Эта книга вообще в значительной мере развернутое размышление

о природе молодости и легковерии тех, кто априори считает ее невинной. «Не так уж неслыханно в наши времена, что дети совершают преступления, даже маленькие дети. Семи, девяти лет и так далее…» В «Вечеринке в Хэллоуин» есть девочка, сколь прекрасная внешне, столь и добродетельная: двенадцатилетняя Миранда (явная шекспировская аллюзия), но создается ощущение, что ее детская невинность ей не органична, что она легко подвергнется коррозии в мире, который слишком высоко ценит молодость как таковую и слишком готов воспользоваться ее ошибками. «Я уже устал слышать слова: „Отправить на психиатрическое обследование“, — говорит полицейский, — после того как парень куда-то ворвался, разбил очки, стащил несколько бутылок виски, украл столовое серебро, ударил по голове старуху».

Но четче всего страх Агаты перед культом молодежи выражен в «Пассажире из Франкфурта». Книга — не понравившаяся агентам и издателям Агаты — широко разошлась: в день ее восьмидесятилетия было продано минимум 70 экземпляров только в твердой обложке; наверное, этому способствовала предъюбилейная шумиха, но дело не только в этом: книга задела за живое. Со своей «безошибочной интуицией» (как выразился Пуаро о миссис Оливер) Агата тяготела теперь к темам мирового террора, разрастания зла и насилия ради самого насилия. Человеческая натура всегда была основным объектом ее исследования. Всю жизнь она искала общее, узнаваемое, привычное в людях, совершающих необычные поступки. Теперь она проницательно видела, что те самые качества, которые делали людей узнаваемыми друг для друга, извращаются и вытесняются; что они даже перестают быть необходимыми.

Намек на это содержится в книге «Встреча в Багдаде», где действуют послевоенные сторонники арийских идеалов: «Ангелы со злыми лицами, которые желали создать новый мир и которым дела не было до того, кто при этом пострадает». В романе «Место назначения неизвестно» поднята та же тема, только на этот раз борьба идет с фанатиками-коммунистами. В 1970 году враг становится другим, труднее узнаваемым, но канал, по которому он проводит свои идеи, тот же — молодежь: «Молодые люди гораздо легче поддаются влиянию, чем взрослые, — сказала Агата, отвечая на множество вопросов, которые ей задавали в связи с „Пассажиром из Франкфурта“, — а зло умеет подать себя во всем блеске великолепия и значительности лучше, чем добро. Смирение есть и должно всегда оставаться главной христианской добродетелью. Я думаю, что нынешнее преклонение перед насилием и жестокостью и люди, считающие, что без этих качеств

нельзя достигнуть ни одной цели, оказывают дурное влияние на общество, и это влияние успешно распространяется во многих странах. В настоящий момент самым наглядным примером тому служат события, происходящие в Ольстере…

Я никогда не интересовалась политикой как таковой. Мой интерес был спровоцирован склонностью нынешней молодежи к бунту и анархии, о чем свидетельствуют сообщения со всего мира».

Герой, точнее, антигерой «Пассажира из Франкфурта» — нетипичный чиновник министерства иностранных дел сэр Стаффорд Най, чья несколько обременительная для него самого эксцентричность мешает его карьере, но придает ему способность мыслить самостоятельно и противостоять напору идеологии. «Мне бы хотелось любить человечество, любить его глупую физиономию», — размышляет он. Но неразборчивая любовь так же опасна, как ненависть; как ни парадоксально, относиться к человечеству как к чему-то, что надлежит любить, «негуманно». Моральные принципы сэра Стаффорда ложны, изменчивы, окрашены сомнениями; они побуждают его присоединиться к борьбе за «счастье человечества» — борьбе, в которой, по мнению Агаты, отнюдь не наверняка можно добиться победы. Зловещим эхом «Прекрасного нового мира» Хаксли отзывается предположение, что агрессию в человеке теперь можно смягчить только наркотиками. «Бенво», как называет его Агата, — это нечто вроде сомы или прозака: средство, которое «успокаивает» до такой степени, что возникает эффект «искусственной доброты». Следует ли его широко применять? Ответ, который дается в «Пассажире из Франкфурта», двойствен.

> «— Благо человечества на деле вещь обманчивая. Бедный старый Беверидж, свобода от желаний, свобода от страха, свобода от чего бы там ни было… от этого рай на земле не наступит, и ваш „бенво“ или как там вы его называете (звучит как название патентованного продукта питания), думаю, рая на землю не принесет. В доброте, как и во всем другом, тоже таятся свои опасности. Что он сделает, так это избавит от многих страданий, от боли, анархии, насилия, наркотической зависимости. Да, он спасет мир от многих дурных вещей и может — всего лишь может — кое-что изменить в людях. В молодых людях».

Стало быть, так Агата представляла себе будущее: провидческий, смелый взгляд. «Пассажир из Франкфурта» заканчивается оптимистически (хотя и несколько абсурдно),

потому что в глубине души Агата все же верила в спасение человечества. В конце концов, она была человеком верующим. Тем не менее в романе «Отель „Бертрам“» она допускала кончину старого порядка и воцарение беспорядка; допускала в уменьшенном и более личном виде.

В этой книге она оживляет свое прошлое; будучи активно вовлеченной в современный мир, она не могла отказаться от прошлого и возвращалась к нему все чаще и чаще, наговаривая воспоминания на диктофон. «Отель „Бертрам“» — это идеализированная версия «Флемингза» (а не «Коннаута»,[533] как остроумно догадалась Дороти Оулдинг), прекрасный памятник Эдвардианской эпохи. Пытаясь воскресить в памяти собственную молодость, мисс Марпл приезжает в этот отель и находит, что там совершенно ничего не изменилось. Все так же горит камин в салоне, где безупречно сервируют чай с тминным кексом и горячими булочками с маслом; румяные горничные все так же приносят на завтрак правильно приготовленные яйца-пашот; бармен со знанием дела рассуждает о скачках в Ньюбери; постояльцами являются добропорядочные семьи, престарелые вдовы с аристократическими манерами и священники, а «телевизионная комната» спрятана подальше, чтобы не портить общий вид.

> «Все казалось слишком приятным, чтобы быть правдой. С присущими ей трезвостью взгляда и здравым смыслом она прекрасно понимала, что ей просто хотелось освежить свои воспоминания о прошлом в старых, подлинных красках. Так сложилось, что большая часть ее жизни прошла в воспоминаниях о былых удовольствиях… Вот и теперь она сидела и вспоминала. И странным образом Джейн Марпл, та белокожая, розовощекая, жизнелюбивая девушка, снова ожила…»

Воспоминания мисс Марпл — это воспоминания самой Агаты: магазины «Арми энд нейви», поездки на дневные спектакли в четырехколесном экипаже, кофе со сливками в театральном буфете… Проезжая через Лондон, мисс Марпл видела, что он изменился до неузнаваемости по сравнению с тем городом, который она когда-то знала. Поэтому чудом казалось, что «Бертрам» остался в неприкосновенности, и это, как она понимает, «слишком хорошо, чтобы быть правдой». Отель «Бертрам» — всего лишь фасад, виртуальное воссоздание прошлого, населенное персонажами вроде нее самой, которые придают достоверность пустой сценической декорации: эдакие детали из красного дерева, вкрапленные в картонную декорацию

метафорического прошлого. Ухо француза ласкает услышанное в холле: «Le five o'clock», — а проходящий мимо полицейский думает: «Этому парню невдомек, что „le five o'clock" мертв, как птица дронт!»

Можно ли было создать более совершенный образ, чем создала Агата, чтобы показать исчезновение мира, который она некогда знала? Как ошибались, как глубоко ошибались те, кто считал, что Агата Кристи — окаменелость, застывшая в той Англии, которая навсегда останется Англией образца 1932 года, уютно попивающей чай в салоне, освещенном пламенем камина, — в той декорации, которую сама Агата изобразила как подделку!

Она отлично знала, что мир изменился, хотя ее критики — и даже поклонники — думали, что она не изменилась вместе с ним. Однако, как и мисс Марпл, она имела смелость пристально вглядываться в то, что современный мир старался обойти стороной. У молодой девушки из «Отеля „Бертрам"», Эльвиры Блейк, есть все, тем не менее она убивает и лжет без малейших угрызений совести. По мнению Агаты и мисс Марпл, она неисправима: печальный, но факт. И все же когда книга была послана в «Гуд хаускипинг» для публикации с продолжением в нескольких номерах, из журнала Оуберу ответили: если они и согласятся печатать ее, «то должны дать понять, что девушке будет оказана психиатрическая помощь… Нужно, чтобы в тексте содержался намек на то, что ее можно исправить». Вот тот рубеж, на котором Агата и современное сознание расставались: дело было не в том, что она предпочитала «Эрл Грэй» кока-коле, а в ее отваге видеть истинную природу человека. Она всегда отдавала себе отчет в том, на какую подлость способно человеческое существо. Она знала, что эгоизм на первый взгляд добропорядочных мужчин и женщин безграничен, что желание быть богатым или счастливым или обеспечить собственную безопасность может пересилить все, кроме твердых моральных устоев. Она знала: убийцы иногда заслуживают сострадания, но надо помнить о последствиях, которые влечет за собой снисходительность к преступнику. Она, как никто, понимала: супружеская измена может породить отчаяние с непредсказуемыми последствиями, тем не менее хорошие люди совершают измены так же, как крысы. Она знала, что дети, какими бы милыми и невинными они ни казались, способны творить зло, а взрослые — творить зло по отношению к детям. Обо всем этом она и писала, ничего не объясняя и не видя необходимости объяснять. Это было ее главной темой. А в преклонные годы она осознала связь между наивностью

современного мира с его политизированной убежденностью в том, что человеческая природа поддается совершенствованию, и его приверженностью идеологии, анархии и насилию.

Между тем в своем тайном воображении, куда с годами пряталась все глубже, Агата колдовала с памятью.

В «Щелкни пальцем только раз» Таппенс Бересфорд вспоминает свою службу во Вспомогательных добровольческих частях во время Первой мировой войны: «Там все были солдатами. Хирургическое отделение. Я работала в коечных рядах A и B». А когда опознают убийцу, ее бывшему мужу приходит на ум знакомая фраза из «Пер Понта»: «Кем она была? Она сама, настоящая, истинная? Кем она была „в духе, который от Бога достался“?»

В «Пассажире из Франкфурта» тетка сэра Стаффорда Матильда вспоминает свою далекую юность: «Видите ли, по утрам девочкам полагалось делать что-нибудь полезное. Ну, например, ухаживать за цветами или чистить серебряные рамки для фотографий… Днем нам разрешалось посидеть и почитать какую-нибудь книгу, и „Пленник замка Зенда“ обычно был одной из первых наших книг…» Так же и Агата в Эшфилде написала в 1903 году в «Альбоме признаний», что ее любимый мужской литературный персонаж — Рудольф Рассендилл из «Пленника замка Зенда».

В романе «Слоны умеют помнить» наступает очередь миссис Оливер вспоминать прошлое Агаты. «Она встала в позицию, которая, как смутно помнилось ей по детским посещениям танцкласса, была первой фигурой лансье. Вперед, назад, руки вытянуть, поворот, двойной поворот, вращение и так далее…» В эту книгу Агата «вписала» персонаж по имени Зели — гувернантку и хранительницу секретов. «Леди Равенскрофт заболела, ее положили в больницу. Зели приехала, чтобы ухаживать за ней и быть рядом. Я не знаю, но мне кажется, я думаю, я почти уверена, что она была там, когда это — эта трагедия — случилось. Так что, как вы понимаете, она должна знать, что произошло на самом деле». Это явное эхо Шарлотты Фишер — преданной молодой женщины, которая всегда стояла рядом и хранила молчание до самой смерти; она умерла всего через два месяца после Агаты в маленьком домике в Истбурне, куда переехала, признавшись племяннице, что с момента смерти ее бывшей хозяйки, которую она очень любила, у нее начало болеть сердце.[534]

В «Немезиде», последнем шедевре Агаты, воспоминания иные, не столь конкретные. Тем не менее книга — глубоко

личная. Она исполнена страсти, которую мисс Марпл ощущает с такой силой, будто находится всего в шаге от нее. Это история Майкла Рафиэла, сына мистера Рафиэла, с которым мисс Марпл познакомилась еще в «Карибской тайне». Через своих адвокатов Бродрибба и Шустера мистер Рафиэл посылает ей посмертную просьбу расследовать преступление. Майкл Рафиэл находится в тюрьме, куда попал за убийство Верити Хант, девушки, на которой собирался жениться.

Мисс Марпл встречается с архидиаконом, который должен был совершить таинство венчания. Он говорит ей:

> «Я всегда вижу, когда жених и невеста действительно любят друг друга. Под этим я подразумеваю не физическое влечение. Сейчас слишком много говорят о сексе, придают ему слишком большое значение. Я не хочу сказать, что физическое влечение — это нечто неправильное. Чушь. Но физическое влечение не может заменить любовь, оно сопутствует любви, но оно не самодостаточно. Любовь — это то, что выражено в словах венчальной службы. В радости и в печали, в богатстве и бедности, в болезни и здравии… Вот что вы принимаете на себя, если любите и хотите вступить в брак. Эти двое любили друг друга. Любить и заботиться друг о друге, пока смерть не разлучит нас…»

В конце книги, раскрыв дело, мисс Марпл возвращается к словам архидиакона:

> «Мне кажется, он не верил, что это будет безоблачно счастливый брак, он имел в виду то, что назвал необходимым браком. Необходимым, ибо, когда любишь по-настоящему, приходится платить за это, пусть даже ценой разочарования и несчастья».

«Немезида» — прелестная книга, несмотря на некоторую беспорядочность и повторы. Это не детектив в строгом смысле слова, а печальные размышления о реальности любви («одно из самых пугающих слов на свете»). Наброски сюжета есть в тетрадках Агаты, и на странице вверху написано: «Немезида. Январь 1971. Д. Б. И.». Как предсказал Эдмунд Корк еще в 1956 году, она получила титул Дамы Британской империи, будучи включена в Новогодний список награждений. Ее жизнь достигла последнего славного пика, после чего началось медленное, неумолимое нисхождение.

В 1971 году Агата состарилась. Она предприняла еще одну, последнюю попытку в театре со слабой короткой пьесой «Пятерка Фиддлера», которую отказался ставить Питер Сондерс. Ранее, в 1962 году, после провала «Правила трех», Сондерс отклонил черновик инсценировки, которую Агата написала для Маргарет Локвуд, и Эдмунд Корк написал Розалинде со скрытым за вежливостью ликованием: «В настоящий момент я не вижу дальнейшей перспективы постановки пьес Кристи на лондонских сценах». Однако «Пятерка Фиддлера» была поставлена в 1971 году в Бристоле, когда сама Агата находилась на отдыхе в Париже. Как и ожидалось, прием оказался в целом кислый. В отчаянном желании оградить мать от огорчений Розалинда написала ей, что в Лондоне пьесу ставить не следует. Агата, в пространном письме, посланном уже из Уинтербрука, ответила ей в возбужденном тоне, граничившем с гневом и скрывавшем вызывавшее почти жалость желание напомнить Розалинде — и себе — о своих достижениях.

> «Я никогда специально этого не добивалась и не понимаю, почему ты так настроена против ее гастрольного коммерческого успеха (если он будет). Не думаю, чтобы ты, или Мэтью, или „Харрисон хоумз“ и остальные, кто получает выгоду в компании, на самом деле отказались от своей доли выручки… Я знаю, что рецензии плохие — хотя получила несколько и на удивление хороших — и что во многих театрах занавес в конце поднимали пять раз. „Мышеловка“, которая вначале тоже была обкатана на гастролях, получила только одну рецензию, заслуживавшую внимания, все критики были неблагожелательны. „Вердикт“ не имел успеха в Лондоне, но я очень рада, что он был там показан. Мне пришлось мириться с множеством ужасных спектаклей и фильмов, и мне было стыдно, что они ассоциировались с моим именем…»

Дальше Агата пространно писала о том, как не нравились ей ранние инсценировки ее книг:

> «Именно потому, что я так их ненавидела, я решила инсценировать „Лощину“ сама. Я писала ее в Поллирэче, и ты сделала все возможное, чтобы отговорить меня это делать! Если бы тебе удалось убедить меня держаться только книг, не было бы ни „Мышеловки“, ни „Свидетеля обвинения“, ни „Паутины“. Я могла прекратить перекладывать свои книги для сцены, но тогда я не стала

бы драматургом и лишила бы себя массы удовольствия!..

Все, что связано с театром, — это азартная игра. Если лондонская постановка не осуществится, я буду за тебя рада!»

В июне того года Агата, упав в Уинтербруке, попала в больницу «Наффилд» в Оксфорде с переломом бедра. «В течение одного-двух дней положение было критическим, — писал Эдмунд Корк в ее американское агентство, — но я счастлив сообщить Вам, что она чудесным образом поправилась».[535] По возвращении из больницы Агата написала дочери почтовую открытку в другом тоне. Почерк был дрожащим и свидетельствовал о ее старости и слабости.

«Дорогая моя Розалинда, как прекрасно избавиться от больницы и снова быть дома. Ты замечательно все устроила в комнате, и там прохладно — гораздо прохладнее, чем в спальне наверху. Последние ночи в больнице было так чудовищно жарко и душно — почти невозможно спать, я прилипала к судну, которое было плохо присыпано тальком, так что у меня кусочками слезала кожа. Цветы, которые ты повсюду расставила, очаровательны, я счастлива. Ты так добра…

Хожу я отлично, так сказали и врачи, и сестры. Макс благородно ухаживает за мной по ночам. Условия абсолютно роскошные, особенно после того как привык просыпаться на бесконечных суднах. Миссис Белсон [домоправительница в Уинтербруке] очень ловко помогает одеваться и спускает мне ноги с кровати. Дорогая Розалинда, как мило с твоей стороны, что ты приехала и обо всем позаботилась…

Бинго уже перестает на меня сердиться за то, что я его оставила».

Бинго заменил Трикла, который умер в 1969 году. Он был чрезвычайно нервным псом. «Знаете, Агата, он у вас ненормальный», — говорил, бывало, А. Л. Роуз, когда гостил в Уинтербруке. Телефонный звонок вызывал у собаки приступы бешенства — «Агата нафантазировала себе, будто Бинго верит, что в телефоне живет дьявол»,[536] — и он кусал всех, кто входил в дом. Иногда он кусал и Макса, который, несмотря на это, очень его любил. Но Агату Бинго боготворил. Так же как Питер за сорок лет до того, он был для нее источником бескорыстной преданности. «Каждое утро он снова и снова демонстрировал ей свою любовь, залезая под стеганое пуховое одеяло», — писала

Розалинда.

Его истошный лай слышен на пленке, где записана беседа Агаты с лордом Сноудоном, который в 1974 году проводил в Уинтербруке фотосессию. Речь Агаты на записи вежливая, дружелюбная, но совершенно отстраненная. Сноудону приходилось вытягивать из нее ответы; это слегка напоминало то, как Пуаро, прилагая неимоверные усилия, беседует с княгиней Драгомирофф в «Убийстве в Восточном экспрессе». Слышен там и голос Макса, время от времени вставляющего какое-нибудь замечание. В какой-то момент интервьюер задает Агате вопрос об экранизации ее книг, на него она отвечает особенно неохотно. Ей чрезвычайно не понравился фильм по «Ночной тьме»,[537] и она горячо протестовала против полупорнографической сцены насилия: «Там была очень неприятная сцена, приписанная в конце и совершенно ненужная. Я имею в виду эпизод, в котором душат другую женщину. Показано ужасно натуралистично. Это мне, конечно, не понравилось». При этом Макс замечает, что с операторской точки зрения фильм сделан хорошо. «Да? — говорит Агата. — Мне так не кажется».

Сноудон также спрашивает о предстоящих съемках «Убийства в Восточном экспрессе»: не беспокоит ли ее предполагаемое обилие звезд среди исполнителей — Альберт Финни, Джон Гилгуд, Лорен Баколл… «Да, если это так, думаю, будет раздражать». На самом деле, посмотрев фильм, она не высказала к нему претензий. Приобретя стойкую идиосинкразию к кинематографу после опыта сотрудничества с Эм-джи-эм — она, например, неоднократно отклоняла поступавшие от Голливуда просьбы разрешить экранизацию «Пассажира из Франкфурта», — Агата согласилась на съемки «Восточного экспресса» отчасти потому, что с такой просьбой к ней напрямую обратился лорд Маунтбаттен, с которым она в 1969 году переписывалась относительно «Убийства Роджера Экройда» и чей зять лорд Брабурн хотел снимать фильм. «Как Вы знаете, — писал ей лорд Маунтбаттен в конце 1972 года, — вся моя семья — поклонники Агаты Кристи… И все мы считаем, что ни один из фильмов, сделанных до сих пор, не отдает должного духу Агаты Кристи».

«Должна откровенно признаться, что в отношении фильмов по моим книгам я нахожусь в сложном положении, — отвечала ему Агата. — Мне больно смотреть их — такие ужасные сценарии, такой плохой подбор актеров… Твердо отказывать в разрешении всем, кто делает кино, и строго придерживаться этой позиции гораздо легче, но, несмотря на все это, я с удовольствием познакомлюсь с Вашим зятем». В 1974 году фильм вышел и произвел фурор; у критиков он тоже в целом имел успех, хотя

Дороти Оулдинг он не понравился («но я чувствовала, что мне следует помалкивать»), а журнал «Тайм» выступил с едкой рецензией, в которой содержался следующий язвительный, хотя и не совсем несправедливый пассаж: «Похоже, все было бы куда интереснее, если бы Шона Коннери или Ингрид Бергман, а не исполняемых ими персонажей, подозревали в совершении бесчестного поступка». Но фильм положил начало новой манере экранизации ее книг: «Смерть на Ниле» и «Зло под солнцем» стали замечательными блокбастерами, обладавшими высочайшими доступными экранизации достоинствами.

Агата полностью оправилась после перенесенной в 1971 году операции, связанной с переломом бедра, и к концу года снова могла ходить. Она посетила Музей мадам Тюссо, где с нее сняли мерки для изготовления восковой фигуры, и даже, медленно передвигаясь, походила по магазинам, покупая рождественские подарки. «В былые годы мне это почти всегда доставляло удовольствие, — писала она Эдмунду Корку, — но на этот раз я утомилась и хотела поскорее вернуться домой». Это было новое ощущение. «Я так устала, — признается она своей гринвейской домоправительнице, — а они ждут каждого нового слова, которое я напишу». Тем не менее слова продолжали литься. В 1972 году она написала роман «Слоны умеют помнить» и переделала «Пятерку Фиддлера», которая стала теперь называться «Тройкой Фиддлера». Пьеса все равно не нашла дороги на лондонские подмостки, хотя Агата ездила смотреть ее в Гилдфорд.

К 1973 году она глубже, чем прежде, ушла в личный, потаенный, воображаемый мир. Свои мысли она записывала на клочках бумаги.

> «Мне восемьдесят три. Хочу ли я в этом возрасте чувствовать себя шестилетней, десятилетней, двадцатипятилетней? Нет. Не хочу. Это означало бы расстаться с душевным покоем, уравновешенностью, с интересными воспоминаниями и снова вернуться к активной деятельности или, если говорить во множественном числе, — к делам, что за неимением необходимых механизмов было бы хуже…
>
> Я не хочу — такая, как есть — возвращаться туда… У меня теперь другие радости и удовольствия — образца 1973 года: наслаждение музыкой, огромная радость, которую я получаю, инсценируя свои книги, красно-золотая краса осенней листвы, удовольствие, которое испытываю, погружаясь в сон, когда он одолевает меня по мере того, как темнота поглощает свет…

Волнение утра, когда оно наступает, — еще один день! Что-то он принесет? И принесет ли что-нибудь? Или ничего? Кто знает? Но этот день — мой, он приходит ко мне, я жива, я здесь, в ожидании…

Это так же ощутимо и истинно, как Прошлое. Прошлое со мной, все — оно проплывает мимо, всегда оставаясь рядом… Мне стоит лишь открыть потайной ящичек, который каждый из нас носит с собой. Моя канарейка в клетке возле детской кроватки… Мой йоркширский терьер…»

Эта близость прошлого постепенно ощущается все сильнее, заполняя ее душу, словно тихая вода. В своей последней книге «Врата судьбы» она переселяет Томми и Таппенс Бересфорд в новый дом и наполняет его своими старыми вещами. Единственное, что во «Вратах судьбы» принадлежит году 1973-му, это манчестерский терьер Ганнибал, который неотступно следует за Таппенс, как маленькая неистовая тень.

«В пять лет я умела читать», — говорит Таппенс в начале книги, стоя посреди своей новой библиотеки, где царит уютный беспорядок.

«— Когда я была маленькой, все дети в этом возрасте умели. Я не знала ни одного сверстника, которого надо было бы учить читать по буквам… Вот если бы кто-нибудь взял на себя труд научить меня правильно писать, когда мне было года четыре, это было бы очень хорошо. Папа учил меня сложению, вычитанию и умножению, разумеется…

— Каким умным человеком он, наверное, был! — сказал Томми.

— Не думаю, что он был особо умен, но он просто был очень, очень хорошим».

В библиотеке стоят книги детства Агаты: миссис Моулсворт[538] — «Часы с кукушкой», «Ферма Четырех ветров». «Ферму Четырех ветров» она помнила не так хорошо, как «Часы с кукушкой» и «Комнату с гобеленами». Таппенс просматривает их с восхищением: «О, вот „Амулет“, а вот „Самаяд“… „Пленник замка Зенда“. Первое знакомство с романтической литературой…» Наконец она усаживается в кресло, сворачивается калачиком, как маленькая девочка, и погружается в «Черную стрелу» Стивенсона.

Сад вокруг дома Томми и Таппенс — это эшфилдский сад. Оранжерея, а в ней — лошадка-качалка Матильда, Трулав со

своей расписной тележкой. Араукария. Таппенс везет Трулава по саду и вспоминает игру с обручем в «речных коней». «Ее обруч был конями. Белыми конями с гривами и развевающимися хвостами…»

«Это ужасно, Вы не находите? — писала Дороти Оулдинг Эдмунду Корку. — Гораздо хуже двух предыдущих. Я бы не стала искать публикатора в периодике, даже если бы располагала временем, разве что кто-нибудь сам выразил бы горячее желание. Бедняжка, если бы нашелся кто-нибудь, кто мог бы ей сказать, что это не следует печатать — ради нее самой».[539]

Книги, написанные после 1960-х, нуждались в некоторой редактуре, отчасти из-за того, что надиктовывание текста делало Агату более многословной, но никакая редактура не могла сделать из «Врат судьбы» плотное произведение детективного жанра. Макс пытался помочь; Розалинда вообще не хотела, чтобы книга была опубликована. Кое-где, правда, встречаются странные, неожиданные проблески — как, например, в описании «удивительного трюка, который умел проделывать Ганнибал, по собственному желанию меняя свои габариты; вместо широкоплечего, может быть, чуть толстоватого пса он был способен превратиться в тонкую черную ниточку». Но сюжет едва угадывается, если вообще существует, и речь Агаты, записанная на диктофон, становится порой бессвязной, перескакивает с предмета на предмет — как случается со старыми-старыми женщинами, когда они бродят по тропинкам своей минувшей жизни. «В нынешние времена четырех-, пяти- или шестилетние дети, похоже, не умеют читать, пока им не исполнится десять-одиннадцать. Не знаю, почему для нас все было так просто. Мы все умели читать: и я, и Мартин, живший в соседнем доме, и Дженнифер, жившая дальше по улице, и Сирил, и Уинифред. Все…»

Водной из своих тетрадок она записала: «Октябрь 1973. Возможности и Замыслы. Кулинарная история. О меренгах?». «О доме идет слава, будто в нем живут привидения. Привидение — собака? Кошка? И то и другое…»

Был у нее также замысел рассказа о древних наскальных рисунках, изображающих лошадей:

> «Белые лошади… Алиса и ее подруга Хелен… отправляются в путешествие в поисках белых лошадей, существующих в Англии. Алиса выпрямляет спину и поднимает подбородок, чтобы увеличить поле обзора и увидеть вершину горы. На склоне четко вырисовывается контур белой лошади. „Я люблю ее, — говорит она

стоящей рядом подруге Хелен. — Помню, как впервые ее увидела… Белых лошадей на склонах гор собираются уничтожить — какая жалость. Всех убьют и устроят на их месте площадки для пикников. Наши прекрасные английские белые лошади…“»

И тут ее мысль последний раз обретает былую уверенность и пытливость:

«Джереми обсуждает с друзьями убийства. Как изменится характер человека, если он кого-то убьет?.. Безо всякого мотива. Без причины. Просто в порядке интересного эксперимента. Жертва преступления — он сам. Человек совершает преступление, все время наблюдая за собой, за своими ощущениями, делая заметки. Боюсь ли я? Сожалею ли? Получаю ли удовольствие?»

Какая интересная могла бы получиться книга! Однако всем, кто окружал Агату, было ясно, что «Врата судьбы» — ее последнее произведение. И действительно, в 1974 году вместо новой книги был опубликован сборник рассказов «Ранние дела Пуаро». В конце концов, каждый год должен был получить свою Агату Кристи. И в 1975 году было наконец решено, что «Занавес. Последнее дело Пуаро», книгу, предназначавшуюся для посмертного издания,[540] следует опубликовать, сопроводив знаменитым некрологом бельгийского сыщика в «Нью-Йорк таймс».

В силу того что «Занавес» вышел в свет спустя столько лет, было сочтено, что в нем отсутствует ощущение реального времени, и все отсылки ко времени его написания были вымараны. Это придало роману некоторую странность — «своего рода историческую невесомость», как написал Джон Сазерленд в своем эссе «Двойная смерть Пуаро».[541] Это правда. Но несмотря на это, роман написан, когда Агата была в лучшей своей форме, и полон примет того времени, когда он был создан в расчете на то, что увидит свет лишь после смерти самой Агаты. В нем действительно есть ощущение смещенности во времени и некой текучей меланхолии.

Пуаро умирает, сморщенный, с черным как вороново крыло париком на голове. Гастингс горюет о своем съежившемся друге, о своей умершей жене и о дочери, которую не понимает. Стайлс, место, где разворачивается сюжет книги, предстает местом печальным и зловещим. «Не люблю этот дом. От него исходит какая-то злобная эманация. Здесь всегда что-то случалось». Это

написано в 1940 году, когда память о той декабрьской ночи, когда она уезжала из Стайлса, была еще очень болезненна; впрочем, вероятно, она осталась такой навсегда.

Но глубокой грустью роман дышит не только поэтому, а прежде всего из-за неразрешимости. Убийца в нем — человек, который никогда не будет пойман и осужден. Он довел до совершенства искусство побуждать других людей к убийству: он довел до совершенства зло. Дочь Гастингса Джудит и женатый человек, которого она любит, доктор Франклин, много говорят о том, как можно положить конец бесполезным жизням. «Я не считаю жизнь таким священным даром, как все вы, — говорит Франклин. — Никчемные жизни, бесполезные жизни должно убирать с дороги. Вокруг и так столько грязи». Этот мотив насквозь пронизывает «Занавес». Почти каждый персонаж думает о другом как о не заслуживающем жизни и считает, что без него мир стал бы лучше.

Но персонажем, призванным осуществить эту теорию на практике, оказывается Пуаро. Его жизнь всецело была посвящена служению правосудию; теперь, чтобы предотвратить убийство, он должен совершить убийство сам. Другого выхода нет. Он это знает, но в письме, которое оставляет другу, пишет:

> «…Я не знаю, Гастингс, оправданно или неоправданного, что я сделал… Я не верю, что человек может брать закон в свои руки…
>
> Однако, с другой стороны, я есть закон!..
>
> Отняв жизнь у Нортона, я спас другие — невинные жизни. И тем не менее не знаю… Может, так и должно быть, чтобы я не знал. Я всегда был таким уверенным — слишком уверенным…
>
> Но теперь смиренно, как ребенок, говорю: я не знаю…»

В первые годы жизни с Максом Мэллоуэном Агата написала: «Думаю, будет замечательно, если в конце жизни мы сможем сказать, что никогда никому не причинили зла. Ты не согласен?»[542] В детстве она находила удовлетворение и уверенность в добродетели; она верила, что доброта обладает силой, как бы ни старался опровергнуть это окружающий мир. «Всегда помни, что в этом мире у тебя есть стоящее дело, которое ты делаешь, потому что ты — одна из тех хороших и добрых людей, которые что-то значат»,[543] — писал ей Макс во время войны. Он действительно ценил ее щедрость, не только из-за того, что она давала лично ему, а объективно: что бы там ни было, он испытывал глубокое уважение к своей жене.

На похоронах ее издатель, сэр Уильям Коллинз, сказал: «Агата знала, что такое истинная вера. Мир стал лучше, потому что она в нем жила». Сын ее друзей, Сидни и Мэри Смит, написал, что она «всегда старалась делать добро тайком».[544] Дочь Стивена Гленвилла сказала: «Я не знаю о ней ничего, что нельзя было бы назвать проявлением доброты».[545] А Джоан Оутс — что «она была очень, очень славным человеком».[546]

Разумеется, все не так просто. Ее добродетельность не была простодушной, для этого Агата была слишком умна, но она была и достаточно умна, чтобы прекрасно понимать, какой она должна казаться. У нее было развитое чувство долга, помогавшее ей выстоять после 1926 года, но это был долг, который она отдавала скорее жизни как таковой, нежели другим людям: в отличие от своей матери она не считала, что обязана возродиться ради своего ребенка. Достоинства Агаты произрастали из ее жизнелюбия. Именно оно позволило ей с таким энтузиазмом и любопытством вглядеться в свой век и представить его в своих книгах: она прожила жизнь, которая не растрачивала себя впустую, а это требует доблести. И как художник она была на стороне добродетели: ее детективные сочинения всегда трактовали о правом суде, а в тех, что написаны под псевдонимом Мэри Вестмакотт, она через персонажей, ни один из которых нельзя назвать не заслуживающим внимания, старалась проникнуть в суть человеческой натуры. Но, будучи художником, она являла собой существо исключительное, для которого общепринятое представление о добродетели было вторичным.

Свое последнее Рождество она встретила в 1973 году в Гринвей-Хаусе. В волшебном Гринвей-Хаусе, где Бинго носился вокруг холодного белого дома, как заводная игрушка, и где сад блистал иной, зимней красой, когда переплетенные голые ветви вздрагивали за окном спальни, и где тихо шуршала серая лента Дарта. Девон всегда жил в душе Агаты. Иногда она получала письма от старых дам, которые были подругами ее детства в Торки. «Я очень хорошо помню тебя и твою дорогую матушку, — писала дочь Идена Филпотса. — Помню изысканные чаепития при свечах с девочками семейства Ормерод… Торки сильно изменился».[547] «Я часто думаю о тебе и о счастливом времени, которое было у нас в старом Торки, — писала другая подруга. — Вспоминаю игры на отгадывание, в которые мы играли в Меллис-Хаусе! Мне теперь восемьдесят семь, и я единственная, кто остался здесь от нашего поколения».[548]

Теперь единственной, кто остался, была Агата. Еще будучи полной сил шестидесятилетней женщиной, она написала в романе «Объявлено убийство», там, где пожилая женщина

говорит о своей умершей подруге: «Видите ли, она была единственной ниточкой, связывавшей с прошлым. Единственной, кто… кто помнил. Теперь, когда ее больше нет, я осталась совсем одна». А после смерти Нэн Кон в 1959 году она написала: «Она была моей последней подругой — единственным остававшимся на свете человеком, с которым я могла посмеяться, болтая о минувших днях и о радостях, которые у нас были в детстве».[549] Но пятнадцать лет спустя Агата так глубоко погрузилась в прошлое, что уже была не одна.

На премьеру «Убийства в Восточном экспрессе» она приехала в инвалидной коляске, но встала, чтобы приветствовать королеву.[550] Это был один из ее последних выходов. В октябре 1974-го у нее случился сердечный приступ, но спустя недолгое время она в последний раз появилась на публике — на ежегодном приеме в честь «Мышеловки».

> «Я слышал [писал Питер Сондерс Розалинде], что Вы немного сердитесь на меня за то, что я заставил Вашу мать прийти… Я спросил то ли Агату, то ли Макса, захочет ли она, чтобы на приглашениях ее имя значилось вместе с моим в качестве хозяйки приема. Не только для привлечения публики, которой и так хватило бы, но мне казалось, что ей самой будет приятнее, если она будет „приглашающей стороной“… Я узнаю о ней от Эдмунда, который как-то сообщил, что она очень больна, а в следующий раз — что она вручала приз „Мышеловки“ на скачках в Эксетере. Какая женщина!»[551]

Но Агата и впрямь была очень больна. Розалинда энергично старалась держать ее подальше от подобных мероприятий. В декабре, в Уинтербруке, она споткнулась, выходя через балконную дверь, упала и сильно разбила голову. Теперь она была исхудавшей, ссохшейся, как ее маленький детектив, из-за сердечных препаратов, и голова ее казалась неестественно большой для такого тела. Глаза за большими стеклами очков затуманились, вглядываясь в иные миры. «Между нами говоря, она очень слаба», — писал Эдмунд Корк Дороти Оулдинг в июле 1975 года.

Теперь она безвыездно жила в Уинтербруке. Ее последнее Рождество было печальным («Миссис Белсон уезжает во вторн., 23 декабря, ее заменит Барбара, которая уедет в субб., 27-го, — писал Макс Розалинде. — Надеемся, что ты приедешь в субб., 27-го и останешься с нами до ср., 31-го»). Бинго сидел у ее ног, как крохотный черный лев, Макс писал воспоминания у себя в библиотеке с видом на Темзу, и в доме находилась приехавшая

Барбара, чему Агата была совсем не рада. Однажды, словно в приступе отчаяния и ярости, она схватила ножницы и обрезала ей волосы. Приятель, который был приглашен к ним на ленч, вспоминает, что Агата говорила о Джереми Торпе, тогдашнем лидере либеральной партии, но в том, что она говорила, трудно было уловить смысл. В другой раз она вдруг выдала: «Интересно, что случилось с лордом Луканом?» Ее блестящий ум распадался, а может, просто перестраивался в другие формы — острые и светлые в тускнеющем мире.

> «…этот день — мой день, он приходит ко мне. Я жива, я здесь, в ожидании…
>
> Я могла бы стать скульптором, или пианисткой, или выучиться на оперную певицу. Вероятно, я могла бы сочинять музыку. Столько всего могло случиться. Большей частью, конечно, не случилось. Человек приходит, чтобы узнать, что…»

По мере того как мерк свет, Агата умиротворенно находила опору в вере. Кто-то в Уинтербруке слышал, как незадолго до смерти, последовавшей 12 января 1976 года, она произнесла: «Я ухожу к своему Создателю». Когда приехал врач, Бинго беспорядочно лаял: он один не понимал неминуемости этой смерти.

Четыре дня спустя Агату похоронили у церкви Сент-Мэри, в Чолси, в нескольких милях от Уинтербрука, в окружении молчаливых и мирных полей. По ее желанию поминальная служба началась с двадцать третьего псалма и включала в себя чтение отрывка из «Королевы фей»:[552] «Сон после трудов тяжких, Пристань после штормов бурных. Мир после войн, Смерть после жизни — Вот что радость дарит». Эти же слова высечены на ее надгробии. Агата упокоилась в тихом сердце Англии, за много миль от дикого Девона, чьи крутые зеленые склоны, зимние туманы и серебристые воды все равно хранят ее дух.

За несколько лет до кончины к Агате обратились с широко дебатировавшимся тогда вопросом. Кафка завещал сжечь его рукописи после его смерти. Правильно ли поступил Макс Брод, не выполнив его волю? «Литературное произведение автора, безусловно, является его собственностью, в сущности, частью его самого, до тех пор пока он не предлагает его миру, прося напечатать и выставить на пролажу, — ответила она. — Я бы согласилась с тем, что желание уничтожить художественные произведения — плохая мысль. Что же касается уничтожения частной переписки, заметок, дневников или писем, то я бы

сделала это без сожаления».[553]

И тем не менее она сохранила все: она умерла, но оставила нам свою жизнь. Не только книги, славу, неувядаемый лондонский спектакль, автобиографию, которая ждала посмертной публикации и в которой она рассказывает о своей жизни в манере одновременно и правдивой, и лукавой. Ее жизнь осталась в ее домах, где вещами заполнены каждый шкаф, каждая антресоль, каждый потайной ящичек. В тетрадках с полемическими набросками. В шубах, все еще источающих слабый аромат духов. В мягких залежах крестильных кружев. В тяжелых атласных платьях, украшенных драгоценными камнями сумках. В атташе-кейсе, хранящем любовные письма Арчи Кристи и подаренное им обручальное кольцо. В письме ее матери, в которое Клара вложила цветок эдельвейса — память о своем медовом месяце. В книге с аккуратно переписанными кулинарными «Рецептами для Агаты». В отцовских пачках выписанных изящным почерком счетов за покупку сервиза и стульев для Эшфилда — несколько из них до сих пор стоят в Гринвее. В фотоснимках: песика Питера; Монти, сидящего в тележке Трулава, в которую впряжена коза; бабушки Маргарет в четырехколесном экипаже. Почти наверняка Агата хотела бы, чтобы всего этого никто не тревожил. Но во всем этом заключена необъятная и загадочная жизнь, овеянная неуловимой тенью, вольной, как дух.

> «У порога она обернулась и рассмеялась. На какой-то миг мистер Шустер… поймал видение юной хорошенькой девушки, за руку здоровающейся с викарием в саду на деревенском пикнике. То было, как он понял секунду спустя, воспоминание его собственной юности. Но мисс Марпл на минуту напомнила ему о той самой девушке — юной, счастливой и намеренной повеселиться».[554]

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АГАТЫ КРИСТИ

(Если в Соединенных Штатах Америки книга выходила под другим названием, это название дается в скобках)

1920. «Таинственное происшествие в Стайлсе»
1922. «Тайный враг»
1923. «Убийство на поле для гольфа»
1924. «Пуаро ведет следствие» *(сборник рассказов)*
1924. «Дорогой снов» *(сборник стихотворений)*
1925. «Тайна замка Чимниз»
1926. «Убийство Роджера Экройда»
1927. «Большая четверка»
1928. «Тайна „Голубого поезда“»
1929. «Тайна „Семи циферблатов“»
1929. «Партнеры по преступлению» *(рассказы)*
1929. «Неудачник»
1930. «Таинственный мистер Кин»
1930. «Убийство в доме викария»
1930. «Черный кофе» *(пьеса)*
1930. «Тайна замка Чимниз» *(инсценировка романа для театра)*
1930. «Хлеб великанов» *(под псевдонимом Мэри Вестмакотт)*
1931. «Загадка Ситтафорда» («Убийство в Хейзелмуре»)
1932. «Загадка Эндхауса»
1932. «Тринадцать загадочных случаев» *(сборник рассказов)* («Клуб убийц „Вторник“»)
1933. «Смерть лорда Эджвера» («Ужин на тринадцать персон»)
1933. «Тайна Саннингдейла»
1934. «Убийство в Восточном экспрессе» («Убийство в поезде, следующем из Кале»)
1934. «Изумруд раджи» *(сборник рассказов)*
1934. «Ответ знает Эванс» («Эффект бумеранга»)
1934. «Расследует Паркер Пейн» *(рассказы)* («Детектив Паркер Пейн»)
1934. «Неоконченный портрет» *(под псевдонимом Мэри Вестмакотт)*
1935. «Драма в трех актах» («Убийство в трех актах»)
1935. «Смерть в облаках» («Смерть под открытым небом»)
1936. «Убийства по алфавиту»
1936. «Гончая смерти» *(сборник рассказов)*

1936. «Убийство в Месопотамии»

1936. «Карты на столе»

1936. «Любовь незнакомца» *(пьеса)*

1937. «Немой свидетель» («Пуаро теряет клиента»/«Убийство в Литлгрин-Хаусе»)

1937. «Смерть на Ниле»

1937. «Эхнатон» *(пьеса; опубликована в 1973)*

1938. «Свидание со смертью»

1938. «Рождество Эркюля Пуаро» («Убийство под Рождество»/ «Праздник для убийства»)

1939. «Убить легко» («Убивать — это легко»)

1939. «Десять негритят» («И никого не стало»)

1939. «Тайна регаты и другие рассказы»

1940. «Печальный кипарис»

1940. «Раз, два, три, туфлю застегни» («Патриотические убийства»)

1941. «Зло под солнцем»

1941. «Н или М?» (В России издавался также под названием «Икс или Игрек?»)

1942. «Труп в библиотеке»

1942. «Пять поросят» («Убийство в ретроспективе»)

1943. «Каникулы в Лимстоке»

1943. «Десять негритят» *(инсценировка романа для театра)*

1944. «По направлению к нулю»

1944. «Смерть приходит в конце»

1944. «Разлученные весной» *(Мэри Вестмакотт)*

1945. «Сверкающий цианид» («Запомнившаяся смерть»)

1945. «Свидание со смертью» *(инсценировка романа для театра)*

1945. «Невидимый горизонт» *(инсценировка романа «Смерть на Ниле»)*

1946. «Лощина» («Убийство спустя время»)

1946. «Расскажи мне, как живешь…» *(воспоминания Агаты Кристи Мэллоуэн)*

1947. «Подвиги Геракла» *(сборник рассказов)*

1948. «Берег удачи» («Прилив»)

1948. «Роза и тис» *(под псевдонимом Мэри Вестмакотт)*

1948. «Свидетель обвинения и другие рассказы»

1949. «Кривой домишко» (в России издавался также под названием «Скромный домишко»)

1950. «Объявлено убийство»

1950. «Три слепых мышонка и другие рассказы»

1951. «Багдадская встреча»

1951. «Лощина» *(инсценировка романа для театра)*

1952. «Миссис Макгинти с жизнью рассталась»
1952. «Игра зеркал» («Убийство с зеркалами»)
1952. «Мышеловка» *(пьеса)*
1952. «Дочь есть дочь» *(под псевдонимом Мэри Вестмакотт)*
1953. «День поминовения» («Роковые похороны»)
1953. «Карман, полный ржи» (в России издавался также под названием «Зернышки в кармане»)
1953. «Свидетель обвинения» *(пьеса)*
1954. «Место назначения неизвестно» («Много ступенек до смерти»)
1954. «Паутина» *(пьеса)*
1955. «Хикори-дикори» («Хикори, дикори, смерть»)
1956. «Причуды мертвеца»
1956. «Бремя любви» *(под псевдонимом Мэри Вестмакотт)*
1957. «В 4.50 из Паддингтона» («Что увидела миссис Макгилликадди!»)
1958. «Горе невинным»
1958. «Вердикт» *(пьеса)*
1958. «Неожиданный гость» *(пьеса)*
1959. «Кошка среди голубей»
1959. «Назад к убийству» *(инсценировка романа «Пять поросят» для театра)*
1960. «Приключение рождественского пудинга» *(сборник рассказов)*
1961. «Вилла „Белый конь“»
1962. «И, треснув, зеркало звенит» («Треснувшее зеркало»)
1962. «Правило трех» *(пьесы)*
1963. «Часы»
1964. «Карибская тайна»
1965. «Отель „Бертрам“»
1965. «Звезда Вифлеема» *(рассказы и стихотворения)*
1966. «Третья девушка»
1967. «Ночная тьма»
1968. «Щелкни пальцем только раз»
1969. «Вечеринка в Хэллоуин»
1970. «Пассажир из Франкфурта»
1971. «Немезида»
1971. «Пятерка Фиддлера» *(пьеса; в 1972 г. переименована в «Тройку Фиддлера»)*
1972. «Слоны умеют помнить»
1973. «Врата судьбы»
1973. «Стихотворения»
1974. «Ранние дела Пуаро» («Ранние дела Эркюля Пуаро»)
1975. «Занавес. Последнее дело Пуаро»

1976. «Спящий убийца»

1977. Агата Кристи. «Автобиография»

1979. «Дело смотрительницы» («Последние дела мисс Марпл») 1992 «Загадка в заливе Полленса» *(сборник рассказов)*

1997. «Доколе длится свет» *(сборник рассказов)*

Существуют и другие сборники рассказов, составленные из тех же самых рассказов различными издательствами — например, для американского рынка.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Эта книга не могла бы быть написана без бесконечно великодушной поддержки Мэтью Причарда, внука Агаты. Он помогал мне во всем, в чем только мог, и моя благодарность ему безгранична. Встречалась я также несколько раз с дочерью Агаты Розалиндой Хикс, говорила с ней и ее мужем Энтони Хиксом в Гринвее и всегда буду вспоминать эти встречи с огромным удовольствием.

Во время визитов в Гринвей я познакомилась со Сью Доусон и Шейлой Александер, которые были исключительно добры ко мне и с готовностью отвечали на мои вопросы.

Я высоко ценю то, что Джанет Морган согласилась побеседовать со мной. Мне очень понравилась написанная ею биография, и должна признать, что она стала замечательным источником информации для этой книги. Истинное удовольствие я получала также от наших будораживших мысль разговоров. Генриетта Макколл, биограф Макса Мэллоуэна, была очаровательна и очень щедро делилась со мной своими знаниями.

Я также благодарю мистера и миссис Арчибальд Кристи; Джона Мэллоуэна; доктора Джоан Оутс; преподобного Кристофера Тернера и миссис Кристофер Тернер; баронессу Джеймс; профессора Хари Смита; Рейчел Максуэлл-Хислоп; доктора Джулиана Рида; Дайану Ганн; Джулию Камойз Стонор; Энн Сайкс; Дайану Хауленд; леди Сондерс; Брайана Стоуна; Чарлза Вэнса; Джона Карена; Тони Мидавор; Маргарет Мур; Джона Нита; владельцев Уинтербрука, которые не пожалели времени, чтобы показать мне дом и сад; Тесу Милн и ее коллег из Отдела редких книг и рукописей Аукционного дома «Сотбис», которые исключительно любезно помогали мне в ознакомлении с корреспонденцией Агаты; доктора Джессику Гарднер из Экситерского университета, которая была неизменно дружелюбна и очень полезна; Бодлианскую библиотеку, разыскавшую для меня железнодорожные справочники «Брадшо» соответствующего периода; Мег Рич из Принстонского университета; Элс Бунен из Центра письменных архивов Би-би-си в Кавершеме; Джонатана Харриссона из Сент-Джон-колледжа, Кембридж; Бриджит Джиллис из Университета Восточной Англии; Государственный архив в г. Кью; Библиотеку периодики; Лондонскую библиотеку и писательницу Маргарет Йорк, которая была чудесным другом этой книги.

И наконец, я выражаю признательность Вэлу Хадсону и Джоу

Робертс-Миллер из «Хедлайн»; Дэвиду Годвину; моей подруге Дине Арстолл, с которой мы вели потрясающие разговоры об Агате; моей матери, как всегда, и моему покойному отцу, который любил Агату Кристи и которому наверняка была бы интересна эта книга.

notes

Примечания

1

«Готский альманах» — генеалогический сборник, издающийся ежегодно с 1763 г. (в 1945–1997 гг. не выходил) в немецком городе Гота. Включает списки наиболее известных родов королевских домов и высшего дворянства Европы. — *Примеч. пер.*

2

Из романа «И, треснув, зеркало звенит». — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*

3

Из романа «Пассажир из Франкфурта».

4

Из стихотворения «Дорогой снов».

5

В России роман издавался также под названием «Хлеб исполина».

6

Из книги «Автобиография».

7

В 1989 г. 60 «лент», или пленок, на которые Агата наговорила «Врата судьбы», были проданы на аукционе «Сотбис» некоему французскому коллекционеру за 7480 фунтов стерлингов. Это произошло вопреки желанию ее дочери Розалинды, которая сказала: «Если уж необходимо было их обнародовать, я бы предпочла, чтобы это произошло, когда она была моложе». Пленки попали в руки неизвестного продавца после смерти машинистки писательницы, миссис Джолли, которая расшифровывала и перепечатывала записи, надиктованные Агатой Кристи.

8

Аделаида Росс — Агате Кристи, 15 марта 1966 г.

9

Агата Кристи писала Брюсу Уэю в ответ на его письмо, 15 июня 1968 г.: «Скорее всего мы с вами являемся троюродными братом и сестрой!»

10

Агата Кристи — Максу Маллоуэну, 23 июля 1944 г.

11

В данной книге стихотворения Агаты Кристи и Клары Миллер даются в переводах Юлии Ильиной-Король.

12

Из рассказа «Дух миссис Джордан», написанного под псевдонимом Коллис Миллер.

13

Уильям Холмен Хант (1827–1910) — английский живописец, один из лидеров «Братства прерафаэлитов». Обращался к возвышенным темам, перелагая на язык живописи высокие моральные идеалы. — *Примеч. пер.*

14

Элизабет Барретт-Браунинг (1806–1861) — английская поэтесса, жена поэта Р. Браунинга. — *Примеч. пер.*

15

Агата Кристи — Энид Данкан (которая составляла каталог работ Бэрда), 21 февраля 1967 г.

16

Фред Локк — Агате Кристи, 26 ноября 1943 г.

17

Роудин-скул — одна из ведущих женских привилегированных частных школ близ Брайтона; основана в 1885 г. — *Примеч. пер.*

18

Харроу — одна из девяти старейших и престижнейших мужских привилегированных средних школ в пригороде Лондона; основана в 1571 г. — *Примеч. пер.*

19

В преклонных годах Агата написала хвалебное письмо Лайонелу Джеффризу, режиссеру экранизации романа Несбит «Дети железной дороги». Своей любовью к книге Несбит она наделила «помешанного на железной дороге» убийцу из своего детективного романа «Убийства по алфавиту».

20

Из романа «Карибская тайна».

21

Гертон — известный женский колледж Кембриджского университета; основан в 1869 г. — *Примеч. пер.*

22

Из эссе «Грешный викарий».

23

Согласно переписи 1901 г., в доме жили: Фредерик, Клара, Маргарет и Агата Миллер, Джейн Роу (повариха), Мари Сиже (тогда выполнявшая обязанности франкоговорящей наперсницы Агаты), Элизабет Уильямс (горничная, прислуживающая за столом) и Луиза Бакстер (горничная, прибирающая в комнатах). Имя Дженет Роу было, кстати, дано няне в «Кривом домишке».

24

Описано в «Автобиографии» и в романе «Врата судьбы».

25

Из романа «День поминовения».

26

Из письма, отправленного в 1968 г. Фрэнсису Уиндэму, в то время редактору журнала «Санди таймс». Агата цитирует свою бабушку и продолжает от себя: «Уверена, что в этом было нечто предосудительное! И уверена также, что в глубине души все это прекрасно понимали!»

27

Из романа «Хлеб великанов».

28

Из книги «Автобиография».

Далее в этом же интервью на вопрос, требует ли научный прогресс участия в нем женщин, она ответила: «Я бы сказала, что он прекрасно может обойтись без них».

30

Скот — собака Монти, который в то время учился в Харроу. Портрет Скота был первым заказом Миллеров художнику Бейрду (1893). Пес попал под машину, и Монти похоронил его на Собачьем кладбище.

31

Фредерик Миллер — жене, 9 мая 1901 г.

32

Фредерик Миллер — жене, 24 октября 1901 г.

33

Из книги «Автобиография».

34

Из беседы с автором, 2003 г.

35

Из романа «Неоконченный портрет».

36

Из книги «Автобиография».

37

Брат Агаты Монти был назван в честь этого друга их семьи.

38

Из романа «Сверкающий цианид».

39

Агата Кристи — матери, 9 мая 1922 г.

40

Из книги «Автобиография».

41

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 15 июня 1942 г.

42

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 5 ноября 1930 г.

43

Из романа «Автобиография».

44

Из книги «Бремя любви» Мэри Вестмакотт, где юная героиня Лора остается дома одна, со слугами.

45

Рассказ «Дом красоты» впервые был опубликован в 1926 г. (под названием «Дом грез») в журнале «Суверен».

46

Мартин Герр — герой французской средневековой легенды, солдат, вернувшийся после долгих странствий в родную деревню и столкнувшийся там с самозванцем, выдававшим себя за него. Легенда послужила основой множества театральных и кинопостановок — в частности, по ней был в 1982 г. снят знаменитый фильм «Возвращение Мартина Герра» с Жераром Депардье в главной роли, получивший 3 премии «Сезар» и ряд других кинонаград. — *Примеч. пер.*

47

Из беседы с автором, в 2004 г.

48

11 ноября 1918 г., день окончания Первой мировой войны. — *Примеч. пер.*

49

Фении — члены ирландского тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества. — *Примеч. пер.*

50

Реальное лицо, ставшее героем одной из сенсаций века. 7 ноября 1974 г. граф-картежник якобы убил няню своих детей, жестоко избил бывшую жену и исчез. Больше его никто не видел. — *Примеч. пер.*

51

Из книги «Автобиография».

52

Из романа «Убить легко».

53

Под этим названием роман «Десять негритят» был издан в Америке.

54

Из романа «Берег удачи».

55

Из книги Джареда Кейда «Агата Кристи и одиннадцать недостающих дней».

56

Хескет-Кресент — комплекс зданий, построенный в 1948 г., считался самым красивым жилым комплексом в Западной Англии. — *Примеч. пер.*

57

Из интервью, которое взял у Агаты Кристи Фрэнсис Уиндэм для «Санди таймс», 27 февраля 1966 г.

58

Из книги «Автобиография».

59

Вспоминала Розалинда Хикс в беседе с автором, 2004 г.

60

Фраза не была забыта: Джон Гэбриэл, главный мужской персонаж «Розы и тиса», сокрушается по поводу своих «неаристократических ног».

61

Вы, так хорошо говорящая по-французски, сделали двадцать пять ошибок! *(фр.)*

62

Из книги «Автобиография».

63

«Зов крыльев» впервые был напечатан в 1933 г. в сборнике «Гончая смерти».

«Риенци, последний трибун» — опера В. Р. Вагнера (1813–1883) на сюжет романа английского писателя и политического деятеля Э. Булвер-Литтона (1803–1873). — *Примеч. пер.*

65

Дженет Морган в биографии Агаты Кристи (1984) делает интересное наблюдение над тем, как менялось отношение самой Агаты Кристи к своей неудавшейся музыкальной карьере. В набросках к автобиографии она постепенно все ниже оценивает свои надежды стать певицей: в первом наброске это «кое-какие возможности», во втором — «иллюзии», в последнем — «сон».

66

В статье об опере Р. Вагнера «Тристан и Изольда» в «Индепендент» (2006) драматург Говард Брентон описывает, как «музыка закручивается и закручивается вокруг водоворотом такой силы, что начинаешь почти видеть звук».

67

Из стихотворения «Маски из Италии», впервые опубликованного в 1924 г. в сборнике «Дорогой снов».

68

Сент-Леджер — известные скачки, учрежденные графом Сент-Леджером в 1776 г. в Донкастере (графство Йорк) и занимающие в Англии второе по значению место после Дерби.

69

Этот дом, принадлежавший сэру Уолтеру и леди Бартлот, использован в качестве места действия в «Немом свидетеле», изначально называвшемся «Убийство в Литлгрин-Хаусе», это название сохранено в американском издании.

70

Из романа «Неоконченный портрет».

71

Из романа «Печальный кипарис».

72

Из книги «Автобиография».

73

Из интервью Марселю Бернстайну для «Обсервер», 14 декабря 1969 г.

74

Из письма лорду Луису Маунтбаттену, 2 декабря 1969 г. Агата искала давнее письмо лорда Маунтбаттена, в котором он предлагал ей оригинальную идею для «Роджера Экройда», и в процессе поисков наткнулась на восемь своих юношеских бальных карточек: «Так грустно, что я не могу теперь припомнить ни одного имени, вписанного в них». Нашла она также, как сообщает ему, котиковую шубку Маргарет Миллер с двумя пятифунтовыми купюрами в кармане и «шесть подушечек-игольниц с прикрепленным ярлычком: „Для слуг к будущему Рождеству“ (видите, откуда я брала факты для описания жизни мисс Марпл) …»

75

Из интервью «Санди телеграф», 1964 г.

76

Из романа «Тайна „Семи циферблатов“».

77

Из романа «Тайна замка Чимниз».

78

Из романа «Карибская тайна».

79

Из книги «Автобиография».

80

Из романа «Дочь есть дочь».

81

Из романа «В 4.50 из Паддингтона».

82

Из романа «Немой свидетель».

83

Мэй Синклер (1863–1946) — одна из любимых авторов Агаты, писала об оккультных явлениях, но одновременно была известной интеллектуалкой Эдвардианской эпохи, водившей знакомство с Генри Джеймсом, Фордом Мэдоксом Фордом, Т. Э. Элиотом и Ребеккой Уэст. Она писала романы на «социальные темы» и одна из первых внедрила в литературу понятие «поток сознания». По иронии судьбы, вразрез с собственными убеждениями Агаты, она была яростным борцом за предоставление женщинам избирательного права и равных возможностей получения образования и в конце концов оказалась захваченной феминистским движением.

84

Входит в сборник «Тринадцать загадочных случаев».

85

Из романа «Смерть на Ниле».

86

Из романа «Печальный кипарис».

Небрежность, непринужденность, распущенность *(фр.)*.

88

Мюрри — город на территории современного Пакистана, недалеко от Исламабада. — *Примеч. пер.*

89

Согласно переписи 1901 г., Эллен Кристи, тридцати семи лет, жила в Бристоле, в доме № 43 по Верхней Белгрейв-роуд.

Мать мисс Марпл тоже звали Кларой.

91

Из сборника «Тринадцать загадочных случаев».

92

Из интервью Фрэнсису Уиндэму для «Санди таймс».

93

Из книги «Автобиография».

94

В «Автобиографии» Агата пишет, что «Пернатый змей», «Сыновья и любовники» и «Белый павлин» — «мои самые любимые тогда книги» — наложили отпечаток на ее «Дом красоты».

95

Из интервью Фрэнсису Уиндэму для «Санди таймс».

96

Перл Крейджи (1867–1906) писала — как и Агата на первых порах — под мужским псевдонимом (Джон Оливер Хоббз). Ее первые романы были на социальные темы, однако после неудачи, которую потерпела в браке, она обратилась к католичеству и обрела гораздо более серьезный стиль.

97

Иден Филпотс — Агате Кристи, 16 февраля 1909 г.

98

Из романа «Ночная тьма».

99

Из поэмы А. Теннисона «Королевские идиллии».

100

Из поэмы А. Теннисона «Королевские идиллии».

101

Из романа «Бремя любви», в котором есть эпизод, основанный на неожиданном появлении Арчи в Эшфилде.

102

Из романа «Объявлено убийство».

103

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 21 мая 1930 г.

104

Из романа «Роза и тис».

105

Из романа «Неоконченный портрет».

106

Из романа «Неоконченный портрет».

107

Из романа «Неоконченный портрет».

108

Из интервью, данного Джилиан Фрэнкс в сентябре 1970 г. в связи со своим восьмидесятилетием.

109

Из интервью Имперскому военному музею; записано 16 октября 1974 г., инвентарный номер 493.

110

Из интервью Имперскому военному музею.

111

День подарков — второй день Рождества, когда принято было дарить подарки слугам, посыльным и т. п. — *Примеч. пер.*

112

Из интервью Имперскому военному музею.

113

Арчи Кристи — Агате Кристи, 26 ноября 1916 г.

114

Из романа «Тайна „Семи циферблатов“».

115

Из романа «Тайна замка Чимниз».

116

Из книги Джона Террейна «Белая жара. Новые способы ведения войны» (1982).

117

Личный врач мисс Марпл доктор Хейдок выведен в нескольких романах и является одним из любимых персонажей Агаты. Он обладает чувством юмора, сострадателен, мыслит широко и весьма скептически относится к «нелепым нововведениям» — такой тип людей ей нравился больше всего. Доктор Лорд из «Печального кипариса» — тоже привлекательная личность, как и доктор Стиллингфлит из «Третьей девушки», а также доктор Кристоу из «Лощины» — хотя последний и не без недостатков. Но доктор Бауэрстейн из «Стайлса» мрачен и раздражителен; доктор Николсон из «Ответ знает Эванс» — наркоман; доктор Томас из «Убить легко» и доктор Доналдсон из «Немого свидетеля» холодны и бесчувственны. Более того, четверо из Агатиных врачей (даже пятеро, если считать доктора Армстронга из «Десяти негритят») оказываются убийцами.

118

Из романа «Берег удачи».

119

Имеется в виду беседа с лордом Сноудоном. После смерти Агаты расшифровка этой магнитофонной записи стала предметом спора, когда Би-би-си попросило экземпляр для своего архива. Розалинда Хикс (дочь Агаты) отказала в этой просьбе на том основании, что беседа была записана лордом Сноудоном «незаконно» — ему тогда было разрешено только сделать фотографии. «Текст не был, как вы знаете, завизирован, и моя мать всю жизнь отказывалась давать подобные интервью». Публиковать ту запись действительно запретили, хотя сокращенный ее вариант все же был напечатан в «Острэлиан вумен уикли». «Не думаю, что необязательные рассуждения пожилой дамы за обедом — а ей было тогда за восемьдесят и она даже не предполагала, что дает интервью, — будут так уж полезны грядущим поколениям…» В принципе Розалинда была права, хотя пространная магнитофонная запись представляет Агату в симпатичном свете.

120

В письме от 4 октября 1955 г. Иден Филпотс писал Агате Кристи: «Я всегда ставил Пуаро выше Шерлока Холмса, потому что он живой человек, не менее интересный сам по себе, чем его приключения. У читателя возникает личное отношение — почти привязанность — к нему…»

121

Мэри Беллок-Лаундес — сестра Хилари Беллока (известного британского журналиста и политика первой половины XX в., а также автора детских «садистских» стишков). Ее самый известный роман, «Жилец», был экранизирован Альфредом Хичкоком.

122

Из интервью «Обсервер», 1969 г.

123

Из романа «Лощина».

124

Из романа «Ночная тьма».

125

«Овалтин» — фирменное название порошка для приготовления шоколадно-молочного напитка; «Боврил» — фирменное название пасты-экстракта из говядины для приготовления бульона или бутербродов. — *Примеч. пер.*

126

Агата сама точно не знала, сколько издательств отклонило «Стайлс»: иногда она говорила, что пять, иногда — шесть. Племянник Джона Лейна Аллен впоследствии основал издательство «Пенгуин букс», и в 1935 г. Агата предложила ему свою рукопись. Впоследствии он стал ее добрым другом. В 1955 году, выступая в радиопрограмме «Крупный план», Аллен Лейн сказал, что «Стайлс» оказался для них «в некотором роде новой отправной точкой. Издательство „Бодли хед“ прославилось тем, что открывало дорогу в жизнь поэтам девяностых, его даже называли „Гнездом певчих птиц“… Поэтому появление новой писательницы-женщины, автора детективных романов, было поистине неожиданностью».

127

Согласно Джареду Кейду, автору книги «Агата Кристи и одиннадцать недостающих дней», «Агата жила так бедно, что самое большое удовольствие во время визита к Нэн ей доставил устроенный хозяйкой осмотр ее шикарного гардероба». Поскольку единственным источником сведений для книги мистера Кейда являются дочь Нэн Джудит и ее муж Грэм, это может быть правдой, хотя Джудит, родившаяся в 1916 г., должна была бы обладать незаурядной детской памятью, чтобы точно запомнить это. Как и вся книга в целом, рассказ о том, как Агата перебирает вещи Нэн в ее гардеробе, не имеет иных подтверждений и подан автором как непреложная истина.

128

Впоследствии Сент-Джонс-Вуд возникнет на страницах ее книг лишь однажды, в «Трупе в библиотеке», где местный сквайр полковник Бэнтри подозревается в том, что у него была любовная связь с сексуальной блондинкой, труп которой найден в его доме. Некая деревенская сплетница, видевшая, как он садился в лондонское такси, в качестве улики описывает его порочное поведение: «Я отчетливо слышала, как он велел водителю ехать… как выдумаете куда?! В Сент-Джонс-Вуд! Полагаю, иных доказательств не требуется».

129

Из книги «Автобиография».

130

Из романа «Неоконченный портрет».

131

Из романа «Неоконченный портрет».

132

В «Автобиографии» Агата писала: «В 1919 году я продолжала получать сто фунтов в год по дедовскому завещанию», хотя в предшествовавшие шесть лет эти деньги шли на «мамино содержание». Это противоречие в книге, не всегда надежной в отношении фактов, не объяснено. Похоже, Агата стала снова распоряжаться этой сотней фунтов, когда Арчи вернулся с войны и супругам понадобилось свое жилье. Мэдж — или ее муж Джеймс — продолжала давать деньги Кларе, которая также стала дополнительно получать триста (или около того) фунтов в год после смерти Маргарет Миллер.

133

Из книги «Автобиография».

134

Из книги «Автобиография».

135

В «Автобиографии» Агата пишет: «…в тот вечер, когда ожидалось рождение Розалинды». Хотя, разумеется, никто не мог наверняка знать точную дату.

136

Из эссе памяти Аллена Лейна, опубликованного в 1970 г. в «Спектейтор».

137

Из эссе памяти Аллена Лейна, опубликованного в 1970 г. в «Спектейтор».

138

Из книги «Автобиография».

139

В книге дитя, которое активно толкалось в материнской утробе, назвали Джуди (женский персонаж английского народного кукольного театра. — *Примеч. пер.*) «как женскую ипостась Панча» (аналог Петрушки. — *Примеч. пер.*). Это было также имя, которым обычно называли дочь Нэн Поллок.

140

Из романа «Дочь есть дочь».

141

Из сборника рассказов «Тринадцать загадочных случаев».

142

Из романа «Ночная тьма».

143

Из стихотворения «Секвенция».

144

Из книги «Автобиография».

145

Джордж Джозеф Смит убил в 1912–1914 гг. трех жен ради получения страховки и в 1915 г. был повешен.

146

Рассказы начали печататься в «Скетче» в марте 1923 г. и позднее вышли в виде книги. Сборник из одиннадцати рассказов «Пуаро ведет следствие» вышел в Великобритании в 1924 г., а в расширенном составе, включавшем четырнадцать рассказов, — в Америке в 1925-м. «Ранние дела Пуаро» опубликованы в 1974 г.; наряду с другими рассказами книга включала первые двенадцать историй, написанных для журнала. Одна из них, «Исчезновение мистера Давенхэма», стала основой — правда, не очень удачной — для первого появления Пуаро на телеэкране; фильм, показанный в Америке в 1962 г., большого успеха не имел. Много позднее, в 1990–1993 гг., все рассказы о Пуаро были экранизированы, в главной роли снялся Дэвид Суше.

147

По аналогии с Большой выставкой 1851 г., устроенной для рекламной демонстрации продукции, выпускавшейся в Британии и ее тогдашних доминионах.

148

Из романа «Человек в коричневом костюме».

149

Из стихотворения «Секвенция».

150

Из стихотворения «Любовь проходит».

151

Из романа «Человек в коричневом костюме».

152

Имеется в виду восстание белых горняков на Ранде (Витватерсранде), причиной которого послужила попытка заменить белых рабочих на золотых копях более дешевой черной рабочей силой.

153

Фрэнсис Бейтс послужила прототипом секретарши сэра Юстаса Педлера Гай Пэджетт в «Человеке в коричневом костюме». Здесь Агата создала некий стереотип, наделив мисс Пэджетт угрюмым, зловещим характером, который впоследствии, тоже типично, вывернула наизнанку: страшный секрет мисс Пэджетт, как оказывается, состоял в том, что она была замужем и имела четверых детей.

154

Агата Кристи — Кларе Миллер, 21 февраля 1922 г.

155

Агата Кристи — Кларе Миллер, 3 мая 1922 г.

156

Агата Кристи — Кларе Миллер, 6 февраля 1922 г.

157

Агата Кристи — Кларе Миллер, 3 апреля 1922 г.

158

Агата Кристи — Кларе Миллер, 21 февраля 1922 г.

159

Агата Кристи — Кларе Миллер, 19 октября 1922 г.

160

Презрительное прозвище итальянцев, испанцев, португальцев, от которых, видимо, не отличали и бельгийцев. — *Примеч. пер.*

Так охарактеризовал его сын, которого тоже звали Арчи, в разговоре с автором в 2006 г.

162

Агата Кристи — Кларе Миллер, 1 мая 1922 г.

Гилфорд был их искрометным корреспондентом; в одном из писем к Розалинде он писал: «Я забыл и только теперь с ужасом вспомнил, что вы любите крикет». После смерти Агаты, отвечая на его соболезнования, Розалинда написала: «Вы всегда были одним из ее любимых друзей».

164

Из стихотворения «Секвенция».

165

Палата общин. Первоначально на месте здания палаты общин находилась часовня Святого Стефана. — *Примеч. пер.*

166

Из стихотворения «Секвенция».

167

Дайана Ганн, дочь друзей Арчи, Сэма и Мэдж Джеймс, в беседе с автором, 2006 г.

168

Из стихотворения «Любовь проходит».

169

В 1908–1909 гг. Агата написала повесть «Вид*е*ние», которую попыталась всучить «Бодли хед» в качестве пятой, и последней, книги, предусмотренной договором. Разумеется, они отказались публиковать ее. Агата написала им: «Не вижу резона, по которому вы могли бы решить, что эта книга не может быть зачтена как одна из пяти, оговоренных в главном контракте. Примете вы ее к публикации или нет — другой вопрос…» Она сделала это не для того, чтобы «Бодли хед» напечатал «Вид*е*ние», а чтобы заставить их зачесть ее сборник рассказов «Пуаро ведет следствие» как одну из пяти книг, которые она была обязана им представить. «Разумеется, я не намерена подписывать договор, касающийся рассказов, в котором вы собираетесь указать, будто они не представляют собой книгу, отвечающую требованиям, прописанным в основном контракте, пока не будет решен вопрос о „Видёнии“».

170

К Агате обратились из Би-би-си с просьбой выступить по Третьей программе и объяснить, почему она испытывает такую сильную «аллергию» в отношении их организации, как назвал ее «Обсервер» в кратком биографическом очерке, напечатанном в 1948 г. «Чрезвычайно заманчивое предложение! — ответила она (Агата отрицала, будто имеет что-либо против Би-би-си). — Но у меня стойкая аллергия на размер их вознаграждения!»

171

Рассказ, вошедший в сборник «Тайна Листердейла».

Из беседы автора с ее зятем Энтони Хиксом, 2004 г.

173

Из интервью лорду Сноудону, 1974 г.

174

Джаред Кейд в книге «Агата Кристи и одиннадцать недостающих дней» высказывает сенсуалистскую точку зрения. Согласно его источникам, Джудит и Грэму Гарднер, Арчи «начинало раздражать то внимание, которое было теперь обращено на Агату». Может, доля правды в этом и была, но Кейд представляет это как неоспоримый факт.

175

Имеется в виду письмо, отправленное в «Скетч» из Брук-Хауса, Парк-лейн, в марте 1924 г., в котором лорд Маунтбаттен, выразив свои комплименты, предлагает идею эпистолярного детективного романа, где «автор главных писем» окажется преступником. По сути, это было в значительной мере то, что Агата уже сделала в «Человеке в коричневом костюме», хотя мысль лорда Маунтбаттена шла дальше и оформлялась в конкретный сюжет, предлагавшийся им (он включал сцену, в которой в убийстве подозревают самого Пуаро). Агата ответила, что «идея в высшей степени оригинальна» и она намеревается ею воспользоваться. В 1969 г. они снова обменялись письмами. Агата написала вежливо, хотя и неточно: «Благодарю вас за то, что подарили мне первоклассную идею, которая никому до того не приходила в голову».

176

Из романа «Карман, полный ржи».

177

Из романа «Неоконченный портрет».

178

Недовольный читатель прислал письмо в «Таймс»; «Ньюс кроникл» неожиданно высказалась о книге как о «безвкусном» сочинении; комитет писательского «Детективного клуба» выступил с предложением исключить Агату из своих рядов, поскольку она нарушила «правила», — спас Агату единственный голос, голос Дороти Сэйерс: впрочем, ей едва ли было важно, чем кончится дело. Хотя Агата стала почетным президентом клуба, она оставалась одиноким волком, когда речь шла о ее сочинениях. Клятва на черепе (элемент ритуала вступления в клуб) соблюдать правила детективного жанра была не в ее вкусе.

179

Агата Кристи — Кларе Миллер, Карецц-аль-Лаго, Италия (без даты).

Впоследствии «Коттедж „Соловей“» был включен в сборник «Тайна Листердейла» и экранизирован под названием «Любовь незнакомца» в 1937 г. Главные роли в фильме исполнили Энн Хардинг и Бэйзил Ратбоун. Джоан Хиксон (позднее — несравненная мисс Марпл из сериала Би-би-си) исполнила в нем второстепенную роль; она также снялась в 1961 г. в фильме «Она сказала: „Убийство!“», поставленном по роману «В 4.50 из Паддингтона» (роль мисс Марпл в нем играла Маргарет Рутенфорд).

181

Из романа «Бремя любви».

182

Как утверждает Джаред Кейд, это Агата так прозвала свою секретаршу, «потому что ей казалось, что это звучит более экзотично, при том что самой Шарлотте это, судя по всему, было совершенно безразлично». Ничто не подтверждает его версию. Более вероятно, что имя Карло было изобретением Розалинды.

183

Из беседы с автором, 2006 г.

184

Писал Джаред Кейд в книге «Агата Кристи и одиннадцать недостающих дней».

185

Клара Миллер — Агате Кристи, Эшфилд (без даты).

186

Из романа «Неоконченный портрет».

187

Клара Миллер — Агате Кристи, Эбни (без даты).

Грэнд нэшнл — самые престижные в Англии конные состязания. — *Примеч. пер.*

189

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 5 ноября 1930 г.

190

Из стихотворения «Секвенция».

191

Из книги «Автобиография».

192

Из беседы с автором, 2003 г.

193

Нэнси Нил никогда не была секретарем майора Белчера, хотя была с ним знакома. В фильме «Агата», где заглавную роль исполняет Ванесса Редгрейв, — сочувственном, но выдуманном рассказе об исчезновении Агаты — Нэнси выведена как секретарша самого Арчи. Это неточность, которую иногда выдают за правду. На самом деле Нэнси работала в Сити, в Имперской континентальной газовой ассоциации.

194

Из книги «Автобиография».

195

Из беседы с автором.

Из беседы с автором.

197

Эта версия событий описана в книге Джареда Кейда «Агата Кристи и одиннадцать недостающих дней».

198

Из романа «Неоконченный портрет».

199

Из беседы автора с Дайяной Ганн.

200

Арчи Кристи — Агате Кристи (без даты).

201

Из романа «Роза и тис».

202

Из стихотворения «Секвенция».

203

Из книги Джареда Кейда «Агата Кристи и одиннадцать недостающих дней».

204

Арчи Кристи — Агате Кристи (послано из военной части в Незерэвоне, без даты).

205

Альфред Теннисон. Ланселот и Элейн. — *Здесь и далее цитаты из «Королевских идиллии» Теннисона приведены в переводе Виктора Лунина.*

206

Из незаконченного рассказа о молодой вдове.

207

Из романа «Печальный кипарис».

208

Из романа «Смерть на Ниле».

209

Из романа «Пять поросят».

210

Из романа «На краю земли».

211

В мае 1930 г. Агата писала Максу Мэллоуэну в связи с выходом ее сборника «Таинственный мистер Кин»: «Два рассказа из сборника я считаю хорошими — „Мертвый Арлекин“ и „Человек из моря“».

212

Этель Ле-Нев — любовница одного из самых известных убийц XX в., доктора Хоули Харви Криппена. В 1910 г. в подвале его дома в Лондоне были найдены расчлененные останки его жены, но к тому времени доктор Криппен скрылся вместе с Этель Ле-Нев, замаскировавшейся под мужчину. — *Примеч. пер.*

213

Из «Королевских идиллий» Теннисона.

Райдинг — единица административно-территориального деления графства Йоркшир; существовала до 1974 г. — *Примеч. пер.*

215

Под таким названием роман печатался с продолжением.

Безумие двоих *(фр.)*.

217

Яд, с помощью которого убил свою жену доктор Криппен.

218

Любовник Эдит Томпсон, Фредерик Байуотерс, бывший намного моложе ее, убил мужа Эдит, что было квалифицировано как преступление по страсти. Обоих повесили — было признано, что Эдит являлась подстрекательницей убийства. В действительности же она почти наверняка ничего не знала о нем, но ее осудили за безнравственность, поскольку она имела любовную связь.

219

Эта газета весьма напоминала современный таблоид: стремилась к сенсациям, была весьма скептична в суждениях и в высшей степени «читабельна». Однако много позднее Розалинда получила письмо от Тревора Алена, в свое время освещавшего всю эту историю для «Газетт». Теперь он писал «Автобиографию» и просил Розалинду дать ему «истинное объяснение тогдашнему исчезновению» ее матери. В ответ она повторила ему «официальную» версию, которую Ален и изложил, сообщив Розалинде, что считает «это полным и окончательным объяснением».

220

В 1960 г. Агата получила письмо от старого друга Джеймса Уоттса, который писал, что тогда, в 1926 г., он получил от Джеймса «длинное письмо, полное проклятий в адрес гнусных репортеров, которые устроили осаду его дома».

221

В статье, опубликованной в «Санди кроникл» 11 августа 1929 г. и посвященной кройдонскому убийству, когда были отравлены три члена одной и той же семьи.

«Нью стейтсмен», 30 января 1976 г.

223

Экранизация книги Кэтлин Тайнан «Агата» (1979).

В 1978 г. Розалинда подала иск (иск также был подан от имени Фонда Агаты), но федеральный судья отказал в запрете демонстрации фильма. В 1977 г. Розалинда написала также в «Таймс»: «Хочу воспользоваться случаем, чтобы сказать, что этот фильм, сделанный без консультаций с кем бы то ни было из представителей семей моих родителей, противоречит нашим желаниям и вызовет у нас большое огорчение». То, как были представленью фильме ее родители, вызывало «серьезные возражения и в нравственном отношении было более чем оскорбительно». О продюсере фильма Дэвиде (теперь лорде) Путтнаме она писала: «Пусть мистер Путтнам рассказывает свою сказку, если уж это ему так необходимо, но, ради бога, не позволяйте вмешивать в это мою семью». Путтнам лично ответил Розалинде: «Мы, разумеется, не хотели, чтобы фильм кому бы то ни было доставил огорчения».

Но друзья семьи были возмущены перспективой выхода фильма и объединились (увы, безрезультатно) вокруг Розалинды, чтобы оказать ей поддержку. Ричард (теперь лорд) Аттенборо тоже лично ответил Розалинде на ее просьбу о совете. «Боюсь, судя по тому, что мне известно, здесь никто ничего не сможет сделать».

О книге Кэтлин Тайнан «Агата» американский обозреватель писал: «Кристи эта книга была бы ненавистна». Тем не менее интервью с миссис Тайнан показывает, что она не была лишена некоторого понимания предмета, хотя ее стиль не совсем в духе Агаты: «Просто она проходила период мучительного взросления как женщина. То, как она с этим пыталась справиться, быть может, не вполне отвечает викторианским нормам, в которых она была воспитана, и это, похоже, всегда беспокоило ее…»

И последний штрих: роль Агаты блестяще исполнила Ванесса Редгрейв, которая весь свой гонорар за съемки в этом фильме — 40 тыс. фунтов — пожертвовала на нужды Революционной рабочей партии. Ее тогдашний партнер Тимоти Далтон играл Арчи (и тоже превосходно), хотя, когда его спросили, не собирается ли и он пожертвовать свой гонорар, он ответил: «Черта с два!»

225

«Вестминстер газетт» утверждала, что Агата могла доехать до Лондона за пятьдесят пять минут: от Саннингдейла до центра города около 25 миль.

226

Дочь мистера Петтельсона также написала в ноябре 1977 г. письмо Розалинде, в котором изложила обстоятельства знакомства Агаты и мистера Петтельсона в Харрогите: «Ваша дорогая матушка предложила аккомпанировать ему на фортепьяно… Одну песню, она называлась „Ангелы да хранят тебя“, она особенно любила играть, а мой отец прелестно пел. Ноты именно этого произведения были подписаны ему вашей матушкой — „Тереза Нил“ [sic]».

227

Из беседы автора с дочерью Мэдж, 2006 г.

228

Специальные констебли помогают полиции в экстренных случаях, работают в свободное время на добровольной основе. — *Примеч. пер.*

229

Графство Беркшир оценило дополнительные затраты на следствие в шесть фунтов или около того, каковую сумму Арчи счел заведомо разумной и возместил.

230

Это утверждение содержится в книге Гвен Робинс «Тайна Агаты Кристи» (1978).

Королевский адвокат — высшее адвокатское звание в Великобритании. — *Примеч. пер.*

232

Полный титул — Судья-председатель отделения королевской скамьи Высокого суда правосудия, лорд — главный судья. — *Примеч. пер.*

233

«Таймс» от 16 февраля 1928 г.

А. Кристи. Там, где лежит мой возлюбленный.

Дайана Ганн в беседе с автором, 2006 г.

236

«Рэнк организейшн» — крупнейший промышленный концерн, производящий радиоэлектронное оборудование, оборудование для кинотеатров и т. п. Владеет также кино- и телестудиями, кинотеатрами, кегельбанами. Основан в 1937 г. как кинокомпания. — *Примеч. пер.*

237

Дайана Ганн.

Из беседы с автором, 2004 г.

239

А. Л. Роуз. Воспоминания о мужчинах и женщинах.

240

«Идея нашего знакомства принадлежала мне», — говорит Мэтью Причард, но Арчи умер прежде, чем эта идея осуществилась.

241

В разговоре с автором, 2004 г.

242

Розалинда — Агате Кристи, из школы «Каледония» (без даты).

243

Розалинда — Агате Кристи, 7 июня 1931 г.

244

Розалинда — Агате Кристи, 14 июня 1931 г.

«Я всегда ненавидела «Тайну „Голубого поезда“»», — написала она в «Автобиографии».

В экранизации 2005 г., сделанной по книге каналом Ай-ти-ви, этот мотив был выпячен с излишним нажимом, в результате чего Пуаро предстает в фильме всего лишь человеком, пораженным недугом непрошеной любви, а тонкие нюансы его отношений с Кэтрин пропадают.

247

«Мармайт» — фирменное название питательной белковой пасты производства одноименной компании; используется для бутербродов и приготовления приправ. — *Примеч. пер.*

Мэмсаиб — вежливое обращение к замужней женщине в арабских странах. — *Примеч. пер.*

249

Из книги «Автобиография».

А. Л. Роуз. Воспоминания о мужчинах и женщинах.

Хотя фильм имел оглушительный успех, трудно представить себе, как кому-то могло прийти в голову назначить крупного, мужественного Альберта Финни на роль Пуаро в «Убийстве в Восточном экспрессе». По словам Розалинды, «он выглядел напыщенным». То же и с Дэвидом Суше, талантливым актером шекспировского театра, чья жеманная походка и круглый, как надувной мяч, живот в течение долгого времени доминировали в телесериале Ай-ти-ви «Пуаро». Наиболее близким духу Пуаро, вероятно, был Питер Устинов в «Смерти на Ниле» (последующие его фильмы по романам Кристи были куда менее удачными). Внешне Устинов не был похож на Пуаро — не очень и старался, разве что приклеивал маленькие усики, — но наполнял роль своим острым и милосердным умом. Он не играл, он существовал, и его сцены с Миа Фэрроу в роли Жаклин де Бельфор в высшей степени трогательны.

252

Впоследствии Агата объяснила, что фамилия Марпл пришла ей в голову, когда она жила в Эбни у Мэдж и они «вместе ходили на распродажу в Марпл-Холл». Дом, писала она, «был чудесным старинным поместьем, принадлежавшим тем Брадшо, которые вели свой род от судьи Брадшо, вынесшего приговор Карлу I. Я купила там два якобианских дубовых стула, которые до сих пор стоят у меня…».

253

В разговоре с автором, 2005 г.

В письме к Агате от 18 июня 1943 г. ее друг Роберт Грейвз также писал о своем восхищении книгой, но попенял Агате насчет некоторых деталей сюжета, отметив при этом, что она наделила своего полицейского его именем. Его очень забавное письмо весьма напоминает литературную мистерию Джона Сазерленда (Сазерленд действительно посвятил одно из своих эссе «Последнему делу Пуаро»). «Элси тоже есть что вменить в вину, писал он. — Думаю, инспектор Грейвз разочаровал семью тем, что не надел наручники и на нее за то, что не сообщила, что обнаружила труп Агнес в шкафу, когда возвращала туда удочки. Нет, Агата, мальчики не держат свои удочки в детской…»

255

Весьма зловещий персонаж «Повести о двух городах» Чарлза Диккенса. — *Примеч. пер.*

256

Джойс выходит замуж за племянника мисс Марпл, романиста Реймонда Уэста, и впоследствии становится Джоан. Такого рода редакторскими неточностями изобилуют книги Агаты Кристи.

257

В 1970 г. Агата писала Ясуо Суто, работавшему над книгой о мисс Марпл: «Если вам известна „вся жизнь мисс Марпл от самого рождения“, то вы знаете больше, чем я!»

258

Генриетта Макколл, автор книги «Жизнь Макса Мэллоуэна» (2001), в разговоре с автором, 2006 г.

259

В разговоре с автором, 2006 г.

260

Арабский базар.

261

Книга «Воспоминания Мэллоуэна» (1977) имеет посвящение: «Розалинде с любовью».

Джон Мэллоуэн, в беседе с автором, 2005 г.

263

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну (без даты).

264

Из книги «Воспоминания Мэллоуэна».

265

От названия романа выдающегося английского писателя Ивлина Во «Возвращение в Брайдсхед» (1945). — *Примеч. пер.*

Доктор Джулиан Рид, в разговоре с автором, 2006 г.

267

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну. Эшфилд (без даты).

268

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, Эшфилд, май 1930 г.

269

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, Эшфилд, май 1930 г.

270

Ср. с Дороти Л. Сэйерс, чью сцену первой брачной ночи лорда Питера Уимзи и Харриет Вейн из романа «Медовый месяц Басмена» Рут Ренделл однажды назвала самым нескромным пассажем в литературе.

271

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 14 мая 1930 г.

272

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, Эшфилд (без даты).

273

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, Эшфилд (без даты).

27 4

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 21 мая 1930 г.

275

Джаред Кейд в «Агате и одиннадцати недостающих днях» утверждал, будто Макса так ни разу и не пригласили на Рождество в Эбни, хотя убедительных доказательств тому не существует.

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, Эшфилд (без даты).

277

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, отель «Бродфорд» в Скае (без даты).

278

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, Эшфилд (без даты).

279

Клара Миллер — Агате Кристи, Эшфилд (без даты).

В беседе с автором, 2006 г.

281

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну. Датировано: «Среда, 10 утра».

282

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 29 октября 1930 г.

283

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну (без даты).

284

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну (без даты).

285

Имеется в виду пьеса, совместно созданная для радио Би-би-си, вторая, над которой Агата работала по просьбе Дороти Сэйерс (у них сложилась своего рода почтительная дружба: трудно найти двух столь разных женщин, но тем не менее они уважали друг друга). Первая была поставлена в шести частях летом 1930 г. Вторая, «Куш», вышла в 1931 г. и оказалась не только для Би-би-си, но и для всех причастных к этой постановке сплошным кошмаром. Агата должна была написать и лично прочесть два сюжета — много работы и всего пятьдесят гиней гонорара. Впоследствии Агата относилась ко всему этому предприятию несколько свысока: то хотела, чтобы ее записывали в Плимуте, а не в Лондоне, то уехала, не сказавшись, в Швейцарию с Розалиндой. «Не могли бы вы объяснить миссис Мэллоуэн, — писал Шарлотте Фишер продюсер Дж. Р. Экерли, — что своим отсутствием она ставит нас в чрезвычайно трудное положение». Позднее он вспоминал, что она «на удивление хорошо выглядела, но была очень капризна», что, судя по всему, ничуть ее не волновало. Главное удовольствие для нее состояло в том, чтобы знать, что Макс слушает ее по радио: «…мой знаменитый ангел… как было бы хорошо, если бы в свои истории ты вставляла зашифрованные послания для меня!»

286

Постановка спектакля по роману «Тайна замка Чимниз» на самом деле состоялась в Британии только в 2006 г.

287

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 23 октября 1930 г.

288

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 13 октября 1931 г.

289

Однажды после лекции Роуза о сладострастных нравах Елизаветинской эпохи она сказала ему: «Надеюсь, у Макса это не начнется снова».

Замечание, которое Роуз, не будучи специалистом по гетеросексуальным отношениям, воспринял с убийственной серьезностью. «Интересно, не было ли это отчасти причиной ее неудачи в отношениях с пылким, быть может, слишком требовательным армейским офицером?» — написал он. На самом деле Агата на протяжении всего их брака испытывала глубокое влечение к Арчи, угасало оно как раз с его стороны.

290

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 23 октября 1931 г.

291

Энтони Хикс, в беседе с автором.

292

Из стихотворения «Выбор».

293

А. Л. Роуз. Воспоминания о мужчинах и женщинах.

294

Из романа «Лощина».

295

Макс Мэллоуэн — агате Кристи, 8 ноября 1930 г.

296

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 24 декабря 1944 г.

297

Дневники А. Л. Роуза, под редакцией Ричарда Олларда (2003).

298

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 27 октября 1942 г.

299

Под полом лодочного сарая обнаруживается глубокий водоем.

300

Макс удостоился рыцарского звания в июне 1968 г. за достижения в области археологии; Агате титул был пожалован в 1971-м, она была включена в Новогодний список награждений. Художник Оскар Кокошка, написавший великолепный портрет Агаты к ее восьмидесятилетию (такой же сурово реалистичный, но полный жизни, как те, что писал Эмиас Крейл из «Пяти поросят»), в поздравительном письме предупреждал: «Надеюсь, Вам не придется становиться на одно колено… И пожалуйста, не надевайте слишком легкое парадное платье, чтобы не схватить насморк!»

301

Британская школа археологии была основана в 1932 г., в память о Гертруде Белл, чтобы продвигать и поддерживать «исследования, связанные с археологией Ирака и окружающих стран». Один археолог, коллега Макса, говорил, что Агата вложила немалые деньги в школьный фонд. «Точно не знаю, сколько она на самом деле туда вложила…»

302

Из речи Сетона Ллойда на поминальной службе по Максу, проходившей в Сент-Джеймсском соборе на Пиккадилли 29 ноября 1978 г.

303

В беседе с автором, 2006 г.

Фотографии были показаны Британским музеем в 2001 г. на выставке «Агата Кристи и археология».

305

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, Троицын день, 1944 г.

«Ее придется переделать в американку, желательно имеющую „кейпкодское происхождение“, как мы это называем», — писал Корку Оубер по поводу предполагаемого сериала. Неудивительно, что Агата этого не одобрила, хотя впоследствии актриса Хелен Хейес создала вполне приемлемый образ мисс Марпл именно такого типа.

307

Давай, пошел! *(араб.)*

308

О которой Эдмунд Корк писал Агате: «Боюсь, эта книга нравится мне меньше, чем другие», — на что она спокойно ответила ему: «Согласна с вами, — не из лучших моих».

309

В этой книге Пуаро просят расследовать убийство, случившееся шестнадцатью годами раньше, то есть в 1926 г. Это дало повод кое-кому сделать многозначительный вывод, но на самом деле книга написана в 1941-м и события, в ней описанные, лишь смутно соответствуют событиям собственной жизни Агаты.

310

Макс Мэллоуэн — Розалинде, 3 июля 1940 г.

311

Одним из аргументов Макса было то, что его жена написала антинацистский роман; он имел в виду «Н или М?».

312

В конце 1943 г. Макс был повышен до полковника — до того же звания, которое носил Арчи. Быть может, это смутно маячило в его подсознании, когда он писал: «Ты ведь никогда не думала, что мистер Пупер в один прекрасный день станет полковником, правда?»

313

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 26 апреля 1943 г.

314

В этом знаменитом доме, удостоившемся второй премии журнала «Горизонт» на конкурсе «Самое уродливое сооружение», жили также Николас Монсерра и Генри Мур; впоследствии члены «Изобара» приняли в свой круг также Барбару Хепворт. В 1968 г. «Нью стейтсмен» приобрел этот дом за семь тысяч фунтов стерлингов.

315

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 27 октября 1942 г.

«Как там Джеймс? — писал Макс в 1945 г. — Вернулся ли он к Фишерам и как поживают они — вышли ли замуж, а если нет, то почему?» Макс недолюбливал Карло и Мэри, которых, видимо, ассоциировал с прежней жизнью Агаты. В ответ Агата написала, что «у Шар был кто-то во время войны», по рассказам ее племянницы, но по каким-то причинам к свадьбе эта связь не привела; жених Мэри Фишер был убит на войне.

317

Из недатированного письма Джереми Причарду, сыну тогдашнего хозяина дома, собиравшему воспоминания жильцов. Родственницей этой семьи была некая Берил, вышедшая замуж за друга Мэллоуэнов Роберта Грейвза; вероятно, именно поэтому в первую очередь Агата и поселилась на Лаун-роуд.

318

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 31 августа 1942 г.

319

Подставка для графинов (обычно трех) с вином, из которой их нельзя вынуть без ключа.

320

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 10 декабря 1942 г.

321

Титулование детей пэров; ставится перед именем. — *Примеч. пер.*

322

Макс считал, что она послужила прообразом миссис Дейн Салтроп, жены викария из «Каникул в Лимстоке».

Черты этого персонажа использованы в «Свидании со смертью»: проводится параллель между Офелией и психически неуравновешенной Гиневрой Бойнтон.

324

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 23 августа 1942 г.

325

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 29 ноября 1942 г.

326

По-английски роман назван по первой строке 98-го сонета Шекспира «From thee have I been absent in the spring» (в русских переводах «С тобою разлучился я весной» [А. Финкель], «Нас разлучил апрель, цветущий, бурный» [С. Маршак]).

327

Размышления о пьесе имеются также в гораздо более ранней ее книге «Ответ знает Эванс». «Знаешь, я всегда думал, — говорит Френки, внезапно отвлекаясь от темы, — что леди Макбет побудила Макбета совершить все эти ужасные убийства просто и единственно потому, что чудовищно устала от жизни — и, между прочим, от Макбета тоже».

328

Эта строка из IV акта (сцена 1) «Макбета» в русском переводе М. Лозинского звучит так: «У меня разнылся палец».

329

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 27 октября 1942 г.

330

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 27 июня 1943 г.

331

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 4 июля 1944 г.

332

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 14 апреля 1943 г.

333

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 12 января 1943 г.

334

«Первобытные руки ассирийского ремесленника вырисовывают муки умирающего и запечатлевают крик боли, который эхом отдается через века» — так заканчивался сонет, написанный Максом в двадцатитрехлетнем возрасте.

335

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 22 декабря 1943 г.

Т. М. — «тетя Москитик» — так называла Мэдж Розалинда, а впоследствии и Агата с Максом.

337

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 1 июля 1944 г.

338

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 26 августа 1943 г.

339

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 27 марта 1943 г.

340

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 12 августа 1943 г.

341

Стивен Гленвилл — Агате Кристи, 9 апреля 1943 г.

342

Стивен Гленвилл — Агате Кристи, 11 июля 1943 г.

343

Стивен Гленвилл — Агате Кристи, 18 ноября 1943 г.

344

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 17 ноября 1943 г.

345

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 9 января 1944 г.

346

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 2 августа 1944 г.

347

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 19 мая 1944 г.

348

Эти слова принадлежат доктору Глину Дэниелу, с которым Макс и Агата тоже были знакомы. В автобиографии Глин Дэниел вспоминает, как спросил Макса, что тот думает о Томе Драйберге, с которым учился в Лансинге. «Он казался мне нормальным парнем, но я тогда понятия не имел о его специфических наклонностях».

349

Розалинда — Агате Кристи, 7 февраля 1931 г.

350

Агата Кристи — Розалинде, Фонд Британского музея в Сирии (без даты).

351

Эти почтовые открытки с изображением собаки из комикса «Бонзо», использованы как ключ в «H или M?».

352

Розалинда — Агате Кристи, 27 января 1936 г.

353

Розалинда — Агате Кристи, 24 апреля 1936 г.

Розалинда — Шарлотте Фишер (без даты).

355

Розалинда — Агате Кристи, 16 мая 1936 г.

356

Дебютантка высшего света, девушка из знатной или богатой семьи, впервые начинающая выезжать в свет. — *Примеч. пер.*

357

Агата писала Розалинде о том, что «сказала матери другой дебютантки: «Полагаю, мы встретимся на обеде у миссис Ламберт Симнел в отеле „Клариджез“», и та ответила: „Ну разумеется!“ Так что все мы лжецы!»

358

Агата Кристи — Розалинде, 30 января 1937 г.

359

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 8 августа 1943 г.

360

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 20 сентября 1943 г.

361

Макс Мэллоуэн — Розалинде, 7 декабря 1941 г.

362

Макс Мэллоуэн — Розалинде (без даты).

363

Макс Мэллоуэн — Розалинде, 17 июня 1943 г.

364

Макс Мэллоуэн — Розалинде, 15 октября 1943 г.

365

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 30 сентября 1943 г.

366

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 12 октября 1943 г.

367

Доктор Харольд Дэвис был главным фармацевтом больницы и впоследствии написал статью о том периоде, когда Агата работала у него. Немногие там знали, кто она. «Она была замечательной, жизнерадостной и трудолюбивой коллегой».

368

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 5 марта 1944 г.

369

Это имя она использовала еще раз — в романе «Отель „Бертрам“».

370

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 25 мая 1944 г.

371

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 16 января 1944 г.

Например, Джон Мэллоуэн в разговоре с автором.

373

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 27 сентября 1942 г.

374

Эдмунд Корк — Харолду Оуберу, 19 декабря 1940 г.

Официальный курс обмена тогда составлял 4 доллара 3 цента за фунт.

376

Эдмунд Корк — Харолду Оуберу, 3 января 1941 г.

377

Эдмунд Корк — Харолду Оуберу, 3 января 1941 г.

378

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 11 сентября 1944 г.

379

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 13 октября 1944 г.

380

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 2 ноября 1944 г.

381

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 16 декабря 1944 г.

В этой инсценировке Агата сделала нечто необычное: она изменила развязку. С точки зрения драматургии это имело смысл, но оригинальное окончание было лучше, поскольку не являлось столь «очевидно» удовлетворительным. Окончание «Десяти негритят» тоже было изменено, чтобы в финале оставить на сцене двух персонажей, а не кучу трупов, но суть развязки осталась прежней. В новой версии, появившейся в 2006 г., изначальный список погибших был восстановлен наряду с большинством оригинальных диалогов; тем не менее эта версия оказалась весьма скверной, что доказало: намеренная «аутентичность» не тот путь, который позволяет сохранять жизнь произведениям Кристи.

Эта пьеса с трудом пробивалась на лондонскую сцену. Рецензии на «Свидание со смертью» (хотя они делали свое дело) «оставляли ощущение предубеждения против пьес Кристи», как весьма бестактно сказал Агате Корк. К тому же министерство труда возражало против присутствия на сцене прислуги.

384

Из романа «Тринадцать загадочных случаев».

385

Агату так раздражали замечания Уильяма Коллинза, что она попросила Корка отдать «Розу и тис» в какое-нибудь другое издательство; «Хайнеманн» заявил, что «Билли спятил», и тут же перехватил книгу.

Сам Клемент Эттли одобрительно отзывался о творчестве Агаты: «Пятьдесят книг! Многие из них очаровали меня и помогли скрасить мой досуг».

387

В 1965 г. был снят фильм, в котором главные роли исполнили Ширли Итон, Дэннис Прайс и поп-звезда Фабиан; в версии 1974 г. снялись Оливер Рид и, в роли судьи, Ричард Аттенборо, друг Агаты, который играл вместе с женой Шилой Сим в первом составе «Мышеловки». Более эксцентричным было приглашение на роль первой жертвы Шарля Азнавура.

Кэмпбелл Кристи написал также сценарии к фильмам «Джесси» (экранизация пьесы, созданной в соавторстве с женой) и «Кэррингтон VC». В июне 1963 г. «Таймс» опубликовала некролог, в котором было сказано, что он был «найден мертвым в заполненной газом кухне своего дома в Уэст-Байфите, Суссекс». Там же говорилось, что «в общественной жизни Кристи имел крепкий кулак и пользовался им с умом».

Она ожидала получить лишь около 5 тысяч. «Я бы советовал передать Розалинде лишь часть этих денег», — написал Агате Корк, когда стала известна сумма сделки.

«Я в экстазе оттого, что снова буду работать над произведением Кристи, — писал Уайлдер Агате чуть позже. — Как насчет огромной великолепной тайны стоимостью 8 миллионов долларов, чтобы покончить со всеми тайнами? У Вас в рукаве что-нибудь припрятано?»

391

Агата съехала с квартиры на Лаун-роуд в 1947 г. и на короткое время поселилась на Крессуэлл-плейс, прежде чем сдать этот дом внаем (арендатором был некто «мистер Портер», который доставлял ей в 1950-х массу хлопот). Дом на Кэмпден-стрит был продан, а дома на Шеффилд-террас — спасибо бомбежкам — больше не существовало.

Тогдашний канцлер казначейства. — *Примеч. пер.*

393

Это блестящее название заимствовано у «пьесы в пьесе» из «Гамлета»; идея заимствования принадлежит зятю Агаты Энтони Хиксу.

Квиар-стрит — сленговый термин, означающий воображаемую улицу, где живут люди, испытывающие серьезные финансовые трудности, несостоятельные должники. — *Примеч. пер.*

395

Из романа «Вечеринка в Хэллоуин».

396

Из романа «Миссис Макгинти с жизнью рассталась».

397

Розалинда разводила этих изящных карликовых собак, и в конце концов они стали любимой породой Агаты. В саду Уинтербрука похоронены два ее таких терьера: Трикл и Бинго. В романе «Объявлено убийство» один персонаж говорит: «…какие грациозные крошки. Я люблю собак с ногами…»

398

Агата очень подружилась с Алленом Лейном, племянником ее первого издателя Джона Лейна; Аллен Лейн и его жена Леттис часто проводили у Мэллоуэнов выходные. Лейны также посетили окрестности Нимруда, где Макс вел раскопки после войны; в порядке благодарности Агате за поддержку издательства «Пенгуин букс» в период его становления Аллен сделал финансовый вклад в раскопки.

399

Передача «Крупным планом» состоялась на «Лайт программ» 13 февраля 1955 г.

400

В разговоре с автором, 2004 г.

401

«Честно признаться, нам не кажется, что эта Мэри Вестмакотт дотягивает до собственных стандартов», — писали американские издатели (изд-во «Райнхарт»), возвращая рукопись романа «Дочь есть дочь». А по поводу «Бремени любви» высказались так: «Когда Агата Кристи становится Мэри Вестмакотт, она отнюдь не так умело создает характеры». И это несмотря на то что «Райнхарт» скупило права на все предыдущие романы Вестмакотт.

402

В интервью Джиллиан Фрэнкс, 1970 г.

Или «Запомнившегося убийства», как первоначально был назван роман; это название было сочтено неуместным сразу после войны, но сохранилось в американском издании.

Эти заметки были использованы в «Отпечатке большого пальца святого Петра» (в сборнике «Тринадцать загадочных случаев»), «Вилле „Белый конь“» и «Горе невинным» соответственно.

Агате они были необходимы, поскольку она получила от читателей несколько писем, касающихся сюжета «Печального кипариса», в которых говорилось, что по закону внебрачный ребенок автоматически не является наследником единственного родителя, не оставившего завещания. На самом деле это было законно согласно Акту 1926 г. Еще одно письмо, касающееся «Печального кипариса», пришло от читателя, который обращал внимание на то, что сестра Хопкинс, отравив Мэри Джеррард чаем, она никоим образом не могла быть уверена, что и Элинор тоже не выпьет его. Это было очень полезным замечанием; в блестящей телеэкранизации этой книги (2003 г., Ай-ти-ви) была вставлена реплика для Элинор, в которой она говорит, что не пьет чай.

406

Бигбери-он-Си связан морской переправой с островом Баре в Южном Девоне, там до сих пор находится очаровательный отель в стиле ар деко (построенный в 1932 г.), в котором Агата останавливалась и где происходит действие «Зла под солнцем» и «И никого не стало».

Национальный трест — организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест Великобритании. — *Примеч. пер.*

Агата также использовала своего любимого Теннисона, выбирая названия для романов «Лощина» и «И, треснув, зеркало звенит»; в романе «Карман, полный ржи» детей в семье зовут Ланселот, Персиваль и Элейн.

Доркас впоследствии стала Брендой, Эмма — Джозефиной.

410

Еще в 1933 г., совершая круиз по Нилу с Максом и Розалиндой, Агата заприметила семью, послужившую прототипами Бойнтонов из «Свидания со смертью».

411

На это обратил внимание Бевис Хиллиер в 1999 г., в напечатанной «Обсервер» рецензии на книгу Чарлза Осборна «Жизнь и преступления Агаты Кристи».

Сэйерс написала религиозную пьесу «Человек, рожденный, чтобы стать королем» и незадолго до смерти в 1957 г., почти завершила перевод «Божественной комедии».

413

Бейллиол-колледж — один из наиболее известных колледжей Оксфордского университета, основан в 1263 г., носит имя основателя Джона Бейллиола. — *Примеч. пер.*

414

Впервые было опубликовано в газете «Трибюн» в 1946 г.

415

Из рассказа «Лернейская гидра».

416

Агата Кристи — Эдмунду Корку, 31 декабря 1966 г.

417

В эссе под названием «Ядовитая фармакопея Дамы Агаты», написанном двумя докторами — Джоном и Питером Гуилтами, которые в целом хвалили ее за знания в области токсикологии.

418

«Уверен, что нет необходимости таким образом выставлять напоказ проблемы и горести мисс Тьерни», — писала в 1964 г. некая женщина, ссылаясь на факт, что ребенок актрисы Жене Тьерни пострадал из-за краснухи. Корк ответил ей, что Агате этот факт не был известен.

419

В разговоре с автором, 2005 г.

420

Агата Кристи — Джорджу Хармону Коуку, 27 июня 1940 г. Джулиан Саймонз тоже обращал внимание на то, что у Кристи зачастую «не сходятся концы с концами, что достойно сожаления», и в качестве наиболее показательного примера приводил «И никого не стало». Когда обнаруживают «труп» судьи Уоргрейва, предполагается, что читатель должен верить, будто виновным может быть любой из четверых оставшихся на острове — Вера Клейторн, доктор Армстронг, Ломбард и Блор. На самом деле обстоятельства явно исключают Веру из числа подозреваемых: она не могла убить судью, если в момент убийства кричала у себя в спальне.

421

Шаброль мог бы сделать великолепный фильм из «По направлению к нулю»: в его замечательном «Мяснике» центральной фигурой является серийный убийца, а «Церемония» — это экранизация романа Рут Ренделл «Приговор в камне».

422

Агата Кристи — Розалинде (без даты).

423

Из беседы с автором.

Радуйся, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя *(лат.)*.

425

Цитаты взяты из следующих произведений: «Причуда мертвеца», «Свидание со смертью», «Подвиги Геракла», «Убить легко», «Пять поросят», «Тринадцать загадочных случаев», «Ночная тьма», «Карман, полный ржи», «И никого не стало» и «Смерть на Ниле» соответственно.

Это было подмечено Джанет Морган в ее биографии Агаты.

427

Джон Спэрроу — Агате Кристи, 21 сентября 1970 г.

428

Сидни Смит — Агате Кристи, 3 июня 1943 г.

429

Современный французский интеллектуал Мишель Уэльбек тоже является поклонником творчества Агаты Кристи: в его книге «Платформа» есть панегирический пассаж о «Лощине». Агата Кристи, пишет он, понимает «грех отчаяния».

430

Роберт Спейт — агате Кристи, 21 сентября 1970 г.

Имеется в виду телесериал 2003 г. «Пуаро» на Ай-ти-ви.

432

В телесериале «Мисс Марпл» производства Ай-ти-ви, впервые показанном в 2005 г., роль мисс Марпл исполняет Джеральдин Макьюэн.

433

Этот замечательный телесериал был снят на Би-би-си в 1984–1992 гг.

434

Если однажды он вернется, что ему сказать? Скажи ему, что его ждали до самой смерти (фр.).

Джон Мэллоуэн в разговоре в автором, 2006 г.

436

Из романа «Бремя любви».

437

Из романа «Бремя любви».

438

Арчи Кристи — Розалинде, 24 октября 1958 г.

439

В беседе с автором.

Агата посвятила Максу только одну книгу, в первые годы их брака — «Убийство в Восточном экспрессе». Отчасти на ее написание Агату вдохновило злополучное путешествие 1931 года из Ниневии в Лондон. В Стамбуле она села в Восточный экспресс, который нещадно опаздывал; некая американка (прототип миссис Хабборд) жаловалась: «В Штатах уже давно всех развезли бы на автомобилях… да что там, прислали бы аэропланы…»

441

Макс Мэллоуэн — Эдмунду Корку, 24 апреля 1960 г.

442

Айван фон Оу из агентства Харолда Оубера — Корку, 9 апреля 1965 г.

443

Альдершот — большой постоянный лагерь для английских войск всех родов, устроенный в 1855 г. вовремя Восточной войны в английском графстве Генте. — *Примеч. пер.*

444

Из короткого интервью программе «Сегодня вечером в городе» английской службы Би-би-си, 12 мая 1951 г.

445

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 11 апреля 1943 г.

446

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, 21 мая 1944 г.

Характеристика при надлежит его другу Глину Дэниелу. В автобиографии Дэниел вспоминает также, как Аллен Лейн предлагал ему должность «консультанта по археологии» в издательстве «Пенгуин»; по словам Дэниела, должность принадлежала Максу Мэллоуэну, но его уволили, поскольку он «планировал выпуск книг *только* по ближневосточной археологии… и таким образом в моих отношениях с Максом в течение нескольких лет сохранялась напряженность».

В беседе с автором, 2006 г.

449

Эдмунд Корк — Оуберу, 6 февраля 1953 г.

450

Эдмунд Корк — Агате Кристи, 5 августа 1953 г.

451

Из интервью Агаты радиопередаче «Сегодня вечером в городе».

452

Цит. по статье «Агата Кристи, Нимруд и Багдад» из сборника эссе «Агата Кристи и археология» под редакцией Ш. Трюмплер, выпущенного издательством «Бритиш мюзиум пресс» к выставке своих работ 2001 г.

453

Агата Кристи — Розалинде, 1957 г.

Джоан Оутс в беседе с автором.

Джоан Оутс в беседе с автором.

456

Агата Кристи — Розалинде, из отеля «Зия» (дата указана не полностью).

457

Эта пьеса была написана для Маргарет Локвуд, чей агент обратился с просьбой к Агате через Питера Сондерса; Агата великодушно включила в пьесу и роль для четырнадцатилетней дочери Маргарет, Джулии. Пьеса — легкая вещица, хотя и не без остроумия, едва ли не эксцентрическая комедия — была экранизирована в 1960 г.

458

Агата Кристи — Розалинде, из Британской школы археологии (дата указана не полностью).

459

Агата Кристи — Розалинде, из Британской школы археологии (дата указана не полностью).

460

Из романа «Свидание со смертью».

461

Розалинда — Агате Кристи, Поллирэч (дата указана не полностью).

462

Эдмунд Корк — Розалинде, 6 мая 1952 г.

463

Агата Кристи — Розалинде, 3 апреля 1952 г.

464

Эдмунд Корк — Агате Кристи, 22 мая 1952 г.

Heaven — небо *(англ.)*.

Агата, так же как и Макс, любила скачки, и ее неприязнь к телевидению смягчалась лишь тем, что по телевизору она могла смотреть бега. Ее письма к Энтони Хиксу, тоже любителю скачек, полны упоминаний о проигранных ставках — «Да, опять невезение с лошадьми», — хотя иногда случались у нее и выигрыши. (Эдмунд Корк поздравляет ее в письме с тем, что она поставила на Май Лав, которая победила в дерби 1948 г., — ставку для нее делал он сам.) Ее также уговорили учредить Приз «Мышеловки» на скачках в Эксетере. В ее книгах встречаются упоминания о скачках, которые в середине XX в. были неотъемлемой частью повседневной жизни англичан. В «Убийствах по алфавиту» четвертое убийство должно произойти в Донкастере в определенную среду сентября; неопытный полицейский думает: предупрежден — значит, вооружен; стало быть, убийца будет арестован. «Господи боже мой, — говорят ему, — разве вы не понимаете, что в следующую среду в Донкастере будет проходить Сент-Леджер?» В романе «В 4.50 из Паддингтона» алиби преступника дезавуирует таксист, который точно вспоминает день, «потому что лошадь по кличке Кролер тогда победила, а он сделал приличную ставку на нее». «Слава богу, что существуют скачки!» — восклицает полицейский, руководящий расследованием.

Впоследствии из этого рассказа вырос роман «Причуда мертвеца», но по каким-то причинам не имел коммерческого успеха. «Адвокаты эксетерского епископа возмущены „Ошибкой Гриншоу“, — писал Корк в агентство Оубера в 1956 г. — Они говорят, что не могут поверить, чтобы миссис Мэллоуэн написала рассказ о церкви, который не продается!» Ирония заключается в том, что, когда Агата расширила рассказ до романа «Причуда мертвеца», его стали охотно раскупать, потом спрос упал.

468

Агата Кристи — Эдмунду Корку, 19 февраля 1956 г.

469

Агата Крист — Эдмунду Корку (без даты).

470

Эдмунд Корк — Агате Кристи, 10 февраля 1956 г.

471

Агата Кристи — Эдмунду Корку, 19 февраля 1956 г.

472

Агата Кристи — Хиксам, 20 февраля 1956 г.

473

Эдмунд Корк — Агате Кристи, 10 марта 1956 г.

474

Агата Кристи — Эдмунду Корку, 17 марта 1956 г.

В беседе с автором, 2005 г.

476

Агата Кристи — Эдмунду Корку, 20 января 1960 г.

477

Агата Кристи — Эдмунду Корку, 17 сентября 1961 г.

В этом фильме играла Франческа Аннис (она исполняла роль придуманного авторами фильма персонажа Шейлы Апворд), которая впоследствии играла леди Фрэнсис Дервент в телеверсии романа «Ответ знает Эванс», одном из первых фильмов по произведениям А. Кристи, пышно всходивших на почве бума ностальгии, которая была свойственна в 1980-е гг. высшему обществу; она также играла Таппенс Бересфорд в сериале «Партнеры по преступлению».

И впрямь странный подбор актеров для этого фильма включал Аниту Экберг в роли Аманды Беатрис Кросс, Роберта Морли в роли Гастингса и Остина Тревора, игравшего Пуаро в фильме 1934 г. «Смерть лорда Эджвера», на сей раз — в маленькой роли второго плана.

480

Агата Кристи — Эдмунду Корку, 17 июля 1963 г.

481

Агата Кристи — Лоренсу Бэчманну, 24 июля 1963 г.

482

Лоренс Бэчманн — Агате Кристи, 7 апреля 1964 г. Типичную рецензию на новую киноинкарнацию Пуаро, напечатанную в «Дейли мейл» 5 марта 1964 г., Зеро Мостел пересказывал так: «Ничего не скажу насчет акцента, но что он ни одной девушки мимо не пропустит, это определенно. Он раскрывает дела, но прежде чем он это сделает, трупов восемь обычно валяется вокруг; значит, не так уж он и умен».

483

А. Л. Роуз. Воспоминания о мужчинах и женщинах.

484

Эдмунд Корк — Агате Кристи, 9 апреля 1965 г.

485

Компания «Агата Кристи лимитед», исполнительным директором которой является Мэтью Причард, теперь принадлежит «Chorion PLC».

486

В апреле 1977 г. отдел по работе с авторами компании «Букер Макконнелл» сообщил, что компания увеличила свой очищенный от налогов доход на треть, доведя его до 487 тысяч фунтов, «в основном благодаря вкладу дамы Агаты», как написала «Таймс».

Мэтью Причард в беседе с автором, 2006 г.

488

Розалинда — Эдмунду Корку, 2 июня 1956 г.

489

Розалинда — Эдмунду Корку, 14 января 1957 г.

490

Розалинда — Эдмунду Корку, 5 декабря 1958 г.

491

Эдмунд Корк — Розалинде, 27 апреля 1962 г.

492

Розалинда — Эдмунду Корку, 14 июня 1962 г.

Она высказала свое огорчение в нескольких газетных статьях, а также в письме к писательнице — автору детективных историй Маргарет Йорк, которая выразила сочувствие Розалинде и открыто выступила в защиту Агаты. «Естественно, программа была очень неприятной для членов ее семьи и причинила им боль. Нечестно делать такие передачи о людях, которые уже ушли от нас и не могут никому ответить… Я разочарована тем, что пресса не поддержала ее более активно».

494

Розалинда — Эдмунду Корку, 29 марта 1965 г.

495

Розалинда — Маргарет Йорк, 1992 г.

496

Агата Кристи — Розалинде, 5 апреля 1955 г.

497

Агата Кристи — Розалинде, Суон-Корт (без даты).

В беседе с автором, 2003 г.

499

В беседе с автором, 2006 г.

500

В беседе с автором, 2006 г.

501

В беседе с автором, 2006 г.

Джоан Оутс, в разговоре с автором.

503

Джоан Оутс, в разговоре с автором.

504

В книге «Жизнь Макса Мэллоуэна».

Джоан Оутс, в разговоре с автором.

506

В разговоре с автором.

507

Из книги «Агата Кристи и одиннадцать недостающих дней».

508

Из книги «Агата Кристи и одиннадцать недостающих дней».

509

Представлен на обложке оригинального издания биографического сочинения Ивлина Во «Эдмунд Кэмпион. Иезуит и мученик»; в XVI в. именно в Стоноре Кэмпион устроил свою нелегальную типографию.

510

После смерти Агаты эту машину по номинальной стоимости ему продала «Агата Кристи лимитед».

511

Имеется в виду персонаж картины английского художника Эдварда Берн-Джонса (1833–1898) «Король Кофетуа и девушка-нищенка». Сюжет картины взят из стихотворения, написанного в 1612 г. Стихотворение рассказывает историю об африканском короле, чье отвращение к женщинам было побеждено прекрасной нищей девушкой. — *Примеч. пер.*

В разговоре с автором, 2006 г.

513

Рейчел Максуэлл-Хислоп, в разговоре с автором.

Д. в разговоре с автором.

515

Агата Кристи — Розалинде, Уинтербрук (дата указана не полностью).

516

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 9 сентября 1936 г.

517

Эдмунд Корк — Розалинде, 24 марта 1960 г.

518

Агата Кристи — Эдмунду Корку, 9 апреля 1958 г. [А. К. шутливо перефразирует название популярной оперетты П. Абрахамса «Бал в „Савое“». — *Примеч. пер.*

519

«Гардиан», 9 октября 1987 г.

Написанная в 1937 г., хотя и не ставившаяся при жизни Агаты, пьеса была послана Джону Гилгуду как предполагаемому режиссеру. «Боюсь, рефлектирующие персонажи вроде Эхнатона имеют тенденцию теряться на большой сцене, — написал он. — Мне также не хватает юмора, особенно после первого акта». Когда в 1980 г. пьеса была все же поставлена в одном из лондонских периферийных театров, она была катастрофически сокращена. «Это смелый эксперимент, и его стоит посмотреть», — написала «Гардиан».

В 1973 г. пьеса была напечатана согласно желанию Агаты (и «вдогонку» состоявшейся в Британском музее выставки сокровищ Тутанхамона). Эдмунд Корк прочел ее годом раньше и написал в агентство Харолда Оубера: «На нас она произвела колоссальное впечатление, как и на всех, кто ее читал». Дороти Оулдинг из агентства Оубера сочла пьесу «очень интересной». В своих воспоминаниях Макс Мэллоуэн назвал ее «самой прекрасной и глубокой из пьес Агаты».

521

Мэтью Причард — Эдмунду Корку, 15 ноября 1961 г.

522

Агата Кристи — Эдмунду Корку, 2 января 1963 г.

523

Джон Профьюмо (1915 г.) был военным министром Великобритании и ушел в отставку в 1963 г. из-за скандала с девушкой по вызову Кристин Килер (так называемое Дело Профьюмо). Журналисты выяснили, что Килер, помимо дружбы с Профьюмо, общалась также с советским военно-морским атташе в Лондоне, по совместительству советским разведчиком Евгением Ивановым. Профьюмо под давлением прессы, которая и раскопала эту историю, заявил в палате общин британского парламента, что не поддерживал с Килер близких отношений. Опубликованное вскоре письмо, которое он написал ей, привело к отставке министра, а вскоре и к падению кабинета премьер-министра Гарольда Макмиллана и поражению консерваторов на следующих выборах. — *Примеч. пер.*

524

Реакция Дороти Оулдинг на прочитанное в газете сообщение о том, что Агата собирается писать сценарий «Холодного дома», была такова: «Кто ей даст? Агата всем уже надоела».

525

Дороти Оулдинг — Эдмунду Корку, 30 июня 1970 г.

526

Стелла Керван — Эдмунду Корку, 19 декабря 1962 г.

527

Эдмунд Корк — Дороти Оулдинг, 18 августа 1966 г.

528

В разговоре с автором.

529

Джон Мэллоуэн, в разговоре с автором.

530

Свингующий Лондон (англ. Swinging London) — лондонская молодежная субкультура 1960-х. Термин родился в 1966 году благодаря статье в журнале «Тайм».

531

Из интервью Джиллиан Фрэнкс, 1970 г.

532

Из романа «Немезида».

533

«Флеминга» — традиционный отель высшего класса. Отель «Коннаут» был построен в 1897 г. и получил тогда название «Кобург». В 1917 г. был переименован в «Коннаут» в честь третьего сына королевы Виктории Артура, герцога Коннаута. Своим внешним видом напоминающий старинный частный особняк, он сохранил старые традиции и благородную атмосферу. — *Примеч. пер.*

534

Макс присутствовал на похоронах Шарлотты. Несмотря на безобидные насмешки в ее адрес, которые проскакивают в его письмах военных лет, в одном из писем Розалинде Макс назвал ее «мученицей».

535

Письмо Корка в агентство Оубера, 21 июня 1971 г.

А. Л. Роуз. Воспоминания о мужчинах и женщинах.

537

В этом вышедшем на экраны в 1970 г. фильме в главных ролях снимались Хайуэл Беннетт, Хейли Миллз и — в роли девушки в сцене, против которой Агата возражала, — Бритт Экланд.

Миссис Моулсворт, Мэри Луиза (1839–1921) — писала романы и волшебные сказки, любимые несколькими поколениями английских детей. — *Примеч. пер.*

539

Дороти Оулдинг — Эдмунду Корку, 27 июля 1973 г.

Другой книгой, которую Агата написала во время войны в качестве «страхового полиса», было «Спящее убийство», опубликованное в 1976 г., после ее смерти.

541

В книге «Где была убита Ребекка?» (1998), куда включен и ответ на это эссе Энн Харт, автора «биографии» Пуаро. Она пишет, что «Занавес» «производит впечатление дряхлости»; это не так, хотя ее предположение, что у Энтони Хикса могло появиться желание удалить из рукописи все, что относилось к 1940 г., весьма интересно.

542

Агата Кристи — Максу Мэллоуэну, Эшфилд (без даты).

543

Макс Мэллоуэн — Агате Кристи, 24 февраля 1943 г.

В письме к автору, 2006 г.

545

В разговоре с автором, 2006 г.

В разговоре с автором, 2006 г.

547

Аделаида Росс — Агате Кристи, 1 марта 1966 г.

548

Клара Боуринг — Агате Кристи, 14 сентября 1970 г.

549

Агата Кристи — Джудит Гарднер, 4 декабря 1959 г.

550

После смерти Агаты королева прислала Максу Мэллоуэну телеграмму соболезнования. «Позвольте Вас заверить, что в нашем лице Вы имели двух благодарных и любящих подданных», — ответил он.

551

Питер Сондерс — Розалинде, 7 октября 1970 г.

552

«Королева фей» — поэма в шести книгах Э. Спенсера (1552–1599), посвященная королеве Елизавете I, одна из самых длинных поэм, написанных на английском языке. Заключает в себе серьезную моральную аллегорию и строится на глубоком анализе человеческого поведения; прославляет деятельную жизнь во имя добродетели. — *Примеч. пер.*

553

Агата Кристи — Дороти Клейбурн, 21 октября 1970 г.

554

Из романа «Немезида».